

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН

.....
ГРАНИЦЫ И МАРКЕРЫ
.....
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
.....
В РОССИИ XVII–XX ВВ.
.....

.....
в е к т о р ы
.....
и с с л е д о в а н и я
.....

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2018

УДК 316.343
ББК ТЗ(2)-28
Г771

*Исследование подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (грант № 14-18-01873)*

*Рекомендовано к печати ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

А в т о р ы:

В. А. Аракчеев, Е. В. Бородина, К. Д. Бугров, С. В. Воробьев, О. К. Ермакова,
М. А. Киселев, Н. В. Мельникова, Д. А. Редин, Д. О. Серов, А. В. Сушков,
Д. В. Тимофеев, Г. Н. Шумкин, О. Н. Яхно

Р е ц е н з е н т ы:

С. Диксон, профессор (Университетский колледж Лондона);
О. Е. Кошелева, доктор исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН, Москва);
И. В. Побережников, доктор исторических наук
(Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург)

Г771 Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.:
векторы исследования : [монография] / [под ред. Д. А. Редина]. – СПб. :
Алетейя, 2018. – 722 с.

ISBN 978-5-906980-93-9

В монографии приводятся результаты исследования социальной стратификации России XVII–XX в., предлагаются возможные направления и методы изучения этой сложной и многоаспектной проблемы. Авторы вводят понятие социальных маркеров, которые служат идентификационными признаками социальных статусов индивидов и сообществ. Проявленные через физические объекты – исторические источники, социальные маркеры выступают и как историческая, и как инструментальная категория. Их применение позволяет корректно интерпретировать и обобщать обширный эмпирический материал, учитывать нюансы социальной реальности, минимизируя риски создания отвлеченных социологических схем. Исследование базируется на широком круге специальной литературы и источников.

Для всех интересующихся проблемами социальной истории.

УДК 316.343
ББК ТЗ(2)-28

ISBN 9785906980939

9 785906 980939

© Издательство «Алетейя», 2018
© Редин Д. А., коллектив авторов, 2018

Введение

Аристотелевское определение «человек – животное социальное» сколь хрестоматийно, столь и справедливо. В самом деле, человек социален, он всегда находится в системе многообразных взаимосвязей с себе подобными. Эти взаимосвязи формируют различные человеческие сообщества, большие и малые, находящиеся в иерархических взаимоотношениях, динамичные и открытые, относительно замкнутые и инертные, обладающие системной целостностью и являющиеся подсистемами в более крупных системах, – тот бесконечный мир, именуемый социальностью. Социальность, или социальная интеграция, – неотъемлемая и базовая черта человеческого бытия. И тогда, когда человек действительно был животным, и позже, когда он стал «животным политическим» (если обыгрывать другой вариант перевода аристотелевского изречения). Различные типы социальной интеграции, выстроенные по вертикали (иерархизированные) и по горизонтали, от кровнородственных, основанных на биологической гендерно-возрастной дифференциации, до сословно-классовых, усложненных и обремененных различными формальными структурами со всеми, не поддающимися учету промежуточными и переходными состояниями, лежат в основе человеческого существования. Они, наряду с другими глобальными явлениями (природно-климатическая среда, географическое пространство и т. д.), формируют и определяют все виды человеческой деятельности. Взаимообусловленность этих глобальных явлений и их определяющее значение для понимания картины мира привело немецкого географа Э. Нефа к выработке философской категории социосферы – системной совокупности освоенной человеком природной среды и самого человечества как части географической оболочки Земли¹. С этой точки зрения экономические процессы, административные структуры, творческая деятельность, религиозность, морально-этические системы оказываются производными социального. В этом смысле изучение социальной организации в пространственно-временном контексте является фундаментальной проблемой гуманитарного знания и одной из фундаментальных проблем науки в целом.

¹ Neef E. Die theoretischen Grundlagen der Landschaftslehre. Gotha, 1967.

Социальная организация человека – и с точки зрения глобальных процессов, и в конкретно-исторических локациях – давно находится в поле зрения гуманитарных и социально-политических наук. Тем не менее интерес к изучению социального не иссякает, варьирует, меняет векторы, масштабы исследовательской оптики, порождает различные, порой взаимоисключающие теории и обнаруживает ряд проблем, решение которых иногда кажется невозможным.

Сложившаяся в рамках позитивистской методологии программа исследования социальных структур прошлого предполагает применение в качестве общей познавательной матрицы априорно принимаемой схемы структурирования социума (например, «классовый подход», концепция перехода от сословных структур к классовым, «аграрное» – «индустриальное» – «постиндустриальное» общество, «традиционное» – «современное» общество). Применение данных моделей в качестве базы для агрегирования эмпирического материала, как правило, влечет за собой конфликт исторических фактов и социологической схемы. В практике исторических исследований несоответствие эвристического потенциала схем и фактического материала воспринимается как кризис методологии, который разрешается разработкой новой либо рецепцией ранее кем-либо созданной схемы (так, например, на смену марксистской теории пришла теория модернизации), что, однако, не снимает перспективы возникновения противоречия выбранной модели и фактического материала. В результате на настоящий момент социальная история располагает внушительным набором познавательных инструментов, являющихся, по сути, конкурирующими, вследствие чего возникает проблема валидности данных эвристических схем изучаемым объектам. Логическим следствием проблемы адекватности схемы и эмпирического материала является проблема многозначности и «образности» концептов, которые используются для обозначения объектов в практике историописания: «класс», «сословие», «социальный слой», «культура», «цивилизация».

Понимание социальной организации изучаемого общества затруднено, таким образом, отмеченным диссонансом теории и эмпирики. Но это только одна из проблем. При ретроспективном изучении социального возникает эффект удвоения диссонанса, который можно, с долей условности, назвать «конфликтом теорий» или феноменом «двойного искажения». Ведь в том или ином ретроспективном обществе существовали собственные взгляды на его организацию, порой

находившиеся на уровне мировоззренческих обобщений, в том числе теоретических. У современников были свои представления о самих себе; представления разноуровневые, разнонаправленные, агрегированные и дискретные, доходящие до нас с той или иной степенью полноты (в связи с проблемой сохранности и качества исторических источников) и не всегда доступные сегодняшнему пониманию в силу семантической эволюции языка. Картина социальной организации, созданная, например, с помощью законодательства или теоретического трактата в XVII или XVIII столетии и сама по себе – как феномен дискурсивный – преломленно отражавшая современную ей социальную реальность, оказывается вторично преломленной через призму позднейшего научного нарратива. Создавая собственные схемы устройства изучаемого общества с позиций «научного знания» (следуя, по большому счету, в русле наиболее влиятельных актуальных теоретических школ), исследователь переосмысливает первичные схемы, вступает в конфликт с дискурсом прошлой эпохи. Что зачастую мы имеем в результате? Набор объяснительных моделей, представляющих безусловный интерес с точки зрения истории развития научной мысли, но мало приближающих нас к пониманию социальной реальности прошлого.

Современное состояние науки тем не менее дает надежду на преодоление указанных проблем. Во-первых, как представляется, сам методологический кризис (выраженный, в частности, в недоверии к историческому метанарративу) есть в определенном смысле благо; его результат – отказ от методологического «монизма», утрата веры в возможность создания некоей универсальной теории, способной объяснить если не все, то многое. Во-вторых, как следствие, резко возросший интерес к историческому источнику при одновременном переосмыслении взглядов на его природу, познавательный потенциал и качественное расширение арсенала источниковедческих методик². В-третьих, на-

² См., например: *Муравьев В. А.* Вспомогательные исторические дисциплины в кругу наук о человеке и обществе // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания* : докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. М., 2002. С. 60–66; *Румянцева М. Ф.* Историческое сознание и историческая наука в состоянии постмодерна // Там же. С. 41–51; *Маловичко С. И.* Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин* : материалы XXII междунар. науч. конф., Москва, 28–30 янв. 2010 г. М., 2010. С. 21–28; и др. Несомненно, фундаментальным явлением в этом направлении можно считать разработку новых подходов к источниковедению в русле когнитивной истории О. М. Медушевской и ее учеников и последователей : *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. Также см.: *Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф.* Научное

копление исследовательских практик микроисторических и близких к ним исследований, демонстрирующих «процесс реструктуризации всего социогуманитарного знания»³ и позволяющих уповать на концептуальные прорывы и переход от «аналоговых» к «цифровым» технологиям в области гуманитаристики. В совокупности это формирует новую исследовательскую повестку и новый алгоритм решения старых задач глобального характера, к каковым, несомненно, относится и изучение социальной организации.

Исходя из сказанного выстраивалась исследовательская программа, результатом которой стала настоящая книга. Основу наших изысканий составили индуктивные стратегии научного поиска, движение «от источника». При реализации этих стратегий мы ставили одной из главнейших своих задач предельно бережное, контекстное раскрытие смысла, содержащегося в изучаемых текстах, и придерживались при этом исследовательских принципов, разработанных в рамках «истории понятий». Помимо прочего, к этому нас обязывало давление историографической традиции изучения социальной истории России Нового – Новейшего времени, накопившей множество противоречивых, но устойчивых «стандартов» описания российского социума в терминологии пресловутых «сословной» и «классовой» парадигм, нередко подгонявших изучаемые реалии под «кабинетные» представления. Эти «стандарты» следовало преодолеть, ввиду исчерпанности их объяснительного потенциала, для чего, помимо упомянутых методик «истории понятий» и принципов когнитивного источниковедения, потребовалось определить для себя несколько рабочих подходов, в направлении которых реализовывалось исследование.

Прежде всего, мы исходили из представления о том, что любое общество, в том числе и то, которое стало объектом нашего изучения, является структурированным пространством, описываемым в социологии через два понятия: «социальная структура» и «социальная стратификация». В современной социологии не существует единства мнений по поводу определения этих понятий. С большей или меньшей согласованностью под социальной структурой понимается вся совокупность социальных групп, слоев, общностей, институтов, отличаю-

наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики / отв. ред. М. Ф. Румянцев, Р. Б. Казаков. М., 2011. С. 9–36.

³ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2007. С. 12.

щаяся относительным постоянством и внутренне связанная системой взаимоотношений. Часто социальная структура характеризуется как относительно постоянная *модель*⁴ социальных *классификаций* в определенном обществе, группе или социальной организации⁵. В то же время социальная стратификация чаще всего понимается как иерархически организованные структуры социального неравенства, существующие в любом обществе, или как *система признаков и критериев социального расслоения в обществе, иерархически выстроенная по одному или нескольким стратификационным критериям, или статусным характеристикам (позициям)*, к каковым относят экономические, политические, правовые, гендерные, возрастные, этнические, конфессиональные, профессиональные и прочие критерии. В любом случае в основе этой иерархии – возможности доступа к разнообразным социальным ресурсам, выстраивание отношений господства и подчинения, независимо от исторических периодов и культур, а также множественность способов поддержания неравенства. Популярное сравнение социальной стратификации со слоистым структурированием геологических пластов⁶ позволяет сделать вывод о естественном, объективно предзаданном ее характере, а многообразии генетически разных, но не взаимоисключающих переменных – стратификационных критериев – как будто подтверждает этот вывод.

Развивая эту мысль, можно констатировать, что социальная структура и социальная стратификация есть взаимосвязанные, но не тождественные понятия. С известной долей упрощения считаем допустимым охарактеризовать социальную структуру как понятие, в большей степени отражающее *представления* об устройстве общества (модель социальных классификаций), которые формировались с разной степенью полноты у различных его (общества) представителей. Разумеется, эти представления не являлись чисто умозрительными, а возникали в том числе из наблюдений за социальной реальностью. Представления о структуре общества, присущие общественно-политическим элитам, будучи закрепленными законом или обычаем, оказывали влияние на конструирование социальной реальности и сами становились ее частью.

⁴ Здесь и далее по всему тексту книги выделение слов и выражений *курсивом* (кроме особо оговоренных случаев) принадлежит авторам.

⁵ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 2001. Т. 2. С. 242–243.

⁶ Там же. С. 240.

Социальная стратификация – понятие, в большей мере соответствующее реальным отношениям, той общественной иерархии, которая складывалась на основе подвижного набора стратификационных критериев в конкретной пространственно-временной локации, и в большей или меньшей степени соответствующее социальной структуре. В основе социальной структуры – социальные классификации; в основе социальной стратификации – система стратификационных критериев, задающих социальную иерархию.

Общим местом (или, если угодно, консенсусным пониманием) в социологии является представление о статусных характеристиках, или статусных позициях, совокупности которых (статусные наборы) определяют общее положение индивидуума или группы в системе социальной стратификации общества. По способу приобретения статусных позиций их принято делить на аскриптивные (предписанные) и дескриптивные (достижимые); преобладание первых позволяет говорить об аскриптивных обществах (аскриптивной социальной стратификации), крайним проявлением которых обычно называют оформившиеся кастовые системы; преобладание вторых представляется характерной чертой открытых дескриптивных обществ современного типа. Учитывая то обстоятельство, что на практике редко можно наблюдать оба типа в «лабораторной» чистоте, для нас остается важным постулирование самого факта наличия социальных статусов как *структурообразующих элементов социальной стратификации*. С одной стороны, социальные статусы в определенной мере стабилизируют систему общественных связей и позволяют говорить о социальной структуре общества как о более или менее постоянной модели общественных групп и взаимосвязей. С другой стороны, изменчивость статусов (статусных наборов), которая может проявляться в течение жизненного цикла одного индивидуума или группы, придает известную гибкость и подвижность общественной организации и в определенных условиях служит адаптивным механизмом для элементов социальной структуры.

Статусные наборы (стратификационные критерии) также могут быть охарактеризованы как важнейшие компоненты, или составляющие, социальной идентичности, которая сама является результатом процесса социальной идентификации/самоидентификации индивидуумов или общественных групп. Как известно, социальная идентификация/самоидентификация в самом обобщенном виде – позиционирование индивидуума или группы по отношению друг к другу, внутри групп, по от-

ношению к иногруппам (аутгруппам), в больших социальных системах, в вертикальных и горизонтальных срезах и т. д. – основана на сложном манипулировании страфикационными критериями. Вариативность этих манипуляций не позволяет выстроить универсальную генерализующую теорию, это задача со слишком большим количеством переменных – не отсюда ли такое большое количество объяснительных моделей в психологической и социологической науках, претендующих на универсальность, конкурирующих, подкрепляющих, развивающих друг друга, но бессильных свести движение социальной материи к законам некой «социальной физики»⁷?

Но есть иное. Статусные наборы, или статусы, имеют свойство *проявляться* в динамике социальных транзакций, или, иными словами, обладают собственными маркерами. Обладатели социального статуса – люди (сами по себе или объединенные по различным основаниям в группы/общности) имеют, таким образом, возможность идентифицировать друг друга по набору социальных маркеров (социальных кодов), предъявляя свои притязания, отстаивая свои позиции, осуществляя социальную мобильность, т. е. выстраивая свои жизненные стратегии и влияя на изменения социальной реальности.

Маркеры социальных статусов (или маркеры социальной стратификации) по формам их проявлений можно сгруппировать в три категории: вербализованные, невербализованные и смешанные.

К первой мы относим маркеры, фиксируемые в словах и описаниях, с помощью которых индивидуумы и группы характеризуют себя и свои взаимоотношения и с помощью которых (в разных комбинациях) их определяют (идентифицируют) извне. Вербализованными маркерами в той или иной степени наполнены документы нормативно-законодательного характера, судебные материалы, частно-правовые акты, разнообразные прошения, доношения, челобитные и рапорты, нравочи-

⁷ Исследования феномена социальной идентичности развивались в рамках различных течений в психологии и социологии: и в русле бихевиористской традиции, и в духе символического интеракционизма, и в традициях различных национальных школ социальной психологии, в соответствии с деятельностным подходом, теориями социальной идентичности и самокатегоризации, и многими другими направлениями. Обзоры этих и других исследований см., например, в не новой, но не потерявшей, на наш взгляд, своей полезности работе (по сути, сборнике очерков): Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961, а также: Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008 (особенно 1-я глава, с. 8–47, где интересующие нас сюжеты изложены компактно, но емко).

тельные сочинения и проповеди, агиографические тексты и хроники, публицистика, мемуаристика и беллетристика – практически весь безбрежный массив письменного наследия изучаемой пространственно-временной локации.

Маркеры второй категории предстают в вещах. Одежда, еда, типы жилищ, их интерьеры и экстерьеры, предметы быта и обихода, косметика и прически, оружие и орудия труда, транспортные средства – весь предметный мир, создаваемый человеком и используемый человеком, имеет социально-маркирующую окраску, порой настолько выраженную, что одно наличие или отсутствие тех или иных вещей может дать указание на место индивидуума в общественной иерархии или проявить характер его социальных претензий.

Наконец, к маркерам третьей категории можно отнести действия и представления: этикетные нормы, морально-этические взгляды, эстетические предпочтения, представления о гигиене, воспитании и образовании и сами образовательные и воспитательные практики, моду. Маркеры такого рода могут предстать в письменных текстах (в описаниях церемоний и праздников, инструкциях и наставлениях по их организации, в чертежах, периодической печати, рекламе, прејскурантах, учебных планах, в уже упоминавшихся морализаторских сочинениях и мемуарах, путевых заметках и пр.); в предметах; визуализироваться через памятники изобразительного искусства, фотографию и кинематограф.

Все эти вкратце перечисленные и в принципе общеизвестные вещи дают, на наш взгляд, один из возможных путей изучения социального в русле заявленного нами движения «от источника», с одной стороны, не пренебрегая эмпирическими «мелочами», из которых, собственно, и состоит жизнь, а с другой – позволяя производить некоторую агрегацию полученных данных. Дело в том, что, будучи проявленными *через физический объект – исторический источник*, социальные маркеры поддаются описанию, анализу и концептуализации. Соответственно, появляется возможность верификации наших представлений о *границах* социальных групп и *характеристиках* социальной стратификации изучаемого общества.

Высказанные выше соображения и имеющиеся у авторов исследовательские заделы предопределили общий замысел и структуру книги. Прежде всего, следует оговориться, что читатель не найдет в ней некой

социальной истории России «от Гостомысла до Тимашева» (пользуясь известной фразой А. К. Толстого), т. е. очередного метарасказа. Во-первых, потому, что мы не считали себя готовыми создать таковой в относительно сжатые сроки, определяемые рамками исследовательской программы. Во-вторых, потому, что не очень верим в продуктивность самого принципа метарасказа, во всяком случае, в сегодняшней историографической ситуации. Если проводить аналогию с археологическими практиками, мы отказались от метода сплошного снятия горизонтов культурного слоя по всей площади изучаемого объекта до «материка», а предпочли метод шурфования – метод, по большому счету, разведочный, поскольку и задуманная нами работа – разведочная. Ставя своей целью исследовать границы и маркеры разнообразных и разнородных общественных групп, составлявших сложную и слоистую систему социальной стратификации России в динамике ее четырехвекового развития, мы отдавали себе отчет в том, что вторгаемся в безбрежное пространство, описание и осмысление которого в целом есть перспективная, но пока не достижимая сверхзадача, возможно – труд еще не одного поколения историков. «Закладывая шурфы» (и ограничивая себя рамками регионов России, заселенных по преимуществу русскими, оставляя в стороне так называемые «национальные окраины» – особые миры и структуры, интеграция которых в единое социальное поле – тема, требующая особых изысканий), мы лишь определяли *общие векторы исследования*, которые, на наш взгляд, могут быть применены в дальнейшей, более широкой по масштабам научной работе.

Основной текст монографии составляют три раздела. Первый из них назван «Осмысление социального»; осмысление это научное, сегодняшнее, изложенное как в ряде социологических трудов, так и в работах историков, занимающихся проблемами социальной истории и предлагающих свои трактовки и социальным процессам в целом, и тем процессам, которые происходили в России Нового – Новейшего времени. При определенном сходстве с историографическим, этот раздел не является таковым в классическом смысле слова. Прежде всего, он далек от исчерпанности, к каковой всегда стремится полноценное историографическое сочинение. Социология, социальная история, антропология и психология (в направлениях, касающихся проблем социального) накопили на сегодняшний день такой объем исследований, что более или менее системный их перечень мог бы стать основанием для многолетней работы. Во-вторых, в отличие от историографического, этот

раздел не предполагал контекстного и междисциплинарного анализа литературы о социальном в связи с развитием гуманитарного научного знания и эволюцией общего культурного пространства, хотя бы и в масштабах последнего столетия. Цель этого раздела была иной. Он должен был дать для нас, авторов, и, разумеется, для читателей некоторую точку отсчета, задать систему координат современного состояния проблемы в научном мире; выявить круг работ теоретического характера, которые (во всяком случае, с точки зрения авторов) отвечают целям и задачам конкретно-исторических исследований социального, находятся в минимальном противоречии отмеченного выше диссонанса теории и эмпирики, схемы и факта. Он должен был нащупать те болевые точки и обнаружить те тупиковые ходы, которые присущи сегодняшней исторической науке о социальном (проявляющиеся в том числе и на российском материале). Наконец, он должен был продемонстрировать те тенденции, те исследовательские векторы, которые существуют в новейших трудах по социальной истории и которые намечают варианты выхода из упомянутых исследовательских тупиков. Отсюда – избирательный характер литературы, попавшей в поле зрения авторов, возможная неравномерность ее анализа и интерпретации, субъективность авторских оценок и другие «грехи», в которых мы готовы загодя раскаяться. В любом случае, при написании данного раздела мы меньше всего руководствовались стремлением продемонстрировать собственную начитанность и эрудицию, но намеревались определить тот «сухой остаток», который остается после отжима синтаксических приемов, полемических выпадов и повторов общих мест, присущих любому научному нарративу, чтобы, оттолкнувшись от этого твердого участка, отправиться дальше.

Второй раздел – «Конструирование социального» посвящен изучению того, как проблемы общественной организации, социального устройства воспринимались правящими элитами России на разных этапах ее существования в XVII–XX вв. Под правящими элитами мы в большинстве случаев понимали самые узкие и верхние ее слои – властные группы, обладавшие возможностью принимать решения и организовывать своих подданных в удобные и понятные для себя структуры. Можно сказать, что под этой элитарной верхушкой мы понимаем законодателя, старательно избегая термина «государство», поскольку внешняя категориальная ясность последнего всегда размывается при его использовании в конкретно-историческом исследовании, теряя цельность

или приобретая метафорическое звучание. Исключение составляет глава, посвященная XVIII в. В ней мы позволили себе проанализировать взгляды правящей элиты на социальное устройство современного ей общества в более широком смысле – ознакомить читателя с представлениями, бытовавшими среди высшей знати и высшего духовенства империи. Это было сделано, во-первых, потому, что в век Просвещения у этих слоев появилась возможность и желание судить о подобных вещах, а во-вторых, потому, что воззрения такого рода авторов так или иначе оказывали влияние на правительственные решения (ведь многие из них были либо вхожи в придворные круги, либо привлекались властью к обсуждению законодательных проектов). Можно было бы назвать этот раздел «Властный дискурс о социальном XVII–XX вв.», в противовес «научному дискурсу», осмыслению которого посвящен первый раздел. Но рассуждения или представления власти об общественной организации – всегда нечто большее, чем рассуждения и представления. Обладая необходимыми ресурсами, власть склонна придавать своим рассуждениям нормативный характер. Фиксируя и (или) формируя социальные наименования, выстраивая социальные классификации, законодатель *конструирует социальное пространство*, создает свои модели социальных структур, руководствуясь при этом вполне прагматическими и конкретными целями (даже если им сопутствуют или их обосновывают какие-то мировоззренческие принципы или теоретические представления). Любой, даже самой «романтической» власти для реализации собственных функций необходима четко действующая система фиска, администрации, вооруженных сил и другие мобилизующие инструменты, существование которых весьма проблематично в условиях плохо структурированного, дезорганизованного, дискретного и в конечном итоге – неуправляемого общества. Насколько создаваемые таким образом социальные структуры учитывают социальную реальность, насколько они совпадают со сложившейся социальной стратификацией, насколько они учитываются подданными – этими ежедневными (индивидуальными и коллективными) творцами социальных практик, настолько устойчивым оказывается общество в целом, настолько уже будет зазор между ним и властью. Наконец, этот раздел призван решить еще одну, крайне важную, задачу: понять, в каких категориях современники, облеченные властью и умевшие строить обобщения, оценивали социальное устройство общества; какой смысл они вкладывали в термины, маркировавшие социальность; как эволюцио-

нировала семантика этих терминов; как создавались социальные классификации. Значение всего этого, помимо прочего, заключается в том, что мы получаем возможность понять, насколько ретроспективные дискурсы о социальном коррелируют с современными «кабинетными» представлениями.

Третий раздел – «Модели социального» призван, спустившись с высот социальной и государственной иерархии, помочь разглядеть упомянутые социальные практики, которые, с разной степенью силы и успеха, противодействовали, содействовали императивам власти, приспособлялись к ним и проявлялись на протяжении изучаемого периода в действиях представителей различных социальных страт. Этот раздел на первый взгляд представляет собой привычный набор кейсов, чей ряд может быть длиннее или короче, а состав богаче или беднее. Конечно, именно этот, предложенный в разделе вариант более всего обуславливался имеющимся авторским заделом и явился результатом тех конкретно-исторических исследований, того архивного поиска, которыми мы были заняты в процессе подготовки книги. В другом авторском коллективе этот набор был бы иным. Но мы были бы нечестны перед собой, если бы составили раздел просто из того, что было «под рукой». Главы третьего раздела – не иллюстрации, призванные оттенить или визуализировать основной текст. Они продолжают замысел предыдущего раздела и в первую очередь призваны демонстрировать процессы конструирования социального с других ракурсов и уровней. Выбранные нами социальные срезы в совокупности показывают повседневные модели различных социальных групп в динамике их бытия; динамика эта вариативна и многогранна. Она не укладывается в простую схему: «диктат власти – сопротивление общества». Она характеризует сложные процессы адаптации, сотрудничества, оппозиции, различные схемы социальной мобильности и самоидентификации, ситуативную актуализацию разных статусных позиций, характерные для России исследуемого периода. В поле нашего зрения попадают и элитные группы разного уровня (служилые люди XVII–XVIII вв. и региональная партийная номенклатура советской эпохи), и маргинальные и переходные страты (холопы и вечноотданные), и замкнутые, относительно немногочисленные и имеющие различно выраженную внутреннюю иерархию сообщества (иностранные технические специалисты XVIII–XIX вв., корпорация юристов XIX в., работники атомной отрасли второй половины XX в.), и горожане рубежа XIX–XX вв., чьи социаль-

ные различия подверглись нивелированию под влиянием интенсивных процессов формирующейся массовой культуры общества потребления. Социальные идентификация и самоидентификация перечисленных субъектов не всегда совпадали; групповой статус каждого из них определялся разными сочетаниями статусных позиций: профессиональных, должностных, образовательных, экономических, этнических и гендерных. Но едва ли не на всем протяжении исследуемого периода константой, неизбежно остававшейся в наборе главных статусов, определявших иерархическое место группы, оказывались юридическое состояние (закрепленность прав) и доступ к материальным ресурсам. Было ли это следствием реального положения дел или явилось результатом оптики нашего исследования (преимущественная сфокусированность на относительно крупных социальных стратах и вынесение за скобки семьи, малых общин и иноэтничных сообществ – за исключением иностранных технических специалистов), покажет будущее. Но в любом случае нам хотелось бы надеяться, что материалы, сосредоточенные в третьем разделе, действительно дадут «модельный» эффект, подобно тому, как результаты опытов над мушкой-дрозофилой легли в основу последующих изысканий в области генетики высших организмов.

Эта книга – результат реализации одноименного проекта «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.», над которым авторы при финансовой поддержке Российского научного фонда работали в 2014–2016 гг. Результат, несомненно, промежуточный (слишком сложна и многогранна исследовательская проблема), но, как хочется надеяться, не бесполезный. В течение трех лет непрерывных дискуссий и выработки общей позиции мы чувствовали заинтересованность в нашей работе и поддержку со стороны друзей и коллег, занимающихся сходной с нашей проблематикой. Чрезвычайно ценным для нас стало их участие в двух организованных нами обсуждениях: научно-практическом семинаре «Механизмы и практики социального конструирования в России XVII–XX вв.» (Екатеринбург, октябрь 2015 г.) и Всероссийской научной конференции «Социальная стратификация России XVI–XX вв. в контексте европейской истории» (Екатеринбург, ноябрь 2016 г.). Особую признательность мы хотим выразить Е. В. Анисимову, Л. И. Бородину, А. Б. Каменскому, С. А. Красильникову, А. А. Селину, Е. Б. Смилянковой, И. И. Федюкину – профессиональное общение с ними, обсуждение теоретических и прикладных вопро-

сов, связанных с нашей темой, не только обогащало и корректировало наши собственные представления, но и поощряло к работе, внушая оптимизм по поводу того, что мы ведем поиск в верном направлении. Наша искренняя благодарность рецензентам: С. Диксону, О. Е. Кошелевой, И. В. Побережникову. Испытывая бесконечную неловкость за то, что мы обременили их чтением почти девятисотстраничной рукописи, мы воздаем должное самоотверженности наших рецензентов. Их высказательная и при этом доброжелательная критика была нами принята. К сожалению, далеко не все из высказанных и, несомненно, справедливых замечаний нам удалось учесть при исправлении текста: это повлекло бы за собой его переформатирование. Тем не менее мы помним о них и готовы использовать в дальнейшей работе.

Наконец, мы считаем приятным долгом поблагодарить директора Института истории и археологии УрО РАН Е. Т. Артемова и первого проректора Уральского федерального университета Д. В. Бугрова за неизменную помощь в подготовке и проведении всех наших научных мероприятий, связанных с реализацией проекта.

Авторство в коллективной монографии распределилось следующим образом: В. А. Аракчеев (разд. III, гл. 1, 2), Е. В. Бородина (разд. III, гл. 1), К. Д. Бугров (разд. II, гл. 2, 4), С. В. Воробьев (разд. III, гл. 7), О. К. Ермакова (разд. I, гл. 2; разд. III, гл. 4), М. А. Киселев (разд. II, гл. 1), Н. В. Мельникова (разд. I, гл. 2; разд. III, гл. 8), Д. А. Редин (введение; разд. I, гл. 1, 2; разд. III, гл. 3; заключение); Д. О. Серов (разд. III, гл. 5), А. В. Сушков (разд. III, гл. 7), Д. В. Тимофеев (разд. I, гл. 1), Г. Н. Шумкин (разд. II, гл. 3), О. Н. Яхно (разд. III, гл. 6). Общая редакция Д. А. Редина.

РАЗДЕЛ I

ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО

Название предметов вначале всегда дается по сходству, молва же, перенося их другим людям, создает вследствие неведения истинного смысла другие, неправильные представления. И в дальнейшем время становится могучим творцом таких сказаний, а свидетелями тех событий, которые никогда не происходили, берет себе поэтов, в силу, конечно, права свободного творчества в их искусстве.

Прокопий Кесарийский. Война с готами

Глава 1. Адаптация социологических моделей в исторических исследованиях: «исторический поворот» в социологии

В современной отечественной и зарубежной историографии нет четкого ответа на вопрос о том, что такое «социальная история». О приблизительных границах ее проблемного поля можно составить представление, например, по рубрикации секций на проходящей каждые два года Общеευропейской конференции по социальной истории. На одной из них, в 2012 г., самостоятельными были признаны 27 направлений: труд (рабочая история); женщины и гендер; политика, гражданство и нации; этничность и миграции; культура; семья и демография; экономика; материальная и потребительская культура; социальное неравенство; здоровье и окружающая среда; социальная история криминальности («Criminal Justice»); образование и детство; элиты; сельская социальная история («Rural»); устная история; мировая история; религия; теория и историография; пространственная и цифровая история («Spatial and digitalhistory», прежде эта секция называлась «Historical GIS/History and Computing»); технология; городская социальная история («Urban»); сексуальность; Средние века; Африка; античность; Азия; Латинская Америка¹.

Впрочем, такая ситуация сложилась не сегодня. Так, например, еще в 1969 г. немецкий историк Ханс Розенберг констатировал: «Так называемая социальная история стала для многих расплывчатым собирательным понятием всего, что в исторической науке считается... нужным и прогрессивным»².

Очевидно, что такой всеохватывающий масштаб не только не позволяет четко определить границы социальной истории, но и чреват утратой предмета исследования. Расширение социальной истории до истории человека и его деятельности во всех сферах жизни привело к положению, когда содержательно «социальная история» практически совпала с предметным полем исторической науки в целом. П. Ю. Уваров, рассуждая на этот счет, создал яркую метафору, уподобив классическую

¹ См.: <http://www.icshes.ru/elektronnyj-nauchnyj-zhurnal-sotsialnaya-istoriya/o-sotsialnoj-istorii>

² *Rosenberg H. Deutsche Agrargeschichte in alter und neuer Sicht // Rosenberg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt am Main, 1969. S. 147. Цит. по: Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 163.*

социальную историю королю Лиру, «все раздавшему неблагодарным дочерям»³.

Но, в сущности, произошедшее с социальной историей есть лишь частный случай эволюции всей исторической науки за последние несколько десятилетий; результат того движения от расширения «территории историка», восходящего к началу прошлого столетия, до пресловутой полидисциплинарности Новейшего времени; борьбы с «историоризирующей историей», «эрудизмом», борьбы за преодоление «корпоративной» замкнутости и ограниченности историков; результат всех тех «антропологических», «лингвистических», «культурологических» и прочих «поворотов», сформировавших «новую историческую науку» сегодняшнего дня.

Отличительная особенность, определяющая достаточно размытое понятие «новой исторической науки», отмежевывающая ее от традиционной – событийной или институциональной – исторической науки, сводится в первую очередь к определению нового проблемного поля: исследование культуры, а не структуры, отношений, а не форм (насколько это, конечно, делимо), динамики, а не статики. Новое проблемное поле задает иные, по сравнению с прежними, цели и методы исследования. Среди всевозможных практик, применяемых в «новой исторической науке», значительное, если не доминирующее, место занимают методы микроанализа, как бы они ни назывались в соответствии с различными национальными историографическими особенностями. Появившись как результат «недоверия в отношении метарассказов»⁴, как реакция «на истощение эвристического потенциала макроисторической версии социальной истории»⁵, микроисторические штудии стали быстро завоевывать популярность, главным образом потому, что в результате их применения на свет появился целый ряд сочинений, которые продемонстрировали продуктивность избранного подхода, способность дать на его основе ответы на те вопросы, которые оставались неразрешимыми или вовсе не обнаруживались в рамках концептуализации исторического процесса на макроуровне. Работы, выполненные с применением микроанализа, декларировали отказ от истории-син-

³ Уваров П. Ю. Фундаменталистские заметки о социальной истории // Между «ежами» и «лисами»: Заметки об историках. М., 2015. С. 264.

⁴ Румянцева М. Ф. Историческое сознание и историческая наука в ситуации постмодерна // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 41–51.

⁵ Репина Л. П. Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003. С. 10.

теза, а сам микроанализ, по словам Эдоардо Гренди, вписался «в более широкий процесс развития европейской историографии, результатом которого стало так называемое раздробление истории, возникновение “истории в осколках”»⁶. При этом микроистория как направление не формировала строгой и стройной доктрины, объединяя своих последователей скорее объектом, масштабом и целями, нежели собственной системой исторических понятий и соответствующих логических механизмов. «Вот почему, – как писал уже цитированный Э. Гренди, – так трудно обнаружить какие бы то ни было “основополагающие тексты” по микроистории и теоретического, и конкретно-исторического характера»⁷. Такое положение дел привело к мысли о невозможности самой микроистории как альтернативы макроистории. «Микроистория, – по мнению одного из наиболее ярких и парадоксальных ее критиков Н. Е. Копосова, – фактически возможна лишь постольку, поскольку она использует макроисторические понятия и, следовательно, имплицитно отсылает к макроисторической проблематике, иными словами – поскольку она является одной из исследовательских техник макроистории»⁸. Тем не менее многие историки оказались не готовы подписаться под столь суровым приговором. Просто сам факт возникновения микроистории напомнил очевидную, казалось бы, истину о невозможности осознания глобального без учета того, что оно (глобальное) всегда реализуется в индивидуальном.

Понимая ограниченность возможностей микроанализа и те опасности, которые заложены в концепте «истории в осколках», историки стали искать возможность примирения микро- и макроподходов: в конце концов и макроистория, как показал опыт развития исторической науки, оказалась в состоянии методологического кризиса, а значит, не обладала объяснительным всемогуществом и имела свои ограничения. Среди серьезных историков, реализовавших микроисторические практики, никогда не было тех, кто в принципе отрицал необходимость синтеза или провозглашал отказ от макроисторических понятий как таковых. Напротив, «уход на микроуровень в рамках антропологической версии социальной истории изначально подразумевал последующее

⁶ Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. За 1996 год. М., 1997. С. 291.

⁷ Гренди Э. Указ. соч. С. 292.

⁸ Копосов Н. Е. О невозможности микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М., 2000. Вып. 3. С. 33.

возвращение к генерализации на новых основаниях, хотя и с полным осознанием тех труднопреодолимых препятствий, которые встретятся на этом «обратном пути»⁹. Таким образом, формирование микроанализа как направления исторических исследований изначально задавало проблему поиска методолого-методического компромисса, одновременно побуждая к обновлению арсенала макроисторических практик. Осмысление проблемы методологического синтеза, интеграции микро- и макроподходов, как представляется, нашло наиболее емкое и лаконичное объяснение в формулировках, предложенных Ю. Л. Бессмертным. Отталкиваясь от открытого Нильсом Бором метода сочетания некоторых форм получения информации в квантовой механике, названного им «принципом дополнительности», историк сформулировал общие принципы осмысления прошлого посредством параллельного использования разных по своей сути способов: исследования больших структур и исследования микромира (как индивидуализированного воплощения стереотипов и уникальных поведенческих феноменов). Этот принцип дополнительности, примененный к изучению социальной материи, Ю. Л. Бессмертный образно сравнил с биноклярным восприятием мира зрительным центром человеческого мозга¹⁰.

Думается, что с некоторых пор подобная «биноклярность» исторического исследования не остается лишь красивой метафорой, а с той или иной степенью успеха претворяется в жизнь. При всей нынешней дискретности профессионального сообщества и методологической полифонии, представляющейся пессимистам какофонией, а оптимистам – одой радости свободному творчеству, мы наблюдаем появление значительного количества авторов, благополучно реализующих этот принцип гармонизации исследовательских практик, и еще большее количество к таковому стремящихся. В этом смысле надежда П. Ю. Уварова на то, что дочери все-таки вернут старику Лиру – социальной истории – часть имущества, похоже, оправдывается, а «сюжеты социальной истории и даже “большие нарративы” вновь возвращаются», обогащенные новыми смыслами и новыми методами¹¹.

Примечательно в этом отношении то, что в последнее время мы наблюдаем не только эволюцию исторического знания, его обогаще-

⁹ Репина Л. П. Указ. соч. С. 10.

¹⁰ Бессмертный Ю. Л. Многоликая история: (Проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. Вып. 3. С. 58.

¹¹ Уваров П. Ю. Реванш социальной истории. С. 238.

ние методами и подходами, присущими другим дисциплинам социально-гуманитарного круга, но и встречный процесс – влияние на них методов и подходов исторической науки. В науковедческой литературе даже появилось понятие «исторического поворота в социологии», что было немыслимо не только в начале прошлого столетия, когда зарождавшиеся социальные науки стали обживать предметные поля, еще недавно находившиеся в исключительной «юрисдикции» историков, но и позже, когда влиятельные социологические теории брали на себя смелость подлинно научного объяснения неких законов развития общества, оставляя истории, в лучшем случае, роль поставщика эмпирического «сырья».

На сегодняшний день необходимость поиска адекватного инструментария для изучения множества аспектов жизни общества в различных временных и пространственных перспективах признана не только историками, но и социологами¹². На страницах журнала «International Sociology» Т. Кларк и С. Липсет была развернута дискуссия об адекватности использования для описания социальной реальности понятия «социальный класс» и целесообразности формулировки принципа множественности критериев для обозначения места и роли различных социальных групп. В рамках «исторического поворота в социологии» произошло критическое осмысление ограниченности изучения «стабильных структур» и, как следствие, понимание недостаточности для исследования разнонаправленных социальных изменений ряда центральных категорий, а также признание многомерности статусных характеристик различных групп¹³. В работах представителей так называемой «третьей волны американской социологии» (Р. Аминадзе,

¹² О поисках социологами новой исследовательской парадигмы в социологии см., например: *Култыгин В. П.* Тренды мировой социологической методологии // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2007. Вып. 6. С. 28–38; *Резник Ю. М.* Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1, вып. 1. С. 306–320; *Полякова Н. Л.* Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от «социологической ортодоксии» // Вестн. МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 2011. № 4. С. 76–93; *Иванов О. И.* Междисциплинарные области научных исследований в социальных науках (современное состояние и перспективы их развития) // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2011. Вып. 8. С. 26–38.

¹³ *Савельева И. М.* «Исторический поворот» за границами истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012; *Татарчевская Т.* О новом историческом повороте в социологии // Социол. обозрение. Т. 11, № 1. 2012. С. 75–83.

Дж. Касанова, Э. Клеменс, Б. Дилл, Д. Дж. Франк, Л. Гриффин, Дж. Хайду, Дж. Мэйер, У. Сьюэл) заметно смещение исследовательского интереса с изучения стабильных макроструктур на выявление причин, содержания и последовательностей различных по своим масштабам событий, роли культурных паттернов поведения, суммарно приводящих к важным социальным изменениям¹⁴. Постепенно критическое осмысление ограниченности абстрактных теоретических схем для изучения социума и невозможность учесть все многообразие разнонаправленных факторов, воздействующих на мотивацию и поведение как отдельных индивидов, так и различных социальных групп, способствовало отходу от статичной модели изучения социальных феноменов и постепенному складыванию исследовательской модели «решения задач». Основой такой модели является признание бесперспективности поиска жестких детерминант, определяющих поведение индивидов, и акцентирование внимания на процессе возникновения актуальных для человека задач, поиск вариантов решения которых происходит как в соответствии, так и вопреки групповым представлениям о месте и границах допустимого поведения в конкретный момент времени. При таком подходе взгляд на общество как иерархически организованную социальную структуру, предполагающую наличие четко обозначенных сословий или классов, далеко не всегда позволяет объяснить, а в идеале – понять, многообразие социальных групп и направленность практических действий участников социальных взаимодействий.

Таким образом, заметной тенденцией в развитии как социологии, так и собственно исторического знания является поиск методологических оснований так называемого «среднего уровня». В перспективе необходима выработка системы категорий, позволяющей, с одной стороны, описывать историческую реальность, используя аутентичные понятия, с помощью которых сами исторические персонажи определяли свое место в системе социальных взаимосвязей, а с другой – проследить тенденции в развитии как отдельных групп, так и общества в целом. При этом не нужно стремиться построить очередную и все объясняющую модель, а необходимо, основываясь на данных исторических источников, выявить особенности мировосприятия и стереотипы поведения множества субъектов общественных отношений, формы и результаты их взаимо-

¹⁴ Савельева И. М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы // Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях : материалы междунар. науч. конф. М., 2012. С. 122.

действий друг с другом. С этой целью следует обратиться к широкому спектру исторических источников различной видовой принадлежности, отражающих не только стремление властных структур к социальному проектированию, но и обоснование практических действий отдельных индивидов или коллективов. Все это позволит показать, что на уровне повседневных контактов взаимодействие представителей различных социальных групп было гораздо сложнее и многообразнее, чем это предписывалось юридическими нормами или принятыми в обществе представлениями о престиже, статусе и «приличиях».

Решение данной задачи возможно только в рамках комплексного междисциплинарного подхода на основе интеграции различных теоретических моделей, созданных в рамках истории и социологии. Очевидно, что при наличии множества теорий и методологических установок, сосуществующих в поле современного социологического знания, необходимо установить ряд критериев, с помощью которых исследователь может производить отбор только тех из них, которые отвечают целям и задачам конкретно-исторических исследований. Такими критериями могут быть следующие характеристики концептуальных моделей: 1) признание многомерности социального пространства и наличия множества признаков социальной дифференциации; 2) акцентирование внимания на характере существовавших в обществе «границ» между социальными группами и возможностях «трансграничных» перемещений; 3) направленность на исследование содержания и результатов повседневных взаимодействий представителей различных социальных групп; 4) постановка вопроса о соотношении индивидуальной и групповой самоидентификации, а также формальной и неформальной идентификации (юридическая дифференциация и внутригрупповые представления соответственно).

1.1. Историческая социология в поисках методологических оснований теории «среднего уровня»

С учетом обозначенных критериев из всего многообразия концептуальных конструкций изучения общества определенный интерес для историка, исследующего различные аспекты социального в исторической ретроспективе, представляют несколько теоретических моделей, наиболее продуктивных, на наш взгляд, с точки зрения их применения

в современных исследованиях по социальной истории. Последовательно рассматривая каждую такую социологическую модель, историк необходимо сконцентрировать внимание на ряде ключевых вопросов:

– каким образом может быть представлено социальное устройство в пространственно-временном измерении, вне зависимости от его длительности – на протяжении жизни отдельного индивида или нескольких поколений;

– что определяет границы свободы индивида и характер структурного принуждения на различных уровнях социальной организации;

– возможно ли адекватно описать процесс формирования социальной идентичности не только на формально-правовом, но и эмоционально-коммуникативном уровне;

– какое влияние оказывают процессы социального подражания, адаптации и отторжения на характер межгруппового взаимодействия развитие общества в целом.

В качестве базовых концептуальных моделей изучения социального, содержащих потенциально применимые в историческом исследовании подходы, мы предлагаем сопоставить «*фигуративную социологию*» Норберта Элиаса, «теорию структуризации» Энтони Гидденса, *теорию «интеракционных ритуалов»* Рэндалла Коллинза, «теорию подражания» французского социолога Габриеля Тарда.

Одним из примеров сближения исследовательского поля историков и социологов может служить «фигуративная социология» **Норберта Элиаса** (1897–1990)¹⁵. Еще в конце 1930-х гг. он писал о необходимости поиска новой исследовательской модели социальных процессов, которая не сводилась бы ни к структуралистским схемам, рассматривавшим поведение индивида как производное от внешних условий, ни к крайне индивидуалистическим теориям, провозглашавшим доминирование роли субъективного фактора.

В предложенной Н. Элиасом модели «социум» не представляется чем-то заранее предопределенным, состоящим из статичных единиц, а рассматривается как множество динамично развивающихся во времени и пространстве взаимодействий. При таком понимании социальная реальность, по выражению Н. Элиаса, больше похожа на «танцплощадку», на которой, учитывая перемещения других людей, взаимодейству-

¹⁵ См. подробнее: Козловский В. В. Фигуративная социология Норберта Элиаса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 40–66; Шубрт И. Общество индивидов в фигуративной социологии Н. Элиаса // Социол. исслед. 2015. № 11. С. 139–148.

ют индивиды. Используя метафору «танца» и командной «игры», он утверждал, что социальные процессы не обусловлены каким-то одним фактором, а разворачиваются на нескольких, имеющих сетевую структуру уровнях взаимодействия индивидов. В работе «О процессе цивилизации» он подчеркивал: «...люди находятся в сети взаимозависимостей, которые прочно привязывают их друг к другу»¹⁶. Именно сетевой характер человеческих взаимодействий, проявляющийся в том, что каждый индивид испытывает определенное влияние со стороны других индивидов и одновременно сам оказывает влияние на тех, с кем он вступает во взаимодействие, составляет сущность человеческого общества.

Для обозначения различных «форм связи, ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей», Н. Элиас предложил термин «фигурация». Аргументируя целесообразность его использования, он писал: «С его помощью можно ослабить социальное принуждение думать и говорить так, будто “индивид” и “общество” есть две различные и, более того, антагонистические фигуры»¹⁷; «Оно лучше и без всяких двусмысленностей выражает то, что “общество” не является ни абстракцией, полученной от свойств каких-то внеобщественных индивидов, ни системой или “целостностью”, существующей где-то по ту сторону индивидов. Речь идет о *сети взаимозависимостей, сплетенной самими индивидами*»¹⁸. Понятие «фигурация», по мысли автора, применимо и при изучении малых групп, и в отношении «обществ, состоящих из тысяч или миллионов взаимозависимых индивидов». В качестве примера Н. Элиас приводит, с одной стороны, малые социальные группы, составляющие «относительно обозримые фигуры» (учитель и ученики в классе, врач и пациенты в группе терапии и т. п.), а с другой – «комплексные фигуры», в которых сети взаимозависимостей более сложные и масштабные (жители деревни, большого города)¹⁹.

Взгляд на общество как на совокупность одновременно сосуществующих и взаимодействующих друг с другом «фигураций» делает бесперспективным использование категорий макросоциологии. Понятия «социальный институт» или «класс» могут быть удобны для по-

¹⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 43.

¹⁷ Элиас Н. Понятие фигуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 63.

¹⁸ Элиас Н. О процессе цивилизации... С. 43.

¹⁹ Элиас Н. Понятие фигуры. С. 64.

строения масштабных теорий и концепций, но они не отражают всего спектра сложных социальных взаимодействий индивидов. Однако это не означает отказа Н. Элиаса от выявления общих тенденций развития социальных процессов. Напротив, фигуративный подход, наряду с исследованиями на уровне повседневных практик, позволяет изучать во многом абстрактные, с точки зрения отдельного индивида, но реально существующие и оказывающие непосредственное влияние на его жизнь структуры. Одной из таких организационных структур является, например, «государство», возникновение которого Н. Элиас рассматривал как процесс формирования «фигурации, образуемой из множества относительно малых общественных объединений, свободно конкурирующих друг с другом»²⁰.

В общем виде различные по числу участников и характеру взаимодействий локальные «фигурации» лишь часть общества, которое само является большей по масштабу, сложно организованной и внутренне гетерогенной «фигурацией». Таким образом, концептуальная модель Н. Элиаса – вариант снятия противоречия между макро- и микроуровнями при изучении социальных процессов. При этом автор, отвергая дедуктивную логику построения теоретических моделей, основные положения фигуративного подхода сформулировал на основе конкретно-исторического исследования изменений в сознании и поведении индивидов в странах Западной Европы при переходе от Средневековья к Новому времени²¹.

Трактовка общества как сложной сети взаимодействий субъектов становится одной из заметных тенденций в социологии последней трети XX – начала XXI в. Подтверждением интереса социологов к данной проблематике являются работы английского социолога **Энтони Гидденса**, разработавшего в середине 1980-х гг. «теорию структуриации». Пытаясь создать теорию «среднего уровня», он предложил переосмыслить противостояние макро- и микроуровней «... с позиций того, каким образом взаимодействие... “лицом к лицу” структурно встроено в систему обширных пространственно-временных институциональных образований»²².

²⁰ Элиас Н. О процессе цивилизации... С. 44.

²¹ Элиас Н. О процессе цивилизации...; *Его же*. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии с Введением: Социология и история. М., 2002; *Его же*. Общество индивидов. М., 2001.

²² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2005. С. 22.

Провозглашая практику взаимодействия индивидов ключевым феноменом для понимания природы социального, Э. Гидденс констатировал «дуальность» социальной структуры (Duality of structure), которая проявляется следующим образом: структуры делают возможным социальное действие, а социальное действие формирует структуры²³. В такой модели «структуральные свойства социальных систем не существуют вне практических действий», а сама структура выступает как «посредник и как продукт поведения, которое она непрерывно организует»²⁴. Именно поэтому, по мнению Э. Гидденса, исследование социальных процессов возможно посредством изучения разнообразных *практик*, содержание которых не ограничено только поведенческими стратегиями, имеющими всегда характер осознанного целенаправленного выбора, а включает в себя и нерациональные действия, совершенные в результате недостаточной информированности индивида или непредвиденного стечения обстоятельств. В данном контексте практика – это *совокупность осознанных и неосознанных принципов, организующих поведение индивидов во времени и пространстве*. Поэтому исследовать необходимо не столько материальные основания социальной дифференциации, сколько поведение акторов социальных взаимодействий, их представления об окружающем пространстве и то, что они считали нужным знать для свободной ориентации в потоке повседневной социальной жизни²⁵.

Акцентирование внимания на различных «феноменах, наделенных смысловым содержанием», по мнению Э. Гидденса, необходимо, так как любые трансформации в обществе связаны с изменениями характера взаимодействия людей, в процессе которых и образуются социальные структуры, а следовательно, «устройство общественных институтов можно осмыслить, поняв, каким образом различные *социальные деятельности* “растягиваются” в широком пространственно-временном диапазоне»²⁶. В данном контексте обращение к ключевым для социальной теории понятиям «время» и «пространство» позволило автору утверждать, что «историческое исследование есть исследование социальное, и наоборот», а «история есть структуризация событий во времени и в пространстве путем непрерывного взаимодействия деятельности и структуры»²⁷.

²³ Гидденс Э. Указ. соч. С. 69–73.

²⁴ Там же. С. 498.

²⁵ Там же. С. 388.

²⁶ Там же. С. 15–16.

²⁷ Там же. С. 479, 485.

Подобное «прочтение» социальных процессов может быть полезно историку, так как оно позволяет рассматривать активно действующую личность не только как часть определенной социальной группы, но и как субъекта, соорганизующего окружающее социальное пространство в соответствии с его положением и возможностями. Однако при этом важно четко понимать, что представляла собой социальная структура в определенный исторический период и каким образом исследователь может зафиксировать ее основные характеристики с целью последующего изучения вопросов о самоидентификации и групповой идентификации индивида, границах и маркерах социальной дифференциации, существовавших ограничениях и стимулах тех или иных практических действий.

При всей абстрактности утверждения Э. Гидденса о природе социальной структуры, которая выступает как «...свойство социальных систем, “заключенное” в практиках, регулярно воспроизводимых в пространстве и времени»²⁸, она может быть описана и посредством вполне реальных характеристик. Любая социальная структура, по мысли автора, включает в себя «правила» и «ресурсы», рекурсивно вовлеченные в систему социального воспроизводства²⁹. Содержательно «правила» представлены формально определенными нормами (например, законодательными актами) и сложившимися представлениями о значимости определенных моделей поведения, а ресурсы – способностью оказывать властное воздействие и распределять различные материальные блага. Наличие такого рода «правил» и «ресурсов» упорядочивает социальные системы «по вертикали и горизонтали»³⁰.

В общем виде предлагаемая модель изучения подразумевает комплексное рассмотрение поведенческих практик в четко определенном пространственно-временном контексте. Исходя из принципа контекстуальности (Contextuality) при исследовании социальных взаимодействий, необходимо выявить: а) «пространственно-временные границы» взаимодействия (локализация и изменение обстоятельств места и времени)³¹; б) эффект «соприсутствия акторов», т. е. особенности

²⁸ Гидденс Э. Указ. соч. С. 248.

²⁹ Там же. С. 267, 501.

³⁰ Там же. С. 248.

³¹ Э. Гидденс предлагал при изучении повседневной жизни, которая неизбежно сопровождается изменениями, связанными не только с течением времени, но и с территориальными перемещениями индивида, использовать термин «временная география», см.: Гидденс Э. Указ. соч. С. 174–190. Более подробно проблемное поле и методы «временной

взаимовлияния одновременно присутствующих субъектов в процессе коммуникации между ними; в) осведомленность акторов социальных взаимодействий (личный опыт, знания, слухи и т. п.) о правилах и возможных последствиях своих действий³².

В конкретно-историческом исследовании акцентирование внимания на «соприсутствии» других акторов, личном опыте и знаниях о поощряемых и запрещенных моделях поведения, содержании и санкциях за нарушение существующих запретов, а также осознании неравенства индексов социальной позиции представителями различных групп является основополагающим условием для постановки вопроса о личной самоидентификации и групповой идентичности людей изучаемого времени.

В теории структуризации *социальная идентичность* имеет двойственную природу. С одной стороны, она непосредственно ассоциируется с нормативными правами, обязанностями и санкциями, которые формируют роли, функционирующие в пределах тех или иных коллективов, а с другой – проявляется посредством практических действий человека, которые и являются «маркерами» его «позиционирования» в обществе³³. По мнению Э. Гидденса, «позиционирование» индивида может иметь несколько масштабов одновременно: 1) относительно других людей в условиях непосредственного «соприсутствия»; 2) «относительно потока повседневности», т. е. в рамках привычных и неоднократно повторяющихся контактных взаимодействий; 3) «относительно течения собственной жизни» и произошедших изменений статусных характеристик; 4) относительно «сверхиндивидуальной структуры социальных образований», т. е. в результате сопоставления себя как члена какой-либо социальной группы с другими группами и коллективами. Именно на этом уровне у индивида может возникать чувство *групповой идентичности*. При этом, по словам Э. Гидденса, «подобные чувства обнаруживаются на уровне практического и дискурсивного сознания и не предполагают “единодушия во взглядах” (“консенсуса ценностей”))». Более того, «индивиды могут осознавать свою принадлежность к определенной общности, не будучи уверенными, что это правильно и справедливо»³⁴.

географии» представлены в работах шведского социального географа Т. Хагерстранда (Hagerstrand).

³² Гидденс Э. Указ. соч. С. 384, 386, 490, 499.

³³ Там же. С. 386.

³⁴ Там же. С. 242.

Таким образом, социальная идентичность возникает на основе близости формально определенных прав и обязанностей, но не предполагает общности мировоззрения и позиций по различным вопросам общественной жизни. Для историка данная трактовка понятия «идентичность» позволяет конструировать более сложную модель социального устройства, нежели классовая или сословная парадигма. Близость, но не полная тождественность нормативно-правового статуса и необязательность «единодушия во взглядах» – все это, в совокупности с направленностью практических действий исторического персонажа, может стать методологическим основанием для объяснения противоречий и конфликтов, возникавших внутри одной социальной группы. С этих позиций тезис об отсутствии внутригруппового «единодушия» является интересным для историка, сталкивающегося в исследовании не только с множественной фрагментацией мнений и позиций по какому-либо вопросу, но и негативными оценками индивидом роли, качеств и способностей определенной части общей с ним социальной группы. Используя данный подход, возможно изучение «расколотости», или множественной дифференциации, социальной идентичности внутри, например, российского дворянства и крестьянства.

Еще один важный аспект исследования социальных процессов, представленный в теории структуризации Э. Гидденса, – проблема соотношения свободы человека в обществе и силы так называемого «структурного принуждения». Руководствуясь обозначенным ранее принципом «дуальности» («двуединства»), Э. Гидденс подчеркивал: «Структурные ограничения не действуют независимо от мотивов и соображений субъектов деятельности, лежащих в основе того, что они делают. Их нельзя уподобить последствиям землетрясения, стирающего с лица земли города и лишаящего жизни их население... Единственным подвижным объектом системы социальных отношений являются индивидуальные субъекты деятельности, намеренно или нет использующие ресурсы»³⁵. В данном контексте «структура всегда как ограничивает, так и создает возможности для действия, и это происходит в силу объективных отношений между структурой и деятельностью (деятельностью и властью)»³⁶.

В общем виде, поскольку социальная структура есть одновременно и результат, и условие практических взаимодействий акторов, «структурное принуждение» осуществляется в результате деятельности инди-

³⁵ Гидденс Э. Указ. соч. С. 262.

³⁶ Там же. С. 247.

видов в рамках тех норм, правил и ресурсов, которыми они обладают. С этих позиций, продолжая логику автора, можно утверждать, например, что государство не является неким абстрактно существующим субъектом, а действует только через *конкретных людей*, которые посредством нормативно-правовых актов создают границы свободы человека в обществе и осуществляют контроль за их исполнением. При этом сами «контролеры» также вынуждены подчиняться системе норм и правил, регламентирующих их поведение.

Одновременно с нормативно-правовым ограничением пределы и направленность структурного принуждения определяются самими акторами, их потребностями и характером «осведомленности» о возможных вариантах поведения и его результатах в конкретной ситуации. Такой сценарий поведения, по словам Э. Гидденса, является следствием «способности субъектов понимать, что они делают, в то время как они это делают». Именно поэтому для индивида, вне зависимости от того, кто и каким образом осуществляет «принуждение», оно воспринимается лишь как ограничение «альтернатив, доступных субъекту или субъектам деятельности в данных условиях или обстоятельствах»³⁷. Конечно, спектр имеющихся у конкретного человека альтернатив может существенно отличаться в зависимости от его положения в обществе, но принципиально важно, что в большинстве случаев – за исключением, конечно, влияния природно-климатических и биологических факторов – сила структурного принуждения будет зависеть от характера его взаимоотношений с другими субъектами, наличия у них ресурсов для осуществления властных полномочий.

Представление о важности взаимодействий индивидов, образующих разнообразные по целям, составу и длительности существования группы, способствовало поиску теоретических моделей, объясняющих поведение индивидов в социальном пространстве, а также процесс формирования личной и групповой идентичности. Одной из таких концептуальных моделей является теория «интеракционных ритуалов» *Рэндалла Коллинза*. Заимствуя элементы теории «социальной солидарности» Э. Дюркгейма и концепции ритуализации повседневных микроинтеракций *И. Гофмана*³⁸, Р. Коллинз основным предметом ис-

³⁷ Гидденс Э. Указ. соч. С. 257.

³⁸ См., например: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996; Гофман И. Представления себя другим в повседневной жизни. М., 2000; Его же. Анализ фреймов: Эссе по организации повседневного опыта М., 2004.

следования считал «социальную ситуацию». По его словам, изучение общества возможно только посредством выявления последовательностей взаимодействия людей, так как любое социальное явление «...становится реальным только тогда, когда проявится в какой-нибудь ситуации»³⁹ и «...вся полнота социальной жизни – это общая совокупность ситуаций, в которых оказываются люди в своей повседневной жизни»⁴⁰. Подобный подход к пониманию природы окружающей человека действительности означает, что любые абстрактные явления, такие как «власть», «экономика», «политика» или «культура», не существуют до тех пор, пока мы не можем увидеть, каким образом они проявляются в конкретных ситуациях и как они влияют на поведение людей.

В теории Р. Коллинза макроструктуры формируются из микроситуаций интеракций, а их стабильность зависит от того, насколько индивиды воспроизводят необходимые типы взаимосвязей. Именно поэтому изучение макропроцессов возможно и необходимо осуществлять только посредством обращения к ситуациям взаимодействия индивидов, обозначаемым понятием «*ритуал интеракции*». Размышляя об эвристических возможностях теории ритуала интеракции, Р. Коллинз писал: «...это ключ к микросоциологии, а микросоциология, в свою очередь, является ключом ко многим более общим проблемам. Интеракция небольших масштабов, протекающая здесь-и-сейчас, в ситуации лицом к лицу, представляет собой сцену действия и место социальных актов»⁴¹.

Следует отметить, что предложенная трактовка концепта «интеракционный ритуал» как универсальной модели взаимодействия до определенной степени похожа на концепт «практика» в теории структуриации Э. Гидденса⁴². Но Р. Коллинз идет чуть дальше, концентрируя внимание на том, каким образом меняются в результате взаимодействия его участники. Он задает вопрос о механизмах возникновения в процессе интеракции чувства «солидарности» и группой идентичности. Такой ракурс исследования социальных взаимодействий, безусловно, интересен историку, так как помогает решить несколько принципиально важных вопросов.

³⁹ Цит. по: Прозорова Ю. А. Теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза: от микроинтеракции к макроструктуре // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10, № 1. С. 69.

⁴⁰ Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Там же. 2004. Т. 7, № 1. С. 38.

⁴¹ Там же. С. 27.

⁴² Гидденс Э. Указ. соч. С. 57.

Во-первых, теория интеракционных ритуалов затрагивает проблему соотношения индивидуального и коллективного социального опыта. С позиции Р. Коллинза, личность, аккумулируя опыт предшествующих взаимодействий, формируется и постоянно изменяется в процессе перемещения от одной интеракции к другой⁴³. В данном контексте, по словам автора, «...повседневная жизнь – это опыт движения по цепочке ритуалов интеракции»⁴⁴. Именно личный опыт участия в различных ситуациях формирует поведение индивида в настоящем, а, следовательно, для корректной интерпретации содержания и результата взаимодействия исследователь должен проследивать «цепочки интеракций», в которых участвовал человек. В рамках исторического исследования данный подход предполагает последовательное рассмотрение корректировки взглядов, ценностей и мировоззренческих установок индивида в контексте изменений характера его формальных или неформальных контактов.

Однако поскольку любой интеракционный ритуал – это всегда взаимодействие, оказывающее влияние на всех его участников, то он является важным механизмом создания коллективного опыта, общих переживаний и чувства сопричастности к чему-либо. Подчеркивая пластичность и подвижность процесса формирования совместного опыта, автор не дает четкого определения «интеракционного ритуала», а лишь обозначает основные характеристики и обстоятельства, необходимые для его возникновения: присутствие двух или более индивидов; высокая степень эмоциональной включенности и сосредоточения внимания сторон друг на друге; понимание участниками границ взаимодействия, отделяющих их от тех, кто к нему не причастен; возникновение желания действовать в соответствии с нравственными устремлениями и совместно определяемыми (хотя и не обязательно четко сформулированными вербально) целями и ориентирами⁴⁵. Возникающее в процессе взаимодействия эмоциональное напряжение, по словам Р. Коллинза, «является высшей точкой коллективного опыта, ключевыми моментами истории, теми периодами, когда происходят знаменательные события»⁴⁶.

⁴³ Коллинз Р. Указ. соч. С. 29.

⁴⁴ Там же. С. 37.

⁴⁵ Там же. С. 35.

⁴⁶ Там же.

Конечно, все обозначенные автором характеристики ритуала интеракций не всегда могут быть реконструированы в исторической ретроспективе. Более того, высокую степень эмоциональности, возникновение желания действовать в соответствии с общими установками сложно отнести к разряду повседневных ситуаций. Такая модель может быть полезной при рассмотрении каких-либо необычных обстоятельств, выходящих за рамки бытового взаимодействия. К ним может быть отнесено, например, поведение крестьян, участвующих в восстании против помещика, судебное разбирательство между конфликтующими сторонами, обсуждение какого-либо актуального вопроса в тайном обществе, составление жалобы или прошения к властям и т. п. Ценность предлагаемой модели состоит в том, что она акцентирует внимание исследователя на континуальности индивидуального опыта, полученного в ходе предшествующих взаимодействий, его встраивании, с учетом опыта других участников и новых внешних обстоятельств, в процесс как внутри-, так и межгруппового взаимодействия.

Во-вторых, основные положения теории интеракционных ритуалов позволяют представить сложный процесс возникновения индивидуальной и групповой идентичности. Групповая идентификация, формирующаяся в результате множества интеракций, содержательно включает в себя общность эмоциональных переживаний, «чувство солидарности» и восприятие какого-либо объекта в качестве «сакрального символа», представляющего отличительные характеристики социальной группы. В конкретно-историческом преломлении, на наш взгляд, в качестве таких «символов» могут выступать, например, утверждения о наличии у членов группы особых свойств и качеств (достоинство, благородство, предприимчивость) или, напротив – их угнетенном положении, преодоление которого воспринимается как цель совместных действий.

В-третьих, предложенный подход к изучению социального посредством реконструкции внутри- и межгрупповых взаимодействий имеет значительный эвристический потенциал для реконструкции многомерности социального пространства и выявления различных маркеров социальной дифференциации. Решение данной проблемы возможно на основании тезиса автора о двойном стратифицирующем эффекте ритуала интеракций.

Первый уровень дифференциации связан, по мнению Р. Коллинза, с тем, что «некоторые группы обладают бóльшим объемом ресурсов для выполнения своих ритуалов, чем другие, а следовательно, характеризу-

ются большей солидарностью, и в силу этого, могут командовать менее солидарными группами»⁴⁷. В качестве таких ресурсов, позволяющих осуществлять властное доминирование одной группы над другой, используются символический капитал и различные материальные блага. Так, например, в качестве важного ресурса не только для внутригрупповой общности, но и для контактов или даже вхождения в более сильные «интеракционные круги» может использоваться собственность и доступ к властным структурам. Второй уровень связан с неизбежным процессом внутригруппового структурирования, так как не все члены группы в равной степени являются инициаторами взаимодействия и «некоторые индивиды занимают более привилегированное положение в силу того, что находятся ближе к центру ритуала»⁴⁸.

Таким образом, автор приходит к важному для понимания природы социальной дифференциации выводу: «Ритуалы обладают двойным стратифицирующим эффектом. Они порождают стратификацию между людьми, включенными в ритуал, и аутсайдерами, а также – внутри ритуала – между лидерами и последователями; следовательно, ритуалы представляют собой ключевые механизмы, или даже главное оружие, в процессах конфликта и доминирования»⁴⁹. В общем виде социальная стратификация в теоретической модели Р. Коллинза – властно-сетевая макроструктура, в которой положение индивида может быть определено одновременно в вертикальной иерархической плоскости власти и в горизонтальной сетевой плоскости локальных ситуаций⁵⁰.

Многомерность социальной структуры подразумевает не только множество формальных и неформальных признаков для социального структурирования и самоидентификации индивидов, но и определенную пластичность социальных перегородок, которые, существуя в нормативно-правовой плоскости, не являются полностью непроницаемыми и неподвижными⁵¹. При ближайшем рассмотрении, например, мульти-сословного по своему составу городского населения России имперского периода становится очевидным, что представители различных сословных и внутрисословных групп оказывали непосредственное взаимное влияние на поведение и поступки друг друга. Неизбежно встречаясь на

⁴⁷ Коллинз Р. Указ. соч. С. 34.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Прозорова Ю. А. Указ. соч. С. 70.

⁵¹ См. подробнее: Мамедов А. К., Якушина О. И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестн. МГУ. 2015. № 1. С. 43–59.

улицах города, в торговых помещениях, во дворах многоквартирных домов и т. п., люди могли воспринимать образцы поведения, оценивать морально-нравственные, деловые и иные качества друг друга, передавать в форме слухов или личных суждений о чем-либо разнообразную информацию. Наличие подобного рода личных контактов с представителями «чужих» социальных групп оказывало влияние на мировосприятие человека, его самооценку и мотивацию конкретных поступков.

Игнорирование данного факта означает упрощение и схематизацию социальных процессов, навязывание конкретному индивиду общегрупповой логики и мотивации, в то время как индивидуальное поведение могло быть обусловлено ориентацией на «образец» поведения не только членов своей социальной группы, но отдельных представителей других социальных групп. В качестве одной из методологических установок конкретно-исторического исследования, нацеленного на выявление направленности и результатов такого рода взаимовлияний, может служить «теория подражания» французского социолога *Габриеля Тарда*.

Стремясь определить факторы социальных изменений, Г. Тард призывал отказаться от преувеличения роли выдающихся исторических деятелей и утверждал, что любые социальные трансформации «...объясняются возникновением... значительного числа идей, мелких и крупных, простых и сложных, чаще всего незаметных при их зарождении, по большей части не громких, обыкновенно анонимных, но всегда новых...»⁵². Именно подобного рода идеи, которые Г. Тард обозначал терминами «изобретение» или «открытие», формируют «...всякое дальнейшее улучшение предшествовавшего нововведения во всякого рода социальных явлениях: в языке, религии, политике, праве, промышленности, искусстве»⁵³. Такой положительный эффект возможен благодаря социальному «подражанию», т. е. естественно возникающему у индивида стремлению улучшить условия своей жизни, ориентируясь на некоторые известные ему и позитивно оцениваемые образцы. Данный механизм в равной степени работает и при формировании индивидуальных стратегий поведения, и в процессе культурной адаптации заимствованных из «чужой» культурной среды инноваций⁵⁴. При этом, вне зависимости от масштаба, подражание является универсальным фено-

⁵² Тард Г. Законы подражания. М., 2011. С. 7.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. подробнее: *Фирсова Н.* Предвестник исследований диффузии инноваций Габриель Тард: «Общество – это подражание» // Социология власти. 2012. № 6–7 (1). С. 298–313.

меном, неизменно возникающим в процессе межличностного общения, а, следовательно, выявление его влияния на развитии социума в целом возможно только при анализе взаимодействий на уровне отдельных личностей и малых групп.

В повседневной практике подражание может проявляться в самых различных формах: подражание привычным образцам (обычай); подражание новому и чужому (мода); подражание-воспитание; подражание-симпатия; подражание-повиновение; подражание-обучение. Все эти формы возникают не одновременно, но могут сочетаться и имеют общие признаки, анализ которых позволил Г. Тарду сформулировать два основных закона подражания: «логический» и «сверхлогический». Логические основания подражания – осознание человеком важности и необходимости нововведения, а также того, насколько оно совместимо с существующими знаниями и представлениями. Сверхлогические основания подражания в большей мере связаны с чувствами, верованиями и желаниями индивида. Конечно, в практическом поведении человека оба эти основания сочетаются и во многом определяют направленность его социальных действий⁵⁵. Яркой иллюстрацией такого сочетания является подражание лицам, обладающим более высоким социальным статусом. Г. Тард приводит следующий пример: «Первый средневековый купец, отличавшийся алчностью и тщеславием, желавший обогатиться при помощи торговли и сожалевавший, что он не был дворянином, первый такой купец, усмотрев возможность эксплуатировать свою жадность на пользу своего тщеславия и со временем купить за деньги благородство для себя и своего потомства, полагал, что сделал прекрасное открытие. И действительно, он имел многих подражателей. В самом деле, разве подобная перспектива не могла его не воодушевить, разве он не чувствовал, как обе его страсти становятся разом вдвое сильнее, одна – потому, что золото получало в его глазах новую цену; другая – потому, что предмет его тщеславных мечтаний и печалей становился достигаемым?»⁵⁶.

Сопоставляя исторические примеры распространения инноваций в различных странах мира, Г. Тард выявил ряд общих закономерностей процесса социального подражания. Во-первых, «...какова бы ни была организация общества – теократическая, аристократическая, демократическая – подражание всюду следует одинаковому закону: оно рас-

⁵⁵ Тард Г. Законы подражания. С. 122.

⁵⁶ Там же. С. 27.

пространяется от высшего к низшему, и в этом распространении действует изнутри наружу»⁵⁷. Такая схема распространения социального подражания подразумевает несколько принципиально важных аспектов. Первый: нижестоящие по своему материальному или юридическому положению индивиды более восприимчивы к примерам и образцам, транслируемым вышестоящими группами⁵⁸. При этом индивиды и группы, рассматриваемые в качестве ориентира, должны находиться на относительно небольшой социальной дистанции, т. е. быть в зоне досягаемости для подражания. Данный тезис, на наш взгляд, представляется для историка вполне убедительным. Так, например, российский крепостной крестьянин, в силу значительности социальной дистанции, не склонен будет подражать потомственному дворянину, а с большей вероятностью будет ориентироваться на мелкого городского ремесленника или торговца. Именно в результате подражания близким, но вышестоящим группам формальные сословные перегородки не являются непреодолимым препятствием для трансляции идей и формирования новых стереотипов поведения. Второй принцип: постепенно, по мере демократизации общественного строя, сопровождавшейся сокращением социальной дистанции между аристократией и непривилегированными группами населения в результате расширения спектра наследственных способов повышения индекса социальной позиции, роль образца для подражания смещается от аристократии к жителям столичных городов⁵⁹. Продолжая рассуждения автора, можно утверждать, что в конечном итоге подражательный импульс исходил не только от столичных городов, но и от губернских, и даже волостных центров. Подобный алгоритм соотношения центра и периферии при формировании системы статусных ориентиров, на наш взгляд, отчетливо прослеживается в России XVIII–XIX вв. В дальнейшем подражание статусным характеристикам, получаемым по наследству, постепенно сменяется подражанием индивидуальным достижениям: коммерческому успеху, положению в чиновничьей иерархии, уровню материального благосостояния и образования, доступу к различным льготам и привилегиям и т. п.

Во-вторых, при изучении социальной направленности подражания необходимо разделять подражание собственным историческим образ-

⁵⁷ Тард Г. Законы подражания. С. 192.

⁵⁸ Там же. С. 285.

⁵⁹ Там же. С. 190.

цам («обычай») и инновациям, заимствованным извне («мода»). При всей очевидности данного утверждения, оно также может быть полезным для построения исторического исследования. Ориентация на собственные исторические традиции для обоснования необходимости отрицания нового или, напротив, проведения каких-либо преобразований по восстановлению «справедливости», «силы закона», «истинного просвещения» и т. п. было характерным явлением на всем протяжении XVIII–XIX вв., а в ряде случаев прослеживается и раньше. При этом следует отметить, что призыв обратиться к нравам и традициям исходил от представителей образованной части российского общества, но содержательно подразумевал ориентацию не на высшие сословия, а на традиции, сохранившиеся в среде российского крестьянства.

С позиции социально-исторического исследования подражание иностранным образцам следует рассматривать в контексте формальных и неформальных каналов циркуляции информации о заимствованных извне идеях, нормах или технологиях. В данном контексте обращение к культурным механизмам заимствования актуализирует постановку вопроса о статусе и роли иностранцев в России, вне зависимости от их социального происхождения и профессиональной принадлежности – от купцов и ремесленников до технических специалистов и высокопоставленных чиновников. При исследовании конкретно-исторических проявлений разных уровней многофакторного процесса взаимовлияния иностранцев и российской социокультурной среды целесообразно обратить внимание на вывод Г. Тарда о цикличности подражания: первоначально распространение нововведения происходит через подражание-моду, позднее оно воспринимается как привычное и обыденное, а далее становится образцом для подражания, но уже как обычай. Данный подход актуализирует исследование не только процесса *аккультурации* европейских инноваций, предполагающего встраивание «чужого» опыта в условиях привычной социокультурной среды, но и *инкультурации* как процесса освоения современниками уже произошедших и/или происходящих на протяжении их жизни изменений.

Представленный краткий обзор основных социологических моделей, отобранных в соответствии с обозначенными выше критериями, отчетливо демонстрирует общее направление движения исследователей – от изучения макроструктур к выявлению факторов социальной идентификации и реконструкции различных форм взаимодействий

индивидов. В некоторых случаях это приводит к отрицанию реальности любых долговременных структур и утверждению, что социальных групп, как особой формы проявления социального, не существует, а существуют лишь группообразования (ассоциации), которые проявляются через «действия» и «разногласия»⁶⁰. Такой взгляд на природу социального подчеркивает многообразие и динамичность общественных процессов и заслуживает определенного внимания исследователей. Однако для историка важно не только концептуальное методологическое видение социальных процессов, произошедших в изучаемое им время, но и то, как эти процессы могут быть изучены, какие *методы* следует использовать при реконструкции всего спектра многообразных взаимодействий людей прошлого.

1.2. Прочтение истории социума: проблема языка и метода интерпретации

Специфика предметного поля исторической науки не позволяет использовать метод опроса или анкетирования, наблюдения или эксперимента⁶¹. Единственный канал, связывающий историка с ушедшей в прошлое социальной реальностью, – текст исторического источника. Таким образом, история социального – это история текстов, различных по своему назначению, содержанию и объему, в которых зафиксированы различные типы внутри- и межгрупповых взаимодействий, представления о своем месте в системе общественных отношений, мотивация практических действий и представления о возможных перспективах развития как на локальном уровне, так и в масштабах города, страны или мира.

Посредством анализа текста историк может выявить содержание, направленность и результаты социальных взаимодействий, а следовательно, обязательным условием их адекватного понимания является изучение языковых практик. К таким языковым практикам следует отнести различные способы публичной и межличностной коммуникации, зафиксированные в письменной форме: материалы периодической

⁶⁰ См., например: *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

⁶¹ Лишь при изучении недавнего прошлого, сохранившегося в памяти ныне живущих современников, возможно частичное заимствование инструментария социологов или этнографов и использование комплекса методов «устной истории». См. подробнее: *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М., 2003.

печати; учебные пособия и научно-публицистические произведения; тексты устных выступлений с докладами или «речами»; распоряжения властных структур в форме манифестов, указов, законов и другие нормативно-правовые акты; прошения, жалобы, доносы и иные обращения, направляемые представителями различных социальных групп; личную переписку и дневниковые записи. Во всех этих текстах, наряду с обоснованием необходимости их составления и/или совершения каких-либо практических действий, в явной или скрытой форме содержится информация об особенностях индивидуальной и групповой самоидентификации автора, характере взаимоотношений с другими группами, представления о власти и социальной иерархии.

Выявление подобного рода информации возможно при концентрации внимания исследователя не только на том, что было сказано или записано, но и с помощью каких языковых средств это было сделано. Методологическим основанием для проведения анализа языковых практик могут служить наработки немецкой школы *Begriffsgeschichte* и англосаксонского варианта изучения истории понятий – *History of Concepts*. Идеиные основы первого были сформулированы в ряде теоретических работ *Рейнхарда Козеллека*⁶², который совместно с О. Брунером и В. Конце был руководителем проекта по написанию «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии»⁶³. Методологические установки второго направления отражены в работах *Джона Покока* и *Квентина Скиннера*⁶⁴. Наличие подробных историографических обзоров⁶⁵ основных положений немецкой и англосаксон-

⁶² Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. : пер. с нем. / под ред. Х. Э. Бёдекера. М., 2010. С. 21–33; *Его же*. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отеч. зап. 2004. № 5. С. 226–241; *Его же*. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века : сб. науч. работ. СПб., 2006. С. 33–53; *Его же*. Теория и метод определения исторического времени // Логос : журн. по философии и прагматике культуры. 2004. № 5(44). С. 97–130.

⁶³ *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8. В 2014 г. было осуществлен перевод нескольких статей этого словаря на русский язык, см.: Словарь основных исторических понятий : избр. ст. : в 2 т. М., 2014.

⁶⁴ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое лит. обозрение. 2004. № 66. С. 55–66. *Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History*. L., 1972.

⁶⁵ См. подробнее о методологических основаниях, сходствах и отличиях *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*: *Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об

ской школы снимает необходимость подробного описания методологических установок истории понятий и позволяет сконцентрировать внимание на альтернативных моделях анализа языковых практик и возможности их применения в исторических исследованиях.

При всех имеющихся разногласиях представители двух направлений признают необходимость при работе с текстом выявлять, что подразумевали и какие действия совершали его авторы, употребляя то или иное понятие, какие дополнительные коннотации оно получало при использовании в различных контекстах, каким образом происходила корректировка содержания как уже известных ранее, так и заимствованных из «чужой» культурной среды понятий. Такой подход позволит избежать «осовременивания» языка прошлого и уйти от некорректного использования понятий, возникших в более поздний хронологический период.

Например, хорошо известное современному исследователю понятие «сословие» уже на рубеже XVIII – первой четверти XIX в. использовалось для обозначения различий положения индивида в обществе, но еще не имело четко определенного значения⁶⁶. Составители «Словаря Академии Российской» объясняли читателям, что «сословие – собрание, число присутствующих где особ» или «общество, состоящее из известного числа членов»⁶⁷, а М. М. Сперанский писал о «законодательном сословии» как группе лиц, причастных к системе обсуждения наиболее важных вопросов⁶⁸. Одновременно с такой трактовкой понятие «со-

одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое лит. обозрение. 2004. № 66. С. 6–16; *Копосов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. С. 9–32; *Роцин Е.* История понятий: новый старый подход общественных наук // Полит. наука. 2009. № 4. С. 43–58; *Бёдекер Х.* Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. С. 34–65; *Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И.* «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 5–46.

⁶⁶ См.: *Фриз Г. Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период : антол. / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 123–162.

⁶⁷ Косвенным подтверждением того, что понятие «сословие» в конце XVIII в. не рассматривалось в качестве основного при описании социальной структуры общества, является его размещение не в отдельной словарной статье, а в списке понятий, имевших корень «слов». Для сравнения: Словарь Академии Российской. Ч. 5 : От Р до Т. СПб., 1794. С. 544; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 6 : От С до конца. СПб., 1822. С. 395.

⁶⁸ *Сперанский М. М.* Введение к уложению государственных законов (1809): (План всеобщего государственного преобразования). М., 2004. С. 23–25.

слобие» могло использоваться и для обозначения различных по своему функциональному назначению и уровню «просвещения» категорий населения. В записке «Опыт о просвещении относительно к России» И. П. Пнин упоминал о «гражданском сословии», которое «...должно непременно составлено быть из мужей истинно достойных, опытных и благонамеренных, известных обществу, сколько по доброхотству своему, столько по способностям и усердию», но одновременно предлагал «руководство к просвещению главнейших государственных сословий»: «земледельческого, мещанского, дворянского и духовного»⁶⁹. Аналогичное деление общества, выделяя при этом в качестве самостоятельного «купеческое сословие», использовал в черновых «записках для памяти» Н. С. Мордвинов⁷⁰.

В большинстве случаев для описания *юридически значимых различий*, дифференциации прав и обязанностей российских подданных *основным* было понятие «состояние». Именно «состояние», а не «сословие» доминировало в законодательстве и официальном делопроизводстве Российской империи в первой половине XIX в. В данном контексте показательно, что в «Проекте дополнительного закона о состояниях» подчеркивалось, что «коренными государства нашего законами издревле установлены в нем четыре главные *состояния*: дворянство, духовенство, гражданство и крестьянство»⁷¹. Понятием же «сословие» обозначались различные категории внутри указанных «состояний»: «дворянское состояние» включало в себя «сословие личных» и «сословие потомственных дворян»; «состояние гражданства» – купеческое и мещанское «сословие»; «крестьянское состояние» подразделялось на «сословие крестьян казенных» и «сословие крестьян помещичьих»⁷². В условиях семантической многозначности понятие «сословие» в конце XVIII – начале XIX в. использовалось чаще всего представителями дворянства в размышлениях о преимуществах образованного человека и естественном разделении общества на группы по роду деятельности.

Интересный вариант трактовки общих подходов к изучению социальных процессов посредством обращения к «исторической социо-

⁶⁹ Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно к России // *Общественная мысль России XVIII века*. Т. 2 : *Philosophia moralis*. М., 2010. С. 585, 600–622.

⁷⁰ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 9. С. 54.

⁷¹ Проект дополнительного закона о состояниях с принадлежащими к нему приложениями // Сб РИО. Т. 90 : *Бумаги комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года*. СПб., 1894. С. 363.

⁷² Там же. С. 364–366.

логии понятий» предложил российский социолог *Александр Бикбов*⁷³. Для исследователя, изучающего различные проявления социального в исторической ретроспективе, определенный интерес представляет несколько методологических установок «исторической социологии понятий».

Во-первых, в отличие от истории слов, историческая социология понятий ориентирована не на реконструкцию «исторической траектории лексем от общества к обществу, из одной языковой среды в другую, или от одних авторов к другим», а на «прояснение того, как понятия направляют практики», каким образом они определяют характер социальных взаимодействий⁷⁴. Признание возможности с помощью ключевых социально-политических понятий влиять на общественное мнение, формировать целевые установки индивидов, способствовать групповой консолидации или, напротив, порождать конфликты и дискуссии обусловливает необходимость выявления логической взаимосвязи между понятиями, способами их использования и практическими действиями людей в условиях окружающей их социальной реальности.

В связи с этим принципиально важным является вопрос о том, *кто и как создает и актуализирует ключевые понятия*, каким образом они влияют на поддержание и изменение социального порядка. В поисках ответа на эти вопросы исследователь неизбежно приходит к констатации существования множества трактовок и дополнительных коннотаций одного и того же понятия. Инициаторами создания новых смыслов и их трансляции могут выступать как «коллективные инстанции» (например, государство в лице чиновников различного уровня, профессиональные экспертные сообщества, партийные структуры, образовательные институты и средства массовой информации), так и отдельные индивиды, позиция которых озвучивается публично и становится предметом для обсуждения современниками (например, философические письма П. Я. Чаадаева). На наш взгляд, продуктивным будет исследование не только индивидуальных текстов, чье авторство может быть установлено, но и совместно создаваемых коллективных текстов, ставших результатом поиска современниками конвенциональных соглашений по какому-либо вопросу. В данном случае можно согласиться с рассуждениями А. Бикбова: «Даже если в отдельных случаях можно

⁷³ См.: Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.

⁷⁴ Там же. С. 13, 14.

проследить вклад тех или иных инстанций и участников в итоговую конструкцию понятия, следует исходить из того, что продукт подобных конструкторских усилий соотносим не с индивидуальной авторской интенцией, или результирующим вектором нескольких интенций, а с *практиками*, локализованными в различных, в первую очередь профессиональных, институциях по производству смыслов»⁷⁵.

Анализ процесса трансляции и распространения понятий в ходе разнообразных языковых практик подразумевает обращение историка к широкому спектру текстов. А. Бикбов предлагает отслеживать использование понятий в официальной риторике (публичные речи руководителей к населению и политическому аппарату); материалах политических дебатов и экспертных дискуссий, возникавших в процессе подготовки или принятия новых законов; текстах, создаваемых для внутреннего использования различными административными, финансовыми и техническими подразделениями; проводить статистический анализ распределения ключевых понятий в заглавиях публикаций, библиотечных указателях и классификаторах⁷⁶.

Во-вторых, необходимость обращения к исторической социологии понятий обусловлена не только важностью реконструкции особенностей мировосприятия людей прошлого, но и «проективной силой» ключевых социально-политических понятий, т. е. «способностью понятий создавать будущее, доопределяя реальность в форме институтов»⁷⁷. Наличие у понятия потенциальной «проективной силы» позволяет современникам использовать его для обоснования направлений внутренней и внешней политики, консолидации какой-либо группы или описания перспектив развития общества. В качестве примера, подтверждающего существование и способы использования понятий-проектов, А. Бикбов приводит анализ понятий «средний класс» и «третье сословие»⁷⁸. Эти понятия российские власти активно использовали со времени Екатерины Великой для обозначения естественного неравенства состояний в России, а также декларации позитивно оцениваемой тенденции сближения социальной структуры России и стран Европы⁷⁹.

⁷⁵ Бикбов А. Грамматика порядка... С. 19.

⁷⁶ Там же. С. 19–20.

⁷⁷ Там же. С. 10.

⁷⁸ Там же. С. 31, 47–162.

⁷⁹ См. подробнее: Ширле И. Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 225–248.

Такой подход к изучению социальных процессов в исторической ретроспективе, как представляется, задает двухуровневую структуру исследования: на первом уровне – изучение попыток государства и его институтов структурировать общество, юридически определяя разделение на «состояния», «сословия», «разряды», «ранги» и т. п., а на втором – выявление особенностей восприятия и трактовки подобной политики государства представителями различных социальных групп. На внутригрупповом уровне принципиально важно выяснить, насколько отчетливо современники понимали значение и границы формального разделения и с помощью каких понятий они выражали отличительные характеристики своей социальной группы. При этом важно фиксировать не только юридически установленные верховной властью «маркеры» социальной стратификации, такие как, например, право собственности на населенные земли, влекущее за собой право распоряжения крепостными крестьянами, или размер объявленного капитала для купца соответствующей гильдии, но и то, насколько эти маркеры становились действенными инструментами для личной и групповой самоидентификации российских подданных.

Внимательное прочтение источников, создаваемых в России вне правительственного дискурса, позволяет утверждать, что в ходе взаимодействий с представителями различных социальных групп индивид соотносил себя с другими, используя несколько критериев одновременно. Личная и групповая идентификация не могла быть описана одним понятием и предполагала *систему взаимосвязанных категорий*, с помощью которых он мог безошибочно определить свое положение. Именно поэтому, в полном соответствии с основными принципами истории понятий⁸⁰, необходимо реконструировать значение не одной социальной категории, а системы взаимосвязанных понятий, с помощью которых индивид отождествлял себя с той или иной группой или отстаивал необходимость совершения каких-либо действий.

⁸⁰ См. подробнее о принципах и методах конкретно-исторического исследования на основе интеграции методологических установок *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*: Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного русского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011; *Его же*. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX века // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2014. № 4(133). С. 123–136; *Его же*. Методология «история понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем : альм. интеллектуал. истории. М., 2015. Вып. 50. С. 116–138.

Например, в первой половине XIX в. элементами такой системы были понятия «свобода», «рабство», «собственность», «владение», «состояние», «закон». Все они употреблялись, в частности, при обосновании крестьянских прошений о предоставлении «свободы от рабства», жалобах на несправедливое, с точки зрения заявителя, решение суда о взятии имения в опеку или необоснованном отказе в праве участия в выборах на должности в городских органах самоуправления и дворянских губернских собраниях. Системный подход к реконструкции нескольких ключевых понятий в текстах различного происхождения позволяет выявить особенности мировосприятия и социальной самоидентификации индивида в условиях окружающей его социально-экономической и политико-административной обстановки.

Яркой иллюстрацией эвристического потенциала «истории понятий» являются результаты сравнительно-текстологического анализа крестьянских прошений и слухов о возможных сценариях отмены крепостного права в первой четверти XIX в.⁸¹ Обращаясь к властным структурам, крестьянин вынужден был не только отождествить себя с определенной социальной группой, но и описать характер взаимоотношений с другими крестьянами, а также с приказчиками, помещиком и/или его родственниками. Сопоставление содержания прошений и контекстов употребления понятий «свобода», «рабство», «вольность», «состояние», «владение» позволило выявить несколько особенностей социальной идентификации крепостных людей в России.

Во-первых, «рабство» как система взаимоотношений, предполагающая возможность «своевольного» применения физического насилия и отсутствие имущественных прав, вызывала неприятие у представителей различных сословий российского общества. Особенностью крестьянского понимания было то, что противоположностью «рабства» одновременно выступали понятия «свобода/вольность» и «законное владение». При этом для крестьян-земледельцев «свобода/вольность» не обязательно означала переход в другое «состояние», а лишь отсутствие мелочного контроля со стороны помещика. Крепостные же, находящиеся на положении «дворовых людей», особенно те из них, кто длительное время проживали в городах, отождествляли «свободу» с предоставлением личной независимости и возможности уйти от помещика. Во-вторых, наиболее вероятный, с точки зрения крестьян, сценарий решения

⁸¹ См. подробнее: Тимофеев Д. В. «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX века // *Вопр. истории*. 2015. № 7. С. 79–90.

крепостной проблемы предполагал, что инициатива должна исходить не от помещика, а непосредственно от императора, который, проявляя отеческую заботу обо всех российских подданных, незамедлительно окажет необходимую финансовую помощь бывшим владельцам «населенных земель». Таким образом, сравнительно-контекстуальный анализ использования понятий в текстах исторических источников может стать важным инструментом при выявлении социально-политических представлений и тактических установок практических действий.

Глава 2. «Новая социальная история»: в поисках исследовательских подходов и определения генерализирующих понятий

Исторически сложилось так, что изучение российского социума, в том числе в хронологических границах раннего Нового – Новейшего времени, приобрело новаторский характер вне национальной – российской – исторической традиции. Формирование того сложного и многогранного феномена, который принято сейчас именовать «новой социальной историей», выпало на период политизации исторического знания и его тотальной идеологизации, связанных с возникновением и укреплением Советского государства. Справедливости ради надо заметить, что практически синхронно в аналогичной ситуации оказались и некоторые другие национальные историографии, среди них – германская. Но как бы там ни было, обновление предмета и содержания исторической науки, пережившее несколько качественно важных ситуаций и множество концептуальных «развилок» в межвоенный и послевоенный периоды, а также во время «культурных революций» в Западной Европе и в США 1960-х гг., прошло мимо отечественной историографии или, точнее, не приобрело в ней доминирующего характера.

Таким образом, важнейшие проблемы социальной истории: механизмы социального структурирования общества, выявление широкого спектра формальных и неформальных оснований социальной дифференциации, изучение соотношений формально-юридического статуса и самоидентификации индивидов, социальной мобильности, границ внутри- и межгруппового взаимодействия, наконец, выработка самого языка социальной истории – все это долгое время вызревало и эволюционировало в ходе научных дискуссий в журналах и на площадках семинаров в странах Запада. «Русская тема», разумеется, не была там приоритетной, но, во-первых, эти дебаты имели продуктивную перспективу для осмысления социальной истории России, а во-вторых, с определенного времени в ряде «великих историографических держав»¹ сформирова-

¹ Это определение: «великая историографическая держава», насколько нам известно, изобрел П. Ю. Уваров, подразумевающий под ним национальные историографические школы, в рамках которых активно и плодотворно развивается не только изучение собственной национальной, но и всемирной истории. К «великим историческим державам» традиционно относятся Франция, Великобритания, с некоторого времени – США (чаще

ровался круг исследователей, занятых «Russian studies» и применивших наработки национальных школ к постижению социальных процессов в России разных эпох. Поэтому обзор новейших тенденций, связанных с изучением российской социальной истории XVII–XX вв., будет справедливо начать с западных исследований, в том числе основанных на анализе не только российского материала. В этом ряду приоритетное место как по времени начала переосмысления социальной истории, так и по интенсивности исследовательского процесса принадлежит французским историкам.

2.1. Реконструируя историческое прошлое: от социальных структур к сетям и индивидам

По справедливому замечанию П. Ю. Уварова, большинство историков не склонно рефлексировать по поводу того, как нужно писать историю, – они ее просто пишут². За это историкам часто доставалось от собратьев по «смежным» дисциплинам: истории даже отказывали в праве считаться наукой, в том числе и потому, что у нее нет своей «теории» – последнюю за историю якобы «делала» философия (социология, антропология и т. п.). Но иногда сами историки этим бравировали. «Эпистемология – это поползновение, которое надо уметь решительно пресекать <...> В крайнем случае этому еще могли бы посвятить себя некоторые из лидеров научных школ (которыми мы ни в коем случае не являемся и на звание которых ни в коей мере не претендуем) для того, чтобы лучше защитить неутомимых ремесленников строящегося знания (единственное звание, на которое мы могли бы претендовать) от опасных искушений этой разлагающей моральной дух Капуи»³. Это написал Пьер Шоню в 1978 г. в работе «Количественная история, сериальная история». И, если верить Антуану Про, французские историки следовали этому завету, по крайней мере, до 1996 г., в котором Антуан Про издал свои «12 уроков по истории»⁴, где отмечал, что до того вре-

объединяемая с этой точки зрения понятием «англо-американская историография» с Великобританией), Германия и Россия.

² Уваров П. Ю. История, историки и историческая память во Франции // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: Заметки об историках. М., 2015. С. 33. Сказано по поводу французских историков, но вполне распространяемо на историков вообще.

³ Chaunu P. Histoire quantitative, Histoire serielle. Paris, 1978. P. 10.

⁴ Prost A. Douze leçons sur l'histoire. Paris, 1996.

мени французские историки уделяли мало внимания теоретическим вопросам. «Большинство из них, – пишет он, – не утруждают себя определением в начале книги используемых в дальнейшем понятий и интерпретационных схем», предпочитая «приступить к изучению истории без лишней волокиты» (на чем настаивал еще Шарль Пегу)⁵. Даже если принять эту констатацию слабости профессиональной саморефлексии французских историков (по крайней мере, до определенного времени), по их трудам вполне можно проследить теоретические предпочтения и найти «следы» работ Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Хальбвакса, М. Вебера, Ж. Гурвича, П. Бурдьё, Л. Болтански и Л. Тевено, а также других социологов. Влияние социологии на исторические исследования довольно ярко прослеживается именно в вопросе (или вопросах) социальной стратификации общества, т. е. структурирования на основе неравенства (по различным основаниям) отдельных его членов. Говоря об этом родстве, нельзя не вспомнить М. Вебера, который считал, что история и социология – это два направления научного интереса, а не две разные дисциплины⁶.

Ориентация на сближение между историей и социологией была особенно заметна в том курсе, который наметили для историков знаменитые «Анналы», сюжет о них невозможно обойти, рассуждая о социальной стратификации и вообще о социальной истории. Однако эта связь с социологией не была однозначной, как считает Н. В. Трубникова⁷. В частности, существовали разногласия между представителями обеих сторон в определении предметов этих наук, но это не мешало историкам заимствовать социологические понятия и методы. Марк Блок тяготел к применению социологических схем, используя позаимствованные у социологов категории «классы», «структуры» и «общество», а также к исследованиям коллективной психологии в духе Дюркгейма. Довоенная французская социальная история намеревалась объяснять прошлое большими социальными структурами, которые историк должен был зафиксировать, идентифицируя критерии группировки, и приступить к работе по категоризации. Таким образом, внимание переносилось с изучения событий на прослеживание истории структур, с истории

⁵ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 7.

⁶ Арон Р. Этапы развития социальной мысли. М., 1993.

⁷ См.: Трубникова Н. В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Изв. Том. политехн. ун-та. 2005. Т. 308, № 3. С. 192–196; *Ее же*. Французская историческая школа «Анналов». М., 2016.

вещей – на историю ментальности, которая является общей для носителей определенной культуры. Обобщение регулярных, повторяющихся и крупных исторических явлений, как считалось, должно привести к появлению большей научности в истории. Крупные структуры унифицировали людей и вводили в заблуждение, что может существовать скалярное измерение социального.

В 1950-е гг. под влиянием популярного тогда во Франции марксизма широкое понимание социальной истории, изложенное в трудах Люсьена Февра и Марка Блока, уступает изучению истории социальных групп и их стратификаций, которые стали представлять главный научный интерес. Историки стремились реконструировать реальную социальную иерархию, хотя и на разных принципах классификации. Отсюда вырос спор о классах и сословиях между приверженцами «Анналов», собственно марксизма и консервативного направления (методической школы), ставший в 1960-е гг. центральным эпизодом французской социальной истории⁸.

Классическая социальная история, представленная Фернаном Броделем и Эрнестом Лабруссом, была построена по дюркгеймовскому социологическому образцу, который определял индивида как социальный продукт. Согласно этой логике, преобладало изучение и массовое описание социальных единиц (знать, крестьяне, буржуазия, рабочие) статистическими, количественными, методами, которые, как виделось, и обеспечивают познание социального. «С научной точки зрения существует только количественная социальная история», – настаивали ученики Лабрусса Аделин Домар и Франсуа Фюре⁹.

Эрнест Лабрусс старался создать портрет основных классов французского общества в XVII–XIX вв. на основании экономических критериев (уровень доходов, профессиональная деятельность). Такой точке зрения противостоял представитель методической школы Ролан Му-

⁸ См., например: *Mousnier R., Labatut J. P., Durand Y. Problème de la stratification sociale. Deux cahiers de la noblesse pour les États généraux de 1649–1651. Paris, 1965; L'histoire sociale. Sources et méthodes // Colloque de l'École Normale Supérieure de Saint-Cloud (15–16 mai 1965). Paris, 1967; Niveaux de culture et groupes sociaux // Actes du colloque réuni du 7 au 9 mai 1966 à l'École normale supérieure. Paris ; La Haye, 1967; Mousnier R. Les concepts d'«orders», d'«estats», de «fidélité» et de «monarchie absolue» en France de la fin du XV-e siècle à la fin du XVIII-e // Revue historique. 1972. № 502 (avr.–juin). P. 239–312; Ordres et classes // Colloque d'histoire sociale. Saint-Cloud 24–25 mai 1967. Paris ; La Haye, 1973.*

⁹ *Daumard A., Furet F. Méthodes de l'histoire sociale: les archives notariales et la mécanographie // Annales E. S. C., 1959. Vol. 14, № 4. P. 676.*

ные, настаивая, что неправомерно говорить о классах применительно к французскому обществу XVII–XVIII вв.: это были группы (или сословия), различающиеся в зависимости от своих социальных функций и престижа (т. е. оценки социального статуса, главным в которой было понятие «достоинства» или «честь»). При наличии разногласий общим было то, что оппоненты оперировали «готовыми» категориями («буржуазия», «дворянство») и исходили из того, что описываемые ими социальные единицы (классы или сословия) существовали реально, а все общество можно и должно структурировать, «разложив по полочкам» на основании критериев социальной стратификации. Среди последних назывались богатство, доходы, происхождение, функции, профессия, семейные связи, власть, стиль жизни, честь/достоинство. Признание множественности критериев стратификации вело к идее многомерной социальной структуры. Однако, как считает Н. Е. Копосов, реализовать ее на тот момент не позволила существовавшая инерция научной задачи создания единой «синтетической социальной иерархии», сводимой либо к классам, либо к сословиям, что и привело распаду классической социальной истории.

Французская историография признает, что этот подход – классическая социальная история – привнес много знаний¹⁰. Однако в эпистемологических дискуссиях 1970-х гг., времени, которое Франсуа Бедарида назвал временем пробуждения спящей принцессы-истории¹¹, уже звучит разочарование в постулатах прежней истории. В преломлении темы стратификации общества важными представляются два критических посыла, которые стали развиваться в рамках новой социальной истории. Они связаны с позицией индивида и синтетическим структурированием общества. Критика гласила, что классическая социальная история не принимала в расчет индивидуальное, изменчивое и иррациональное, отдавая предпочтение истории масс. Индивид не являлся самостоятельным исследовательским предметом. Например, Э. Лабрусс в статье «Как делается Революция?» (1948) отмечал, что революции происходят несмотря на революционеров; над историей работают более глубокие силы, считал историк, которые не осознаются людьми. Таким образом, в исследовательской модели классической социальной истории индиви-

¹⁰ См., например: *L'histoire et le métier d'historien en France, 1945–1995 / Sous la dir. F. Bedarida. Paris, 1995.*

¹¹ *Bedarida F. La dialectique passé/présent et la pratique historique // L'histoire et le métier d'historien en France, 1945–1995. P. 79.*

ды – это претекст, не акторы. Самое большое, на что мог рассчитывать индивид, это служить в качестве примера, иллюстрации влияния внешних социальных сил. Логика исторического процесса помещалась вне людей, а общество делилось на категории, которые были конструктами классификаторов-историков.

Они производили на свет «синтетические» категории (демографические, экономические, социальные), которые подкреплялись цифровыми данными и представлялись как реально существовавшие однородные группы. Минималистское обращение с индивидом вело к созданию социально-профессиональных классификаций посредством изучения экономических реалий, которые обуславливают менталитет. В качестве примера можно вспомнить попытку Аделин Домар и Франсуа Фюре¹² в 1960-е гг. создать для Франции XVIII–XIX вв. социoproфессиональный кодекс, разделив население «на ограниченное количество категорий, каждая из которых будет характеризоваться относительной социальной гомогенностью»¹³. Однако в ходе работы выделенных групп оказалось так много, что они нуждались в создании агрегированных порядков. И когда от дробных классификаций нужно было переходить к повествованию, историки отбрасывали ими же сконструированные категории.

Подобное «линейное обобщение», как подчеркивал Бернар Лепти, вело к «подгонке» социальных категорий под первоначальные установки исследования в отношении социальных делений и иерархий и к созданию «организованных» классификаций и реифицированных аналитических категорий, не позволявших увидеть исторический процесс¹⁴. Кроме конструирования объекта исследования, ставилась проблема его интерпретации историком, который, выбирая способы описания предмета исследования, ориентируется на собственный «словарь»¹⁵. В общем, под сомнение была поставлена способность классической соци-

¹² *Daumard A., Furet F. Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIIIème siècle. Paris, 1961.*

¹³ *Daumard A. Structure sociales et classement socio-professionnel: L'apport des archives notariales aux XVIII-e et XIX-e siècles // Revue historique. 1962. Vol. 227. P. 152.*

¹⁴ *Лепти Б. Общество как единое целое. О трех формах анализа социальной целостности // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 148–164.*

¹⁵ Среди критиков выделялись голоса Раймона Арона и Мишеля Фуко, стремившегося доказать, что историки наивно полагают самоочевидным существование объективных социальных структур и понятий.

альной истории учитывать реальность («бедная идея реального», как об этом говорил Мишель Фуко¹⁶).

Одним из первых с критикой социографического подхода выступил в конце 1960-х гг. Жан-Клод Перро¹⁷, призывая к изучению не столько структур, сколько социальных отношений, в которые вступают люди. Тогда же Морис Агюлон предложил концепцию социального ключа – основных знаковых моментов, объединяющих группу. В намечившемся повороте французской истории в сторону активной роли в историческом процессе социальных субъектов заметно влияние работ Раймона Будона (который настаивал на объяснении социальных фактов через индивидуума и тот смысл, которым он наделяет свои действия), Алена Турена (который разработал теорию общества как явления, построенного вокруг социального актора и социальных движений) и Пьера Бурдьё (с его основными понятиями агента как основного «действующего лица» общества, габитуса как принципа действия агентов, поля как пространства фундаментальной социальной борьбы, капитала как ресурса в социальном поле и символического насилия как главного механизма утверждения господства).

В начале 1990-х гг., времени всеобщего увлечения французских историков социологическими концептами и методами, почитаемые историками представители «новой социологии» Люк Болтански и Лоран Тевено отказываются рассматривать классы или социальные группы, созданные на основе официальной статистики «классической» социологии, в пользу анализа людей в «ситуации», т. е. человеческих действий, в которых акторы, включенные в межличностный обмен, мобилизуют свои возможности для оправдания своих позиций¹⁸. Исходя из такого понимания, различные социальные группировки предстают как относительно временные конструкции, как результат активного соглашения и применения мобилизационных ресурсов акторов. При таком подходе можно увидеть, как процесс признания социальными субъектами значимости общественно-политической реальности организует практики, социальные институты и конкретные конфигурации межличностных отношений.

¹⁶ Именно на философские дебаты стали ориентироваться историки, почти на 20 лет, до конца 1980-х гг., ослабив связь с социологией. См.: Трубникова Н. В. Указ соч. С. 194.

¹⁷ Perrot J.-C. Rapports sociaux et villes au XVIII-e siècle // Annales E. S.C. 1968. Vol. 23, № 2. P. 241–267.

¹⁸ Boltanski L. L'Amour et la Justice comme competences. Trois essais de sociologie de l'action. Paris, 1990; Boltanski L., Thevenot L. De la justification. Les economies de la grandeur. Paris, 1991.

Окончательный разрыв с дюркгеймовской социологией и прежней социальной историей ознаменовал вышедший в 1995 г. под редакцией Бернара Лепти коллективный труд с подзаголовком «Другая социальная история»¹⁹. Авторы книги призывали при анализе общества концентрироваться на личности, на понятиях «взаимодействия» и «социальных соглашений», на «вопросах идентичности и социальных связей». Тогда же Франсуа Досс констатировал появление новой исторической парадигмы, одной из центральных идей которой является возвращение субъекта²⁰.

Вопреки предшествующим взглядам основные социальные категории – классы, группы, общности или общества – теперь не представляются априори заданными. Это относится и к принадлежности индивида к какому-либо статусу как точно фиксированному месту в социальной иерархии. «Люди не находятся в социальных категориях, как ручки в коробках», – говорил об этом Б. Лепти²¹. Положение индивида или группы – это результат многочисленных договоренностей, обусловленных стечением различных обстоятельств (или «конфигураций», пользуясь термином Н. Элиаса). Понятия «сословие» или «социальная группа» продолжают использоваться, но как категории социальной практики, которую актер пытается учитывать в своей повседневной жизни.

Таким образом, исследовательский интерес новой социальной истории Франции сместился на действия людей (парадигма *l'action*). Индивид отныне предстает как актер, а не как пассивный приемник структурного давления долговременно существующих социальных институтов. При этом новая социальная история не утверждает, что люди произвольно делают историю так, как они хотят, нет, история – это равнодействующая сила. Принятие в расчет действия и индивидуального измерения не отрицает социальную историю в дюркгеймовском понимании социального. Но предполагаются другие ее истоки, идущие от самого человека. В этом смысле для приверженцев новой социальной истории Франции близка «формула» писателя Жоржа Бернаноса: «Мы не подвергаемся будущему, мы его делаем»²².

На рубеже XX–XXI вв. французские историки оказывают все меньшее доверие глобальным объяснительным теориям (функционализм,

¹⁹ *Lepetit B. Les formes de l'expérience: Une autre histoire sociale. Paris, 1995.*

²⁰ *Dosse F. L'Empire du sens. L'Humanisation des sciences humaines. Paris, 1995.*

²¹ *Lepetit B. Les formes de l'expérience. P. 13.*

²² *Bernanos G. La liberté, pour quoi faire? Paris, 1995.*

структурализм, марксизм, социальный детерминизм и пр.). Отказ от больших макроисследовательских подходов стал еще более очевиден в новом тысячелетии, характерной тенденцией которого, как отмечал Франсуа Досс, стала гуманизация наук о человеке²³. Историки отталкиваются от понимания, что различные уровни социального опыта сосуществуют одновременно и переплетаются друг с другом. Формы опытов не иерархизированы, нет маленькой истории маленького человека или большой истории правящих кругов, но есть история их взаимодействия. Каждый актер живет в нескольких мирах социального опыта – класс, гендер, профессия, ассоциация, семья, которые не являются взаимоисключающими. Действительность формируется в конкретной ситуации социального взаимодействия между отдельными людьми либо между группами. Взаимоотношения, сходства, общительность, дружба, ассоциации – все эти объекты относятся к индивиду и индивидуальному, но в то же время они соответствуют нормам, коллективным договорам. Индивид не является изобретателем этих норм, он их выбирает, изменяет, приспосабливается к ним в пределах коллективных правил. Отсюда концепт «рациональности – ограниченности»: индивид не определен социальным, он ограничен социальным. «Ограниченная рациональность» (понятие, пришедшее от социологов Лорана Тевено и Люка Болтански) – это и есть пространство действия индивида.

Поле структур кажется уже устаревшим. Для новой социальной истории Франции одним из главных слов стало *interaction* – взаимодействие; общество воспринимается как сложная система интеракций. Структуры превратились в подвижные практики, которые обмениваются своими составляющими в пространстве и во времени. Современного французского историка занимает вопрос: что организует социальную группу? Каковы нормы и мотивы, интересы и ценности, которые вынуждают людей быть вместе или двигаться в другие группы? Что актеры хотят и могут сделать? Как передается логика совместных действий? Как люди сами определяют свою и чужие социальные позиции?

Социальная группа предстает как сложный институт, состоящий из множества самоорганизующихся субъектов, которые в процессе согласий и разногласий создают этот институт как унию (возможно, временную), основанную на самосознании, по отношению к другим. Такое понимание прослеживается, например, в работе Жан-Франсуа Сири-

²³ Dosse F. L'Empire du sens: L'Humanisation des sciences humaines. P. 12.

нелли «История правых во Франции»²⁴. Чтобы это понять, важен учет персональных стратегий, языковых практик и культурных кодов. Вслед за социологами историки стали оперировать понятием «сети» как более гибкого образования, позволяющего изучать объединения людей и их взаимосвязи и взаимодействия, в отличие от жесткого «каркаса» социальных структур.

Изучение сетей потребовало изменения масштаба. От изучения региона историки перешли к изучению отдельной деревни, историки религии, занимавшиеся исследованием епархии, обратились к исследованию прихода и т. д. Для французских историков в этой области ориентирами служили исследовательские практики итальянской микроистории – работы Карло Гинзбурга, Эдоардо Гренди, Джованни Леви, которые сосредоточили внимание на индивидуальных стратегиях, интерактивности, на сложности целей и характере коллективных репрезентаций. Отказавшись от изучения классов, французские историки обратились к разным по своей природе группам или категориям. Изучались группы, складывающиеся стихийно или в результате действия социального законодательства; группы, которые воплощали собой господство или маргинальность. В качестве примеров можно привести работы о бродягах (Морис Агюлон), безработных (Кристиан Топалов), евреях (Жан Эстеб), ветеранах войн (Антуан Про), мигрантах и иммигрантах (Жерар Нуарель и Нэнси Грин) и др.²⁵ В новом качестве были реабилитированы социoproфессиональные категории: не как стремление категоризировать все общество на основании профессиональной принадлежности индивида, но как истории отдельных профессий с размышлениями о способах формирования различных социальных идентичностей. Авторы обратились к историям нотариусов и прокуроров, военнoслужаших, врачей, инженеров (Андре Грелон), интеллектуалов (Жан-Франсуа Сиринелли)²⁶. Историки обращались к забытым катего-

²⁴ *Sirinelli J.-F.* L'Histoire des droites en France : 3 vol. Paris, 1992.

²⁵ *Les Anciens Combattants, 1914–1940.* Paris, 1977; *Agulhon M.* Histoire vagabonde : 3 vol. Paris, 1988–1996; *Topalov C.* Naissance du chômeur, 1880–1910. Paris, 1994; *Estèbe J.* Les juifs à Toulouse et en Midi toulousain au temps de Vichy. Toulouse, 1996; *Noiriel G.* État, nation et immigration. Vers une histoire du pouvoir. Paris ; Berlin, 2001; *Green N.* Repenser les migrations. Paris, 2002; *Nassiet M.* Noblesse et pauvreté. La petite noblesse en Bretagne, XV-e–XVIII-e siècles. Rennes, 2012.

²⁶ *Grelon A.* Les ingénieurs de la crise. Titre et profession entre les deux guerres. Paris, 1986; *Sirinelli J.-F., Ory P.* Les Intellectuels en France de l'affaire Dreyfus à nos jours. Paris, 1986; *Dosse F.* La marche des idées. Histoire des intellectuels – histoire intellectuelle. Paris, 2003;

риям, как, например, история женщин. Мишель Перро в предисловии к книге «Возможна ли история женщин?» (1985)²⁷ подчеркивала, что экономическая и социальная истории, развитию которых дали толчок «Анналы», не учитывали деление полов, и выражала надежду, что новое направление (или изменение парадигмы) в социальных науках будет благоприятствовать написанию истории женщин²⁸.

Изучая индивидуальное в судьбе человека или группы, изучая кажущуюся микрореальность большой сущности, исследовательский горизонт перемещается с вопроса «почему?» к вопросу «как?»: как на уровне индивидуального происходит конструирование социального пространства, присвоение и освоение социального места? Это вопрос о социальной идентичности, самоидентификации. Вопросы, которые анимируют современную французскую микроисторию: как понять общество и его структуру через доступ к смыслам, которые социальные акторы сообщают в своих действиях? Выбор индивидуального здесь не считается несовместимым с социальным: следуя нити собственной судьбы (судьбы отдельного человека или группы людей), индивид осваивает множество пространств и сетей социальных отношений, в которые он вписывается. При этом заметен отход от концепта «менталитет» (как чего-то неуловимого, базирующегося в подсознании) в сторону представлений как основы непосредственной человеческой деятельности.

2.2. Социальные категории «класс» и «сословие» в зарубежной историографии: необходимая условность или адекватный инструмент описания исторической реальности?

Общие подходы к изучению социума как системной совокупности организованных групп, структур и индивидов, эволюцию которых (подходов) мы кратко рассмотрели на примере французской историографии, неизбежно подвигали историков к разработке генерализиру-

Dolan C. Les procureurs du Midi sous l'Ancien Régime. Rennes, 2012; *Perez S.* Histoire des médecins. Artisans et artistes de la santé de l'Antiquité à nos jours. Paris, 2015.

²⁷ Une histoire des femmes est-elle possible? / Sous la dir. de M. Perrot. Marseille ; Paris, 1984.

²⁸ Поиски в этом направлении прослеживаются в изданиях: *Histoire des femmes en Occident* : 5 vol. / Sous la dir. de G. Duby et M. Perrot. Paris, 1991–1992; *Histoire des jeunes en Occident* : 2 vol. / Sous la dir. de G. Levi et J.-C. Schmitt. Paris, 1996; *Thébaud F.* Écrire l'histoire des femmes et du genre. Paris, 1998; *Ripa Y.* Les femmes en France, 1880 à nos jours. Paris, 2007; *Martin J.-C.* La Révolte brisée. Femmes dans la Révolution et l'Empire. Paris, 2008.

ющих понятий, если можно так сказать, «второго уровня». В их ряду чрезвычайно важное место занимали и занимают вопросы, связанные с поиском адекватного языка описания социальных структур изучаемых обществ, с выработкой критериев, границ и маркеров социальных стратификаций.

Проблема стратификации общества – исследовательское поле, которое предоставляет широкие возможности для различных вариаций на тему структуры социума, критериев социального ранжирования, создания обобщенных и дробных классификаций. Признание «сетевого» устройства общества, к которому на сегодняшний день пришли, разумеется, не только французские историки²⁹, не избавляет от соблазна или перспективы конструирования емких социальных категорий. История гуманитарного знания раз за разом услужливо подсказывает: «Не надо ломиться в открытую дверь; такие категории давно существуют, их имена: классы и сословия». В самом деле, какие бы манифесты ни писались социологами и социальными историками, эта пара не торопится покинуть обжитое пространство социального дискурса и, видимо, имеет на то основания. Как складываются отношения современной историографии с этими понятиями и почему они демонстрируют такую удивительную живучесть? Ответы на эти вопросы требуют обращения к новейшим исследовательским практикам и выявлению той гаммы коннотаций, которая сопровождает понятия «класс» и «сословие».

Понятие «класс», оказавшееся явно не в чести (и по понятным причинам) у ряда сегодняшних российских историков, вполне активно используется в трудах западных специалистов. В то время как многие историки сосредоточили свои эмпирические исследования вокруг ак-

²⁹ Так, например, в острой полемике с так называемой «социально-исторической наукой» (Г.-У. Велер, Ю. Кокка) и под влиянием французских исследователей круга «Анналов» и трудов Н. Элиаса на рубеже 1970–1980-х гг. в Германии стало формироваться новое направление, которое вполне можно рассматривать как результат переосмысления социальной истории в русле культурологических и историко-антропологических подходов, делающих ставку на человека-индивида как актора социальных интеракций и субъекта сетевых, а не жестко иерархизированных социальных моделей. Речь идет о хорошо известном сегодня направлении – «истории повседневности» (Alltagsgeschichte), или «истории снизу» (Geschichte von unten). См.: *Оболенская С. В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ // *Одиссей. Человек в истории* / гл. ред. А. Я. Гуревич. М., 1990. С. 182–198; *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // *THESIS*. 1993. Вып. 1. С. 163–181; *Людке А.* «История повседневности» в Германии после 1989 года // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М., 1999. Вып. 2. С. 117–126.

тора, его специфических траекторий, личных стратегий и опыта мобильности, социологи возвращались к понятию «социальный класс». В качестве примера можно привести коллективные труды, вышедшие в середине 2000-х гг., – «Что остается от социальных классов?» или «Возвращение социальных классов: неравенство, господство, конфликты» (переиздан с некоторыми дополнениями в 2015 г.)³⁰. Редакторы первой из перечисленных работ Жан-Ноэль Шопар и Клод Мартен называют ситуацию отхода от классового анализа «социологической амнезией» и настаивают, что рано говорить о конце классов, о несостоятельности применения этого термина к изучению общества, но необходимо изменение рамок и инструментов анализа. Нужно отойти от идеи противостояния между работодателем и рабочим классом как центральной и распространить классовый анализ и на другие страты. Авторы второй работы (под редакцией Поля Буффартика) придерживаются позиции, что понятия «класс» и «классовые отношения», «класс в себе» и «класс для себя» оказываются довольно плодотворными, несмотря на «дисквалификацию» марксизма. Естественно, работы социологов направлены на современное общество. Историки не говорят столь открыто о ценности классового анализа для исторических исследований, но и не избегают этого понятия в своих исследованиях.

Если обратиться к историографии по социальной истории Западной Европы, можно увидеть достаточно разнообразное употребление концепта «класс» и придание ему сложного глубокого значения. Так, британский исследователь П. Джойс, изучая класс рабочих промышленных районов Северной Англии в XIX в., подчеркивает, что его интересуют не столько экономические аспекты, сколько политические и художественные представления и репрезентации социальных установок. По его мнению, класс – это сложный социальный конструкт, создаваемый различными историческими акторами по-разному. П. Джойс указывает на необходимость изучения «классового языка», который проявляется, в частности, в художественных произведениях, а также подчеркивает важность проблем самоидентификации, на которую влияли политика, искусство, религия³¹.

³⁰ *Que reste-t-il des classes sociales / Sous la dir. de J.-N. Chopart et C. Martin. Rennes, 2004; Le retour des classes sociales: Inégalités, dominations, conflits / Sous la dir. de P. Bouffartigue. Paris, 2004.*

³¹ *Joy P. A People and a Class: Industrial Workers and Social the Order in Nineteenth-Century England // Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification / ed. by M. L. Bush. L. ; N. Y., 1992. P. 199–217.*

Свою актуальность термин не теряет и в контексте изучения так называемого «среднего класса» – теме, традиционной для исследований западноевропейской социальной истории. Концептуальными представляются наблюдения Дж. Сида в его исследовании о природе среднего класса в Англии конца XVIII – начала XIX в. В первую очередь он ставит вопрос о неоднозначности самого понятия «средний класс», прослеживая историю его употребления. Одним из главных тезисов автора является вывод о неоднородности той социальной страты, которую принято считать «средним классом». Во-первых, историк указывает на существовавшие различия между его представителями в Северной и Южной Англии, а также на особую ситуацию, характерную для положения среднего класса в Лондоне. Во-вторых, Дж. Сид отмечает разные уровни внутри среднего класса: от крупных промышленников до мелких торговцев, причем границы между ними были очень подвижны и зависели от степени сотрудничества, культурной и политической кооперации. Неоднозначен и вопрос о групповой идентичности. Автор указывает на сложность идентификации представителей среднего класса в источниках, поскольку один человек мог быть одновременно адвокатом, промышленником и землевладельцем (что показано на конкретном примере). Говоря о маркерах принадлежности к среднему классу, Дж. Сид называет доход, реализованный в потреблении. К 1830 г. укрепилось единое мнение, что 300 фунтов стерлингов – это минимальный доход для поддержания уровня жизни «среднего класса»³².

Вопрос об социальной идентичности и маркерах стратификации представлен и в исследовании Г. Камена, посвященном европейскому обществу раннего Нового времени. В предисловии заявлено, что центральной темой работы является изучение изменений в европейском обществе в течение двухвекового периода – с конца XV в. до первых десятилетий XVIII в. Однако в силу того, что в реальности «европейского общества» не существовало, данная монография рассматривает скорее некоторые общие черты, наблюдаемые в ряде разных контекстов внутри европейского пространства. Г. Камен концентрирует внимание на двух основных аспектах: базовых социальных структурах Европы в исследуемый период и изменениях в социальных отношениях. В качестве «базовых идентичностей» историк выделяет сельскую общину и городское сообщество. Соответственно такому разделению самоидентифика-

³² *Seed J.* From “Middling Sort” to Middle Class in Late Eighteenth- and Early Nineteenth-Century England // *Social Orders and Social Classes in Europe...* P. 120–124, 130–134.

ция индивидов выражалась через принадлежность к общине или к городскому сообществу, а ее важными компонентами считались понятия «соседства» и «родного города»³³. Обращаясь к характеристике элитных групп общества, автор разделяет «правлящие элиты» и «средние элиты» (middle elite) и акцентирует внимание на патрон-клиентских отношениях в качестве отличительной черты, присущей статусному рангу правящей элиты. К средним элитам Г. Камен относит городские и сельские элиты. У их представителей не было особой этики, как у аристократии, но они обладали ясной ценностной моделью, которая определяла их поведение и устремления. С этой точки зрения вместе их связывали общие ценности и общие контексты, например, владение собственностью или принадлежность к определенной профессии. Г. Камен считает, что, несмотря на то, что средний класс сложно оценить с точки зрения материального положения и статуса, существуют твердые основания для определения его идентичности через культуру повседневности, образ жизни. Именно поэтому материальный комфорт стал внешним выражением твердой социальной позиции среднего класса³⁴.

Сходную картину можно наблюдать и в работах западных историков, посвященных изучению социальной истории Российской империи. Та же тема «поиска» среднего класса в России, выявления причин его отсутствия или слабости и упадка неизбежно приводит авторов к оперированию понятием «класс» как социальной категорией.

Так, например, Чарльз Тимберлейк, рассуждая о средних классах в поздней царской России, утверждает, что к концу XIX в. процессы индустриализации и соответствующего разделения труда породили формирование определенных групп среднего класса, выполнявших те же функции, что их аналоги в Западной Европе. Однако государственная политика, поощряя вертикальную социальную мобильность, препятствовала горизонтальной общественной интеграции. Правительство, по мнению исследователя, не желало допускать ни географической интеграции, ни интеграции между разрозненными группами внутри одной социальной страты. Законодательство препятствовало созданию автономных профессиональных и торгово-промышленных организаций. Вместо того, чтобы строить новые социальные и политические институты, сегменты русского среднего класса вместе с царской бюрократией принимали участие в модифицировании системы сословий, удовлетво-

³³ Camen H. *Early Modern European Society*. L.; N. Y., 2000. P. 9–14.

³⁴ Ibid. С. 73–74, 97, 112.

рившей самодержавие, чтобы подготовить себе ниши в ней. В результате этого создавался средний класс, облаченный в костюм дворянина. Чертами русского среднего класса были, во-первых, разрозненность, во-вторых, «сборный» характер – в данный класс входили представители разных сословий. В конечном итоге, когда самосознание среднего класса еще только зарождалось, большевистская революция смела институты и ассоциации, в которых он начал появляться³⁵.

Исследованию профессий и профессионализации в России как социального явления посвящен коллективный труд, в самом названии которого звучит мысль о «потерянном» среднем классе в России: «Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History». Редактор и один из авторов работы Г. Бальцер отмечает, что в пореформенной России и Советском Союзе профессиональные специалисты являлись крупнейшим компонентом зарождавшегося среднего класса. До 1917 г. число специалистов стремительно росло, и они играли важную роль в политическом процессе, однако социальная структура, основанная на сословном делении, и расколы, пронизывавшие идентичности специалистов, препятствовали их согласованной политической активности. Проблемное поле данного исследования охватывало историю нескольких профессиональных групп: инженеров, учителей и профессоров, юристов и медиков. При этом авторы статей постоянно сталкиваются с тем, о чем шла речь в упомянутой статье Ч. Тимберлейка, а именно с множеством свидетельств того, как российское правительство отказывалось санкционировать национальные организации профессионалов (специалистов) или не разрешало проведение конгрессов и других встреч³⁶.

Оперирование термином «класс» применительно к различным аспектам российской истории можно легко обнаружить и в других исследованиях западных специалистов. Социолог М. Баррэддж, строящий свое исследование на материалах по истории обществ Франции, Англии, России и США, в качестве стратификационной единицы использует понятие «класс» применительно к различным российским социальным категориям, в том числе дворянству и крестьянству. Он подчеркивает высокую степень стремления государства контролировать и управлять

³⁵ *Timberlake C. E. The Middle Classes in Late Tsarist Russia // Social Orders and Social Classes in Europe... P. 86–113.*

³⁶ *Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History / ed. by Harley Balzer. N. Y., 1996. P. 24.*

стратификацией общества царской России. Особое внимание М. Баррэдж уделяет чиновничеству, пытаясь понять, являлось ли оно особым классом, сословием или чем-то еще (приводя точки зрения на этот счет Марка Раева, Ричарда Пайпса и др.)³⁷. Э. Виртшафтер в некоторых случаях использует термин «класс» в своей монографии «Social identity in imperial Russia» (в частности, в главе «Правящие классы и служилые элиты»)³⁸.

Что-то подобное можно наблюдать в работах, посвященных советской истории. Автор фундаментальной монографии «Неудобный класс: Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе (1910–1925)» Теодор Шанин вышел за рамки марксистской концепции социальной стратификации. Он черпал идейные основы своих теоретических и статистических изысканий в трудах М. Вебера, Й. Шумпетера и англо-американских социологов середины XX в. Но базу его методологии составили работы российских социологов первой трети XX в., заложивших основы «крестьяноведения». Опираясь на труды А. В. Чаянова и А. Н. Челинцева, Т. Шанин исследовал социальную поляризацию в аспекте «циклической мобильности», показав, что социальная стратификация в советской деревне в первое десятилетие после революции основывалась на комплексе факторов, к числу которых он относил возрастные и половые характеристики крестьянской семьи³⁹.

Начиная с 1980-х гг. историки демонстрируют более гибкий подход к проблеме классов. Фрагментарные данные о социальной структуре дореволюционной России приведены у Шейлы Фицпатрик, констатировавшей «шизоидный» (расколотый) характер русского общества начала XX в. Исследовательница обратила внимание на самоидентификацию жителей Петербурга, относивших себя к социальным группам «потомственных дворян», «купцов 1-й гильдии», «почетных граждан» или «государственных советников». Преобладающей, однако, оказывалась профессиональная или профессионально-сословная самоидентификация, когда респонденты характеризовали себя как «женского врача» или «дворянина, дантиста»⁴⁰.

³⁷ *Burrage M. A People and a Class: Industrial Workers and Social the Order in Nineteenth-century England // Social Orders and Social Classes in Europe... P. 199–217.*

³⁸ *Wirtschafter E. K. Social Identity in Imperial Russia. Dekalb, 1997.*

³⁹ *Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford, 1972. P. 45–47, 66–76, 137–141.*

⁴⁰ *Fitzpatrick Sh. Russian Revolution. Oxford, 1982. P. 16.*

Александр Сампф, автор одной из последних книг по истории Советского Союза («От Ленина до Гагарина»), написанной в русле социальной истории, подчеркивает, что он фокусирует анализ не на жестких классах, а на социальных группах: на их образовании, узаконивании, на признании другими группами, на процессах идентификации⁴¹. Для анализа каждой категории он предлагает использовать множественные точки зрения и различные тематические подходы. При этом понятие «класс» в одном случае является синонимом «социального слоя», в другом – трактуется в русле советской официальной терминологии, в третьем – слово заключается в кавычки, когда автор желает подчеркнуть искусственность созданной большевиками категории. Другой автор – Жан-Поль Депретто, будучи историком советского рабочего класса⁴², считает, что без этого концепта специфическая природа социальной стратификации в СССР не может быть понята. В то же время для анализа социальной стратификации он предлагает использовать и термин «социальный статус» в веберовском его понимании как места в иерархии престижа⁴³, подчеркивая решающую роль государства в СССР в присвоении людям такого места на шкале статусов и в создании статусных групп⁴⁴.

Все сказанное, с одной стороны, отчетливо дает понять, что в новейшей историографии происходит «размывание» строгого категориального значения понятия класса, которое ему имплицитно стремились придать К Маркс, М. Вебер и вполне отчетливо – В. И. Ленин, наделяя его «аналитическим» смыслом и акцентируя внимание на его экономической (социально-экономической) природе. С другой стороны, при всех оговорках, у исследователей остается отношение к классу как к чему-то «реально существующему» и имеющему познавательную/объяснительную ценность.

Причины такого отношения к термину убедительно, на наш взгляд, показал британский историк Уильям Редди в статье с характерным названием «Концепция класса»⁴⁵. Констатируя, что «понятие класса никогда не использовалось историками с большой точностью», что большин-

⁴¹ *Sumpf A.* De Lénine à Gagarine: Une histoire sociale de l'Union soviétique. Paris, 2013. P. 12–13.

⁴² *Depretto J.-P.* Les Ouvriers en URSS, 1928–1941. Paris, 1997; Pour une histoire sociale du régime soviétique (1918–1936). Paris, 2001; Pouvoirs et société en Union soviétique / Sous la dir. de J.-P. Depretto. Paris, 2002.

⁴³ *Weber M.* Economie et société. Paris, 1995. P. 395–396.

⁴⁴ *Depretto J.-P.* Stratification without Class // *Kritika*. 2007. Vol. 8, № 2. P. 375–388.

⁴⁵ *Reddy W. M.* The Concept of Class // *Social Orders and Social Classes in Europe...* P. 12–25.

ство историков признают невозможность «точно определить границы класса... не нарушая сложности и тонкости социальных отношений», а также то, что в этом смысле понятие класса «не отличается от других элементов общей лексики социальных характеристик», автор в то же время признает, что сама попытка поднять вопрос о том, «что понятие “класс” себя изжило», может показаться безумием, «попыткой ударить палкой ветер»⁴⁶.

По мнению У. Редди, это происходит именно в силу нечеткости и вариативности использования термина и парадоксально связанным с этим удобством его употребления: «Мы используем слово класс и производные от него термины (например, класс крестьян, рабочий класс, класс буржуазии... и так далее), поскольку они предлагают нам множество ассоциаций <...> и это играет важную роль в построении *удобно упрощенной парадигмы долгосрочных социальных изменений*»⁴⁷.

То, что понятие «класс» следует заменить на «что-то лучшее», было ясно некоторым историкам уже в 1950–1980-е гг., поясняет Редди, ссылаясь на работы Ж. Х. Гекстера и Дж. Ч. Кларка. По мнению автора, в первую очередь следует отказаться от восприятия классов как неких фиксированных «групп людей». Понятие класса обнаруживает удивительную подвижность, стоит лишь попытаться определить с его помощью социальный статус тех или иных групп или индивидов. Вместе с тем классы, если под ними понимать некие определенные общности, при ближайшем рассмотрении «рассыпаются» на множество составляющих, демонстрируя внутреннюю рыхлость и многослойность. В этом отношении ни российское крестьянство в 1860 г., ни лондонские ремесленники в 1820 г., ни французская «буржуазия», провозгласившая в 1783 г. Декларацию прав человека и гражданина (и, по мнению Уильяма Дойла, мало отличавшаяся от «консервативного дворянства» по уровню и формам богатства, по способам управлению им, образу жизни и набору привилегий), не представляли единых классов⁴⁸.

Но классы, как считает У. Редди, можно воспринимать в другом ключе: как выражение неких отношений; классы проявляют себя только тогда, когда люди вступают в жизненно важные отношения друг с другом, например, производя и распределяя ресурсы и контролируя применение принуждения. Собственно, признает автор, такое понимание

⁴⁶ Reddy W. M. The Concept of Class. P. 12.

⁴⁷ Ibid. P. 12–13.

⁴⁸ Ibid. P. 20.

классов возвращает нас к его марксистской трактовке (и ленинской – добавим от себя: классы проявляются через отношения к средствам производства, ролям в общественной организации труда и способам распределения и присвоения общественного богатства).

Правда, в ряде случаев и такое понимание классов мало что дает историкам. Что случается с классом, когда меняется отношение к способам организации труда и способам распределения и присвоения его результатов? «Являлись ли, например, прусские юнкеры одним и тем же классом до и после освобождения крестьян от крепостной зависимости?» – задается вопросом У. Редди вслед за Ханной Шисслер, автором монографии «Прусское аграрное общество в переходный период...», изданной в Геттингене в 1978 г. К какому классу следует относить ланкаширских владельцев мануфактур XIX в., многие из которых, как показал Патрик Джойс, происходили из джентри: к дворянству или к буржуазии? Какова была классовая принадлежность лидеров французского рабочего движения 1830–1840-х гг., рабочих, занимавшихся литературным трудом в качестве журналистов и писателей, а иногда и владевших землей? Они, как продемонстрировал Жак Рансиэр, «одной ногой» стояли в стане рабочих, а другой – в стане мелкой буржуазии. Мелкие фермеры в той же Франции в XVIII в., герои исследования Олвена Хафтона, по несколько месяцев в году проводившие в качестве наемных рабочих в более богатых аграрных хозяйствах, – кем были они: крестьянами или рабочими? Такие примеры (которые, несомненно, вызовут множество ассоциаций у специалистов по социальной истории России) дают ясно понять, что и через «отношения к средствам производства» понятие класса не становится более надежным инструментом анализа социальных стратификаций. Сложности, продолжает Редди, связаны и с тем, что классовые отношения иногда трудно отделить от других видов отношений, например, гендерных. Так, ссылаясь на исследования Джона Фостера, историк приводит пример из практики ланкаширских прядильщиков, использовавших в конце XIX в. своих детей в роли связывальщиков. Это распределение производственных ролей на основе гендерной иерархии (что само по себе не уникально) возвело прядильщиков в ранг отраслевой рабочей «аристократии»⁴⁹.

В качестве парадоксального примера, демонстрирующего категориальную беспомощность понятия «класс» применительно к конкретно-историческим реалиям, У. Редди приводит результаты трех иссле-

⁴⁹ Reddy W. M. The Concept of Class. P. 16–17, 19.

дований, проведенных в разное время его коллегами, изучавшими характер социальной природы чартизма, – Эдвардом Томпсоном, уже упоминавшимся Джоном Фостером и Гаретом Стедманом-Джонсом⁵⁰. Как сообщает Редди, Э. Томпсон, выстроивший детальнейшее исследование бесчисленного количества разрозненных отношений между разными категориями рабочих и владельцами капитала, мало что смог обнаружить, когда дело дошло до восприятия их *общих* интересов, их общего *классового сознания*. Дж. Фостер, который пошел от обратного и в поисках общего классового сознания (в строгом ленинском определении – пишет автор), последовательно отсекая от «настоящих» рабочих всяких мелких собственников, вышедших из рабочей среды, попытался выявить подлинных носителей этого сознания (т. е. собственно «рабочий класс»), обнаружил, что таковых оказалось крайне мало, буквально горстка, да и те достигли этого сознания лишь на краткий момент. Наконец, Г. Стедман-Джонс вовсе отказался видеть в чартизме движение рабочего класса. И в этом он, по мнению У. Редди, непостижимым образом оказался близок Дж. Фостеру, при всем критическом настрое по отношению к последнему: как и у Фостера, у Стедмана-Джонса есть «строгое и требовательное понимание того, на что *должно быть похоже* сознание рабочего класса», просто он отказывается в нем чартистам, объясняя движение стечением политических обстоятельств⁵¹.

Казалось бы, все сказанное должно окончательно дискредитировать понятие «класс» как безнадежно устаревший и непригодный инструмент в арсенале социальной истории. Но сам У. Редди не столь однозначен в своих выводах. Решительно отказываясь понимать под классом «фракцию», статичную «группу людей» (а равно использовать производные от такого понимания класса: рабочий класс, пролетариат, мелкая буржуазия, дворянство и пр.), он призывает не сдавать в утиль понятие класса как отношения. Ведь рождаясь через определенные отношения, класс, по мнению автора, порождает сообщество, а сообщество, достигая определенного масштаба и сложности, в свою очередь, порождает классовые отношения внутри себя⁵².

⁵⁰ *Thompson E. P. The Making of the English Working Class. L., 1963; Foster J. Class Struggle and the Industrial Revolution. L., 1974; Stedman-Jones G. Language of Class: Studies in English Working-Class History, 1832 – 1982. Cambridge, 1983.*

⁵¹ *Reddy W. The Concept of Class. P. 22–23.*

⁵² Эта идея, проходящая через добрую половину статьи, наиболее фокусировано формулируется в нескольких моментах: *Reddy W. Op. cit. P. 18, 20–21.*

Если понятие класса как генерализирующей единицы социальной стратификации и социально-исторического анализа потеряло свою четкость и трактуется современными исследователями предельно широко и вариативно, то другая единица, активно используемая при анализе социальной ситуации обществ Средневековья – Нового времени, обладает гораздо большей определенностью. Речь идет о сословии, категории, юридически обусловленной и в силу этого обладающей более четкими очертаниями. Однако и эта четкость оказывается призрачной при соприкосновении с эмпирической реальностью, во всяком случае, когда речь заходит о ее применимости к российскому материалу.

Использование определенного понятийного аппарата предполагает принятие той смысловой нагрузки, которую несут взятые за основу концепты. Однако, как показывает проведенный анализ литературы, привычные определения и термины применяются исследователями в разных значениях, а иногда и вовсе в качестве достаточно нейтрального инструментария, не несущего в себе глубинной смысловой окраски, что зачастую исходит из самого происхождения понятий.

2.3. Россия и Европа: проблема сопоставления социальных ландшафтов

Прежде всего, дискуссионной оказывается проблема сословий в России и обоснованности определения российского общества как сословного. Вопрос заключается в том, чем отличались российские сословия от западноевропейских и можно ли принимать систему социальной стратификации на основе сословного деления в качестве основной и всеобъемлющей при изучении российского общества? В этом отношении показательна статья Грегори Фриза о сословной парадигме и социальной истории России, которая в 1986 г. была опубликована в «*American Historical Review*», а в 2000 г. издана на русском языке в рамках антологии «Американская русистика»⁵³. Г. Фриз начинает свое исследование с того, что рассматривает историю понятия «сословие», а также обращает внимание на категории «чин», «звание», «состояние» и «класс».

⁵³ Freeze G. The Estate (Soslovie) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91, № 1. P. 11–36; Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период* : антол. / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 121–162.

Поскольку понятие «класс» также является одним из инструментов построения стратификационных схем в работах западных исследователей (о чем говорилось выше), важно отметить наблюдение Г. Фриза о том, что изначально в России в 1760-е гг. понятие «класс» употреблялось в значении «категория», в частности, случаи его использования зафиксированы в ходе работы Уложенной комиссии Екатерины I. Наиболее же распространенным термином в последней четверти XVIII в. и на протяжении XIX в. являлся термин «состояние».

Проследив эволюцию понятия «сословие», Г. Фриз приходит к нескольким выводам. Во-первых, использование этого концепта (по крайней мере, без каких-либо уточнений) в отношении периода до начала XIX в. является анахронизмом. Лишь в XIX в. понятие «сословие» стало употребляться для обозначения «корпоративной группы, обладающей официально закрепленными в законе правами и обязанностями», а также оно имело такие коннотации, как «правительственный орган» или «учреждение». Конечно, говорит автор, запоздалое появление понятия не означает, что его нельзя применять при изучении предшествующего исторического периода, ведь общественное явление может возникнуть раньше, чем термин для его описания. Однако появление термина «сословие» не только свидетельствовало о восприятии современниками нового порядка, но и устанавливало определенные барьеры, отделявшие одну социальную группу от другой. Новый термин, таким образом, формировал и структурировал важную часть социальной реальности, поскольку к категориям родства, рода занятий и правового статуса введение понятия «сословие» добавляло корпоративность и особую культуру. Изменения в терминологии позволяют предложить иную концепцию развития социальной структуры дореформенной России. Понимание и осмысление социальных категорий существенно изменилось с 1775 по 1850 г. – от личной идентификации (чин) к групповой (сословие), от строго юридических определений до масштаба касты и культуры. В первой половине XIX в. наблюдался процесс формирования сословий, сословная система обретала зрелость, а вовсе не приходила в упадок и не распадалась. Г. Фриз заявляет, что его концепция представляет собой радикальный разрыв с традиционной периодизацией социальной истории России, так как он датирует ее важнейший переломный этап не 1700-ми, а 1800-ми годами.

Г. Фриз отмечает наличие двух традиционных утверждений в историографии: о существовании в России четырехсословной парадигмы

и о главенствующей роли государства в создании «искусственных» сословий. Провергая первый из этих тезисов, Г. Фриз говорит о том, что исходное юридическое деление в дореформенной России производилось не по сословиям, а по другим социальным и юридическим признакам: население делилось на тех, кто облагался подушной податью, и тех, кто ею не облагался. Это влекло за собой кардинальные различия в статусе привилегированных и непривилегированных групп населения. Автор также обращает внимания на фундаментальную преемственность социальной структуры Московской Руси и императорской России, поскольку податное деление в своей основе являлось усовершенствованной версией более раннего разделения населения Московского царства на «служилые» и «податные» сословия. Хотя статус отдельных групп, например, церковнослужителей или однодворцев, и менялся, в целом общественная структура в XVIII в. (как и социальный лексикон) оставалась ближе к системе XVII в., чем XIX в.⁵⁴

Другая фундаментальная проблема четырехсословной парадигмы, по мнению Г. Фриза, состоит в том, что ни в XVIII, ни в XIX вв. «сословия» в восприятии общества не были простой иерархией четырех социальных групп, даже на уровне чисто юридических терминов. Напротив, они представляли собой неимоверно сложные скопления социальных категорий с многочисленными и отчетливыми внутренними подразделениями. В Своде законов Российской империи прослеживается отсылка к этой многосложности социальной структуры, например, при использовании выражений «городские обыватели» или «сельские обыватели», которые и в юридическом и в общественном смысле представляли собой совокупность многообразных, четко выделяемых сословий со своим особым правовым статусом (так, «сельские обыватели» включали государственных, удельных, крепостных, экономических крестьян и ряд других, меньших по численности наследственных групп – однодворцев, приписных, посессионных, ясачных крестьян). Поэтому Г. Фриз убежден, что (по крайней мере, в некоторых случаях) «сословие» – понятие, которым обозначались наследственные социальные группы, – предстает как подразделение внутри определенного «состояния», т. е. группы, положение которой в обществе определялось исключительно ее правовым статусом. Таким образом, даже на уровне юридической терминологии государство не учреждало системы четырех сословий – скорее оно учредило четыре юридических состояния, вклю-

⁵⁴ Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России. С. 138–139.

чавших в себя множество различных сословий. Более того, эти группы отличались друг от друга не только статусом, но и принципами определения своей принадлежности к группе и социальным обликом. Некоторые группы, обозначенные и в законе, и в расхожем употреблении как сословия, не были даже наследственными: принадлежность к ним достигалась путем личного выбора, индивидуальных заслуг или официально признанных экономических успехов (например, купцы). Государство же, по мнению Г. Фриза, не только мирилось с разнородностью элементов внутри установленных им широких социальных категорий, но также само порождало и юридически оформляло новые наследственные группы внутри данной системы. Такая социальная динамичность, терпимая и поощряемая государством, привела к аморфности, гибкости и усложненности сословной системы. При этом автор подчеркивает, что российская сословная система оказалась вполне адаптивной к потребностям экономического и социального развития; многовариантная структура допускала специализацию и профессионализацию деятельности внутри формальной системы наследственных сословий.

Относительно постулата о том, что со времени Великих реформ сословия постепенно трансформировались в классы, Г. Фриз замечает, что сословия оказались чрезвычайно устойчивыми и просуществовали до самого конца царского режима. Несомненно, они не остались совсем не восприимчивыми к социальным и экономическим переменам, но как на уровне закона, так и в массовом сознании сословная структура оказалась поразительно живучей, обеспечивая основные методы коллективной идентификации и создавая основу социальной стратификации в последний период существования императорской России.

Оценивая положение в России после революции 1905 г., Г. Фриз делает вывод о типологическом сходстве с Францией XVIII в.: в России развилась разнородная социальная структура, включавшая несколько различных иерархических пирамид, соперничавших между собой и основанных не только на юридическом статусе, но и на ряде других характеристик. Социальная идентификация оставалась неоднозначной и нестабильной, колеблясь между категориями сословной принадлежности, экономического статуса и рода занятий. Хотя сословная система и была во многом подорвана событиями и преобразованиями 1905–1907 гг., она в значительной степени сохранялась как на уровне законодательства, так и в массовом сознании, даже если «сословия» были теперь переосмыслены как «культурно-бытовые группы» – общественные группы,

выделяемые по их особой субкультуре и образу жизни. Таким образом сложилась смешанная сословно-классовая система, при которой, по мнению Г. Фриза, если не сами сословия, то принцип сословности сохранялся и во многих аспектах политики советской власти. В данном контексте «обостренное внимание к “социальному происхождению” на заре советской власти, особенно лишение права голоса целых категорий населения на основании их происхождения (феномен “лишенцев”), было чем-то вроде перевернутой сословной политики»⁵⁵.

В отношении сословной системы и перехода сословного общества в классовое интересна точка зрения Альфреда Рибера, по мнению которого в России не сложилось необходимого основания для формирования классов, поскольку не было «подлинных сословий». Даже сломанные в начале XX в. сословные границы не оказались заменены четкими классовыми разграничениями. Исследователь отмечает, что на протяжении имперского периода сохранялась фрагментация общества и изолированность социальных групп⁵⁶.

Вопросы, поставленные в работах Г. Фриза и А. Рибера, позже нашли отклик в статье Михаэля Конфино в рамках дискуссии о сословной парадигме в журнале «Cahiers du Monde russe»⁵⁷. Согласно традиционным интерпретациям западной историографии, отмечает М. Конфино, сословия в России сложились в XVIII в., в отличие от Европы, где они появились гораздо раньше. Еще одно распространенное мнение состоит в том, что сословиям в России не хватало корпоративной жизнеспособности, присущей европейским сословиям, российские сословия развивались не как «подлинные сословия» или же таковое их развитие было прервано. По мнению многих исследователей, в пореформенный период происходила трансформация сословий в классы, т. е. классы появились из сословий, а сословное общество превратилось в классовое (автор ссылается, например, на точку зрения Л. Хэмсона⁵⁸). Оценивая же иной взгляд А. Рибера, М. Конфино утверждает, что такая концепция достаточно последовательна и обладает внутренней логикой. Но, согласно ей, получается, что русское общество как в эпоху сословий, так и в эпоху классов являлось обществом своеобразным – *suigeneris*. Если

⁵⁵ Там же. С. 159–162.

⁵⁶ Rieber A. J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. P. 416, 426.

⁵⁷ Confino M. Soslovie (estate) Paradigm: Reflections on some open questions // Cahiers du Monde russe. 2008. Vol. 49, № 4 (oct.–dec.). P. 681–699.

⁵⁸ Haimson L. H. The Politics of Rural Russia, 1905–1914. L., 1979.

же оно было таковым, то каким образом исследователи должны анализировать характер и структуру этого общества? Необходимо ли для этого изобрести новую классификацию и терминологию?

М. Конфино признает, что сословия являлись важной частью жизни российского общества, так же, как и западного. Какова же была роль сословий в социальной стратификации? Чтобы это понять, он анализирует «ограниченность» сословий в российской и западноевропейской истории. В российских условиях сословия имели три главных ограничения. Во-первых, большие группы населения оказывались вне сословной системы (например, разночинцы). Второе ограничение состоит в том, что в некоторых случаях понятие «сословие» относится или применяется к таким социальным группам, которые и без сословной системы всегда имели довольно четкую социальную конфигурацию, и объявление их сословиями ровным счетом ничего не добавило к их внутренней структуре или функциям (к ним относятся духовенство, крестьянство). Кроме того, в конце XIX – начале XX в. термин «сословие» широко использовался для обозначения различных групп, которые вовсе не являлись сословиями в традиционном понимании. Третье ограничение сословной системы и концепта «сословие» заключается в том, что сословие всегда включало в себя разные, иногда конфликтующие, социальные группы (прежде всего, имеется в виду разнородность дворянского сословия в России). Таким образом, сословная парадигма не отражает в полной мере всего многообразия российского общества. Сословная система лишь частично накладывалась на реальное общество, которое, на самом деле, характеризовалось достаточно рыхлыми социальными границами. Возможно, предположил М. Конфино, сословия в России – это не что иное, как социальные группы (категории). Подобные рассуждения касаются и понятия «класс», которое также не всегда обладает особой (экономической) смысловой нагрузкой, а используется в том числе в качестве эквивалента «социальной группы»⁵⁹.

Дискуссию о социальных классификациях и категориях продолжила Элис Виртшафтер. Она замечает, что М. Конфино напомнил историкам о том, как сложно найти адекватную терминологию для описания социального устройства России имперского периода. М. Конфино, как и многие другие историки-русисты, мыслит в рамках концептуального аппарата европейской истории. Работая с понятиями «сословие» (*estate, état*) и «класс», он прослеживает развитие русского общества в течение

⁵⁹ Haimson L. H. The Politics of Rural Russia... P. 679, 687–693.

длительного времени, начиная с «чинов» Московского государства, через петровские служилые сословия (*service estates*) к позднеимперским классам. Это ожидаемо, учитывая, что устоявшееся в историографии мнение во многом является результатом представлений российских элит и, следовательно, более поздних поколений историков об этих категориях. Но в то же время, отмечает Э. Виртшафтер, М. Конфино дает понять, что категории и понятия, взятые из европейской истории, никогда не будут полностью адекватными в применении к российской действительности. На самом деле, «европейские» категории неоднозначны даже для разных государств Европы. Однако если историки стремятся вести полноценный диалог о России, России в Европе, Европе в целом или ее отдельных странах, они вынуждены принять терминологию, которая пусть и не предельно точна, но более или менее понятна с различных исторических ракурсов⁶⁰.

Рассуждая о социальных категориях и социальной истории, Э. Виртшафтер отмечает, что в период своего расцвета в 1960–1980-е гг. социальная история существенно расширила знание, доступное ученым. Помимо прочего, специалисты по социальной истории стремились написать «историю снизу», историю трудящегося народа в противовес истории политических и интеллектуальных элит. Основанная на географии, демографии и экономике «история снизу» также включала историю ментальности или социального сознания. Работа в русских архивах показала историкам, что попытка изучить социальное самосознание трудящихся – людей, которые редко выражали себя посредством письма, – породила разнообразную информацию об их отношениях с административными институтами, но дала скудное представление об их мыслях и чувствах. Дальнейшие исследования в рамках «истории понятий» показали, что значения и определения, казалось бы, схожих социальных категорий могут быть непостоянны даже в одном контексте, так как описываемые ими отношения изменяемы и неопределенны. Исходя из этих «открытий», историки заключили, что, пытаясь исследовать социальное самосознание, они лишь проанализировали официальную концепцию, а не реальный жизненный опыт общества. Поняв, что правительственные и другие элитарные источники не отражают всей полноты социальной жизни, историки задались вопросом, какие уроки можно извлечь из изучения законодательно определенных социальных

⁶⁰ *Wirtschaft E. K. Social Categories in Russian Imperial History // Cahiers du Monde russe. 2009. Vol. 50, № 1 (jan.–mars). P. 231–232.*

категорий, так как законодательно установленные категории представляли собой только один тип социальной классификации имперской России. Также развивались социоэкономические и социокультурные категории, и их необходимо всегда иметь в виду, что позволит увидеть полный диапазон интеллектуальных концепций общества, обнаруживаемый в историографии и документальном наследии⁶¹.

Юридические категории (*legal categories*) русского общества определяли формальные институциональные параметры индивидуальных и коллективных жизненных шансов, включая социоэкономические отношения, санкционированные или предписанные законом. Такие жизненные шансы принимали форму гражданских прав, служебных обязанностей и возможностей, доступа к образованию, права владения имуществом и наследования, прав на торговлю и производство. Юридические категории являлись продуктом государственного и имперского строительства. Социоэкономические категории возникали из неформальных жизненных шансов (например, необходимость зарабатывать на жизнь в специфических исторических условиях) и зависели напрямую от условий окружающей среды, материальных ресурсов, экономических структур и организации семей и сообществ. Наконец, социокультурные категории возникали в ответ на социальные и духовные потребности людей. Эти категории развивались как вне, так и в рамках государственных образовательных и художественных учреждений. Сферы жизни, которые генерировали социокультурные категории, включали религию, распространение грамотности и образования, развитие коммерческой прессы, популярную культуру, эволюцию обычного права внутри отдельных сообществ и по отношению к статутному праву и государственному управлению, формирование публичной или полупубличной сферы, представленной самодостаточными литературными, художественными и научными элитами и культурными, профессиональными, религиозными и секретными обществами.

Когда историки обращаются к вопросу о том, что социальные категории и определения значили в конкретных исторических условиях, т. е. рассматривают, каким образом конкретные категории применялись, воспринимались и воссоздавались в государстве и обществе, – становится очевидно, что смысл и контуры категорий менялись в зависимости от того, как, где, когда, кем и с какой целью они использовались. По мнению Э. Виртшафтера, множество значений отдельных категорий

⁶¹ *Wirtschaftler E. K. Social Categories in Russian Imperial History. P. 233.*

оставались контекстуальными и принципиально не определенными. Русские архивы наполнены судебными делами, которые документируют, каким образом официальные социальные категории функционировали в конкретных исторических условиях. Эти случаи охватывают широкий спектр социальных явлений, каждое из которых освещает отношения обычных людей к официальному обществу: фальсифицированные идентичности, незаконное закрепощение, народное неповиновение и восстания, крестьянские жалобы на оскорбления землевладельцев, солдатские жалобы на жестоких командиров. Примеры, которые приводит автор, показывают, как происходило использование статуса в конкретной ситуации с определенной целью⁶².

Э. Виртшафтер также акцентирует внимание на примерах групповой социальной идентичности и упоминает о фактах игнорирования официальных социальных границ, например, в случаях, когда представители недворянских кругов владели крепостными. На конкретных примерах в статье показано, что официальные социальные категории в России не обязательно соответствовали социальной и экономической действительности. Историк замечает, что, по мнению некоторых ученых, в связи с пропастью между юридическими определениями и конкретными реалиями возникает вопрос о методологической эффективности использования официальных категорий. Однако существует несколько причин, по которым эти категории должны быть включены в понимание российского общества. Прежде всего, они имеют множество значений и вариантов использования. Как государство, так и отдельные личности или общности определяли и применяли эти категории, а также манипулировали ими, зачастую противоречивыми способами. Во-вторых, историки не могут отказаться от языка источников. Но можно рассматривать источники как язык, а не как прямое отражение действительности, стремясь при этом исследовать, что же на самом деле официальные категории представляли собой в реальных исторических обстоятельствах. Независимо от эмпирических фактов, оперирование юридическими категориями формировало интеллектуальное видение, и потому они становились частью социального ландшафта⁶³. Наконец, эти категории работали, прежде всего, в контексте официального социального устройства и общества в формальном смысле. Гораздо менее актуальны они были для частной сферы социальной жизни, хотя играли

⁶² *Wirtschaftler E. K. Social Categories in Russian Imperial History. P. 233–237.*

⁶³ *Ibid. P. 241.*

роль и в ней. При этом, однако, официальный или юридический характер этих категорий не лишал их социальности.

Концептуальная пластичность категорий показывает, что они никогда не были простым отражением социальной жизни. Они являлись репрезентациями, восприятием, концептуализацией и образами социальной жизни, однажды созданные и продуманные, но трансформируемые в ходе динамики развития и взаимодействия в обществе. Позиция человека в социальной структуре образовывала связку определений и самоопределений, а то, как идентифицировали себя индивиды и общности, зависело от контекста. Многозначность социальных категорий в то же время приводила к широкому распространению социальной незащищенности⁶⁴.

Э. Виртшафтер делает вывод о том, что аморфность социальных категорий показывает, что языки и сословий, и классов необходимы в зависимости от конкретных обстоятельств. Более того, в список социальных формаций нужно добавить патриархальную семью, церковные приходы и социокультурные идентичности, связанные с *обществом, интеллигенцией и народом*. Каждая из этих категорий отражает особые формы социальных отношений и моделей развития. Функционирование одного типа категории в конкретный момент не означало вытеснение или исчезновение других. Э. Виртшафтер также ставит вопрос о том, что историкам необходимо исследовать язык, категории и понятия, используемые современниками изучаемых событий для идентификации себя и окружающих. При всей стройности концепции социальных структур, представленной в официальных документах, активно изучаемых историками, важно понимать саморепрезентации людей и сообществ, так как именно они отражают реальную картину действительности. Из этих репрезентаций, понимания/непонимания официальных стратификационных схем складываются индивидуальные и групповые реакции на конкретные исторические условия⁶⁵.

Еще один участник дискуссии о сословной парадигме и подходах к изучению социальной истории России – Дэвид Рансел предложил рассматривать историю российского общества через призму теории корпоративного государства. При этом он подчеркнул, что данный подход не популярен среди исследователей в силу ассоциирования его с фашизмом. Однако корпоративизм и фашизм отнюдь не являются сино-

⁶⁴ *Wirtschafter E. K. Social Categories in Russian Imperial History. P. 241–242.*

⁶⁵ *Ibid. P. 249.*

ними. Главный признак корпоративизма – это инкорпорация людей в различные объединения, а также политика государства в отношении этих организаций. Д. Рансел фокусирует внимание на второй половине XIX – начале XX в. и политике в отношении рабочих, промышленников и предпринимателей, отмечая, что как государство стремилось формировать корпоративные группы, так и сами корпоративные группы хотели влиять на государственную политику в своих целях.

Говоря о терминологии, Д. Рансел утверждает, что концепты «сословие» и «класс», структуралистские по своему характеру, не восприимчивы к изменениям, в то время как функционалистское понятие «корпорации» более адаптивно и позволяет рассматривать царскую, социалистическую и постсоциалистическую Россию в единых концептуальных рамках. Д. Рансел делает акцент на необходимости изучения взаимодействий представителей разных социальных групп (что было нормальным и частым явлением), в том числе в повседневной жизни, а также патрон-клиентских отношений. На микроисторическом уровне социальная структура гораздо сложнее, чем она представляется в укрупненных схемах. Ссылаясь на З. Кракауэра, автор придерживается такой точки зрения, что понять характер отношений на микроуровне можно лишь в том случае, если подходить к их исследованию без предубеждений, почерпнутых из обобщенной макрокартины. Мы должны, утверждает Д. Рансел, исследовать локальные социальные динамики сами по себе и лишь потом определять степень их соответствия нашим представлениям об обществе на макроуровне. В частности, Д. Рансел провел исследование, посвященное «провинциальному купцу и его обществу», проследив тем самым множество разнообразных межсословных контактов. Одним из выводов стало убеждение, что сословные обозначения имели важное значение как маркеры достоинства и достатка, военных и других обязательств, и если сословные маркеры создавали возможности и тревоги (боязнь опуститься до более низкого сословия), то сословные институты могли служить в качестве защитных механизмов для отдельных групп⁶⁶.

Продуктивная идея исследования социальных процессов «снизу», потенциально способная привнести ясность в понимание социальной стратификации изучаемого общества и в принятие консенсусных решений относительно языка ее описания, реализуется в изучении отдель-

⁶⁶ *Ransel D. L.* Implicit questions in Michael Confino's essay. *Corporate State and vertical Relationships // Cahiers du Monde russe.* 2010. Vol. 51, № 2–3 (avr.–sept.). P. 195–210.

ных социальных групп России Нового времени. Рассмотрим некоторые из них, позволяющие, на наш взгляд, уловить основные тенденции, проявляющиеся в современной западной русистике.

В двухтомнике «Европейское дворянство в XVII и XVIII вв.» отдельный раздел посвящен российскому дворянству. Изабель де Мадариага, автор исследования, прослеживает историю русской «аристократии», начиная с Древней Руси. Под «аристократией» де Мадариага понимает социальную группу, отличающуюся происхождением, военным опытом и чином, унаследованным или приобретенным богатством, социальным и политическим статусом, властью, пусть и хрупкой, и сознанием принадлежности к элите⁶⁷, а ее консолидация в единое сословие начинается при Петре Великом. Особое внимание де Мадариага уделяет Табели о рангах. Конечно, отмечает автор, в ходе преобразований использовались европейские образцы, но воздействие Табели о рангах на развитие российского общества гораздо выше, чем влияние аналогичных законов в других странах. Прежде всего, это отразилось на милитаризации общества. Отдавая первостепенное значение военной службе по сравнению с другими видами службы, Петр законодательно закрепил милитаризацию общества, что отличало Россию в течение последующих двух веков⁶⁸, так как при наличии у человека возможности идентифицировать себя по военному рангу или же гражданскому, предпочтение отдавалось военному званию. Исследовательница также разделяет понятия социальной элиты (основанной главным образом на знатном происхождении и положении при дворе) и других элит – военной и административной. Однако, в отличие, например, от Франции, в русском обществе не произошло полноценного и равноправного разделения этих элит в силу того, что приоритет был отдан военной службе. Автор статьи отмечает, что сохранялась значимость семейного статуса. Табель о рангах могла установить новый порядок ранжирования в сфере общественных функций, но она не смогла вытеснить роль происхождения в качестве фактора общественного престижа⁶⁹.

Вопросы о понятии «служба», значимости знатного происхождения и эволюции российского дворянства в сравнении с западноевропей-

⁶⁷ Madariaga I. The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Vol. 2 : Northern, Central and Eastern Europe / ed. by H. M. Scott. Basingstoke ; New York, 2007. P. 311.

⁶⁸ Ibid. P. 335–337.

⁶⁹ Ibid. P. 338.

ским поднимаются в одной из работ М. Конфино. Рассуждая о менталитете русского дворянства XVIII–XIX вв. как менталитете «служилого класса» (в отличие от европейского, где главная ценность – знатность происхождения), ученый приходит к нескольким выводам. Во-первых, при всей значимости службы для статуса дворянина, факторы благородного происхождения и наследования титула остаются важными показателями достоинства. Во-вторых, если обратиться к истории европейского дворянства, становится очевидно, что оно прошло те же этапы эволюции, но несколькими столетиями раньше. Истоки западной наследной знати восходят к фактам возвышения основателей аристократических родов через заслуги по службе. К тому же изначально представители этих «благородных династий» происходили из совершенно разных социальных страт (включая крестьян и простолюдинов). Таким образом, российское дворянство не уникально, оно проходило те же вехи эволюции, что и западноевропейская аристократия, а знатное происхождение и после введения Табели о рангах оставалось наряду со службой одним из главных маркеров дворянской идентичности, престижа и статуса⁷⁰.

Судьба русского духовенства имперского периода в контексте «перехода от сословия к профессии» рассмотрена Г. Фризом. Он сравнивает российское общество с кастовым обществом, поскольку духовенство – очень закрытое сословие. Рассуждая о реформах второй половины XIX в., касавшихся духовенства, Г. Фриз подчеркивает безуспешность преобразований, в результате которых произошла депрофессионализация духовенства и общее снижение его статуса. В начале XX в. Православная церковь испытывала кризис статуса духовенства, образовавшегося в результате неудавшейся попытки государства профессионализировать и демократизировать духовное сословие⁷¹.

А. Рибер исследовал социальные группы купечества и предпринимателей в имперской России. По его мнению, эти слои российского общества не были достаточно изучены. Он отмечал, что поскольку историки придают огромное значение средним классам как маркерам европейской истории Нового времени, они признают это упущение серьезным препятствием к пониманию ряда важнейших вопросов российской исто-

⁷⁰ *Confino M.* À propos de la notion de service dans la noblesse russe aux XVIIIe et XIXe siècles // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1993. Vol. 34 (1–2). Jan.–Juin. P. 47–58.

⁷¹ *Freeze G.* Between Estate and Profession: the Clergy in Imperial Russia // *Social Orders and Social Classes in Europe...* P. 47–65.

рии, начиная от индустриализации и до краха империи. Тем не менее, как ни парадоксально, сама форма постановки вопроса способствовала в итоге такому упущению. Задаваться вопросом, существовала ли буржуазия в России, означает жестко ограничить масштабы социального исследования. Какой бы ни был ответ, в результате оказываются проигнорированы альтернативные формы социальной эволюции внутри капиталистической экономической системы. Другими словами, поглощенность общими моделями социальных изменений, полученными из западноевропейского опыта и подпитываемыми внутренними политическими конфликтами в позднеимперской России, долгое время скрывала реальные изменения социальной структуры России⁷².

А. Рибер предлагает иной подход, направленный на стремление избежать опасностей, связанных с тем, что Роберт Нисбет называет «метафорой роста», которая изображает социальное изменение как линейное движение в одном направлении. А. Рибер в своей работе признает разнообразие социальных идентичностей и группировок в качестве предмета исторического исследования и не считает обязательным исходить из необходимого или единого образца внутренних изменений или ответа на внешние импульсы. Иными словами, его исследование имеет дело с историей средних социальных структур, которые в теоретическом пространстве существуют между *кастой* и *классом*. В наиболее общем смысле они представляют две самых крайних формы социальной организации: одна – закрытая, жесткая и наследственная; другая – открытая, подвижная и социально-экономическая по характеру. А. Рибер доказывает, что русское купечество в течение нескольких веков приобрело черты различных форм социальной организации. Все же на протяжении этого процесса изменений купцы сумели сохранить некоторые свои традиционные ценности и модели поведения. Автор подчеркивает наличие двух отдельных, но связанных между собой процессов. Первый – деятельность государства по определению и упорядочению социальной организации в России. Второй – реакция купечества, которая зачастую разрушала надежды правительства. Как и другие крупные, вполне определенные социальные группы России, купечество обладало своей собственной внутренней жизнью, в которую не так легко было вторгнуться. Учитывая всю сложность и многообразие социальной действительности, А. Рибер уточняет, что термин *класс*, как и *каста* или

⁷² Rieber A. J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. P. XIX–XX.

сословие, – это только приближение к социальной реальности, но не ее абсолютное отражение⁷³.

Нередко в качестве альтернативны или необходимого дополнения к объяснительным моделям социального, основанным на категориях «класс» и «сословие», в зарубежной историографии предлагается использовать понятия «социальная страта» и «социальный статус» как приемлемый инструмент для определения не только формально-юридического, но и неформального, признаваемого по различным критериям положения индивида в обществе. В данном контексте определенный интерес представляет предложенная Роланом Мунье модель социальных иерархий, которая, на наш взгляд, обладает определенной степенью универсальности (как в плане терминологии, так и с точки зрения основных принципов стратификации) и может использоваться в исследованиях по истории российского общества.

Системообразующими маркерами социальной стратификации, по мнению Р. Мунье, выступают основная социальная функция, которую выполняет человек, и социальная оценка этой функции в обществе. При этом любая система социальной стратификации находится в неустойчивом состоянии и требует постоянной корректировки. Социальное равновесие достигается через успешное социальное сотрудничество внутри общества. Р. Мунье традиционно упоминает о четырех видах социальной стратификации. Первая из них – *юридическая стратификация* (*legal stratification*), определяемая законом, обычаем и юриспруденцией, но она существует не в каждом обществе и может отличаться от реальной социальной структуры. Вторая иерархия, самая важная с точки зрения Р. Мунье, – это иерархия на основе *социального статуса*, т. е. различий в социальном достоинстве, положении, ранге, почете и престиже среди отдельных людей и социальных групп (таких, как семьи, организации, общины) и взаимного признания этих различий в рассматриваемом обществе. Социальный статус проявляется в разнообразных формах связей: брачные узы, торговые союзы, политические партии, клубы, кружки, общества различных видов и т. п. Статус прослеживается в общественных символах и мифах, этикете, образе жизни, манерах, образовании, формах досуга и семейных традициях. Социальный статус проявляется в профессии человека, его нравственной восприимчивости, чувствах и эмоциях, просматривается в ролях, которые индивиды играют в обществе, так как эти роли основаны на

⁷³ Rieber A. J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. P. XX, XXIV.

предписанной модели поведения обладателей определенного статуса. Третья шкала стратификации – это *экономическая иерархия*, зачастую смешиваемая с собственно социальной иерархией. В данном случае следует рассматривать характер доступных ресурсов, будь то зарплаты или жалованье, частный или инвестиционный доход и т. п. Вид имеющихся ресурсов, согласно теории Р. Мунье, гораздо важнее, чем их количество, потому что позволяет судить о социальной функции и статусе человека. Четвертая иерархия – *иерархия власти*. Под этим историк понимает все способы, с помощью которых человек может сломить волю других, заставив их действовать определенным образом. Кроме принадлежности к различным административным структурам, Р. Мунье относит сюда признаки власти другого рода – влияющей на сознание, менталитет и социокультурный облик людей. Подобной властью обладают, например, ораторы, проповедники, публицисты и др. – те, кто овладевает вниманием и поддержкой людей и влияет на общественное мнение. Наконец, пятая шкала стратификации – *идеологическая иерархия*, основанная на приверженности индивидов и общностей к определенным группам идей, сосуществующих в социуме. По утверждению Р. Мунье, необходимо выстраивать эти различные иерархии в систему и изучать их взаимосвязи, корреляции и девиации для того, чтобы четко увидеть стратификацию конкретного общества и тем самым определить место в ней человека или социальной группы⁷⁴.

В качестве универсального Р. Мунье использует концепт «социальная страта», разновидностями которого являются сословия (*order*), касты, классы. Соответственно выделяются три главных типа стратификации: сословная, кастовая, классовая. Сословная стратификация кажется Р. Мунье наиболее фундаментальной, чаще встречающейся и наиболее естественной. Это единственная стратификация, которая может спонтанно восстановить сама себя в ходе социальных потрясений любой длительности. Следует сказать, что термин «order» в обозначении сословной системы несколько отличается от привычного определения «сословия». *Order* (фр. *Ordre*) – это составная часть более крупных *état*. *Orders* – сословия – рассматриваются как *юридические группы*, основанные на следующих критериях: честь, власть и социальная оценка. Модель, предложенная Р. Мунье (*society-of-orders*), представляет

⁷⁴ Mousnier R. Social Hierarchies. 1450 to the present / transl. from the French by P. Evans, ed. by M. Clarke. L., 1973. P. 9–22.

собой структуру, основанную на статусе⁷⁵. Разграничивая сословную, классовую и кастовую стратификации, Р. Мунье, однако, подчеркивает, что чистые формы общества очень редки. Историк часто сталкивается с промежуточными типами, содержащими характеристики разных классификаций⁷⁶.

О перспективности концепта «социальный статус» свидетельствует тематический номер «Анналов» за 2013 г., полностью посвященный этой теме⁷⁷. В отличие от понятий «класс» или «группа», считают авторы проекта, понятие «социальный статус» стало концептом для размышления о принуждении и действии, и о точках их пересечения. Статьи этого тематического номера сосредоточены на вопросах: как социальные статусы участвуют в упорядочении социального пространства? Является ли эта классификация результатом навязанного властью порядка или это продукт многократных переговоров? Какова степень автономии субъектов в отношении этого публично анонсированного порядка?

Как отмечается во вводной статье номера, «социальные статусы никогда не говорят обо всем обществе, но они способствуют тому, чтобы его структурировать»⁷⁸. Данное пластичное понятие позволяет объединить правовые аспекты и социальные практики, а также точку зрения историка и точку зрения актора. В этом смысле оно одновременно и категория анализа, и его инструмент. Авторы номера приходят к выводу, что понятие «социальный статус» имеет более широкое значение, чем его трактовки в рамках юридической традиции или в веберовской социологии. Нормативное измерение статуса становится ресурсом внутри самих социальных стратегий, дифференцированных в зависимости от групп и индивидов, и, таким образом, соединяется с другим описательным инструментарием социальной структуры и форм деятельности.

⁷⁵ *Confino M.* The Soslovie (estate) Paradigm... P. 683.

⁷⁶ *Mousnier R.* Social hierarchies... P. 41.

⁷⁷ *Annales. Histoire, Sciences Sociales.* 2013. № 4. Statuts sociaux.

⁷⁸ *Anheim E., Grenier J.-Y., Lilti A.* Repenser les statuts sociaux // *Ibid.* P. 950.

2.4. Социальная история России Нового времени: опыт отечественной историографии XX – начала XXI столетия

Выше мы заметили, что в силу политических обстоятельств российская историческая наука, вынужденно принявшая форму советской, оказалась по ряду направлений вне общих процессов мировой исторической науки. Советские специалисты были поставлены в жесткие рамки официальной версии марксистской социологии, согласно которой проблемы социальной стратификации и идентичности не относились к дискутируемым. Даже на рубеже 1960–1970-х гг., когда идеологический диктат над историческими исследованиями ослабил свою хватку, а накопленный эмпирический материал требовал переосмысления и поиска новых методологических подходов, научному сообществу советских историков не удалось преодолеть ограничения, накладываемые марксистско-ленинской догматикой.

Очень показательны в связи с этим ход и итоги Всесоюзной дискуссии о переходе от феодализма к капитализму в России – одной из последних крупных дискуссий советской эпохи, отличавшейся широчайшим охватом участников и продемонстрировавшей весь спектр школ, направлений и поколений исторической науки в СССР. В новаторском для своего времени и места коллективном докладе, задавшем общее направление дискуссии, его авторы совершенно справедливо подвергли критике подходы, доминировавшие в предшествовавшей историографии, в том числе жесткий экономический детерминизм с присущими ему догматизмом и схематизмом в интерпретации исторического процесса, игнорированием его многообразия. «Чуть ли не единственной задачей историков в то время, – отмечали авторы, – считался показ в каждой стране лишь общих закономерностей развития общественных формаций. Конкретно-исторические проявления общих закономерностей, их национальное выражение оставались в тени, а подчас и совершенно игнорировались»⁷⁹. Но хотя авторы и многие участники дискуссии действительно привели в своих выступлениях много свежего конкретно-исторического материала, подняли и актуализировали ши-

⁷⁹ Переход от феодализма к капитализму в России : материалы всесоюз. дискус. М., 1969. С. 6. Авторами коллективного доклада выступили: И. Ф. Гиндин, Л. В. Данилова, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, А. П. Новосельцев, Н. И. Павленко, М. К. Рожкова, П. Г. Рындзюнский.

рокий ряд исследовательских проблем, они так и остались в основном в рамках критикуемой ими парадигмы, поскольку и не подразумевали принципиального разрыва с ней, связывая достижение нового качества научных изысканий с возвращением «к подлинному марксистско-ленинскому комплексному освещению исторического процесса»⁸⁰. Неудивительно поэтому, что проблемы социальной истории, социальные аспекты исторического развития России, при всей декларируемой важности, даже приоритетности в понимании дискутируемой многоаспектной проблемы, оставались для них производными *экономических* процессов, а классовая природа российского общества XVII – начала XX в. не подвергалась ни малейшему сомнению. В качестве иллюстрации будет показательной одна из цитат, раскрывающая взгляды на социальную проблематику, свойственные зрелой, а по большому счету, и поздней советской историографии. Так, касаясь темы периодизации и сути промышленного переворота в России, авторы коллективного доклада констатировали, что «для нас, понимающих исторический процесс как борьбу классов, *социальный аспект* имеет первенствующее значение»⁸¹. Но и в этом случае «социальный аспект» не превратился в самостоятельную проблему; ни экономический детерминизм, ни классовая парадигма как единственно возможная система понимания и описания российского социума позднего Средневековья – Нового времени, ни пресловутая классовая борьба как сердцевина социальных процессов и в целом исторического развития не уходили из повестки. И даже в 1980-х гг., когда здравый смысл диктовал необходимость выработки принципиально новых понятий и подходов, а «марксистско-ленинские» интерпретации воспринимались все большим количеством историков как ритуальные заклинания, они продолжали требовать своей дани.

Лишь крах коммунистической государственности привел к бурному поиску и усвоению нового. В отечественной постсоветской историографии «социальной истории» отчетливо просматривается несколько тенденций, отражающих изменение в подходах, целях и методах изучения социальных процессов в историческом прошлом.

Первая из них связана с постепенной трансформацией доминировавшей в советской исторической науке классовой парадигмы. Отказавшись от приоритета материальных факторов, определявших характер производственных отношений и неизбежность возникнове-

⁸⁰ Переход от феодализма к капитализму... С. 6.

⁸¹ Там же. С. 76.

ния антагонистических отношений между классами, российские историки с начала 1990-х гг. продолжили изучение экономического и формально-юридического положения различных категорий населения. При этом чаще всего внимание исследователей было сосредоточено на процессе правового регулирования со стороны государства. Такой подход сопровождался детальным описанием эволюции законодательства и констатацией существования рационально обоснованной стратегии государства, которое, преследуя различные политические и фискальные цели, уточняло социальный статус уже существующих или формировало новые категории населения. Ярким примером продолжения традиционной модели историко-юридических исследований правового статуса являются работы по истории крестьянства⁸². Аналогичный подход продолжает доминировать в работах юристов, специализирующихся на истории отечественного государства и права. Так, например, в исследованиях Н. В. Дунаевой рассматривается процесс изменения правосубъектности различных категорий крестьян⁸³. Отмечая множественность формальных разграничений внутри крестьянского сословия, автор констатирует целенаправленность такой политики государства. На примере законодательной политики в отношении «свободных сельских обывателей» Н. В. Дунаева делает вывод о том, что «юридическая “пестрота” крестьянства была обусловлена особенностями развития государства в традиционном обществе, члены которого привлекаются к выполнению формирующихся и расширяющихся государственных функций»⁸⁴. Подобные оценки роли государства, осуществлявшего юридическое регламентирование положения различных групп населения, присутствуют и в многочисленных диссертациях по истории права⁸⁵.

⁸² История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3 : Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.) / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1993; История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994.

⁸³ См.: Дунаева Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2006; *Ее же*. Правосубъектность удельных крестьян Российской империи и отмена крепостного права: выбор модели гражданской свободы (историко-правовое исследование). СПб., 2008; *Ее же*. Между сословной и гражданской свободой: Эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX веке. СПб., 2010; Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX в.: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000.

⁸⁴ Дунаева Н. В. Между сословной и гражданской свободой. С. 435.

⁸⁵ См., например: Соколова Е. С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированных и полупривилегированных

Вторая тенденция в эволюции исследовательского поля социальной истории в современной России – поиск новых подходов к изучению социального, выработка новых методик анализа, позволяющих выявить многомерность социальной позиции отдельного индивида, границы социальных групп, каналы и спектр межгрупповых взаимодействий. При этом позиция государства не представляется доминирующей и полностью определяющей социальные процессы; напротив, признается существование относительно независимых от государства повседневных практик и каналов социальной коммуникации, определявших не только поведение отдельных индивидов, но и процесс пополнения или, напротив, сокращения численности социальных групп. В данном контексте предметом изучения становится *проблема соотношения юридического статуса и неформальных маркеров социальной позиции*, таких как, например, родственные связи, корпоративное мышление, различные формы межличностной коммуникации и т. п.

Реализация обозначенной тенденции связана не только с признанием необходимости выявления нерегулируемых правом отношений, но и стремлением реконструировать *состав, процессы пополнения и роль различных социальных групп*. Данное стремление особенно отчетливо прослеживается в работах, посвященных изучению элитных (*приближенных к власти*) групп российского общества⁸⁶. Так, например, А. П. Павлов⁸⁷, исследуя процесс пополнения боярства в XVII в., про-

сословий (середина XVII–середина XIX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995; *Медушевская Т. И.* Правовой статус государственного служащего в России (1762–1906): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; *Блаткова В. В.* Правовое положение частновладельческих крестьян России (вторая половина XVIII–первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996; *Березовский Д. В.* Права и свободы жителей Российской империи в период становления и развития капитализма (1861–1905): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; *Амосова О. С.* Правовой статус мещан Российской империи (XVIII–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005; и др.

⁸⁶ См., например: *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.: (очерки истории)* / отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007; *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008; *Захаров А. В.* Государев двор Петра I: публ. и исслед. массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биограф. справ. М., 2011; *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013.

⁸⁷ *Павлов А. П.* Стольники как чин государева двора в царствование Михаила Федоровича Романова // *Cahiers du Monde russe*. 2010. Vol. 51, № 2/3.

анализировал процедуру набора пекарей на службу при дворе Михаила Романова. Сложность данного процесса состояла в том, что такого рода служба по традиции была закреплена за боярами, однако нередко дворяне, используя личные отношения и семейные связи, занимали соответствующие должности пекарей. Существование неформального канала пополнения не приводило к размыванию или снижению роли боярства, но создавало определенную преграду на пути групповой консолидации дворянства, так как позиции тех, кто получил службу при царском дворе, были существенно выше основной массы провинциального дворянства.

Не менее интересными представляются работы С. В. Черникова и Т. А. Лаптевой⁸⁸. Сравнивая состав и порядок формирования правящей элиты на рубеже XVII–XVIII вв. и в период петровских преобразований, С. В. Черников выдвигает тезис о том, что «отождествление правящей элиты Московской Руси с государевым двором представляется не вполне убедительным». Для реконструкции сложного процесса формирования элитарных групп автор рекомендует одновременно использовать формальные и неформальные характеристики. В качестве формального критерия, необходимого для включения в состав правящей группы, он предлагает «положение лица в административной иерархии». Однако на социальный статус индивида влиял не только чин, но и «интенсивность контактов государя с тем или иным человеком». В данном контексте подчеркивается преимущество социальных механизмов до и после петровских преобразований. Автор убедительно показывает, что «неформальные каналы взаимодействия были таким же важным элементом властных структур, как и официальные учреждения»⁸⁹. Даже после учреждения Табели о рангах «правлящий слой сохранил прочные родственные узы в своей среде, а брачные и патронажные связи были главным инструментом интеграции “новичков” в состав элиты»⁹⁰. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, важному для понимания феномена под-

⁸⁸ См.: Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. 2010. Vol. 51, № 2/3. P. 259–280; *Его же*. Правящая элита России 1725–1730 годов: численность, социальный состав, основные тенденции развития // *Вестн. Челяб. гос. ун-та. История*; вып. 60. 2014. № 12(341). С. 30–38; Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.

⁸⁹ Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты... P. 262.

⁹⁰ Там же. С. 279–280.

вижности социальных групп, границы которых не всегда совпадают с формально-юридическим статусом: «...за внешней новизной и рациональностью Табели о рангах скрывался более сложный механизм, включавший в себя старомосковские стратегии интеграции элиты и традиционные ценности допетровского общества (род, семья, происхождение, служба)»⁹¹.

Акцентирование важности *соотношения повседневных практик и юридических норм* становится заметной тенденцией в работах о различных категориях *городского населения России XVII–XIX вв.*⁹² Именно город как место непосредственного повседневного взаимодействия людей, формально причисляемых к различным сословиям, гильдиям или профессиональным группам, привлекает историков возможностью не только реконструировать правовые отношения, но и рассмотреть вопросы самоидентификации через семейные связи, образование, моду, распространение слухов, особенности выборов и службы в разнообразных органах городского управления и т. п.⁹³

Яркими образцами таких исследований можно считать монографии О. Е. Кошелевой о раннем Петербурге и А. Б. Каменского о Бежецке XVIII в. В этих исследованиях со всей полнотой реализовались наиболее продуктивные тенденции современной российской историографии социальной истории. Обе книги – о людях. Буквально. Не о «классах», «стратах», «массах», «сословиях», «структурах» и пр., а именно о *людях*, ограниченных в своих повседневных хлопотах рамками относительно небольшого городского пространства. Обе книги

⁹¹ Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты... С. 277–278.

⁹² Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. ; Волков М. Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994; Городская семья XVIII века: семейно-правовые акты купцов и разночинцев. М., 2002; Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000; Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007; Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008; Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / ред. О. Глаголева и И. Ширле. М., 2012; тематический выпуск журнала «Cahiers du Monde russe» – «Семья и социальная мобильность в России XVI–XVIII веков»: Cahiers du Monde russe. 2016. Vol. 57, № 2/3; и др.

⁹³ См., например: Лавринович М. Создание социальных основ империи в XVIII веке: законодательные практики в отношении городского населения России и их западноевропейские источники // Ab imperio. 2002. № 3. С. 117–136.

созданы на основе богатейших исторических материалов, по принципу «плотного описания» и превосходно читаются, им присуще гармоничное сочетание наследия российской источниковедческой традиции и новейших достижений зарубежных теорий и методик. Все это роднит оба сочинения. В то же время различие объектов (с точки зрения их социальной организации) позволяет авторам применить разные исследовательские подходы. Ранний Петербург О. Е. Кошелевой – молодой, неупорядоченный, еще не устоявшийся организм. Его социальная тектоника пластична и подвижна. Жизнь насельников Санкт-Петербургского острова почти бивуачная: в отвратительных природных и бытовых условиях они строят город – новую столицу новой империи. Автору интересно, как они живут и выживают, что и каким образом их спланирует. Посвятив отдельную главу реконструкции структуры населения острова, О. Е. Кошелева делает вывод, что трудно, почти невозможно «прочитать» социальную организацию раннего Петербурга через схемы, созданные бюрократами-современниками или позднейшими учеными-историками. «Не разделить, а перемешать», – под таким девизом автор исследует хитросплетения общественных связей и интеракций местных обитателей.

Бежечане А. Б. Каменского – иная общность. Их мир гораздо более целостен. В первую очередь он упорядочен системой устойчивых семейных кланов, вокруг которых, в почти вековой динамике, выстраивается жизнь города. Правда, при ближайшем рассмотрении оказывается, что и для бежецкого сообщества совсем не чужды перемены и даже определенная социальная турбулентность. Заведомо отказываясь от априорных установок на следование подходам и методам той или иной теоретической доктрины, декларируя принцип построения повествования «от источника», А. Б. Каменский, как представляется, очень гармонично сумел соединить в своей книге собственно историческое исследование с исследованием в духе «антропологии города». Социальная организация Бежецка препарирована автором через систему индивидуальных и коллективных действий, создававших то, что принято именовать «структурами повседневности».

Глубокая осведомленность обоих авторов в актуальных методико-методологических трендах позволяет им мастерски оперировать источниковым материалом, изящно интерпретируя его и создавая на его основе богатую картину социальной жизни русского общества периода ранней империи. В трудах и горестях петербуржцев и бежечан,

в их склоках и взаимопомощи, семейных отношениях, дружбе и неприязни, отношении к гигиене, структуре питания и облике жилищ, понимании долга и противостоянии с властями обретает плоть та самая социальность, которая прячется за желтыми фасадами официальной имперской отчетности или предстает в «картонных» «интеракциях», «ментальностях», «идентичностях» и «маркерах» теоретических трудов.

Одновременно с изучением социального положения различных категорий населения, правовое положение которых было юридически определено, заметной тенденцией в постсоветской историографии является исследование *маргинальных групп*⁹⁴ и *небольших социально-культурных общностей*⁹⁵. Относительно самостоятельную группу исследований составляют работы, раскрывающие историю двух «непостоянных» по своей численности и статусу состояний: купечества и «разночинства». Существование внутрисословной дифференциации, ненаследуемый порядок передачи социального статуса и постоянная вовлеченность в систему экономических взаимодействий как с другими представителями торгового сословия, так и с государством – все это обуславливает стабильный интерес исследователей к таким социальным группам⁹⁶. Заметное место в ряду исследований практик самоидентификации и процесса формирования городской идентичности занимает монография А. И. Куприянова «Город-

⁹⁴ Бурдина О. Н. Крестьяне-дарственники в России, 1861–1907 гг. / отв. ред. Б. Г. Литвак. М., 1996; Каменский А. Б. Городские хулиганы в России XVIII века // Россия XXI. 2002. № 1. С. 122–139; Козлова Н. В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010; Лавров А. «Полоняники» как социальная группа. Правовой статус и интеграция бывших военнопленных в Московском государстве // Cahiers du Monde russe. 2010. Vol. 51, № 2/3. P. 241–257.

⁹⁵ Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в. : социально-историческая судьба. М., 2001; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013.

⁹⁶ См., например: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1; Демкин А. В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998; Нилова О. Е. Московское купечество конца XVIII–первой четверти XIX века : социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М., 2002; Куприянова Н. В. Социокультурный облик российского купечества (по материалам Уложенной комиссии 1767 г.). Владимир, 2011; Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XV – первой четверти XVIII в.: из научного наследия. М. ; СПб., 2012; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005; Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М., 2012; Феофанов А. Духовное сословие и социальная мобильность: феномен «разночинцев» как предмет социальных исследований // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2. 2014. № 4–5 (60). С. 139–145; и др.

ская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX в.»⁹⁷. В этом исследовании автор рассматривает представления о власти и практики самоуправления, значение моды как маркера социальной дифференциации, соотношение дефиниций «труд» и «богатство» в картине мира российских купцов.

Не менее интересным аспектом изучения социального в постсоветской историографии, который отражает третью тенденцию в развитии проблемной историографии по социальной истории, является *вопрос о субъектах и границах социального проектирования, социальной психологии и процессе социальной самоидентификации*. Так, например, С. В. Польской рассматривает процесс конструирования дворянами-реформаторами законодательного комитета (1754–1766) различных социальных категорий⁹⁸. С помощью таких категорий они намеревались более четко определить права и привилегии русского дворянства и купечества. Автор убедительно показывает, каким образом, основываясь на предложенных Ш. Монтескье трактовках понятия «монархия», реформаторы пытались составить проект регулируемого государства и посредством подробного описания прав и свобод дворянства и купечества опровергнуть представление о деспотизме Российской империи.

В рамках данного направления исследований самостоятельную группу составляют *исследования дворянского самосознания*. В поисках ответа на вопрос о системообразующих элементах внутригрупповой идентичности историки обращаются к различным методикам выявления ключевых элементов мировоззрения дворянства. При этом для достижения поставленной цели исследователи привлекают не официальные источники, а тексты, созданные непосредственно дворянами. Наиболее плодотворным в этом отношении является, на наш взгляд, исследование Е. Н. Марасиновой. В монографии «Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в.»⁹⁹ представлен глубокий анализ содержания и направленности использования в личной переписке следующих индикаторов социальных представлений

⁹⁷ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции: конец XVIII–первая половина XIX века. М., 2007.

⁹⁸ Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...» Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde russe. 2010. Vol. 51, № 2/3. P. 303–328.

⁹⁹ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999.

дворянства: отношение дворянства к монарху; оценка места службы; мотивы добровольной отставки; идеальные представления дворянства, выражаемые посредством понятий «чин», «богатство», «честь», «гордость», «смирение», «вольность», «просвещенность», «чистосердечие»; восприятие дворянином крепостного крестьянства. Проблема формирования и *различных форм проявления внутригрупповой самоидентификации* затрагивается и в работах по истории общественного сознания¹⁰⁰, социально-профессиональной психологии российского чиновничества¹⁰¹.

С небольшими вариациями обозначенные выше тенденции прослеживаются и в историографии по социальной истории советского времени. Во многом продолжая сложившуюся в советской историографии традицию изучения социалистического общества как социальной структуры, состоящей из трех основных групп, историки активно исследовали социальное положение и социокультурный облик представителей рабочего класса¹⁰², крестьянства¹⁰³ и интеллигенции¹⁰⁴. При этом основное внимание продолжают привлекать сюжеты, связанные

¹⁰⁰ Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М., 2002.

¹⁰¹ Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. Вып. 3. С. 121–139; Вып. 4. С. 147–158; Голосенко И. А. Социальная идентификация рядового чиновничества в России начала XX века: историко-социологический очерк // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3; Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. № 4(42); Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007; Жуковская А. В. Служить бы рад, работать тошно: к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из «картотеки мотивов») // А. М. П.: Памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 94–108.

¹⁰² Коровин Н. Р. Рабочий класс России в 30-е гг. Иваново, 1994; Каллистратов Ю. К. Рабочий класс и советская культура в 20–30-е гг. Н. Новгород, 1998; Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

¹⁰³ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996; Судьбы российского крестьянства / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996.

¹⁰⁴ Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). Новосибирск, 1994; Красильников С. А., Пыстина Л. И., Ус Л. Б., Ушакова С. Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007.

с политикой государства в отношении различных социальных групп¹⁰⁵ и практикой социальной мобилизации населения¹⁰⁶.

Постепенно проблематика работ по социальной истории существенно расширяется и включает в себя исследования элитных групп советского общества: партийно-государственной номенклатуры¹⁰⁷, научно-технической интеллигенции,¹⁰⁸ руководства военных министерств

¹⁰⁵ *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; *Вишневецкий А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; *Пикалов Ю. В.* Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск, 2003; *Шестаков В. А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х гг. М., 2006; *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р., Лебина Н. Б.* Забота и контроль: социальная политика советской действительности, 1917–1930-е годы. М., 2007; Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007; Советская социальная политика: сцены и действующие лица / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М., 2008; *Медушевский А. Н.* Сталинизм как метод социального конструирования: К завершению научно-исследовательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

¹⁰⁶ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): кол. моногр. / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. Новосибирск, 2013; Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики: сб. науч. ст. Новосибирск, 2011–2012. Вып. 1–2; *Кедров Н.* Лапти сталинизма: Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М., 2013.

¹⁰⁷ *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Пашин В. П.* Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение в 1920–1930 гг.: дис. ... док. ист. наук. М., 1993; *Хлевнюк О. В.* Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; *Пашин В. П., Свириденко Ю. П.* Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998; *Мохов В. П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.): дис. ... док. ист. наук. М., 1998; *Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В.* Постсталинское общество: проблемы лидерства и трансформации власти. М., 1999; *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск, 2000; *Нечаева С. В.* Лидеры политической элиты Челябинской области, 1934–2004 гг. Челябинск, 2005; *Золотов В. А.* Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень, 1953–1991 гг.: дис. ... док. ист. наук. М., 2006; *Коновалов А. Б.* Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)–КПСС в регионах Сибири (1945–1991): дис. ... док. ист. наук. Кемерово, 2006; *Колдушко А. А.* Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006; *Миронов Е. В.* Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956–1991 гг.: на примере Иркутской области: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; *Калинина О. Н.* Формирование и эволюция партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в 1946–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007.

¹⁰⁸ *Абрамов В. Н.* Техническая интеллигенция России в условиях большевистского политического режима в 1920-е – 1930-е гг. СПб., 1997; *Терехов В. С.* Рекруты великой идеи: Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003.

и ведомств¹⁰⁹. В дальнейшем эта тенденция была продолжена в связи с возникновением исследовательского интереса к новым, ранее не изученным группам населения. Пристальное внимание историков было направлено на положение маргинальных групп советского общества: спецпереселенцев, заключенных ГУЛАГа, «лишенцев», «бывших» представителей дворянства, купечества, офицерства и т. п.; иностранцев на советских предприятиях и военнопленных¹¹⁰.

На протяжении последних 25 лет историками и социологами, изучавшими советское общество и его трансформацию в новых социально-экономических условиях, предпринимались попытки создать собственные объяснительные модели социальных процессов. Так, например, размышления о сущности и эволюции социально-классовой природы советского общества представлены в работах М. Н. Руткевич¹¹¹. В некоторых случаях осмысление низкого эвристического потенциала классовой теории обусловило формулировку новых концептуальных построений. К числу таких исследований относятся работы О. И. Шкаратана и В. В. Радаева, в которых, наряду с обзором основных идей и концепций стратификации обществ советского и постсоветского типа, предложена оригинальная авторская концепция о социальном

¹⁰⁹ Минаков С. Т. Советская военная элита 20–30-х годов. Орел, 2004; Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. М., 2003;

¹¹⁰ Красильников С. А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998; Пыстина Л. И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг. (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999; Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы Московского электротехнического завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Красильников С. А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. М., 2003; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004; Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е гг.). СПб., 2006; Маргиналы в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930–1950-е годы: сб. науч. тр. Новосибирск, 2007; Корни и щепки: Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930 – начало 1950-х гг.) / С. А. Красильников, М. С. Саламатова, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2008; Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М., 2009; Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества: Маргинальные группы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. / Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. М., 2010; Маргиналы в советском социуме: 1930-е – середина 1950-х гг. / отв. ред. С. А. Красильников, А. А. Шадт. Новосибирск, 2010.

¹¹¹ Руткевич М. Н. Социальная структура. М., 2004.

порядке России – этакратизме, не относящемся к основным общепринятым типам социальных систем: капитализму или социализму. По мнению О. И. Шкаратана, в России советского времени сложилась дуалистическая стратификация, сочетающая сословную и социально-профессиональную иерархии¹¹². Определенный интерес с точки зрения поиска новых методов и концепций представляют труды В. И. Ильина¹¹³. Автор, сравнивая советское и постсоветское общество, предложил рассматривать российский социум как совокупность властно-административной, социально-отраслевой, социально-демографической, социально-пространственной и этносоциальной стратификаций.

Одновременно с этим российская историография искала новые подходы к изучению социальных процессов. В результате использования методологических оснований и инструментария новой культурной истории возникли такие направления исследований, как гендерная история и история детства¹¹⁴. Показателем интереса к данной проблематике становится издание ежегодника «Социальная история»¹¹⁵.

Не менее заметной тенденцией в постсоветской историографии по социальной истории стало смещение ракурса исследования с определенных категорий населения на изучение повседневных практик¹¹⁶,

¹¹² См. подробнее: Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996; Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2004; Шкаратан О. И., Ильин В. И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006; Шкаратан О. И. Социология неравенства: теория и реальность. М., 2012.

¹¹³ Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996; Его же. Социальное неравенство. М., 2000.

¹¹⁴ Градскова Ю. Обычная советская женщина: обзор описаний идентичности. М., 1999; Пушкарева Л. Н. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М., 2002; Смирнова Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917–1940 гг.). М.; СПб., 2015.

¹¹⁵ На сегодняшний день все выпуски ежегодника с 1997 по 2013 г. размещены в сети Интернет, см.: <http://www.icshes.ru/elektronnyj-nauchnyj-zhurnal-sotsialnaya-istoriya/vypuski>

¹¹⁶ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 1999; Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / под ред. Т. Виховойнена. СПб., 2000; Нарский Н. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть, 1917–1921 гг. Мешочники. М., 2002; Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938. М., 2004; Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; «Советское наследие»: Отражение прошлого в социальных и экономических практиках

историю потребления и моды как маркеров социальной стратификации.¹¹⁷

К сожалению, расширение исследовательского поля социальной истории не привело к более точному пониманию предмета исследований. Причина такого положения – отсутствие концептуальных представлений о том, каким образом происходит формирование, изменение и смена различных элементов социальной системы. Историки с начала 1990-х гг. признавали необходимость обновления уже имеющегося у них методологического инструментария. В большинстве случаев, отмечая бесперспективность создания новой универсальной теории, объясняющей многообразие проявления социального в исторической ретроспективе, исследователи концентрировали внимание на процессах, четко локализованных во времени и пространстве. В результате такого разворота от «макросоциологических» сюжетов к региональным особенностям и положению различных социальных групп произошло, с одной стороны, фрагментирование исследовательского поля, а с другой – безусловно необходимое расширение источниковой базы исследований. Однако все это не позволяло представить полномасштабную картину развития российского социума на протяжении длительного времени.

Сложность проведения комплексного исследования социальных процессов в исторической ретроспективе связана с неизбежно возникающим противоречием между теоретическими построениями, основанными, как правило, на официально создаваемых источниках, таких как, например, законодательные акты или материалы статистики, и содержанием источников непубличного характера, в которых отражены повседневные практики представителей различных групп населения. Источники личного происхождения, документация частных хозяйств, жалобы и прошения, материалы неправительственной периодической печати, материалы следствия по различным гражданским и уголовным делам – все эти источники нередко позволяют поставить под сомнение

современной России / под ред. Л. И. Бородкина, Х. Кесслера, А. К. Соколова. М., 2010; Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

¹¹⁷ Журавлев С. В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991 гг. М., 2013; Захарова Л. Одеваться по-советски. Мода и оттепель в СССР. Париж, 2011; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1999; Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М., 2015.

четкие социологические схемы сословного или классового деления. Однако и использование только микроисторических методов изучения также не позволяет осмыслить длительные процессы изменения социального ландшафта во времени и пространстве.

В современной историографии данное противоречие прослеживается в работах, авторы которых рассматривают процесс формирования и трансформации сословного типа социальной структуры. Такой подход к изучению истории социальных процессов представлен в работах Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой¹¹⁸. Основопологающим теоретическим конструктом, используемым авторами для описания исторической реальности в России имперского периода, является категория «сословный строй», которая подразумевает, что в обществе установлена система групповой юридической дифференциации, функционируют соответствующие ей государственные институты самодержавия, сословное местное управление и судопроизводство¹¹⁹. Такая система формируется в России с начала XVIII в. и постепенно, к концу XIX – началу XX в., эволюционирует от сословной к классовой социальной структуре¹²⁰.

В принципе, признавая общий вектор развития социальных процессов, авторы заявляют о своей приверженности сословной парадигме. На уровне макроисторических обобщений «сословный строй» представлен в работе как исторически обусловленный и зафиксированный юридически тип общественных отношений¹²¹, для которого характерны несколько базовых критериев для выявления сословных групп.

Первый критерий – общность юридического статуса и наличие ограничений на «вход» и «выход» из одной социальной группы в другую. В данном контексте В. П. Желтова и Н. А. Иванова соглашаются с мнением целого ряда исследователей о том, что «...сословия появляются тогда, когда на смену существующей возможности для человека свободно изменить свой социальный статус происходит, оформленная официальным законом, регламентация занятий, обязанностей и прав населения»¹²². Окончательное же оформление сословий происходит при введении четкого порядка передачи по наследству правового статуса

¹¹⁸ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004 ; *Их же*. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2010.

¹¹⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи... С. 12.

¹²⁰ Там же. С. 8.

¹²¹ Там же. С. 7–8

¹²² Там же. С. 8–9.

индивида. Второй критерий – осознание членами социальной группы культурной общности и формирование различных сословных организаций, активность которых рассматривается как один из главных показателей степени зрелости сословного общества¹²³.

Все эти признаки «сословия» в исторической реальности тесно переплетены и не позволяют, по мнению авторов, согласиться с тезисом Р. Пайпса о доминировании в России исключительно юридического основания для сословной дифференциации. Наряду с правовой регламентацией прав и обязанностей, не менее важной для понимания, что такое «сословие», становится групповая социокультурная идентичность. Следуя этой логике, В. П. Желтова и Н. А. Иванова подчеркивают, что в России со второй половины XIX – начала XX в. «...длительное существование сословий способствовало превращению их в *особые социальные образования*, отличавшиеся социальной мобильностью, уровнем грамотности и культуры, семейным положением и др.»¹²⁴. При таком подходе численность сословия не имеет принципиального значения, особенно если представители данной группы оказывали существенное влияние на принятие важнейших экономических и политических решений. В данном контексте одним из сословий российского общества имперского периода, которое обладало особым правовым статусом и сложившейся корпоративной культурой, авторы называют российский Императорский Дом. Находясь на вершине социальной иерархии, члены императорской фамилии обладали целым комплексом прав, привилегий и обязанностей, а следовательно, по мысли авторов, составляли «специфическую корпорацию» и были «неотъемлемой частью сословного строя России»¹²⁵.

Предложенные авторами критерии для определения сущности сословий в целом не вызывают принципиальных возражений. Действительно, установленный законодательно правовой статус и признание членами группы некой культурной общности во многом определяют характер внутри- и межгрупповых взаимоотношений. Однако, на наш взгляд, представление о российском обществе имперского периода как о иерархически организованной структуре, состоящей из 3–4 сословий, значительно упрощает социальную реальность.

¹²³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи... С. 14–15.

¹²⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России... С. 239–259.

¹²⁵ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи... С. 15–23, 21–85.

Используя в качестве источников законодательные акты, материалы статистики и публикации в официальных ведомственных изданиях, авторы концентрируют внимание на процессе «эволюции правового статуса и положения основных сословий» в России имперского периода. При этом они признают, что не все существовавшие группы юридически являлись «сословиями»¹²⁶. Некоторые из них не имели четко установленного статуса и занимали переходное положение, другие – официально причислялись к тому или иному сословию не по роду занятий и общественной значимости, как это происходило с «основными сословиями», а по национально-религиозной принадлежности, как, например, «инородцы».

Сложность построения непротиворечивой схемы социальной структуры российского общества заключается еще и в том, что даже те группы, которые официально были признаны «сословиями», в действительности не обладали всеми сословными признаками. В связи с этим В. П. Желтова и Н. А. Иванова отмечают характерную даже для «основных» сословий внутреннюю неоднородность и ненаследуемость личного статуса. Яркая иллюстрация существования социальных групп, не имевших в равной степени всех сословных признаков, – личное дворянство и купечество¹²⁷. Особенно заметно несоответствие комплексу формальных признаков сословий в России становится при внимательном рассмотрении организации «корпоративных институтов», способных формировать чувство сословной идентичности и защищать групповые интересы¹²⁸.

Таким образом, достаточно стройная на уровне теоретических рассуждений концепция сословного строя – как системы юридической регламентации прав и обязанностей для каждой социальной группы, преимущественно наследственного порядка передачи социального статуса и организационного оформления корпоративной общности – при ее столкновении с конкретно-исторической реальностью всегда требует дополнительных объяснений и оговорок.

В работе Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой своеобразие сословного строя России имперского периода объясняется взаимовлиянием нескольких факторов. Во-первых, для нашей страны была характерна «разновременность» формирования сословий: дворянство, городские

¹²⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи... С. 12, 14, 16.

¹²⁷ Там же. С. 722.

¹²⁸ Там же. С. 723.

слои (почетные граждане, купцы, мещане, ремесленники) складываются в сословия на протяжении XVIII – первой трети XIX в., а «крестьянство», «иногородцы» – фактически в течение всего XIX в. При этом на скорость и степень детализации юридического статуса основных сословных групп заметное влияние оказало использование образцов зарубежного законодательства¹²⁹.

Во-вторых, в России особую роль в процессе формирования сословного строя играло государство. Это проявлялось не только в формально-юридической дифференциации прав и обязанностей, но и в политике по созданию сословных корпоративных институтов. И хотя, как справедливо замечают авторы, подобные структуры не всегда создавались на «пустом месте», так, например, «исторической предшественницей мещанского общества являлась посадская община, а сельского общества – крестьянская община», именно государство оказывалось главным инициатором правовой консолидации социальных групп.

В-третьих, в отличие от стран Западной Европы, где «сословия возникали на основе феодальных отношений (сюзерен–вассал) и из отношений земельных собственников с городами, добившимися правовой независимости», в России системообразующим элементом сословного строя был «институт подданства», который проявлялся в форме взаимодействий власти и общества в условиях его сословной стратификации¹³⁰. Данный институт служил интеграционной основой для экономических, политических и морально-религиозных аспектов социальной жизни. Экономическую основу отношений подданства, по мнению Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, составляли «государственная собственность на землю, недра, леса, воды и сложившийся на ее основе государственный феодализм»¹³¹. Таким образом, именно государство в лице самодержавного правителя и подчиненного ему государственно-аппарата и церкви рассматривается в качестве основной социогенерирующей силы, направляющей и контролирующей развитие социума.

Мы считаем, что подобный взгляд на развитие социальных процессов, хотя и отражает ряд важных особенностей России имперского периода, существенно упрощает историческую реальность. Продолжая предложенную авторами логику до предельных значений, можно утверждать, что в России складывание сословной системы – исключительно

¹²⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи... С. 721.

¹³⁰ Там же С. 15.

¹³¹ Там же. С. 723.

результат усилий государства, а не естественный процесс социальной дифференциации общества. Очевидно, что при таком подходе не учитывается интерпретационная активность индивидов и многообразие их реакций на попытки государства регулировать различные аспекты повседневной жизни. В реальности государство нигде и никогда, даже в условиях тоталитарного режима, не способно полностью регламентировать и контролировать характер внутри- и межгрупповых отношений, а следовательно, множество социальных явлений и процессов возникало не только без участия государства, но и вопреки его установкам.

Отчасти несводимость факторов социальной истории только к политике государства подтверждается итоговыми замечаниями авторов. Так, в заключении они констатируют двойственность и противоречивость социальных последствий реформ 1860–1870-х гг., которые, с одной стороны, обозначили новый вектор развития, связанный с постепенным преодолением сословности, а с другой, и это особенно заметно в отношении крестьянства и дворянства, способствовали укреплению «некоторых сословных начал»¹³². В результате такой двойственности в конце XIX – начале XX в. в России переход к классовой структуре происходил при частичном сохранении сословного строя, что существенно осложняло развитие общественных институтов и сопровождалось, наряду с сохранением всевозможных мелких сословных групп, ростом численности маргинальных слоев населения¹³³. Однако, признавая особенности развития социума имперского периода, авторы подчеркивают общность основного направления в эволюции социальной стратификации России и стран Европы. В общем виде, по их мнению, «...Россия не избежала сословного структурирования на определенном историческом этапе, подчиняясь в этом отношении мировым закономерностям»¹³⁴.

Не менее интересным вариантом осмысления масштабных социальных процессов в длительной временной перспективе являются работы Б. Н. Миронова. Впервые опубликованная в 1999 г. монография «Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.)» вызвала большой интерес как зарубежных, так и российских исследователей¹³⁵. Учитывая критические замечания и пожелания читателей,

¹³² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи... С. 724.

¹³³ Там же. С. 727.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ См., например: Российский старый порядок: Опыт исторического синтеза: «круглый стол» / материалы подгот. С. С. Секиринский // Отеч. история. 2000. № 6. С. 43–93; Ахиезер А. С. Специфика исторического опыта России: трудности и обобщения: Размышления

автор трижды дополнял текст работы¹³⁶. В результате более глубокого изучения материального положения различных категорий российских подданных XVIII – начала XX в. был собран материал для монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России» (2010, 2012), а в 2014–2015 гг. на основе текста «Социальной истории России периода империи» автор опубликовал новый вариант своей работы под заголовком «Российская империя: от традиции к модерну»¹³⁷.

Наряду с существенным увеличением объема используемых источников, принципиально важным дополнением, которое, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания современных историков, являются размышления автора о методологических основаниях исследований по социальной истории России. Обращаясь к читателям, Б. Н. Миронов заявляет о приверженности «неоклассической модели исторического исследования», которая «ориентирована на синтез социальной, культурной, экономической, политической истории, социально-исторической антропологии, исторической социологии и исторической психологии, при использовании междисциплинарного подхода, макро- и микроанализа, объяснения и понимания»¹³⁸. Такой междисциплинарный подход может способствовать открытию новых, более пластичных методов исследования, позволяющих адекватно реконструировать различные проявления социального в исторически обозримом прошлом. Однако, и с этим утверждением Б. Н. Миронова нельзя не согласиться, основной проблемой, без решения которой невозможно достижение обозначенной цели, является нечеткость и формальный характер используемого в исторической социологии и социальной истории понятийного аппарата.

над книгой // *Pro et Contra*. 2001. Т. 6, № 4. С. 209–221; Аврус А. И., Голуб Ю. Г. Новый рубеж отечественной исторической науки // *Клио* : журн. для ученых. 2001. № 2 (14). С. 244–247; *Forum // Slavic Review*. 2001. Vol. 60, № 3. P. 550–599; Елисеева И. И. Обсуждение монографии Б. Н. Миронова «Социальная история России» // «Английская набережная, 4» : ежегодник С.-Петербур. науч. о-ва историков и архивистов. СПб., 2000. С. 467–473; Рабжаева М. В. Смена вех в понимании российской истории: Обсуждение книги Б. Н. Миронова «Социальная история» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. Т. 3, № 2. С. 174–189.

¹³⁶ См., например: *Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начала XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства* : в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003.

¹³⁷ *Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну* : в 3 т. СПб., 2014–2015.

¹³⁸ Там же. С. 12–13.

Констатируя необходимость выработки четкого понимания основных социальных категорий, Б. Н. Миронов акцентирует свое внимание на значении понятий «*социальная структура*», «*социальная стратификация*», «*класс*», «*сословие*». По его мнению, историки нередко подразумевают под «*социальной структурой*» то, что в социологии принято обозначать термином «*социальная стратификация*». Любая стратификация предполагает «*социальное неравенство в обществе, разделение последнего на неравноценные социальные единицы – касты, “чины”, сословия, классы, страты, слои и ранжирование... по неравенству в доходах, образовании, престиже, власти и в доступе к любым социальным благам и ресурсам*»¹³⁹. В отличие от «*стратификации*» термин «*социальная структура*» используется в современной социологии не столько для обозначения формальных границ и имущественного неравенства в обществе, сколько для констатации существования «*постоянных и упорядоченных связей между его членами, их взаимоотношений в повторяющихся и устойчивых формах по определенным правилам и нормам*». В данном контексте «*...социальная структура создает в обществе систему отношений между людьми, занимающими определенные социальные позиции, с точки зрения социальных ролей, взглядов и убеждений, интересов, жизненных шансов и типичных направлений коммуникаций*»¹⁴⁰. Так, например, по мнению Б. Н. Миронова, *социальная структура* российского общества XVIII в. – «это специфическая конфигурация взаимоотношений между дворянином и купцом, крестьянином и чиновником, священником и мещанином, а также и все другие отношения между людьми разных статусов в соответствии с установленными законом и обычаем нормами и правилами, благодаря чему удовлетворялись основные жизненные и социальные потребности населения»¹⁴¹. Одновременно с социальной структурой как «*специфической конфигурацией взаимоотношений*» в обществе неизбежно возникает «*разделение на сословия и сословные группы с точки зрения их неравенства в отношении уровня жизни, образования, власти, престижа, образования и стиля жизни*», которое отражает *сущность социальной стратификации*.

Резюмируя свои размышления о содержании терминов «*социальная структура*» и «*социальная стратификация*», Б. Н. Миронов предлагает

¹³⁹ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. С. 325.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

сочетать две системы социальных координат: с одной стороны, используя понятие «социальная стратификация», следует разложить общество «...на однородные социальные группы (касты, сословия, классы, слои, страты) и ранжировать их в иерархическую систему в соответствии с теми или иными критериями, а с другой – рассмотреть, как взаимодействовали различные социальные группы и каким образом на базе этого взаимодействия рождалась социальная структура как система»¹⁴². При этом он призывает исследователей помнить, что «всякая социальная структура и стратификация являются в значительной мере условными, так как зависят от критериев, положенных в их основу»¹⁴³.

Однако простая констатация «виртуальности» выделения социальных групп не дает исследователю новых инструментов для изучения прошлого. Напротив, доведенная до крайности такая позиция не способствует сближению исследователя и исторической реальности, так как в любом обществе всегда существовала многоуровневая и очевидная для современников групповая дифференциация. Понимая это, Б. Н. Миронов на теоретическом уровне признает важность многомерной социальной классификации и в качестве примера обозначает возможные критерии для выявления социальных страт: они могут быть организованы в иерархический порядок в соответствии с престижем, властью, материальным положением, образованием, знанием, религиозно-этнической принадлежностью и происхождением¹⁴⁴. Более того, одним из важных критериев социального неравенства он называет «жизненный стиль» представителей определенной социальной группы. Данное понятие, по словам автора, обозначает: «во-первых, поведение человека и предметы его собственности – как он одевается, что ест, как ухаживает за телом и здоровьем, как и где отдыхает и развлекается, которые истолковываются им самими и окружающими как символы положения, занимаемого им в обществе; во-вторых, систему установок, которые предопределяют поведение и представления, свойственные индивидуумам данной социальной группы». Рассматриваемые в комплексе, все эти составляющие определяют положение, при котором «стиль жизни служит не только маркером социального положения человека, но и подтверждением его статуса»¹⁴⁵.

¹⁴² *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. С. 325–326.

¹⁴³ Там же. С. 326.

¹⁴⁴ Там же. С. 327.

¹⁴⁵ Там же. С. 329–330.

Признание условности любой исследовательской парадигмы, с помощью которой происходит дифференциация общества, актуализирует проблему определения критериев для подобного рода аналитической операции. В связи с этим Б. Н. Миронов справедливо отмечает недостаточность формально-юридического или материально-финансового критерия, так как в действительности социальная «стратификация по объективным критериям дает основание отнести человека к одной социальной страте, в то время как он сам может идентифицировать себя с другой, а его окружение воспринимать его как представителя третьей страты»¹⁴⁶. Следовательно, утверждает автор, у историка «возникает необходимость оценивать социальное неравенство не только по объективным критериям, но и на основании самоидентификации – на представлении человека о месте своем и себе подобных в обществе (метод самооценки) и перекрестной идентификации – на представлениях людей друг о друге и одних социальных групп о других (репутационный метод)»¹⁴⁷. Именно поэтому в исследованиях по социальной истории он, ориентируясь на работы П. Бурдьё¹⁴⁸, предлагает руководствоваться рядом принципов социального моделирования, используемых в социологии.

Во-первых, следует помнить, что «большие реальные социальные группы (например, сословия или классы) определяются не только их численностью, составом, социальными границами и другими подобными объективными (субстанциальными) признаками, но также внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями»; во-вторых, «конструирование группы должно производиться не по одному материальному критерию, а на основании нескольких критериев, в том числе необходимо принять во внимание представления членов данной группы о себе, о других группах и о социальной иерархии в обществе»; в третьих, «при определении группы следует учитывать, что группы отличаются друг от друга идеологиями, представлениями о социальном мире и способах его изменения». И, конечно, принципиально важно помнить, что «сконструированные» таким образом «группы не являются реально действующими группами; это виртуальные, или группы людей на бумаге»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. С. 330.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология социального пространства : сб. ст. М., 2005. С. 14.

¹⁴⁹ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1. С. 326.

Не менее проблематичными по сравнению с терминами «социальная структура» и «социальная стратификация» являются такие привычные для историка категории, как «класс» и «сословие». Именно эти категории Б. Н. Миронов называет «главными социальными единицами российского общества периода империи», подчеркивая при этом, что исторически реальность не совпадала с четким делением общества на классы и сословия. По сути, и «класс», и «сословие» являются такими же теоретическими конструктами, как «социальная структура» или «социальная стратификация», а следовательно, историк должен отдавать себе отчет в том, что обозначаемые при помощи данных понятий социальные образования, по словам автора, «следует рассматривать как виртуальные, или как группы людей на бумаге, сконструированные современниками и историками, а не как реально существовавшие»¹⁵⁰.

Признавая условность понятий «класс» и «сословие», Б. Н. Миронов оговаривается, что в силу сложившейся историографической традиции и содержания исторических источников, отражающих существовавшие в обществе представления о групповом и индивидуальном неравенстве, историк «вынужден анализировать виртуальные группы как будто они реально существовали»¹⁵¹. Безусловно, подобного рода методологическая саморефлексия необходима и полезна историку, стремящемуся реконструировать ушедшую в прошлое историческую реальность. Однако, на наш взгляд, важно разграничивать степень «виртуальности» понятий «класс» и «сословие». Если первое является предельно обобщенным понятием и редко встречается до середины XIX в. в текстах исторических источников, служивших средством как межличностной, так и публичной коммуникации, то второе понятие нередко использовалось современниками для личной и межгрупповой самоидентификации с конца XVIII столетия.

Рассматривая категории «класс» и «сословие» как привычный и удобный аналитический инструмент для исследования российского общества периода империи, Б. Н. Миронов предлагает сопоставление различных групп российского общества с «классическими» для средневековой Европы сословиями. В качестве критериев автор использует следующие признаки: «...1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству, следовательно, приобретают-

¹⁵⁰ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 333–334.

¹⁵¹ Там же. С. 334.

ся по рождению; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении (в сословно-представительных учреждениях); 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности — одежда, прическа, особые украшения и т. п.; 7) межсословные переходы и браки допускаются, но строго контролируются»¹⁵². Все эти признаки позволяют определить относительно однородные группы населения, однако даже при таком комплексном подходе, в связи с тем, что сословное законодательство, как правило, не акцентировало внимание на имущественном положении, образовании и ряде иных характеристик индивида, в сословном обществе можно было встретить, например, «бедного образованного дворянина и богатого неграмотного крестьянина или богатого малограмотного мещанина и бедного образованного священника».

В отличие от сословий понятие «класс» обозначает определенные социальные группы людей, отличающиеся друг от друга по их месту в системе общественного производства, уровню дохода и доступности к властным институтам. Б. Н. Миронов отмечает, что такие группы «складываются стихийно» и «являются открытыми на входе и выходе»¹⁵³, что обуславливает, благодаря личным способностям, образованию, случайным возможностям и личным связям людей, постоянную смену состава группы.

В соответствии с обозначенными признаками, по мнению Б. Н. Миронова, российское общество XVI – первой половины XVII в. еще не было ни сословным, ни классовым. Главный стратифицирующий фактор российского общества в этот период времени – характер обязанностей человека по отношению к государству. Ярким подтверждением этого является разделение населения на людей служилых, тяглых и нетяглых, а также зависимость социального статуса человека от положения в номенклатуре «чинов» и «разрядов», число которых доходило до пятисот. По мере разрастания государственного аппарата в России повысилась устойчивость «номенклатуры чинов», что, по мнению автора, дает основания рассматривать их как «протосословия и свидетельствует о перерастании “чиновного” строя в сословный»¹⁵⁴. О появлении

¹⁵² *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 333, 459.

¹⁵³ Там же. С. 333.

¹⁵⁴ Там же. С. 458.

же более или менее «полноценных» сословий в России можно говорить только с последней трети XVIII – начала XIX в.

Первой социальной группой, которая соответствовала большинству признаков сословия, было дворянство, получившее в 1785 г. юридическое закрепление сословных прав и порядка передачи их по наследству, право на создание органов корпоративного самоуправления в форме уездных и губернских дворянских собраний, на внешние атрибуты принадлежности к дворянскому сословию, на относительно независимый от коронной администрации суд. Постепенно в дворянской среде формировалось представление о дворянской чести и достоинстве, что позволяет говорить о формировании сословного самосознания и самоидентификации. Хотя, как справедливо утверждает Б. Н. Миронов, все это «не исключало наличия внутри дворянства групп интересов и существования между ними политических, экономических, социальных и этнических противоречий»¹⁵⁵. Почти одновременно с дворянством вторым сословием в России становится духовенство. К началу XIX в. оно обладало почти всеми формальными признаками сословия, за исключением, конечно, права участия в сословно-представительном учреждении и наличия органов сословного самоуправления. Однако, по мнению автора, их отсутствие было компенсировано существованием местных духовных консисторий и Синода.

Наиболее отчетливую конфигурацию сословный строй получил после Великих реформ XIX столетия. По мнению Б. Н. Миронова, «в наибольшей степени идеальному типу сословия соответствовало дворянство, в наименьшей — крестьянство». При этом автор делает принципиально важный, на наш взгляд, вывод о роли государства в процессе формирования сословий, подчеркивая, что этот процесс «происходил в большей степени стихийно, под влиянием жизненных обстоятельств, а государство к этому процессу подключилось и активно содействовало, отчасти под влиянием европейской практики, отчасти под влиянием общественных потребностей, выразителем которых оно, по сути, являлось». Именно в результате сочетания «естественного хода вещей и государственного дирижирования в стране сложилась гибкая сословная система, хорошо адаптированная к потребностям экономического и социального развития и общества»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 344.

¹⁵⁶ Там же. С. 460.

Сравнивая российское общество с положением различных социальных групп в странах Западной Европы, автор констатирует, что «ни в одной европейской стране даже в период расцвета сословного строя также не существовало четких консолидированных сословий — дворянства, духовенства, горожан и крестьян». Таким образом, и в России, и в странах Европы «четкая 3- или 4-членная сословная структура — не более чем теоретическая конструкция, идеальный, а не реальный тип сословного устройства общества»¹⁵⁷. В большинстве стран даже те группы, которые соответствовали сословной структуре общества, не были полностью однородными образованиями. В подтверждение данного тезиса Б. Н. Миронов приводит пример социальной стратификации Франции, где в конце XVII столетия имелось 22 социальные страты, подразделявшихся, в свою очередь, на 569 социальных групп¹⁵⁸. В России вследствие того, что сословный строй существовал здесь, по сравнению со странами Западной Европы, непродолжительное время, фрагментация общества была еще более выраженной. Постепенная трансформация сословной системы в классовую происходила только в пореформенное время, но до революции 1917 г. не была завершена¹⁵⁹.

Признание условности категорий «сословие» и «класс» особенно отчетливо диссонирует с констатацией автором одновременного сосуществования (при постепенном доминировании к началу XX в. классового типа) практически всех типов стратификационных систем: рабовладельчества в регионах Закавказья и Средней Азии, этакратической системы и даже физико-генетического типа социальной стратификации, проявляющегося в доминировании индивидов по признаку пола, возраста и физической силы. Таким образом, анализ основных положений исследования Б. Н. Миронова актуализирует проблему корректности использования сословно-классовой парадигмы применительно к истории российского социума.

Знакомство с рядом актуальных социологических теорий социального и с современными трудами по социальной истории позволяет обнаружить некоторые тенденции, внушающие оптимизм относительно перспектив развития и социальной истории как таковой и конкретных исследований по истории социальной стратификации России Нового – Новейшего времени.

¹⁵⁷ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 459.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. С. 461.

Можно констатировать определенное сближение позиций «теоретиков» и «эмпириков», социологов и историков в понимании предмета и методов исследования. Абстрактные модели общества и жесткие дефиниции, присущие крайним проявлениям структурализма, с одной стороны, и не поддающаяся генерализации «история в осколках», с другой стороны, все больше уступают место консенсусным формам научного познания социальной материи.

Анализ новейших работ зарубежных и российских авторов позволяет сформулировать ряд ключевых тезисов и подходов, которые могут стать отправными точками и методологической опорой для конкретно-исторических исследований по социальной стратификации России Нового – Новейшего времени. Прежде всего, напрашивается вывод о том, что *социальная стратификация подвижна и изменчива*. Эти подвижность и изменчивость существуют в пространственно-временных измерениях. Российское общество (как и общества других европейских стран) сочетало в себе многообразие социальных страт, чья идентификация основывалась на различных критериях. Для того чтобы классифицировать их, использовались (в различных сочетаниях) правовые, экономические (владение собственностью, профессия), территориальные, гендерные, конфессиональные (этноконфессиональные) и культурные (ментальные) основания.

Важной задачей исследования социального оказывается выявление принципов и форм самоидентификации членов общества. При этом возникает проблема, связанная с неоднозначностью интерпретации источников в силу того, что каждый человек, являясь носителем целого комплекса идентичностей, в конкретных условиях выбирает использование одной или нескольких из них в зависимости от обстоятельств и преследуемых целей. Возникает своего рода эффект «жонглирования статусом», который «размывает» кажущуюся стройность той или иной социальной структуры. Следует учитывать и тот фактор, что в процессе конструирования социального пространства сосуществовали, как минимум, два процесса: во-первых, политика государства в отношении определения статуса и границ социальных страт (хотя степень ее влияния оценивается исследователями по-разному), а во-вторых, собственное внутреннее развитие социальных групп и их реакция на государственную политику.

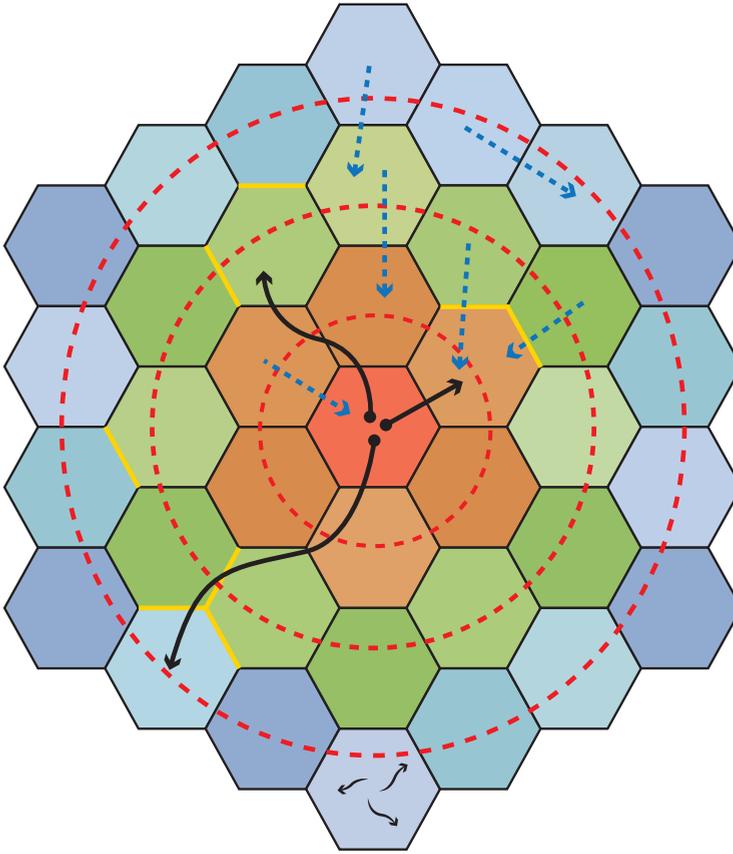
Вероятно, одним из фундаментальных достижений социальной истории на сегодняшний день стало конвенциональное понимание

того, что социальные структуры (во всяком случае, в эпоху позднего Средневековья – Нового и Новейшего времени) могут быть *разнообразны* не только в динамике исторических периодов большой длительности, но и на любом конкретно-историческом отрезке. Это понимание если не разрушает, то серьезно корректирует традиционную убежденность в наличии единой социальной иерархии того или иного изучаемого общества, «найдя ключ к которой, удастся точно определить место каждого индивида или каждой группы на социальной лестнице»¹⁶⁰. Отсутствие у современников единого ментального образа социальной иерархии, множественность этих образов, их зависимость от постоянно меняющихся обстоятельств жизненных ситуаций – все то, что, по наблюдениям П. Ю. Уварова, характеризовало социальную ситуацию во Франции Старого порядка¹⁶¹, вполне справедливо и для России имперского и, по всей видимости, постимперского (советского) периода. Таким образом, первоочередная задача историка, занимающегося изучением социальной стратификации, заключается в выявлении причин и границ этой изменчивости, исследовании механизмов социального конструирования, его акторов, уяснении социального языка или, точнее сказать, языков эпохи. Второй задачей, вовсе не новой, но усложненной новыми представлениями, остается задача «перевода» аутентичного языка прошлого на язык современных научных понятий. Это, в частности, касается давнего спора о правомочности характеристики современных обществ как сословных или классовых, продуктивности и правомерности использования самих категорий «сословие» и «класс», а также попыток нахождения им замены в социальной терминологии исследуемой эпохи или в более гибких и адекватных «кабинетных» номинациях.

Сопоставление некоторых концептуальных моделей изучения социальных процессов и возможности их применения в исторических исследованиях отчетливо показывает важность поиска новой интегративной модели описания социальных процессов. Создание такой модели возможно на основе признания многомерности и пластичности социальной структуры, описание которой невозможно в терминах, предполагающих наличие жесткой структурной детерминации поведения индивидов. Более адекватным для реконструкции социаль-

¹⁶⁰ Уваров П. Ю. Социальные именованья парижан в эпоху Старого порядка // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 182.

¹⁶¹ Там же. С. 182–184.

Модель социальной организации общества:

⬡ ассоциации (фигурации) и группообразования индивидов. Цвет фигуры соответствует формально определенной принадлежности к сословной и/или внутрисословной группе. В центре схемы расположен красный шестигранник, который обозначает группу, располагающую властными и иными ресурсами, посредством которых она осуществляет доминирование и создание нормативно-правовых актов;

⋯⋯⋯ обозначение принадлежности ассоциаций к формально определенному иерархическому уровню (например, сословию). На каждом уровне одновременно существует множество отличающихся по ряду признаков ассоциаций;

— юридически установленные границы между группами, находящимися на разных уровнях, и внутри одного уровня (сословия). На схеме такие границы обозначены не везде, что отражает невозможность власти регулировать все без исключения социальные взаимодействия;

↪ обозначение стремления властного центра регулировать внутри- и межгрупповые отношения. На практике в каждой ассоциации (фигурации) есть свой центр влияния, определяющий нормы и стереотипы поведения;

⋯⋯⋯➔ отношения подражания, по Г. Тарду

ных процессов в исторической ретроспективе представляется модель общества, сочетающая в себе объективно существовавшую иерархию, основанную на неравенстве в распределении материальных и властных ресурсов, а также признание особой роли нематериальных факторов, объединяющих и разъединяющих людей как внутри группы, так в ходе межгрупповых взаимодействий (см. рисунок). С помощью такой модели возможно исследование не только стратегий социального проектирования со стороны властных структур посредством нормативно-правового регулирования, но и его результатов, которые никогда не реализуются в полном объеме. Рассматривая социум как сложноорганизованную систему, состоящую из множества формальных и неформальных ассоциаций, группообразований и отдельных индивидов, постоянно взаимодействующих друг с другом, следует признать многомерность границ и маркеров социальной дифференциации и самоидентификации, которые проявляются в языке и практических действиях индивида.

Думается, проблема реконструкции, осмысления и корректного описания социальной стратификации (во всей системной сложности и целостности этого понятия) и есть та сердцевина собственно социальной истории – «короля Лира» уваровской метафоры.

РАЗДЕЛ II

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...

Н. С. Гумилев. Слово

...Я стал подставлять вместо «дискурс»
слово «разговорщина» – и смысл оказался
вполне удовлетворительным.

М. Л. Гаспаров

Вечный вопрос «Как возникает социальное?» есть вопрос о механизмах, о причинах или воздействиях, в результате которых эта социальность возникает. Новейшая литература, отчасти рассмотренная в предыдущем разделе, как представляется, дает самый общий ответ на этот второй вопрос: социальное возникает в результате сложного и динамичного взаимодействия внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов, индивидуальных практик и коллективных стратегий. В этом разнообразии интеракций находится место и ситуативному, и хаотичному, и предпосланному, и структурированному.

Тем не менее специфика исторического знания такова, что мы не можем довольствоваться общими ответами. Любое историческое явление или событие не бывает «вообще», поскольку по своей природе реализуется в конкретной пространственно-временной ситуации, в нашем случае – в России XVII–XX вв. Начать исследовательский процесс мы сочли целесообразным с анализа государственного воздействия на формирование социальной реальности.

Понятие «государство» само по себе абстрактно – не отсюда ли та множественность его дефиниций, бытующих в научной литературе, тщетное многообразие попыток отделить «настоящее» государство от «ненастоящего», проявляющееся в эвфемизмах вроде «предгосударство», «протогосударство», «квазигосударство», «государство современного типа/государство модерна (*état moderne, modern state*)» и т. п.?

Но едва ли необходимо доказывать, что власть, законодатель – какие бы названия ни носила субстанция под названием «государство» в зависимости от места и времени – всегда претендовали на создание общих правил игры, по которым должны были жить подданные. В этом смысле можно говорить о государстве как творце социальной структуры, важном акторе социального конструирования. Надо признаться, у государства всегда имелся для этого ресурс: его статус верховного нормотворца и его принудительный потенциал, обеспеченный вооруженными силами, административно-полицейским аппаратом, системой фискально-финансового контроля и прочими инструментами, независимо от уровня их совершенства.

Стремясь ранжировать общество в соответствии с собственными потребностями и представлениями, верховная власть формировала свою ментальную модель взаимосвязей социальных элементов и классификаций, представленную в различных терминах и (или) нарративах, пытаясь закрепить ее в реальности и зафиксировать с помощью норма-

тивно-законодательных и учетно-контрольных документов. Попадая в руки историков, эти элитарные по своему происхождению тексты обретали репутацию надежных источников, раскрывающих исследователям подлинную картину социальной жизни или, по крайней мере, социальной иерархии изучаемой эпохи. Осознание ошибочности такого взгляда, произошедшее в течение последнего полувека, привело к другой крайности: чрезмерному недоверию и подозрительности к «административным» текстам, заслонявшим или искажавшим социальную реальность.

Не станем преувеличивать или недооценивать познавательный потенциал такого рода источников. Понимая, что социальная стратификация полиморфна, а модели социальных структур множественны, попробуем рассмотреть, как российская власть создавала и то и другое, обратившись именно к ним – текстам официального (правительственного) и элитарного неправительственного происхождения. Они помогут нам разобраться с аутентичной социальной терминологией, покажут, с какими проблемами сталкивались политические элиты России, формируя социальное пространство, и, вероятно, дадут материал к размышлению над континуальным и дискретным в правительственной стратегии создания социальных иерархий в динамике нескольких столетий. Они помогут понять правительственный и «околоправительственный» дискурс социального конструирования.

Глава 1. Государственная политика в сфере социального структурирования: правительственный дискурс и законодательное регулирование (XVII – начало XIX в.)

1.1. «Люди» Московского царства

Г. Л. Фриз в своей известной работе 1986 г. о «сословной парадигме», рассуждая о социальных категориях, использовавшихся в Российском государстве до XVIII в., отмечал: «Хотя в редких случаях источники намекают на наличие неких более крупных общностей, отдаленно напоминающих сословия, в целом подобные термины настолько необычны, что они лишь подчеркивают причудливость и фрагментарность средневекового русского общества». Он считал, что «наиболее известной и отчетливой социальной категорией являлся “чин”». Однако, по его мнению, «этот термин относился только к привилегированным служилым классам, а не ко всему остальному обществу»¹.

В. Б. Перхавко в работе 2012 г. отметил, что мнение Г. Л. Фриза об использовании понятия «чин» только при описании привилегированных служилых классов «нуждается в корректировке». Историк вполне справедливо указал в том числе на первую статью 10-й главы «О суде» Соборного уложения 1649 г., где должностным лицам предписывалось отправлять суд «всем людем Московского государьства от большаго и до меньшаго чину въправду»². По мнению самого В. Б. Перхавко, «...в России с середины XVI в. стала складываться чиновная структура феодального общества... В стране возникла лестница чинов: боярских, придворных, дворянских, приказных, купеческих, духовных и иных. ...Московские служебные чины (ранги) обозначали предсословные группы, позднее, в XVIII в., слившиеся в сословия»³. В определенной степени такое мнение наследует позиции В. О. Ключевского, который в лекции-

¹ Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период : антол. Самара, 2000. С. 126–127.

² Перхавко В. Б. Представления об устройстве общества в средневековой Руси // 1150 лет российской государственности и культуры. М., 2012. С. 71; Соборное уложение 1649 года : Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 31.

³ Перхавко В. Б. Указ. соч. С. 73.

онном курсе «Терминология русской истории» (1884–1885) утверждал, что в Московском государстве XVI–XVII вв. «...общество дробилось на множество иерархических разрядов с незаметными отличительными чертами. Иерархические эти разряды получили особое название – *чинов* (здесь и далее в цитате курсив Ключевского. – *Авт.*). Можно распределить эти *чины* прежде всего на две группы: *чины служилые* и *чины земские*, или *жилицкие люди*»⁴.

Кроме того, в историографии можно встретить мнение, что понятие *чин* в Московском государстве было эквивалентом понятия *сословие*. Так, П. В. Седов полагает, что «язык XVII в. не знал иноземного слова “сословие”, а вместо него употреблялось привычное слово “чин”»⁵. Так или иначе, эти три позиции схожи в том, что они определяют *чин* в качестве общей категории, с помощью которой люди Московского государства строили свои социальные классификации. Соответственно, именно понятие «чин» должно быть отправной точкой при изучении социальной стратификации России XVII в.⁶

Однако при обращении к самому значимому памятнику права Московского государства – Соборному уложению 1649 г. – можно обнаружить несколько иную картину. В этом законодательном акте понятие «чин» при построении обобщающих социальных категорий использовалось в составе ряда выражений: «священнический чин»⁷, «Московского государства всяких чинов люди»⁸, «всяких чинов ратные люди»⁹, «вся-

⁴ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 6 : Специальные курсы. М., 1989. С. 121. Л. А. Черная, с опорой на высказывания В. О. Ключевского, считает даже возможным утверждать, что «социальный аспект» понятия *чин* «резко обозначился во второй половине XVI в., когда понятие “чин” было закреплено за различными категориями феодального общества: “чины служилые” и “чины земские” заменили “людей служилых” и “людей земских” в официальных документах, а также в обыденной речи» (Черная Л. А. О понятии «чин» в русской культуре XVII века // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 344). Как представляется, для обоснования таких выводов слов из лекционного курса одного историка явно недостаточно.

⁵ Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 476; *Его же*. Российское самодержавие накануне реформ Петра I // Тр. кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2 : «В кратких словесах многой разум замыкающее...» : сб. науч. тр. в честь 75-летия проф. Р. Г. Скрынникова. СПб., 2007. С. 443.

⁶ О значении понятия «чин» в древнерусской культуре см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1519–1522.

⁷ Соборное уложение. С. 19.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же. С. 24.

ких чинов служилые люди»¹⁰, «торговые всяких чинов люди»¹¹, «иноческий чин»¹², «всяких чинов люди, которые государевым денежным жалованьем верстаны»¹³, «патриарши и митрополичьи и архиепископские и епископские дьяки, дети боярские и иного чина домовые люди»¹⁴, «городские и уездные всяких чинов люди»¹⁵, «всяких чинов русские люди» (противопоставлялись «всяким ясачным людям», «чужеземцам», «татарам, и мордве, и чувашем, и черемисам, и вотнякам, и башкирцам») ¹⁶, «всяких чинов вотчинники и помещики»¹⁷, «московские всяких чинов люди»¹⁸, «всяких чинов служилые и приказные люди»¹⁹, «боярские и иных чинов люди и крестьяне»²⁰, «всяких чинов жилецкие и уездные сошные люди»²¹. Данный список позволяет сделать вывод, что «чин» использовался как наиболее общее социальное понятие только в двух случаях, связанных с православной церковью (*священнический чин* и *иноческий чин*). В остальных случаях составители Соборного уложения для социальных группировок использовали как наиболее общую категорию понятие *люди*. В подавляющем большинстве случаев она описывала людей, объединенных неким признаком. Последний фиксировался тем или иным определением, добавляемым к понятию «люди», и в том числе это определение выражалось словосочетанием с использованием понятия «чин». Чин указывал скорее на обладание человеком должностью или позицией (*стольник, гость...*). Однако затем чины в соответствии с тем или иным критерием приписывались к более широким группам, определяемым с помощью понятия «люди».

Следует указать, что отнесение к «людям» могло идти и без чина. Прежде всего, это касалось вольных людей. Точного определения их статуса Соборное уложение не содержало. Однако в одной из его статей была прописана процедура, с помощью которой можно было выявить, относится ли тот или иной человек к вольным людям. Для этого надле-

¹⁰ Соборное уложение. С. 25.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 48, 61, 78–79.

¹⁷ Там же. С. 68.

¹⁸ Там же. С. 74.

¹⁹ Там же. С. 78.

²⁰ Там же. С. 101.

²¹ Там же. С. 118.

жало выяснять, «...не служилых ли отцов дети, и в государеве службе и в тягле нигде, и в холопех и во крестьянх и в бобылях ни у кого не бывали»²². Кроме вольных людей в Уложении были *ясаиные люди*, которые, как упоминалось выше, противопоставлялись «всяких чинов русским людям», а также «государевы тяглые люди»²³, «мастеровые люди»²⁴, «мастеровые и работные люди» и «торговые люди»²⁵. Всего, согласно предметно-терминологическому указателю академического издания Соборного уложения, в этом законодательном акте упоминалось не менее 84 разных категорий «людей»²⁶.

Заметим, что перечень «людей», который можно составить на основании Соборного уложения, не был исчерпывающим. Так, в указе о несчете «родословных» людей с «неродословными», который фактически действовал с конца XVI в. и до отмены местничества в 1680 г., предписывалось, что «с родословными людьми неродословным счету не живет»²⁷. Однако правовые нормы о местничестве не были внесены в Соборное уложение. Соответственно, в него не попали *родословные* и *неродословные люди*, хотя эти категории имели крайне важное значение для правящей элиты.

В качестве основной классификации подданных московского государя можно признать ту, которая была основана на наличие обязанностей человека перед кем-либо. Соответственно, на основании принципа обязательств перед государем или владельцем выделялись четыре светские группы «людей»: 1) *служилые*; 2) *государевы тяглые*; 3) принадлежавшие какому-либо частному владельцу («*Боярские и иных чинов люди и крестьяне*») и 4) *вольные*. Вне рамок такого деления оказывалось православное духовенство и монашество (*священнический* и *иноческий чины*). Впрочем, их можно было представить в качестве пятой группы, которая была объединена обязанностью служить Богу. Однако это была не единственная классификация, определявшая социальную структуру

²² Соборное уложение. С. 104. Вольных людей следует отличать от *гулящих людей*. См.: Степанов И. В. Гулящие – работные люди в Поволжье в XVII в. // Ист. зап. [М.], 1951. [Т.] 36. С. 144–150.

²³ Соборное уложение. С. 99, 100.

²⁴ Там же. С. 52–53.

²⁵ Там же. С. 134, 135.

²⁶ Предметно-терминологический указатель к тексту // Соборное уложение. С. 427–428.

²⁷ Родословные люди – представители родов, внесенных в Государев родословец. См.: Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 150–152. Пример использования этих категорий при решении споров см.: Дворцовые разряды. Т. 2 : С 1628 по 1645 г. СПб., 1851. Стб. 453.

общества (а историки нередко говорят только об одной классификации²⁸). Составители Соборного уложения допускали существование нескольких социальных классификаций, каждая из которых создавалась на основании определенных признаков для «людей». Например, какой-нибудь человек из Рязани, обладавший *чином* городского дворянина, мог быть отнесен к *служилым людям*. Однако при взаимодействии со *служилыми татарами* он оказывался в составе *всяких чинов русских людей*, при местническом споре он был бы отнесен к *людям неродословным*.

Важно подчеркнуть, что соответствующие категории «людей» Соборное уложение специально не устанавливало и не определяло. Его составители, когда прописывали ту или иную норму, практически исходили из факта наличия таких категорий «людей» в конкретных практиках взаимодействий людей из *чинов*. Схожим образом Соборное уложение почти не создавало новых чинов, а скорее ставило своей целью упорядочить взаимоотношения между существовавшими чинами. В связи с этим, как представляется, можно говорить о московском конкретно-правовом способе осмысления социальной реальности. В его рамках предполагалось, что человек занимал определенную позицию с закрепленным названием, которую в том числе можно было назвать «чином», или мог оказаться в определенном ситуативном положении. Соответственно, такого человека с его позицией или положением по некоторому основанию можно было отнести к той или иной категории *людей*. При этом само по себе ни понятие «чин», ни понятие «люди» без соответствующего определения или дополнения не несло информации о социальной специфике организации и свойствах *людей* и *чина*. Конечно, в Московском государстве принадлежность к конкретному «чину» и отнесение к той или иной группе «людей» указывало на обладание

²⁸ Например, Б. Н. Миронов полагает, что в Московском государстве к середине XVII в. «общество разделялось на три состояния: 1) служилые люди или чины служилые, 2) тяглые люди, или чины земские, или жилецкие люди, 3) нетяглые люди» (Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 78). В то же время С. Беккер считает, что «Уложение 1649 г. сформировало из двух дюжин существовавших до этого чинов... три сословия – служилых людей, посадское население и крестьян» (Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 22). Он основал данное утверждение на следующем умозаключении из лекционного курса «История сословий в России» В. О. Ключевского: «Если мы припомним установленную наказом 1646 г. крестьянскую вечность, то все почти общество в Московском государстве, все служилые и тяглые чины его представляются нам сосредоточенными в три группы: служилую, посадскую и крестьянскую» (Ключевский В. О. Сочинения. Т. 6. С. 372–373).

определенными признаками, а также правами и обязанностями, которые могли иметь характер наследственных. Однако для выяснения этого необходимо было уточнять правовой статус этого *конкретного* «чина» и «людей».

Следует привести ценные наблюдения В. Кивельсон о специфике вписывания в пространство в Московском государстве XVII в. различных социальных категорий. Она отмечает, что Московское царство его обитателями «...воспринималось как набор разнородных мест, народов и чинов. ...Для Московии... разнообразие не только воспринималось как должное, но и считалось преимуществом. ...“Иноземцев же иноязычников с жилищи многие роды” и “всяких чинов люди” делали всю Московию лоскутным одеялом различий, над которыми стоял один царь»²⁹.

Принимая образ «лоскутного одеяла различий», можно сказать, что право Московского государства не стремилось свести социальную стратификацию к единой иерархической схеме. Вместо этого существовал *набор* иерархических схем, которые строились с использованием понятия «люди». При этом, конечно же, такой конкретно-правовой способ отнюдь не подразумевал, что правовой статус определенной социальной группы не мог быть жестко зафиксирован в законодательстве. Скорее, такой способ подразумевал, что группа с жестко зафиксированным правовым статусом может быть объектом перекрестных классификаций с помощью понятия «люди». В связи с этим важной оказывалась работа по выделению классификационного основания. Для создания «людей» решающим был поиск определения (*служилые, русские, родословные...*), указывавшего на главный признак объединения, который можно было положить в основание. Последнее работало, прежде всего, по принципу учета («так много людей, которые обладают определенным признаком»). Соответственно, если говорить уже о конкретных формах социальных объединений, то отнесение к тем или иным «людям» отнюдь не означало, что эти «люди» становились *корпорацией*, что, конечно же, не исключало возможности метонимического использования понятия «люди». В то же время описание корпоративных/общинных объединений Московского государства, которые нередко имели конкретные территориальные привязки, происходило с помощью других понятий. При этом в качестве некоторого исключения можно было рассматривать православную церковь.

²⁹ Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 282.

Как результат, в праве Московского государства XVII в. можно было обнаружить законодательные акты, появление которых уже в XVIII в. будет весьма сложно представить. Так, именным указом с боярским приговором от 14 мая 1690 г. за один и тот же проступок – «будет... безхитростно пропишет честь, или чин, или имя, или отчество, или прозвание» – предусматривались разные санкции для двух категорий подданных московских царей. В первую были включены «боярин, или окольник, или думной, или ближней человек и иных разных чинов, или стольник, или стяпчий, или дворянин московской или жилец». Во вторую – «чинов люди, которые чины ниже жилецкаго чина, или городовые дворяне и копейщики и рейтары и дети боярские и подьячие и иных всяких служилых и торговых чинов и боярские люди и крестьяне». Если представителям первой группы следовало «того безхитрочного дела в вину не ставить», то членов второй надлежало «отсылать их за такая безчестья на неделю в тюрьму»³⁰. Получалось, что законодатель в конце XVII в. при установлении факта *бесчестия* назначал одинаковое наказание и для крестьянина, и для провинциального дворянина. Это было возможно, если *служилые люди* были учетной категорией, объединявший набор *чинов* по признаку службы государю. Соответственно, *честь* оказывалась, прежде всего, принадлежностью конкретного *чина*, что было закреплено и в 10-й главе Соборного уложения, а также *рода*, что, в случае с элитой, подтверждалось правовыми практиками местничества³¹.

Создать специальное «академическое» обозначение для московского подхода к социальной классификации не так просто. Если выражение «чиновная структура общества» звучит вполне научно, то выражение «людско-чиновная структура общества» режет слух. Тем не менее необходимо признать, что именно понятие «люди» было той предельно общей категорией, с помощью которой в московском праве к середине XVII в. строились социальные классификации.

Отметим, что понятие «чин» иногда также могло привлекаться для построения больших социальных групп, сопоставимых с «людьми». В немалой степени это было результатом влияния церковных текстов, в которых регулярно фигурировали *священнический чин* и *иноческий чин*³².

³⁰ ПСЗ-1. Т. 3, № 1374. С. 66–67.

³¹ См. о *чести* в правовых практиках Московского государства: Коллманн Н. Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001. С. 159–270.

³² В Стоглаве 1551 г. использовалось как стандартное выражение «весь священнический и иноческий чин» (Стоглав : Текст. Словоуказатель. М. ; СПб., 2015. С. 159, 164, 175, 177).

Показательно, что светское законодательство Московского государства XVI–XVII вв. предпочитало оперировать такими категориями, как *служилые люди / ратные люди*, в то время как в известных приговорах церковных соборов 1580 и 1584 г. фигурировали «воинский чин» и «воинственный чин»³³.

В связи с этим отметим, что примерно в 1660 г. представители провинциального дворянства подали на имя царя Алексея Михайловича челобитную о сыске и возврате им их крепостных, где просили принять меры по возвращению беглых. В заключение они просили: «Тем беглецом вели, государь, свой государев указ учинить по рассмотренью, чтоб Господь Бог наш тобою, великим государем, и рассмотрением исполнил в нас всякую правду». По мнению челобитчиков, такой указ был нужен, чтобы «в предние лета твой государев крепостной устав в сем деле во веки был неподвижен» и «чтоб в твоей государеве державе вси люди Божии и твои государевы, коиждо *от великих и четырех чинов, освященныи, и служивыи, и торговыи, и земледельной*, в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни един бы ни от единого ничим же обидим был»³⁴.

Данные рассуждения из челобитной пользовались у историков довольно большой популярностью. Целый ряд исследователей рассматривал формулировку челобитной о «четырёх чинах» как выражение некой теории сословного строя Московского государства, которую можно положить в основу рассуждений об устройстве российско-

К. Ю. Ерусалимский указывает на попытку «...стройного описания общественных “чинов” как групп населения, выполняющих определенные роли», предпринятую кн. А. М. Курбским около 1564 г. При этом он отмечает, что «ни один законодательный текст не определяет русское общество середины XVI в. таким же образом, как Курбский». Более того, Курбский «не ограничивается в своих сочинениях одним пониманием “социальной стратификации”». Как результат, у него можно найти несколько используемых наборов «чинов» (*Ерусалимский К. Ю.* Понятия «народ», «Росия», «русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV–XVII в. // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время.* М., 2008. 167–168). Конечно же, следует учитывать как большую начитанность Курбского, так и то, что он создал основную часть своих сочинений уже в эмиграции.

³³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты. № 40, 43. С. 58, 62; 247–248.

³⁴ *Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 312. О датировке челобитной см.: *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М. ; Л., 1962. С. 36.

го общества XVII в.³⁵ Именно ссылкой на эту челобитную, например, П. В. Седов подкрепляет свое утверждение, что «наличие в России XVII в. сословий, т. е. больших групп людей, различающихся по юридическому положению и имеющих определенные обязанности и неотъемлемые права, представляется несомненным»³⁶. Это вполне объяснимо. Обращение к этой челобитной дает готовую схему социального устройства российского общества XVII в. и избавляет исследователя от необходимости изучения соотношения десятков «чинов» и «людей». Однако необходимо учитывать, что существовали вариации таких представлений. Например, можно было выделять не служебный чин, а чины «воинский и судебный»³⁷. Кроме того, можно было оперировать не понятием «чин», а понятием «люди». Так, в 1634 г. стряпчий Иван Андреевич Бутурлин в своих рассуждениях говорил о «ратных людях», «ближних людях», «приказных людях», «несудимых боярских и монастырских и всяких людях», «служивых людях» и «черных лю-

³⁵ См., например: *Сташевский Е. Д.* Служилое сословие // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3. С. 4–5; *Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Тр. Ин-та истории Рос. асоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук : сб. ст. Вып. 1 : Памяти Александра Николаевича Савина. 1873–1923. М., 1926. С. 352; *Мякотин В. А.* История на Русия от IX до XVIII век. София, 1936. С. 224; *Курицын В. М.* Право и суд // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955; С. 395; *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права. С. 40; *Его же.* Крестьянская война 1667–1671 гг. // Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М. ; Л., 1966; С. 98; *Преображенский А. А.* Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России : сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 68; *Высоцкий Д. А.* Коллективные дворянские челобитные XVII в. как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 19. С. 137; *Преображенский А. А.* XVII столетие и генезис капиталистических отношений в России // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 109. Ср. с оценкой Г. Л. Фриза: *Фриз Г. Л.* Указ. соч. С. 126–127. Прим. 14.

³⁶ *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 476. О. Е. Кошелева справедливо замечает: «Только на фрагменте текста 1658 г., в котором говорится о четырех “великих чинах”... Седов считает возможным поставить знак равенства между понятием “чин”, через которое осмысливали собственную социальную принадлежность люди XVII в., и понятием “сословие”, появившимся ближе к концу XVIII в. Но что дает такая манипуляция?» По ее мнению, было бы более продуктивным организовать «рассмотрение социальных групп в... “детальном” подходе... т. е. не через большие группы – якобы “сословия”, – а, наоборот, через существовавшие в реальности дробные чины» ([Обсуждение книги]: П. В. Седов. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с., ил. // Отеч. история. 2008. № 1. С. 176).

³⁷ *Зерцалов А. Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 259.

дях»³⁸. Укажем и на известное сочинение беглого подьячего Г. К. Котошихина, в котором российское общество представлено как совокупность «бояр, и думных, и ближних, и иных чинов людей», включая «торговых людей и крестьян»³⁹.

Безусловно, данные источники важны тем, что в них были зафиксированы представления людей о возможных категориях социальной классификации. В то же время такого рода документы не обладали нормативной силой. Конечно, они были результатом мыслительных операций конкретных акторов по упорядочиванию социального и объединения десятков социальных групп в несколько больших страт, и в них содержались понятия, с помощью которых в соответствующую эпоху описывали социальное. Однако такие мыслительные операции могли иметь единичный характер. К настоящему времени рассуждения о «крепостном уставе», его «неподвижности» и «четырёх великих чинах» остаются пока уникальным образцом теоретизирования неизвестного московского автора XVII в.⁴⁰ Соответственно, такие уникальные рассуждения едва ли могут послужить твердым основанием для научных построений. Однако они указывают на возможную вариативность представлений, которые могли выходить за пределы категорий, доминировавших в праве. Впрочем, следует также учитывать, что последнее было результатом нормативного утверждения представлений правящей элиты о том, как следует описывать социальное.

³⁸ «Что в государстве делаетца дурно...». «Государево дело» стряпчего И. А. Бутурлина. 1634 г. // Ист. арх. 1993. № 4.

³⁹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 127, 133.

⁴⁰ Как писал Д. А. Высоцкий, этот памятник «...уникален. Ничего равного ему в последующих коллективных челобитьях мы не находим» (Высоцкий Д. А. Коллективные дворянские челобитные... С. 137). Не было ли причастным к составлению этой челобитной какое-либо духовное лицо или человек, осведомленный в богословских текстах? Вполне возможно, что определенное влияние могла оказать троичная схема деления общества на молящихся, воюющих и трудящихся. Как отмечает П. С. Стефанович, эта схема, весьма распространенная в средневековой Западной Европе, не нашла «последовательного развития в древнерусской книжности... но имплицитно знание о ней или намеки на нее можно обнаружить в некоторых древнерусских произведениях», в том числе XVI в. (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 559. Ср.: Ерусалимский К. Ю. Понятия «народ», «Росия», «русская земля»... С. 166). Например, внимательный читатель мог обнаружить в одном из «Измарагдов» на вопрос «коиими тремя ч[е]л[ове]ки весь мир хранитца?» следующий ответ: «Первый поп, м[о]л[и]т Б[о]га за рятая и за во[и]ника, а во[и]ник блюдет и попа, и ратая, теми бо тремя весь свет хранитца» (НИОР РГБ. Ф. 304.1. Д. 794. Л. 338–338 об.; Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 451).

1.2. На пути к империи «чинов»

Несмотря на то, что реформы Петра I затронули многие стороны жизни российских людей первой четверти XVIII в., петровское правительство эксплицитно не задавалось вопросом, подлежат ли изменению общие социальные категории. В то же время происходившие изменения представлений об отдельных социальных группах, а также их правового статуса указывали на сдвиги в подходах к упорядочиванию социального у правящей элиты.

Прежде всего, московский подход к осмыслению социальной реальности утратил свою актуальность после утверждения в Европе в Новое время представлений о так называемом регулярном устройстве социального. Своеобразным идеалом такого устройства оказывалась статистическая таблица, в которой все подданные распределялись по соответствующим ячейкам. В итоге на место московской многосложности, которая с позиции «регулярства» могла выглядеть неупорядоченной и хаотичной, должна была прийти строгая иерархия социальных страт⁴¹.

Не менее сильный удар по московскому подходу к осмыслению социальной реальности был связан с изменениями представлений о правящем классе. Именно в первой четверти XVIII в. появилось единое *шляхетство / благородное дворянство*. Оно постепенно занимало место представлений о существовании совокупности *боярских и дворянских родов*, которая иногда в историографии именуется «служилыми по отечеству»⁴².

⁴¹ Ученые, будучи достойными наследниками европейского Нового времени, нередко ищут для Московского государства пути построения такого регулярного социального, которое можно было бы свести в таблицу. См., например: Хелли Р. Холопство в России, 1450–1725. М., 1998. С. 28–30. Ср.: Коллманн Н. Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего Нового времени. С. 101. В то же время другие авторы, у которых такое упорядочивание не получается, могут, наоборот, указывать на хаотичность социального в Московском государстве. Например, Г. Л. Фриз пишет о «причудливости и фрагментарности структуры средневекового общества» и определяет московский подход к упорядочиванию социального как «беспорядочный порядок» (Фриз Г. Л. Указ. соч. С. 126, 127). Ср.: Ширле И. Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 228.

⁴² См.: Киселев М. А. Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междуцарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство»? // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013.

Московское государство XVII в. знало *дворян*, которых можно было с помощью понятия «люди» отнести к той или иной социальной совокупности. Одной из основных таких совокупностей были *служилые люди*. Однако с появлением *дворянства* эта совокупность разрушалась. Как справедливо отмечает Н. Е. Копосов, «...говорим ли мы “русские дворяне XVIII века” или “русское дворянство XVIII века”, мы имеем в виду одну и ту же группу физических индивидов. Тем не менее слово “дворяне” по своей грамматической форме не предполагает идеи коллективной индивидуальности, идеи, которая так устойчиво присутствует в понятии “дворянство”»⁴³. Понятие «дворянство», появление которого произошло под влиянием европейских представлений о *благородстве*, подразумевало существование самодовлеющей *корпорации (корпуса) благородных*. Ее члены по факту принадлежности обладали правами, обязанностями и, в потенциале, правами на самоуправление, т. е. на явление себя как *корпорации*. В результате действия данного принципа *корпоративизма* дворяне – части *корпуса* – уже не подлежали изъятию из этого тела для отнесения, например, к *служилым людям*.

В качестве примера того, как происходила такая трансформация в головах представителей правящей элиты России первой четверти XVIII в., можно привести один из проектов Ф. С. Салтыкова. Последний, занимаясь в Англии закупкой кораблей, к концу 1712 г. написал и отправил Петру I «Пропозиции», в которых сделал ряд предложений касательно внутренней политики, исходя из «правления уставов здешняго Англинскаго государства и прочих европейских». Первая глава проекта была посвящена «всем духовым чинам, то есть от митрополитов до игуменов», вторая – «г[о]с[по]дам и дворянам» (они же – «благородные»), третья – «служивым чинам, воинским и гражданским», под которыми он понимал обладателей *чинов*, которые получались на государственной службе. В четвертую главу «О купечестве и о чинах купеческих» он поместил свои мысли о «купецких людях». Значение *чинов купеческих* у Салтыкова позволяет понять следующее предложение: «Надобно отставить старые чины купеческие, как у нас имянитой ч[e]л[о]в[e]к Строгонов, гости гостиной сотни и суконой, и учинить их как в Англии боронетами, а иных как в ымперии в розных городех... бур-графами и патрициями». Пятая глава касалась «мастеровых всяких людей и промышленников», а шестая – «людей боярских и крестьян». В последней

⁴³ Копосов Н. Е. Индивидуальные собирательные имена: к теории основных исторических понятий // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 3 (95). С. 77.

он поместил только одно предложение: «С людей боярских и з гулящих людей и с крестьян от женитбы и от родин брать по 5-ти копеек»⁴⁴. Итак, Салтыков использовал понятие «люди», в которое включались представители разных чинов. Однако *благородные* уже не подлежали такой классификации.

Салтыковская формулировка об использовании им «уставов здешняго Англинскаго государства и прочих европейских» указывает на источник его вдохновения. В качестве примера одного из таких европейских источников для социального вдохновения можно привести русский перевод «Тестамент политического» кардинала Ришелье 1725 г. Он был, скорее всего, сделан по заказу кн. Д. М. Голицына⁴⁵. К этому переводу неизвестный русский переводчик поместил предисловие⁴⁶, в котором дал краткую характеристику трактату. Автор отмечал, что Ришелье «государство разделил на три чина, то есть церковь, дворянство и юстицию с прочими члены; и всех оных чинов описуя, исправляет непорядки». После краткого изложения советов Ришелье переводчик подвел своеобразный итог: «Пишет о всем государстве, чтоб его человек в своих местах были: первая церковь, второе дворянство, третие суд и весь народ... После чинов государственных предлагает королю, как ему надобно себя содержать»⁴⁷. С одной стороны, можно сказать, что эта картина «трех чинов» напоминала «четыре великих чина» челобитной 1660 г. Однако, с другой стороны, данная схема «трех чинов» содержала немаловажное отличие. В ней *дворянство* было *корпорацией*, имевшей права, привилегии и органы самоуправления, а отнюдь не совокупностью людей, сгруппированных по некоторому признаку. При этом вместо большого набора «людей» поданные оказывались разделены на три иерархические группы, которые определялись понятием *государственный чин*.

Конечно, для первой половины XVIII в. можно скорее говорить об утверждении в головах у представителей правящей элиты лишь представлений о корпоративности, нежели об их последовательном вопло-

⁴⁴ Пропозиции Федора Салтыкова : рукопись из собрания П. Н. Тихонова. СПб., [б. г.]. С. 2–20.

⁴⁵ См. о переводе: Шаркова И. С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье // Исследования по отечественному источниковедению : сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. М. ; Л., 1964. С. 371–374.

⁴⁶ См. о предисловии: Николаева М. «Предисловие» к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье // Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska. Gdańsk. 1973. № 3. S. 6–20.

⁴⁷ НИОР БАН. 31.3.18. Л. 6 об. –7, 8.

щении в социальные практики⁴⁸. Например, Петр I под влиянием опыта дворянского самоуправления покоренных Лифляндии и Эстляндии попытался ввести в российский коронный аппарат чиновников, выбираемых *дворянами*. По распоряжению монарха от 20 января 1714 г. ландратов следовало «выбирать в каждом городе или провинции всеми дворяны за их руками». Однако, как показал М. М. Богословский, «на практике закон 20 января 1714 года о выборах в ландраты никогда не применялся, так что ландраты никогда не были выборною должностью»⁴⁹. В истории с попыткой введения ландратских выборов показательна как активность монарха, вдохновленного европейскими образцами, так и пассивность представителей *дворянства*, чье осознание себя единой *корпорацией* только находилось в процессе становления. Не претендуя на выступление независимым, отделенным от государственной службы субъектом действия, дворянство петровского времени еще не было готово к появлению таких *дворянских* форм общественной жизни. Однако уже с середины XVIII в. представители дворянства выступают с предложениями о введении выборных *дворянских* элементов в коронный аппарат и создании *дворянских* же органов самоуправления⁵⁰.

В связи с этим приведем следующий пример, который позволяет проследить начальную работу корпоративных представлений. В регламент Главного магистрата от 16 января 1721 г. была включена следующая норма: «Понеже везде в городах, не токмо в больших, но и в малых, обретаются жители разных чинов, кроме посадских (из которых каждый особое состояние имеют), а именно: шляхетство... священство, церковники и иностранные... то все такие люди между гражданами (т. е. горожанами. – *Авт.*) не числятся»⁵¹. Шляхетство и священство обозна-

⁴⁸ *Неизвестный автор*. «Предисловие» к переводу «Тестамент политической или духовная светская кардинала дюка де Ришелио, первого министра французского при короле Люи Третьем на десять» (1725) // *Бугров К. Д., Киселев М. А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 283, 284.

⁴⁹ *Богословский М. М.* Российский XVIII век. М., 2008. Кн. 1. С. 76–77; о специфике региональных перипетий ландратуры см., например: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 162–175, 188–195.

⁵⁰ См.: *Киселев М. А., Криворучко А. С.* Проблема организации дворянского самоуправления и подготовка «Учреждений для управления губерний» в 1775 году // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. : История.* 2014. Вып. 3 (26). С. 113–122.

⁵¹ 1721 г., Января 16. Регламент, или устав Главного магистрата // *Памятники русского права.* М., 1961. Вып. 8. С. 132.

чались как «чины», обладающие своим собственным, «особливым состоянием», которые подлежали четкому отграничению от *гражданства/ горожан*. Показательно, что когда в 1730-е гг. кн. А. Д. Кантемир работал над русско-французским словарем, он для перевода русского слова «дворянство» предложил как «Noblesse», так и «le Corps de la noblesse», т. е. корпус, тело дворянства. И не менее важно отметить, что для слова «купечество» он схожим образом использовал «Corps des marchands»⁵². Можно сказать, что пример *дворянства* становился моделью и для других социальных групп, которые могли теперь также мыслиться *корпорацией*.

Отход от московского подхода к классификации с его «людьми» вызвал необходимость определить новые общие социальные категории. В связи с этим была предпринята попытка приспособить к новым обстоятельствам понятие «чин». В результате на место пересекающихся разных групп «людей», которые можно было составлять из людей конкретных *чинов*, должна была прийти совокупность *чинов*, которую можно было уже подвергнуть как иерархическому упорядочиванию, так и корпоративному замыканию. Однако такой переход к *иерархии чинов* на первых порах принес определенные затруднения для практик социальной классификации, так как в наследство от московского общества Российской империи досталось несколько десятков социальных групп, которые могли выступать в роли отдельных чинов. При этом социальная реальность постоянно производила новые социальные группы, которые, не вписываясь в существовавшие чины, должны были восприниматься также отдельными чинами. Такое большое количество чинов создавало определенные затруднения для управления государством.

Приведем следующий пример. 10 ноября 1732 г. указом Сената было предписано на ряде фабрик «имеющихся всех мастеровых людей и их учеников, и работников... переписать... со объявлением, из каких они чинов»⁵³. На суконной мануфактуре «Володимера Щеголина с товарищи» выявленные переписью 1733 г. рабочие и их дети были отнесены к 18 разным «чинам», включая и таких, «какие чинов их отцы не знают». Самым многочисленным «чином» оказались «салдацкие дети», а самым малочисленным – «каменщиковые дети». На полотняной фабрике Ивана Тамеса рабочие и их дети были определены также к 18 «чинам», но

⁵² Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. 1 : А–О. М., 2004. С. 258, 556.

⁵³ ПСЗ-1. Т. 8, № 6255. С. 972.

перечень этих «чинов» совпадал с перечнем мануфактуры Щеголина только частично. На тамесовском предприятии были выявлены как выходцы из «дворцовых крестьян» и «монастырских крестьян», так и из «записных плотничьих детей» и «Казанского приказа портных детей»⁵⁴. Конечно, перечисление в законодательном акте нескольких десятков таких мелких чинов было бы избыточно. Соответственно, после указания чинов, из которых было большинство рабочих, использовалось выражение «и из других разночинцев»⁵⁵.

Итак, вместо *людей разных чинов* стало использоваться понятие *разночинцы*. Может показаться, что разница незначительна. Однако выражение *люди разных чинов* предполагало, как правило, наличие у него определения, такого как *русские, служилые, тяглые*, которое запускало ту или иную логику социальной классификации. Понятие *разночинцы* подразумевало только то, что объединяемые им люди обладают «чинами» и для таких объединяемых единственным общим признаком является сам факт объединения. Показательно, что Э. К. Виртшафтер, обратившись к законодательству XVIII в., пришла к выводу, что «...никогда не существовало точного перечня категорий, охватывающих разночинцев. ...Использование термина менялось в зависимости от политических целей при создании закона, и, таким образом, зачастую казалось, что отсутствует его объективная основа»⁵⁶. Однако насколько объективной может быть основа у сокращения, используемого в значении «и все остальные, кого было слишком затратно перечислять»? К середине XVIII в. понятие «разночинцы» оказалось весьма полезным сокращением, которое позволяло во властных процедурах избавиться от перечисления десятка-другого мелких *чинов*.

Тем не менее использование такого удобного сокращения не решало противоречия между представлениями о том, что должно существовать несколько *регулярных* – «государственных» – *чинов*, и реальным существованием нескольких десятков неупорядоченных «чинов». Соответственно, было вполне ожидаемо, что представители правящей элиты XVIII в. довольно активно приступили к поиску решения проблем социальной классификации, перенеся ее во второй половине XVIII в. на законодательный уровень.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 924. Л. 168–169 об., 174 об.–175 об.

⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 9, № 6858. С. 708.

⁵⁶ Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 46–47.

1.3. Империя и ее «государственные чины»

Одна из первых попыток на законодательном уровне прямо поставить проблему о правовой фиксации универсальных социальных понятий была предпринята елизаветинской Уложенной комиссией⁵⁷ в начале 1760-х гг. В проекте третьей книги Уложения была помещена первая глава «О разном состоянии подданных в Государстве». Она открывалась рассуждениями, что «все подданные в Государстве не могут быть одного состояния, природа их, заслуги, науки, промыслы и художества разделяют их на разныя государственныя чины, из которых каждый чин имеет особливое своему званию приличное преимущество и права, от которых благополучие ево единственно зависит». Итак, все население империи подлежало классификации с помощью понятия «государственный чин». При этом авторы проекта рассчитывали на самое широкое применение данного понятия. Они указывали, что «государственные чины разнствуют еще промежду собою и в разсуждении веры, полу, лет, рождения и разума и разделяются для того на православных и на иноверцов, на родителей и детей, на мужской и женской пол, на приспевших до совершеннаго возраста и на малолетных, на разумных и на дураков, и на законорожденных и незаконорожденных, а напоследок и на состоящих в вечном Нашем (российского монарха. – *Авт.*) подданстве и на приезжих всякаго чина вольных людей»⁵⁸. Как следует из произведенной схемы классификации, люди, входившие в один большой – *государственный* – чин, могли также принадлежать нескольким другим большим – *государственным* – чинам. Например, подданный российского монарха православный совершеннолетний отец, бывший при этом законнорожденным и «разумным», должен был быть отнесен к семи большим *чинам*. При этом он мог быть дворянином, и это был бы восьмой *чин* – *дворянство*. Кроме того, бывшие частью большого

⁵⁷ См. о комиссии: *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. СПб., 1887. Т. 1; *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще»: (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // *Ист. зап. М.*, 1951. Т. 38. С. 208–251; *Польской С. В.* «На разные чины разделяя свой народ...». Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. 2010. Vol. 51, № 2–3. P. 303–328; *Киселев М. А.* Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // *Урал. ист. вестн.* 2013. № 3 (40). С. 30–39.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. 2. Л. 5–5 об.

чина могли быть и обладателями других, более мелких «чинов». Например, этот дворянин мог иметь чин тайного советника. Именно для того, чтобы отличить этот *мелкий* чин от *большого*, составителями проекта было использовано определение «государственный».

В соответствии с намеченными основаниями для группировки самых больших социальных групп – *государственных чинов* – в итоговом проекте третьей книги Уложения, завершеном во второй половине 1762 г., предлагалось распределить людей в империи по следующим категориям: 1) православные и иноверцы, а также раскольники; 2) родители и дети; 3) «малолетные»; 4) «дураки или с ума шедшие и имеющие невоздержное житие»; 5) «незаконнорожденные, подкидыши и непомнящие родства»; 6) «приезжие из других государств». Как видно из данного перечня, в ряде случаев существование *государственных чинов* прямо не прописывалось (*совершеннолетние, подданные...*), а подразумевалось по факту противопоставления. Вопрос о взаимоотношении мужчин и женщин – седьмая категория – относился к каноническому праву, так что он не был рассмотрен в этом проекте.

Кроме того, в проект вошли главы «Каким людям собственных себе людей и крестьян крепить не позволено», «О власти дворянской и фабрикантов над людьми и крестьяны», «О беглых людех и крестьянех и их поимке», «О дворянах и их преимуществе», «Право купеческое», «О росписании купцов по гильдиям и о записывании разночинцов в купечество» и «О разобрании всех мастеровых и ремесленных людей по мастерствам и о росписании в цехи»⁵⁹. Данные главы писались с применением *корпоративной* логики. Дворянство и купечество получали свои собственные преимущества и права, мастеровые и ремесленные люди подлежали распределению в цехи, которые, в свою очередь, также обладали определенными правами и элементами самоуправления. В то же время крестьяне оказывались представлены только как объект, над которым следовало осуществлять власть. Будучи объектом, хоть и обладающим наследственным правовым статусом, они не могли претендовать на то, чтобы обладать правами сами по себе, т. е. выступать как *корпорация*.

Таким образом, в данном проекте Уложения была предпринята попытка упорядочивания людей империи с помощью категории «государственный чин». Последний фактически означал предельно большую группу людей, объединяемых по отношению к значимому социальному основанию (пол, возраст...). Таковых оснований авторами было выде-

⁵⁹ НИА СПБНИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 396. Л. 2–3 об.

лено не менее восьми. В связи с этим можно даже сказать, что такие «государственные чины» в определенной степени функционировали схожим образом с «людьми» Московского государства. При этом, конечно же, в отличие от Соборного уложения, здесь основания для выделения «чинов» прописывались эксплицитно, а не подразумевались имплицитно. Не в последнюю очередь это стало результатом усвоения правящей элитой элементов современной им европейской юриспруденции⁶⁰. Важной новацией стало и то, что для одной из групп государственных чинов был использован принцип корпоративности. В результате довольно четко проступало деление групп с наследственным правовым статусом на обладавших субъектностью, т. е. бывших *корпорациями*, и не обладавших таковой, т. е. бывших объектами, находящимися во власти других. Что показательно, этот принцип не был выражен открыто, он скорее просматривался в логике наделения того или иного «государственного чина» преимуществами и правами. Можно сказать, что принцип *корпоративности* в своем укоренении несколько запаздывал по сравнению с принципом «регулярства».

Данный проект третьей книги Уложения был безусловной новацией по сравнению с Соборным уложением. В нем нашли отражение и «регулярство», и корпоративизм. Однако труды комиссии так и остались неутвержденными. Тем не менее и в представлениях правящей элиты, и в связанном с ними законодательстве эти принципы развивались. Прежде всего, работа над определением и закреплением обобщающих социальных понятий проходила в Уложенной комиссии 1767–1768 гг.⁶¹

Екатерининская Уложенная комиссия имела относительно сложную структуру. Все избранные депутаты составляли общее собрание. Затем общее собрание должно было выбрать членов в дирекционную комиссию. Последняя должна была предложить общему собранию провести выборы в частные комиссии, которые должны были работать над определенными частями законодательства. Первое заседание дирекционной комиссии состоялось 20 августа 1767 г. 27 августа ее член гр. З. Г. Чернышев подал записку, в которой предложил разделить работу на четыре части: «1-я глава. Права, касающиеся до каждого жительствоующаго. 2-я. О движимых и недвижимых имениях. 3-я. О суде. 4-я. Право криминальное». В то же время ее другие два члена – новгородский митро-

⁶⁰ См.: Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель.... С. 163–164, 176–178.

⁶¹ См. о комиссии: Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

полит Димитрий и Д. В. Волков – предложили создать 6 и 5 частных комиссий соответственно⁶². При этом ни Волков, ни митрополит Димитрий, в отличие от Чернышева, не предусмотрели создания специальной комиссии для рассмотрения прав сословных групп.

28 августа комиссия продолжила работу. Д. В. Волков зачитал «краткое положение плана», который и был утвержден всеми членами. В основу этого плана было положено предложение З. Г. Чернышева. Согласно плану, должны были действовать три частные комиссии, их которых первая «содержит право каждого и всех по преимуществам, как-то: духовенства, дворянства, купечества и поселян». Как результат, было подготовлено определение дирекционной комиссии от 27 августа, которым в том числе было решено создать «частную комиссию для рассмотрения Государственных чинов»⁶³.

5 сентября члены комиссии решили «сочинить для каждой из частей особое определение». Автором таких определений выступил Д. В. Волков. В отношении «частной комиссии для рассмотрения государственных чинов» он отмечал, что она должна «установить право всем и каждому особо принадлежащее, или разделение государственных чинов, как-то духовной, дворянской, гражданской и земледельческой». По его мнению, такое «установление» было делом «великой важности» и должно было выступать при подготовке Уложения «многим другим частям основанием». Соответственно, это требовало «осторожности, дабы вместо разделения не произвести смешения». По мнению Волкова, опасность такого смешения содержалась уже в предложенном *названии* комиссии – «Коммиссия рассмотрения государственных чинов», так как «здесь под именем чинов разумеются различные токмо роды государственных жителей, а не чины, ибо чины следуют уже из родов». В связи с этим утверждалось, что «выходит государственных жителей токмо три различные роды: 1. Дворянской, 2. Средней или мещанской и 3. Поселянской; а из сих производят все чины и состояния». Соответственно, раз в создаваемой комиссии «дело идет не о чинах и их должностях, а только о правах принадлежащим неподвижно каждому роду жителей», то и этой комиссии следовало предписать «разобрать и разпределить роды государственных жителей»⁶⁴. Члены дирекционной комиссии поддержали такую позицию.

⁶² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 2. Л. 7–7 об.

⁶³ Там же. Л. 10 об.

⁶⁴ Там же. Л. 10–10 об.

Предложение взять в качестве самой крупной социальной единицы понятие *род* оказалось новацией для российского социального лексикона. Однако автором этой новации был отнюдь не Д. В. Волков. Тот, кто предложил использовать «род», просто оказался внимательным читателем Большого наказа Екатерины II. Как показывает И. Ширле, «*род* с его основным значением “вид” как обозначение социальных групп вошел в *Наказ* Екатерины II (1767)»⁶⁵. В 16-й главе «О среднем роде людей» Большого наказа заявлялось, помимо прочего, что «сей род людей... пользуясь вольностью, не причисляется ни к дворянству, ни ко хлебопашцам»⁶⁶. Фактически члены дирекционной комиссии приняли понятие «род» вместо первоначального и более привычного для них «чина». Схоже комиссией была принята и трехчастная схема деления всего общества на три большие социальные группы вместо намеченных четырех.

Однако даже среди членов дирекционной комиссии не все до конца были согласны с произведенной заменой «чина» на «род» и низведения «чина» до составной части «рода». По мнению Н. Е. Муравьева, «под именем родов или чинов государственных жителей можно разуметь одно». Впрочем, он натолкнулся на возражения других членов, которые объясняли ему, что «под именем чинов иные будут разуметь чины служащих, а под именем родов конечно должен всякой понимать разнаго звания людей, как-то: дворян, купцов, земледельцев и проч.»⁶⁷.

Уже 11 сентября состоялось первое заседание комиссии «о разделении родов государственных жителей». Члены этой комиссии далеко не сразу смогли овладеть предложенной им терминологией. Так, 13 сентября эта комиссия начала свою работу «разсуждением о праве среднего *состояния* людей или мещан, на сколько *классов* оно разделено быть может», а 17 сентября – с чтения мнения гр. Я. А. Брюса «о составлении первоначального плана о разборе государственных *чинов*»⁶⁸. Таким образом, в логике, предложенной Волковым, которая, в свою очередь, следовала концепции Большого наказа Екатерины II, в имперском законодательстве следовало выделять три *рода*, которые могли делиться на *чины* и *состояния*. Впрочем, далеко не все депутаты оказались способ-

⁶⁵ Ширле И. Указ. соч. С. 239.

⁶⁶ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. С. 109.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 2. Л. 35 об.

⁶⁸ Там же. Д. 130. Ч. 1. Л. 1, 3, 4.

ными увидеть разницу между «чином» и «родом», а также между «родом» и «состоянием».

Так или иначе, представители правящей элиты в 1767 г. при социальной классификации людей империи были готовы в качестве равнозначных употреблять общие социальные понятия *государственный чин, состояние и государственный род*. Таких родов/чинов предлагалось выделить только три или четыре. Именно данные социальные группы должны были стать обладателями наследственных правовых статусов. Это вполне отвечало стремлениям представителей элиты к упорядочиванию социального. Принятие такого довольно простого деления обещало немалые преимущества с точки зрения принципа «регулярства»⁶⁹. Однако, как известно, работа по социальной классификации в Уложенной комиссии так и не была завершена. В немалой степени это было вызвано спорами в комиссии о правах выделяемых чинов/родов/состояний⁷⁰. В связи с этим, например, можно указать на созданное во второй половине 1780-х гг. сочинение «Размышления о законодательстве вообще», принадлежавшее перу одного из депутатов Уложенной комиссии, видного государственного деятеля и историка кн. М. М. Щербатова. В нем он определил Уложенную комиссию 1767–1768 гг. как «собрание... чинов государственных», где «некоторые казаки и крестьяне предложениями своими почти и воздух дышущий у дворян и купцов хотели отнять; там купцы старались распространить свои права с ущербом прав дворян и земледельцов»⁷¹. В этом же сочинении при рассуждении о правах «разного состояния людей» в России М. М. Щербатов отмечал, что дворянству следовало «дать... изящныя, но не предосудительныя

⁶⁹ Конечно, такая работа по упорядочиванию и, можно сказать, упрощению социального велась не только в Уложенной комиссии. В качестве другого яркого примера можно указать на попытки создать в империи «третий чин» или «средний род людей» из множества чинов, которые производила жизнь русского города XVIII в. См., прежде всего: *Троицкий С. М.* Дворянские проекты создания «третьего чина» // *Общество и государство феодальной России* : сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 226–236; *Лавринович М.* Создание социальных основ империи в XVIII веке: законодательные практики в отношении городского населения России и их западноевропейские источники // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 117–136; *Ширле И.* Указ. соч.

⁷⁰ См.: *Флоровский А. В.* Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910; *Вернадский Г. В.* Императрица Екатерина и Законодательная комиссия 1767–1768 гг. Пермь, 1918; *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.

⁷¹ *Щербатов М. М.* Сочинения. Т. 1 : Политические сочинения. СПб., 1896. Стб. 361.

государству правы, и сословие сие тако уважить... учинить вход в сие сословие толь труден»⁷². Итак, рядом с *государственным чином* появляется *сословие*.

1.4. Пришествие «сословий»

М. М. Щербатов известен не только как создатель немалого количества оригинальных сочинений, но также и как переводчик. Помимо прочего, он создал собственноручный рукописный перевод на русский язык «Естественной политики» барона П. А. Гольбаха (после 1773 г.). В этом переводе, например, он передал французское понятие «la Nation» как «сословие народное», а «le corps des Nobles» – как «сословие знатных», в то время как «ordre de Citoyens» он перевел как «чин граждан»⁷³. Итак, Щербатов использовал понятие «сословие», чтобы определить *корпорацию*, каковой могла быть и нация, и отдельная социальная группа. Показательно, что в своих собственных сочинениях М. М. Щербатов, рассуждая о российских реалиях, *сословием* называл практически только *дворянство*. Например, в сочинении, написанном в 1789 г., примерно за год до смерти, он восклицал: «Охуляю я почти явную чинимую продажу чинов, даваемых купцам и другим разночинцам без всякия заслуги, чем они и до дворянства достигают, от чего сословие дворянское развращается»⁷⁴. В связи с этим заметим, что схожую критику можно обнаружить в рассуждениях другого крупного государственного деятеля екатерининского времени гр. Н. И. Панина (приблизительно 1783 г.). Он утверждал, что «государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять отечество купно с Государем, и корпусом своим представлять нацию, руководствуемое одною честью, дворянство, уже именем только существует, и продается всякому подлецу, ограбившему отечество»⁷⁵. Если Панин использовал латинизм «корпус» для описания дворянства, то Щербатов использовал славянизм «сосло-

⁷² Щербатов М. М. Сочинения. Т. 1. Стб. 395.

⁷³ ОР РНБ. Эрм. 229. Л. 69, 70 об.

⁷⁴ Щербатов М. М. Сочинения. Т. 2: Статьи историко-политические и философские. СПб., 1898. Стб. 265.

⁷⁵ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непременных государственных законах // Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 258.

вие». Однако логика у них была одна – описание *дворянства* как *корпорации*.

Следует отметить, что слово «сословие» было книжным славянизмом, которое вошло «в активный состав русского литературного языка в период так называемого “второго южнославянского влияния” (XIV–XVI вв.)»⁷⁶. В «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова 1704 г. в словарной статье «Сословие» содержалась отсылка: «зри причет, и собрание»⁷⁷. В первом издании «Словаря Академии Российской» (1789–1794) для слова «сословие» давалось следующее значение: «Собрание, число присутствующих где особ». Для составителей словаря примером такого «сословия» был Сенат, т. е. «сословие знаменитых особ, в котором председательствует сам государь, и от котораго зависят все прочия судебныя места»⁷⁸, и «совет», т. е. «сословие или собрание, состоящее из некотораго числа особ, советующих или разсуждающих о чем»⁷⁹. Другим примером были два значения слова «орден»: 1) «сословие кавалеров, имеющих какой-либо отличительный знак монаршею волею учрежденной» и 2) «сословие монашествующих особливым правилам и уставу последующих»⁸⁰. Соответственно, для слова «член» в качестве одного из значений приводилось следующее: «Всякой из составляющих какое-либо общество или сословие. Член Синода. Член Совета. Член Академий»⁸¹. Фактически «сословие» означало некий коллективный орган или упорядоченное объединение, которое могло выступать как единое тело, *корпус*. М. М. Щербатов использовал это понятие в схожем значении, распространив его на социальную группу, обладавшую наследственным правовым статусом. Это было им сделано специально, чтобы подчеркнуть *корпоративность дворянства*, его способность выступать как субъект. Именно дворянство, обладавшее не только наследственным правовым статусом, но также и органами самоуправления, по Щербатову, следовало определять не только как «состояние» или «государственный чин», но и как «сословие». Соответственно, он начал использовать

⁷⁶ Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки. IV // Этимология – 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968. С. 133.

⁷⁷ [Поликарпов Ф. П.] Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположеное. М., 1704. Л. 110 (часть с «П» по «Ижицу»).

⁷⁸ Словарь Академии Российской. Ч. 5 : От Р до Т. СПб., 1794. Стб. 544, 419.

⁷⁹ Там же. Ч. 1 : От А до Г. СПб., 1789. Стб. 1048.

⁸⁰ Там же. Ч. 4 : От М до Р. СПб., 1793. Стб. 639.

⁸¹ Там же. Ч. 6 : . От Т и до конца. СПб., 1794. Стб. 798.

слово «сословие» как специальный термин, общее социальное понятие, чтобы подчеркнуть *корпоративность* большой социальной группы.

Если говорить о языке имперского законодательства, то слово «сословие» и его использование для описания корпоративности социальной группы фиксируется в законодательных актах с начала XIX в. В этом была своя логика: первоначально «сословие» использовалось представителями правящей элиты для осмысления своей корпоративности как членов дворянства, и лишь потом пришло время его нормативной фиксации. Кроме того, с начала XIX в. постепенно уходило понятие «государственный чин», которому все больше предпочитали понятие «состояние».

В связи с этим следует указать на некоторые наброски, подготовленные А. Н. Радищевым в 1801–1802 гг., который при Александре I был привлечен к работе в Комиссии сочинения законов, до некоторой степени унаследовавшей функции Уложенных комиссий XVIII в. В одном из набросков, приступив к рассуждению о том, как упорядочивается социальное, Радищев писал: «Лице соборное или нравственное, и потому отличествуется от лица единственного, что единственное потому лице, что оно есть таково само по себе, и права его истекают из сего положения в обществе; соборное же лице есть не иначе, как в следствие постановления, и права его основание имеют в постановлении»⁸². Итак, зафиксировав, что существуют отдельные индивиды и индивиды, соединенные в тела, т. е. *корпорации*, он указывал: «Общество всякое есть лице в смысле закона, но состояние, на которое разделяется народ, не есть лице; ибо права людей, к какому-либо состоянию принадлежащих, есть право каждого особо, но не состояния вообще». При этом Радищев считал возможным уточнить, что «если бы права принадлежали состоянию, в соборном его лице, то оно было бы сословие государственное, чего в России нет»⁸³. Из таких рассуждений следовало, что правовые «состояния», на которые разделены подданные империи, не являются *государственными сословиями*. Причина заключалась в отказе признавать за этими «состояниями» обладание правами как единым телом, т. е. как *корпорацией*.

Однако уже в другом наброске А. Н. Радищев писал, что «народ российской разделяется на сословия или чиновостоянии: 1) Дворянство.

⁸² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. М. ; Л., 1952. Т. 3. С. 173.

⁸³ Там же. С. 173–174. Здесь у Радищева *общество* – это некое организованное объединение людей, которое могло выступать как субъект в своих действиях. Например, таким обществом было Вольное экономическое общество.

2) Гражданство или мещанство. 3) Духовенство. 4) Поселяне разного звания. 5) Роды людей, к первым четырем отделениям не принадлежащие, имеющие особые права, временно или всегда». В отношении последнего «сословия» он сделал примечание: «Пятое отделение содержать будет некоторые постановления общие, касающиеся до военных людей, до казенных мастеровых, где они есть, и некоторые другие, которые хотя не составляют истинно государственного сословия, но имеют по званию своему особые права»⁸⁴. Таким образом, уже в этом наброске он признавал, что в империи все же существуют «истинные государственные сословия», т. е. корпорации. Сомнения в вопросе о том, есть ли в России государственные сословия или нет, были не случайны. Признание существования таковых означало признание того, что некие корпорации обладают правами и органами управления сами по себе, т. е. способны выступать в качестве действующих субъектов по отношению к власти. Если оценивать власть в России как деспотическую и произвольную, то все подданные должны были быть для таковой власти объектами, которым произвольно можно права как давать, так и отнимать. Соответственно, если признать за властью *недеспотический* характер, то следовало признать и существование *сословий*.

Несмотря на сомнения, А. Н. Радищев все же допускал, хотя бы на бумаге, существование в России государственных сословий. И если это был готов сделать столь критически настроенный к российским реалиям человек, то другие представители элиты с еще большей готовностью рассуждали о сословиях, так как продолжали нуждаться в понятии для описания корпоративности дворянства, и не только дворянства. Как результат, с последней трети XVIII в. понятие «сословие» набирает все большую популярность, а примерно с начала 1803 г. оно уже активно используется в имперском законодательстве. В именном указе от 4 февраля 1803 г. замечалось, что «в Дворянских депутатских собраниях по некоторым губерниям вкрадывались злоупотребления и многие включаемы были в сословие дворян, не имевшие никакого права»⁸⁵. В известном указе от 21 марта 1803 г., появление которого было связано с так называемым «сенатским инцидентом»⁸⁶, заявлялось, что манифестом 2 апреля 1801 г., восстановившим действие Жалованной грамоты дво-

⁸⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 167.

⁸⁵ ПСЗ-1. Т. 27, № 20608. С. 455.

⁸⁶ См.: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 230–232.

рянству 1785 г., Александр I ознаменовал «пред всеми подданными Нашими и целым светом преимущественное и никогда неизменяемое Наше и любовь к благородному дворянскому сословию, знаменитому подвигами своими для блага и славы отечества подъятыми»⁸⁷. В указе от 9 октября 1803 г. отмечалось то, «с какою ревностью дворянские сословия» содействовали учреждению «военных училищ... в губерниях»⁸⁸. Под *дворянскими сословиями* здесь понимались дворянские *корпорации* губерний Российской империи. Уже в именном указе от 18 октября 1804 г. замечалось, что правительствующий Сенат обязан «охранять святость законов и неприкосновенность прав всех государственных сословий»⁸⁹.

Таким образом, понятие «сословие», изначально использованное, чтобы подчеркнуть *корпоративность дворянства*, постепенно распространялось и на другие социальные группы (государственные чины/состояния), обладавшие наследственным правовым статусом. Однако в этом случае неизбежно возникал вопрос: была ли та или иная социальная группа (государственный чин, состояние...), в том числе и обладавшая наследственным правовым статусом, сословием? При этом дополнительные проблемы в понимании «сословия» вносило размывание корпоративной составляющей значения этой категории. Например, географ и статистик Е. Ф. Зябловский в 1810 г. писал, что «российский народ разделяется: на *дворян, духовных, купцов с мещанами, цеховыми и посадскими, однодворцов и крестьян* (курсив Зябловского. – Авт.). Каждое из сих состояний имеет свои права и преимущества». В отношении дворян он отмечал, что они «составляют отличнейшее в государстве сословие». При описании крестьян Зябловский сообщал, что «сие сословие людей разделяется ныне на *государственных и помещичьих крестьян* (курсив Зябловского. – Авт.)»⁹⁰. Итак, он использовал понятие «сословие» как синоним понятия «состояние», которое у него фактически означало большую социальную группу, которая обладала наследственным правовым статусом. Безусловно, такое некорпоративное использование понятия «сословие» было отнюдь не единичным⁹¹.

⁸⁷ ПСЗ-1. Т. 27, № 20676. С. 506.

⁸⁸ Там же. № 20975. С. 920.

⁸⁹ Там же. Т. 28, № 21481. С. 544.

⁹⁰ Зябловский Е. [Ф]. Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб., 1810. Ч. 3. С. 3, 7.

⁹¹ Например, П. И. Пестель считал возможным утверждать следующее: «Много существует различных сословий, состояний или классов людей в России. Каждое из оных имеет свои особенные отличительные выгоды и ограничения. По соображению настоящего положе-

Однако размывание корпоративной составляющей значения «сословия» вовсе не означало его исчезновения. К середине XIX в. образованный подданный российского монарха мог обратиться к «сословию», чтобы описать имперское общество как совокупность *корпоративных* социальных групп, обладавших наследственным статусом. В связи с этим укажем на заметку Н. В. Гоголя «О сословиях в государстве», написанную примерно в 1845–1846 гг. Свои рассуждения о сословиях в России он начал с дворянства. Писатель полагал, что «дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостоянии низших». Соответственно, именно это «должно нача<ть> чувствовать это сословие с самого начала. Из-за это<го> само<го> они должны составить между собою одно целое, совещаенье они должны иметь между собою об управлении крестьянами». Будучи этим целым, т. е. *корпорацией*, «они не должны попустить между собой присутствие такого помещика, который жесток или несправедлив: он делает им всем пятно. Они должны заставить его переменить образ обращенья». Говоря про «последний в государстве и многочис<ленный> класс», т. е. крестьян, он отмечал, что они «составляют также сословие». Это обосновывалось тем, что они «...имеют много о чем совещаться между собою. Состоя под управленьем помещика, они имеют тоже о чем совещаться». Переходя к «сословию граждан», т. е. горожан, Н. В. Гоголь отмечал, что «оно должно помнить, что они стражи и хранители благосостояния и должны сами из себя избирать чиновников»⁹². Для Н. В. Гоголя сословия являются *корпорациями*, выступающими и действующими через свои коллективные органы. Н. В. Гоголь довольно четко демонстрирует свое понимание сословия: это корпорация, которая выступает и действует через свои коллективные органы. Именно наличие таких органов, по Гоголю, и превращало некое «состояние» в «сословие».

ния вещей оказывается таковых сословий в народе до двенадцати различных» («Русская правда»: (Конституционный проект П. И. Пестеля) // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010. С. 374). Ср.: Фриз Г. Л. Указ. соч. С. 142.

⁹² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 8 : Статьи. М. ; Л., 1952. С. 492–494.

Глава 2. Социальная структура в представлениях российской элиты XVIII в.: неправительственный дискурс

В предыдущей главе речь шла по преимуществу о том, каким образом происходил процесс конструирования социального (эволюция терминологии, выработка концептуальных моделей и законодательного оформления социальных групп) со стороны государственной власти: лицами или учреждениями, уполномоченными на то российскими монархами.

В настоящей главе речь пойдет об ином: об анализе тех основных принципов, вокруг которых российская элита выстраивала концептуальные подходы к восприятию социальной структуры. В центре внимания находится пример дворянской страты, и это неудивительно: дебаты о социальной стратификации в России XVIII в. – это, прежде всего, дебаты об исключительной роли дворянства в социальной системе империи. Изучение того, каким образом российские элиты описывали место и роль дворянского сословия в системе социальной стратификации, позволяет рассмотреть и более широкую проблему взаимодействия и сосуществования различных подходов и вариантов организации социальной иерархии, характерных для российского общества XVIII в.

Важно подчеркнуть: в центре нашего внимания оказывается не правовой статус той или иной страты (пресловутая «сословная парадигма», являющаяся постоянным предметом обсуждений в среде историков), но различные манеры обсуждения статуса, различные подходы к его определению – словом, различные дискурсы о социальной стратификации, использовавшиеся российскими элитами для того, чтобы обсуждать структуру общества. Эти дискурсы правильно будет определить как неправительственные; их можно было бы назвать общественными, учитывая, что в силу изменений, произошедших в России в XVIII в. (процесс масштабной вестернизации, запущенный реформами Петра I), общество формировалось, прежде всего, в элитарной части населения страны. Знакомство с западной литературой, усвоение культурных практик Запада, связанные с этим новые представления о смысле и характере общественных отношений, породили активную и глубокую рефлексию в среде российских элит, не свойственную предыдущему периоду.

При помощи разных концептуальных структур (языков, глоссариев) индивиды конструировали разные парадигмы стратификации,

применявшиеся в разных коммуникативных ситуациях, среди которых *правовая* ситуация (связанная, например, с тяжбой) была лишь «одной из». Наш анализ, охватывающий целый ряд различных манер обсуждения социальной структуры и разных коммуникативных контекстов, не является, конечно, исчерпывающим. Тем не менее применительно к XVIII в. мы можем выделить несколько дискурсов, подходов к социальной стратификации, которые различались и конфликтовали между собой и в сложном взаимодействии которых формировались те представления о дворянской исключительности, которые в конечном счете привели к беспрецедентному продворянскому законодательству екатерининской эпохи. Мы дали этим подходам, или манерам речи, условные названия, постаравшись по возможности «схватить» центральный момент, характерный для каждого из них: функционалистский, социологический и эгалитаристский. Ниже мы кратко рассмотрим концептуальные основания этих подходов в привязке к их коммуникативному контексту.

2.1. Функционалистский подход: «должности», добродетели и воздаяние

Один из базовых, основополагающих подходов, выработанных элитой в отношении социальной стратификации, представлял собой стратификацию по функциям. Это предполагало, что общество является соединением различных групп, каждая из которых имеет собственное занятие; общество, таким образом, уподоблялось организму – метафора, восходящая к Платону и (с большими оговорками) Аристотелю. Одним из ярких (и чрезвычайно влиятельных!) примеров такого подхода выступала знаменитая басня о желудке, рассказанная, по преданию, Менением Агриппой для того, чтобы успокоить взбунтовавшийся римский плебс¹; в ев-

¹ Первая плебейская сецессия произошла в 494 г. до н. э.; плебеи покинули Рим и собрались на Священной горе. Чтобы успокоить их, сенаторы направили делегацию во главе с популярным Агриппой, бывшим консулом-триумфатором; Тит Ливий сообщает, что Агриппа, будучи допущен в лагерь плебеев, «...рассказал по-старинному безыскусно вот что. В те времена, когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, но каждый член говорил и решал, как ему вздумается, возмутились другие члены, что всех их старания и усилия идут на потребу желудку; а желудок, спокойно сидя в середине, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других. Сговорились тогда члены, чтобы ни рука не подносила пищи ко рту, ни рот не принимал подношения, ни зубы его не разжевывали. Так, разгневавшись,

ропейской культуре Нового времени басня Агриппы была прекрасно известна².

Организмизм был следствием функционализма. Томистская теология, опиравшаяся на переосмысления аристотелевской философии, описывала общество как иерархию функциональных категорий. Уделяя большое внимание социальной этике, Фома Аквинский полагал, что спасение зависит от «добродетели»; добрые дела так же необходимы христианину, как и вера. «Добродетель» в данном случае понималась как старательное исполнение социальных функций, соответствующих конкретным социальным группам, формирующим определенную систему стратификации. Социальная иерархия зависела от «должностей», привязанных теперь к конкретным группам; статус при таком взгляде был связан с функцией.

Так, М. А. Корзо, изучая католическую и православную проповедь в Речи Посполитой XVII в., приходит к выводу о том, что для католической проповеди, испытавшей мощнейшее влияние томизма, «...сословное деление, так же, как и разделение общества на различные социальные (профессиональные) группы, является частью... иерархического устройства мира. Необходимость разделения социальных функций и любой иной дифференциации обосновывается в проповеди органической концепций общества. <...> Место, которое каждый хри-

хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы, а желудок равномерно по жилам отдает ее всем частям тела. Так, сравнением уподобив мятежу частей тела возмущение плебеев против сенаторов, изменил он настроение людей» (*Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1989. Т. 1. С. 89*). Эту басню упоминают – уже не связывая ни с Агриппой, ни с плебейской сецессией – Цицерон, Сенека и апостол Павел.

² Например, Шекспир поместил ее в трагедии «Кориолан» (1606). Равным образом и Лафонтен ссылается на Агриппу в своей басне «Члены тела и желудок», где развивает метафору тела таким образом:

С желудком сходны короли:
Они дают и получают;
На них работают все граждане земли,
Из них и пользу извлекают.
Король дает всем жить, труд честный поощряет.
Законом огражден, ремесленник живет,
Чиновник свой оклад исправно получает,
И барыши купец берет.
Король достойное достойным воздает
И всей страною управляет.

стианин занимает в этом социальном порядке, определено ему самим Богом. Это своего рода “социальное призвание”, то, что человек должен принять как веление Бога, с чем должен мириться»³. Из набора «добродетелей» отдельных групп складывается и общее благо, которое имеет приоритет над благом индивида. Структурная иерархия охватывала общество целиком, включая и правителя, и церковь, – каждая социальная группа в томистской теологии обладала своей «целью», образуя общественный организм.

Итак, взгляд на общество как на социальное тело, в котором разные члены выполняют разные функции на общее благо, был заимствован христианством из античной политической мысли и переосмыслен с учетом сложившихся в средневековом европейском обществе социальных градаций. Такая социальная классификация позволяла описать общество на основании функциональной специализации отдельных страт, поэтому данный взгляд на социальную структуру можно назвать *функционалистским*: каждая страта общества здесь имеет собственные функции, и спасение отдельного индивида зависит от того, насколько успешно он их исполняет. Такой язык был до некоторой степени противоположен описанию социальной структуры в правовых категориях, поскольку акцент здесь был сделан на функциональной деятельности отдельных страт (раскрывавшейся, в свою очередь, с помощью богатого метафорического языка «политического тела»), а не на правовом статусе либо привилегии.

Не рассматривая здесь вопроса о том, до какой степени функционалистский, органицистский взгляд на социальную структуру был характерен для средневековой Руси, подчеркнем: на протяжении XVII в., по мере возрастания контактов с малороссийским духовенством, развивалась и соответствующая система понятий. В коммуникативных стратегиях церковной элиты российского XVIII в. сословная структура, сформированная российским правом, практически не находила отражения. Церковные иерархи – следуя в целом логике функционализма – предпочитали говорить о делении подданных императора по родам занятий: воины, судьи, земледельцы и, конечно же, священнослужители и цари.

Один из наиболее ярких примеров того, как функциональный взгляд на социальную структуру воплощался в церковной проповеди начала XVIII в., – проповедь Стефана Яворского «Колесница четырехколесная

³ Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999. С. 118.

многоочитая, Езекиилем пророком виденная» (1704)⁴. Стефан использовал здесь любимую метафору, смешивая таинственное видение пророка Иезекииля (Иез. 1: 5–24) с образом «триумфальной колесницы», символизирующей Россию⁵. Однако в данном случае образ колесницы позволил Стефану развернуть органицистскую перспективу взгляда на социум. Ведь каждое из колес «триумфальной колесницы», влекомой чудесными животными, символизирует собой социальную страту – «чин», и к этим «чинам» Стефан поочередно обращается: «Первое колесо: первый чин князей, бояр, вельмож, и советников царских. Второе колесо: второй чин людей военных, генералов, кавалеров, капитанов, и прочих офицеров и воинов. Третье колесо: третий чин людей духовных, архиереев, иереев, архимандритов и игуменов, и всего освященного собора. Четвертое колесо: четвертый чин людей простонародных, граждан, купцов, художников, ремесленников и крестьян земледельцов»⁶.

Первое колесо – это «первый чин сигклита царского, князей, бояр, велмож, советников царских»; Стефан разъясняет, каким образом «началниц велможей» можно назвать «колесами». Колесо, несущее тяжесть, – адекватный образ начальства (и, шире, социальной жизни вообще), поскольку среди эмблем колесо фигурирует с девизом «инем работающа сокрушающа». Кроме того, колесо символизирует Фортуну, которая то поднимает начальников, то сбрасывает их вниз (Стефан не преминул вспомнить и известную притчу о царе Сезостре); примерами таких «колес не многоочитых» Стефан называет Амана, Сеяна, Евтропия и Велизария. Христос заповедал начальникам быть «колесами многоочитыми», чтобы «научити тех, котории на высоких властях аки на горах пребывают, и в светлостях фортунных, аки в солнечных блиста-

⁴ Преосвященного Стефана митрополита Рязанского колесница четырёхколесная, многоочитая, Иезекиилем пророком виденная, на триумфальное вшествие уготованная российскому Августу и повелителю, благочестивейшему государю нашему царю Петру Алексиевичу вся Великия и Малыя и Белья России самодержцу, по толиких преславных над шведами победах в свой престольный царствующий град Москву входящему, проповедническим художеством на новозачатый год 1704 // Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршаго, высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестии преславнаго. М., 1804. Ч. 2. С. 185–224.

⁵ Стефан Яворский является автором целого цикла «колесниц», опирающегося на образность видения Иезекииля: «Колесница торжественная» (1703), «Колесница четырёхколесная многоочитая, Езекиилем пророком виденная» (1704), «Жатва торжественная» (1705) и «Торжественной колесницы путь сугубый» (1706).

⁶ Колесница четырёхколесная многоочитая, Езекиилем пророком виденная... С. 187.

ниях сияют, дабы памятовали на смерть, дабы имели очеса в колеси, присмотрючися его непостоянному обращению, како от земли в гору возносится, и по мале времени паки с горы к земле прекланяется»⁷.

Второй чин – чин воинов – Стефан называет «колесом, громы испущающим», сопоставляя с ним эмблему «звезда с небеси падающая, а на верху начертание мнится падати». Стефан имел в виду, что подобно тому, как падение небесной звезды есть обман зрения, воины падают только «мнением» простых людей, но не «истиною»; примерами воинов, стяжавших бессмертие в славе и оставивших «адаманта твердейшую» память, служат Александр Македонский, Муций Сцевола, Цинегир, Пергамид, Эпаминонд и целый ряд других полководцев и завоевателей. В конечном счете для воинов колесо означает вечность⁸.

Третье колесо, духовный чин, «должни суть Богомольством своим бремена царствия носити»⁹.

Четвертое колесо, «чин людей простонародных», Стефан именует «скрыпчивым»: «Скрыпчивое то колесо никогдаже тихо не умеет ходити: всегда скрыпит, всегда ропщет. Наложил какое тяжало, то и станет скрыпети». Это то колесо, которое хочет работать на «свою пользу», тогда как три остальных колеса трудятся ради общей пользы. Здесь Стефан при разъяснении подданнического долга монарху прямо использует органицистскую метафору: «Кесарей бо и царей главами нарицает писание святое, а подданных удами. Сия убо должни суть кесарю, что должни суть главе уди. Глава о удах промышляет, а уди главу за то любят, а любят нелицемерно: без главы бо им жити несть мощно. Уды главу всячески защищают, например: хошет кто кого ударити во главу, тотчас рукою заставляет голову. <...> Руку бо погубивши может еще жити, а главу погубивши и сам погибнет. Уды главе послушны, что только глава домыслит, то уды исполняют. Уды повинуются главе, не бунтуются на главу». Призывая четвертое колесо «не скрипеть», Стефан одновременно не одобряет наложения чрезмерного бремени, вспоминая пример жестокого Ровоама. Чтобы колесо не скрипело, его следует смазывать; масло в данном случае символизирует мягкость; владыкам следует «жестокость с милосердием мешати, и такую мазию маститой скрипящая колеса»¹⁰.

⁷ Колесница четырёхколёсная многоочитая, Езекиилем пророком виденная... С. 188–200.

⁸ Там же. С. 201–208.

⁹ Там же. С. 209–211.

¹⁰ Там же. С. 211–214.

Колеса должны «вlechься» туда, куда везут колесницу животные, и не противиться «тяглу». Та колесница, где «окаянные колеса, бесом движимыя» противятся «тяглу», – не Божья, но дьявольская; их ждут вечные муки. Подобно тому, как чародей отказывается от Бога и предается дьяволу, так и бунтовщик «оставляет истинного господина своего, который истинного Бога изображает»¹¹. Таким образом, повиновение «тяглу» необходимо не только ради общего блага, но и ради спасения: исполнение каждым «чином» своей должности (управление, война, молитва, земледелие) заповедано Богом.

Другой крупнейший проповедник начала XVIII в. – Феофан Прокопович – в знаменитом «Слове похвальном о баталии Полтавской» (1717) описывал возникновение зависти между людьми с помощью обращения к функциональным категориям социальной структуры: «Гордыня не родит зависти к дальним, но к ближним: к ближним, глаголю, или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по державе верховной и протчая. На пример: не завидит купец воину его мужества; не завидит воевода священнику его учительства; не завидит кузнец живописцу его искусства. Не живет зависть в разности, живет в близкости: воин воину, властелин властелину, художник тогожде дела завидит художнику»¹². Равным образом и в «Слове о власти и чести царской» (1718) Феофан вновь обращается к функциональному пониманию социальной структуры, на сей раз говоря о том, что священнослужители составляют лишь одну из категорий такой структуры: «Священство бо иное дело, иный чин есть в народе, а не иное государство. А яко же иное дело воинству, иное гражданству, иное врачам, иное художникам различным, обаче вси с делами своими верховной власти подлежат; тако и пастырие, и учителя, и просто вси духовнии имеют собственное свое дело, еже быти служители божиими и строители тайн его, обаче и повелению властей державных покоренны суть, да в деле звания своего пребывают»¹³.

¹¹ Колесница четырёхколёсная многоочитая, Езекиилем пророком виденная... С. 219–220.

¹² Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпитебурхе в церкви Живоначальныя Троицы чрез честнейшаго отца ректора Прокоповича июня в 7 день 1717 // Феофан Прокопович. Соч. М. ; Л., 1961. С. 50.

¹³ Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской, яко от самого Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие долженствуют; кто же суть и коликий имеют грех противляющися им. Лета господня 1718 году, априллиа в 6 день, в царствующем Санктпитебурхе, в неделю цветную // Там же. С. 88.

В произнесенном в том же году «Слове в день святого благоверного князя Александра Невского» (1718) Феофан сформулировал функциональную концепцию «чинов»: «Аще же всякий чин от Бога есть <...> то самое нам нужнейшее и Богу приятное дело, его же чин требует, мой – мне, твой – тебе, и тако о прочих <...> И просто рещи, всяк разсуждай, чесого звание твое требует от тебе, и делом исполняй требование его». Здесь Феофан перечисляет следующие «чины»: «царь», «сенатор», «воин», «пастырь духовный», а также «родители и чада», «мужие и жены», «господие и рабы». Путь спасения – исполнение того, «что ты должен еси Богу, государю, отечеству, всяком собственно ближнему, словом рещи: что должен званию твоему?»¹⁴ Каждый чин, т. е. социальная страта, связан с добродетельным исполнением определенного рода обязанностей.

Обращения к социальной структуре как к иерархии функциональных обязанностей («состояний»), усердное исполнение которых является гражданской обязанностью христианина, позволяет поместить мысль и Стефана Яворского, и Феофана Прокоповича в контекст томистской проповеднической традиции.

Случаи обращения российских проповедников XVIII в. к социальной структуре относительно редки (в большинстве проповедей не уделялось этим вопросам внимания), однако в тех случаях, когда церковные иерархи все же начинали рассуждать на эту тему, они разворачивали картину, разительно отличавшуюся от имперских правовых норм. Так, архиепископ Амвросий Юшкевич, описывая блага мира в «Слове в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного третьяго благодарения, о состоявшемся вечном между империею Российскою, и короною Шведскою мире» (1744), обрисовывал социальную структуру, выделяя «церковь», «Государя», «министров и сенаторов», «воинов», «исцов и судей», «купечество», «земледельцев». Каждая из категорий обладает своей функцией и отправляет свою должность: «Во время мирное честь Божия сохраняется и распространяется, церковь Христова создается, учения заводятся. Государь о внутренних делах к ползе отечеству и подданных своих печется и промышляет. Министры и Сенаторы благия советы и промыслы о добром состоянии Государства прилагают и впредь будущия рассматривают, как бы в лучшее благополучие при-

¹⁴ Феофан Прокопович. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александроневском при Санктпитебурхе 1718 году // Феофан Прокопович. Соч. С. 98.

весть всенародное собрание». Воины отдыхают, обижаемые «в судах и приказах» защищаются. Отстраиваются города и крепости. Купечество, получив свободный путь по морю и суше, «о прибыльных промышляет куплях и вящция себе получает корысти». Земледельцы «радостно трудятся», и «друголюбное со всеми в тихомии жителство провождают, и забывше прежних тревог и опасностей, о мире и победах своего воинства разглагольствуют»; а также чтут Бога и от «избытка радости» поют торжественные песни и сочетают своих детей браками¹⁵.

Архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский Сильвестр Кулябка в одной из проповедей 1750 г. («Слово краткое при первом служении в соборе Казанской Богородицы по пожаловании во архиепископа, сказанное Силвестром архиепископом Санктпетербургским и Шлютелбургским и архимандритом Троицкаго Александроневского монастыря 1750 года июля 8 дня»), восхвалявшей императрицу Елизавету, демонстрировал общественную гармонию с помощью сложной структуры категорий: «наследство Петрово», «священство», «высокое правительство», «благородство», «военачальство», «воинство», «мужие и жены», «старцы и юноты», «юноши и девы», «господие», «раби» и, наконец, «старые и малые, всякий поле, всякий роде Христов»¹⁶.

В проповеди 1770 г. епископ Тверской Гавриил (Петров) отмечал: «Когда различие божественных дарований составляет совершенство общества то, дабы оно было совершенно, требуется, чтоб оныя соблюдены были в своей целости <...> чтоб всякой человек, не теряя сил своих, употреблял их как для себя, так и для других»¹⁷.

¹⁵ Слово в день торжественнаго Всещедрому Господу Богу принесеннаго третьяго благодарения, о состоявшемся вечном между Империею Российскою, и Короною шведскою мире, при высочайшем присутствии всепресветлейшия великия государыни императрицы Елисавети Петровны самодержицы Всероссийския, и его императорскаго высочества благовернаго государя великаго князя Петра Феодоровича, и обрученныя невесты его, Ея императорскаго высочества благоверныя государыни великия княжны Екатерины Алексеевны, проповеданное в Москве в соборной Успенской церкви синодалным членом пресвященным Амвросием, архиепископом Новгородским 1744 года, июлия 15 дня. М., 1744. С. 23–24.

¹⁶ Родосский А. С. К неизданным памятникам русского церковного проповедничества в XVIII столетии. «Преидики, сказанныя Силвестром, архиепископом Санкт-Петербургским и Шлютелбургским и архимандритом Троицкаго Александроневского Монастыря 1750 года» // Христианское чтение. 1898. № 12. С. 923–924.

¹⁷ Слово в торжественный день возвышения на всероссийский престол всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексиевны самодержицы всероссийския, проповеданное синодалным членом Гавриилом еп. Тферским в придворной Петергофской церкви 1770 года в Санктпетербурге.

Архимандрит Антоний (Румовский) в «Слове в торжественный день рождения всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны» (1771) начинает описание социальной структуры с указания на естественное равенство людей, переходя затем к описанию добродетелей, исполнение которых позволяет достичь «благополучия общества»: «Ибо мы все равно рождаемся в свет сей по слову Соломонову: Един есть всем вход во житие, но трудами только дарования наши приводя в совершенство друг от друга отличаемся. И так чтоб возвысить состояние наше, и исполнить намерение Создателя, надобно понести труды, и к таким особливо прилепиться, кои отверзают нам дверь к временному и вечному блаженству. Сие рассуждение до каждого человека касается; но как взаимным между собой союзом связанные составляют общество, то здесь ближнего место занимает общество, и тогда всем нашим стараниям предметом должны быть целость онаго и непоколебимость. Предмет тем любезнейший, что каждого особенное благополучие сопряжено с благополучием общества. Оно тогда процветает, когда все члены онаго, каждый, не теряя из виду добродетели, со тщанием исполняют свои звания. Пренебрежение оных влечет за собою разрушение общего благосостояния». Речь идет, конечно же, о том, что «исполнение званий» привязано к социальным стратам, выделенным на функциональном основании. Следуя принятому среди церковных иерархов языку, Антоний характеризует основные страты – это «судии», «воины», «купцы» и «земледельцы»¹⁸. Каждая из страт обладает собственной социальной функцией: судьи обеспечивают правосудие, воины защищают Отечество, купцы и земледельцы заботятся «о праведном употреблении имени своего» (первые – о доставлении «изобилия», а вторые – об обработке полей).

Крупнейший церковный оратор екатерининской России митрополит Платон (Левшин) также описывал общество равных по рождению людей, различающихся принадлежностью к определенным функциональным группам. Например, в «Слове в день рождения <...> Павла Петровича» (1764) Платон разъяснял: «Рождением получаемая жизнь есть обща всем. Подлый и благородный, богатый и убогий, ученый и невежа,

¹⁸ Слово в торжественный день рождения всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны при высочайшем присутствии его императорского высочества государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича, сказыванное в придворной церкви Вяжицким архимандритом Антонием 1771 года. СПб., С. 6–7.

мужественный и боязливый, все единым образом рождаются, и никакого тогда един от другого не имеет различия»¹⁹.

В «Слове на Новый, 1771 год» Платон вновь воспроизвел уже знакомую нам функциональную структуру, говоря о процветании России под властью Екатерины II: «Мы, любезные граждане, соединены одним союзом общества, едино любезное отечество объемлет нас, мы обитаем под крылами пространной и преславной России». Воздав должное законам и правосудию императрицы, Платон переходил к кратким характеристикам отдельных страт упомянутого «союза общества» – земледелия, коммерции, судов, училищ (которые в данном случае соответствуют «художникам»), а также церкви. За этой характеристикой следовало перечисление других «учреждений», по существу – сегментов социальной иерархии, где мудрость Екатерины имеет благотворное действие: «призрение бедных и несчастливых сирот», человеколюбие в отношении «уз рабства» и, наконец, «обхождения житейские» начальников с подчиненными. Охарактеризовав таким образом социальную структуру России, Платон приступал к пространным восхвалениям победоносного «воинства»²⁰. Точно так же и в произнесенном при дворе «Слове в день рождения Ея императорского величества» (1775) Платон, говоря о разных видах «служения», связывал их с социальными группами. Отдельно названы четыре «должности» – царь, судия, священник, воин; остальные «должности» объединены как «другие в обществе звания», которые тем не менее следует исполнять с «рачением, безпристрастием, верностью и честностью»²¹.

Указанная концептуальная модель воспроизводилась не только в придворной проповеди, но и в более широких обращениях. Так, в «увещательном послании» 1770 г.²² «ко градам тверской паствы» Платон обращался к различным социальным группам – священникам и монахам, «господам» и «рабам», «судиям» и «подчиненным судиям», родителям и детям, купцам и земледельцам с художниками – с краткими напутствиями относительно правильного выполнения их социальной функ-

¹⁹ Платон. Слово в день рождения Его императорского высочества, благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича // Полн. собр. соч. Платона, митрополита Московского. М., 1913. Кн. 1. С. 109.

²⁰ Платон. Слово на Новый, 1771 год // Там же. Кн. 3. С. 317–318.

²¹ Платон. Слово в день рождения Ея императорского величества (Екатерины II) // Там же. С. 383.

²² Платон. Увещательное послание ко градам тверской паствы, по посвящении во Архиепископа на Тверскую епархию, октября 10 дня 1770 года // Там же. С. 314.

ции. Эти категории Платон объединял под именем «всех православных христиан, всякого чина и состояния». Как видим, и здесь присутствуют судьи, купцы, художники и земледельцы. Аналогично и в более раннем «Слове в день рождения Его императорского высочества» (1766) Платон, говоря о социальных категориях, упоминает земледельца, корабль (т. е. купца), жнеца и художника²³; не хватает только судьи, а земледелец и жнец отсылают к одной и той же социальной страте. Наконец, в «Слове, сказанном при первом посещении града Калуги, 1775 года, декабря дня» Платон увещевал паству исполнять звания, «в какие кто призван от Бога», кратко перечисляя эти звания. Какие же социальные группы назвал Платон? Это три категории, связанные взаимными обязательствами, – родители и дети, «властелины» и «подчиненные», «мужи и жены», а также «купцы», «художники» и «пастыри духовные». В данном случае Платон не упоминает ни земледельцев, ни судей²⁴.

Ярким примером того, что функциональная модель социальной стратификации использовалась и при обращении к рядовым прихожанам, являются проповеди Тихона Задонского, епископа Воронежского. В проповеди 1765 г., обращенной к «воронежской пастве», Тихон приветствовал слушателей проповеди, перечисляя разные социальные группы: «Вижу священный чин служителей Бога Вышнего, вижу градоначальников и военачальников, вижу воинов, Церкви святой и Отечества заступников. Вижу в судебных местах заседающих, суд Божий творящих, и их сотрудников, для пользы Отечества, для благого состояния день и ночь неусыпно трудящихся. Вижу изрядное и Отечеству преползное купечество. Вижу наконец, всякого звания и чина людей множество, вижу старых и молодых». Здесь, как видим, присутствуют священнослужители, «начальники», воины, «судии», купцы.

Интересно, что в продолжении текста проповеди Тихон выделял уже «воина» и «купца» (упомянутых и в начале), добавив к ним отсутствовавшего в первом обращении «земледельца», но не упоминая уже ни «начальника», ни «судию»: «Храброго воина, который желает от Монарха получить высокий ранг, не устрашает треск и звук смертоносный, он идет прямо, подвергает себя всякой опасности. Трудолюбивого купца, который хочет временное и тленное богатство собрать, не устрашает

²³ Платон. Слово в день рождения Его императорского высочества // Полн. собр. соч. Платона, митрополита Московского. Кн. 2. С. 214.

²⁴ Платон. Слово, сказанное при первом посещении града Калуги в 1775 года, декабря дня // Там же. Кн. 3. С. 435.

ни беда, которая может прийти от моря, ни беда от разбойников, ни беды от иноплеменников, ни разлука с женой и детьми, ни странствование вдали от сладкого Отечества. Земледелец сколько проливает пота, все лето жаром солнечным сжигаемый, для того только единственно, чтобы вожделенный собрать плод!»²⁵

В другой проповеди того же года Тихон, призывая паству «отбросить житейские помыслы», обращался поочередно к «земледельцу» (называя его «мужичок пахарь»), «купцу», «воину», «подьячему и секретарю», «судие» и, наконец, «священнику»²⁶.

Итак, можно говорить о своеобразной концептуальной модели социальной стратификации, устойчиво воспроизводившейся в творчестве церковных иерархов. Эта модель – представленная в кратко рассмотренных выше проповедях иерархов от Стефана Яворского до Платона Левшина – опиралась на функциональный критерий. Чрезвычайно важно, что в этой структуре не находилось места «дворянству»: функциональный принцип стратификации означал, что дворяне могли представлять как воины либо судьи.

Альтернативой были проповеди, произнесенные иерархами при открытии наместничеств и связанные с реформой 1775 г. и созданием системы корпоративного самоуправления на местах. Важным является замечание А. Зерновой о том, что, говоря о реформе, проповедники в первую очередь обращаются к дворянству, в качестве примера Зернова приводит проповеди Самуила (Миславского) и Иоасафа (Заболоцкого)²⁷. Добавим, что сходным образом действовал и Платон (Левшин): в «Слове при открытии в Калуге новаго наместничества» (1777) он, называя целью реформы общее благо, подтверждал утверждение краткой характеристикой того, что отдельные социальные группы выигрывают от преобразований. Социальная структура, о которой Платон говорит здесь, отличается от матрицы, обрисованной выше: речь идет о «благородном дворянстве», «почтенном купечестве», «поселянстве» (вместо земледельцев!) и о «духовных»²⁸.

²⁵ Тихон. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы // Святитель Тихон Задонский. Собр. соч. М., 2015. Т. 1. С. 488.

²⁶ Тихон. Слово на освящение храма во имя святых апостолов Петра и Павла, что на Акатове, в Воронеже // Там же. С. 475.

²⁷ Зернова А. «Власть без доверия нации – ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств // Россия XXI. 2013. № 4. С. 153–154.

²⁸ Платон. Слово при открытии в Калуге новаго наместничества // Полн. собр. соч. Платона, митрополита Московского. Кн. 3. С. 478.

Однако важно подчеркнуть, что обращение к дворянству в проповедях, сопровождавших реформу 1775 г., было не правилом, а исключением из правил. Принятая в среде церковных элит манера вести речь о социальной стратификации вовсе не предполагала обращения к дворянству. Ведь для того, чтобы описать общество, иерархи церкви использовали функционалистский язык, позволявший связать социальные группы с определенными «должностями». Дворянство не было связано с функцией/«должностью» и, соответственно, не попадало в поле зрения проповедников. Конечно, присутствующая практически во всех риторических стратегиях категория воинов подразумевает дворян, поскольку восходит к средневековой ситуации, в которой роль *bellatores* выполняли феодалы. Однако в реалиях России XVIII в. с ее рекрутской армией язык описания «воинства» оставался амбивалентным и не сводился к дискурсу о военной доблести дворянства. С другой стороны, многие дворяне не служили в армии, а после манифеста 1762 г. ситуация стала и вовсе неопределенной.

Функционалистский взгляд на социум предполагал таксономию «чинов», привязанных к широко понятым социальным функциям (например, войне или земледелию). Добродетель «чинов» признавалась по своей сути равной: каждый человек может, старательно исполняя «должности» своего «чина», быть добродетельным и обрести воздаяние. Это касалось не только воздаяния в небесной жизни, о котором говорили церковные проповедники, но и вознаграждения в жизни земной.

Функционалистское описание социума было, по сути, статичным (акцентируя необходимость выполнения «чина»), однако в комбинации с концепцией службы оно открывало возможности для описания динамики внутри социальной стратификации. Усердная реализация «должности» была способна привести к вполне реальному социальному росту при помощи Табели о рангах, устанавливавшей буквально автоматическое воздаяние для тех, кто живет добродетельно.

2.2. Социологический подход: на пути к априорному признанию дворянской исключительности

Альтернативный взгляд на социальную стратификацию был связан с поиском возможностей обосновать особое положение дворянства в социальной структуре.

Петровская Табель о рангах задавала тройственное деление службе, добавляя к «судьям» и «воинам» еще и придворных. Пункт 11 Табели о рангах устанавливал различие между «породой» и «рангом», недвусмысленно отрицая связь между этими принципами стратификации: «Все служители российские или чужестранные, которые осми первых рангов находятся, или действительно были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лутчему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя б они и низкой породы были, и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были»²⁹. Именно это устойчивое деление воспроизвели такие яркие представители административно-придворной элиты первой половины XVIII в., как кн. А. Д. Кантемир и В. Н. Татищев.

В знаменитой сатире «На зависть и гордость дворян злонравных» (1730-е – начало 1740-х гг.) Кантемир исходил именно из функционального взгляда на социальную структуру. Знатное происхождение одного из персонажей, Евгения, не дает ему никакого преимущества перед другими дворянами, получающими чины и знаки отличия благодаря собственным качествам. Благородство – «заслуг мзда» – нельзя унаследовать, поскольку оно заключается не в документах, а в добродетели³⁰:

Разнится – потомком быть предков благородных,
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в холопах течет кровь, та же плоть, те ж кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы,
И, чужих обнажена красных перьев, галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна, и жалка.

В примечаниях к сатире Кантемир отмечал, что «дворянству предлежат три рода службы: военная, судейская, придворная; во всех тех к исправлению должности своей, наипаче в вышних степенях, требуется много

²⁹ Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных: Которые в котором классе чины, и которые в одном классе, те имеют по старшенству времени, вступления в чин между собою, однакож воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. М., 1722. С. 11–12.

³⁰ Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 71.

различных знаний и искусств». Соответственно, сентенции – заимствованные у Буало и у Ювенала – об изначальном равенстве людей и о том, что благородным человека делает не происхождение, но поведение, Кантемир дополняет описанием функционального характера службы дворян.

Придворная служба равна военной и гражданской, чему Кантемир дает пространное разъяснение: «Филарет столь сильно доказал Евгению его недостатки и пороки, для которых никаким образом требовать бы не должен, чтоб произведен был в морские или сухопутные воеводы, или в судьи и губернаторы, что Евгению ответственность ничего не оставил. Предвидит, однако ж, что может представить, что придворная служба таких искусств и знаний не требует и что потому обижают его, Евгения, когда ему подобных, каков, например, Клит, производят в камергеры, а он еще забыт остается. Для того Филарет принимается разъяснить, что и придворному человеку нужно не меньше свойств добрых и искусства. В самом деле, плохо те судят, кои чают, что одно дворянское имя и богатство довольны тому, кто в дворе жить уставил; бедства и там предлежат, которых миновать не мало благорассудства требуется; не без труда – достать себе там высших милость, равных любовь, подчиненных почтение»³¹. Итак, во всех трех случаях – военной, гражданской и придворной службы – чины и знаки отличия зависят исключительно от действий самого человека, а не от унаследованного статуса.

Татищев в «Лексиконе российском» (40-е гг. XVIII в.) давал дворянству определение, восходившее к польскому термину, обозначавшему сословие, которое сочетало функциональные характеристики и указание на особый статус: «Дворянство, или шляхетство, есть главный и честнейший стан государства, зане оно есть природное для обороны государства воинство и для расправы министерство или градоначальство». Татищев определял дворянство одновременно как «выслуживаемое» («никому того ис подлости дослужиться и равномерную честь получить не препятствует») и наследуемое, «природное». Дворянство отличается от других «станов» (духовенства, купечества и «подлости») наличием привилегии: оно имеет гербы, может владеть и управлять вотчинами, после истечения срока службы имеет свободу не служить и, наконец, «ни в какой вине, кроме всех государственных вин, к пытке не приводится»³². Интересно, что аналогичная статья «Духовенство» у Татищева предельно лаконична

³¹ Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных... С. 86.

³² Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 255–256.

и, кроме прочего, определяет духовенство как «чин», а не «стан»: «Духовенство, духовной чин все обще от поддиакона и до архиепископа»³³.

Конечно, в своей основе особый правовой статус вытекал из функционального назначения социальной группы: Татищев, например, перечисляет дворянские привилегии уже после функционального определения дворянства как воинов и судей, одновременно заключающего в себе ссылку на особое значение этих функций («честнейший стан»). Концепция об исключительности дворянства предполагала не просто провозглашение военной и судейской функций главными в обществе и соответственно – дарующими привилегии, но и одновременное замыкание дворянства в единую *корпорацию*.

Функционалистский взгляд на социум утверждал существование набора страт, члены которых, во-первых, равны в добродетельном исполнении «должностей», а во-вторых, могут рассчитывать на воздаяние при усердном исполнении «должностей». В противовес этому утверждение особой позиции дворянства совершалось при помощи анализа социологических истоков добродетели; акцент делался теперь не столько на качество исполнения «должностей», сколько на условия, которые позволяли культивировать добродетель.

Как отмечает И. И. Федюкин, в 30-х гг. XVIII в. в России складывается «новый стиль управления, в котором повиновение не ожидалось по умолчанию, но являлось продуктом манипуляций “желаниями” подданного – стиль, который обеспечил теоретические основания для освобождения российского дворянства в 1762 г.»³⁴. Ряд имперских администраторов (в том числе фельдмаршал Б.-Х. Миних) выдвигают предложения об изменении чиновничества, связанные с необходимостью «анкуражировать» дворян, находящихся на службе, и обеспечить выдвижение тех, кто имеет «склонность» к службе. Добросовестное выполнение «должностей» (по крайней мере, военной и судейской) теперь оказалось связано не только с добродетелью, но и с определенными социальными качествами, прежде всего – с честолюбием, поощряемым конкуренцией, и с природной «склонностью».

Несмотря на то, что в среде административно-придворной и интеллектуальной элиты Российской империи практически никогда не вызы-

³³ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. С. 269.

³⁴ Feduykin I. «An Infinite Variety of Inclinations and Appetites». *Genie and Governance in Post-Petrine Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11. № 4. P. 761.

вал сомнения основополагающий тезис о том, что особый статус дворянства был условным (дворянский статус считался обусловленным службой дворян императору и общему благу), это не смогло остановить формирование в среде элит консенсуса в отношении априорного признания дворянской исключительности. Решающую роль в такой трансформации социального воображения сыграло возникновение представлений о том, что функции связаны с иерархией особых качеств. Это, в свою очередь, заставило пересмотреть подходы к наследованию, воспитанию и досугу.

Один из ключевых политических текстов второй половины XVIII в. – «Наказ» Екатерины II (1767) – в 15-й главе дает определение дворянства как «нарицания в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены». Однако такому определению предшествуют сугубо функционалистские характеристики земледельцев, которые «живут в селах и деревнях и обрабатывают землю», и мещан, «которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках». Из текста соответствующей главы «Наказа» видно, что и дворяне «упражняются» в военном деле и в правосудии; однако обе эти функции являются лишь средствами к получению отличия. Дворянство, таким образом, в большей степени *привилегия*, чем *функция*: «Как между людьми одни были добродетельнее других, а при том и заслугами отличались, то принято издревле отличить добродетельнейших и более других служащих людей, дав им сие нарицание в чести, и установлено, чтоб они пользовались разными преимуществами, основанными на сих выше сказанных начальных правилах»³⁵.

Получается, что мещане и земледельцы менее добродетельны, чем дворяне? Учитывая, что в другой главе «Наказа» торговля исключалась из числа занятий, пристойных дворянству, можно ли сказать, что занятие торговлей не способно привести человека к добродетели? Положительные ответы на эти вопросы предполагали использование иной, отличной от функционалистской, модели стратификации. В этой модели дворянский статус рассматривался как привилегия, даруемая наиболее добродетельным; на практике это означало, что место *иерархии функций*, где неравные по статусу страты одинаково добродетельно исполняют свои «должности» (земледелие, торговля, художества, война, суд, проповедь), занимает *иерархия качеств*, в которой добродетель представителей различных страт не является равной.

³⁵ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1904. С. 106.

Дворянство в данном случае – это не просто результат усилий по исполнению военной или судейской «должности». Это результат социального и исторического процесса: когда-то в прошлом некоторые члены общества благодаря своей отменной добродетели приобрели особые привилегии (на основании того «анкуражирования» и поощрения конкуренции, о котором пишет И. И. Федюкин), после чего их дети оказались в лучшем положении благодаря наличию традиции чести и материальному статусу, избавлявшему от работы и дававшему возможность учиться. В таком случае исполнение высших «должностей» зависело не только от персонального тщания, но и от исходного уровня подготовки. Априорно он был выше у дворян – отсюда и замыкание дворянского сословия, и превращение дворянства из страты воинов и судей в страту *профессиональных господ*. Е. Н. Марасинова справедливо подчеркивает *мотивационную* составляющую правительственных актов XVIII в., оформлявших дворянские привилегии³⁶.

Однако такой подход конфликтовал с функционалистским взглядом на социальную стратификацию. Разве не всякий солдат жертвует своей жизнью за отечество? Оспаривая 6-ю статью «Проекта правам благородных» в Уложенной комиссии, депутат от Белгородского дворянства И. Выродов подчеркивал, что любая доблесть должна быть награждена: «Не всякий ли солдат, из каких бы он чинов ни был, имеет по природной своей склонности любовь к отечеству, такожде и не всякий ли солдат, по определению в службу, ревность к службе, послушание и верность к государю имеет, по присяжной своей должности, но и не равно ль всякий положенную службу свою несет с прочими во всех обстоятельствах, а во время военное о освобождении государя и государства от опасности угрожаемой не всякий ли солдат пролитием своей крови и жизнь защищает, и во время ж приращения государственного блага может ли кто сам собою что присовокупить, – не всем ли обществом оное прибавляется?»³⁷ В таком случае «не всякий ли солдат будет иметь право просить о дворянстве, хотя бы он и чина какого не имел, ибо он во всех предписанных, ведущих до дворянской степени вообще находился и все оныя исполнил». Правда, указывая на то, что есть много «разного звания людей», которые «пронырствами» поднимаются в «чины», Выродов предлагал ввести пятидесятилетний срок выслуги и тем самым фактически замкнуть дворянскую страту.

³⁶ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII в. М., 2008. С. 229–251.

³⁷ Сб РИО. СПб., 1882. Т. 36.

Эта дилемма – назовем ее «дилеммой солдата» – оказалась актуальной и в других контекстах. Так, в проповеди, произнесенной 26 ноября 1769 г. в дворцовой церкви и посвященной учреждению ордена Святого Георгия, Платон восхвалял российское «воинство», сравнивая между собой разные «состояния» людей: «Всяк другаго состояния человек имеет в производстве дела своего особливый для себя предмет, собственную корысть и пользу. Земледелец взирает на богатую жатву, которую он имеет наслаждаться домашними своими; художник ободряет себя довольною платою за работу свою; купец размышляет о прибытках, кои подадут жизни его довольное и спокойное содержание; судия получает подобающее награждение, не лишаясь, однако, жизни, без которой и все награждение ни к чему бы не послужило. Подлинно, во всех сих делах заключает и общая польза, но так, что соединяется притом и собственная каждого»³⁸.

В отличие от всех этих членов общества, воину предстоит жертвовать жизнью, к чему его подвигает «не столько воображаемое награждение, сколь ревность к отечеству и общая польза». Особенно это верно по отношению к тем, «которых древность называла героями, то есть “полубогами” <...> которые опасностию жизней своих защитили жизни и самых тех, кои защищают наши жизни». Для того чтобы почтить этих героев из героев, и был мудростью Екатерины II учрежден орден Святого Георгия, «сильнейшее подкрепление охоты к высокой службе»³⁹.

Оперируя принятым среди церковных иерархов дискурсом о социальных категориях, Платон полностью проигнорировал сословный характер вновь учрежденного ордена. Согласно 3-й статье императорского статута ордена Святого Георгия (23 ноября 1769 г.), «ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны, не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливым каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы»⁴⁰. Однако при этом круг лиц, могущих получить орден, был ограничен генералитетом, штаб-офицерами и обер-офицерами: орден Святого Ге-

³⁸ Платон. Слово, говоренное при освящении знаков нового военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия // Полн. собр. соч. Платона, митрополита Московского. Кн. 2. С. 292–293.

³⁹ Там же. Платон отметил, что «воинство» «обещается сии знаки оставить своим детям в дражайшее наследие и в вечное имени Твоего прославление», тогда как статут ордена предписывал наследникам возвращать орденские знаки в Военную коллегию.

⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 18, № 13387. С. 1021.

оргия, таким образом, могли получить исключительно дворяне! Только в 1807 г. Александром I был учрежден «знак отличия Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия» – Георгиевский крест, предназначенный для рядовых солдат, матросов и унтер-офицеров.

Таким образом, императорский статут и придворная проповедь оперировали *разными* концептами социальной структуры. В статуте положение об ордене начиналась с упоминания «воинского чина», однако затем речь шла исключительно об «особливых заслугах Нашего Генералитета и прочих Офицеров». Однако Платон в своей проповеди ни разу не упоминал офицерство (как и дворянство), он говорил о воинах, помещая их в контекст более широкой социальной структуры, включавшей, кроме воинов, еще и земледельцев, художников, купцов и судей.

Кроме того, само понимание дворянских «должностей» расширялось – социологическое обоснование дворянской исключительности поддерживалось указаниями на статус дворян как землевладельцев. Поместья, которые тогда выступали в качестве поощрения за службу, теперь стали аргументом в пользу наследственного закрепления привилегий даже за теми дворянами, которые ничем себя на службе не проявили или и вовсе не служили.

В ходе дебатов о статусе дворянской «вольности» в Комиссии о вольности дворянской 1763 г.⁴¹ влиятельный сановник Н. И. Панин предложил новаторскую идею о том, что дворянская «экономия» (помещичье хозяйство), если дворянин лично ей руководит, тоже является видом службы⁴². Это мнение Панина, вошедшее в итоговый доклад Комиссии, предполагало следующий вывод: даже в поместье дворянин находится на службе и его «экономия», таким образом, не является его частным делом. Итак, управление поместьем – это тоже *служба*, равная тем трем видам социальных функций, о которых было сказано выше; дворянство – это не просто служилый «чин», но «чин» природных начальников, господ.

В ст. 5 заключительного доклада Комиссии, поданного Екатерине II в марте 1763 г., дворянское право не служить обосновывалось именно тем, что служба и поместная «экономия» образуют равновесную систему.

⁴¹ См. подробнее: *Омельченко О. А.* Императорское собрание 1763 года: (Комиссия о вольности дворянской) : Ист. очерк. Документы. М., 2001.

⁴² Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому. Сообщено А. Н. Куломзиним // Материалы для истории русского дворянства. СПб., 1885. Вып. 2. С. 36.

Следовательно, дворянин, находясь в поместье, «делает пользу государству земледелием и экономией своею». Чем больше службы, тем меньше «экономии»; государь может смещать баланс так, как ему подсказывает общее благо. Но, как отмечалось в докладе, уже в царствование Анны Иоанновны «повальное принуждение к службе дворян» перестало быть необходимым, поскольку войны с Польшей и Османской империей «отлучили вовсе хозяев от домостроительства и земледелие едва могло питать государство». Безудержное перемещение баланса в сторону службы привело бы к тому, что «ежели бы все до единого дворяне служить были принуждены, оставляя в домах престарелых и увечливых отцов или малолетних детей, то сколь бы ни плодородныя земли были в государстве – земледелие и вся внутренняя экономия пришли бы в крайнее всегда ослабление»⁴³.

Почему же личное присутствие дворянина в поместье мыслилось ключевым элементом укрепления «экономии»? Это можно понять, только если провести грань между наемным управляющим либо арендатором и помещиком-дворянином. В зависимости от того, кто руководит хозяйством, поместье функционирует по-разному. Дворянин – это сплав домостроевского господина, который «страхом» спасает домочадцев и слуг от Божьего гнева, и доблестного гражданина, чьи выдающиеся качества поддерживают «общее благо». Именно в этом смысле идея о том, что помещичья «экономия» может быть равна государственной службе, обретала свою силу. Привилегией, которая придавала значение личному присутствию дворянина в поместье, было право на владение деревнями; дворянин должен был управлять не участками земли (с этим справился бы и арендатор, купец, наемник!), но несознательными, темными крестьянами.

К этому выводу и приходила в своем докладе Комиссия 1763 г.: «Фабрики, заводы и всякое домостройство всегда у хозяина самого под глазами больше распространяется, нежели у поверенных его, которые, будучи крепостные люди, могут ли что знать, тем меньше изобретать нового и полезного в ремеслах, рукодельях, содержании законов и тому подобным»⁴⁴. Иными словами, между господином и слугой существует непреодолимая разница.

⁴³ Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому... С. 49–51.

⁴⁴ Там же. С. 50–51.

Доклад Комиссии задавал вестернизаторскую перспективу: в нем постоянно подчеркивалось, что Россия много заимствовала из Европы для того, чтобы войти в число великих европейских держав. Соответственно, российское дворянство уподоблялось привилегированным европейским дворянским корпорациям. С другой стороны, российский дворянин – это наилучший гражданин, ревностно служащий государю и Отечеству; равенство службы и «экономии» означало, что весь набор гражданских качеств применяется и в поместье, и дворянин, по сути, *все время находится на службе*. Недаром члены Комиссии подчеркнули: «Который дворянин незначителен сам в доме своем, то и в службе не может быть много полезен»⁴⁵. Уравнивание службы (т. е. военного дела и правосудия) и «экономии» стало возможным не только благодаря признанию обоих родов деятельности равно полезными для «общего блага», но и благодаря идее о том, что в основе обоих родов деятельности лежат сходные модели поведения, движимые присущей дворянам особой моралью и особой добродетелью. Подобно службе Отечеству, хозяйствование в поместье является упражнением в добродетели, а не просто экономическим функционированием⁴⁶.

Резюмируем: альтернативный взгляд на положение дворянства в социальной стратификации, окончательно сложившийся в 50–60-х гг. XVIII в., опирался на переоценку социальных функций дворян, которые из воинов и судей превратились в страгу профессиональных господ и начальников – будь то на военной либо гражданской службе или в собственном поместье. Исключительные привилегии дворянства вытекали из социального и исторического анализа, показывавшего, что именно дворяне в силу имущественного положения и воспитания лучше подготовлены к выполнению функции господ, поскольку наделены особой добродетелью, воспроизводимой наследственным путем. Дворянский статус теперь требовал не просто добросовестного исполнения функции воина, судьи или советника, но и соответствия особому моральному образцу; дворянин *всегда* находится на службе, даже когда пребывает в собственном поместье. Этот же тезис позволял обо-

⁴⁵ Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому... С. 50.

⁴⁶ Так, Д. Филд отмечает, правда, применительно к первой половине XIX в.: «Говоря о “дворянстве”, современники обычно подразумевали владельцев крестьян, игнорируя правовые границы сословия» (*Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge, 1976. P. 10*).

снова замыкание дворянской страты. Дворянское преимущество из условного стало безусловным, социологически априорным.

Ярким примером того, как эти новаторские представления о социальной стратификации распространялись среди дворянства, может служить анонимный документ, озаглавленный «Проект о учреждении порядков, следующих к правосудию» (1767)⁴⁷.

Базовой идеей «Проекта» было инкорпорирование вышедшего в отставку дворянства (не исключая даже и фельдмаршалов!) в систему земского управления. Выходящие в отставку с военной или гражданской службы дворяне являются естественным ресурсом для организации местного самоуправления. Предлагалось вести учет, «в которой губернии и провинции отставных дворян и всяких чинов живущих, и во время государственной надобности каких чинов потребно, не искав их незнанию тотчас наряд учинить возможно»⁴⁸. Автор неоднократно ссылался на «общую пользу» и особо отмечал, что отставной дворянин «яко сын отечеству должен общую пользу наблюдать и сохранять наивяще по чину своему».

К примеру, проект содержит ряд суровых инвектив в адрес купечества. Кроме того, автор проекта обосновывает необходимость преобразований ссылками на бедственное положение... крестьян! «Невозможно всех притеснений бедным крестьянам описать во время приезда их в город» – их обманывают на каждом шагу. Дворянский торговый суд защитит «бедного и несмысленного» крестьянина от купцов. Купцы же по своей природе не склонны к «доброй полиции» (т. е. благоустройству), потому что для них важнее всего барыши: «Хотя б они и со вредом были обществу, но им барыша приносит на копейку три полушки, то он уже всю полицию и добрыя учреждения на оные барыши променяет, а при том и то правда, что, не своровав и не обманя ближняго, таких барышей и получить неможно»⁴⁹. Высокая эффективность земского управления связана с его дворянским характером, поскольку именно дворяне – в отличие от купцов – способны трудиться на «общее благо» и защищать другие социальные группы (например, крестьян).

Важнейшим аргументом для автора «Проекта» выступает ссылка на дворянскую честь и искусство в «штатских делах». Механизмы че-

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1274 (Панины – Блудовы). Оп. 1. Д. 977 (Проект о учреждении порядков, следующих к правосудию).

⁴⁸ Там же. Л. 2–2 об.

⁴⁹ Там же. Л. 46.

сти, рационального интереса и искусства позволят дворянскому самоуправлению справиться с административными и судебными проблемами, раздирающими российскую провинцию. Правосудие будет быстрым, а ябедники и клеветники будут искоренены «честным обществом» вплоть до лишения чинов и ссылки. Наконец, комиссары и штатгальтеры смогут эффективно бороться с «воровскими партиями»: поддержка со стороны всех членов дворянского сообщества лишит разбойников пристанища – и уже «через три года разбойников и воровской партии быть не может»⁵⁰.

2.3. Функция против социологии

Однако новый взгляд на социальную иерархию и стратификацию вызвал дискуссию и имел как сторонников, так и противников, что и показали обсуждения в Уложенной комиссии 1767 г. Так, Г. А. Полетика, возражая против предоставления преимуществ служившим дворянам перед неслужившими, вполне в духе приведенного выше мнения Н. И. Панина о характер дворянской «экономии» отмечал: «Я всякого дворянина почитаю за служащего своему отечеству тем, что он дает из своего имени надлежащую часть для нужд отечества»⁵¹. Полетика указывал на то, что различие в «титулах и гербах и преимуществах разных чинов в монархическом правлении нужно», это доказывают все «благоустроенные монархии». Равенство может быть полезно только в республиках, да и то в Римской, Генуэзской, Венецианской республиках существовала аристократия. При этом Полетика предлагал сохранить принципы выслуги Табели о рангах, указывая на то, что получение дворянства «через чины офицерские» соответствует традиции, ибо «до учреждения регулярной службы звание дворянское было чин <...> люди вольные, отметившие себя пред прочими в службе, жалованы были в боярские дети, боярские дети происходили в дворяне городовые, городовые дворяне в жильцы, и так далее, даже до боярского, яко главнейшего, чина, и верстаны были различными по чинам своим поместными и денежными окладами»⁵².

Проблема функционализма ярко проявилась при обсуждении депутатами Уложенной комиссии «Проекта правам благородных». Депу-

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 977. Л. 22–22 об.

⁵¹ Сб РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 354.

⁵² Там же. С. 347.

тат от лифляндского дворянства Эстенского дистрикта Г. Левенвольд отмечал: «Хотя упомянутые в 7 пункте добродетели, чрез которые заслуживается дворянство, купно заключают в себе и должности всякаго согражданина, которыя если он умышленно нарушит или пренебрежет, то непременно подвергает себя наказанию, следовательно, кажется, что они никакого не заслуживают награждения; однако же справедливо и обществу самому не бесполезно, для большаго одобрения всякаго согражданина, ко исполнению добродетелей и должностей, тех дворянством и степенями онаго наипаче награждать, которые преимущественно пред другими, себе подобными, добродетель и заслуги свои оказывают и чрез то особливо достойными членами общества делаются»⁵³. Об этом же в сходных выражениях говорит и И.-Д. Ренненкампф, депутат эстляндского дворянства Вирского крейса: каждый гражданин должен служить государству «добровольно, без принуждения, охотою, ревностию и довольствием», однако нужно для сохранения духа конкуренции вознаграждать тех, кто оказал наиболее выдающиеся услуги Отечеству. В конечном счете государство должно «изящныя добродетели, заслуги и оказанныя службы наградить не одним только почтительным наименованием, но и чрез такая сущия преимущества и выгоды, кои получивших оныя особ тем более от других отличают, чем государственное правление без помощи таковых избранных, достойных и полезных граждан обойтись не может, яко же государство без оных, по сходственному с общею пользою намерению, порядочно управляемо не будет»⁵⁴. Итак, дворянство – это не только «нарицание», но и привилегии. Привилегии дворянства не вредят общему благу, поскольку соблюдается нужное равенство: каждый гражданин может достичь дворянства. Да к тому же наследственное преимущество дворянства не является предосудительным, так как оно «предоставляет всегда государству людей, воспитанных сходственно с их родом, чином и должностями, следовательно, с юношества обученных и привыкших к добродетелям и благопристойным поступкам». Чем больше различий, тем больше «поревнования», чему примером служат воинские звания. Иначе «в службе государственной не иные, как весьма мало искусные употреблялись, следовательно, она и не с пользою воспоследовала бы». По мнению Ренненкампфа, Табель о рангах следует вовсе отменить, поскольку

⁵³ Сб РИО. Т. 36. С. 361.

⁵⁴ Там же. С. 374.

ку по ней достигают дворянства те, у кого нет «маетностей» и «имения», нужного, чтобы воспитывать детей «по приличеству их чина»⁵⁵.

Представители других социальных групп критиковали дворянскую исключительность на основаниях социального функционализма, предполагавшего отказ от социологической априорности. Депутат от Тамбовской провинции однодворец В. С. Веденеев оспаривал право дворян не подвергаться телесным наказаниям. Нужно войти в «естественное положение» согласно закону Божьему: «Всякому же, ему же дано будет много, много взыщется от него». Ничто не мешает дворянину подвергнуться наказанию: «...кажется, он сам себе оное волею получает, от несохранения ж закона и благородство теряет. Ведь по власти Божией от государя человеку дается благородство не с тем, чтоб насилие и мучительство оказывать, но чтоб ему быть ко всем своим врученным благоприветливу, непамятозлобну и милостиву». Например, дворянин, обнадеженный отсутствием наказания, может убить человека – «не возопиет ли убитаго неповинность проливаемой крови ко Господу»? В заключение Веденеев ссылался на Кормчую⁵⁶.

В свою очередь, Е. Борзов, купец, депутат от города Опочки, продемонстрировал вполне функционалистское понимание добродетели как свойства, присущего всем социальным стратам: «Добродетель и заслуга возводящая людей, по словам Наказа, на степень дворянства, суть по всем естественным правам всегда равной чести достойны, хотя бы оне благороднаго, хотя простаго человека украшали, что добродетель не есть наследственная вещь, ибо всегдашние примеры уверяют нас, что и между благородными по природе бывают изверги, и между простонародными – добродетельные, возстановляющие в себе новую дворянскую фамилию. Итак, ту же добродетель и те же заслуги если больше почитать в одном каком бы то ни было лице, нежели в другом, есть весьма несправедливое лицепрятие». Дворянство же не может считать обидой подобное «распространение привилегий» на «заслуженных и добродетельных людей», поскольку дворяне сохраняют все возможности для службы, а «для государственнаго благоденствия никакое размножение таких добродетельных и ревностных к отечеству людей не может быть ни тягостно, ни излишне». А вот отказ от продвижения способен породить среди дворян опасную «надменность» и «недоброхотство» между родами подданных.

⁵⁵ Сб РИО. Т. 36. С. 378.

⁵⁶ Там же. С. 305–306.

Депутат от города Дерпта Я. Урсинус сделал примечание к 21-й статье «Проекта правам благородных», где критиковал исключительное право дворян покупать деревни: «Понеже домостроительство, яко основание всеобщаго благосостояния, необходимо требует столько искусства и прилежности, сколько всякая служба и все прочия упражнения, а почти все крестьянство и все земское хозяйство в государстве состоит во власти приказчиков, кои, упражняясь единственно в сборе доходов, о поправлении домостроительства никогда не помышляют, то закон сей, по которому таким людям, кои с младых лет обучались домостроительству и о приращении онаго усердствуют, не дозволено купить вотчины, по той причине, что они не из дворянства – должен почесться за запрещение, по которому достойные люди не имеют быть допущены к службе отечества, буде они не дворяне»⁵⁷.

Наконец, депутат Сибирских линий от казаков Ф. Анцыферов и во все оспорил базовую привилегию дворянства – вольность. По мнению Анцыферова, никто не свободен, кроме государя, и «благородные или высокопочтенные дворяне не только одному государю, яко предержавшей и Богом установленной власти, но и Его Величества царским законам и прочим судебным правительствам, во всех зависящих от службы и должностей их в государстве делах, равно как и все верноподданные рабы, ответ дать повинны»⁵⁸.

Не менее показателен и протест, который заявил Синод по поводу выдвинутого членами соответствующей комиссии предложения отнести белое духовенство к «среднему роду» людей. В особом «Разсуждении» члены Синода поясняли: нельзя отделить «низшее» (белое) духовенство от «высшего», в целом же духовенство следует делить на «правительствующих» и «правительствуемых», образующих единую группу. Духовенство не следует относить к «среднему роду», но считать «...в особливом роде; а в каком, в сравнении других родов, степени, – сие единственно зависит от милосердой воли Ея императорскаго величества... ибо все духовные по званию своему суть пастыри и учителя всякаго рода людей. И потому должны они пользоваться особливым почтением и уважением к их сану от мирян всякаго рода». Ведь и в «Наказе» в число «среднего рода» духовенство не отнесено; пусть некоторые духовные, обитающие в городах, и могут – наряду с дворянами – «заключаться» в числе мещан, но большинство духовных на-

⁵⁷ Сб РИО. Т. 36. С. 319.

⁵⁸ Там же. С. 301.

ходится в селах и в полках. В дополнение Синод ссылался на то, что малороссийское духовенство «особливыми пользуются правами и выгодами» и «считаются в равенстве с светскими чиновными шляхетного чина людьми»⁵⁹.

Несмотря на то, что в конечном счете социологический взгляд возобладал и дворянская исключительность была закреплена на законодательном уровне, противостояние сохранялось. Примером тому служит знаменитый фрагмент из «Женитьбы» Н. В. Гоголя (1833), где невеста, дочь купца Агафья Тихоновна, обсуждает со своей теткой Ариной Пантелеймоновной преимущества и недостатки потенциальных женихов с точки зрения их социального статуса. Дискуссия сводится к спору о том, кто лучше – купец или дворянин; тетка настаивает на том, что жених-купец предпочтительней, апеллируя, кроме прочего, к мнению покойного отца Агафьи Тихоновны: «Эй, Агафья Тихоновна, а ведь не то бы ты сказала, как бы покойник-то Тихон, твой батюшка, Пантелеймонович был жив. Бывало, как ударит всей пятерней по столу да вскрикнет: “Плевать я, говорит, на того, который стыдится быть купцом; да не выдам же, говорит, дочь за полковника. Пусть их делают другие! А и сына, говорит, не отдам на службу. Что, говорит, разве купец не служит государю так же, как и всякий другой?” Да всей пятерней-то по столу и хватит»⁶⁰.

Кроме того, большим вызовом формированию единой категории дворянства – будь она определена по функции или по качеству – оставались дробные идентичности на местах. Коллективной идентичности единой дворянской страты, пропагандировавшейся административной (законо-

⁵⁹ Сб РИО. Т. 36. С. 187. Комиссия в ответ на это разъяснила, что белое духовенство «сожитием своим плотским в правы мирския входит» и поэтому подвержено светским законам; черное же, правительствующее духовенство подлежит церковному праву. Будучи «учителями народными», духовные лица рассматривались Комиссией «в одном роде с учеными». Таким образом, Комиссия выдвигала против обвинений Синода концептуальное различие между чином и родом: по своему «изящному чину» белое духовенство относится к священнослужителям «яко к чину служения, имеющему свои степени» и, соответственно, подвержено церковному праву; но «что касается до рода, то, яко граждане, имеющие мирское сожитие и пользующиеся всеми выгодами мирян, и не могут иначе, как в средний род быть вмещены» (С. 189). С. В. Польской, говоря об отсутствии статей о духовенстве в проектах Уложения рубежа 1750–1760-х гг., резюмирует: «Вероятно, это было связано с его особым статусом в государстве и наличием церковного права, а не столько с отрицанием его как чина» (Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 51, № 2/3. С. 14).

⁶⁰ Гоголь Н. В. Женитьба // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М. ; Л., 1949. С. 20.

дательство) и интеллектуальной (публицистика) элитами, противостояла фрагментированная идентичность локальных дворянских групп. Об этом свидетельствуют дворянские наказания депутатам Уложенной комиссии.

Большинство дворянских наказов депутатам оставались в рамках традиционных представлений, они содержали жалобы на тяготы жизни и просьбы сохранить за дворянством его привилегии, практически всегда – экономические, теснейшим образом связанные с экономическим характером конкретной местности. Часто обращения к государыне сопровождались жалобами на общее неустройство и собственное ничтожество дворян, уповавших только на заботу своей государыни. Например, составители наказа рыльского дворянства сокрушались, словно бы ощущая собственное несоответствие тому образу, который усердно транслировался столичными элитами: «Да и то, что мы вообще не так время свое проводим, как-бы пристало, правосудие своего действия не имеет, малопоместное дворянство от великопоместных утесняется, подлородные, происком обогатясь, купя деревни, смешались с старым дворянством, – словом сказать, что не так живем, как благородному дворянству прилично»⁶¹.

Требования смертной казни и жестоких телесных наказаний, жалобы на «судебную волокиту» и «ябеды», учреждение школ, армейские постой и, конечно, винокурная привилегия – именно эти проблемы в подавляющем большинстве случаев волновали составителей дворянских наказов. Сошлемся на выводы В. М. Никоновой, проведенной контент-анализ дворянских требований: «Ведущее место в требованиях дворян принадлежало вопросам, связанным с реорганизацией суда и судопроизводства и с укреплением всей системы местного управления <...> В комплекс требований, объединенных данной категорией, входят: пресечение крестьянских побегов и разбоев, проблемы наследственных прав и Вотчинной коллегии, связанные с совершенствованием законодательства о наследовании»⁶². Провинциальное дворянство было в наибольшей степени озабочено повышением качества работы судебно-административного аппарата, а не переосмыслением своего статуса в системе империи – переосмыслением, которое неизбежно влекло за собой новые обязанности дворян в дополнение к тем проблемам, на которые жаловались составители дворянских наказов.

⁶¹ Сб РИО. СПб., 1889. Т. 68. С. 621.

⁶² Никонова В. М. Требования дворян и проект «Прав благородных» в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 12.

В свою очередь, среди дворянской элиты распространялось представление о том, что выдающихся дворянских добродетелей хватит для того, чтобы виртуозно выполнять практически любую «должность» в обществе. Дворяне уже монополизировали «должности» воинов и судей, а также призваны были руководить земледельцами. На очереди оказались купцы, что привело к знаменитому дебату о «торгующем дворянстве»⁶³.

Д. Рансел отмечает, что «вестернизированная бюрократическая элита» Российской империи «...была заинтересована в общем развитии экономики и не хотела, чтобы это развитие сдерживали особые концессии, способные ослабить сложившиеся коммерческие группы. Идея заключалась в том, чтобы дать всем способным и предприимчивым возможность развивать производительную способность (capacity) страны»⁶⁴. Представляется, что Рансел здесь не прав именно из-за недооценки того, каким образом представители дворянской элиты в своих взглядах на социальное устройство страны ставили знак равенства между «способностями» и «предприимчивостью», с одной стороны, и дворянским статусом – с другой.

Вместе с тем интеллектуальная элита оставалась в рамках консенсуса о том, что качества и статус не всегда совпадают, и в случае такого несовпадения приоритет остается за качествами, а не за правом. Так, Д. И. Фонвизин в «Опыте российского сословника» писал: «Человек бывает низок состоянием, а подл душою. В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек. Слово низкость принадлежит к состоянию, а подлость к поведению, ибо нет состояния подлого, кроме бездельников. В низкое состояние приходит человек иногда поневоле, а подлым становится всегда добровольно. Презрение знатного подлеца к добрым людям низкого состояния есть зрелище, унижающее человечество»⁶⁵. Литература XVIII в. – начиная, конечно же, с хрестоматийного фонвизинского «Недоросля» – изобилует образами «злонравных» дворян, которые не соответствуют по моральным качествам своему формальному, обязывающему статусу. Существование подобных «злонравных» дворян было очевидным вызовом тому взгляду на социальную структуру,

⁶³ См. детальный анализ этого сюжета: Гриффитс Д., Камендровский В. Дебаты о «торгующем дворянстве» в России: глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир : статьи разных лет. М., 2013. С. 151–189.

⁶⁴ Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven ; London, 1975. P. 189.

⁶⁵ Фонвизин Д. И. Опыт Российского сословника // Фонвизин Д. И. Собр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1959. Т. 1. С. 226–227.

о которой мы говорим; с другой стороны, предполагалось, что под воздействием общественного презрения такие «злодеи», благодаря особому коллективному этосу дворянства, исправятся.

В «Недоросле» положительный персонаж Правдин прибывает для того, чтобы изъять имение Простаковых и наказать их за безнравственность. Однако Правдин вовсе не является «правительственным чиновником» (такое определение, до сих пор кочующее по разного рода справочникам и школьным сочинениям, почерпнуто, возможно, из разбора «Недоросля» В. О. Ключевским, который безапелляционно – и ошибочно! – назвал Правдина «чиновником»⁶⁶); Правдин – это дворянин того же уезда, что и Простаковы, участвующий в созданном реформами Екатерины II дворянском самоуправлении. Его появление – это не вмешательство «сильной руки» государства, а вразумление добродетельными дворянами тех членов корпорации, которые не выказывают соответствующих качеств. Финальное изъятие имений Простаковой в опеку – это и есть демонстрация того, как партнерство дворянской корпорации и монаршей власти (представленной упоминаемым несколько раз «наместником») карает «злонравных» представителей дворянства. «Вот злонравия достойные плоды!» – восклицает Стародум в финале пьесы, и относится эта фраза не только к отношениям между Митрофаном и Простаковой, но, пожалуй, и к «злонравным» дворянам *вообще*.

Аналогичную мысль выражал А. П. Сумароков в сатире «О благородстве» (1771)⁶⁷:

Какое барина различье с мужиком?
И тот, и тот – земли одушевленный ком.
А если не ясны ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.

Г. П. Макогоненко усматривал различие между «крепостническим» подходом Сумарокова и «демократичным» подходом Фонвизина⁶⁸. Однако признание равенства людей от рождения и необходимости особой

⁶⁶ Говоря о Простаковых, Ключевский замечал, что «автор взял их на время для показа изпод полицейского надзора, куда и поспешил возратить их в конце пьесы при содействии чиновника Правдина, который и принял их в казенную опеку с их деревнями» (*Ключевский В. О. «Недоросль» Фонвизина: (Опыт исторического объяснения учебной пьесы) // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. 9 : Материалы разных лет. М., 1990. С. 62).*

⁶⁷ *Сумароков А. П. О благородстве // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 189.*

⁶⁸ *Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество Д. И. Фонвизина // Фонвизин Д. И. Соб. соч. : в 2 т. Т. 1. С. XLIV.*

образованности дворян было общим местом публицистики второй половины XVIII в., вполне созвучной церковной проповеди. Например, анонимный автор стихотворения «Плод воспитания и вояжа Г***, им самим написанный», напечатанного в журнале «Ни то ни сию», насмеялся над необразованным дворянином:

На свет сей всех равно изводит нас природа
Нагими как дворян, людей так средня рода.
Так, думаю, и я родился наг на свет,
И не было на мне сорочки и манжет,
В которую меня уж после нарядили,
И от простых детей нарядом отделили⁶⁹.

Далее в стихотворении описывался глупый дворянин, не получивший хорошего образования и путающий все на свете.

В конечном счете Жалованная грамота 1785 г. фиксировала выдающиеся качества россиян, среди которых подчиненные вдохновляются примером начальников «на деяния, хвалу, честь и славу за собою влекущая». Кто такие «начальники»? «Начальников и предводителей таких Россия чрез течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощью божиею и пребудет вечно российскому дворянству отличать качествами, блистающими к начальству». Дальше речь заходит о дворянском усердии и адекватной награде в виде деревень и знаков отличия. Однако исходная посылка грамоты все же – наличие у «благородных» особых качеств. Именно поэтому дворянские «обязательства утверждались за неустойку единым стыдом, ибо стыд и поношение благородным и честь любящим душам представлялись наитягостнейшим наказанием; хвала же и отличность – лучшую наградою». Итак, дворянство – это «честь любящие души», и именно это отличает их от других социальных страт: функция дворян не равна функциям других сословий, поскольку заключается в *управлении*, требующем особых качеств.

Ярким примером может служить творчество М. Н. Муравьева, поэта и публициста, преподававшего риторiku и историю великим князьям Александру и Константину Павловичам по приглашению Екатери-

⁶⁹ Ни то ни сию в прозе и стихах, ежесубботное издание 1769 года. Объявление цены. Всяк, кто пожалует без денежки алтын, тому ни То ни Сию дадут листок один. СПб., 1769. С. 81.

ны II. В заметке «Забавы воображения»⁷⁰ (1796) М. Н. Муравьев пишет: «Человек, состояния низкого и полезного, посвящает необходимо труду все мгновения жизни своей». Напротив, «особы высших состояний общества окружены с младенчества изобилием, не состоят под необходимостью механической работы». Дело в том, что «тщательнейшее воспитание» готовит представителей высших страт «к попечениям другого рода, которые требуют безпрестанного упражнения способностей разума и часто крайних усилий духа. Определены к защищению и управлению отечества, они ищут знаменитости в трудах военной жизни или в советах градоначалия»⁷¹.

Аристократы нуждаются в «предписаниях вежливости и необходимости нравиться», поскольку постоянно конкурируют друг с другом в отличиях и стиле. Муравьев ясно показывает, кого он имеет в виду – дворянскую элиту: «Владельцы пространных маетностей, которые дошли до них наследством, они не ограничиваются *необходимым*: они безпрестанно заняты употреблением *излишняго*». Просвещение и воспитание спасает представителей высших страт от мучений безделья и праздности. Таким образом, «знания, искусства, дарования суть верные и необходимые признаки благородного состояния». Упражнение в добродетели сопряжено с культивированием вежливой манеры обхождения, вкуса, который «приготовляет нам в обществе сей ободряющий и благосклонный прием, который делает исполнение добродетелей столь легким и всякое оскорбление их невозможным»⁷².

Муравьев здесь отсылает читателя к прелестям чтения и связанного с ними развития воображения и памяти. Некоторые пытаются занять себя беспрестанной суетой, но память таких есть «гладкая дека, на которой не вырезались никакие напечатления». Культивирование чтения дает «наслаждение чистое, одному разуму свойственное», способность адекватно воспринимать поэзию, драму. Художества и искусства, дарующие наслаждение образованному, просвещенному человеку, расцветают под покровительством патронов: это архитектура, живопись, стихотворения, сохраняющие «потомству черты патриотов и героев». Муравьев приходит к заключению: «Тот, который восхищается красотами поэмы или расположением картины, не в состоянии полагать благополучия своего в нещастии других, в шумных сборищах беспутства, или в искании коры-

⁷⁰ Вошла в сборник текстов Муравьева «Опыты истории, письмен и нравоучения».

⁷¹ Муравьев М. Н. Опыты истории, письмен и нравоучения. СПб., 1796. С. 110–111.

⁷² Там же. С. 111.

сти»⁷³. Изящество, вкус, досуг формируют особые качества дворян, нужные им для исполнения их особо сложных социальных функций.

2.4. Эгалитаристский подход: добродетель против иерархии?

Наконец, еще одним следствием дискурса о добродетели стал, как ни странно, пересмотр иерархической стратификации. Он опирался на развивавшуюся в русле христианской этики концепцию внутренней свободы. Если люди рождаются равными, то неважно, как они различаются в обществе; важно, насколько добродетельную жизнь они ведут. В отличие, однако, от характерного для церковной элиты функционалистского взгляда на социальную структуру, связывавшего добродетель с усердным исполнением социальных «должностей», этот дискурс в большей степени подчеркивал равенство людей на компенсаторной основе. Иными словами, люди равны не потому, что усердное исполнение «обязанностей» в своей страте открывает путь к добродетели, но потому, что каждый может в равной мере культивировать одну и ту же этическую добродетель, а «состояния» равны потому, что плюсы каждого из них компенсируются минусами. В конечном счете судьба человека зависит не от его добросовестного исполнения «должности» и не от социально-исторически обусловленной добродетели, присущей высшей (дворянской) страте, но от каприза Фортуны; образ колеса Фортуны, символизирующего взлет и падение, становится здесь частым элементом. Особенностью такого взгляда было игнорирование чинов и заслуг как проявлений суетного мира, комбинация христианских идей со стоицизмом и неоплатонизмом, с идеями Сенеки и Боэция⁷⁴. Развитие подобных элементов в дворянской культурной среде прослежено в работе Е. Н. Марасиновой применительно к политической системе российского абсолютизма, однако не меньшее значение имели эти элементы для формирования эгалитаристской перспективы в отечественной социальной мысли и последующей радикальной ревизии взглядов на социальную стратификацию. Марасинова описывает эту ревизию как столкновение между официально поощряемой системой ценностей «ревностного подданного» и «новых альтернативных предпочтений», реконструируемых на основании анализа эпистолярного наследия

⁷³ Муравьев М. Н. Опыты истории, письмен и нравоучения... С. 118–119.

⁷⁴ Сенека относился к числу популярных авторов XVIII в. и часто переводился на русский язык.

представителей дворянской элиты последней трети XVIII в. Истощенные перипетиями службы, постоянно сталкивающиеся с несоответствием деклараций реальному положению дел – словом, с оборотной стороной того «анкуражирования», о котором речь шла выше, – представители дворянства «неизбежно должны были определить свою позицию, свой стиль поведения, выработать средства психологической защиты». Таким образом, «цинизму прямых вассалов императора противопоставляются качественное иные человеческие связи, которые не рассматривались как средство достижения конъюнктурных целей»⁷⁵. Разочарование в ценностях службы влекло к иным родам деятельности: к «замкнутому миру дворянской усадьбы», «духовным исканиям», благотворительности. В итоге «доминирующее в личных источниках дворянского происхождения последней трети XVIII в. значение термина “честь” было лишено сословного и фамильного гонора и отождествлялось с категориями “совесть” и “благородство”, означающими не принадлежность к господствующему классу, а нравственное достоинство личности»⁷⁶. По нашему мнению, одним из следствий подобных психологических трансформаций (проследить которые можно не только по источникам личного происхождения, не только по эпистолярию!) стала ревизия взглядов на социальную структуру.

Так, А. В. Олешев, предводитель Вологодского дворянства, член Вольного экономического общества, публицист и переводчик, посвятил свой компилятивный перевод (фрагменты текстов европейских теологов И. Шпальдинга и П. Дюмулена, дополненные собственными рассуждениями переводчика) под названием «Начертание благоденственной жизни»⁷⁷ (1784) «Вологодской провинции почтенному дворянству». В предисловии к переводу Олешев, стараясь мотивировать сограждан-дворян к «истинной добродетели», перечислял «должности», которые следует отправлять дворянам-помещикам: «Блаженные поселяне! не оскорблю ли я вас одним напоминанием, о той святой должности, которою мы обязаны Богу, своему монарху, себе и ближним? из оных первая ведет нас правым путем к познанию всеильного создателя мира. По ней следующая, показывает нам прямую необходимость повиноваться Государю, за-

⁷⁵ Марасинова Е. Н. Власть и личность... С. 339.

⁷⁶ Там же. С. 407.

⁷⁷ Начертание благоденственной жизни, состоящее: (1) в размышлении г. Шпалдинга, об определении человека (2) в мыслях г. дю Мулина, о спокойствии духа и удовольствии сердца и (3) в пятидесяти статьях, нравоучительных разсуждений. Перевел вологодский помещик, а статьи и приписание сочинил статский действительный советник и Санктпетербургскаго Вольнаго экономического общества член, Алексей Олешев. СПб., 1774.

щитителю нашего имени, здоровья и спокойствия: но что я говорю! еще и спасителю самой нашей жизни; две же последние составляют одинакое правило, ибо, любя прямо себя, кажется мне безбожно ненавидеть ближнего. Скажите же мне теперь, когда мы представим себе в пример добродетельного человека, исполняющего вышеобъясненные законы, и не жаждущего себе присвоить чужаго незаконно имени, то кто и какое бы новое к неудовольствию своему сыскал возражение?»⁷⁸ Олешев заключал: «Упражняясь в сельском земледелии и домостроительстве, для чего бы дней наших не проводить спокойно, а при том и по уставленному от нас самих порядку». Итак, упоминания о государе и Отечестве у Олешева теперь связывались только с «повиновением», но не со службой (сам Олешев служил и по военной, и по гражданской линии); вместо службы Олешев выдвигает «добродетель» и «домостроительство».

Подобный взгляд на «добродетель» дворянина нес в себе и эгалитаристские тенденции, способные существенно повлиять на восприятие дворянскими элитами социальной структуры: отсутствие перспективы службы могло привести к снижению сознательности и в конечном счете уравнивать господина со слугой. Недаром в стихотворении «Обращение к человеку» тот же Олешев сетовал на «коловратность» человеческого бытия – что, впрочем, было широко распространено в поэзии второй половины XVIII в.:

Когда на тление я смертного взираю
И чудный оного состав воображаю,
Колико бренный прах, колико груба смесь
Одели гордый дух и сколь он странен весь,
Волнуют страсти в нем едина со другою,
И каждая творит его себе слугою:
В подобие стихий ведут с собою брань,
И человек дает свое им сердце в дань.
О бедный: что начать? – и сам не понимает,
Одним позорищем презрения бывает.
Вчерась высок и горд – севодни низок, мал,
Недавно Крезом был, а ныне Иром стал.
Вчерась он меч вонзил и пролил кровь слабейших,
Сегодня жертвой сам соделался сильнейших.
Кто обращается с людьми по всякий день,
Зрит счастья во всем переменную степень⁷⁹.

⁷⁸ Олешев А. В. Вологодской провинции, почтенному дворянству, всеусердное приношение [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10995/28220>

⁷⁹ Олешев А. В. Обращение к человеку // Слово о Вологодском крае: За тремя волоками. Вологда, 2003.

Олешев отсылает читателя к классическому для европейской традиции сюжету⁸⁰ – противопоставлению лидийского царя-богача Креза и несчастного нищего Ира, гомеровского персонажа, чье имя стало нарицательным для обозначения бедняка; Ир считал Креза счастливейшим из людей, однако, когда Крез был разбит персами и попал в плен, он, в свою очередь, позавидовал счастью свободного Ира (словарь Даля фиксирует поговорку «Ир Крезу не товарищ» как эквивалент поговорки «Кто богат, тот мне и брат»).

В декабрьских номерах журнала «Лекарство от скуки и забот» за 1786 г. (№ 24–25), издававшегося Ф. О. Туманским, было помещено анонимное стихотворение «Письмо о равенстве состояний человеческих»⁸¹, где автор настаивал:

Все состояния людския суть равны;
 Но людям свойства лишь различны даны.
 Нещастлив чем один, другой того желает,
 Безумный где падет, там мудрый возрастает.
 Желанья разныя на свете нас влекут;
 Но щастье пристань есть, к которой все текут.

Автор «Письма» настаивал на том, что «премудро естество» даровало «частицу благ» каждому человеку, вне зависимости от социального статуса: «Чины и мелкие утех не лишены». Следовательно, «щастье» и «благополучие» на зависят друг от друга: Провидение равно печется обо всех людях, каждый из которых может стать счастливым благодаря мудрости и смирению:

Почто же нам роптать? подвергнемся судьбам,
 Самим Создателем определенным нам.
 Творец поставя нас под разные законы,
 Всем может щастье дать, хотя не всем Короны.

⁸⁰ Использувавшемуся, например, в «Скорбных элегиях» Овидия: «Знай, своевольна судьба: то даст, то отнимет богатство / Иром становится вмиг тот, кто поныне был Крез» (*Овидий. Элегия 7*).

⁸¹ Письмо о равенстве состояний человеческих // *Лекарство от скуки и забот* : еженед. изд. Ч. 1 от 1 июля 1786 по янв. 1787 г., содержит двадцать пять номеров. СПб., 1786. С. 249–255; 259–261. Автор, по-видимому – россиянин (об этом говорят подчеркнута «русские» имена крестьян, противопоставленных в тексте как идиллическим пастушкам из эклога, так и разращенным жителям городов из высших страт).

Вещают, будто бы Пандорин здесь сундук
Меж нами разность ввел и все испортил вдруг;
Что будто до того мы равными все были;
И ныне мы равны, но только то забыли.
Богатство, ложна честь и прочим тьма страстей,
Блаженству нашему толико есть сетей!
Всем одинакия иметь ко щастью правы,
Вот смертных равенства суть истинны уставы.

Автор «Письма» сравнивает «грубых жителей прекраснейших долин» с горожанами. Это вовсе не идиллические пастушки из эклог, которые только «рыдают и грустят играючи в свирель». Нет: посреди морозов и жары ни Петруха, ни Мирон (оба имени, очевидно, должны указывать на аутентичность персонажей российскому контексту, в противовес персонажам эклог, на принадлежность к реальному российскому крестьянству) не унывают и не жалуются на судьбу:

Спокойство, сладкий сон, здоровье, крепость, сила,
Плоды, которыми их бедность наградила.

Петруха и Мирон противопоставлены городскому ловеласу Дамису, занимающему, очевидно, более высокое место в социальной иерархии. Дамис дарит красавицам дорогие подарки, однако «являет пламень свой, лишь только в песнях видим» (здесь автор более чем прозрачно намекает на импотенцию). Мирон же пленяет свою избранницу без всяких подарков. Животные не жалуются на существование других «родов», заключает автор:

Какая ж нужда мне в утехах днесь моих
Еще утех желать и быть хотеть блаженней?
Утехи лучше ль те, которы драгоценней?

Последний аргумент, который автор адресует себе от лица своих критиков, – вопрос о том, можно ли считать счастливым нищего, просящего милостыню на улице; очевидно, в данном случае нищие фигурируют как самый низший слой социальной структуры. Нищего, конечно, счастливым считать невозможно, однако автор добавляет:

Все состояния свои беды имеют;
 И вихри пагубны повсюду бурей веют. <...>
 Достойный часто благ не видит ни откуда;
 Нещастие везде и щастие повсюду.

Стихотворение завершается обращением к тому же сюжету о Крезе и Ире, который мы упоминали выше в связи с творчеством Олешева.

Итак, «Письмо о равенстве человеческих состояний» фиксирует одновременно два альтернативных аргумента о равенстве, утверждающих возможность преодоления форм социальной стратификации: принципиальное равенство, основанное на компенсаторном принципе (разные страты наделены возможностями, которые компенсируют невыгоды их положения, например – по мнению автора «Письма» – сексуальное здоровье компенсирует бедность крестьян), и равенство людей перед судьбой, способной обратить любого Креза в Ира.

Об этом же говорит и А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Едрово»). Здесь речь идет о встрече путешественника с крестьянками, моющими белье: «Все они были в праздничной одежде, шеи голыя, ноги босыя, локти наруже, платье, заткнутое спереди за пояс, рубахи белыя, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, заглубевшия хотя, от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости; красота юности в полном блеске, в устах улыбка, или смех сердечной; а от него виден становился ряд зубов, белее чистейшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда любезныя наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них как их содержать в чистоте. Зубнаго врача у них нет. Несдирают они каждой день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками. Станьте, с которою из них вы хотите, рот со ртом; дыхание ни одной из них незаризит вашего легкаго. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало... болезни... боюсь сказать какой; хотя незакраснеетесь, но расердитесь. – Разве я говорю неправду?»⁸² Развращенные жители городов, дворяне, представители элиты погрязли в супружеской неверности, страдают от венерических болезней, болезненны и хилы из-за слабого телосложения – результата изнеженного образа жизни и следования моде.

Подведем итоги: эгалитаристская перспектива в российской общественной мысли отвергала социально обусловленное превосходство

⁸² Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 303–304.

в знаниях и качествах, характерное для идеологии дворянской исключительности. Она была ближе к функционалистскому подходу с его приверженностью социальной стабильности, терпению и старательному исполнению «должностей», однако отличалась вниманием к тематике и образности Фортуны – «коловоращение» вместо усердия и воздаяния. Добродетель вовсе не зависит от социального положения – такой вывод можно было сделать из рассуждений о переменчивой Фортуне и радостях, доступных исключительно в «низком состоянии», исключительно простым людям, здоровым, сильным и веселым. И этот взгляд на социальную иерархию (вернее сказать – взгляд, отрицавший социальную иерархию в традиционном смысле) оказал громадное влияние на культуру российской интеллигенции XIX столетия.

Три основные манеры российских элит XVIII в. говорить о социальной структуре, которые мы рассмотрели выше, не являются законченными конкурирующими моделями – в большинстве случаев на практике реализовывались комбинации, включавшие идеи и концепты, характерные сразу для нескольких течений мысли. Тем не менее основные подходы к социальной структуризации – которые мы с изрядной долей условности назвали функционалистским, социологическим и эгалитаристским – по умолчанию противоречили друг другу.

В Западной Европе функционализм в анализе социальной структуры был связан с социальной классификацией, восходящей к античной философии и реинтерпретированной философами томистского направления. Доставшиеся в наследство от Московского царства элементы функционализма были усилены и концептуализированы выходцами из западнорусских земель. Функционализм устойчиво воспроизводился во взглядах церковных иерархов на социальную структуру, находя воплощение в проповедях и «словах» крупнейших ораторов церковной элиты России, от Стефана Яворского до Платона Левшина. В практическом отношении функционализм подчеркивал связь между добросовестным исполнением «должности», присущей каждой социальной страте (выделялось несколько крупных страт, различавшихся между собой по роду деятельности, – чаще всего упоминались воины, судьи, купцы, земледельцы, учителя) и воздаянием. Исполнение «должности» было вкладом индивида в «общее благо» и одновременно – исполнением долга перед Богом. Для иллюстрирования связи между «должностями» страт использовались органицистские метафоры политического

тела или иной связанной системы, как в случае со Стефаном Яворским, уподоблявшим общество «четыреколенной колеснице многоочитой» из видения пророка Иезекииля. Служба – добросовестное исполнение военных, судейских, придворных «должностей» – вознаграждалась автоматизированным присвоением привилегий в соответствии с Табелью о рангах. Соответственно, будучи системой, социум представлял собой гармонию «должностей» и воздаяния.

Тот взгляд, который мы охарактеризовали как социологический (название опять-таки весьма условное), вырос из комбинации нескольких практических устремлений. Одна из них – это те трудности в комплектации военного и правительственного аппарата, о которых пишет И. И. Федюкин: в 30-е гг. XVIII в. ведущие администраторы Российской империи начали придавать все большее значение природной «склонности» офицеров и бюрократов, по-новому оценив возможности манипулирования честолюбием и «анкуражирования» наиболее способных с помощью ускоренного продвижения по службе. Этот взгляд на социальную структуру был менее справедливым (по крайней мере, в терминах функционалистского подхода, основой которого была уверенность в общей равноценности «должностей» и неизменном воздаянии за их исполнение) и в большей степени был основан на прагматическом факторе – зависимости службы от комбинации социально обусловленных качеств служащего. Манипуляции поддавались только учитываемые факторы; для службы, требующей особых квалификаций, в первую очередь – честолюбия и профессионализма, одного рвения было мало. Отсюда и расширенное понимание дворянской добродетели, универсального этоса, который сочетал – в теории, в идеальной модели! – служебное рвение, образованность, высокую мораль и был обусловлен социальным положением дворян. Когда-то дворянские предки получили за свою добродетель поместья; это позволяет дворянской добродетели устойчиво воспроизводиться наследственным путем, поскольку добродетельный дворянин способен хорошо воспитать и обучить детей и поскольку имущественный статус позволяет дворянам учиться и получать «изящные добродетели», необходимые не просто для выполнения конкретных социальных функций, но для управления вообще. Именно поэтому мы и обозначили такую манеру говорить о положении дворянства в системе социальной стратификации как «социологическую».

Последним штрихом к этому портрету страты профессиональных господ стало признание дворянской «экономии» (собственноручного

управления дворянским поместьем) разновидностью службы ради «общего блага»; дворянин теперь *везде* находился на службе – и в армии, и при дворе, и в своей усадьбе. Это означало, кроме прочего, упрочение крепостного права, поскольку признание экстраординарного дворянского этоса позволяло утверждать, что жизнь крестьян под управлением столь мудрых и добродетельных господ не требует никаких перемен. Дебаты в Уложенной комиссии 1767 г. ярко отражают столкновения между социологическим и функционалистским взглядами на социальную структуру – сторонникам дворянских привилегий приходилось решать многочисленные дилеммы, подобные той, которую мы назвали «дилеммой солдата»: если солдат храбро жертвует жизнью ради Отечества в бою, то не может ли он также претендовать на дворянство? Разве священник, купец, ремесленник не служат общему благу? Социологический взгляд исключал такую возможность, вводя в действие хитроумную комбинаторику социальных факторов, позволявшую обосновать особое положение дворянства.

Однако параллельно с этим набирал популярность и эгалитаристский взгляд на социум, представлявший собой сплав христианских идей, руссоизма и концепций античных философов, таких как Сенека или Боззий. В рамках этого взгляда особое значение приобретала Фортуна – вызов устойчивому обществу, в котором каждая страта исполняет свою функцию в надежде на воздаяние. Фортуна возносит и сбрасывает людей, бесконечно разыгрывая античный сюжет о богаче Крезе и бедняке Ире и в конечном счете разрывая связь между добродетелью и социальной ролью. Можно быть добродетельным и в самом «низком» состоянии; больше того – своеобразный компенсаторный механизм создает ситуацию равенства. Так, например, простые крестьяне, не будучи столь же богатыми и изящными, как представители дворянской элиты, компенсируют это своим здоровьем (зачастую здоровье «низкого» состояния описывается буквально как сексуальное здоровье – в противовес развращенной, хилой, болезненной высшей страте). Эта образность, много заимствовавшая у Руссо и часто воплощавшаяся на бумаге авторами-сентименталистами, стала фундаментом для развития радикальной переоценки сложившихся социальных иерархий в различных течениях российской общественной мысли XIX в. – от славянофилов до социалистов-революционеров.

Глава 3. Социальная структура Российской империи в XIX – начале XX в.: эволюция сословий?

При всем заметном усложнении понятийного аппарата и повышении уровня представлений элит об общественном устройстве следует признать, что напряженная работа по конструированию новой социальной реальности, осуществляемая в российских правительственных кругах в течение XVIII в., завершилась скромными результатами.

Властям не удалось ни достичь упрощения и стабилизации социальной структуры, к чему они явно стремились в первой половине века (особенно в петровское царствование), побуждаемые утилитарными мотивами и идеями «регулярства»; ни создать однозначную и общепризнанную систему социальной классификации; ни договориться о единых критериях, на основе которых было бы возможно группировать права и обязанности тех или иных общественных групп. Социальная лексика, активно разрабатываемая на уровне законотворческого прожектерства, в рамках работы уложенных комиссий и в результате умственной инициативы отдельных сановников, должностных лиц и церковных иерархов, упрямо не выстраивалась в стройную и простую иерархию и не обрела свойств строгих дефиниций.

Более того, терминологическая пестрота, свойственная дискуссиям о социальной структуре общества в середине – второй половине XVIII в., переключалась в следующее столетие и осложнилась тем, что и на уровне законодательства, и в речевом обиходе ряд вербальных маркеров социального конституировался и получил признание, употребляясь параллельно, без четко выраженного иерархического соотношения, внося определенную путаницу в представления об устройстве общества даже среди законотворцев. В первую очередь это касалось терминов «состояние» и «сословие» (не говоря о неистребимых, хотя и ушедших на обочину социального лексикона «чинах», «званиях», новоизобретенных «родах» и пр.), толкование которых задает трудноразрешимую задачу современным исследователям. Как соотносились эти термины между собой в представлениях современников? Были ли они синонимами и если нет, то какие различия существовали между ними? Сколько сословий было в России и можно ли вообще говорить о сословиях? Как выделалась их иерархия хотя бы с точки зрения власти? Попытаемся ответить на эти вопросы, обратившись к документам эпохи.

Объектами исследования послужили три источника нормативно-правового характера: книга первая 9-го тома Свода законов Российской империи редакции 1857 г. «О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных» (далее – 9-й том Свода законов или «Законы о состояниях»); «Устав о податях» (5-й том Свода законов 1857 г.) и «Устав о производстве десятой народной переписи» (далее – «Устав 10-й ревизии») – и два исследования по статистике народонаселения Российской империи: П. И. Кеппена «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 г.» и второй выпуск «Статистических таблиц Российской империи» – «Наличное население Империи за 1858 год».

Основным источником при изучении сословий и представлений о них с 1830-х гг. и до конца имперского периода является 9-й том Свода законов Российской империи, отражающий права, обязанности, запреты, возможности (в частности, возможности смены состояния) основных социальных групп российского общества. Законодательство в принципе является таким же опытом структурирования социального пространства, какой можно видеть в работах историков и социологов, но с двумя существенными различиями. Во-первых, оно отражает социальную структуру не в динамике, а только за определенное время; а во-вторых, оно наиболее адекватно описывает существовавшие в то время социальные структуры, поскольку общество должно было жить по принципам и правилам, прописанным в законе. Конечно, можно усомниться в когерентности структуры, данной в законе, и реальных практик социального взаимодействия, приведя примеры того, как люди нарушали предписанные нормы. Однако девиантное поведение в практиках правоприменения следует признать все-таки исключением, в противном случае ни общество, ни государство не могли бы существовать как целое.

3.1. Социальная структура империи в «Законах о состояниях»

Документы II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии содержат достаточно ясные представления составителей первой редакции Свода законов Российской империи о содержании термина «состояние».

Известно, что подготовительные работы к созданию Свода законов прошли в два этапа – «степени». «Первая степень, – писал в своем «Наставлении» М. М. Сперанский, – состоит в точных и верных выписках из

законов на каждый предмет... Вторая степень работы в составлении свода законов делится на две части. Первая часть должна заключать в себе историческое изложение законодательства по каждому главному предмету, с означением всех перемен в нем последовавших. Вторая часть, так сказать, догматическая, должна содержать в себе изложение одного существующего ныне по каждому предмету законодательства»¹. То есть Свод законов готовился в двух формах – исторической, оставшейся в рукописях, и догматической – той, что пошла в печать. Подготовка «Исторического изложения» была обусловлена, во-первых, общетеоретическими представлениями, утвердившимися в первой трети XIX в.², а во-вторых, соображениями практического характера. Как указывал М. М. Сперанский, без «Исторического изложения» часто не было «другого средства удостовериться в последовавших изменениях [в законодательстве], ибо весьма часто прежние указы отменяются не словами, а только силою и смыслом указов новых, и, следовательно, открыть перемену нельзя иначе, как сравнив силу одного постановления с силою другого, а для сего необходимо поставить их в связи исторической»³.

Во введении к «Историческому изложению» «Свода законов земских» прямо указывалось: «Все обыватели государства равно подлежат действию законов, но не все пользуются равными правами. *Различие прав определяется состоянием*». Создатели Свода законов различали три типа состояний. «Состояния установлены законом: одни в порядке государственной службы, другие в порядке земских имуществ; иные, наконец, в порядке семейственных отношений»⁴. Государственные состояния определялись «различными родами, степенями и чинами» государственной службы; земские – «большею или меньшею способностью в приобретении и отчуждении имуществ» («одним дозволено приобре-

¹ Майков П. М. Исторический очерк II отделения собственной Его императорского величества канцелярии 1826–1882. СПб., 1906. Прил. 1 (к с. 149): «Наставление по II-му отделению о порядке его трудов». С. 2.

² Хорошо известно, что М. М. Сперанский очень тесно сотрудничал с Ф. фон Савиньи, состоял с ним в переписке, направлял к нему на учебу в Берлинский университет студентов – будущих профессоров-правоведов, а в 1830 г. сам ездил в Берлин для встречи с признанным лидером исторической школы права. См.: Авенариус М. Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // IVS ANTIQVVM. 2005. № 1 (15). С. 108–118; Будилов В. М. Савиньи и становление русского национального правоведения в первой половине XIX в. // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 156–187.

³ Цит. по: Кодан С. В. Проекты преобразований политико-правовой системы России М. М. Сперанского. Екатеринбург, 2003. С. 149.

⁴ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

тать все роды имуществ, другим некоторые; одни имеют полное право торговли, другие ограниченное; одни могут приобретать имущества сами собою, другие посредством лиц, предположенных над ними»); семейные (или семейственные) – по различию в отношениях между супругами, родителями и детьми⁵. В узком значении термин «состояние» закрепился именно за земскими состояниями.

Соотношение понятий «состояние» и «сословие» наглядно иллюстрирует рубрикация проекта «Догматическое изложение Свода законов земских», подготовленного в 1826 г. М. А. Корфом. Проект включал три раздела: первый – «О земских состояниях», второй – «О семейных состояниях» и третий – «О состояниях ограниченных». Первый раздел содержал семь глав:

- 1) «О приобретении права состояния в дворянском сословии»,
- 2) «О приобретении права состояния в духовном сословии»,
- 3) «О приобретении права состояния в сословии городских обывателей вообще»,
- 4) «О приобретении права сословия торгового в особенности»,
- 5) «О приобретении права состояния в сословии сельских обывателей»,
- 6) «О приобретении права земского состояния обществами и заведениями»,
- 7) «О обладании правом в государственных сословиях».

Второй – три главы:

- 1) «О брачном состоянии»,
- 2) «О состоянии родителей и детей»,
- 3) «О состоянии родственников».

Третий – пять глав:

- 1) «О несовершеннолетних»,
- 2) «О лицах, под законным прещением⁶ состоящих»,
- 3) «О людях крепостных»,
- 4) «О безвестно отсутствующих»,
- 5) «Об иностранцах»⁷.

Как видно из данной рубрикации, «состояние» – это набор прав и обязанностей. Любое лицо (субъект права), как физическое, так

⁵ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–4.

⁶ Прещение – ограничение в правах «безумных и сумасшедших»; «непотребных людей, обличенных в жестоких поступках со своими крестьянами»; «по причине болезни и старости» и «над расточителями». – Там же. Д. 6. Л. 58–62 об.

⁷ Там же. Д. 93. Л. 3–50.

и юридическое, обладало определенным состоянием (в принципе термин «состояние» в том же значении используется и сейчас). Индивид обладал определенными правами состояния в сословии, семье или будучи ограниченным в правах. Термин «сословие» относился только к социальным группам – дворянству, духовенству, городским обывателям, торговцам, сельским обывателям и государственным служащим. Индивид мог быть представителем сословия (например, дворянин), а мог и не быть (например, дворовой человек), но он всегда был носителем определенного состояния.

С понятием «состояние» тесно связаны категории «звание» («название») и «права состояния». Из них, по сути, и складывается институт «состояния». «Звание» – это понятие, маркирующее социальный институт, группу или лицо, наделенных набором прав и обязанностей. Права состояния⁸ – это собственно набор прав и обязанностей лица, находящегося в данном состоянии. Состояние каждого лица ситуативно и индивидуально. Оно, как конструктор, складывалось из тех званий, носителем которых лицо оказывалось в настоящий момент времени и которыми обладало в прошлом. В результате возникал уникальный набор прав состояния. Например, мезенский самоед (ненец), переходя в сословие мещан или государственных крестьян, тем не менее сохранял за собою прежнее право на свободу от рекрутской повинности. Дочь вольноотпущенного, вышедшая за муж за потомственного дворянина и овдовевшая, а затем повторно вышедшая замуж за купца, обладала как правами купчихи, так и правами потомственной дворянки (как вдова), за исключением (как дочь вольноотпущенного) права приобретать крепостных и владеть населенными имениями.

⁸ По мнению Н. В. Дунаевой, институт «права состояния» был разработан М. М. Сперанским. Она пишет: «Институт “прав состояния” в первую очередь – совокупность корпоративных (сословных) прав, отличавшихся для каждого свободного сословия по содержанию, но близкие по форме. Так все сословия по закону имели право составлять отдельные общества (дворянские, религиозные, городские, сельские) и управлять делами этих обществ на выборной основе» (Дунаева Н. В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб., 2010. С. 30). Можно согласиться с мнением этого автора касательно того, что «права состояния» – это термин, распространявшийся на «свободных обывателей». Правоотношения крепостных и их владельцев регламентировались через термин «обязанности». Но вот представление о том, что «“права состояния”, в первую очередь – совокупность корпоративных (сословных) прав», представляется спорным. В законе говорится о вступлении, прекращении «прав состояния», прежде всего, в связи с личными, имущественными правами.

Как отмечает известный специалист в истории российского права С. В. Кодан, «Законы о состояниях» редакции 1857 г. отразили «расцвет» сословного законодательства России. «Последний Свод подвел итоги развития предыдущего сословного законодательства, восполнил пробелы в механизме регулирования отдельных сторон положения сословий, которые были выявлены в ходе подготовки Свода и потребовали издания соответствующих узаконений, привел нормы в систему, оформил отдельные институты о статусе сословных групп населения, определил сферы и характер правоспособности в экономической, социальной и политических сферах»⁹.

Вся совокупность социальных групп в «Законах о состояниях» скомпонована в виде иерархической структуры. Для ее описания мы будем использовать понятие таксона. Таксон – это, во-первых, уровень иерархии, а во-вторых, объекты, находящиеся на данном уровне.

Социальные группы высших таксонов. В «Законах о состояниях» все население Российской империи было разделено по «правам состояния» на три страты: 1) «природные обыватели, составляющие городское и сельское население»; 2) «инородцы оседлые и неоседлые» и 3) «иностранны, в Империи пребывающие». Основанием для выделения данных страт являлся характер отношений между человеком и государством. Подданные, как писал в конце XIX в. М. Н. Коркунов, находились с государством в «юридическом отношении», а иностранцы – только в «фактическом». Иностранца «...государство не обязано терпеть... на своей территории. Раз пребывание его оно находит для себя почему-либо неудобным, оно может его во всякое время удалить, и с удалением его прекращаются всякие отношения к государству». «Напротив отношение подданного к государству – юридическое, слагающиеся из: 1) права подданного находиться в пределах государства и 2) права государства оказывать ему защиту в пределах других государств. Этим правам соответствуют обязанности: со стороны подданного – обязанность подданнической верности; со стороны государства – обязанность при всяких условиях терпеть подданного на своей территории и пускать его в свои пределы»¹⁰. «К этому основному различию, – добавлял М. Н. Кор-

⁹ Кодан С. В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800–1850-е гг.) [Электронный ресурс] // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 2. С. 117–145. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.152. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_152.html

¹⁰ Коркунов М. Н. Русское государственное право. Т. 1 : Введение и общая часть. СПб., 1909. С. 262.

кунов, – присоединяется еще и различие в правах. Во-первых, иностранцам обыкновенно не предоставляется вовсе политических прав, а только одни гражданские. Во-вторых, и гражданские права предоставляются им с некоторыми ограничениями»¹¹.

Что касается деления подданных на «природных российских обывателей» и «инородцев», то оно было обусловлено «различием общественной культуры отдельных элементов русского государства». Евреи, а также «стоящие на низших ступенях гражданского развития» «восточные народы» подчинялись «особому порядку управления»¹². Инородцы не составляли сословия, как об этом писали Н. А. Иванова и В. П. Желтова, это понятие одного порядка с «природными российскими обывателями» и «иностранцами». Социальные группы, выделяемые в рамках «инородцев», соотносились с одним из правовых состояний «природных российских обывателей», как правило, с государственными крестьянами и мещанами, но не только. Например, владевшие аймаками калмыцкие зайсанги – с потомственными почетными гражданами, а не владевшие – с личными почетными гражданами. Евреи в обязательном порядке включались в одно из сословий городских или сельских обывателей. Инородцы – это нерусское население империи, которое сохранило определенную автономию в управлении и в системе правовых и социальных отношений, причем степень этой автономии была весьма различна – от евреев, обязанных приписаться к одному из городских или сельских сословий, до чукчей, чье подданство оставалось неочевидным вплоть до 1917 г. (в том числе вследствие отсутствия у них какого-либо представления о власти и подданстве) и чьи обязательства перед императором заключались лишь в том, чтобы пропускать с миром через свою территорию и не убивать русских путешественников и иностранцев, имеющих с при себе необходимые документы¹³.

Иностранцы также соотносились с состояниями «природных россиян». М. Н. Коркунов по этому поводу сетовал: «Наше законодательство идет слишком далеко в уравнивании прав иностранцев с подданными, предоставляя иностранцам даже политические права: право государственной службы и сословные права»¹⁴. В частности, иностранцы пользовались правом «вступать на военную службу», записываться в цехи; прибывающие в «качестве гостей и заезжих купцов» – получать торговые

¹¹ Коркунов М. Н. Русское государственное право... С. 263.

¹² Там же. С. 274.

¹³ СЗ РИ. 1857. Т. 9. Ст. 1255.

¹⁴ Там же. С. 263.

свидетельства; художники, ученые, «торгующие капиталисты» и «хозяева значительных мануфактурных заведений» – «причисляться к званию почетных граждан», а кроме того – «нанимать и держать в услужении или работах российских подданных недворянского состояния» и приобретать недвижимость¹⁵. Иностранцы-дворяне, если предоставляли доказательства своего статуса, освобождались от телесных наказаний¹⁶.

«Природные обыватели» делились на «четыре рода людей»: дворянство, духовенство, городских обывателей и сельских обывателей. В последующих статьях термин «роды людей» не упоминается, а эти социальные группы определяются как состояния или как сословия, т. е. как сословия в самом широком значении данного термина (социальная страта, охватывающая лиц, находящихся в одном состоянии). Выделение четырех основных сословий (будем их вслед за Б. Н. Мироновым называть именно так) было обусловлено не столько общностью прав и обязанностей входящих в них сословных групп¹⁷, сколько стремлением законодателей упорядочить состояния и сословные группы, следуя хорошо известной в Европе традиции разделять общество на тех, кто воюет, кто молится и кто пашет. При этом выстраивалась иерархия: высшее сословие – дворяне, выше среднего – духовенство, среднее – городские обыватели, низшее – сельские обыватели.

В результате получилась структура из четырех «родов людей» (состояний/сословий) «природных российских обывателей», а также иностранцев и инородцев (рис. 1). Соответственно книга первая 9-го тома Свода законов («О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных») включала шесть разделов.

Социальные группы низших таксонов. Каждое из основных сословий делилось на состояния. В начале каждого раздела законодатель приводил их перечни.

Дворянство делилось на потомственное и личное. Потомственное, в свою очередь, – на разряды: «дворянство жалованное или действительное», «дворянство военное», «дворянство по чинам, получаемым от службы гражданской», «иностранные роды», «титулами отмеченные роды»

¹⁵ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 1521–1526.

¹⁶ Там же. Ст. 1520.

¹⁷ Например, в сословие сельских обывателей были включены и однодворцы, и однодворческие крестьяне, отношения между которыми строились на принципах владлец – крепостной. Однодворцы могли продавать и покупать однодворческих крестьян у других таких же однодворцев.

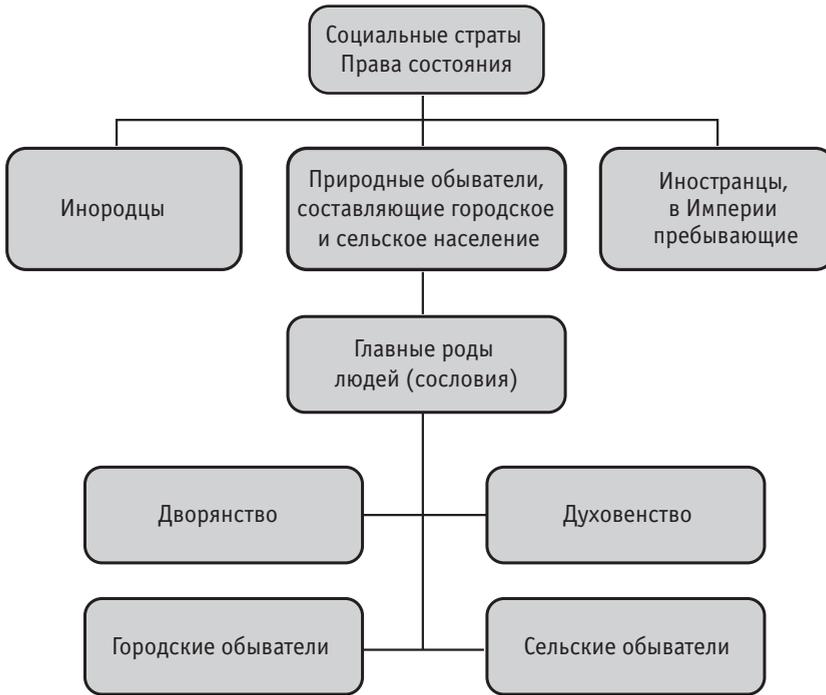

Рис. 1. Основные социально-правовые страты Российской империи и «древние благородные дворянские роды»¹⁸. Но эти разряды учитывались только при составлении гербовых книг и не отражались на объеме прав и обязанностей дворян. Итого – два состояния дворян (рис. 2).

К духовенству, как это специально оговаривалось, относились только служители христианских вероисповеданий. Оно было скомпоновано в виде иерархии из четырех таксонов (рис. 3). По таксону второго уровня оно делилось на православное, римско-католическое, протестантское и армяно-григорианское. По таксону третьего уровня первая, вторая и четвертая конфессии были разделены на белое и монашеское духовенство; протестантское – на евангелическо-лютеранское и евангелическо-реформаторское. Низший таксон включал саны, чины, звания и должности духовенства. Православное – 11 монашеского¹⁹ и 8 белого звания²⁰; римско-католическое – 2 мона-

¹⁸ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 16.

¹⁹ Духовная власть: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи, настоятельницы женских монастырей, ризничий Московского синодального дома; прочая монашеская братия.

²⁰ Обер-священники и протопресвитеры, протоиереи, пресвитеры, иереи, протодиаконы, диаконы, иподиаконы, причетники.

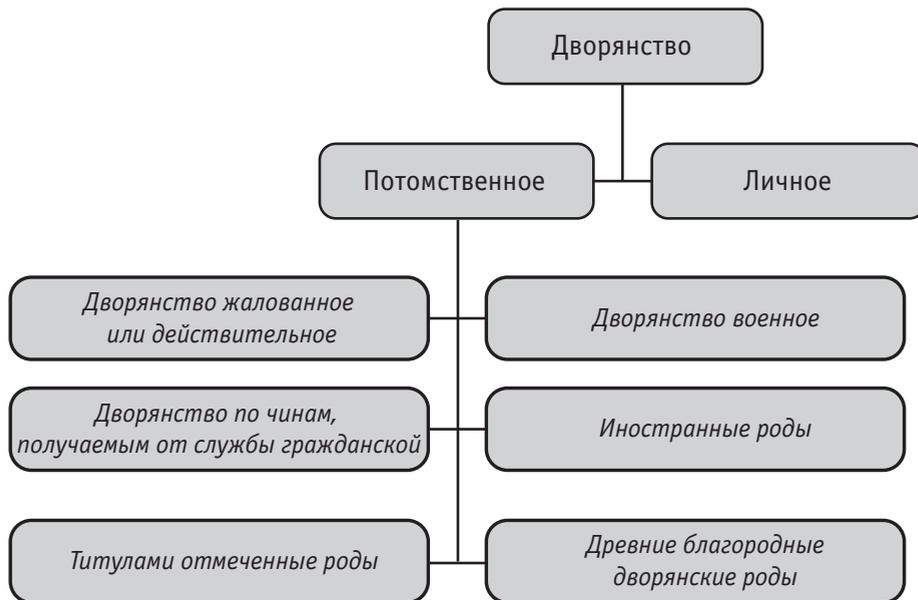

Рис. 2. Категории дворянства

шествующего²¹ и 12 белого²²; армяно-григорианское – 6 монашествующего²³ и 6 белого²⁴; протестантское – 12 евангелическо-лютеранского²⁵ и 5 евангелическо-реформаторского духовенства²⁶. Всего 62 звания. Поскольку большая часть этих званий связана с индивидуальным статусом духовного лица в церковной иерархии, они выпадают из предметного поля данного исследования.

²¹ Настоятели и настоятельницы монастырей, монашествующая братия и сестры.

²² Духовные власти: архиепископ-митрополит всех римско-католических в империи церквей (в Могилевской губернии), епископы епархиальные, епископы-коадьюторы (епископы, не являющиеся ординарием епархии), епископы-суффраганы (епископы, состоящие при руководителях епархий), официалы (руководители консисторий), настоятели-инфультаты, кафедральные прелаты, каноники, приходские священники-настоятели, викарии, диаконы и поддиаконы.

²³ Духовные власти: Эчмиадзинский патриарх или верховный католикос гайканского народа, архиепископы, епископы, архимандриты и игумены; прочая монашествующая братия.

²⁴ Протоиереи, иереи, архидиаконы, диаконы, поддиаконы, причетники или церковнослужители.

²⁵ Евангелическо-лютеранские епископы, вице-президент генеральной консистории, генерал-суперинтенданты, суперинтенданты, обер-консисториальные советники, консисториальные советники, пробсты, обер-пасторы, пасторы, диаконы, адъюнкты проповедников и домашние проповедники.

²⁶ Генерал-суперинтендант, суперинтендант, вице-интендант, пасторы, диаконы.

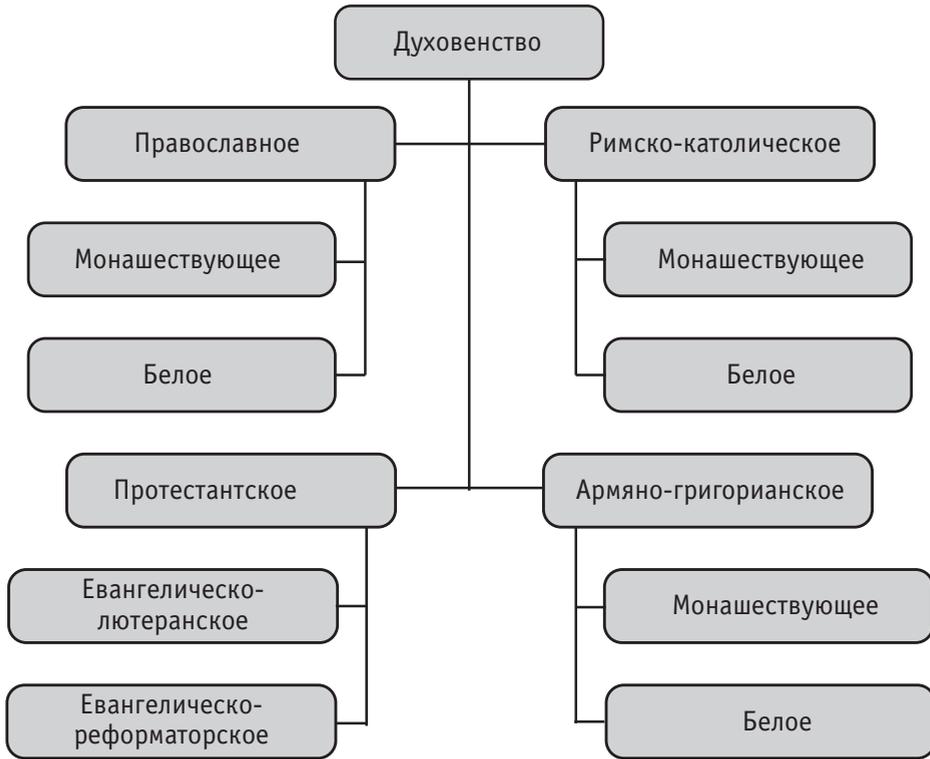

Рис. 3. Категории духовенства

Городские обыватели делились на «городских обывателей вообще» и на «городских обывателей в особенности» (лица, причисляемые законом к «среднему роду людей»). Такое деление было связано с тем, что представители других основных сословий могли, не утрачивая своего правового состояния, приобретать в городе недвижимость или временно входить в одно из состояний городских обывателей с целью занятия торговлей или ремеслом. В число «городских обывателей вообще» включались: 1) «все те, кои в городе или старожилы, или родились, или поселились»; 2) «лица, имеющие в городе дома или иное строение, или место, или землю»; 3) «записанные в гильдии или цехи»; 4) «те, которые отправляли службу городскую или записаны в оклад и по тому городу носят службу или тягость»²⁷. К «городским обывателям в особенности» относились: 1) купечество (делившееся на три гильдии); 2) почетные граждане; 3) граждане в городах западных губерний – Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской, Ковенской, Ви-

²⁷ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 423.

тебской, Могилевской²⁸; 4) мещане (посадские); 5) ремесленники или цеховые; 6) «вольные люди к некоторым городам Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской, Ковенской, Витебской, Могилевской губерний, а равно и губерний прибалтийских приписанные»²⁹ и 7) рабочие люди (рис. 4)³⁰. Ремесленники, в свою очередь, включали три звания: мастеров, подмастеров и учеников³¹.

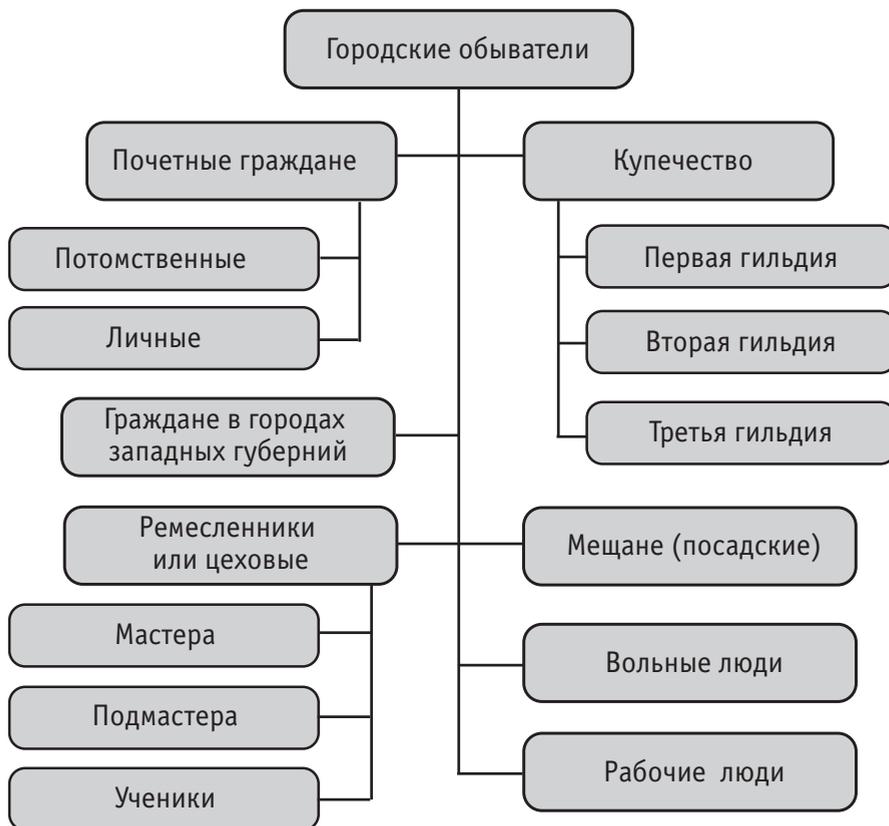

Рис. 4. Категории городских обывателей

²⁸ Граждане в городах западных губерний – это «те из лиц, именовавшихся прежде шляхтою, кои, проживая в городах, и не доказав установленным порядком своего происхождения, в сие звание записались» (СЗ РИ. Т. 9. Ст. 427).

²⁹ Вольные люди – это «заграничные выходцы, кои в городах сих губерний водворились и так в переписях означены» (Там же. Ст. 430).

³⁰ Рабочие люди – «приписываемые к городам с положением в мещанский оклад, из неспособных к военной службе дурного поведения заграничные выходцы, коих общества иметь у себя не пожелают», а также «лица других званий», «приписываемые в рабочие люди за пороки их и за неисправный платеж податей и других сборов» (Там же. Ст. 431).

³¹ Там же. Ст. 424.

Итак, городские обыватели классифицировались по двум основаниям. По первому перечислялись признаки, на основании которых лицо можно причислять к «городским обывателями вообще». По второму перечислялись семь званий, причем купцы и ремесленники включали по три звания низшего таксона.

Самой сложной структурой обладали «сельские обыватели» (табл. 1). Они были поделены на пять групп по статусу владельца земли: «водворенные на казенных землях», «на удельных землях», «на дворцовых землях», «на землях собственных» и «на землях владельческих»³².

«Сельских обывателей, водворенных на казенных землях», законодатель проклассифицировал по восьми основаниям и, плюс к этому, вне типологизации перечислил девять званий. «По состоянию» водворенные на казенных землях сельские обыватели являлись государственными крестьянами, «по месту жительства» – казенными крестьянами, «по иноплеменным племенам» указывались татары, вотяки, башкиры, мордва, черемисы, чуваша (6 званий).

«По прежним ведомствам» было учтено 16 званий: 1) дворцовые; 2) монастырские; 3) синодские; 4) церковные; 5) экономические; 6) чернослободские; 7) войсковые обыватели³³; 8) казаки; 9) казачьи подсосудки³⁴; 10) коронные; 11) ранговые; 12) коронно-посполитые³⁵; 13) бывшие за монастырями; 14) прочие казенного ведомства слободские крестьяне; 15) крестьяне, принадлежавшие комиссии по сооружению храма во имя Христа Спасителя в Москве³⁶; 16) сельские обыватели в имениях городов западных губерний и в имениях учебных заведений.

³² СЗ РИ. Т. 9. Ст. 613.

³³ Войсковые обыватели — это сословие, образованное в 1765 г. из служивших в пограничных слободских или украинских и ландмилицких полках однодворцев и слободских казаков. В зависимости от происхождения сохраняли права однодворцев или слободских казаков (в частности, право на винокурение, соледобычу, беспошлинную торговлю собственной продукцией). До 1837 г. подчинялись Военному ведомству, по жребию служили в территориальных полках. Проживали в Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Орловской, Тамбовской, Астраханской, Херсонской, Белгородской, Курской, Тульской и Казанской губерниях. К 1837 г. насчитывалось до 400 тыс. войсковых обывателей. В 1837 г. переданы в ведение Министерства государственных имуществ (Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. СПб., 1992. Т. 6 а. С. 940.).

³⁴ Подсосудки – обедневшие казаки, которые не имели своих хозяйств и вынуждены были жить и работать в чужих хозяйствах.

³⁵ Посполитые – лично свободное, невоенное население в Малороссии.

³⁶ Законом 24 ноября 1827 г. крестьяне (23 тыс. д. м. п.), приобретенные Комиссией по сооружению храма во имя Христа Спасителя в Москве для выполнения строительных работ и содержания работников, были переведены в государственные крестьяне. Доходы с этих крестьян шли на финансирование строительства канала между р. Волгой и р. Москвой.

Таблица 1

Категории сельских обывателей

Водворенные на казенных землях	Водворенные на землях собственных	Водворенные на землях владельческих	Водворенные на удельных землях
<i>По состоянию:</i> государственные крестьяне	Панцирные бояре		Удельные крестьяне
<i>По месту жительства:</i> казенные крестьяне	Татары-поселяне Таврической губернии		
<i>По инородным племенам:</i> татары, вотяки, башкиры, мордва, черемисы, чувашаи и пр.	Государственные крестьяне (бывшие вольные хлебопашцы)	Обязанные поселяне на землях купеческих	
<i>По прежним ведомствам:</i> дворцовые, монастырские, синодские, церковные, экономические, черносошные, войсковые обыватели, казаки, казачьи подсосудки, коронные, ранговые, коронно-посполитые, бывшие за монастырями, прочие казенного ведомства слободские крестьяне, крестьяне, принадлежавшие комиссии по сооружению храма во имя Христа Спасителя в Москве, сельские обыватели в имениях городов западных губерний и в имениях учебных заведений		Малороссийские казаки	Обязанные поселяне Тираспольского уезда
<i>По прежде отправляемой службе:</i> воинские поселяне, панцирные бояре, пашенные прежних служб, копейщики, рейтары, драгуны, казаки, затинщики, рассыльщики, кречетные и сокольи помытчики, бобровники, пташники, стрелки, чемаданные татары, пахотные солдаты		Обязанные поселяне, водворенные на землях помещичьих	
<i>Те из них, кои вместо платежа оброка в казну, отправляют повинности (приписные):</i> дворцовые, коннозаводские, заводские, лашманы, засечные сторожа, солеломщики и солевозчики, монастырские и архиерейские служители, военные поселяне, охтенские и черноморские поселяне, поселяне, приписанные к Комиссариату, к лейб-гвардии Конному полку, к ведомству комендантов Санкт-Петербургского		Обязанные поселяне в имениях, жалуемых на праве майоратов	
		Купленные или приписанные к частным заводам по особым для них правилам на землях владельческих	
		Крепостные: крестьяне помещичьи, дворовые люди, разряд ограниченного крепостного состояния	

Окончание табл. 1

Водворенные на казенных землях	Водворенные на землях собственных	Водворенные на землях владельческих	Водворенные на удельных землях
и киевского, к Голицинской больнице, к городским госпитальным мызам в Эстляндии, к разным казенным фабрикам			
Однодворцы		Однодворческие крестьяне	
Однодворцы Бессарабской области			
Рупта-де-вистерия и рупта-де-камара			
Вольные люди			
Колонисты			
Цараны		Цараны	
Половники		Половники	
Ямщики			
Белопашцы,			
Обельные вотчинники и крестьяне			
Инородцы оседлые			

Приписных³⁷, «тех из них, кои вместо платежа оброка в казну отправляют повинности», было учтено 15 званий: 1) дворцовые³⁸; 2) коннозаводские³⁹; 3) заводские⁴⁰; 4) лашманы⁴¹; 5) засечные сторо-

³⁷ В историографии под «приписными» понимаются крестьяне, выполняющие вспомогательные работы на казенных и посессионных предприятиях. При составлении Свода законов этот термин был использован в более широком значении.

³⁸ Дворцовые крестьяне – крестьяне Гатчинского, Павловского, Ораниенбаумского, Стрельненского и других имений, принадлежавших членам императорской фамилии (ПСЗ-2. Т. 9, № 7262).

³⁹ Коннозаводские – крестьяне, приписанные к конным заводам. С 1843 г. находились в ведении Управления государственного коннозаводства. Проживали на территории Починковской волости Нижегородской губернии, Скопинской волости Рязанской губернии и Беловодской волости Харьковской губернии (ПСЗ-2. Т. 18, № 16729).

⁴⁰ Заводские – приписанные к оружейным и казенным горным заводам крестьяне, мастеровые и работники (Продолжение Свода законов Российской империи. 6-е изд. СПб., 1839. Ч. 3. Ст. 387).

⁴¹ Лашманы – крестьяне, занятые заготовкой корабельного леса. Данная социальная группа образована в 1719 г. из служилых татар и «ясачных поселян». При учреждении в 1817 г. Управления корабельных лесов число лашман было сокращено с 800 до 120 тыс. чел. Они проживали в 27 уездах Казанской, Нижегородской, Вятской, Оренбургской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний, составлявших Низовой округ Управ-

жа⁴²; 6) солеломщики и солевозчики; 7) монастырские и архиерейские служители⁴³; 8) военные поселяне; 9) охтенские и черноморские поселяне⁴⁴; 10) поселяне, приписанные к Комиссариату, а также приписанные: 11) к лейб-гвардии Конному полку 12) к ведомству комендантов Санкт-Петербургского и Киевского; 13) к Голицинской больнице; 14) к городским госпитальным мызам в Эстляндии; 15) к разным казенным фабрикам. Столько же было перечислено званий «по службе, какую они или их предки прежде отправляли»: воинские поселяне, панцирные бояре, пашенные прежних служб⁴⁵, копейщики, рейтары, драгуны, казаки, затинщики, рассыльщики⁴⁶, кречетные и соколы помытчики, бобровники, пташники, стрелки, чемоданные татары, пахотные солдаты.

Две категории сельских обывателей, водворенных на казенных землях, получили особые основания для типологизации – это ямщики по «особенной ямской повинности» и инородцы оседлые по «происхождению от инородцев прежде кочевых». И без указания на основания для типологизации, в качестве отдельных категорий выделялись: 1) однодворцы; 2) однодворцы западных губерний⁴⁷; 3) однодворцы Бесса-

ления корабельных лесов. Вместо рекрутов лашманы должны были выбирать по очереди 200 «адмиралтейских плотников и показателей» (ПСЗ-1. Т. 34, № 27023).

⁴² Засечные сторожа – «непременные лесные сторожа», выбранные из лашман 300 семей для охраны корабельных рощ во время учреждения Управления корабельных лесов в 1817 г.

⁴³ Монастырские и архиерейские служители – категория крестьян, созданная в 1764 г. в результате секуляризации церковных земель для обслуживания архиерейских домов и монастырей (по штату числилось 3833 чел.) (ПСЗ-1. Т. 16, № 12060).

⁴⁴ Охтенские и черноморские поселяне – крестьяне, приписанные к Охтенскому и Николаевскому адмиралтействам. Проживали в Охтенской слободе под Петербургом (1,5 тыс. д. м. п.) и в шести селениях в Херсонской губернии (3,5 тыс. д. м. п.) (ПСЗ-1. Т. 40, № 30485).

⁴⁵ Пашенные прежних служб – крестьяне Верхотурского, Тобольского, Тюменского и Нерчинского уездов в XVII – начале XVIII в., обязанные обрабатывать «государеву пашню». «За каждую десятину обрабатываемой земли они получали надел в 4 десятины “собинной”» (*Дружинин М. Н. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 27*).

⁴⁶ «Копейщики, рейтары, драгуны, казаки, пушкари, затинщики и рассыльщики и всякого звания люди, которые в поголовную перепись написаны и в раскладку на полки положены», включены в состав государственных крестьян плакатом 26 июня 1724 г. вместе с однодворцами, черносошными, татарами, ясачными и «Сибирской губернии пашенными прежних служб» (ПСЗ-1. Т. 7, № 4533).

⁴⁷ Однодворцы западных губерний – бывшая шляхта Речи Посполитой, которая не смогла доказать свое дворянское происхождение.

рабской области из мазылов и рупташей⁴⁸; 4) обельные вотчинники и белопашцы⁴⁹; 5) рупта-де-вистерия и рупта-де-камара⁵⁰; 6) колонисты; 7) вольные люди в западных губерниях; 8) половники в Вологодской губернии⁵¹; 9) цараны в Бессарабской области⁵². Всего 65 званий «сельских обывателей, водворенных на казенных землях»⁵³.

Зачем законодатель использовал такой непростой способ перечисления проживавших на казенных землях «сельских обывателей»? По первым двум основаниям все они были отнесены к одной категории – государственных, казенных крестьян. Не проще ли было бы на этом и остановиться (исследователи, как правило, так и поступают, когда речь заходит об этой социальной категории), а не усложнять ландшафт социально-правового пространства России?

Очевидно, что в категорию государственных крестьян входили социальные группы, обладавшие специфическим правовым положением. То есть помимо собственно государственных крестьян на казенной земле проживали и иные сословные группы, со своим особым набором со-

⁴⁸ Мазылы – привилегированное сословие в Молдавском княжестве, которое в феодальной иерархии располагались ниже бяринаршей и постельничьих. Рупташи – дети священнослужителей, платившие в Молдавском княжестве налог – рупту. По закону 10 марта 1847 г. мазылы и рупташи причислены к однодворцам.

⁴⁹ Белопашцы – потомки Ивана Сусанина, проживавшие в дер. Коробово Костромской губернии. Они были «...свободны навсегда от всех личных нарядов, податей и повинностей, доколе пребывают в крестьянском состоянии. Проживая и водворяясь в городах, переходя в мещанское или купеческое звание, они равномерно сохраняют все личные преимущества, подвергаясь в сих случаях токмо платежу денежных повинностей, гильдейским и городовым положением установленных» (ПСЗ-2. № 10028; СЗ РИ. 1857. Т. 4. Ст. 349.). Обельные крестьяне и вотчинники – потомки разных людей, которым «за многие услуги царице Марфе Иоанновне (матери царя Михаила Федоровича. – *Авт.*) пожалованы были от царей грамоты на обеление их». Проживали в Петрозаводском и Повенецком уездах Олонецкой губернии (ПСЗ-2. № 10115).

⁵⁰ Рупта-де-вистерия и рупта-де-камара – потомки иностранных колонистов в Молдавском княжестве. Рупта-де-вистерия платили подати в казну княжества, рупта-де-камара – в казну господаря. По закону 10 марта 1847 г. эти сословия перестали быть наследуемыми. Дети рупта-де-вистерия и рупта-де-камара должны были записываться в царане или иные свободные состояния. В 1857 г. оставшиеся рупта-де-вистерия и рупта-де-камара были причислены к почетным гражданам.

⁵¹ Безземельные крестьяне в Вологодской губернии, жившие на владельческой земле, обрабатывавшие пашню хозяев за половину урожая. Во второй четверти XIX в. государство проводило политику по переводу половников в сословие государственных крестьян, переселяя их на свободные государственные земли.

⁵² Государственные крестьяне в Бессарабии.

⁵³ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 614.

циальных функций, прав и обязанностей, которых к государственным можно отнести только по факту «водворения» на государственной земле.

Сколько же состояний проживало на казенной земле? Если исключить «казенных крестьян» (синоним «государственных крестьян»), то остается 64; исключить этнонимы – 58. По двум основаниям типологизации перечисляются категории, послужившие источниками формирования сословия государственных крестьян, – это звания, перечисленные по «прежде отправляемой службе», и звания по «прежним ведомствам». Н. М. Дружинин в своей фундаментальной работе, посвященной реформе П. Д. Киселева, описал процесс складывания сословия государственных крестьян с начала XVIII в. и до 1830-х гг. В первой половине XVIII в. в это сословие вошли однодворцы, татары, ясашные, пашенные Сибирской губернии, копейщики, рейтары, драгуны, солдаты, казаки, пушкари, затинщики и рассыльщики и «всякого звания люди, которые в поголовную перепись написаны»⁵⁴. Во второй половине XVIII – первой трети XIX в. – войсковые обыватели, малороссийские казаки, экономические крестьяне, крепостные королевских староств и ленных имений, солтысы, панцирные бояре, крестьян поиезуитских имений, конфискованные и помонастырские крестьяне, однодворцы западных губерний. «Таким образом, сословие государственных крестьян превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения... Мало-помалу, попав в состав единого сословия государственных крестьян, все эти категории стали юридически сближаться между собою»⁵⁵. Однако полного уравнивания в правах не произошло. М. Н. Дружинин явно торопил процесс консолидации государственных крестьян в единое сословие: в правовом положении однодворцев и однодворческих крестьян, например, было немного общего. Тем не менее законодатель во избежание двоякого толкования включил в число «сельских обывателей, водворенных на государственных землях», все те категории населения, которые вошли в данную группу с начала XVIII в.

За вычетом званий по «прежде отправляемой службе» и «прежним ведомствам» (58 – (15+16)) остается 27 званий. Это собственно государственные крестьяне, 15 групп приписных крестьян, ямщики, оседлые инородцы и девять категорий, перечисленных без основания для типологизации.

⁵⁴ ПСЗ-1. Т. 7, № 4533.

⁵⁵ Дружинин М. Н. Указ соч. С. 43–44.

К «сельским обывателям, водворенным на удельных землях», были отнесены только удельные крестьяне⁵⁶. Что касается «водворенных на дворцовых землях», то здесь не было указано ни одного состояния.

В группе «сельские обыватели, водворенные на землях собственных», было перечислено 10 званий: 1) однодворцы; 2) однодворцы западных губерний; 3) однодворцы Бессарабской области; 4) вольные люди; 5) государственные крестьяне; 6) рупта-де-вистерия и рупта-де-камара; 7) колонисты; 8) малороссийские казаки; 9) панцирные бояре и 10) татары-поселяне Таврической губернии⁵⁷.

Группу «сельских обывателей, водворенных на землях владельческих», составили 16 званий: 1–2) однодворцы западных губерний и Бессарабской области; 3) вольные люди; 4) однодворческие крестьяне; 5) рупта-де-вистерия и рупта-де-камара; 6) колонисты; 7) половники; 8) панцирные бояре; 9) татары-поселяне Таврической губернии; 10) цараны Бессарабской области; 11) обязанные поселяне на землях купеческих; 12) обязанные поселяне Тираспольского уезда; 13) обязанные крестьяне, водворенные на землях помещичьих; 14) обязанные крестьяне в имениях, жалуемых на праве майоратов в губерниях, от Польши возвращенных; 15) крепостные крестьяне и 16) крестьяне, купленные или приписанные к частным заводам по особенным для них правилам⁵⁸.

Всего: 27+1+10+16 = 54 категории «сельских обывателей».

Следует обратить внимание, что некоторые звания «сельских обывателей» были включены в две или три группы. На казенных, собственных и владельческих землях могли проживать однодворцы Бессарабской области, вольные люди западных губерний, рупта-де-камара и рупта-де-вистерия, колонисты и панцирные бояре; на казенной и собственной земле – однодворцы, государственные крестьяне и малороссийские казаки; на казенной и владельческой – половники Вологодской губернии и цараны Бессарабии; на собственной и владельческой земле – однодворцы западных губерний и татары-поселяне Таврической губернии. Если исключить повторы, остается 39 групп сельских обывателей.

Инородцы были разделены на пять категорий: 1) сибирские инородцы и в особенности сибирские киргизы; 2) самоеды Архангельской губернии; 3) кочевые инородцы Ставропольской губернии; 4) калмыки,

⁵⁶ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 615.

⁵⁷ Там же. Ст. 616.

⁵⁸ Там же. Ст. 617.

кочующие в Ставропольской и Астраханской губерниях; 5) еврей⁵⁹. Всего 6 (если учитывать киргизов как отдельную категорию) (рис. 5).

Категория «иностранцы» внутреннего деления не имела.

Итого: 2 + 8 + 7 + 39(54) + 6 + 1 = 63(78) звания.

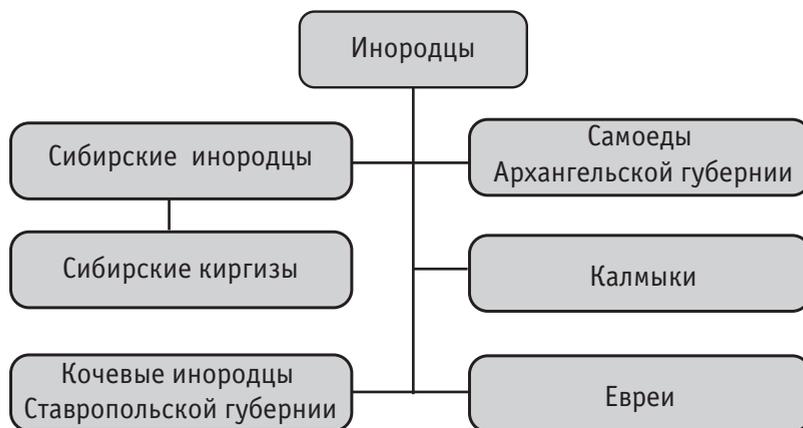

Рис. 5. Категории инородцев

Права и обязанности каждого состояния должны были быть сведены в отдельную рубрику. Однако рубрикация 9-го тома дает несколько иную картину.

В разделах, посвященных дворянству и духовенству, рубрикация в целом совпадает с перечнем званий (без учета званий нижних таксонов). Выделялось два состояния дворян – потомственные и личные, и восемь состояний духовенства: православное, римско-католическое и армяно-григорианское делились на монашеское и белое, а протестантское – на лютеранское и реформаторское.

Рубрикация разделов, посвященных городским и сельским обывателям, имеет мало общего с приведенными перечнями званий. Из городских обывателей особых рубрик удостоились только «почетные граждане вообще» и «почетные граждане западных губерний». Остальные звания городских обывателей – купцы, мещане, ремесленники, вольные люди, рабочие люди – специальных рубрик не имели. В прочих рубриках раздела речь идет в целом о городских обывателях. В результате возникает структура из трех состояний: собственно городские обыватели, «почетные граждане вообще» и «почетные граждане западных губерний». Такая рубрикация обусловлена тем, что почетные гражд-

⁵⁹ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 1208.

дане в строгом смысле городским сословием не являлись. Как писал М. Н. Коркунов, «мотивом образования данного сословия послужило желание ограничить стремление всех мало-мальски образованных людей к получению дворянства»⁶⁰. «Почетный гражданин не принадлежит, как таковой, к городскому обществу» (в частности, к почетным гражданам относились и калмыцкие зайсанги). Почетные граждане, в отличие от сословий купцов, мещан и ремесленников, не обладали институтами самоуправления. Более того, приобретение почетного гражданства «во все не предполагает какой-либо связи с каким-либо городом»⁶¹. По-видимому, задача поместить привилегированное сословие в матрицу из четырех основных сословий, но так, чтобы оно не относилось ни к дворянам, ни к духовенству, была решена включением его в «средний род людей» – «городских обывателей». Особенно отчетливо данный мотив проявляется в отношении «почетных граждан западных губерний», представлявших собой бывшую шляхту Речи Посполитой, не сумевшей привести доказательства своего дворянского статуса.

В разделе, посвященном сельским обывателям, специальные рубрики были отведены для регламентации правового положения: 1) свободных сельских обывателей, водворенных на землях казенных; 2–4) одноворцов внутренних, западных губерний и Бессарабской области; 5) рупта-де-вистерия и рупта-де-камара; 6) вольных людей; 7) половников Вологодской губернии; 8) бессарабских царан; 9) водворенных на собственных землях государственных крестьян; 10) малороссийских казаков; 11) панцирных бояр; 12) татар-поселян Таврической губернии; 13) обязанных поселян, водворенных на купеческих землях; 14) обязанных поселян Тираспольского уезда. Обязанным поселянам, водворенным на помещичьих землях (15); обязанным крестьянам в имениях, жалуемых в праве майората в западных губерниях (16), и крепостным людям (17) выделены отдельные главы. Всего, таким образом, 17 состояний. То есть в законе прописаны «права состояния» тех званий, которые указаны в перечнях «водворенных на землях собственных» и «водворенных на землях владельческих» и тех, которые были перечислены без выделения особого основания для типологизации («а также принадлежат») в группе «водворенных на казенных землях». Если судить по компоновке глав данного раздела, то основанием для группирования состояний сельских обывателей послужило не столько право собствен-

⁶⁰ Коркунов М. Н. Указ. соч. С. 302.

⁶¹ Там же С. 303.

ности на землю, сколько степень личной свободы. Правовое положение различных категорий «свободных сельских обывателей» расписано во второй, третьей и четвертой главах раздела, обязанных крестьян – в пятой и шестой главах и крепостных крестьян – в седьмой главе.

«Законы о состояниях» не содержит специальных статей о правовом статусе удельных крестьян, колонистов, белопашцев, обельных вотчинников, ямщиков и приписных крестьян. Права оседлых инородцев прописаны в следующем, пятом разделе – «О состоянии инородцев».

Этот раздел, в отличие от предыдущих, имеет, наоборот, более дробную рубрикацию. Сибирские инородцы были поделены на оседлых, кочевых, бродячих, инородцев, «кои состоят в зависимости без совершенного подданства», а также сибирских киргизов; евреи – на земледельцев, поселенных на казенных, владельческих и собственных землях, на купцов, ремесленников и мещан. В состоянии калмыков особо оговаривались права нойонов, зайсангов, лам и калмыков-христиан. Всего – 13 состояний. Раздел «О состоянии иностранцев» внутренней рубрикации не имел.

Итого: 2 + 8 + 3 + 17 + 13 + 1 = 44 состояния (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение званий и прав состояний (по 9-му тому Свода законов 1857 г.)

Состояния	Количество перечисленных званий	Количество званий, права состояния которых пописаны в специальных рубриках 9-го тома Свода законов	Первый столбец в сравнении со вторым, больше (+)/меньше (-)
Дворянство	2	2	0
Духовенство	8	8	0
Городские обыватели	7	3	+4
Сельские обыватели	39 (54)	17	+18 (37)
Инородцы	6	13	-7
Иностранцы	1	1	0
<i>Всего</i>	63 (78)	44	+19 (34)

Следовательно, «Законы о состояниях» охватывает далеко не всю структуру сословий и состояний Российской империи. Это можно объяснить тем, что, во-первых, законодатель включил в «Законы о состояниях» только те состояния, которые относились к «земским состояниям», и не стал включать состояния «государственные». Как указывалось

во Введении к «Историческому изложению Свода законов», «...наименование земских присвоается сим состояниям в отличие их от состояний государственных. Собственность, государству принадлежащая, есть имущество государственное; собственность же частная, в совокупности ее, есть собственность земская; местные повинности на ней лежащие, именуются земскими; отсюда и состояния, коих главное различие прав в приобретении земской собственности прилично именовать земскими»⁶². Поэтому в «Законах о состояниях» нет статей о социальных группах, составлявших аппарат управления, армию и флот и государственное хозяйство, а также хозяйство государя, а следовательно, нет статей ни о государственных крестьянах, «кои вместо платежа оброка в казну, отправляют повинности», ни об удельных крестьянах. Их права и обязанности расписаны в других томах Свода законов⁶³, а также в Своде военных постановлений и в законодательстве морского ведомства⁶⁴.

Во-вторых, юристам II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии в принципе не удалось провести четкую классификацию всех состояний. Право состояния – это, прежде всего, набор прав и обязанностей по отношению к имуществу. С приобретением лицом какой-либо недвижимой собственности или права на осуществление какой-либо деятельности могло возникнуть новое состояние (например, при покупке дома в городе или записи в ремесленный цех крестьянин оставался крестьянином, но приобретал дополнительный набор прав и обязанностей). Поэтому описание и регламентация абсолютно всех состояний превращались в практически невыполнимую задачу. Чтобы упорядочить все многообразие состояний, законодателю надо было выбрать некий критерий состояния в качестве базового. Таковым, очевидно, было выбрано место водворения: пять позиций для сельских обывателей (государственная, удельная, дворцовая, собственная и владельческая земля) и город для горожан. Специфические виды деятельности регла-

⁶² РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

⁶³ СЗ РИ. 1857. Т. 3 : Уставы о службе гражданской; Т. 7 : Уставы монетный, горный и о соли; Т. 8 : Уставы лесной, оброчных статей и устав казенных имений в западных и прибалтийских губерниях; Т. 10, ч. 3 : Законы межевые; Т. 12 : Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный; Т. 13 : Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные.

⁶⁴ В 1850-х гг. законодательство Морского министерства еще не было кодифицировано. Специальный Свод морских постановлений был издан только в 1871 г., когда особый статус приписанных к морскому ведомству крестьян – охтинских и черноморских поселян – был ликвидирован.

ментировались другими частями Свода законов Российской империи⁶⁵. С данной позиции становится понятно, почему в 9-м томе не нашлось места для специальных рубрик, регламентирующих права и обязанности купцов и ремесленников: торговлей и ремеслом в принципе мог заниматься любой свободный обыватель.

В-третьих, в «Законах о состояниях» акцент был сделан на правах, а не на обязанностях. Но в некоторых случаях (это касалось, прежде всего, сельских обывателей), наоборот, различия в состоянии определялись не столько правами, сколько кругом выполняемых обязанностей.

Если состояние лица могло быть индивидуальным, можно ли говорить о сословной структуре общества? Думаем, что можно. Во-первых, переход человека из одного состояния в другое был нечастым явлением. Во-вторых, даже если состояние лица было уникальным, оно складывалось из набора базовых элементов, прописанных в законодательстве, что позволяло практически всегда легко идентифицировать сословную принадлежность лица. В-третьих, если все-таки права состояния лица, которыми оно обладало, явно диссонировали с тем набором прав и обязанностей, который был предписан законодательством для его сословия, то это противоречие решалось представлениями о «полной» или «неполной» «силе» прав состояния.

В «Законах о состояниях» обозначены условия, по которым набор прав и обязанностей мог считаться «полным». Во-первых, «право состояния в отношении к пользованию восприимлет полную силу для каждого лица в особенности не прежде, как по достижении им совершеннолетия». Признание лица совершеннолетним зависело от конкретной ситуации⁶⁶. Во-вторых, «муж высшего состояния» сообщал право сего состояния жене, «если только она не из лиц, лишенных по судебным приговорам всех прав состояния, или всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им, прав и преимуществ»⁶⁷. Таким об-

⁶⁵ СЗ. РИ. 1857. Т. 11, ч 2 : Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и устав ремесленный.

⁶⁶ 15 лет – для свидетельства в судах по уголовным и гражданским делам; 16 лет – при поступлении на действительную службу и для вступления в брак женщин (18 лет – для мужчин); 17 лет – для управления имуществом, заключения договоров и вступления в обязательство с попечителем; 21 год – то же, но только без попечителя; тот же возраст – для участия в делах дворянского собрания; 25 лет – для участия в городских выборах и для избрания в сельские и волостные должности государственных крестьян (СЗ РИ. Т. 9. Ст. 4).

⁶⁷ Там же. Ст. 5.

разом, если какие-то права человека не распространялись на его жену и членов его семьи (это, например, могли быть права, обусловленные государственной, общественной или религиозной службой), то они относились к индивидуальному состоянию лица, при этом его сословная принадлежность оставалась прежней. Следовательно, состояние лица было обусловлено не только его сословной принадлежностью, но также и образованием, должностью и иными факторами.

Таким образом, термин «состояние» был шире, чем термин «сословие». Но мы не согласны с тем, как трактует эти термины Г. Фриз, а вслед за ним Н. А. Иванова и В. П. Желтова (напомним, что для них состояние – это четыре основные страты: дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели, в рамках которых существуют мелкие, «настоящие» сословия). Сословие было одним из факторов, формировавших состояние лица. Кроме того, составители Свода законов использовали категорию «состояние» применительно к большему кругу объектов – и к отдельным лицам, и к социальным группам, и к юридическим лицам; термин «сословие» в законодательстве распространялся только на социальные группы⁶⁸. Ну и, наконец, сословие предполагало подданство, иностранцы по этой причине в сословия не входили, но тем не менее они обладали набором прав и обязанностей, т. е. находились в определенном состоянии.

Итак, «состояние» – это набор прав и обязанностей лица (физического или юридического). Чем же тогда является «сословие»?

Наиболее распространенная методика формулировки дефиниции заключается в перечислении и(или) описании характерных черт определяемого объекта, отличающих его от других подобных объектов, вместе с которыми он относится к общему роду явлений. Формулировка определения распадается на два этапа: первый заключается в выяснении,

⁶⁸ Близкую точку зрения по вопросу соотношения «сословия» и «состояния» высказал С. В. Кодан: «Политико-юридическая природа сословной стратификации российского общества исходила из **трех начал** – политико-правовой связи индивида с государством – **подданство**, отнесением подданного к определенной социально-правовой группе – **сословность** и определением его индивидуализированного правового статуса – **состояние**» (Кодан С. В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти...). Однако нам сложно ее разделить. Во-первых, не всякую социально-правовую группу можно считать сословием. Например, «вольнотпущенные и отсужденные на свободу», так же как и целый ряд других состояний «лиц, обязанных избрать род жизни», обладали фиксированным набором прав и обязанностей, но сословием не являлись. Во-вторых, термин «состояние» в самом широком значении применялся не только к физическим, но и к юридическим лицам.

к какому роду явлений относится определяемый объект, второй – в перечислении видовых характеристик, отличающих его от других объектов данного рода. В литературе, как правило, родовым таксоном сословия служит социальная группа; сословие отграничивается от класса, касты, корпорации и иных категорий, применяемых при описании социальной стратификации. В результате формулируется ряд характерных признаков сословия (шесть-семь у Б. Н. Миронова, четыре у Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой), на основе которых создается весьма жесткая конструкция, удобная не столько при изучении сословий, сколько для выявления тех социальных страт, которые к сословиям не относятся.

В качестве альтернативного родового признака при определении сословия может использоваться набор прав и обязанностей или, на языке составителей Свода законов, – состояние. Следовательно, *сословие* можно определить как *состояние социальной группы*. Данное определение сословия позволяет иначе подойти к проблеме исчезновения сословной структуры. В историографии она, как правило, формулируется как переход от сословного общества к классовому⁶⁹. Однако стратификация общества по классам строится на совершенно иных основаниях – на различии в имущественном положении (высший, средний, низший класс); отношении к средствам производства (класс капиталистов, пролетариата); владении определенным фактором производства (класс наемных работников, предпринимателей и рантье). Более корректной и продуктивной представляется формулировка проблемы исчезновения сословной структуры как перехода от сословного общества к гражданскому, к обществу граждан, наделенных равными правами.

Перечень правомочий сословия может как ограничиваться исключительно правами и обязанностями тех лиц, которые в него входят, так и включать какие-то дополнительные коллективные права и обязанности (например, каждый в отдельности дворянин не имеет права обращаться напрямую к императору, а дворянские корпорации этим правом обладают). К таким специфическим сословным правам, прежде всего, относится право на самоорганизацию и самоуправление. Следовательно, можно выделить, как минимум, два основных значения термина «сословие».

В широком значении «сословие» – это социальная страта, включающая лиц, находящихся в одинаковом правовом состоянии. В данном

⁶⁹ См., например: *Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.*

значении «сословие» может рассматриваться как синоним термина «состояние» (и именно в этом значении оно наиболее часто употребляется в Своде законов). Поэтому Н. А. Иванова и В. П. Желтова, критиковавшие Б. Н. Миронова за отождествление сословия и состояния, были вынуждены прийти к тому же заключению. В узком значении – это институт самоуправления лиц с равными правами и обязанностями. Такое представление о сословии соответствует результатам, полученным Г. Фризом применительно к периоду первой половины XIX в.

Однако этими двумя значениями содержание термина «сословие» не исчерпывается. Помимо права на самоуправление историография знает еще ряд специфических черт сословия. Это передача сословных прав по наследству; специфический менталитет и сознание; «участие сословий в местном сословном и государственном управлении»; «внешние признаки сословной принадлежности – одежда, прическа и т. п.». Если исключить признаки психологического и культурологического свойства, то останутся наследуемость и участие в управлении. Их следует рассматривать как правомочия однопорядковые и частично пересекающиеся с правом на самоорганизацию. Например, потомственные почетные граждане не обладали сословной организацией, но передавали свои права по наследству; купечество и цеховые ремесленники, наоборот, имели возможность создавать структуры самоуправления, но не могли передавать своего звания по наследству. Личные дворяне и личные почетные граждане не обладали ни тем, ни другим правом. Они являлись сословием в широком значении – социальная страта, объединяющая лиц, находящихся в одинаковом состоянии.

Итак, минимальным критерием, на основании которого группу можно считать сословием, является законодательно закрепленный набор прав и обязанностей; остальные признаки: «передача их по наследству»; «наличие сословных корпоративных организаций, осуществлявших сословное общественное управление» и «участие сословий в местном сословном и государственном управлении» – могут сочетаться в различных комбинациях (рис. 6).

Используя образ «шире–уже», можно выстроить иерархию понятий. Самым широким является состояние. Уже – сословие как страта лиц, находящихся в одном состоянии (на рис. 6 – овал, очерченный тройной линией). Еще уже – сословие как самоуправляемая община, корпорация, обладающая своими специфическими правами (овал с серой заливкой). Еще уже – сословие как социальная группа, наделенная всеми призна-

Рис. 6. Соотношение понятий «сословие» и «состояние»

ками, которые были выделены историко-социологическим подходом (заштрихованный сегмент).

Данная модель представляет собой гибкий инструмент, с различной степенью «настройки». Она дает возможность ответить на вопрос о том, сколько всего было сословий в России.

Помимо подсчета общего числа состояний, рубрикация 9-го тома дает возможность определить, какие из этих состояний можно отнести к сословиям в узком значении данного термина, т. е. какие сословия обладали правом на самоуправление и чьи представители передавали свой статус по наследству. Правом на участие в местном управлении через институты сословного самоуправления обладали дворяне и «городские обыватели».

В «Законах о состояниях» изменение социального статуса описывается несколькими терминами: «сообщение», «приобретение», «вступление», «потеря», «восстановление», «прекращение», «оставление», «переход в другое состояние», «установление» и «укрепление». Передача статуса по наследству описывалась только одним термином – «сообщение». Своим детям состояние «сообщали» потомственные дворяне, белое духовенство православного и армяно-григорианского вероисповедания, городские обыватели, свободные сельские обыватели и крепостные⁷⁰. Также имеется рубрика о «сообщении» состояния личными

⁷⁰ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 37–45, 269–280, 409–412, 488–493, 642–645, 1016–1023.

дворянами⁷¹, однако их дети получали состояние «ступенькой ниже» – они становились потомственными почетными гражданами.

Регламент институтов, принципов и механизмов сословного самоуправления в «Законах о состояниях» был прописан для дворянства, православного духовенства, городских обывателей и водворенных на казенных землях сельских обывателей⁷².

Следовательно, сословиями в узком значении данного термина, сочетавшими право «сообщить» свое состояние потомкам с правом на самоуправление, являлись потомственные дворяне, православное белое духовенство, городские обыватели и водворенные на казенных землях свободные сельские обыватели. В этот список можно включить и инородцев, которые по умолчанию передавали свое состояние потомкам и обладали самоуправлением, но только в том случае, если абстрагироваться от того, что законодатель не включил их в число «природных российских обывателей» (собственно, именно этим и были обусловлены и их право на самоуправление, и наследуемость их социального статуса). Все остальные категории являлись сословиями только в широком значении данного термина. Интересно отметить, что эти четыре «настоящих» сословия включали одно из основных сословий. Это дает возможность, если исследователь склонен максимально упростить представление о социальной структуре, воспринимать данные сословия в качестве эталонов, относительно которых все прочие сословные группы могут рассматриваться как отклонения от нормы.

3.2. Социально-правовая структура в материалах административно-полицейской переписи 1858 г.

Материалы «Законов о состояниях» послужили источником одной из первых попыток дать картину сословной структуры России. Работы ученых-статистиков представляют особый интерес в качестве источника. Во-первых, они дают возможность определить численность отдельных сословных групп и их удельный вес в населении страны. Во-вторых, они могут показать, насколько выделенные законодателем состояния и сословия соответствовали представлениям ученых, обязанных дать максимально объективную картину социальной структуры.

⁷¹ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 46–53.

⁷² Там же. Ст. 88–187, 295–323, 496–527, 663–676.

В 1858 г. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел (ЦСК) провел первую административно-полицейскую перепись населения. По мнению В. М. Кабузана, в сравнении с ранее проводившимися ревизиями населения административно-полицейский учет являлся «...более совершенным видом подсчета жителей империи. Он регистрировал не приписное, а все наличное население страны на определенную дату»⁷³.

Население учитывалось по разным параметрам, в том числе и по сословиям. «На основании текста существующего законоположения» сотрудники ЦСК насчитали 68 «действительных сословных различий»: три дворянских, шесть духовных, восемь городских, сорок шесть сельских и пять инородческих (интересно, что в данном исследовании впервые социально-правовая группа называется сословием; ранее она именовалась состоянием).

К дворянским «сословным различиям» были отнесены потомственные и личные дворяне, а также не выслужившие дворянство классные чиновники. В качестве духовных сословий перечислены: 1) православное и единоверческое, 2) армяно-григорианское, 3) римско-католическое, 4) протестантское, 5) еврейское и 6) «магометанское» духовенство. Городскими сословиями указаны: 1) купечество, 2) мещане, 3) цеховые вечные и временные, 4) рабочие люди, 5) потомственные почетные граждане, 6) личные почетные граждане, 7) граждане западных губерний и 8) вольные люди.

46 сельских сословий были сведены в пять «отделов» в зависимости от собственника земли, на которой они были водворены. По одному сословию насчитывалось в «отделах» «водворенных на землях удельных» (удельные крестьяне) и «водворенных на землях дворцовых» (дворцовые крестьяне). Самый крупный «отдел» – «водворенные на землях казенных» государственные крестьяне – включал 23 «сословных различия: 1) «крестьяне государственные разных наименований», 2) казаки, 3) казачьи подсосудки, 4) ленные, поиезуитские и прочие в западных губерниях, 5) крестьяне, принадлежащие городам и духовенству в западных губерниях и живущие в имениях разных учебных и благотворительных заведений (госпитальные в Эстляндии, приписанные к Голицинской больнице и пр.), 6) бывшие коннозаводские, 7) лашманы и засечные сторожа, 8) заводские, 9) казенные фабричные, 10) оружейники, 11) со-

⁷³ Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории : сб. ст., 1981. М., 1982. С. 100.

леломщики, 12) бывшие военные поселяне, 13) охтенские и черноморские поселяне, 14) панцирные бояре, 15) ямщики, 16) оседлые инородцы, 17) однодворцы, на казенных землях водворенные, 18) однодворцы западных губерний, из прежней шляхты переименованные, 19) белопашцы и обельные вотчинники, 20) колонисты разных наименований, 21) вольные люди, в западных губерниях на казенных землях живущие, 22) половники, 23) царане. Четвертый «отдел» – «водворенные на землях собственных» – включал восемь «сословных различий»: 1) однодворцы, 2) вольные люди, 3) однодворцы западных губерний, 4) свободные хлебопашцы, 5) колонисты на собственных землях, 6) малороссийские казаки, 7) панцирные бояре на собственных землях и 8) татары – поселяне Таврической губернии. И к пятому «отделу» – «водворенных на землях владельческих» – было отнесено 14 «сословных различий»: 1) однодворцы западных губерний, 2) вольные люди 3) колонисты, 4) половники, 5) панцирные бояре, 6) таврические татары, 7) царане, 8) обязанные крестьяне, 9) обязанные крестьяне на землях купеческих, 10) обязанные крестьяне тираспольские, 11) крепостные крестьяне, 12) купленные и приписанные к частным фабрикам и заводам по особым для них правилам, 13) крестьяне Острожской ординации.

Пять «сословных различий» инородцев составили: 1) сибирские кочевые инородцы вообще и в особенности сибирские киргизы, а равно и островитяне, состоящие в ведении Российско-американской компании, 2) самоеды (мезенские), 3) кочующие инородцы Кавказской области; 4) калмыки, кочующие по Астраханской губернии и Кавказской области, и 5) еврей⁷⁴.

Как отмечали сами авторы, в данную классификацию не вошли «разночинцы, отставные солдаты и бессрочноотпускные солдаты, их жены и дети, иностранцы и несколько переходных сословных групп, о которых закон не упоминает, но которые, тем не менее, на деле существуют»⁷⁵.

Данный перечень сословных групп в целом совпадает с перечнями состояний, приведенным в 9-м томе Свода законов. Но специалисты ЦСК в качестве сословий дополнительно ввели ряд социальных групп. Это не выслужившие личного дворянства государственные чиновники; мусульманское и иудейское духовенство; крестьяне, «водворенные

⁷⁴ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2 : Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 261–265.

⁷⁵ Там же. С. 264.

на дворцовых землях»; крестьяне ленные, поиезуитские и прочие в западных губерниях; крестьяне Острожской ординации; разночинцы⁷⁶ и военные сословия.

Сотрудники ЦСК полагали, что вне юридической практики классификация из 68 сословий была «совершенно бесполезна», поэтому они упростили ее до 31 сословной группы: 1) дворяне потомственные, 2) дворяне личные и чиновники, 3–9) «духовенство разных исповеданий», 10) почетные граждане, потомственные и личные, 11) купцы, 12) мещане, 13) цеховые, 14) рабочие люди, 15) городские жители разных других наименований, 16) крестьяне государственные всех наименований, 17) колонисты, 18) крестьяне горно-заводские, 19) крестьяне разных других ведомств, 20) крестьяне помещичьи и дворовые люди, 21) бывшие военные поселяне, 22) регулярные войска, 23) иррегулярный войска, 24) бессрочноотпускные, 25) отставные, 26) бывшие кантонисты и солдатские сыновья, 27) киргизы, 28) калмыки, 29) сибирские кочевые и бродячие инородцы, 30) лица, не принадлежащие к вышепоименованным разрядам, 31) иностранные подданные⁷⁷.

Два варианта сословной структуры – полный, основанный на законодательстве, и упрощенный (табл. 3) – показывают различия в подходах к социальному структурированию юриста-законодателя и ученого-статистика. Задача первого заключалась в том, чтобы максимально точно проанализировать социальные статусы и определить правовое положение каждого лица без исключений и пропусков; задача второго – представить максимально объективную, но при этом достаточно простую для восприятия общую картину, абстрагировавшись при необходимости от малозначимого, не влияющего на общую характеристику описываемого объекта. Специалисты по социальной истории, как правило, выбирают второй подход, они оставляют за рамками исследования то, что им представляется несущественным.

Малозначимыми специалисты ЦСК посчитали различные категории сельских обывателей, проживавших на государственной земле, которые ими были сведены в две категории – «государственных крестьян всех наименований» и «крестьян разных ведомств». Вольные люди

⁷⁶ «Под именем разночинцев понимаются люди, находящиеся в переходном положении и обязанные чрез известный срок приписаться к какому-либо сословию, например: питомцы воспитательного дома, подкидыши, незаконнорожденные, вышедшие из плена у киргизов или азиатцев, иностранные выходцы, магометане и язычники, принявшие христианскую веру, и пр.» (Статистические таблицы Российской империи... Вып. 2. С. 265).

⁷⁷ Статистические таблицы Российской империи... Вып. 2. С. 266.

Таблица 3

**Сословная структура Российской империи 1850-х гг.
по данным Центрального статистического комитета**

«Подробная» классификация сословий на основании законодательства	«Простая» классификация сословий
Дворянство: <i>дворяне потомственные</i> <i>дворяне личные</i> Чиновники	Дворянство: дворяне потомственные дворяне личные и чиновники
Духовенство: <i>православное и единоверческое</i> <i>армяно-григорианское</i> <i>римско-католическое</i> <i>протестантское</i> еврейское «магометанское»	Духовенство: православное и единоверческое армяно-григорианское римско-католическое протестантское еврейское «магометанское» языческое
Городские сословия: <i>потомственные почетные граждане</i> <i>личные почетные граждане</i> <i>купечество</i> <i>мещане</i> <i>цеховые вечные и временные</i> <i>рабочие люди</i> <i>граждане западных губерний</i> <i>вольные люди</i>	Городские сословия: потомственные и личные почетные граж- дане купцы мещане цеховые рабочие люди городские жители разных других наиме- нований
Сельские сословия: <i>крестьяне государственные разных</i> <i>наименований</i> <i>малороссийские казаки</i> <i>казачьи подсуседки</i> ленные, поиезуитские и прочие в западных губерниях <i>бывшие коннозаводские</i> <i>оседлые инородцы</i> <i>одноворцы</i> <i>одноворцы на казенных землях водво-</i> <i>ренные</i> <i>одноворцы западных губерний</i> <i>белопашцы и обельные вотчинники</i> <i>вольные люди</i> <i>половники</i> <i>панцирные бояре</i> <i>таврические татары</i> <i>цараны</i>	Сельские сословия: крестьяне государственные всех наиме- нований колонисты крестьяне горно-заводские крестьяне разных других ведомств крестьяне помещичьи и дворовые люди

Продолжение табл. 3

«Подробная» классификация сословий на основании законодательства	«Простая» классификация сословий
крестьяне Острожской ординации обязанные крестьяне обязанные крестьяне на землях купеческих обязанные крестьяне Тираспольского уезда колонисты заводские крестьяне удельные дворцовые крестьяне казенные фабричные оружейники солеломщики лашманы и засечные сторожа охтенские и черноморские поселяне ямичики крестьяне, принадлежащие городам и духовенству в западных губерниях и живущие в имениях разных учебных и благотворительных заведений (госпитальные в Эстляндии, приписанные к Голицинской больнице и пр.) купленные и приписанные к частным фабрикам и заводам по особым для них правилам крепостные крестьяне	
Военные поселяне	Военные поселяне
Военные сословия	Военные сословия: регулярные войска иррегулярные войска
Бессрочноотпускные солдаты	Бессрочноотпускные
Отставные солдаты	Отставные кантонисты и солдатские сыновья
Инородцы: сибирские кочевые инородцы вообще и в особенности сибирские киргизы, а равно островитяне, состоящие в ведении Российско-американской компании	Инородцы: киргизы сибирские кочевые и бродячие инородцы калмыки

Окончание табл. 3

«Подробная» классификация сословий на основании законодательства	«Простая» классификация сословий
<i>самоеды (мезенские) кочующие инородцы Кавказской области калмыки, кочующие по Астраханской губернии и Кавказской области евреи</i>	
Разночинцы	Лица, не принадлежащие к вышепоименованным разрядам
Иностранцы	Иностранцы

Примечания: 1. Составлено по: Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 263–266. 2. В первом столбце курсивом выделены состояния, перечисленные в «Законах о состояниях», разрядкой – состояния, там не встречающиеся.

и граждане западных губерний были объединены в категорию «городских жителей разных других наименований»; личные дворяне и чиновники – в одну общую группу. Кроме того, были упущены самоеды, «кочующие инородцы Кавказской области» и евреи. Касательно последних была сделана специальная оговорка: поскольку они были обязаны записываться в одно из городских или сельских сословий, их в качестве особой социально-правовой группы не выделили. Но при этом в упрощенный перечень сословий были включены новые группы. К перечню духовных сословий было добавлено языческое духовенство, а также перечислены военные сословия.

Таким образом, были упущены сословные группы, локализованные в определенном регионе, – различные категории сельских обывателей, инородцев и жители городов западных губерний. Из групп, имеющих привязку к конкретному региону, были оставлены только сибирские инородцы, киргизы и калмыки. То есть в статистике прослеживается тенденция «сгладить» географическую специфику социального пространства России.

По данным ЦСК, в 49 губерниях Европейской России 38 % населения составляли крепостные (35,7 % приходилось на крестьян и 2,3 % – на дворовых); 33,8 % – государственные крестьяне, а остальные 28,2 % распределялись между 28 сословными группами, т. е. в среднем по 1 % на группу (табл. 4). Таким образом, на сословные группы, которые обычно

не выделяются в социальной структуре российского общества (например, различные категории крестьян), приходилось не меньше, чем на общепринятые «основные сословия» – дворян, купцов или почетных граждан.

Таблица 4

Сословная структура 49 губерний Европейской России в 1859 г. по данным
Центрального статистического комитета*

Сословия	М. п.	Ж. п.	Обоего пола	%
Дворянство:				
дворяне потомственные	304 448	305 525	609 973	1,03
дворяне личные и чиновники	140 963	135 846	276 809	0,47
Духовенство:				
православное и единоверческое	266 172	290 174	556 346	0,94
армяно-григорианское	245	180	425	0
римско-католическое	4 839	1 518	6 357	0,01
протестантское	1 758	1 780	3 538	0,01
еврейское	2 430	2 435	4 865	0,01
«магометанское»	14 475	15 699	30 174	0,05
языческое	274	–	274	0
Городские сословия:				
потомственные почетные граждане	6 219	5 858	12 077	0,02
личные почетные граждане	4 696	4 576	9 272	0,02
купцы	204 311	195 272	399 583	0,67
мещане	1 705 846	1 847 447	3 553 293	5,99
цеховые	145 629	132 759	278 388	0,47
рабочие люди	15 080	17 107	32 187	0,05
городские жители разных других наименований	7 304	8 252	15 556	0,03
Сельские сословия:				
крестьяне государственные всех наименований	9 747 387	10 302 891	20 050 278	33,78
колонисты	229 542	220 011	449 553	0,76
крестьяне удельные	986 064	1 083 959	2 070 023	3,49
крестьяне горно-заводские	129 857	137 426	267 283	0,45

Окончание табл. 4

Сословия	М. п.	Ж. п.	Обоего пола	%
крестьяне разных других ведомств	1 179 581	1 279 771	2 459 352	4,14
временнообязанные крестьяне	10 354 700	10 809 249	21 163 949	35,66
временнообязанные дворовые	690 234	692 549	1 382 783	2,33
бывшие военные поселяне	571 989	547 313	1 119 302	1,89
Военные сословия:				
регулярные войска	620 437	1 553 726	3 757 179	6,33
иррегулярный войска	542 060			
бессрочноотпускные	478 614			
отставные	291 577			
бывшие кантонисты и солдатские сыновья	270 765			
Прочие сословия:				
инородцы	144 566	112 696	257 262	0,43
разночинцы	274 548	228 577	503 125	0,85
иностраннные подданные	55 499	25 579	81 078	0,14
<i>Всего</i>	23 889 354	25 073 169	59 350 284	100

* Составлено по: Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел центральным статистическим комитетом. Вып. 2. С. 261–265.

3.3. Сословная структура России в «Уставе о податях»

Как уже говорилось, различия в состоянии определялись не столько правами, сколько кругом выполняемых обязанностей. По этому поводу Г. Фриз высказал весьма интересную мысль: «Исходное юридическое деление в дореформенной России производилось не по сословиям, а по другим социальным и юридическим признакам население делилось на тех, кто облагался подушной податью, и тех, кто ею не облагался... Социальная политика государства была направлена не на формирование сословий, а на определение того, какая группа населения будет внесена в реестр облагаемых подушной податью (“подушный оклад”), а какая будет из него исключена»⁷⁸.

⁷⁸ Фриз Г. Указ. соч. С. 138.

В законодательстве к каждому виду податей и повинностей прилагались перечни состояний, обязанные его исполнять и освобожденные от него. Наиболее репрезентативны списки «званий, подлежащих подушной подати и свободных от оной», приведенные в «Уставе о податях», и списки состояний в уставах «народных переписей» (ревизий).

В «Уставе о податях» все звания были поделены на три группы: подлежащие подушной подати, изъятые и «свободные от оной» (табл. 5). Подушную подать обязаны были платить три состояния городских обывателей – мещане, цеховые и рабочие люди, а также пять сельских – государственные крестьяне⁷⁹, приписные, удельные крестьяне, «разного наименования свободные поселяне», крепостные и дворовые люди. Обращает внимание то, что в «Уставе о податях» приписные рассматриваются уже не как подгруппа государственных крестьян, а как самостоятельная социальная категория: одна часть приписных должна была платить подушную подать, а другая изымалась из ее уплаты. Подушной подати подлежали: 1) приписные к частным «горным и соляным промыслам, к фабрикам и заводам», 2) лашманы; крестьяне: 3) Ярославского Демидовского лица, 4) городов западных губерний («магистратские»), 5) Голицинской больницы в Москве, 6) лейб-гвардии Конного полка, 7) Комиссариата и придворного ведомства, 8) санкт-петербургского и киевского комендантов. Итак, платить подушную подать были обязаны 8 категорий населения, а с разбивкой приписных по ведомственной принадлежности – 15.

Из подушной подати были изъятые четыре категории: 1) обельные вотчинники и крестьяне, 2) белопашцы, 3) ямщики и 4) другая часть

⁷⁹ В «Уставе о податях», так же как и в «Законах о состояниях», приводится перечень категорий, составивших данное сословие: «Под именем государственных крестьян, подлежащих подушной подати, ныне разумеются и все числившиеся в прежние времена под разными названиями поселяне свободного состояния, как то: крестьяне экономические, однодворцы и их крестьяне, прежних служб служилые люди, черносошные, копейщики и рейтары, казаки, рассыльщики и засечные сторожа, пахотные солдаты, крестьяне, бывшие в ведомстве Комиссии для сооружения в Москве храма во имя Христа Спасителя, войсковые обыватели, малороссийские казаки и казачьи подсудежки, коронные, ранговые стрелки, бобровники и пташники, коронно-посполитые, бывшие за монастырями, и прочие казенного ведомства слободские крестьяне, черкасы, отписные, выморочные, военные поселяне прежнего времени, панцирные бояре, соколы помытчики (кроме помыкающих кречетов в Казанской губернии), крестьяне бывших иезуитских и духовных населенных имений, крестьяне состоящих в управлении казенных имений, крестьяне, купленные в казну в князя Голицына и других владельцев, преступники, сосланные в Сибирь на поселение» (СЗ РИ. 1857. Т. 5. С. 2.).

Таблица 5

Состояния, подлежащие подушной подати, изъятые и «свободные от оной»*

Состояния, подлежащие подушной подати	Состояния, изъятые из подушной подати	Состояния, освобожденные от уплаты подушной подати
1. Мещане 2. Цеховые 3. Рабочие люди 4. Государственные крестьяне 5. Удельные крестьяне 6. «Разного наименования свободные поселяне» 7. Крепостные и дворовые люди 8. Приписные: 8.1. Приписные к частным «горным и соляным промыслам, к фабрикам и заводам»; 8.2. Лашманы; 8.3. Крестьяне Ярославского Демидовского лица; 8.4. Крестьяне городов западных губерний («магистратские»); 8.5. Крестьяне Голицинской больницы в Москве; 8.6. Крестьяне лейб-гвардии Конного полка; 8.7. Крестьяне Комиссариата и придворного ведомства; 8.8. Крестьяне Санкт-петербургского и киевского комендантов	1. Обельные вотчинники и крестьяне 2. Белопащцы 3. Ямщики 4. Приписные: 4.1. <i>Мастеровые, рабочие люди и непременные работники горных и соляных заводов и промыслов, принадлежавших казне и Кабинету;</i> 4.2. <i>Охтинские и черноморские поселяне;</i> 4.3. <i>Крестьяне, приписные к дворцам Санкт-Петербургской губернии;</i> 4.4. <i>Путиловские и николевские мастеровые придворного ведомства;</i> 4.5. <i>Крестьяне Киевской Межигорской фабрики;</i> 4.6. <i>Приписные к Павловской суконной фабрике;</i> 4.7. <i>Тульские оружейники;</i> 4.8. <i>Безземельные фабричные казенной лосиной фабрики и кожевенного завода;</i> 4.9. <i>Крестьяне, приписанные к Эльтонскому соляному озеру;</i> 4.10. <i>Крестьяне, живущие по контрактам в черте госпитальных мыз в Эстляндской губернии;</i>	1. Потомственные и личные дворяне 2. Князья и мурзы «татарского происхождения», «в каком бы они ни состояли звании» 3. Христианское духовенство 4. Исламское духовенство Таврической губернии и муллы западных губерний 5. Штатные ламы в Сибири 6. Караимы, занимающие духовные должности 7. Купцы 8. Все состоящие на государственной службе 9. Почетные граждане 10. Канцелярские служители, вышедшие в отставку до 22 ноября 1828 г. 11. «Отставные нижние чины российской службы» 12. Отставные нижние чины польских войск 13. «Российские уроженцы, бывшие в иностранных службах, по возвращении их в Россию» 14. Лица, получившие ученые, медицинские и академические степени (кроме аптекарских учеников) 15. Люди почтового и театрального ведомств 16. Казаки (за исключением малороссийских)

Окончание табл. 5

Состояния, подлежавшие подушной подати	Состояния, изъятые из подушной подати	Состояния, освобожденные от уплаты подушной подати
	4.11. <i>Штатные служители при монастырях и архиерейских домах, «доколе в сих должностях состоят»</i>	17. Иностранцы, вступившие в подданство России в качестве овцеводов и суконных мастеров 18. Временно проживающие в России иностранцы (без вступления в подданство) 19. «Ученые и по учебной части состоящие» и находящиеся в городской службе в прибалтийских губерниях 20. Ученики шелкомотания и художники из мещан в Киевской губернии 21. Оспопрививатели 22. Евреи, состоящие при генерал-губернаторах «для исполнения поручений по предметам, требующим особого знания всех правил и обрядов еврейского закона» 23. Не имеющие офицерских чинов дети личных дворян

* Составлено по: СЗ РИ. 1857. Т. 5 : Устав о податях.

приписных. Это: 1) мастеровые, рабочие люди и непременные работники горных и соляных заводов и промыслов, принадлежавших казне и Кабинету; 2) охтинские и черноморские поселяне; 3) крестьяне, приписные к дворцам Санкт-Петербургской губернии; 4) путиловские и николевские мастеровые придворного ведомства; 5) крестьяне Киевской Межигорской фабрики; 6) приписные к Павловской суконной фабрике, 7) тульские оружейники; 8) безземельные фабричные казенной лосиной фабрики и кожевенного завода; 9) крестьяне, приписанные к Эльтонскому соляному озеру; 10) крестьяне, живущие по контрактам в черте го-

спитальных мыз в Эстляндской губернии; 11) штатные служители при монастырях и архиерейских домах «доколе в сих должностях состоят». Всего – 4 или (с учетом различных групп приписных) 14 категорий.

От уплаты подушной подати были освобождены: 1) потомственные и личные дворяне; 2) князья и мурзы «татарского происхождения», «в каком бы они ни состояли звании»; 3) христианское духовенство; 4) исламское духовенство Таврической губернии⁸⁰ и муллы западных губерний; 5) штатные ламы в Сибири⁸¹; 6) караимы, занимающие духовные должности⁸²; 7) купцы; 8) все состоящие на государственной службе; 9) почетные граждане; 10) вышедшие в отставку до 22 ноября 1828 г. канцелярские служители; 11–13) «отставные нижние чины российской службы», польских войск и «российские уроженцы, бывшие в иностранных службах, по возвращении их в Россию»; 14) лица, получившие ученые, медицинские и академические степени (кроме аптекарских учеников); 15) люди почтового и театрального ведомств; 16) казаки (за исключением малороссийских); 17) иностранцы, вступившие в подданство России в качестве овцеводов и суконных мастеров; 18) временно проживающие в России иностранцы (без вступления в подданство); 19) «ученые и по учебной части состоящие» и находящиеся в городской службе⁸³ в прибалтийских губерниях; 20) ученики шелкомотания и художники из мещан в Киевской губернии; 21) оспопрививатели; 22) евреи, состоящие при генерал-губернаторах «для исполнения поручений по предметам, требующим особого знания всех правил и обрядов Еврейского закона» и 23) не имеющие офицерских чинов дети личных дворян.

Итого: 8(15) + 4(14) + 23 = 35 (52) состояний.

Смещение акцентов с прав состояния подданных на их обязанность платить подушную подать (или свободу от нее) дало иную картину структуры российского общества. Вне поля зрения оказались инород-

⁸⁰ Муфтий (духовный глава мусульман Таврической и западных губерний), кади-эскер (помощник муфтия), уездные кадии (судьи), хатыпы, имамы, муллы, маязины (муэдзины) и служители при мечетях (приходское мусульманское духовенство), миодариссы и гочи (преподаватели низших духовных училищ), начальники текий, шейхов и служители при них, ферраши. Дети муфтия, кади-эскера и пяти уездных кадиев и духовенства приходского: хатыпов, имамов, мулл и маязинов.

⁸¹ Бандидо-хамба («первенствующий лама»), 34 шуретуя (настоятели дацанов), 216 лам, 34 банди и ховарака (послушники в монастырях) (СЗ РИ. Т. 11. Ст. 1285).

⁸² Гахам, газзаны и шамаши (СЗ РИ. Т. 11. Ст. 1097).

⁸³ «Городские маклеры, браковщики и прочие, находящиеся в городской службе». – ПСЗ-2. Т. 17, № 15820.

цы, а также множество категорий сельских обывателей, объединенных в категорию «разного наименования свободных поселян». В качестве самостоятельных групп вне сословия государственных крестьян были обозначены приписные, ямщики, белопашцы, обельные вотчинники и крестьяне. С позиции налогообложения к государственным крестьянам относились только те категории сельских обывателей, водворенных на казенных землях, кто платил подушную и другие подати (причем в состав государственных крестьян были выключены преступники, сосланные в Сибирь на поселение). А вот список освобожденных от подушной подати (23 состояния) на 4/5 состоял из новых категорий. Только пять из них отражены в «Законах о состояниях»: дворяне; духовенство; купцы; почетные граждане и иностранцы.

Среди новых категорий казаки являлись сословием, права и обязанности которого как военного сословия не нашли отражения в «Законах о состояниях». Также признаком сословия (наследуемость) обладали князья и мурзы татарского происхождения и дети личных дворян, становившиеся потомственными почетными гражданами. Прочие категории были обусловлены либо профессиональной деятельностью, либо должностями лиц, вышедших из податных состояний. Можно ли их считать сословиями, хотя бы даже в самом широком значении данного термина?

Один из основоположников изучения сословий в России В. О. Ключевский сформулировал определение сословия, отделив его от привилегии и служебного полномочия (должности). Сословие – «это есть всякое преимущество, даваемое законом целому классу общества в постоянное обладание». Привилегия – это «преимущество, даваемое по особому пожалованию отдельному лицу или фамилии». Служебные полномочия от сословия отличались, во-первых, тем, что «должностные права чрезвычайно неравномерны: с каждой должностью связана особая степень власти, тогда как сословные права одинаковы для всех лиц сословия»; во-вторых, «служебные права суть вместе и обязанности, которыми должностное лицо не может не пользоваться»; в-третьих, «должностные полномочия даются каждому лицу особо и не могут переходить по наследству, тогда как сословные права по существу своему суть потомственные преимущества и даются всему сословию, без различия первых приобретателей и их прямых наследников».

По этим критериям группами, обладавшими привилегиями, являлись проживавшие на государственной земле и освобожденные от

уплаты пошлин и отправления повинностей белопащцы (потомки Ивана Сусанина) и обельные вотчинники и крестьяне (потомки тех лиц, кто оказал особые услуги матери царя Михаила Федоровича). К числу должностей и профессий можно отнести 11 категорий: исламское духовенство; штатных лам; караимов, занимавших духовные должности; лиц, состоящих на государственной службе; людей почтового и театрального ведомств; иностранных овцеводов и суконных мастеров; лиц, обладающих учеными, медицинскими и академическими степенями; ученых, преподавателей и городских служащих в прибалтийских губерниях; учеников шелкомотания и художников Киевской губернии; оспопрививателей и евреев при генерал-губернаторах.

Но оставшиеся шесть категорий нельзя определить ни как сословие, ни как должность, ни как привилегию. Это социальные группы, которые определялись через утраченный статус – «бывшие»: князья и мурзы татарского происхождения, «в каком бы они ни состояли звании»; отставные канцелярские служители; отставные «нижние чины российской службы», польских войск и «российские уроженцы, бывшие в иностранных службах, по возвращении их в Россию» и не имеющие офицерских чинов дети личных дворян.

Итак, перечисления состояний в «Уставе о податях» включают 18 состояний, которые в историографической традиции рассматриваются как сословия, это 17 состояний, отраженных в «Законах о состояниях», и казачество, а также 11 состояний, обусловленных профессией или занимаемой должностью, и шесть состояний «бывших», определявшихся через утраченный статус.

3.4. В интересах фиска: перечни состояний в уставах ревизий

Наиболее подробный перечень состояний содержат уставы «народных переписей» – ревизий, поскольку их целью являлась фиксация всех налогооблагаемых категорий населения. Списки сословных групп были включены в уставы последних трех ревизий: восьмой, проведенной в 1833 г.; девятой, 1850–1851 гг., и десятой, 1857–1858 гг.⁸⁴ Из ревизий было исключено население Закавказья, платившее подымную подать. Кроме того, из девятой ревизии были исключены однодворцы и граждане западных губерний «по уважению, что перепись была проведена им

⁸⁴ ПСЗ-2. Т. 8, № 6265; Т. 25, № 23817; Т. 32, № 31918.

весьма в недавнем времени»⁸⁵. Население Бессарабии переписывалось особой ревизией, проводившейся одновременно с общероссийской. Список состояний Бессарабской области был включен только в устав последней ревизии 1857 г.⁸⁶

При подготовке новой ревизии составлялся новый перечень состояний. В целом наблюдалась тенденция к увеличению количества социальных групп. Перечень состояний восьмой ревизии включал 51 пункт, девятой – 52 (а с учетом подпунктов – 97), десятой – 68 (вместе с подпунктами – 91). С учетом списка «народной переписи Бессарабии» (27 пунктов, из них 9 пунктов не повторяются в списке общероссийской ревизии) наиболее полным является список состояний последней ревизии.

Списки «состояний людей, входящих в перепись и изъятых из оной», делились на четыре части: 1) состояния, внесенные в перепись «для платежа податей и отправления других государственных повинностей»; 2) состояния, вносившиеся в перепись «для одного токмо счета народонаселения»; 3) «для одного также счета народонаселения, производятся в одинаковые с общею народною переписью сроки, но отдельно от оной исчисление священно- и церковнослужителей с женами и детьми обоего пола православного и всех прочих христианских исповеданий» и 4) состояния, которые «вовсе изъемяются от внесения в перепись». Список состояний ревизий в Бессарабии делился на две части: 1) «для платежа податей и отправления повинностей в перепись вносятся»; 2) «для одного счета в перепись входят»⁸⁷.

В первую часть списка десятой ревизии – «для платежа податей и отправления других государственных повинностей» – вошли 30 категорий, которые встречаются в «Законах о состояниях». Это 6 категорий городских обывателей: 1) купцы всех гильдий (на случай перехода их в мещане); 2) мещане; 3) цеховые; 4) рабочие люди; 5) граждане западных губерний; 6) вольные люди, а также «другие люди, к городам приписанные». Двадцать одна категория сельских обывателей: 7) удельные крестьяне («поселяне имений удельных»); 8) дворцовые крестьяне («поселяне имений дворцовых»); 9) государственные крестьяне, водворенные на казенной земле («поселяне имений государственных всех наименований»); 10) лашманы; 11–12) помещичьи крестьяне и однодворческие люди («поселяне всех имений помещичьих и однодворческих»);

⁸⁵ ПСЗ-2. Т. 25, № 23817.

⁸⁶ Там же Т. 33, № 32889.

⁸⁷ Там же. Т. 33, № 32889.

13) крепостные дворовые люди; 14) ямщики; 15–16) однодворцы как внутренних, так и западных губерний; 17) государственные крестьяне, водворенные на собственных землях; 18) вольные люди; 19) половники; 20) еврей-земледельцы; 21–22) обязанные поселяне, живущие как на землях помещичьих, так и других владельцев; 23) малороссийские казаки и войсковые обыватели; 24) крестьяне, приписанные к казенным и частным заводам и фабрикам; 25) крестьяне, «приписанные к городам, госпиталям, адмиралтействам, пасторатам, видмам⁸⁸, форстеем⁸⁹, училищам, к разным другим ведомствам»; 26) поселяне имений, жалуемых на праве майората в губерниях, от Польши возвращенных; 27) колонисты; 28) инородцы⁹⁰ и две категории из бессарабской ревизии – 29) царане и 30) переименованные из рупта-де вистерия и рупта-де-камара почетные граждане.

Прочие состояния в 9-м томе Свода законов отсутствуют. Это четыре состояния сельских обывателей: 31) «поселяне имений Государевых»; 32) «пахотные солдаты, кроме переименованных в сие звание из военных поселян, перепись коих предоставляется начальству»; 33) крестьяне Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний; 34) поселенные питомцы Императорских воспитательных домов. А также: 35) семьи «людей, поступивших в служительские при казенных местах должности»⁹¹; 36) «лица магометанского духовенства» (кроме лиц, занимающих должности в Таврической губернии, и мулл в западных губерниях); 37) студенты высших и специальных учебных заведений из податных сословий⁹². Три «детских» состояния: 38) «все солдатские и матросские

⁸⁸ Видма – казенное имение в прибалтийских губерниях, находившееся в пользовании служащего в течение срока пребывания его в занимаемой должности (СЗ РИ. 1857. Т. 8: Устав населенных имений западных и прибалтийских губерний. Ст. 3).

⁸⁹ Форстея – лесное хозяйство в прибалтийских губерниях.

⁹⁰ «Все инородцы, обитающие в разных местах, исключая инородцев магометанского исповедания, кочующих в Ставропольской губернии, кои впредь до времени изъяты из переписи, и башкир, мещряков, тептярей и бобылей, обитающих в губерниях Самарской, Оренбургской, Пермской и Вятской, кои, составляя иррегулярное войско, в ревизию не вносятся».

⁹¹ Семьи курьеров, сторожей, счетчиков, нижних типографских служителей, «прочих нижних служителей, определенных на службу из податных состояний или таких, по которым они были бы обязаны избрать определенный род жизни».

⁹² «Воспитанники из податного состояния, находящиеся в коммерческих училищах (не исключая назначенных в выпуск кандидатами коммерции 14 класса), равно и в Технологическом практическом институте, Училище торгового мореплавания, Главном училище садоводства, Горыгорецком и Харьковском земледельческих училищах, Лисинском егерском училище, Театральном училище, школах: Московской земледельческой и фельд-

сыновья и военные кантонисты»; 39) «дети солдатских и матросских сыновей и военных кантонистов»; 40) «дети мужского пола, прижитые азиатцами от брака с дочерьми российских подданных по избрании ими одного из податных состояний». Два состояния для лиц, мигрировавших в восточные районы страны: 41) люди податных сословий, «постоянно водворившиеся в российско-американских колониях» и 42) «поселенцы в Сибири и их дети». Два состояния осужденных: 43) освобожденные от работ ссыльно-каторжные и их дети и 44) находящиеся на поселении государственные преступники и их дети.

А также 22 категории лиц, которые были «обязаны избрать род жизни и приписаться по их желанию к какому-либо податному состоянию». Это две категории лиц, освободившихся от крепостной зависимости: 45) вольноотпущенные и отсужденные на свободу и 46) помещичьи крестьяне с семьями, назначенные к отдаче в рекруты, но внесшие за себя деньги. Одиннадцать «детских» категорий: 47) сироты в сиротских домах и питомцы воспитательных домов, «уволненные для избрания рода жизни, если достигли 21 года»; 48) питомцы приказов общественного призрения, «отданные на воспитание поселянам с причислением их к семействам», если они достигли 18-летнего возраста; 49) воспитанники тех же приказов по достижении 21 года; 50) дети питомцев воспитательного дома, уволенных из адмиралтейских рабочих экипажей; 51) дети почетных граждан западных губерний, если достигли 21 года и не поступили в другое состояние; 52) дети воспитанников коммерческих училищ, из податного состояния; 53) дети врачей из податного звания, утвержденных в сих званиях, но не приобретших ни чинов, ни почетного гражданства; 54) дети домашних учителей из податного состояния, рожденные до утверждения отцов их в учительских должностях, а также приходские учителя из податных званий; 55) дети штатных служителей при монастырях и архиерейских домах, не поступившие в служители по достижении ими 19-летнего возраста; 56) дети военных дезертиров, рожденные вне пределов России и возвратившиеся из-за границы; 57) незаконнорожденные дети матерей, принадлежавших податному состоянию. Пять категорий «бывших», утративших прежний социальный статус: 58) «лица, исключенные из духовного звания за излишества и пороки»; 59) лица, «поступившие в гражданскую

шерских при приказах общественного призрения и Санкт-Петербургской Обуховской больницы, Московского воспитательного дома, в ремесленном учебном заведении, Медикохирургической академии и университетах и других заведениях».

службу из духовного звания и уволенные от службы по просьбам или по распоряжению начальства, по неспособности, до получения классного чина»; 60) лица, уволенные из духовного звания армяно-григорианской церкви; 61) уволенные из Балаклавского греческого пехотного батальона неслужащие и неоседлые нижние чины с семействами; 62) лица, лишенные по суду особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных, и сосланные на житье в сибирские или другие отдаленные губернии. Три состояния «приобретших» новый статус: 63) иностранцы, принявшие на подданство присягу; 64) «евреи, магометане и прочие иноверцы, принявшие святое крещение и посему исключенные из прежних обществ»; 65) «иноверцы, принявшие святое крещение, родившиеся после девятой ревизии». И, наконец, шестьдесят шестая сложная категория, объединяющая и должности, и «детские» статусы, и состояния, определяемые через утраченный статус («бывших») – «придворнослужители, служители театральной дирекции и музыканты, собственно не принадлежащие оной, а также дети артистов и музыкантов, не принадлежащих дирекции и свободному от податей званию, дворцовые служители, крестьяне, мастеровые, исключенные из придворного или театрального ведомства за проступки, с обязательством избрать род жизни, а также дети сыновей придворнослужителей, отцы коих не приняты в придворное ведомство и приписаны в податное состояние».

Этот список дополняют три категории, присутствующие только в перечне состояний бессарабской переписи: 67) задунайские переселенцы; 68) крепостные цыгане и 69) евреи, поселившиеся в Бессарабии и принявшие христианскую веру после издания Положения 28 ноября 1830 г. Итого 69 категорий. Из них только 30 (менее половины) имеются в «Законах о состояниях».

Вторая часть списка – состояния, вносившиеся в перепись «для одного токмо счета народонаселения», – включала 26 категорий. Из них в «Законах о состояниях» встречается только семь категорий: 1) обельные вотчинники и крестьяне; 2) белопашцы. И пять категорий приписных: 3) крестьяне городских госпитальных мыз в Эстляндской губернии; 4) охтинские и черноморские поселяне; 5) приписанные к Эльтонскому соляному озеру и крестьяне, живущие на солевозных трактах, у казенных водопойных колодцев; 6) крестьяне, приписанные к дворцам Санкт-Петербургской губернии; 7) «штатные служители из казенных селений, находящихся при церквах, монастырях, заведениях

при оных и при Архиерейских домах и дети их, не достигшие двадцатилетнего возраста».

Еще четыре категории содержатся в «Уставе о податях», три приписных: 8) крестьяне при Киевской Межигорской фабрике; 9) приписанные к Павловской суконной мануфактуре работники и мастеровые из Павловской волости и дети их; 10) тульские оружейники и 11) принявшие российское подданство овцеводы из иностранцев и дети их.

В 15 категорий, которые не встречаются ни в «Законах о состояниях», ни в «Уставе о податях», входят шесть «детских» категорий, а также категории, обусловленные воспитанием и образованием: 12) выпускники вышеназванных учебных заведений, «выпущенные с предоставлением им особых прав или выслужившие срок обязанной службы», а также выпускники Рижского училища торгового мореплавания в звании штурманов, штурманских помощников и шкиперов; 13) получившие звание ученых мастеров воспитанники Московского ремесленного учебного заведения; 14) сироты из податных званий в сиротских домах; 15) уволенные из адмиралтейских рабочих экипажей питомцы воспитательного дома; 16) воспитанники приказов общественного призрения из податного состояния до совершеннолетия; 17) «отпущенные на волю без отцов и матерей или других родственников малолетние дети или круглые сироты из крепостных крестьян или дворовых людей... до совершеннолетия». Два состояния лиц, утративших «способность к работам»: 18) «люди податного состояния, призреваемые в приказах общественного призрения и в других богоугодных заведениях» и 19) «лица, лишенные за пороки духовного сана и, по престарелым летам и совершенной неспособности к работам, отданные родственникам или в приказы общественного призрения». А также: 20) освобожденные от платежа податей отставные придворнослужители, не принятые в придворное ведомство, и сыновья придворнослужителей; 21) штатные служители римско-католических монастырей, имения которых приняты в казну; 22) записанные в цехи вольные матросы; 23) нежинские греки; 24) крестьяне, вошедшие в округи военных поселений, но окончательно в оные не поступившие; 25) принявшие крещение иноверцы, «не платившие до обращения их к православию никаких податей»; 26) государственные преступники, состоящие под полицейским надзором.

Третья часть списка, как уже упоминалось, включала только одну категорию – христианское духовенство, которое в «Законах о состояниях» являлось одним из четырех «основных сословий».

Четвертая часть – состояния, которые «вовсе изъемяются от внесения в перепись», – содержала 29 категорий. Из них только пять состояний можно найти в «Законах о состояниях»: 1–2) дворяне (потомственные и личные); 3–4) почетные граждане (потомственные и личные) и 5) мастеровые, рабочие и урочные (непременные) работники и их дети при казенных горных и соляных заводах и промыслах и монетных дворах, а также мастеровые при других казенных предприятиях и предприятиях, принадлежавших Кабинету. Еще 10 состояний перечисляются в «Уставе о податях»: 6) все вообще лица, состоящие в государственной службе и на основании уставов освобожденные от податей; 7) казаки («донские, черноморские, уральские, оренбургские и прочие казаки, также башкиры, мещеряки, тептяри и бобыли, обитающие в губерниях Самарской, Оренбургской, Пермской, Вятской, составляющие иррегулярное башкирское войско»); 8) канцелярские служители, вышедшие в отставку до издания указа от 22 ноября 1828 г.; 9) люди почтового и театрального ведомств; 10) лица, получившие ученые, медицинские и академические степени (кроме аптекарских учеников); 11) магометанское духовенство Таврической губернии и муллы западных губерний; 12) занимающие духовные должности караимы; 13) штатные ламы в Сибири; 14) дети личных дворян, не имеющие офицерских чинов, 15) нижние чины в отставке.

И четырнадцать состояний, не встречающихся ни в «Законах о состояниях», ни в «Уставе о податях»: 16) домашние учителя и вообще все лица, числящиеся в государственной службе и на основании уставов освобождающиеся от подати; 17) все нижние военные чины, на службе находящиеся и вообще принадлежащие военному ведомству; 18) дети евангелическо-лютеранских пасторов, рожденные в бытность отцов их проповедниками и причисленные к почетному гражданству; 19) отставные придворнослужители и дети их, не принятые в придворное ведомство и не записанные в податное состояние; 20) «приходские учителя, комнатные надзиратели, помощники университетских студентов, смотрители за воспитанниками Министерства народного просвещения, домашние учителя и другие лица, считающиеся в государственной службе по учебной части, равно классные надзиратели воспитательных домов ведомства опекунских советов и надзиратели больницы Всех Скорбящих, поступившие в должности из свободных податных состояний»; 21) лица в служительских должностях при казенных местах и присутствиях (курьеры, сторожа, счетчики, вахтеры, типографские служители

и пр.) из податных сословий или обязанных избрать род жизни; 22) «лекарские ученики из податного состояния пока должность исполняют»; 23) служащие по ведомству Главного управления Российско-американской компании лица из податных званий; 24) оседлые инородцы в колониях Российско-американской компании и племена, живущие по берегам Америки; 25) креолы; 26) киргизы Внутренней орды.

И три категории бессарабской переписи: 27) «те из малолетних сирот, престарелых и увечных, кои призреваются в заведениях Приказа общественного призрения и других богоугодных учреждениях и к обществам не принадлежащих»; 28) евреи, поселившиеся в Бессарабии и принявшие христианскую веру до издания Положения от 28 ноября 1830 г.; 29) чоклы, или гробокопатели.

Всего список состояний десятой переписи и переписи Бессарабской области 1857 г. включал 125 категорий (69 + 26 + 1 + 29). Это значительно больше того перечня состояний, который содержится в 9-м томе Свода законов. Из этих 125 категорий в «Законах о состояниях» встречается 1/3 (43 состояния). Высокий процент новых категорий (125 – 43 = 82 или 66 %), в сравнении с «Законами о состояниях», обусловлен тем, что при проведении переписи должны были быть учтены по возможности все социальные группы с переходным специфическим состоянием. Поэтому учитывались не только сословия, но и должности, профессии, а также различные маргинальные состояния: «обязанные избрать род жизни», отставные, дети, которые не могли унаследовать статус отца, переселенцы, преступники и др.

На те состояния, которые отражены в 9-м томе Свода законов, в первой части списка (внесенных для платежа податей отправления повинностей) приходится 43 % (30 категорий); во второй и третьей части списка состояний (внесенные только для счета народонаселения) – 30 % (8 категорий) и в четвертой части списка состояний («Вовсе изъемяются от внесения в перепись») – только 17 % (5 категорий). На категории, не представленные в «Законах о состояниях», приходится соответственно 57 % (39 категорий), 70 % (19 категорий) и 83 % (24 категории). Высокий процент освобожденных от уплаты подушной и других податей среди состояний, не учтенных в 9-м томе Свода законов, обусловлен различными льготами, предоставлявшимися выходцам податных сословий, находившимся на государственной и общественной службе.

Какие из перечисленных состояний можно считать сословиями?

Состояния можно разделить по ключевому признаку сословного на наследуемые и те, которые не передавались по наследству. Наследуемые состояния, в свою очередь, можно разделить на состояния, закрытые от проникновения извне, и открытые, а ненаследуемые (они все были открытыми) – на те, которые лицо приобретает добровольно, и те, которые получает помимо своей воли (табл. 6). Открытые наследуемые состояния законодательство, как правило, определяет как сословия (например, потомственные дворяне). Наличие закрытых наследуемых состояний было обусловлено либо привилегированным положением (белопашцы), либо местными традициями правоприменения на национальных окраинах, с которыми власти должны были считаться (категории инородческого населения), либо закрепощением, либо иными формами феодальной зависимости определенных социальных групп (например, выполнение каких-либо специфических функций в системе государственного хозяйства). Ненаследуемые добровольные состояния были связаны с получением сословных привилегий, не передающихся по наследству (личные дворяне), с государственной и общественной службой, профессиональной деятельностью или специальными навыками. Ненаследуемые состояния, которые лицо получило помимо своей воли, могли быть связаны со службой в армии, отставкой или увольнением со службы, возрастом («детские» и «старческие» состояния), а также утратой прежнего состояния.

Из 43 состояний, представленных как в 9-м томе Свода законов, так и в «Уставе 10-й ревизии», 37 (86 %) относятся к наследуемым. Из них 28 (65 %) состояний относятся к закрытым для проникновения извне и 9 (21 %) – к открытым. К ненаследуемым относятся только 6 (14 %) состояний. Среди состояний, не отраженных в 9-м томе, наблюдается совершенно иная картина. Наследуемыми являлись 15 (18 %) состояний, из них только одно было открыто для входа, остальные относились к закрытым. 67 (82 %) состояний не передавались по наследству, из них 28 приобретались добровольно и 39 – не по собственной воле (это различные «детские» состояния, состояния преступников).

Итак, из 125 категорий к сословиям в широком значении данного понятия можно отнести 57 состояний: 10 наследуемых состояний, открытых для входа «свободных обывателей», 42 наследуемых состояния, закрытых для свободного входа, 5 ненаследуемых добровольных состояний, которые отражены в 9-м томе Свода законов и признаются сословиями в историографии. Из остальных 68 состояний 22 связано

Таблица 6

**Социальные категории из списка «состояний людей»
(по данным 10-й ревизии и ревизии Бессарабской области 1857 г.)***

Состояния	Категории			Всего
	внесенные для платежа податей отправления повинностей	внесенные для счета народонаселения	«вовсе изъеются от внесения в перепись»	
Присутствуют в «Законах о состояниях»:	30	8	5	43
наследуемые состояния, закрытые для свободного входа	20	7	1	28
наследуемые состояния, открытые для свободного входа	7		2	9
ненаследуемые состояния, приобретенные добровольно	2	1	2	5
ненаследуемые состояния, «установленные» помимо воли человека	1			1
Отсутствуют в «Законах о состояниях»:	39	19	24	82
наследуемые состояния, закрытые для свободного входа	4	6	4	14
наследуемые состояния, открытые для свободного входа		1		1
ненаследуемые состояния, приобретенные добровольно	11	4	13	28
ненаследуемые состояния, «установленные» помимо воли человека	24	8	7	39
<i>Всего</i>	69	27	29	125
в том числе:				
наследуемые состояния, закрытые для свободного входа	24	13	5	42
наследуемые состояния, открытые для свободного входа	7	1	2	10
ненаследуемые состояния, приобретенные добровольно	13	5	13	30

Окончание табл. 6

Состояния	Категории			Всего
	внесенные для платежа податей отправления повинностей	внесенные для счета народонаселения	«вовсе изъемяются от внесения в перепись»	
ненаследуемые состояния, «установленные» помимо воли человека	25	8	7	40

* Составлено и подсчитано по: ПСЗ-2. Т. 32, № 31918; Т. 33. № 32889.

с обязанностью лиц «избрать род жизни и приписаться по их желанию к какому-либо податному состоянию», по 4 состояния – с переходом в христианство и переселением, 3 состояния относятся к осужденным преступникам, 8 – к отставным и престарелым, 12 – к детям и членам их семей и 15 обусловлены профессиями и должностями.

Перечни социально-правовых категорий в законодательных актах существенно различаются. Это обусловлено различным ракурсом наблюдения. Те группы, которые важно выделить при регламентации имущественных прав, могут оказаться незначительными при выделении состояний, облагавшихся податями, и свободных от их уплаты. Если обратиться к перечням состояний в законодательных актах, регламентирующих исполнение государственных повинностей, то выявятся новые состояния (например, ранее не проявлявшиеся мещане г. Нарвы, греки и армяне г. Карасубазар и Старого Крыма, греки г. Керчи и Еникале, владельцы дедичные и арендовые Минской губернии; байрякинские торговые татары Оренбургской губернии также окажутся отдельным состоянием, поскольку были освобождены от рекрутской повинности)⁹³. В результате появляется перспектива получить перечень состояний из нескольких сотен званий.

3.5. «Исследование о числе жителей России» академика Кеппена

Развернутая картина социального пространства была представлена в работе академика П. И. Кеппена, в которой он попытался определить общую численность населения Российской империи. Основными источ-

⁹³ СЗ РИ. 1857. Т. 4 : Уставы рекрутские. Ст. 4.

никами для данного исследования послужили материалы 9-й ревизии, проведенной в 1851 г.: перечневые ведомости о числе душ мужского пола и донесения губернских казенных палат. Их дополняли перечневые ведомости о гражданах и однодворцах западных губерний, составленные в 1854 г.; предоставленные военным министерством ведомости о народонаселении казачьих войск, пахотных солдат и военных поселений кавалерии; выписки из камеральных описаний кавказских губерний; отчеты начальников губерний и областей; отчеты Главного правления Русско-американской компании; ведомости о народонаселении Царства Польского, Финляндии и др. Поскольку ревизия должна была определить число лиц мужского пола, положенных в оклад, состоящих на льготе, а также освобожденных от уплаты подушной подати, первичные данные собирались по сословным группам. При этом состояния, освобожденные от уплаты подати, в ревизии не учитывались; сведения о них собирались казенными палатами из других учреждений, «без строгой ответственности за достоверность»⁹⁴. Поэтому П. И. Кеппен был уверен, что наличное население России было больше той цифры, которую он смог в итоге вычислить – 68 млн чел.

Материалы, собранные казенными палатами, по своей структуре неоднородны и фрагментарны. В одних губерниях казенные палаты тщательно фиксировали все состояния, включая и изъятые из подушной подати; в других – ограничивались только данными о состояниях, положенных в оклад и состоящих на льготе; в-третьих – считали нужным указать некоторые из состояний, свободных от уплаты податей. Но несмотря на многочисленные недостатки, эти материалы представляют значительную ценность, поскольку показывают ту социальную структуру, которая фиксировалась на уровне губерний. Всего в работе П. И. Кеппена насчитывается более 400 различных состояний. Значительная доля этих состояний была зафиксирована в определенных регионах. Анализ показал, что из 57 губерний и областей, предоставивших данные о социально-правовых группах, уникальных состояний, не встречавшихся в других губерниях и областях, не было только в 13 губерниях⁹⁵, в 12 регионах имелось по одному та-

⁹⁴ Кеппен П. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей России в 1851 г. СПб., 1857. С. 8.

⁹⁵ Владимирская, Воронежская, Казанская, Калужская, Ковенская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Орловская, Полтавская, Псковская, Тамбовская, Тверская губернии.

кому состоянию⁹⁶, в семи регионах – по два⁹⁷, еще в шести – по три⁹⁸, в семи – по четыре-пять⁹⁹, в восьми губерниях – по шесть-девять¹⁰⁰

⁹⁶ Витебская (панцирные бояре), Вологодская (половники), Вятская (мастеровые и рабочие люди при Воткинском и Ижевском заводах), Киевская (фабриканты Киево-Межигорской фаянсовой фабрики), Костромская (белопашцы), Курская (крестьяне Глушковской суконной фабрики), Лифляндская (ученые), Симбирская (Кард-котный экипаж путей сообщения – охрана вдоль берега р. Волги), Тульская (оружейники), Харьковская (конюшенные крестьяне), Ярославская (крестьяне, приписанные к Демидовскому лицу) губернии, Забайкальская (Забайкальское войско) и Камчатская (камчатские и гижигинские поселяне) области.

⁹⁷ Архангельская (ясашные самоеды и лопари), Екатеринославская (поселяне из греков и неперменные работники Луганского завода), Курляндская (свободные от платежа податей вольные люди курише-кёниге и станционные служители и писари), Новгородская (крестьяне Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и люди Старорусского солеваренного завода), Смоленская (крестьяне комиссии строительства храма Христа Спасителя и крестьяне Орловского кадетского корпуса), Черниговская губернии (нежинские греки и утвержденные почетными гражданами бывшие дворяне) и Якутская область (крестьяне поселенцы полного оклада, крестьяне поселенцы половинного оклада).

⁹⁸ Виленская (крестьяне в городских имениях, крестьяне в имениях, принадлежащих духовенству, неокладные татары), Гродненская (поселяне старостинские, крестьяне комитета Друскинецких минеральных вод, крестьяне Гродненского приказа общественного призрения), Иркутская (ссылные, состоящие в цехе слуг и при ремесленных заведениях, ссыльных на пропитании в селениях, хлебопашцы и ремесленники Тельминской казенной фабрики), Московская (крестьяне комиссариатского ведомства, дворцовые, конюшенные), Оренбургская (мастеровые Златоустовских заводов, Оренбургское и Уральское казачьи войска), Самарская (состоящие при Эльтонском озере, единоверческие монахи, смоленская шляхта) губернии.

⁹⁹ Енисейская (цеховые и ремесленники, не положенные в оклад; перешедшие в государственные крестьяне из инородцев; поселенцы, состоящие на собственном пропитании; Енисейский конный полк; еврейские дети, которые в 16 лет, если не выедут из Сибири, должны записаться в кантонисты), Олонецкая (обельные вотчинники и их крестьяне, не положенные в оклад; обельные крестьяне, платящие только подушную подать; приписанные к Олонецким заводам; мастеровые Александровского и Кончозерского заводов; мастеровые Тивдийских мраморных ломок гоф-интендантской конторы), Пензенская (мурзы; мурзинские люди; отписные татары; новокрещенные; городовые воротники), Подольская (поселяне, платящие в Острогскую ординацию; крестьяне казенные ленные; крестьяне казенные майоратские; крестьяне городов в ведении казны), Саратовская (питомцы Московского воспитательного дома; безбродные государственные крестьяне; учителя; мастеровые при Тальской бумажной фабрике), Ставропольская (Кавказское казачье линейное войско; шотландские колонисты; осетины и черкесы; кочующие народы магометанской веры), Томская (крестьяне горные Алтайского горного округа; бухарцы; приписанные к домам и денежно обеспеченные; приписанные к населенным имениям) губернии.

¹⁰⁰ Астраханская (солеломщики и солевозчики при Эльтонском озере; Астраханское казачье войско; татары, платящие подать 1,93 руб.; татары, платящие подать 1,93 руб., исключенные в число мещан; армяне, платящие 2 руб. с семейства; туркмены, пришедшие с Мангышлака; каракалпаки; калмыки; киргизы Внутренней (Букреевской) орды), Волынская (голендоры; крестьяне, принятые от духовенства; крестьяне Киевского университета; крестьяне помо-

и в трех – свыше 10 состояний¹⁰¹. Эти данные носят предварительный характер и требуют тщательной перепроверки, но тем не менее они показывают, что наличие особых социально-правовых групп в пределах одной, двух или нескольких губерний было не исключением из правила, а, наоборот, нормой. По-видимому, следует согласиться с Г. Фризом, утверждавшим, что сословия «представляли собой невероятно слож-

настырские; крестьяне, конфискованные окончательно, владельческие; крестьяне ординацкие; крестьяне, конфискованные окончательно, ординацкие), Пермская (зауряд-чиновники; мастеровые при казенных горных заводах; при Екатеринбургской гранильной фабрике; при Дедюхинских соляных промыслах; отставные нижние горные чины; непременные или урочные работники частных заводов; черемисы; ясашные вогулы; единоверческие священно- и церковнослужители), Тобольская (крещенные киргизы; бухарцы; поселенческие дети до 17 лет; поселенческие дети при винокуренных заводах; «другие при винокуренных заводах»; «другие при Омской суконной фабрике»), Рязанская (рассыльщики; засечные сторожа; крестьяне московской Голицинской больницы; крестьяне Орловского Бахтина кадетского корпуса; крестьяне Императорских военных конских заведений; казенные кузнецы; крестьяне, состоящие при суконных фабриках), Таврическая (караимы; магометанское духовенство; казенные ученики садоводства; крымско-татарский эскадрон; греческий батальон; поселяне татары; свободные хлебопашцы (ногаи)), Херсонская (вольные матросы; вольные штурманы; адмиралтейские поселяне ведомства Черноморского флота; однодворцы на 8-летней льготе; государственные крестьяне, водворенные на помещичьей и собственной землях; государственные крестьяне из кантонистов), Эстляндская (мастеровые при Ревельском Императорском Екатеринтаальском дворце; вольные шведские крестьяне на помещичьих землях; вольные шведские крестьяне на пасторатских землях; положенные в оклад поселяне церковных и госпитальных мыз; неположенные поселяне церковных и госпитальных мыз; поселяне пасторатских имений; поселяне имений, принадлежащих городам; поселяне имений Воспитательного дома благородных девиц эстляндского дворянства) губернии.

¹⁰¹ Бессарабская (бояринарши (личные дворяне); Дунайское казачье войско; некрасовцы; цыгане городские; цыгане дворовые крепостные; цыгане поселенные крепостные; чоклы (гробокопатели); царане; рупта-де-камара; рупта-де-вистерия; задунайские переселенцы), Санкт-Петербургская (неторгующие почетные граждане; государственные крестьяне, поселенные на помещичьих землях; крестьяне-служители и рабочие люди при дворцах; государственные крестьяне, поселенные на обработанной англичанином Виллером земле близ Большой Охты; поселяне Гатчинского дворцового правления; поселяне коменданта Петербургской крепости; охтинские поселяне; поселяне гоф-интендантской конторы; поселяне Александровской мануфактуры; поселяне ведомства петербургского почт-директора; мастеровые Ропшинской бумажной фабрики, Императорского стеклянного завода, Императорской Александровской мануфактуры, Санкт-Петербургского монетного двора, Санкт-Петербургской синодальной типографии, гоф-интендантской конторы, Императорской Петергофской гранильной фабрики, Императорского фарфорового завода, Императорского Александровского главного механического завода, Императорской шпалерной мануфактуры; поселяне, принадлежащие императорской фамилии) губернии и область Войска Донского (служивые генералы; казаки; малолеты; отставные генералы; штаб-офицеры; обер-офицеры; урядники; казаки торгового общества; дети генералов и офицеров; дети нижних чинов).

ные скопления социальных категорий с многочисленными и отчетливыми внутренними подразделениями», «что степень консолидации социальных групп в четкую систему больших статусных категорий была значительно преувеличена»¹⁰².

П. И. Кеппен на основании полученных сведений выделил до 79 социальных групп и свел все данные в таблицу «Об обитателях России по состояниям» (табл. 7). Эти сведения, как специально оговаривал сам автор, являются неполными, в них не включены данные о лицах женского пола, о населении Польши, Кавказа и Финляндии и о регулярной армии. За исключением этих категорий Кеппен насчитал 28,8 млн чел.¹⁰³

Из всего количества учтенного населения более двух третей приходилось на две группы – на крепостных (37 %) и государственных (30 %) крестьян; по 5 % – на долю мещан, сословий военного ведомства (военные поселения и иррегулярные войска), 4 % – на обитателей Закавказья (без разбивки по сословным группам), по 2 % – на инородцев и вольных людей, проживавших на помещичьих землях, 1 % – на мастеровых и крестьян при государственных промышленных предприятиях. На долю остальных сословных групп приходилось менее 1 %. В их числе оказались и такие группы, как дворянство и духовенство, которые в любой модели сословной структуры учитываются в качестве «основных сословий».

Анализ данной сословной структуры показывает, что наследуемыми являлись 30 состояний. Из них три состояния были привилегированными сословиями: 1) потомственные дворяне; 2) потомственные почетные граждане; 3) часть лиц «духовного ведомства» – белое духовенство православной и армяно-григорианской церкви. Три относились к городским обывателям: 1) мещане; 2) граждане западных губерний; 3) вольные люди в городах остзейских губерний. Двадцать три состояния – к различным категориям сельских обывателей: 1–3) государственные, удельные и владельческие (с дворовыми) крестьяне; 4) иностранные поселенцы; 5) еврей-земледельцы; 6–7) пахотные солдаты и военные поселения кавалерии; 8) иррегулярные войска; 9) адмиралтейские поселяне ведомства Черноморского флота в Херсонской губернии; 10) вольные люди на помещичьих землях; 11) цараны Бессарабской области; 12) государственные крестьяне в сибирских губерниях и областях, не состоящие в ведении Министерства государственных имуществ (МГИ); 13) поселенцы и их дети; 14–17) крестьяне, припи-

¹⁰² Фриз Г. Указ. соч. С. 139.

¹⁰³ Кеппен П. Девятая ревизия... С. XII.

Таблица 7

Состояния Российской империи в 1851 г. (по П. И. Кешпену)*

Состояния	Численность (в скобках – процент к общему числу учтенного населения)		
Дворяне потомственные	181 453 (0,63)		
Дворяне личные и дети личных дворян	81 012 (0,28)		
Разночинцы	23 787 (0,08)		
Почетные граждане потомственные	3 849 (0,01)	7 184 (0,02)	
Почетные граждане личные	1 487 (0,005)		
Купцы первой гильдии:			178 112 (0,69)
христиане	1 440 (0,005)	1 916 (0,01)	
евреи	467 (0,002)		
магометане	9		
Купцы второй гильдии:			
христиане	5 005 (0,02)	5 992 (0,02)	
евреи	8 91 (0,003)		
магометане	96		
Купцы третьей гильдии:			
христиане	137 198 (0,47)	170 204 (0,59)	
евреи	28 809 (0,10)		
магометане	4 197 (0,02)		
Мещане:			1 560 816 (5,42)
христиане	1 030 731 (3,58)	1 554 693 (5,39)	
евреи	504 385 (1,75)		
магометане	19 577 (0,07)		
Цеховые	3 020 (0,01)		
Ремесленники	720 (0,002)		
Рабочие	2 383 (0,01)		
Крестьяне:			20 543 244 (71,31)
государственные	8 831 136 (30,65)	9 026 171 (31,33)	
иностранные поселенцы	188 614 (0,65)		
евреи-земледельцы (Херсонской губернии)	6 421 (0,02)		
удельные	808 173 (2,81)		
владельческие (с дворовыми)	10 708 900 (37,17)		
Лица духовного ведомства	277 695 (0,96)		

Продолжение табл. 7

Состояния	Численность (в скобках – процент к общему числу учтенного населения)		
Штатные служители при архиерейских домах	8 709 (0,03)		
Отставные солдаты и солдатские дети	144 110 (0,5)		
Пахотные солдаты (в 3 губерниях)	77 999 (0,27)	368 217 (1,28)	1 514 530 (5,26)
Военное поселения кавалерии (в 5 губерниях)	290 218 (1,01)		
Иррегулярные войска	1 146 313 (3,98)		
Адмиралтейские поселяне ведомства Черноморского флота в Херсонской губернии	6 834 (0,02)		
Обитатели закавказских губерний	1 156 248 (4,01)		
Граждане и однодворцы западных губерний	155 916 (0,54)		
Вольные люди, живущие на помещичьих землях	575 753 (2,0)		
Вольные люди в городах остзейских губерний	27 772 (0,09)		
Цараны Бессарабской области	241 889 (0,84)		
Государственные крестьяне в сибирских губерниях и областях, не состоящие в ведении МГИ	618 477 (2,15)		
Поселенцы и их дети	55 721 (0,19)		
Крестьяне в городских имениях	15 304 (0,05)		
Крестьяне в имениях церковных	28 397 (0,1)		
Крестьяне, приписанные к учебным заведениям	7 453 (0,03)		
Крестьяне, приписанные к благотворительным и лечебным заведениям	1 748 (0,006)		
Крестьяне, приписанные к казенным заводам и фабрикам, а равно и к соляным промыслам и мастеровые при этих заведениях	31 1380 (1,08)		
Крестьяне и мастеровые при частных заводах и фабриках	86 353 (0,3)		
Крестьяне ведомства кабинета Его императорского величества и (бывшей) гоф-интендантской конторы	647 (0,002)		

Продолжение табл. 7

Состояния	Численность (в скобках – процент к общему числу учтенного населения)	
Крестьяне собственные Его императорского величества и принадлежащие императорской фамилии	30 255 (0,1)	
Крестьяне дворцовые	9 112 (0,03)	
Крестьяне ранговых имений**	2 237 (0,01)	
Вольные матросы, штурманы, лоцманы	13 749 (0,05)	
Немецкие и другие колонисты, не показанные в таблице о государственных крестьянах	7 511 (0,03)	
Евреи-земледельцы, не показанные в таблице о государственных крестьянах Екатеринославской губернии	9 537 (0,03)	
Иностранцы (не показанные в ведомости о государственных крестьянах, кроме киргизов Оренбургского ведомства):		
– Астраханская губерния:		
киргизы	41 000 (0,14)	
калмыки	43 000 (0,15)	98 500
трухмены	907 (0,003)	(0,34)
каракалпаки	192 (0,001)	
– Енисейская губерния (ясачные иностранцы)	15 970 (0,05)	
– Забайкальской области (монгольские, маньчжурские, тунгусские племена)	117 271 (0,41)	
– Иркутская губерния (кочевые и бродячие)	54 020 (0,19)	
– Камчатская область (кочевые и бродячие)	2 230 (0,01)	
– Семипалатинская область (киргизы):		
сибирские киргизы	185 690 (0,64)	235 690
киргизы Большой орды	50 000 (0,17)	(0,82)
– Ставропольская губерния		
осетины и черкесы	1 310 (0,005)	47 103
кочующие магометане	45 793 (0,16)	(0,16)
– Тобольская губерния (кочующие)	14 616 (0,05)	
		791181 (2,75)

Продолжение табл. 7

Состояния	Численность (в скобках – процент к общему числу учтенного населения)	
– Томская губерния: оседлые кочевые и бродячие – Якутская область – владения Американской компании – нежинские греки – мариупольские греки – армяне Астраханской губернии, платящие подать с семейства или со двора – армяне-поселяне Екатеринославской губернии – армяне-поселяне Ставропольской губернии – бухарцы Тобольской губернии, платящие с трех душ – бухарцы Томской губернии – татары Виленской губернии, не состоящие в подушном окладе	10 563 (0,04) 17 586 (0,06) 103 114 (0,36) 44 000 (0,15) 777 (0,003) 16 510 (0,06) 2 381 (0,008) 2 891 (0,01) 1 663 (0,006) 4 824 (0,017) 173 (0,001) 1 299 (0,005)	28 149 (0,1) 17 287 (0,06) 6 935 (0,02) 4 997 (0,018)
Сыльные и заводские работники в Забайкальской области	19 942 (0,07)	
Разные другие состояния: приказнослужители и сторожа присутственных мест; домашние учителя; питомцы воспитательных и сиротских домов; кантонисты; люди почтового и театрального ведомства; лекарские ученики и оспопрививатели; лесная стража; люди, находящиеся в служительских должностях; не избравшие рода жизни и состоящие на льготе отпущенные и осужденные на волю; незаконно рожденные до совершеннолетия;	114 912 (0,4)	

Окончание табл. 7

Состояния	Численность (в скобках – процент к общему числу учтенного населения)
призреваемые богодельники; новокрещенцы; иностранцы, в России временно пребывающие.	114 912 (0,4)
<i>Всего</i>	28 808 980

* Составлено по: *Кеппен П.* Девятая ревизия: Исследование о числе жителей России в 1851 г. СПб., 1857. С. 215–216.

** Ранговые имения – имения, доходы от которых шли на обеспечение должностных лиц – коменданта Петербургской крепости и петербургского почт-директора (*Кеппен П.* Указ. соч. С. 220).

саные к городским и церковным имениям, к учебным, благотворительным и лечебным заведениям; 18) крестьяне и мастерские казенных предприятий; 19) крестьяне и мастерские частных заводов и фабрик; 20–21) крестьяне кабинета Его Императорского Величества, собственные Его Императорского Величества и принадлежащие Императорской фамилии; 22) дворцовые крестьяне; 23) крестьяне ранговых имений. А также инородцы, среди которых Кеппен выделил 25 различных групп.

Среди ненаследуемых П. И. Кеппен учел 24 состояния. Три из них относятся к привилегированным сословиям: 1) личные дворяне и дети личных дворян; 2) личные почетные граждане; 3) прочие представители духовного ведомства. Три городских состояния: 1) купцы; 2) цеховые, ремесленники; 3) рабочие. К ним в качестве четвертого можно присоединить вольных матросов, штурманов и лоцманов (4). Восемь состояний относятся к различным категориям служащих и приравненных к ним лиц: 1) разночинцы; 2) приказнослужители и сторожа присутственных мест; 3) домашние учителя; 4) люди почтового и театрального ведомства; 5) лекарские ученики и оспопрививатели; 6) лесная стража; 7) люди, находящиеся в служительских должностях; 8) штатные служители при архиерейских домах. Пять состояний обусловлены возрастом: 1) отставные солдаты и солдатские дети; 2) кантонисты; 3) питомцы воспитательных и сиротских домов; 4) незаконнорожденные до совершеннолетия; 5) призреваемые богодельники. И четыре маргинальных состояния: 1) ссыльные в Забайкальской области; 2) не избравшие рода жизни и состоящие на льготе отпущенные и осужденные на волю; 3) новокрещенцы; 4) иностранцы, в России временно пребывающие.

Высокий удельный вес ненаследуемых состояний показывает, что П. И. Кеппен при выделении социальных групп ориентировался не столько на «Законы о состояниях», сколько на «Устав 9-й ревизии». Однако между перечнем состояний «Устава 9-й ревизии» и данными итоговой таблицы состояний, составленной П. И. Кеппеном, наблюдаются очень существенные различия. Во-первых, в таблице различные категории сельских обывателей, однодворцы, лашманы, половники, обельные вотчинники и крестьяне, ямщики и другие были им сведены к государственным крестьянам. Но он при этом счел нужным подробно расписать категории сельского населения, имевшие специфическую ведомственную принадлежность. Также очень подробно расписаны инородцы. Причем евреев как особое сословие он не рассматривает. Он распределяет их на городские сословия (параллельно делит городских жителей по конфессиональному признаку на христиан, мусульман и евреев) и земледельцев. Но при этом у него (и только у него) в качестве инородческого населения указываются группы армян, греков и татар, проживавших в Европейской России, и бухарцев, обитавших в Сибири.

Кроме того, в таблице у П. И. Кеппена, так же как в исследовании ЦСК, появляются разночинцы. Поскольку у него они расположены третьей строкой после потомственных и личных дворян и перед потомственными почетными гражданами, под разночинцами в данном случае он, по всей видимости, понимает не выслуживших дворянства государственных чиновников. Термин «разночинцы» используется П. И. Кеппеном двояко – как «государственные чиновники» и как (с негативной коннотацией) «неопределенное название», «под которым разумеются такие не состоящие в окладе разного рода лица, которых вообще не знают куда причислить»¹⁰⁴.

Таким образом, в каждом из рассмотренных в данной главе источников содержится свое (а то и не одно) оригинальное представление о структуре российского общества в середине XIX в. В «Законах о состояниях» перечислялось 63 (78) состояния, в исследовании ЦСК – 68 сословий, в «Уставе о податях» – 35 (52) состояний; в «Уставе 10-й ревизии» (вместе с ревизией Бессарабии) – 125 состояний; а П. И. Кеппен в своей работе довел число состояний до 79. Различия в перечнях состояний и сословий обусловлены, во-первых, различными целями, кото-

¹⁰⁴ Кеппен П. Девятая ревизия... С. 8.

рые преследовали их авторы, во-вторых, тем, что в ряде случаев авторы сочли возможным агрегировать некоторые состояния в общую группу. Следовательно, необобщенные состояния можно рассматривать как общепризнанные. Используя разработанную модель, можно выделить из них те состояния, которые соответствуют критериям сословий (рис. 7).

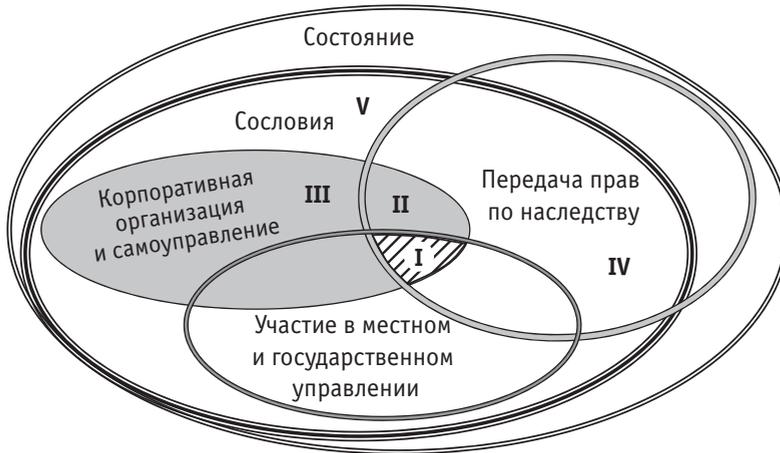

Рис. 7. Модель сословий России в середине XIX в.

I. Всеми признаками сословия – наличие законодательно закрепленных прав и обязанностей, передача статуса по наследству, наличие корпоративных организаций и участие в государственном и местном управлении – обладало только одно сословие – потомственные дворяне.

II. Теми же признаками, за исключением участия в государственном управлении, обладали четыре сословия «природных российских обывателей»: белое православное духовенство, городские обыватели и водворенные на казенной земле свободные сельские обыватели, а также упущенное в 9-м томе Свода законов казачество. Тем же набором сословных признаков обладали все выделявшиеся законодательством категории инородцев: сибирские инородцы – оседлые, кочевые, бродячие, «кои состоят в зависимости без совершенного подданства»; аборигенное население Русско-американской компании; сибирские киргизы и киргизы Внутренней орды; самоеды Архангельской губернии; калмыки (включая как отдельные сословия нойонов, зайсангов, лам); кочевники Ставропольской губернии; евреи (земледельцы, купцы, ремесленники и мещане).

III. Такие сословные группы, как духовенство, купцы, ремесленники, обладали определенным набором прав и обязанностей и правом на самоуправление без передачи его по наследству.

IV. Набором прав и обязанностей, передававшихся по наследству, обладали потомственные почетные граждане, граждане в городах западных губерний, вольные люди, а также различные категории сельских обывателей: удельные, государевы, дворцовые крестьяне, однодворцы внутренних, западных губерний и Бессарабской области, ямщики, обельные вотчинники и крестьяне, белопашцы, различные группы приписных крестьян, военные поселяне, колонисты, рупта-де-вистерия и рупта-де-камара, цараны, половники, панцирные бояре, малороссийские казаки, государственные крестьяне, водворившиеся на собственных землях (вольные хлебопашцы), татары-поселяне Таврической губернии, креолы, обязанные поселяне, крепостные крестьяне, приобретенные к фабрикам и заводам крестьяне, крепостные цыгане.

V. Остальные состояния, включая личных дворян и личных почетных граждан, можно считать сословиями только в широком смысле этого слова (как социальную группу, обладающую общим набором прав и обязанностей).

В связи с данной структурой возникает вопрос: почему личные дворяне и личные почетные граждане считаются сословной группой, а, например, люди театрального и почтового ведомств таковыми не считаются? В качестве гипотезы можно предположить, что существует еще один признак сословия – нельзя указать причины, по которым человек обладал данным набором прав и обязанностей, т. е. социальная группа создавалась государством не как должность или как профессиональная группа, а сразу как сословие.

Почему же в историографии сложилась иное, упрощенное представление о сословной структуре России? Оно возникло под воздействием двух факторов. Первый – это уже отмеченное стремление статистиков к созданию упрощенной картины без учета региональной специфики. Второй – это политика правительства, проводимая во второй половине XIX в., направленная на консолидацию российского общества и ликвидацию небольших социально-правовых групп (данный вектор был задан еще в 1830-х гг., при Николае I, когда в результате преобразования государственной деревни был ликвидирован ряд состояний). В результате число учитываемых сословных групп сократилось. Косвенно процесс можно проиллюстрировать материалам статистики (табл. 8).

Таблица 8

Распределение населения Европейской России по сословиям (1866–1897)*

Сословия	1866	1875	1897
Дворяне потомственные	+	+	+
Дворяне личные и служащие	+	+	+
Духовенство	+	+	+
Городские сословия:			
потомственные почетные граждане	+	+	+
личные почетные граждане	+	+	+
купцы	+	+	+
мещане	+	+	+
цеховые	+		
Сельские сословия:			
крестьяне ведомства государственных имуществ	+		
крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и живущие на помещичьих землях	+		
крестьяне удельного и разных других ведомств	+		
крестьяне		+	+
колонисты		+	
Военные сословия:	+	+	
регулярные войска	+		
бессрочноотпускные	+		
отставные и их семейства	+		
иррегулярные войска	+		+
Иногородцы	+	+	+
Иностранцы	+	+	+
Лица, не принадлежащие к вышеозначенным сословиям	+	+	+

* Составлено по: Статистический временник Российской империи. Сер. 1; вып. 1. СПб., 1866. Отд. 1: Пространство, население и населенные местности. С. 40–51; Статистический временник Российской империи. Сер. 2; вып. 10. СПб., 1875. Отд. 1: Наличное население Российской империи за 1870 г. С. 22–27; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 160–163.

Данная картина сословной структуры, сформировавшаяся к началу XX в., переносилась исследователями на середину XIX в. (с поправкой на неотмененное еще крепостное право). Вследствие чего утверждения о множественности и аморфности сословий, о наличии существенных

региональных различий в социально-правовой структуре Российской империи принимаются сообществом историков с большим трудом.

Рассмотренный материал позволяет сделать ряд выводов. Социальное пространство Российской империи было представлено множеством (до нескольких сотен) состояний. В этом массиве состояний можно вычленять те из них, которые соответствуют критериям сословий. Следовательно, ответ на вопрос о количестве сословий будет определяться набором критериев: чем больше критериев, тем меньше сословий останется в поле зрения. Минимальным критерием, позволяющим охватить максимальное число состояний, является специфический набор прав и обязанностей, но в этом случае сословие становится тождественно состоянию. Отделить сословия от прочих состояний можно по частоте упоминания в источниках законодательного характера: если состояние представлено во всех (или в большинстве) перечней состояний, то оно является объектом сословной политики государства и может признаваться сословием. Перечень именно этих состояний может рассматриваться как перечень сословий.

Глава 4. Социальная инженерия советской власти

Характерной особенностью социальной стратификации в советский период истории России была ее тесная связь с подчеркнуто манипулятивным подходом новой, большевистской властной элиты страны к социальной организации. Социально-экономические структуры страны оказались объектом беспрецедентного по своей мощности давления со стороны власти, и на рубеже 20–30-х гг. XX в. СССР пережил жесткую социальную ломку. Казалось бы, нацеленный, идеологически ориентированный характер этого давления резко отличается от того «реактивного» подхода к организации социальной структуры в императорской России, который мы анализировали в предшествующих главах настоящего труда.

Конечно, социальную стратификацию советского периода можно считать архаизирующей, и в таком случае она оказывается куда более близкой к дробной, запутанной социальной стратификации императорской России: экономика дефицита порождала на практике гигантское разнообразие социальных групп, различавшихся между собой прежде всего режимом доступа к благам: питанию, товарам, жилплощади, которые в условиях плановой экономики дефицита оказались ограниченными. Стараясь связать эти аспекты между собой, Ш. Фицпатрик описывает советское общество с помощью трех метафор – тюрьмы, школы и благотворительной столовой¹.

Мы, конечно, не претендуем на комплексное изучение социальной организации советского общества и в данной главе фокусируем внимание лишь на вопросе о том, как воспринималось социальное неравенство в политической мысли руководителей довоенного СССР. Большевистские вожди не только стремились управлять социальной структурой, но и (оставаясь приверженцами радикально-марксистского проекта) планировали переход к новому, коммунистическому обществу равенства.

Как же возможна стратификация в обществе равных? Мы рассмотрим этот вопрос на примере двух проблем, представлявших для советских вождей и идеологов наибольшую сложность. Первая проблема – это дифференциация внутри крестьянского населения. Крестьянское хозяйство порождало капитализм и выделяло – пользуясь терминоло-

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М., 2008. С. 270–272.

гией того времени – верхушку эксплуататоров; крестьянство, составлявшее громадное большинство населения Союза, распадалось на набор страт. Вторая проблема, тесно связанная с первой, – это проблема обособления и расслоения самой правящей группы, которую в современных исследованиях принято называть «номенклатурой» или «советской бюрократией».

4.1. Социальные страты в «Азбуке коммунизма»

Как классифицировать, описать население страны? Эта проблема стояла перед большевистской элитой так же, как стояла она и перед имперскими элитами «старого порядка». В отличие, однако, от «старого порядка» большевикам нужно было не просто фиксировать имеющиеся категории, но и выяснять позиции более крупных социальных групп, с помощью которых оперировало большевистское социальное мышление: сами социальные границы и маркеры были в огромной степени продуктом своеобразного политического мышления большевистской элиты, которое не оставалось неизменным и претерпевало сложные трансформации. Иными словами, большевистское описание социума одновременно означало и его преобразование! Поэтому ниже мы рассмотрим основные концептуальные ходы и манеры, в рамках которых большевистские лидеры описывали социальную структуру постреволюционной России.

Отправной точкой нашего анализа можно считать утверждение о том, что базовыми категориями «социального воображения» большевиков были марксистские категории – *классы*. Большевистские теоретики не рассматривали общество как единое целое; оно представлялось им агрегацией антагонистических классов. Маркером стратификации в рамках такого взгляда выступала прежде всего классовая принадлежность, определявшая уклад жизни и мышление конкретных индивидов.

Что такое «класс» и «классовая принадлежность»? В качестве базового определения класса в большевистской парадигме мышления мы используем определение, которое давал В. И. Ленин в работе «Великий почин» (1919) и которое позднее было воспроизведено в Большой советской энциклопедии: классы – это «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному

и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»².

Итак, классовая принадлежность – это «отношение к средствам производства». В отличие от стратификационных критериев, характерных для дореволюционной России, основанных на правовом статусе либо на роде занятий, классовая стратификация большевистских теоретиков выделяла более крупные группы на основании места этих групп в экономической системе. Мы постараемся описать характерный большевистский взгляд на социальную структуру с помощью анализа одной из наиболее популярных в то время книг – знаменитой «Азбуки коммунизма» (1920), авторами которой были виднейшие большевистские теоретики Н. И. Бухарин и Е. А. Преображенский.

Социальный облик России Бухарин и Преображенский характеризовали как «мелкобуржуазный»: «К 1913 году городское население составляло около 18 процентов сельского населения. Но фабрично-заводской пролетариат образует ведь далеко не все население городов. Тут живут и купцы, и фабриканты, и мелкая буржуазия, и интеллигенция – все эти слои насчитывают миллионы, если их сложить вместе. Правда, в деревне есть бывшие батраки, полупролетарии, деревенская беднота. Они поддерживают рабочих. Но они не так сознательны и организованы». К тому же «громадное большинство» населения страны – это «мелкие хозяйчики», которые «так привыкли к особому, своему собственному, личному хозяйству, что сразу их очень трудно приучить к общему делу, к строительству общего, товарищеского хозяйства». Есть отсталые слои и среди пролетариев, хотя «недостатки самого рабочего класса исчезают по мере того, как он ведет свою борьбу и втягивается в работу»³.

Осью социальной структуры советского общества был, согласно «Азбуке коммунизма», пролетариат – «самый сплоченный и организованный класс», который ведет за собой колеблющееся крестьянство, способное эффективно защищать свои интересы только под руководством пролетариата. Бухарин и Преображенский особо оговаривали,

² Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 388.

³ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пг., 1920. § 45. С. 128–129.

что благодаря своему исключительному положению пролетариат наделен конституционными привилегиями и правом служить в армии: «Лишь пролетарии города и крестьянская беднота деревни могут составить ядро и основу Красной Армии; лишь присоединение к этим массам крестьян-середняков может сделать Красную Армию по ее составу армией всех трудящихся. Что же касается буржуазии и кулачества, оно должно отбывать свою воинскую повинность перед пролетарским государством в тыловом ополчении»⁴. Новая организация труда, которую предстоит создать победоносному пролетариату, будет опираться на нерушимую товарищескую дисциплину. При этом авторы «Азбуки коммунизма» подчеркивали, что «...дело создания новой дисциплины труда требует упорной работы по перевоспитанию масс. Ведь рабская психология, рабские привычки сидят еще в очень многих. Как и в армии: царь гнал – шли; а свое дело защищать – чешут затылки. Однако армию мы создали, потому что передовой слой рабочих прекрасно понимал, в чем дело, и добился своего. Теперь того же нужно добиться в производстве»⁵.

Крестьянство – наиболее крупная категория населения – делится на три группы. Богатейшие крестьяне – кулаки – являются злейшими, непримиримыми врагами социализма: «Кулачество представляет собой класс, который должен был бы сменить собой помещика, если бы наша революция осталась в пределах буржуазно-демократического переворота. Оно является классом, который по самой своей природе смертельно враждебен всем попыткам социалистической организации земледелия. <...> Если бы не пролетарская власть и ее социалистическая политика, то на расчищенной от помещика почве в России с чрезвычайной быстротой развилось бы среднее буржуазно-фермерское хозяйство с наемным трудом, улучшенными способами обработки земли и с наличием здесь же рядом огромного слоя полупролетарского крестьянства. Кулак вступил в революцию, окрыленный самыми розовыми надеждами и предчувствиями, а вышел из нее общипанным даже на ту часть своей собственности, которой он располагал до революции»⁶.

Основная часть крестьянства – середняки. Эта масса все время колеблется: инстинкт «хозяйчика» тянет ее назад, хотя добиться успехов и «без нищеты, разорения и невероятных мук перейти от мелкого хозяйства, при всяких условиях осужденного на исчезновение, к наиболее

⁴ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма... § 62. С. 163.

⁵ Там же. § 100. С. 226.

⁶ Там же. § 114. С. 251.

выгодному, наиболее производительному крупному товарищескому хозяйству» она может лишь под руководством пролетариата.

Наконец, бедняки и батраки – подлинная опора пролетариата и партии в деревне. Однако в ходе революции часть бедняков перестала быть бедняками, «поднявшись» до уровня середняков. Тем не менее «коммунистически настроенная беднота» может стать основой для коллективного сельского хозяйства, если пролетариат сумеет преодолеть ее распыление и поможет беднякам организовать «более высокие» формы товарищеского хозяйства. В конечном счете «...задача коммунистической партии по отношению к бедноте заключается в том, чтобы тесней слить ее с городским пролетариатом, оторвать от мелкобуржуазных привычек и несбыточных надежд на самостоятельное индивидуальное крепкое хозяйство и создать всюду, где есть скопление бедноты, коммунистические ячейки и группы сочувствующих. Каждый бедняк должен стать коммунаром. Каждый коммунары – коммунистом»⁷.

Пролетариат, крестьянство, враждебные классы – структура несложная и ясная. Но помимо пролетариата, крестьянства и «враждебных классов» (помещиков и капиталистов), «Азбука коммунизма» упоминала как минимум три важные социальные группы, место которых в общественной иерархии не было столь же очевидным и которые вносили в стройную систему «Азбуки» определенный диссонанс. Этими социальными группами были партия, бюрократия и техническая интеллигенция.

Что такое партия? «Азбука коммунизма» давала ответ следующего рода: «У рабочего одни задачи, у капиталиста другие, у помещика третьи. Но не всякий помещик думает до конца, как бы ему самым хорошим способом доехать мужичка: иной пьет без просыпу и не глядит даже, что ему приказчик показывает. То же и с крестьянином, и с рабочим бывает. Есть такие, которые говорят: “Ну, мы как-нибудь проживем, наше дело – сторона; как жили наши деды испокон веку, так и мы будем жить”. Вот эти люди ни во что не входят и не понимают даже своих собственных интересов. Наоборот, те, кто думают, как бы лучше свои интересы защитить, организуются в партию. В партию, стало быть, входит не весь класс целиком, а его самая лучшая, самая энергичная часть: она за собой ведет и остальных. В рабочую партию (партию коммунистов-большевиков) идут лучшие рабочие и крестьяне-бедняки; в партию помещиков и капиталистов (“кадеты”, “партия народной свободы”) – самые энергичные помещики, капиталисты и их слуги: адвокаты,

⁷ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма... § 114. С. 253.

профессора, офицеры и генералы и т. д. Каждая из партий представляет, следовательно, самую сознательную часть своего класса»⁸. Итак, партия – это не интеллигенция; партия – плоть от плоти класса, и в этом смысле большевистская партия неотделима от пролетариата. Говорить о ней как об отдельной группе смысла нет.

Иная ситуация – с бюрократией. Бюрократия, как подчеркивали Бухарин и Преображенский, не является классом и не является производной от класса; это – особая социальная группа, представлявшая и обслуживавшая интересы господствующих классов при капитализме: «С переходом к капиталистическому строю появилось профессиональное чиновничество. В новейшее время это профессиональное чиновничество вербовалось главным образом из среды так называемой интеллигенции, в то время как верхние его слои выдвигала крупная буржуазия. Но даже и более мелкие чиновники воспитывались в специальном духе преданности разбойничьему государству; для наиболее талантливых из них имелась возможность чинов, орденов, титулов, так называемой “служебной карьеры”. <...> Повторяем, что высшие чиновники вербуются главным образом из крупнобуржуазных и дворянско-помещичьих кругов. Оно и не может быть иначе в капиталистическом обществе, где у власти стоит буржуазия»⁹.

Итак, бюрократия генетически связана с классами капиталистов и помещиков, однако не тождественна им. В любом случае исторически эта социальная группа – согласно «Азбуке коммунизма» – обречена. Взяв власть в свои руки, пролетариат (и, добавим, партия, которая от пролетариата, как мы уже выяснили, неотделима) постепенно уничтожит бюрократию, которая по отношению к пролетариату является группой враждебной. Ведь пролетариату предстоит «сломать» старую государственную машину угнетения и заменить ее свободной коммуной; при отсутствии эксплуатации человека человеком станет ненужным и аппарат принуждения, а грядущая коммуна будет опираться на самоуправление.

С бюрократией (и связанной с ней интеллигенцией) «Азбука коммунизма» разделалась довольно легко, но существовала еще одна интеллигентская группа, перспективы которой в советском обществе были куда менее ясными. Отказ от услуг жандармов и юристов мог представляться большевистским вождям относительно легким шагом: рабочее государство, движущееся по пути к коммуне, сможет обойтись без них.

⁸ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма... § 1. С. 9–10.

⁹ Там же. § 51. С. 143.

Но рабочие трудятся на заводах и фабриках, и трудятся они не одни: на производстве существует собственная иерархия, есть управляющие и организаторы – инженеры и техники. Что делать с этой иерархией? Каким должно быть в новом социалистическом обществе место специалистов-техников, организующих процессы производства?

Бухарин и Преображенский были осторожны в прогнозе, стараясь найти для интеллигенции (технической интеллигенции *par excellence*) место в грядущем социалистическом обществе: «Предположим, например, что интеллигенция настолько сблизилась с рабочим классом, что перестала шебаршить против него, что она в своей работе стала целиком на сторону Советской власти, что она сжилась с пролетариатом. Если бы это произошло (а это, разумеется, вопрос времени), тогда мы обязаны были бы дать этой интеллигенции все права, принять ее в нашу семью. Конечно, в дни, когда против пролетарской республики идет в поход весь мир, о таком расширении прав говорить еще рано. Но мы должны неустанно разъяснять, что это будет, и что это будет тем скорее, чем скорее будут подавлены навсегда все и всякие попытки эксплуататоров идти против коммунизма. Так постепенно будет отмирать государство пролетариата, превращаясь в безгосударственное коммунистическое общество, в котором исчезли всякие деления на классы»¹⁰. В конечном счете техническая интеллигенция перейдет на сторону рабочих: «Отрыв некоторых групп технической интеллигенции от буржуазии и переход ее на сторону пролетариата будет происходить тем скорее, чем прочнее будет Советская власть. А так как укрепление Советской власти будет неизбежно происходить, то и прилив интеллигенции тоже неизбежен. <...> У них есть масса предрассудков, предубеждений, нелепостей. Но они могут и будут, при определенных условиях, срабатываться с нами. Уже и сейчас они понемногу начинают втягиваться через производственные союзы в нашу работу, привыкать к новому положению и осваиваться с ним, и здесь наша задача – им помочь и пойти навстречу тем элементам, которые сами понемногу приближаются к нам»¹¹.

Итак, в будущем пролетариат растворит техническую интеллигенцию в своей среде, одновременно начав готовить «своих красных инженеров и механиков». Это значит, что страта техников и инженеров не исчезнет (поскольку – в отличие от капиталистического государства – не исчезнет и фабрично-заводское производство); пока же про-

¹⁰ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма... § 48. С. 135.

¹¹ Там же. § 101. С. 230.

летариату приходится пользоваться услугами старых специалистов. Следовательно, на практике невозможно реализовать равенство оплат, поскольку при таком равенстве для специалистов не будет разницы, кем работать: «Пролетариат должен поступить, как хозяин со смекалкой: лучше оплатить, но получать хорошую работу этих людей, без которых сейчас, теперь, в данную минуту не обойтись». Впрочем, отмечали Бухарин и Преображенский, разрыв в заработной плате между рабочими и специалистами сокращается несмотря ни на что, сокращается он и внутри рабочей среды.

Таким образом, пролетариат – господствующий класс (но при этом в рядах самого господствующего класса наблюдается жесткое культурное неравенство, на одном конце спектра – партия, авангард класса, на другом – самые отсталые, несознательные рабочие), крестьянство – колеблющееся и не вполне надежное большинство, поддающееся к тому же опасным процессам расслоения; бюрократия – враг, подлежащий уничтожению; техническая интеллигенция – скорее друг, которому предстоит влиться в ряды пролетариата и одновременно пережить перерождение в «красных инженеров и техников».

Завершая разговор об «Азбуке коммунизма», следует обратить внимание на другой важный аспект взглядов большевистских теоретиков на маркеры стратификации; эти маркеры не выдвинуты на передний план, но внимательное чтение «Азбуки» позволяет оценить их значимость. Речь идет о культурном уровне, о *сознательности*. Бухарин и Преображенский неоднократно указывают на то, что рабочий класс не является однородным в культурном отношении: есть более и менее сознательные рабочие, менее сознательных в количественном отношении больше, и эту массу несознательных предстоит «воспитывать». Эти отношения «воспитания» формировали альтернативную систему маркеров, пересекавшуюся с системой классово-арифметики и открывавшую путь для интеграции в нее интеллигенции. В этой системе маркеров основным критерием выступала уже не просто классовая принадлежность, но образование, культурность и своеобразная общая лояльность, не поддававшаяся простому измерению.

Теоретическая рамка, в доступной форме описанная в «Азбуке коммунизма», позволяет в достаточной мере составить представление о взглядах большевистской элиты на социальную структуру и стратификацию. «Азбука коммунизма» может считаться – с необходимой условностью – суммой основ взглядов большевистской элиты на социальную

структуру и стратификацию. Напомним, что Бухарин и Преображенский входили в число крупнейших, ярчайших и популярнейших теоретиков большевистской партии. И хотя уже к середине 1920-х гг. авторы «Азбуки коммунизма» превратятся в смертельных врагов (Бухарин будет наиболее беспощадным критиком «новой экономики» Преображенского, обвиняя экс-соавтора в «сверхиндустриализаторстве»), а затем оба будут уничтожены машиной репрессий в 1930-е гг., базовые постулаты большевистской идеологии в их обработке окажутся удивительно жизнеспособными, по крайней мере, способными воспроизводить себя уже после гибели своих авторов.

4.2. Неравенство, бюрократия и оппозиция в ВКП(б)

4.2.1. *Расслоение в деревне*

«Азбука коммунизма», которую мы кратко рассмотрели выше, суммировала имевшийся на 1920 г. социальный status quo и намечала самые общие пути будущего развития. В среде большевиков не было, однако, единства по вопросам этого развития; социальная инженерия, которая должна была обеспечить прорыв к будущему обществу и реализацию марксистской программы, оставалась источником беспокойства.

Из описания российского общества в марксистских категориях вытекали две ключевые проблемы, напрямую связанные с социальной стратификацией, – классовая проблема (как возможно строительство социализма в стране с преобладающим крестьянским населением?) и проблема культурная (как возможно строительство социализма при общем невысоком культурном уровне и «отсталости» страны?). В 1923 г. в работе «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин критиковал «старорежимный» характер государственного аппарата советской России, делая на основании этой критики вывод относительно серьезной опасности по линии «соотношения классов»: «Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и “нэпманы”, т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания неизбежности такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии

в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст “нэпманам”, т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними»¹².

Эти проблемы оставались в центре дискуссий, сотрясавших большевистскую партию на протяжении 20-х гг. XX в. и посвященных одной и той же теме: «Кто кого?» Так, политические отчеты, представлявшиеся партийными вождями (в 1923 и 1924 гг. – Г. Е. Зиновьевым, а начиная с 1925 г. – И. В. Сталиным) на съездах ВКП(б) в 20-х гг. XX в., обязательно включали раздел, посвященный «соотношению классов».

Насколько опасен кулак, не является ли он «жупелом» (по выражению одного из журналистов того времени В. С. Богушевского, подхваченному «всесоюзным старостой» М. И. Калининым¹³)? Насколько опасен нэпман? Каковы шансы заручиться поддержкой середняка? Как вообще должна правящая элита преодолеть неблагоприятные для большевиков социальные тенденции расслоения? Одним из проявлений и одновременно орудий борьбы внутри большевистской элиты за власть оказалась полемика по вопросам социальной дифференциации и соотношения классов, которая вполне может считаться полемикой о стратификации, ведшейся с помощью набора марксистских терминов.

Еще раньше, в 1924 г., председатель Совета народных комиссаров А. И. Рыков на VI съезде профсоюзов СССР отмечал: «Деревня и село являются базисом всего хозяйства нашей республики, являются той основой, на которой работали и работают наша промышленность и рабочий класс. Промышленность получает значительную часть сырья от крестьянства, промышленность обслуживает своими продуктами крестьянство. <...> У нас хозяйство может развиваться только на основе сотрудничества двух главнейших классов – пролетариата и крестьянства в их обоюдных интересах. <...> Крестьянство – это могучий, неограниченный 100-миллионный рынок. От благосостояния крестьянства, подъема сельского хозяйства зависит и благосостояние, подъем и развитие промышленности, а следовательно, и рабочего класса»¹⁴. Да-

¹² Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387–388.

¹³ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 106.

¹⁴ Рыков А. И. Экономическое положение СССР : (докл. на VI съезде профсоюзов СССР 14 нояб. 1924 г.) // Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 386.

лее Рыков говорил о том, что крестьянское хозяйство преодолевает «нужду» (хотя говорить о том, что «в деревнях уже нет бедноты» – преждевременно), растет, и лишь в конце речи, словно бы спохватившись, кратко заметил, что рабочие все же должны осуществлять в отношении крестьянства «помощь» и «культурное руководство».

Именно тема взаимоотношения классов и связанная с ней тема социального расслоения оказались важнейшими вопросами для оппозиции. Речь идет о «новой оппозиции», объединившей (на время) сторонников Троцкого со сторонниками Каменева и Зиновьева и считавшей такое расслоение одной из главных угроз, ведущей к опасности «перерождения» партии, бюрократизации и термидорианской реакции. Предполагалось, что хотя расслоение и нельзя остановить при допущении товарного хозяйства в рамках нэпа, но основная, середняцкая масса крестьянства может быть «втянута» в социалистическое строительство через процессы кооперации; помощь со стороны социалистической индустрии, остающейся под контролем государства (знаменитая «смычка города и деревни»), позволит преодолеть капиталистические тенденции, проявляющиеся в экономике¹⁵.

Дебаты в партии по вопросу о расслоении начались практически сразу после победы большевиков в Гражданской войне и поначалу касались проблемы расслоения в партийной среде и угроз «партийной демократии». На X съезде партии в 1921 г. группы «демократических централистов» (В. В. Осинский, Т. В. Сапронов, А. С. Бубнов, В. М. Смирнов) и «рабочей оппозиции» (А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, А. М. Коллонтай) подвергли жесткой критике текущее положение дел, указывая прежде всего на рост бюрократизма. Угроза «перерождения» и «термидора» – иначе говоря, угроза реванша буржуазии на почве социального расслоения при одновременной бюрократизации самой властвующей партии – признавалась Лениным, остро поставившим вопрос на XI съезде партии в 1922 г.

Дебаты о проблемах соотношения классов в СССР в полной мере развернулись в эпоху «оппозиций», после смерти В. И. Ленина. В написанной в 1924 г., но неопубликованной статье «Наши разногласия» Л. Д. Троцкий, реагируя на атаки со стороны «тройки» в составе Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и И. В. Сталина, писал: «Опасности, вытекающие из всего нашего развития, имеют двусторонний характер. Промышленность не может слишком зарываться вперед, ибо тогда для нее могло бы не хватить на-

¹⁵ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л., 1926. С. 517.

родно-хозяйственного фундамента. Но столь же опасно и отставать. Каждое ее промедление, каждое ее упущение означает рост конкурирующего с нею частного капитала, рост кулака в деревне и рост экономического и политического влияния кулака на деревню. Отставание промышленности означает передвижку соотношения сил от города к деревне и внутри деревни – от бедноты к кулакам нового советского типа. Эта передвижка центра тяжести, ослабляя пролетариат, должна была бы вынудить его затем к дальнейшим экономическим и политическим уступкам во имя сохранения рабоче-крестьянского союза. Но совершенно ясно, что на этом пути диктатура пролетариата опустошалась бы от своего социалистического содержания»¹⁶. Этот-то «рост кулака», означавший ускоренное расслоение в деревне, выглядел основной угрозой.

И когда в 1925 г. двое из участников «тройки» сформировали «новую оппозицию», им пришлось использовать ту же манеру рассуждать о социальном расслоении, которую – с необходимой сдержанностью – использовал и Троцкий в цитированной выше статье¹⁷. В 1925 г. в программной статье «Философия эпохи» лидер «новой оппозиции», руководитель петроградской партийной организации и одновременно глава Коминтерна Г. Е. Зиновьев декларировал: основной идеей эпохи является стремление масс к равенству. Критикуя сменовеховские взгляды Устрялова и других эмигрантских мыслителей, усматривавших в нэпе «канонизацию кулакизации», которая в конечном счете покончит и с большевистским радикализмом, Зиновьев писал: «Хотите знать, о чем подлинно мечтает народная масса в наши дни? Чтобы выразить парой слов эту мечту, можно сказать: это – уничтожение классов, новая жизнь, социалистическое равенство. Вот подлинный ключ к пониманию философии нашей эпохи. <...> Во имя чего в великие дни Октября поднялся пролетариат, а за ним и огромные массы всего народа? <...> Во имя идеи новой жизни на началах не буржуазных, во имя уничтожения классового гнета, т. е. во имя социализма»¹⁸. Зиновьев категорически отрицал, будто большевистская партия «перестает дышать одной

¹⁶ Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. М., 1990. Т. 1. С. 141.

¹⁷ Сам Троцкий не участвовал в баталиях, развернувшихся на XIV съезде ВКП(б) и в предшествовавшие ему месяцы. Однако он анализировал идеи «новой оппозиции» в заметке «О ленинградской оппозиции»: «Существо ленинградской оппозиции сводится к обвинению официального курса или его правого крыла в том, что крестьянство начинает заслонять пролетариат, а в самом крестьянстве кулак оттесняет середняка, а середняк – бедняка» (Там же. С. 161–162).

¹⁸ Зиновьев Г. Е. Философия эпохи. М.; Л., 1925. С. 25–26.

грудью с беднотой»: «На деле партия наша все больше сближается с новыми массами трудящихся и бедняков для того, чтобы помочь им воплотить в жизнь мечту о новом строе, о бесклассовом обществе, о подлинном социализме»¹⁹.

В заключительном докладе на XVI съезде ВКП(б) Зиновьев старался защитить свою концепцию «социалистического равенства», используя самые яркие образы: «Когда мы обсуждаем основные вопросы пролетарской революции, и когда враг нахально говорит: “Страна сытеет, но ты переходишь на буржуазные рельсы, и народ этого хочет, кулак берет верх, скоро на могущественных хозяйственных грудях кулаков заблещут ордена Красного Знамени, что хозяин у нас кулак, что он ведет за собой деревню, что он человек завтрашнего дня”, – когда враг это нахально говорит, мы ему в ответ: нет, врешь, во-первых, хозяйство поднимается, во-вторых, основная мощь и сила нашего государства – рабочий класс и крестьянство – вовсе не мечтают об упорядочении буржуазного строя, буржуазной демократии. Они знают, что мы через неравенство ведем их к равенству»²⁰. Пытаясь укрепить свои позиции и одновременно остерегаясь предъявить партийному большинству прямые обвинения в термидорианском «перерождении»²¹, Зиновьев упрекал своих противников в отсутствии демократизма, в презрении к беднейшим слоям населения, в фактическом поощрении процессов дифференциации и в конечном счете попытался противопоставить «социалистическое равенство» растушей дифференциации в сельской среде.

Оппоненты из сталинско-бухаринского большинства немедленно обвинили вождя «новой оппозиции» в «вульгарно-демократическом» понимании равенства. Зиновьеву возражал В. М. Молотов, подчеркивавший, что большевики должны говорить о равенстве только как о грядущей ликвидации классов: «А если говорить вообще о равенстве, то этот лозунг, допустим, в глазах рабочего класса получит истолкование социалистическое, а в мелкобуржуазных массах, в крестьянстве, он может получить другое, мелкобуржуазное истолкование, – например, в смысле равенства двух основных современных классов. А что тогда останется от защищаемой нами диктатуры пролетариата?»²².

¹⁹ Зиновьев Г. Е. *Философия эпохи*. С. 27

²⁰ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 445–446.

²¹ См.: Кондратьева Т. *Большевики-якобинцы и призрак термидора*. М., 1993. С. 127–135.

²² XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 480.

В 1927 г. один из лозунгов, появившихся на демонстрации в поддержку платформы оппозиции – теперь речь уже идет об «объединенной оппозиции», совместно возглавленной Троцким и Зиновьевым, – гласил: «Повернем огонь направо – против нэпмана, кулака и бюрократа».

Впрочем, оппозиционеры, как правило, все же не считали бюрократию самодовлеющей группой, указывая на то, что основной проблемой является буржуазный характер деревни, который при первом же кризисе обнаружится во всей полноте. Даже резкий поворот («зигзаг», по терминологии Троцкого) в политике сталинской группы, приведший к коллективизации и индустриализации, не поколебал этого мнения, остававшегося широко распространенным среди оппозиционеров. Так, «децист» Т. В. Сапронов, критикуя правящую группу в рукописном сочинении «Агония мелкобуржуазной диктатуры» (1931), писал о колхозах: «При малейшем движении враждебных сил это “крупное” и “крупнейшее” хозяйство рассыплется как горох на мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства. Результат будет один – небывалая в истории дифференциация и пауперизация деревни. При распаде “колхозов” все сложные машины, рабочий скот захватит крепкий, сильный мужик. Слабому же, если что и попадет, то все равно путем перекупки перейдет в руки нового буржуа»²³. Но к аналогичным взглядам примерно в то же время приходил в рукописи под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» (1932) и секретарь Краснопресненского райкома М. Н. Рютин, бывший ранее последовательным «сталинцем» и борцом с оппозицией: «Колхозы также не могут быть прочными, они не могут быть социалистическими, они вновь и вновь разваливаются десятками тысяч каждый месяц, а если еще и держатся, то на величайшем зажиме, угрозах и на том, что этим колхозникам некуда “податься”. Все эти колхозы также обречены на неминуемый развал. <...> Но если колхозы в современном их виде разваливаются и обречены на развал, то неизбежно вновь в той или иной степени развитие индивидуального крестьянского хозяйства, а вместе с тем и кулачества. И вновь та же сказка начинается сначала. Это и означает, что сталинское “усердие не по разуму” не ускоряет окончательную ликвидацию кулачества как класса и классов вообще, а, наоборот, самое меньшее – необычайно отдаляет эту цель»²⁴.

²³ Сапронов Т. В. Агония мелкобуржуазной диктатуры // Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. № Р-37963. Т. 2. Л. 1–11. Разд. 2.

²⁴ Рютин М. Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Рютин М. Н. На колени не встану. М., 1992. С. 169.

4.2.2. Бюрократический кошмар неравенства

Другой проблемой, которую оппозиция разрабатывала с большой тщательностью, была проблема бюрократизма в СССР – проблема острая и болезненная, поскольку речь шла о перерождении пролетарской партии и о том, что сама ВКП(б) превращается в источник неравенства. Один из виднейших оппозиционеров Х. Г. Раковский в 1928 г. с горечью отмечал: «То единство и та спайка, которая раньше являлась естественным последствием революционной классовой борьбы, может быть теперь сохранена лишь благодаря целой системе воздействия, имеющей целью сохранить равновесие между различными группами того же класса и той же партии и подчинит их основной цели. Но это есть процесс трудный, длительный, он заключается в политическом воспитании господствующего класса, в его умении, которое должно быть приобретено, держать в руках свой государственный, партийный, союзный аппарат, контролировать их и руководить ими. <...> Ни один класс не родился с искусством управлять; оно приобретает только с помощью опыта, делая ошибки, и участь на своих собственных ошибках. Самая идеальная советская конституция не в состоянии гарантировать рабочему классу беспрепятственное применение своей диктатуры и своего классового контроля, если он не умеет использовать предоставленных ему конституцией прав»²⁵.

И далее Раковский анализировал причины и характер глубокой дифференциации в среде властной социальной группы: «Когда класс захватывает власть, известная часть этого класса превращается в агентов самой власти. Таким образом возникает бюрократия. В пролетарском государстве, где капиталистическое накопление не позволено для членов правящей партии, упомянутая дифференциация является сначала функциональной, но потом превращается в социальную. Я не говорю – классовую, а социальную. Я имею в виду, что социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партмаксимум, отличается от положения того же коммуниста, работающего в угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц»²⁶.

²⁵ Письмо Х. Г. Раковского о причинах перерождения партии и государственного аппарата // Бюл. оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 6, окт.

²⁶ Письмо Х. Г. Раковского...

Размышления Раковского были подхвачены Троцким, который оставался наиболее влиятельным лидером большевистской оппозиции и непримиримым критиком сталинской системы. Работы Троцкого об СССР, созданные в вынужденной эмиграции, оказали – и по сей день оказывают – колоссальное влияние на изучение советского общества прежде всего потому, что Троцкий подвергал анализу процесс складывания профессионального класса управляющих (сам Троцкий его именовал «кастой») и порождаемую им социальную дифференциацию – именно тот вопрос, который оказывался чрезвычайно болезненным для советской властной элиты.

Характеризуя сталинский СССР как «деформированное рабочее государство», Троцкий выдвигал тезис о существовании в стране паразитической бюрократии, которая реально властвует над Советским Союзом от лица обескровленного пролетариата и является, по существу, господствующей социальной группой. Может быть, господствующим классом? Ключевой проблемой для Троцкого – как, впрочем, и для Раковского, чье мнение мы уже привели выше, – выступало то, что определение бюрократии как правящего класса противоречило бы марксистскому способу описания социальной структуры. Признать бюрократию классом (а не «слугами» правящего класса, например, класса капиталистов либо класса помещиков) означало бы сделать шаг в сторону теории надклассового характера государства.

Действительно, по мнению Троцкого, бюрократия вовсе не класс: «Класс определяется не одним лишь участием в распределении национального дохода, а самостоятельной ролью в общей структуре хозяйства, самостоятельными корнями в экономическом фундаменте общества. Каждый класс (феодалы, крестьянство, мелкая буржуазия, капиталистическая буржуазия, пролетариат) вырабатывает свои особые формы собственности. Всех этих социальных черт бюрократия лишена. Она не имеет самостоятельного места в производственно-распределительном процессе. Она не имеет самостоятельных имущественных корней. Ее функции относятся, в основе своей, к политической технике классового господства. Наличие бюрократии, при всем различии ее форм и удельного веса, характеризует всякий классовый режим. Ее сила имеет отраженный характер. Бюрократия нерасторжимо связана с экономически господствующим классом, питается его социальными

корнями, держится и падает вместе с ним»²⁷. Сталинская бюрократия «...пожирает, растеривает и расхищает значительную часть народного достояния. Ее управление крайне дорого обходится пролетариату. Она занимает чрезвычайно привилегированное положение в советском обществе, не только в смысле политических и административных прав, но и в смысле огромных материальных преимуществ. Но самые большие квартиры, самые кровавые бифштексы и даже Ролс-Ройсы еще не превращают бюрократию в самостоятельный господствующий класс»²⁸.

Вместе с тем бюрократия, конечно, является «насадительницей и охранительницей неравенства». Троцкий упрекал лично Сталина в том, что генеральный секретарь превратился в «распределителя земных благ», культивирующего в среде элиты «стремление к комфорту», приведшее в конце концов к устрашающему социальному расслоению и выделению привилегированных страт. Бюрократия – это группа, во-первых, непроектирующая, а во-вторых – алчная; именно так Троцкий и другие лидеры оппозиции определяли социальный «профиль» бюрократии. А «поскольку бюрократия, говоря попросту, обворовывает народ (а это в разных формах делает всякая бюрократия), постольку мы имеем дело не с классовой эксплуатацией, в научном смысле слова, а с социальным паразитизмом, хотя бы и очень большого масштаба»²⁹. Именно в этом смысле бюрократия – по Троцкому! – и представляет собой «социального паразита»: она не создает собственные производственные отношения, а паразитирует на имеющихся. Советское государство «находится под давлением крестьянства и бюрократии»³⁰; бюрократия – двигатель социальной дифференциации, которая к тому же раскалывает рабочий класс, выделяя в нем «рабочую аристократию» – стахановцев и кооптируя ее в собственные ряды.

Троцкий заключал: «Пресловутый лозунг: “кадры решают все”, гораздо откровеннее, чем хотел бы сам Сталин, характеризует природу советского общества. По самой сути своей кадры являются органом властвования и командования. Культ “кадров” означает прежде всего культ бюрократии, администрации, технической аристократии. В деле выдвигания и воспитания кадров, как и в других областях, советскому

²⁷ Троцкий Л. Д. Классовая природа советского государства: (Проблемы четвертого Интернационала) // Бюл. оппозиции. 1933. № 36–37, окт.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Троцкий Л. Д. Проблемы советского режима: (Теория перерождения и перерождение теории) // Бюл. оппозиции. 1933. № 34, май.

режиму приходится еще выполнять ту задачу, которую передовая буржуазия давно разрешила у себя. Но так как советские кадры выступают под социалистическим знаменем, то они требуют почти божеских почестей и все более высокого жалованья. Выделение “социалистических” кадров сопровождается, таким образом, возрождением буржуазного неравенства»³¹. Весь этот слой, куда входили, по мнению Троцкого, партийные работники, профсоюзные руководители, члены правительственных органов, командный состав армии, флота и государственной безопасности, профсоюзные работники, а также административный персонал советской промышленности и председатели колхозов, он называл «паразитическим» и считал, что этот слой – численность которого он оценивал в «5–6 миллионов душ», за вычетом учителей и ученых (примечательное исключение!), – не производит, а только «управляет, приказывает, командует, милует и карает».

Идеи Троцкого о «деформированном рабочем государстве», которое оказалось жертвой чудовищного социального расслоения, спровоцированного бюрократическим паразитом, оказались востребованы и до сих пор в значительном смысле определяют состояние изучения советской социальной стратификации. Эти идеи развивал югославский мыслитель М. Джилас в работе «Новый класс» (1957), а позднее вокруг них была выстроена знаменитая работа М. Восленского «Номенклатура» (1980), являющаяся одной из наиболее крупных, комплексных и влиятельных попыток анализа советской бюрократии как социальной группы. В своей работе Восленский старался раскрыть «тщательно скрываемый факт существования правящего, эксплуататорского, привилегированного, диктаторствующего, экспансионистского и паразитического класса – номенклатуры»³².

Однако для нашего анализа важнейшим выводом является констатация того, что в политическом мышлении большевистской оппозиции (прежде всего, в работах ее крупнейшего и влиятельнейшего представителя – Троцкого) проблема социальной дифференциации оставалась ключевой и состояла из двух основных слагаемых: одно – формирование бюрократической иерархии, концентрирующей в своих руках разнообразные блага и осуществляющей эксплуатацию масс; другое – подъем на этом фоне мелкой буржуазии, рост мощи кулака и в конечном счете

³¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2015. С. 355.

³² Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 522.

окончательное падение диктатуры пролетариата. Бюрократизм – лишь пролог к возникновению на месте пролетарской диктатуры буржуазной демократии, порождаемой дифференциацией в крестьянской массе.

Именно эти проблемные точки, открывавшие широкий путь для многосторонней критики советского общества, оставались важными для вождей и идеологов победившей, сталинской группировки. Как же реагировала на них эта группировка?

4.3. Бесклассовое общество и «морально-политическое единство»

4.3.1. *(Бедняк + середняк) – кулак = социализм*

Радикальный поворот 1928 г. в советской внутренней политике означал изменение риторики, с помощью которой господствующая группа партийной элиты (возглавляемая Сталиным, который к этому времени прочно занял позицию ведущего идеолога страны) описывала социальную структуру и иерархию. Старт политики форсированной индустриализации и коллективизации означал, что дебаты о социальной стратификации и структуризации вышли в новое пространство: та властная группировка, которая еще несколько лет назад отмахивалась от тревог оппозиции по поводу социального расслоения и бюрократизации, теперь приступила к социальной «перекройке» с неслыханной решительностью. Вместо того, чтобы начать вешать на «широкие груди» кулаков ордена Красного Знамени (по яркому выражению Зиновьева на XIV съезде партии), сталинская группа взяла курс на «ликвидацию кулачества как класса», безжалостно атаковав ту самую мелкую буржуазию, интересы которой центристы – по мнению левой оппозиции! – выражали в 1923–1927 гг.

Полемизируя с «правой» оппозицией, представленной сторонниками Н. И. Бухарина, Сталин начал говорить об обострении классовой борьбы, а также о «дани» (практически повторив словесный оборот одного из лидеров левой оппозиции, Е. А. Преображенского!), которую должно выплачивать крестьянство ради интересов ускоренного промышленного развития. Сталинская группировка – и прежде всего сам генеральный секретарь, которому по мере разрыва с «правым» крылом большевистской элиты приходилось все в большей степени становиться главным генератором идей, – вырабатывала и осваивала новый язык,

подходящий для определения социального. Как же социальная картина большевистских представлений о социуме, нарисованная широкими мазками в «Азбуке коммунизма», изменилась к середине 1930-гг.?

Рассмотрим эти изменения на примере политического доклада Сталина, сделанного на XV съезде партии в 1927 г. Охарактеризовав рост рабочего класса и прогресс его материального и культурного положения, генеральный секретарь перешел к положению крестьянства – проблеме, которая волновала его ничуть не меньше, чем предводителей оппозиции: «Не подлежит сомнению, что дифференциацию при пролетарской диктатуре нельзя отождествлять с дифференциацией при капиталистических порядках. При капитализме растут крайности: беднота и кулачество, а середняк вымывается. У нас, наоборот, растет середняк за счет известной части бедноты, которая подымается в середняки, растет кулак, а беднота уменьшается. Этот факт говорит о том, что центральной фигурой земледелия как был, так и остается середняк. Блок с ним, при опоре на бедноту, имеет решающее значение для судеб всего нашего строительства, для диктатуры пролетариата»³³.

Анализ положения пролетариата и крестьянства был традиционной частью политических докладов с начала 1920-х гг. Однако в докладе на XV съезде Сталин впервые расширил фокус анализа, перейдя после крестьянства к рассмотрению положения «новой буржуазии и интеллигенции». Констатируя, что рост и укрепление социалистической государственной промышленности ведет к разорению «мелких и средних капиталистов», к недовольству в среде «новой буржуазии», «служилого элемента» и интеллигенции, увлечению «сменовеховской идеологией», генеральный секретарь подчеркнул: «...было бы ошибочно думать, что весь служилый класс, вся интеллигенция переживает состояние недовольства, состояние ропота или брожения против Советской власти. Наряду с ростом недовольства в недрах новой буржуазии мы имеем факт дифференциации интеллигенции, факт отхода от сменовеховства, отхода сотен и тысяч трудовой интеллигенции в сторону Советской власти. Этот факт, товарищи, является бесспорно положительным фактом. <...> Застрельщиком является здесь техническая интеллигенция, ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперед, к лучшему. Такие гигантские предприятия, как Волховстрой, Днепрострой, Свирь-

³³ Сталин И. В. XV съезд ВКП(б) 2–19 декабря 1927 г.: полит. отчет ЦК, 3 дек. // Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 10. С. 316.

строй, Туркестанская дорога, Волго-Дон, целый ряд новых гигантов-заводов, с судьбой которых связана судьба целых слоев технической интеллигенции, не могут пройти без известного благотворного влияния на эти слои. Это есть не только вопрос о куске хлеба для них. Это есть вместе с тем дело чести, дело творчества, естественно сближающее их с рабочим классом, с Советской властью»³⁴. Сталин ставит в повестку дня вопрос о «смычке» рабочего класса с «трудовой советской интеллигенцией». Раздел доклада, посвященный «соотношению классов», Сталин закончил анализом вопроса о бюрократизме: «Вернейшим средством против бюрократизма является поднятие культурного уровня рабочих и крестьян. Можно ругать и поносить бюрократизм в государственном аппарате <...> но если нет известного уровня культурности среди широких рабочих масс, создающего возможность, желание, умение контролировать государственный аппарат снизу, силами самих рабочих масс, бюрократизм будет жить, несмотря ни на что»³⁵.

Таким образом, в своем докладе на XV съезде партии Сталин уже наметил основания для ревизии традиционного, со времен «Азбуки коммунизма» остававшегося устойчивым языка описания крестьянства. Отмечая низкие темпы развития сельского хозяйства, Сталин заявил о недостаточности политики «врастания» крестьянства в социалистическую экономику через кооперацию и о грядущем неизбежном изменении социальной структуры деревни: «Где же выход? Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединить в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Других выходов нет. <...> Все наши мероприятия по ограничению капиталистических элементов сельского хозяйства, развитию социалистических элементов в деревне, вовлечению крестьянских хозяйств в русло кооперативного развития, планомерному воздействию государства на деревню по линии охвата крестьянского хозяйства как со стороны снабжения и сбыта, так и со сто-

³⁴ Сталин И. В. XV съезд ВКП(б)... С. 318–319.

³⁵ Там же. С. 322.

роны производства, – все эти мероприятия являются мероприятиями, правда, решающими, но все же подготовительными для перевода сельского хозяйства на рельсы коллективизма»³⁶.

Следуя сталинским соображениям, Молотов на XV съезде в докладе «О работе в деревне» рассуждал также о росте середняцкой группы, об «осереднячивании деревни», одновременно подчеркивая и рост по ряду позиций влияния кулака, заключая, что «процессам расслоения деревни мы должны уделять самое серьезное внимание». Тем не менее Молотов указал, что борьба с расслоением в деревне должна быть увязана с общим вопросом о «полном преодолении и ликвидации капиталистических элементов»³⁷. От этого тезиса Молотов перешел к вопросу о кооперации и крупном коллективном земледелии. Производственное преимущество – в руках кулака (в городах ситуация обратная – промышленность национализирована); он «экономически бьет» массу мелких бедняцких и середняцких хозяйств. Итак, «крупное зажиточное крестьянское хозяйство» превосходит «мелкое и мельчайшее бедняцкое и середняцкое хозяйство»; бедняк и середняк движутся вперед крайне медленно и «находятся почти в безвыходном положении». Путь выхода – в укреплении кооперации, которое, однако, вплотную подводит к «массовому переходу индивидуального крестьянского хозяйства к крупному общественному производству»³⁸. Молотов закончил свою речь, клеймя «антисередняцкие» выступления оппозиции, выдвигая лозунг «Деревня, вперед – к крупному коллективному хозяйству». Одновременно Молотов жаловался на низкий уровень культуры, на «некультурность, отсталость, а порой прямо дикость», мешающую социалистическому строительству, а также на бюрократизм. «Ни о каких легких перескоках от индивидуального к крупному хозяйству не может быть и речи. Дело может идти только путем постепенного развития крупных коллективных хозяйств. <...> Никаких фантазий, никакого принуждения в отношении крестьянина при переходе к крупному хозяйству мы не можем допустить. Но этот переход уже рвется из всех пор социально-экономического развития деревни»³⁹. Средняк – такой же союзник, как бедняк; Молотов подчеркивал, что дифференциация между батраком, бедняком и середняком невелика: «Душевой доход

³⁶ Сталин И. В. XV съезд ВКП(б)... С. 305–306.

³⁷ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л., 1928. С. 1062.

³⁸ Там же. С. 1072.

³⁹ Там же. С. 1081.

батрака в настоящем году определяется в 81 руб. в год, душевой доход бедняка в 78 руб. в год и душевой доход середняка в 92 руб. в год. <...> Из трех этих цифр (81 – 78 – 92) абсолютно ясно, что без союза этих классов, союза, опирающегося на прочнейшую экономическую основу, мы не можем идти вперед»⁴⁰. И в заключение Молотов призвал пролетариат взять над деревней шефство, помочь уничтожить противоположность между городом и деревней, чтобы идти дальше – к бесклассовому коммунистическому обществу.

Доклады Сталина и Молотова на XV съезде ВКП(б) можно считать яркими примерами того, как большевистская элита вырабатывала новый язык описания социальной структуры деревни. Упорно сохраняя старые имена социальных страт (батрачество/беднота/среднячество/кулачество) и беспрерывно повторяя ленинскую установку на «союз с середняком», партийные вожди все чаще ставят вопрос о потенциальном переходе к бесклассовому обществу, об изоляции и ликвидации кулачества – и, очевидно, о коренной ревизии системы социальной стратификации в стране, которая в условиях крупного коллективного хозяйства должна была стать иной.

Оппозиционеры были убеждены в том, что партии следует держать курс на батрака и бедняка. В противовес им Сталин и Молотов настаивали на том, что курс следует держать на середняка, на «осереднячивание» деревни; бедняки должны быть «подтянуты» до середняцкого уровня, иначе можно прийти к парадоксальному выводу о том, что после революции численность бедняков должна расти, а не снижаться! Однако новаторский характер сталинской риторики «осереднячивания» заключался в том, что она открывала возможности для оправдания и описания грандиозной социальной трансформации крестьянства, существенно превосходившей радикализмом известные идеи левой оппозиции об индустриализации, которые не сводились к прямому постулированию близкой, неизбежной трансформации социальной структуры деревни.

Эта риторика будет развиваться и становиться более радикальной на протяжении 1928 и 1929 гг. В январе 1928 г., во время своей поездки по Сибири в разгар кризиса хлебозаготовок, Сталин прямо заявил, что «пока существуют кулаки, будет существовать и кризис хлебозаготовок» и что для избегания кризисов в будущем необходимо развернуть строительство колхозов и совхозов. Существование «индивидуальной

⁴⁰ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1091.

мелкокрестьянской собственности» несовместимо со строительством социализма; создание крупных коллективных товарных хозяйств одновременно исключит провалы хлебозаготовок, станет фундаментом социализма и закроет источники потенциального восстановления в стране капитализма⁴¹. Эти же выводы Сталин повторил в докладе на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. «О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК», своеобразно интерпретируя основной для предшествующих лет лозунг опоры на середняка: оказывается, колхозы – это и есть опора на середняка, поскольку «...наши колхозы должны быть бедняцко-средняцкими <...> Если середняк не может подняться вверх, в кулацкую группу, а вниз спускаться было бы неразумно, то надо дать ему перспективу, что он мог бы улучшить хозяйство через колхозное строительство»⁴². Сталин говорил, что смычка нужна не для того, чтобы «увековечить классы», а для того, чтобы с помощью новой техники «приблизить крестьянство к рабочему классу, перевоспитать крестьянство, переделать его психологию индивидуалиста, переработать его в духе коллективизма и подготовить, таким образом, ликвидацию, уничтожение классов на базе социалистического общества»⁴³. Таким образом, «осереднячивание» открывает дорогу к ликвидации классов!

Наконец, выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. с речью «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)», Сталин развил ранее высказанные идеи, обосновывая необходимость «догнать и перегнать» экономически развитые западные страны. Помимо внешних условий, т. е. враждебного капиталистического окружения, Сталин говорил и о внутренних условиях индустриализации, о «чрезмерной отсталости нашего земледелия». Быстрое развитие индустрии позволит механизировать сельское хозяйство и преодолеть его отсталый характер; но и здесь Сталин, призывая укреплять колхозы и совхозы как «новую форму смычки», говорил и о поддержке индивидуальных хозяйств бедняков и середняков, сохраняя привычную стратификационную схему крестьянского социума. Одновременно Сталин подчерки-

⁴¹ Сталин И. В. О хлебозаготовках и перспективах сельского хозяйства: Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. (крат. запись) // Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 11. С. 5–8.

⁴² Сталин И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК : докл. на собр. актива моск. орг. ВКП(б) 13 апр. 1928 г. // Там же. С. 41.

⁴³ Сталин И. В. Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б) : докл. на собр. актива ленингр. орг. ВКП(б) 13 июля 1928 г. // Там же. С. 213.

вал, что социалистическая революция все-таки «не может не держать курса на уничтожение всех форм эксплуатации»⁴⁴. В сжатой, предельно упрощенной форме Сталин суммировал эти доводы в знаменитой статье «Год великого перелома».

Старая социальная стратификация крестьянства, основанная на учете производственного положения крестьянина (батрак/бедняк/средняк/кулак), в 1928 г. начала вытесняться – с подачи прежде всего Сталина – новой, основанной на отношении крестьянина к процессу коллективизации (колхозник/единоличник/кулак). Единоличник – это «завтрашний колхозник», и обычным приемом было противопоставление колхозников и единоличников враждебным советской власти кулакам⁴⁵. Например, брошюра «Сельхозналог 1932 года в вопросах и ответах» определяла кулака с помощью следующих маркеров: «Кулак – это эксплуататор. Кулак создал себе богатство за счет ограбления трудящихся путем постоянного применения наемного труда, путем спекуляции и торговли, путем сдачи в аренду в эксплуататорских целях машин и орудий. Кулак тот, кто эксплуатирует трудящихся, арендуя у них земли и обрабатывая их с применением наемного труда. Кулак и тот, кто имеет или имел в своем хозяйстве крупорушку, маслобойню, мельницу и, эксплуатируя при помощи этих орудий трудящихся, обогащался за счет их труда. Короче говоря, кулак, это тот, кто тем или иным способом жил за счет трудящихся, эксплуатировал их»⁴⁶.

4.3.2. «Зажиточная» бесклассовость

Первая пятилетка сопровождалась глубокой перекройкой социальных структур, продиктованной попытками стремительно, быстрым темпом перейти от нэпа к социализму и от отсталой экономики – к экономике высокоразвитой. Такой переход должен был избавить от угрозы перерождения, с которой большевистские элиты боролись на протяжении 1920-х гг., а следовательно, покончить и с проблемой расслоения. Социализм казался близким.

⁴⁴ Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б) : речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 нояб. 1928 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 11. С. 275.

⁴⁵ Новое решение партии и правительства: Сельхозналог 1932 года в вопросах и ответах. М. ; Л., 1932. С. 58.

⁴⁶ Там же. С. 69.

Переходя к политике форсированного строительства социализма, руководители сталинской группы ожидали быстрого результата. Конец эксплуатации должен был означать переход к прямому товарному обмену и конец социального неравенства. В 1930 г. Наркомат внутренней и внешней торговли был преобразован в Наркомат снабжения (Наркомат внешней торговли был выделен в отдельное ведомство). Так, например, в 1931 г. сотрудник Коммунистической академии Л. М. Гатовский (позднее – один из ведущих экономистов СССР, а тогда – молодой марксист-экономист) в докладе «О природе советской торговли на современном этапе» отмечал: «По мере развертывания процесса социалистического обобществления распределение все больше и больше подчиняется принципу “по работе”. <...> Разумеется, нынешняя дифференцированная система снабжения, действующая в условиях трудностей роста, товарного дефицита, наличия спекуляции, обостренной классовой борьбы, содействует этому процессу. Если бы наша розница сейчас отпускала все товары в любом количестве на основе единственного критерия – предъявления денег – разумеется, делу социалистической индустриализации был бы нанесен тяжелый удар»⁴⁷. Карточная система снабжения, таким образом, является прологом к «прямому социалистическому распределению», которое неизбежно должно было наступить по мере перехода от «начального периода социализма» к «завершенному социалистическому обществу»: «Прямое социалистическое распределение средств потребления будет производиться на основе следующих принципов: осуществляется точная оплата по труду (на основе трудового учета); чеки, ордера, талоны, получаемые работниками в соответствии с затраченным трудом, не обращаются. Это не исключает того, что работники социалистического общества могут их сохранять, чтобы использовать в любое время и в любом месте. Предельные нормы отпуска отдельных продуктов должны отпасть. Обеспечивается широкий выбор продуктов, но разумеется вся сумма отпускаемых продуктов находится в строгом соответствии с затратой труда. Это распределение продуктов происходит на значительно более высоком количественном и качественном (по сравнению с начальным периодом социализма) уровне и при систематическом росте удовлетворения потребностей»⁴⁸. Увы, и этот этап будет характе-

⁴⁷ О природе советской торговли на современном этапе : перераб. докл. Л. Гатовского, прения и заключ. слово в секции обмена и распределения Ин-та экономики Коммунистической академии, май – июнь 1931 г. М. ; Л., 1931. С. 21.

⁴⁸ Там же. С. 34.

ризоваться наличием определенного неравенства, хотя товарно-денежная форма и будет искоренена. И лишь затем должен был последовать этап «прямого коммунистического распределения», когда потребление «по труду» сменится потреблением «по потребностям».

Однако произошел откат, а предшествующий опыт стали рассматривать как левацкий перегиб. В новых условиях формировалась концепция «советской торговли». Об этом, в частности, писал (не называя конкретных имен!) известный большевистский теоретик И. Ларин: «Нормирование продажи товаров, вытекающее из наличия товарного дефицита и временно неизбежное в известных границах, “леваками” возводилось в принцип социализма <...> Проповедывалась необходимость создания натурального “трудового измерителя” вместо денег, якобы не отражающих затрат труда и не могущих обслужить обмен. <...> Снабжение “леваки” мыслили осуществить через сверхцентрализованную систему»⁴⁹. Однако «товарно-денежная форма» хотя и «не присуща социалистическим отношениям завершенной социалистической экономики», все же необходима на «переходный период», когда «хозяйственные связи во всей экономике и между социалистическими предприятиями не могут осуществляться без торговли» и еще не возникли «предпосылки по линии планирования и учета, необходимые для перехода к прямому социалистическому продуктообмену»⁵⁰.

Заместитель наркома внутренней торговли СССР (наркомат был вновь переименован, когда идеи перехода через снабжение к прямому «социалистическому распределению» оказались отброшены) З. С. Болотин в 1936 г. говорил о советской торговле уже в совершенно иных категориях, чем в 1931 г. Гатовский: «Проходя по улицам между красиво оформленными магазинами со светящимися витринами, мы с трудом вспоминаем недавний период, когда магазины служили преимущественно для распределения пайков, а общий вид их был тусклый и серый <...> Карточки кажутся отдаленным прошлым, хотя с момента полной отмены их прошло всего около полугода».

Витрины и реклама – вместо «социалистического распределения»! И далее Болотин пояснял, уже не ссылаясь ни на каких безымянных «леваков»: «Карточная система возникла в условиях недостатка товаров широкого потребления. Она сыграла большую роль при проведении индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Но

⁴⁹ Ларин И. Хозрасчет советской торговле. М. ; Л., 1934. С. 17.

⁵⁰ Там же. С. 19.

она стала тормозом, когда эти задачи были партией выполнены и товаров стало много. Успехи промышленности и сельского хозяйства создают в стране изобилие товаров, и это резко меняет условия торговли»⁵¹. Торговым работникам необходимо изжить старые «распределенческие» навыки и научиться культурно, эффективно торговать и обслуживать покупателя. Вместо социалистического равенства, основанного на прямом обмене товарами, к середине 1930-х гг. возродилась система торговли; правда, теперь это была «советская торговля».

Неужели возрождение торговли означает, что неравенство продолжает преследовать советское общество? Этот вопрос является лишь частной версией общего вопроса, порожденного противоречивыми итогами первой пятилетки: как описывать общество, социальная структура которого претерпела глубочайшие изменения, но сохранила стратификацию и неравенство? Отсюда возникла еще одна риторическая инновация, ставшая устойчивым способом характеристики советского общества, – понятие «зажиточная жизнь». Очевидно, оно было введено в оборот, чтобы отмежеваться от сорвавшихся попыток ликвидации неравенства в годы первой пятилетки и связанного с этими попытками болезненного опыта, а с другой стороны – чтобы не вводить понятие «богатая жизнь», чреватое коннотациями с капитализмом и с истребленным кулачеством.

Coup de grâce старой социальной стратификации Сталин нанес в речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. Он подчеркнул, что «развернув колхозное строительство, мы <...> разбили кулацкую кабалу, всю массу бедняков вовлекли в колхозы, дали им там обеспеченное существование и подняли их до уровня середняков». Итак, крестьянство окончательно, говоря словами из выступления Молотова на XV съезде, «осереднячено». Но дело не только в этом: «Чтобы двинуться дальше и окончательно укрепить колхозы, мы должны сделать второй шаг, мы должны добиться нового достижения. В чем состоит этот второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников – и бывших бедняков, и бывших середняков – еще выше. Он состоит в том, чтобы сделать всех колхозников зажиточными. Да, товарищи, зажиточными»⁵².

Раньше, по словам Сталина, быть «зажиточным» означало «обижать соседей», эксплуатировать их и «укрепившись – пролезть в кулаки». Те-

⁵¹ Болотин З. Решающий год в развертывании советской торговли. М., 1936. С. 3.

⁵² Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 247.

перь же достаточно «честно трудиться» – и «в какие-нибудь 2–3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь»⁵³.

Наличную ситуацию «в области классовой структуры СССР» Сталин изложил на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. в докладе «О проекте Конституции Союза ССР». За годы первых пятилеток «враждебные классы» оказались сокрушены. «Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными. Остался рабочий класс. Остался класс крестьян. Осталась интеллигенция»⁵⁴.

Таким образом, большевистские вожди теперь (и впредь) описывали советское общество с помощью знаменитой формулы: два класса (рабочие и колхозники-крестьяне) плюс «прослойка» советской интеллигенции, в первую очередь – те самые «красные инженеры», о которых писали еще Бухарин с Преображенским. Но, подчеркивал Сталин в цитируемом выше докладе, «ошибочно думать, что эти социальные группы не претерпели за это время никаких изменений». Рабочий класс, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, перестал быть пролетариатом, а преобразился в «совершенно новый класс», «направляющий советское общество по пути коммунизма», так же как и крестьянство стало «совершенно новым крестьянством», «в своем подавляющем большинстве» – колхозным. В «равноправного члена советского общества» превратилась «наша советская интеллигенция», отныне на 80–90 % состоящая из выходцев «из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся». «Старая классовая исключительность – исчезает», – констатировал Сталин. А рабочие, крестьяне и интеллигенция «в одной упряжке» ведут «стройку нового бесклассового социалистического общества»⁵⁵. Вместо расслоения на почве бо-

⁵³ Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников... С. 249.

⁵⁴ Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: докл. на Чрезвычайном VIII Всесоюз. съезде Советов 25 нояб. 1936 г. М., 1947. С. 7.

⁵⁵ Там же. С. 7–9.

гатства (богатые/бедные) или производственных отношений (эксплуататоры/эксплуатируемые) «совершенно новые» социальные группы ведут равный, «зажиточный» образ жизни.

Итак, в результате трансформаций, начавшихся в 1928–1929 гг., язык, с помощью которого большевистские вожди изображали советское общество, радикально изменился. Отныне господствовало утверждение о том, что советское общество, возникшее в результате осуществления коллективизации и первой пятилетки, хотя и не стало еще бесклассовым, но уже преодолело классовый антагонизм. Перспективу бесклассового общества открывали речевые конструкты, так или иначе обыгрывавшие идею единства. Она эволюционировала от сложного прилагательного «рабоче-крестьянский», выражений о «нерушимом союзе рабочего класса и крестьянства (и/или интеллигенции)», предполагавших, что классы (слои) выступают как самостоятельные единицы, к единому «трудовому/советскому народу», «советскому обществу». Тема однородности выражалась через идеологему массовости: «народные массы», «массы трудящихся».

За пределами формулы, описывавшей советское общество, оказались сокрушенные еще в годы революции помещики и капиталисты, разгромленное коллективизацией кулачество, а также бюрократия (ее остатки сохранялись в виде нещадно бичуемого и критикуемого «бюрократизма», однако сам властный аппарат СССР не именовался «бюрократами» или «чиновниками», эти слова прочно обрели пейоративный характер; речь могла идти о «служащих» или о «кадрах»). Существование автономной группы профессиональных чиновников-управляющих не находило непосредственного отражения в использовавшихся советской элитой социально-политических глоссариях: речь шла либо о «служащих», новой красной интеллигенции, либо о партии, которую – как мы видели еще в «Азбуке коммунизма» – большевистские лидеры вовсе не отделяли от рабочего класса. К XVIII съезду ВКП(б), который прошел в 1939 г., для описания новой социальной реальности стала использоваться довольно-таки громоздкая формулировка «морально-политическое единство советского общества», советское воплощение ментальной категории соборности⁵⁶.

Итоги этой трансформации на XVIII съезде подвел в своем политическом докладе Сталин: «В области общественно-политического

⁵⁶ *Купина Н. А.* Советский конформизм в зеркале языка // Полит. лингвистика. М., 2012. Вып. 2 (40). С. 31.

развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период⁵⁷ нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны и как результат всего этого – полную демократизацию политической жизни страны, создание новой Конституции». Сталин настаивал на том, что «...особенность советского общества нынешнего времени в отличие от любого капиталистического общества состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплуатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм. На этой же основе возникли Конституция СССР, принятая в ноябре 1936 года, и полная демократизация выборов в верховные органы страны»⁵⁸.

Новая, «сталинская», Конституция СССР 1936 г. и впрямь представляла – на бумаге! – равные права гражданам Союза вне зависимости от их классовой принадлежности. Например, право участия в выборах (ст. 135): «Все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными»⁵⁹. По словам В. М. Молотова

⁵⁷ Имеется в виду период с 1934 по 1939 г.

⁵⁸ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л., 1939. С. 16.

⁵⁹ Цит. по: Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М., 1987. С. 312.

на XVIII съезде партии, «...новая советская Конституция отбрасывает остатки ограничений, сохранившихся в советской Конституции от первого периода, когда влияние эксплуататорских классов на трудящихся, особенно в деревне, сказывалось еще довольно широко, а советы еще не окрепли. Она устанавливает всеобщие, прямые, равные и тайные выборы во все советы трудящихся вплоть до высших органов советской власти. Она снимает вопрос о лишенцах, так как все граждане без исключения получают право выбирать и быть избранными в Советы. Она отменяет имевшиеся у нас для рабочих преимущества перед крестьянами при выборах в Советы, вводя для всех граждан СССР равное избирательное право»⁶⁰. Лейтмотивом новой Конституции оказалась «демократизация» советского государства, возможная потому, что угрозы со стороны враждебных классов более нет. Пораженные ранее в правах социальные группы, отброшенные на самое дно социальной иерархии, теперь – опять-таки на бумаге! – были уравнены в правах с господствующими классами.

Молотов особо подчеркивал в своем выступлении тот факт, что новая Конституция исключает поражение в правах представителей «враждебных классов»: «Новая Конституция дает теперь всем гражданам СССР равные права. Можно даже сказать, что бывшие собственники вернулись, хотя и на особый лад, к управлению собственностью. Но теперь, участвуя через советы трудящихся в этом деле, они стали неизмеримо богаче, так как имеют отношение к управлению не частной, а всенародной собственностью. Трудящиеся нашей страны имеют, конечно, по этому вопросу свою глубокую думку: “бывшие” получают права, это – неплохо; только бы они работали по-честному!»⁶¹

Дебаты о «соотношении классов» (за которыми скрывалась тревожная дилемма «кто кого?»), разворачивавшиеся в среде большевистской элиты и непосредственно влиявшие на ход политической истории страны, к концу 1930-х гг. оказались беспочвенными после принятия сталинских формулировок о «морально-политическом единстве», об отсутствии антагонистических классов и о непрерывном улучшении материального и культурного положения всех групп населения. Последнее описывалось с помощью иного смыслового наполнения выражений, характерных для реалий дореволюционного прошлого. Династии стали трудовыми, аристократия – рабочей. Знатные олениводы, птичники,

⁶⁰ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 249.

⁶¹ Там же. С. 254

доярки и трактористы «слились» в советских знатных людей⁶², идеологическим подтверждением успехов которых стала демонстрируемая (и демонстративная) «зажиточная» и «культурная» жизнь. Отношения пролетариата-ведущего и крестьянства-ведомого отошли – в теории! – на задний план. Отныне все советское население признавалось *сознательным в равной мере*: и рабочие, и колхозники, и интеллигенты считались патриотами социалистического отечества. Грандиозные сооружения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки⁶³ (ВСХВ, позднее – ВДНХ) в Москве призваны были демонстрировать «морально-политическое единство» и «зажиточную жизнь» советского народа; вход на выставку открывался с площади Колхозов, украшенной башней Конституции, – символическое соседство наименований!

В 1934 г. Сталин, говоря в политическом отчете о международном положении СССР, перечислял «опоры» внешней политики Союза: «а) На свою растущую хозяйственную и политическую мощь. б) На моральную поддержку миллионных масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира. в) На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развить торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР. г) Наконец – на нашу славную армию, готовую оборонять страну от наскоков извне»⁶⁴. В докладе на XVIII съезде в 1939 г. он вновь назвал эти «опоры», слово в слово повторив собственное выступление 1934 г., однако добавил к ним и пресловутое «морально-политическое единство» советского народа⁶⁵. Социальная арифметика 1920-х гг., ориентированная на анализ «соотношения классов», оказалась теперь заменена «морально-политическим единством» равных «социалистических тружеников», живущих «зажиточной жизнью» и участвующих в «советской торговле».

⁶² Например, панно А. А. Дейнеки «Знатные люди страны Советов» (1937) или картина В. П. Ефанова «Знатные люди страны Советов» (1939), написанные для всемирных выставок в Париже и в Нью-Йорке соответственно.

⁶³ Подробные описания павильонов выставки, много говорящие о взгляде советских элит на социальные отношения, см.: *Зиновьев А. Н.* Ансамбль ВСХВ: архитектура и строительство. М., 2014.

⁶⁴ *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. М., 1935. С. 33–34.

⁶⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 15.

4.4. Производство, ИТР и культурная стратификация

Процесс расслоения в среде властной элиты описать было довольно сложно. Как отмечено выше, бюрократизм оставался главной мишенью для атак как оппозиции, так и правящей группировки во главе со Сталиным. Однако параллельно советские лидеры нащупывали новые концептуальные ходы, которые позволили бы описать социальную стратификацию.

Еще в 1926 г. Сталин, выступая перед активом ленинградской парт-организации, включил в число главных задач «создание кадров строителей индустрии». По его словам, Гражданскую войну большевики выиграли благодаря выдвижению массы «новых командных кадров, вышедших из низов и поднявшихся вверх благодаря своим способностям»; теперь же СССР нуждается в таких же «командных кадрах по индустрии», «начдивах и комкорах по хозяйству», и «поэтому задача состоит в том, чтобы создать многочисленные кадры строителей индустрии из рядов рабочих и советской интеллигенции, той самой советской интеллигенции, которая связала свою судьбу с судьбой рабочего класса и которая строит вместе с нами социалистический фундамент нашего хозяйства»⁶⁶. За этой задачей следовала задача по «поднятию активности рабочего класса» и «укреплению союза с крестьянством».

«Кадры» – ключевой элемент сталинской социальной риторики – оказались своеобразным противовесом рассуждениям об опасности бюрократического перерождения. Эта риторика является, быть может, менее заметной, чем формулы о трансформациях крестьянства и о наступлении «зажиточной» бесклассовости, но значение ее едва ли не более высокое. Со стартом политики индустриализации большевистская партия из группы профессиональных политиков, не имевших в большинстве своем опыта хозяйственно-технического руководства, превратилась в группу профессиональных управляющих промышленных предприятий, которые – в условиях жестокого административного давления частной экономики – оказались ответственными буквально за все, происходившее в стране. Одновременно возросла роль крупнейших административных организаций – вертикальных иерархий наркоматов, среди которых выделялся Народный комиссариат тяжелой промыш-

⁶⁶ Сталин И. В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии : докл. активу ленингр. орг. о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апр. 1926 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1953. Т. 8. С. 130.

ленности (НКТП), возглавляемый Орджоникидзе. Советские иерархические организации, занимавшиеся хозяйственным управлением, стали настоящими машинами производства социальных идентичностей. Как отмечает Ш. Фицпатрик, «...во-первых, экономика стремительно развивалась, создавая все больше мест для администраторов и специалистов. Во-вторых, существовала правительственная политика “выдвижения” молодых рабочих и крестьян в вузы и на руководящие должности, особенно интенсивно программа “пролетарского выдвижения” проводилась в годы первой пятилетки»⁶⁷. Это означало, что и характер бюрократии изменился: к ее числу теперь оказалось причислено гигантское количество работников промышленности. Как очертить границы «бюрократии» – горизонтальные (являются ли директор завода и главный инженер бюрократами?) и вертикальные (если инженер – бюрократ, то до какой глубины простирается бюрократическая иерархия?).

Рассмотрим этот вопрос на примере сборника «Состав руководящих работников и специалистов СССР», изданного Центральным управлением народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана в 1935 г. Составители сборника насчитали в СССР 861 тыс. чел. руководящих и технических кадров по состоянию на 1 ноября 1933 г. Учет охватил работников органов ЦИК и СНК до уровня горсоветов, наркоматов, судебных органов, промышленных и транспортных предприятий. Не были учтены работники партийных органов, командный состав РККА и советского военного флота, а также работники НКВД.

Составители сборника подробно охарактеризовали маркеры, позволяющие отнести того или иного работника к числу «руководящих работников»: «Руководящими работниками и специалистами при учете считались а) в производственных отраслях все инженеры, специалисты и руководители предприятий, цехов, смен и т. п., начиная с мастера и десятника; б) в учреждениях и управленческом аппарате – все руководители учреждений, отделов, секторов и проч. частей аппарата, а также все специалисты без административных функций; в) в вузах, вузах и научно-исследовательских институтах – все руководители институтов, кафедр и т. п. и весь научно-педагогический персонал. В круг учтенных специалистов не вошли следующие категории работников: а) все специалисты и руководители техникумов и средней и низшей школы, б) все специалисты и руководители лечебных учреждений, в) все специали-

⁶⁷ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 105.

сты и руководители предприятий торговли и общественного питания, г) руководящие работники сельсоветов»⁶⁸.

Составители сборника констатировали: «С 1928 по 1934 г. в техникумы СССР было принято 1 870 000 чел. и в вузы и втузы 952 000, всего около 3 млн чел. В составе этих пополнений в наши втузы, вузы и техникумы влились многие сотни тысяч молодых рабочих, колхозников и детей трудящейся интеллигенции»⁶⁹. С гордостью отмечалось, что «...численность ИТР в промышленности с 76 000 чел. в 1928 г. увеличилась до 471 000 в 1934 г., т. е. больше, чем в шесть раз. Если в 1928 г. на 1000 рабочих в нашей промышленности приходилось 23 инженерно-технических работника, то в 1934 г. этот коэффициент уже составил 71 чел. на 1000 рабочих, т. е. увеличился в три раза». Крупнейшими учетными единицами являлись четыре колоссальных наркомата – Наркомат тяжелой промышленности (317 015 руководителей и специалистов), Наркомат путей сообщения (91 407 руководителей и специалистов), Наркомат снабжения (76 320 руководителей и специалистов) и Наркомат земледелия (62 676 руководителей и специалистов). Эти четыре единицы, взятые в сумме (484 742 руководителя и специалиста), давали около 56 % учетных работников, тогда как на оставшиеся 41 учетную единицу приходилось примерно 44 % (376 622 руководителя и специалиста)⁷⁰.

Стандартная «сетка» ЦУНХУ, например, для руководящего состава Наркомата тяжелой промышленности включала следующие уровни иерархии («группы должностей»): «1. Директора, их замы и помы; 2. Руководители отделов и секторов; 3. Специалисты без административных функций заводоуправления; 4. Руководители цехов, смен и др. частей производ. аппарата предприят., их замы и помы; 5. Специалисты без администр. функций производ. аппарата предприятий; 6. Мастера и десятники»⁷¹. Аналогичная система повторялась – с определенными вариациями – и в других учетных единицах.

Итак, колоссальной частью советской бюрократической машины – «кадров», на языке того времени, – были инженерно-технические работники. Бюрократизм считался пороком, однако увеличение численности ИТР в отношении к численности рабочих расценивалось как исключительно положительный процесс! Советская бюрократия представала

⁶⁸ Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М., 1935. С. 3–4.

⁶⁹ Там же. С. 7.

⁷⁰ Там же. С. 8.

⁷¹ Там же. С. 54.

ла иерархией административно-технических работников, обслуживающих производство, транспорт, распределение товаров; к числу этих «руководящих кадров» оказывались причислены, например, мастера производств или преподаватели вузов.

И внутри этого властного аппарата, который занимался по преимуществу экономическим администрированием, существовали, конечно же, отношения неравенства, которые не только не оспаривались, не только не затушевывались, но и использовались большевистскими вождями для стимулирования. Колесивший по всему Союзу Г. К. Орджоникидзе, возглавивший в 1930 г. ВСНХ (а два года спустя – колоссальный Наркомат тяжелой промышленности, к которому перешли функции расформированного ВСНХ), напрямую связывал в своих выступлениях вопросы культуры, иерархии и дисциплины. Так, в 1934 г. в речи «на выпуске 165 инженеров-технологов, организаторов социалистической промышленности» нарком заявил: «Является безусловно недопустимым, позорным явлением, некультурностью, деревенщиной, когда идешь по цеху и видишь, как рабочие будто бы по бульвару шатаются туда и обратно, неизвестно почему и для чего. Разве в таком цеху может быть порядок? Разве в таком цеху может быть производственная дисциплина? <...> Инженер, технический директор идет по заводу. Начальники цехов его не замечают, сменные инженеры не замечают. Ни к черту это не годится. Идет директор по заводу – должны замечать, а если не замечают, – значит, он не директор. Если инженер идет, должны замечать, в своем цеху должны замечать мастера. Для этого и внешний вид надо привести в порядок»⁷².

Итак, «деревенщина» не изживается простым фактом работы на заводе; остается еще проделать работу по окультуриванию, воспитанию вновь прибывших. Эту культурную работу Орджоникидзе, обращаясь к «красным директорам» и инженерам, к своему «активу» вплоть до мастеров, доверял заводскому начальству, т. е. технической интеллигенции *par excellence*. Культурным примером, который должен был помочь рабочим расти над собой и достичь необходимого уровня сознательности, выступал... инженерно-технический работник!

В другом случае Орджоникидзе, критически пройдясь по состоянию дел на Магнитогорском металлургическом комбинате, задавался вопро-

⁷² Орджоникидзе Г. К. Речь на выпуске 165 инженеров-технологов, организаторов социалистической промышленности 29 мая 1934 г. // Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 2 : 1926–1937 гг. М., 1957. С. 573–574.

сом: «Люди не хотят работать? Неверно. Наши рабочие – это лучшие рабочие во всем мире, ибо они сознают, что на себя работают. Магнитка – это собственность рабочего класса, а не какого-нибудь капиталиста, рабочий знает, что он строит для себя. Разве нельзя организовать этих рабочих? Можно. Кто же должен организовать? Бригадир – низшее звено, которое имеет в своих руках 10–15–20 человек, он их должен организовать. <...> Есть хорошие бригады, есть и плохие. Конечно, не все будут энтузиастами и людьми, которые ни с чем не считаются и целиком отдают себя интересам стройки. От пятидесятитысячной массы этого не потребуешь. Но элементарную организацию наладить надо»⁷³.

Бичуя бюрократизм, партия в то же время все больше и больше фокусировала внимание на слое профессиональных управляющих, обладавших техническими компетенциями, пресловутых «кадров, овладевших техникой» и потому – «решающих все».

Об этом Сталин говорил на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. в речи «О задачах хозяйственников»: «Если бы мы дело руководства хозяйством поставили иначе, если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, – вредителям не удалось бы так много навредить. Надо самим стать специалистами, хозяевами дела, надо повернуться лицом к техническим знаниям, – вот куда толкала нас жизнь»⁷⁴. На другом совещании хозяйственников ВСНХ и Наркомата снабжения, прошедшем 23 июня 1931 г., генеральный секретарь, устав от повторяющихся призывов «овладевать техникой», разразился знаменитейшей тирадой об истории «старой России», которую «непрерывно били за ее отсталость». Кроме того, Сталин декларировал необходимость выделения среди рабочих определенной привилегированной страты: «В каждой отрасли промышленности, на каждом предприятии, в каждом цехе имеются ведущие группы более или менее квалифицированных рабочих, которых надо закрепить за производством прежде всего и главным образом <...> Их можно закрепить лишь путем выдвижения их вверх, путем поднятия уровня их зарплаты, путем такой

⁷³ Орджоникидзе Г. К. Догнать и перегнать!: речь на слете ударников Магнитогор. металлург. комбината имени Сталина 26 июля 1933 г.: сокр. стенограмма // Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 2. С. 484.

⁷⁴ Сталин И. В. О задачах хозяйственников: речь на Первой Всесоюз. конф. работников социалист. пром-ти 4 февр. 1931 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 37.

организации зарплаты, которая воздает должное квалификации работника»; необходимо также улучшить условия снабжения и жилищные условия и в конечном счете «покрыть» все «материальные и культурные потребности и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей». Но это не все; по словам Сталина, выдвижение квалифицированных рабочих откроет перспективу и для неквалифицированных рабочих, которые получают «стимул для продвижения вверх». Констатировав небывалый размах индустриального строительства, Сталин подчеркивал необходимость в подготовке массы «инженерно-технических и командных сил промышленности», причем таких, которые «способны понять политику и готовы осуществить ее на совесть»⁷⁵.

Пробил час подготовки «красных инженеров и техников», о котором писали когда-то авторы «Азбуки коммунизма»! Сталин словно бы воспроизвел их мысль, заявляя: «Наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса. Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции»⁷⁶. Эта новая интеллигенция должна была формироваться не только из выпускников вузов (огромное число которых было открыто в годы первых пятилеток), но и из «практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте». В конечном счете рядом с дипломированными интеллигентами должны встать «инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства»⁷⁷. Таким образом, рабочие обрели возможность выдвинуться на управленческие позиции и войти в состав (технической) интеллигенции. Свидетельством классового конформизма стало сочетание «рабочий-интеллигент»⁷⁸.

⁷⁵ Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства : речь на совещ. хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Соч. М., Т. 13. 1951. С. 66.

⁷⁶ Там же. С. 66–67.

⁷⁷ Там же. С. 67.

⁷⁸ Купина Н. А. Советский конформизм в зеркале языка. С. 29.

«Административно-технические работники» получили, наряду с рабочими и крестьянам, постоянную прописку в текстах советских вождей, созданных в 1930-е гг. Так, говоря о движущих силах первой пятилетки в докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г., Сталин назвал первой причиной экономических успехов Союза «активность и самоотверженность миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества»⁷⁹. А в отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б) 1934 г. Сталин отмечал: «Из всех достижений промышленности, завоеванных ею за отчетный период, самым важным достижением нужно считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность»⁸⁰.

Этот «язык кадров» открывал богатые возможности для того, чтобы описывать властную иерархию в категориях, отличных от пугающей категории бюрократии. Ярким примером этого является то, как партийные верхи определяли стахановское движение, развернувшееся в 1935 г., на прошедшем в ноябре того же года Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц – стахановцев.

Начальник Главного управления металлургической промышленности А. И. Гуревич, похвалив высокие показатели доменщиков-ударников, подчеркивал: «Теперь задача директоров металлургических заводов и всех руководителей черной металлургии заключается в том, чтобы эти показатели не оставлять только эпизодическими показателями одной мартеновской печи, а чтобы они стали постоянным явлением, вошли в плоть и кровь наших мартеновцев»⁸¹. Начальник прокатного цеха Енакиевского металлургического завода И. М. Пятигорский говорил: «Необходимо остановиться на роли инженера-командира в стахановском движении. Ни для кого не секрет, что у нас в прокатных цехах инженер тратит значительную часть своего времени на так называемый нажим на

⁷⁹ Сталин И. В. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 218.

⁸⁰ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. М., 1935. С. 58.

⁸¹ Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц – стахановцев, 14–17 нояб. 1935 г.: стеногр. отчет. М., 1935. С. 106.

отсталую часть рабочих. Стахановское движение освобождает инженера от необходимости производить этот нажим и освобождает время для работы на производстве непосредственно»⁸². И, наконец, начальник станции Москва-Сортировочная Казанской железной дороги Н. А. Пичугин заключал: «Чтобы перестроить работу станции, прежде всего сами командиры должны начать работать по-новому <...> Мы должны потребовать от командира, которому доверяется сложное и ответственное дело, чтобы он был технически грамотным и ежедневно повышал свой технический уровень, чтобы его уровень был поднят на небывалую высоту»⁸³. Итак, лишь включение инженерно-технических работников – «командиров» промышленности в организацию и распространение стахановского движения гарантирует успех.

В. М. Молотов также заверял: «Только большевистская пропаганда в рабочих массах и активность большевиков-организаторов в промышленности и на транспорте могли подготовить почву для появления стахановцев, бусыгинцев, сметанинцев, виноградовцев и кривоносовцев. Большевистское идейное воспитание выдвинуло за эти годы таких коммунистов, которые по праву могут считаться организаторами стахановского движения»⁸⁴. Этот взгляд на стахановское движение закрепил сам Сталин в своей речи, подведшей итоги встречи в Кремле. Конечно, он настаивал на том, что стахановское движение поднялось «снизу», будучи грандиозным проявлением сознательности рабочего класса. Но одновременно стахановское движение ведет к ликвидации противоположности между видами труда: рабочие-стахановцы поднимаются до уровня инженерно-технических работников. Это значит, что инженер выступает мерилom культурного уровня!

Неудивительно, что «социалистическая интеллигенция» оказалась настоящей «звездой» XVIII съезда партии в 1939 г. Детально о вопросах социальной структуры рассуждал на съезде Молотов. Следуя сталинским определениям, он утверждал, что социальный состав СССР изменился, что советские рабочие и крестьяне кардинально отличаются от самих себя десятилетней давности. Молотов приводил таблицу, демонстрирующую состав советского общества в 1937 г. (табл. 1).

Противоположность классов, антагонизм города и деревни подорваны, и «хотя руководящая роль остается за рабочим классом, как за

⁸² Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц – стахановцев. С. 118.

⁸³ Там же. С. 124–125.

⁸⁴ Там же. С. 104.

Таблица 1

Социальный состав населения СССР в 1937 г.*

	В % к итогу
1. Рабочие и служащие	35
2. Колхозное крестьянство (вместе с кооперированными кустарями)	55
3. Крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	6
4. Прочее население (армия, учащиеся, пенсионеры и др.)	4
<i>Итого</i>	100

*Цит. по: XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л., 1939. С. 283.

передовым и более подготовленным классом для установления полного коммунизма, но крестьянство, в свою очередь, занимает не пассивную позицию, а играет активную роль в строительстве нового общества, в строительстве коммунизма»⁸⁵. Значит ли это, что все население уже стало сознательным? – задавался вопросом Молотов. Нет, отвечал он, многие рабочие и крестьяне все еще хранят «мелкобуржуазные» привычки; уровня сознательности достигли только лучшие люди, «творцы новой жизни» – именно «сознательные коммунисты, непартийные большевики, стахановцы, колхозные передовики, социалистическая интеллигенция». Говоря об интеллигенции, Молотов представил съезду обширные таблицы состава руководителей советского государства и экономики и состава интеллигенции в целом. Что же это за техническая интеллигенция, которой столь много внимания уделил Молотов?

Расшифровку понятия руководитель Совета народных комиссаров дал в конце своего доклада, в разделе о культурном строительстве. Говоря о совершившейся «культурной революции», Молотов ссылаясь на грандиозный рост предприятий и порожденную им острую потребность в кадрах, в интеллигенции и приводил еще одну таблицу (табл. 2).

Однако учтенными этой таблицей 1 750 тыс. «руководящих кадров» дело не исчерпывается; Молотов – в соответствии с классификацией Центрального управления народно-хозяйственного учета – подчеркивал, что «к руководящим кадрам, несомненно, надо отнести мастеров, руководителей бригад, звеньевых и прочих, а они в названное число не входят». И он приводил таблицу, учитывавшую «по специальностям» уже всю (!) советскую интеллигенцию (табл. 3).

⁸⁵ Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц – стахановцев. С. 287.

Таблица 2

Численность руководящих кадров учреждений и предприятий на январь 1937 г.*

1. Руководители административных учреждений, учреждений здравоохранения и культуры	450 тыс. чел.
2. Директора и руководители госпромпредприятий, цехов и отделов и их заместители	350 тыс. чел.
3. Председатели и зам. председателей колхозов, зав. товарными фермами колхозов	582 тыс. чел.
4. Директора МТС, совхозов, зав. фермами совхозов	19 тыс. чел.
5. Руководители промкооперативных организаций	40 тыс. чел.
6. Директора и заведующие магазинами	250 тыс. чел.
7. Директора и заведующие столовыми и др. предприятиями общественного питания	60 тыс. чел.

* Цит. по: XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 309.

Приведя эти данные, Молотов так формулировал задачи третьей пятилетки: «Поднятие культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»⁸⁶.

В одной из своих последних работ – «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) – Сталин подвел своего рода итоги эволюции языка о стратификации, выкованного в горниле боев 1920–1930-х гг., затронув вопрос о системе социальных маркеров. Говоря о грядущем, неизбежном при построении коммунизма уничтожении «существенного различия» между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, генеральный секретарь подчеркивал: процесс уничтожения таких различий оказался запущен «разворотом массового соцсоревнования». До начала соцсоревнования промышленный рост был медленным; по Сталину, «объясняется это главным образом тем, что культурно-технический уровень рабочих был слишком низок и далеко отставал от уровня технического персонала». Соцсоревнование стало массовым, когда «среди рабочих нашлись целые группы товарищей, которые не только освоили технический минимум, но пошли дальше, стали в уровень с техническим персоналом, стали поправлять техников и инженеров, ломать существующие нормы, как устаревшие». Старт массового соцсоревнования придал промышленности грандиозный импульс, и если бы большинство рабочих втянулось в соцсоревнование (подняв для этого свой «культурно-технический уровень до уров-

⁸⁶ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 311.

Таблица 3

Состав советской интеллигенции на январь 1937 г. (по специальностям)*

1. Руководители предприятий, учреждений, цехов, совхозов, колхозов и др.	1 751 тыс. чел.
2. Инженеры и архитекторы (без руководителей предприятий и цехов)	250 тыс. чел.
3. Средний технический персонал (техники, прорабы, лесничие, начальники ж.-д. станций и пр.)	810 тыс. чел.
4. Агрономы	80 тыс. чел.
5. Прочий агротехнический персонал (землемеры, землеустроители, агротехники, зоотехники)	96 тыс. чел.
6. Работники науки (профессора, преподаватели вузов и др.)	80 тыс. чел.
7. Учителя	969 тыс. чел.
8. Культурно-просветительные работники (журналисты, библиотекари, зав. клубами и пр.)	297 тыс. чел.
9. Работники искусств	159 тыс. чел.
10. Врачи	132 тыс. чел.
11. Средний медицинский персонал (фельдшера, акушерки, медсестры)	382 тыс. чел.
12. Экономисты, статистики	822 тыс. чел.
13. Бухгалтера, счетоводы	1 617 тыс. чел.
14. Судебно-прокурорские работники (судьи, прокуроры, следователи и пр.)	46 тыс. чел.
15. Студенчество вузов	550 тыс. чел.
16. Прочие группы интеллигенции (включая военную интеллигенции)	1 550 тыс. чел.
<i>Итого</i>	9 591 тыс. чел.

* Цит. по: XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 310.

ня инженерно-технического персонала»), советская промышленность «была бы поднята на высоту, недостижимую для промышленности других стран». Итак, окончательная победа бесклассового общества и социалистической экономики осуществится тогда, когда большинство рабочих поднимется до уровня «технического персонала», т. е. инженеров⁸⁷. Эта формула демонстрирует убедительную победу культурной стратификации над классовой: центральной точкой в системе стратификации оказался «техминимум», а не классовое происхождение.

⁸⁷ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. [М.], 1952. С. 28–30.

4.5. ИТР-архия

Подведем итог: большевистские «кадры», о которых так много говорилось в начале 1930-х гг., описывались советскими вождями как часть своеобразной иерархии, основанной на двух элементах: управлении массой (мобилизация подчиненных) и выдвижении кадров (овладение техникой). В этих категориях осмыслялась перспектива той стратификации, которую мы можем с определенной долей условности назвать «культурной». И если бюрократия оставалась мишенью критики, то одновременно все больше и больше внимания притягивал слой «красных директоров» и «красных инженеров», слой технической интеллигенции, ИТР, организаторов производства – пресловутых кадров, которые «решают все».

То, что в текстах оппозиционеров (прежде всего Троцкого) представляло монструозным бюрократическим аппаратом, по эту сторону советской границы описывалось как иерархия техников-производственников. Троцкий – возможно, без всякого глубокого самоанализа – именовал советскую бюрократию «кастой», имманентно противопоставляя ее трудящейся массе. Образование и развертывавшаяся на его базе кооптация оставались вне фокуса внимания Троцкого и других лидеров оппозиции в ВКП(б), бичевавших советскую бюрократию. Троцкий соглашался – если уместно употребить такое слово – со Сталиным в том, что бюрократия и интеллигенция не являются классом. Однако на трансформацию бюрократии при развитии промышленности, на роль ИТР – сталинских «кадров» – он внимания не обратил, продолжая считать бюрократию «кастой» и не проявляя интереса к конкретным путям ее формирования. А между тем появившаяся в 1929 г. в «Бюллетене оппозиции» статья «Похмелье от “экономического октября”» (подписанная псевдонимом «Тонов» и, очевидно, присланная из Советского Союза) содержала пересказ примечательных слов, которые автору статьи якобы сказал «один довольно крупный советский чиновник» (Радек? Может быть, Пятаков?): «Что ты там поешь “смычка”, “смычка”! Эта в свое время важная для нас проблема – уже в прошлом. Великим теоретическим умом и железной волей нашего вождя она уже разрешена по крайней мере на 80 %. Мы уже коллективизировали почти половину крестьянских хозяйств. Подожди еще 1½ – 2 года, – и все крестьянство в основном будет коллективизировано; кулачество, как класс, будет ликвидировано. Почти все 100 % сельского хозяйства будут

в социалистическом секторе. Социалистическая промышленность и социалистическое сельское хозяйство будут слиты в один более или менее гармоничный организм. Перед нами будут стоять тогда только вопросы организационный и технический: лучше организовать и насыщать техникой – особенно земледельческую часть – единого социалистического сектора. Где у тебя тогда останется вопрос о смычке, т. е. о правильном взаимоотношении социалистической промышленности с индивидуальным мелкобуржуазным сельским хозяйством?!»⁸⁸

Эта цитата весьма примечательная: собеседник «Тонова» вел речь – ни много ни мало – о том, что политико-государственное управление, предполагающее «смычку» и маневрирование вокруг социальных сил (осмысленных в тех категориях, которые мы уже рассмотрели при анализе «Азбуки коммунизма»), после индустриализации и коллективизации окажется заменено «организационным и техническим»; политика целиком уступит место экономике.

В вышедшей в 1930 г. утопической повести журналиста Я. Ларри «Страна счастливых», описывавшей Советский Союз не столь отдаленного будущего, государства в привычном смысле и впрямь не существует. Республикой руководит Совет ста, состоящий из крупнейших ученых и специалистов: «В описываемую эпоху ни партийных организаций, ни государственного аппарата не существует. Роль Совета ста – это роль технического совета в народном хозяйстве. Советская же общественность группируется вокруг редакций газет, унаследовавших боевые традиции старых коммунистических советских газет и играющих роль организаторов общественного мнения вокруг всех вопросов нового быта. Решающее же слово остается за большинством всего населения СССР»⁸⁹.

А между тем вопрос о «кадрах» оставался ключевым. Почему не произошло замыкания? Важнейшим, пожалуй, элементом социальной стратификации этого периода оказалась знаменитая карточная система снабжения. Примененная впервые в условиях разрухи

⁸⁸ Похмелье от экономического «Октября» // Бюл. оппозиции (большевик-ленинцев). 1932. № 31, нояб.

⁸⁹ Ларри Я. Страна счастливых : публицист. повесть. Л., 1931. С. 70. Примечательно, что в этой же утопии Ларри описывал – в выражениях, весьма близких к докладу Гатовского, который мы упоминали выше, и к другим работам экономистов эпохи первой пятилетки, – историю возникновения в СССР «прямого коммунистического распределения», которое, по мнению автора повести, наступило в 1945 г. и привело к равенству сознательных трудящихся, которые сразу стали интеллигентами.

после революции 1917 г., в условиях жестокой Гражданской войны, эта система вновь возродилась с первой пятилеткой, однако теперь ее размах и цели были иными. Е. Осокина справедливо отмечает, что складывание карточной системы снабжения привело к одновременному формированию новой системы стратификации, которая имела ярко выраженный географический аспект⁹⁰. Однако – как мы видели ранее – географический аспект социальной стратификации вовсе не был чем-то новым для огромной России. Дробные, чрезвычайно сложные системы юридической и фискальной стратификации XIX в. предполагали, что разные районы страны населены разными социальными группами, обладающими разными правовыми, экономическими и профессиональными статусами.

В отличие от этой дробной системы, советская стратификация, формировавшаяся в эпоху первой пятилетки, по-иному разыгрывала карту пространства. Базовым маркером стратификации, основанной на карточном снабжении (экономике дефицита), был не статус населения, а его связь с тем или иным промышленным предприятием. Сами же эти предприятия не были простой данностью – большинство их возводилось заново, подчас на «голом месте» (Магнитогорск, Челябинск, Новосибирск, Запорожье и многие другие «великие стройки» социализма); следовательно, география стратификации шла следом за хозяйственно-политическими решениями о развертывании новых фабрик и заводов. Иными словами, чем активнее большевистская власть разворачивала индустриальные стройки в разных уголках страны, тем больше расширялся круг

⁹⁰ «Снабжение тех, кто получил карточки, представляло сложную иерархию групп и подгрупп и зависело от близости к индустриальному производству. По замыслу творцов, в условиях полуголодного существования карточки должны были выполнять роль кнута и пряника в индустриализации страны. Политбюро или по его поручению центральные государственные органы оценивали индустриальную важность людей и в зависимости от этого определяли условия их жизни – зарплату, нормы снабжения, ассортимент получаемых товаров, цены на них, даже магазины, где их можно было купить, и столовые, где можно было поесть! Избирательность и неравномерность государственного снабжения делали развитие рынка неизбежным. “Где вы живете? На каком предприятии работаете?” – эти главные два вопроса следовало задать рабочему или служащему, чтобы составить представление об условиях их жизни. С начала 1931 года в стране существовало 4 списка снабжения (особый, первый, второй и третий). Их называли “списки городов”, но, по сути, это были группы промышленных объектов, так как предприятия одного города могли быть отнесены к разным спискам снабжения» (Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1999. С. 90).

лиц, имевших доступ к карточному распределению. Индустриализация шагала по регионам Советского Союза с относительной равномерностью, формируя единое пространство социальных категорий и преобразуя сложившиеся центр-периферийные отношения.

Теперь учтем все сказанное ранее по поводу формирования бесклассового общества в СССР. Функции государства – которому полагалось отмирать, но которое лишь усиливалось – теоретически сводились к организации экономики и к обороне СССР от капиталистического окружения. Оставим за скобками Красную армию и НКВД, ответственные за вторую функцию, и обнаружим, что властная иерархия в СССР оказывалась в гигантской степени сформирована производственниками из индустриальной сферы. А поскольку плановая экономика, созданная в конце 1920-х гг., должна была, согласно взглядам советских экономистов, непрерывно расти, не зная кризисов, постольку иерархия производственников все время должна была увеличиваться за счет пуска новых индустриальных мощностей. Это означало кооптацию, которая и описывалась советскими руководителями в категориях «выдвижения», неразрывно связанного с техническими аспектами производства. Мы видели, что приведенные выше известнейшие цитаты Сталина, связанные с кадрами, характеризуют именно производственно-технические кадры.

Две основные манеры обсуждать социальную стратификацию, доступные большевистским элитам, – классовая и «культурная» сформировали в конечном счете своеобразное понимание системы социальной структуризации. С одной стороны, она была простой, включавшей несколько крупнейших категорий, которые к тому же были декларативно равны между собой (от классовой диктатуры начала 1920-х гг. – к «советской родине» Конституции 1936 г.). С другой стороны, она была иерархичной, сложной и запутанной, опиралась на разнообразные режимы снабжения и доступа к дефицитным товарам. Эта иерархия обязательно должна рассматриваться с учетом ее геоэкономического контекста: единицей такой иерархии со времен первой пятилетки выступал завод, предприятие; в пределах одного географического локуса (например, крупного города) стратификация могла кардинально различаться от предприятия к предприятию. Привязка новых, дробных социальных категорий к заводам и предприятиям имела особенное значение для той категории, которую обычно называют «номенклатурой» или «бюрократией», но которая на са-

мом деле сформировалась в первую очередь как слой руководителей и специалистов новой, государственной промышленности и производства. Эта группа фигурировала в советской политической речи как «инженерно-технические силы», как «собственная» интеллигенция рабочего класса и, как мы видели, выступала одновременно осью «культурной» иерархии, образцом, к которому должны были стремиться лучшие и наиболее сознательные рабочие.

Конечно, разрыв между стратами, на который в свое время с тревогой указывал Х. Г. Раковский, да и не он один, сохранялся. Однако управление экономикой, которое взяла в свои руки большевистская партия со стартом форсированной индустриализации, привело к тому, что вместо замыкания (подобного замыканию дворянской группы в середине XVIII в.) категория «красной интеллигенции» начала расти и расширяться, кооптируя все новых и новых участников и, что немаловажно, во все новых и новых регионах Союза. Шкалой для кооптации и выдвижения служил пресловутый «культурный» уровень, на деле оборачивавшийся уровнем технического образования: техникумовская (а в лучших случаях – втузовская!) парта превратилась в важнейший элемент социальной стратификации, перевешивая происхождение. А поскольку кроме происхождения в СССР трудно было передать что-либо по наследству, значимость «овладения техникой» оказывалась еще больше. Однако плановая экономика должна была, согласно замыслу своих творцов, расти бесконечно и непрерывно, предоставляя рабочие места и новые возможности для увеличивающейся армии ИТР и рабочих, овладевающих техницизмом.

Правящая группировка по-своему интерпретировала социальные категории, решая важнейшую проблему расслоения. Проблему дифференциации в деревне, которую оппозиция считала важнейшей угрозой, способной восстановить капитализм в стране, сталинская группа описывала в категориях коллективизации, превратившей сложную структуру деревни в однородный класс «социалистических тружеников», живущих теперь «зажиточной жизнью». Проблему дифференциации во властном слое, которая порождала пугавший оппозицию (и не только ее) бюрократизм, сталинская группа описывала с помощью терминологии «кадров» – искусства управления, овладения техникой и выдвижения новых руководителей. Осмысленные не как бюрократы, а как организаторы производства, эти «кадры»

формировали своеобразную иерархию культуры. Географический охват пятилеток и амбиции плановой экономики вели к тому, что расширение производства предполагалось непрерывным, создавая новые возможности для кооптации. Эта кооптация, функционировавшая с учетом образовательного уровня, создавала, по Сталину, основную форму иерархии, поднимавшейся над спокойным пространством равных «зажиточных тружеников» бесклассового общества.

РАЗДЕЛ III

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО

Сколько человечество помнит себя, возможно, с конца неолита, в мире всегда было три группы людей: Высшие, Средние и Низшие. В разные века они делились на разные подгруппы, их по-разному называли, изменялась их численность и отношение одной группы к другой, но принципиальная структура общества оставалась неизменной.

Дж. Оруэлл. 1984

Властные политические элиты в силу своего положения имели возможность и мотивацию рефлексировать по поводу социальной структуры подвластного им населения. Как было показано выше, в зависимости от исторического момента, эти рефлексии, разной степени глубины и последовательности, не только формировали ментальные модели социального, но и, реализованные через законодательство, задавали «рамочные» условия общественной жизни, «правила игры» для разнообразных социальных групп и их общей совокупности, определяли границы между ними, ранжировали и выстраивали в иерархию, иными словами, выполняли функцию конструирования социального.

Тем не менее государственное воздействие, равно как и интенции политических элит, никогда не обладало возможностью абсолютного управления социальными процессами. Во-первых, потому, что ни на одном из этапов, рассмотренных нами в рамках заявленной хронологии, верховная власть не приходила к внутреннему консенсусу по вопросам социального структурирования. Во-вторых, потому, что даже в моменты наибольшего своего влияния она не располагала достаточными инструментами для глобального контроля над всеми проявлениями групповых и индивидуальных социальных стратегий и практик (в этом отношении не стоит преувеличивать вездесущность власти доиндустриальной и индустриальной эпох, даже если есть основания характеризовать эту власть как «авторитарную» или «тоталитарную»). Наконец, потому, что даже в самые неблагоприятные периоды общественного развития у социальных групп оставались поле для маневра, условия для переструктурирования межгрупповых связей, наборы адаптивных инструментов. Усваивая разнообразные статусные наборы и оперируя ими в зависимости от ситуации, социальные группы и индивидуумы совместно с властными элитами, в сложном взаимодействии с ними формировали актуальную стратификацию, далеко не всегда отдавая себе в этом отчет. В данном разделе мы покажем несколько моделей такого сотворчества, демонстрировавших особенности социальной динамики России XVII–XX вв.

Глава 1. Служилые люди: от квазикорпораций к сословию (временная динамика и территориальный фактор)

1.1. Служилые люди европейской части России XVII в.: эволюция социальной общности

Словосочетание «служилые люди» является общеупотребительным в трудах по истории России XVI–XVII вв., хотя в источниках помимо него употребляется выражение «чины служилые», подразделявшиеся на чины думные, московские, городовые и приборные. Думные и московские чины, совокупность которых с середины XVI в. называлась «государевым двором», составляли правящую элиту Московского государства. Ее положение детально изучено А. П. Павловым и П. В. Седовым и не является предметом нашего исследования¹. В данной главе будут проанализированы проблемы корпоративности, статуса и мобильности так называемых городских чинов (дворян выборных, дворовых и городских детей боярских). Они составляли большую часть служилого класса, не привлекались к службе при дворе и были приписаны к «служилым городам» – уездным сообществам, регистрировавшимся до середины XVII в. в «десятиях». Приборные чины объединяли стрельцов и вспомогательные силы гарнизонов – пушкарей, воротников, затинщиков и других и образовывали особую социальную группу.

По сравнению с тяглыми людьми служилые люди составляли абсолютное меньшинство населения страны. По подсчетам А. Я. Водарского, в 1700 г. в России было 22–23 тыс. вотчинников и помещиков (70 тыс. чел. вместе с членами семей, приняв среднюю численность семьи в 3 чел. м. п.). В 1737 г., по его же расчетам, численность дворян составляла 140–150 тыс. чел., т. е. выросла вдвое за счет естественного прироста². Методика подсчетов Водарского вызывает некоторые сомнения: анализируя данные за 1700 г., он принимал в расчет только дворян-землевладельцев, хотя на протяжении всего XVII в. было немало беспоместных служилых людей, лишенных привилегированной зе-

¹ Правящая элита Русского государства IX–начала XVIII в. : (Очерки истории). СПб., 2006. С. 202–469.

² Водарский А. Я. Население России в конце XVII–начале XVIII в. М., 1977. С. 64–66.

мельной собственности. По мнению Т. А. Лаптевой, «примерно половина “городов” не владела крестьянскими и бобыльскими дворами»³. Не разделяя столь категоричного утверждения, не основанного к тому же на достоверных количественных показателях, согласимся, что среди 140–150 тыс. дворян в 1737 г. было немало потомков беспоместных служилых людей, откуда следует, что численность дворянства в 1700 г. была больше.

Существует более надежный метод определения численности служилых людей «по отечеству»: данные о численности армии. Согласно смете вооруженных сил 1632 г., численность государева двора составляла 2769 чел., а городских дворян и детей боярских – 24 714 чел. (всего 27483 чел.)⁴. В составе этих лиц были учтены неженатые новики, в то же время не были учтены отставные дворяне, что позволяет нам принять эти данные и оценочно определить численность дворянства с членами семей в начале 1630-х гг. в 82,5 тыс. чел. м. п.

Сметный список 1651 г. включает в свой состав 26 439 чел. городских дворян и детей боярских, к которым, по обоснованному предположению В. Н. Козлякова, следует добавить около 1 тыс. детей боярских новых городов белгородской засечной черты⁵. Вместе с увеличившимся в численности государевым двором (3927 чел.) наличный состав дворян-военнослужащих достигал 31366 чел., а численность дворянства с членами семей в середине XVII в., видимо, превышала 94 тыс. чел. м. п. По подсчетам А. Береловича, численность дворянства в среднем за 1589–1681 гг. увеличивалась примерно на 1,9 % в год⁶. Расчетная численность дворян и детей боярских к концу XVII в. должна была составлять 110–120 тыс. чел.

Кроме того, к числу служилых людей, не обложенных налогами, принадлежало не менее 50 тыс. стрельцов⁷ и неизвестное достоверно количество других «приборных людей»: воротников, пушкарей и т. д.

³ Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010. С. 529–530.

⁴ Сташевский Е. Смета военных сил Московского государства на 1632 г. (Сметный список 140 году) // Воен.-ист. вестн. (Киев). 1910. № 9–10. С. 49–86.

⁵ «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII–первой половины XVIII в. М., 1989. С. 8–33; Козляков В. Н. «Служилый город» Московского государства XVII века. Ярославль, 2000. С. 115.

⁶ Berelowitch A. La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVI–XVII siecles). Paris, 2001. P. 158–162.

⁷ В Описи городов 1678 г. учтены 29,5 тыс. стрельцов, но без Смоленска, Киева и городов Казанского двorca. См.: ДАИ. СПб., 1875. Т. 9, № 106. С. 219–314.

Таким образом, оценочная численность всех служилых людей с членами семей в Русском государстве к исходу XVII в. составляла порядка 300 тыс. чел.⁸

Важнейшим маркирующим признаком, идентифицировавшим всех служилых людей независимо от их категории и определявшим их общую социальную «границу», которая отделяла служилых от всех прочих групп населения (за исключением корпораций черного духовенства), являлось право на привилегированное землевладение: обладание вотчинами и поместьями. Оставляя в стороне историю этих разных по генетике и времени возникновения форм землевладения и их эволюцию, отметим, что ряду из них в XV–XVI вв. был присущ иммунитетный характер: судебно-административная эксклюзивность и (в виде исключения) льготный характер налогообложения, что, собственно, и позволяет характеризовать их как землевладение привилегированное. Важно подчеркнуть, что право на привилегированное землевладение имело письменное юридическое оформление: первоначально в виде корпуса индивидуальных актов – жалованных вотчинных, поместных, льготных и несудимых грамот различных модификаций, а с середины XVI в. – в виде жалованных грамот на выслуженные вотчины и отказных грамот на поместья (все это являет пример применения так называемого *privilegium* – частного, сепаратного закона). В дальнейшем права служилых людей были подтверждены совокупностью общих норм, кодифицированных в рамках общегосударственного свода – Уложения 1649 г. Хотя на практике немалое число служилых людей по разным причинам оставалось беспоместными/безвотчинными, это обстоятельство не лишало их самого права на привилегированное земельное обеспечение.

Еще одним маркером социального статуса служилых являлось преимущественное право на владение людьми – как крестьянским населением вотчин и поместий, так и холопами разных категорий. Душевладение можно считать более размытым маркером, поскольку, например, наличие холопов в течение всего времени существования этого института источники фиксируют не только у служилых людей.

Наконец, служилые люди были освобождены от уплаты налогов и несения натуральных повинностей; в наименьшей степени это касалось приборных людей и некоторых категорий дворян и детей боярских, несших службу на окраинах государства (Сибирь, ряд территорий юга

⁸ Водарский А. Я. Население... С. 192.

России), но в целом свободу от тягла также следует причислить к важным рамочным маркирующим признакам служилых людей.

Не менее значимым идентифицирующим маркером были и определенные обычаем и законом (особенно с принятием Уложения о службе 1556 г.) обязанности служилых людей. Главная из этих обязанностей отразилась в самом общем социальном наименовании – служба, в первую очередь военная. Собственно говоря, перечисленные выше права-привилегии давались этой категории населения в вознаграждение за службу. Считаем необходимым обратить внимание на то, что несение этой обязанности воспринималось самими служилыми как почетное; вместе с придворной, дипломатической, гражданской – в приказных судьях (для высших страт служилых людей) или на наместничествах/воеводствах она формировала понятие «честной», «разрядной» службы, равно противопоставленной как приказной «работе» (в дьяческих и подьяческих должностях), так и (тем более!) различным обязанностям тяглового характера.

Городовые дворяне и дети боярские – ядро служилого мира России допетровской эпохи – имели некоторые признаки корпоративной общности: так называемые служилые города.

Служилые города как организации провинциального дворянства складывались на протяжении XVI в., причем решающий шаг был сделан в 1556 г. принятием Уложения о кормлениях и службе, синхронно с которым были осуществлены верстания служилых людей по уездам и составлены первые десятины – поуездные списки служилых людей с фиксацией их земельных и денежных окладов. Верстание проводилось специальными уполномоченными Разрядного приказа или воеводами, которые руководствовались сведениями от доверенных лиц города – окладчиков. Мнение окладчиков было решающим в определении служебной годности дворянина. В наказе для верстания дворян поволжских городов от 8 ноября 1621 г. полномочия окладчиков были исчерпывающе определены: после крестоцелования окладчики давали характеристику дворянам «как кто государеву службу служит и сколь конен и люден и dospешен на государеву службу ездит... и что про кого окладчики скажут, и то велети написати именно»⁹.

К началу XVII в. служилый город был сложившимся военно-административным объединением, члены которого имели преимущественное право на испомещение на территории своего уезда. Неудивительно,

⁹ СГГД. М., 1822. Ч. 3, № 59. С. 240.

что принадлежность к той или иной городской организации являлась значимым признаком самоидентификации служилого человека. Так, например, сплошной просмотр челобитных провинциальных дворян и детей боярских отчетливо свидетельствует, что из всего многообразия определений, вербально маркировавших статус челобитчика, указание на его территориальную «привязку» оказывалось почти константным. Служилый человек или группа служилых могли позиционировать себя перед властью с помощью самых разных определений, но практически всегда указывали на свою связь с конкретным местом («взымитичи», «дети боярские ноугороцкие», «невельская шляхта», «низовых городов казанцы, алаторцы, свияжане, дворяне и дети боярские» и т. п.).

Гражданская война 1604–1618 гг. подорвала единство служилых городов. Часть из них переходила на службу к самозванцам и интервентам; так, дворянство Великого Новгорода (за исключением помещиков Бежецкой пятины) в 1611 г. приняло присягу на верность шведскому королевскому дому¹⁰. Одновременно шел процесс консолидации дворянства тех служилых городов, которые поддержали борьбу первого и второго ополчений за восстановление государственной независимости.

Смутное время положило начало выборным практикам, осуществлявшимся в городах для отправки делегатов на земские соборы. На избирательном соборе 1598 г., по данным С. П. Мордовиной, присутствовало 45 «выборных дворян» из 21 города, однако будучи особым служилым чином, они не избирались на местах, а делегировались в состав собора, находясь на службе в Москве¹¹. Первый недвусмысленный пример присутствия выборных людей из дворян в составе всесословных объединений относится к посольству, отправленному из Москвы в королевский лагерь под Смоленском в сентябре 1610 г. В состав посольства входили 42 городских дворянина из 34 городов. Их влияние на ход переговоров вряд ли было значительным, но наличие отобранных неизвестным способом представителей провинциальных помещиков несомненно¹².

Уже приговор первого ополчения от 30 июня 1611 г. содержит подписи представителей 25 служилых городов¹³. В составе отправленного

¹⁰ СГГД. М., 1819. Ч. 2, № 264. С. 553–563.

¹¹ Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // Вопр. истории. 1971. № 2. С. 55–63.

¹² Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 2015. С. 165.

¹³ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 65–70.

из Ярославля в Новгород посольства второго ополчения также преобладали 11 представителей провинциального дворянства из десятков городов (часть из них представляла группы городов, например, рязанские или украинные)¹⁴. Приговоры могло принимать не только руководство ополчений, но и сами служилые города. Так, 3 ноября 1612 г. дворяне Бельского уезда, находившегося под польской оккупацией, приняли приговор о разделе черносошной Белосельской волости Пошехонского уезда: «...розверстать бы нам ее промеж себя полюбовно, доброе поместье к худому, а худое к доброму по окладом, статья против статьи, по ровну»¹⁵. Руководили разделом земли семеро служилых людей, видимо, окладчиков, которые ввели штрафные санкции для не подчинявшихся установленному порядку. Любопытно отметить, что ситуация Смуты, как ни парадоксально, раскрыла потенциал служилого города как подлинной корпорации, в частности, запустила механизм принятия консолидированных политических (кому служить) и административно-хозяйственных (межевание земель, верстание) решений; усилила роль корпоративных выборных институтов (окладчиков)¹⁶.

Всплеск корпоративной активности (как и активизация роли земских учреждений разного уровня) продолжался и после завершения гражданской войны в первой половине XVII в. В избирательном земском соборе 1613 г. участвовали выборные не менее чем из 47 городов; служилые люди, видимо, преобладали среди участников собора, что видно из подписей на утвержденной грамоте (42 подписи из 84 принадлежали людям, чье социальное положение известно)¹⁷. Избирательные

¹⁴ Рожественский С. В. Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1912. Т. 11. С. 249–255.

¹⁵ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII в. М., 1997. Т. 1. С. 312.

¹⁶ Валери Кивельсон склонна считать, что влияние дворянских корпораций на органы местной власти, уровень политической культуры провинциальных служилых в центральных районах России в XVII в. вообще было весьма велико (с учетом места и времени): Kivelson V. Autocracy in the Provinces: The Moscovite Gentry and Political Cultural in the Seventeenth Century. Stanford, 1996 (главным образом гл. 2–5); об активном участии верхушки служилого города в местном управлении с точки зрения реализации групповых прав, полномочий и престижа в специфических условиях южных уездов страны того же периода см.: Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001; социальная и политическая активность служилых в рамках «миров» сибирских городов детально исследована в классическом труде: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

¹⁷ Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения (1611–1613). Пг., 1917. С. 183–184.

практики в среде служилых людей по отечеству были распространены и в дальнейшем: так, осенью 1636 г. норма представительства от служилого города составляла 6 чел.: 2 чел. из выборных, 2 чел. из помещиков по дворовому списку и 2 – по городовому. Л. В. Черепнин выяснил, что в октябре–декабре 1636 г. грамоты о выборных служилых людях «для государева и земского дела» были отправлены в 40 городов. В земском соборе 1642 г. участвовали 115 дворян и детей боярских из 42 городов, а протокол заседаний собора зафиксировал выступления в виде ответов на вопросы как групп дворян, так и персональные ответы московских дворян Н. Беклемишева и Т. Желябужского. Именно на этом соборе, посвященном проблеме удержания Азова, дворяне сформировали целый ряд требований о наборе ратных людей и сборе налогов на их содержание с наиболее состоятельной части землевладельцев¹⁸. Выборы провинциальных дворян на земские соборы осуществлялись в дальнейшем в 1648, 1651, 1653 и в 1683 гг.¹⁹

Представительство дворян, как и других социальных страт, на соборах невозможно квалифицировать как «право», в чем справедливо сомневался Г.-Й. Торке²⁰. Однако В. Н. Козляков не без оснований рассматривает выборные практики в контексте активности дворян в своих городах. Несмотря на то, что нити управления через окладчиков нередко перехватывались родственными группировками, возможность подать челобитную и добиться справедливости у рядовых служилых людей была. Отмеченная исследователем включенность дворян в систему государственного порядка в XVII в. естественным образом выростала из их землевладения²¹.

Обладание вотчиной, поместьем или поверстание в службу, как отмечалось выше, предопределяло обязанность дворянина служить, выполняя воинскую повинность или административные функции на гражданской службе. От несения воинской повинности не избавляли ни молодость, ни инвалидность, ни старость помещика, ни вдовство помещицы. С начала XVII в. неспособные к службе помещики были обязаны выставлять на службу «даточных людей», в качестве которых выступали их крестьяне или холопы. Именно с этой целью был организован сыск

¹⁸ Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 253, 265–269.

¹⁹ Там же. С. 292, 320–323, 328–329; Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 126–129.

²⁰ Торке Г.-Й. Так называемые земские соборы в России // Вопр. истории. 1991. № 11. С. 4–5.

²¹ Козляков В. Н. Служилый «город»... С. 138–142.

старых десятиен и составление новых в 1614–1619 гг.²² С 1670-х гг. вместо даточных людей с дворов помещиков взимаются деньги в размере полтины или двух гривен со двора.

Порядок службы зависел от чина дворянина; выборные дворяне при дворе до 1630-х гг. служили по третям года, меняясь через 8 месяцев. Уездные дворяне служили по «половинам» наличного состава служилого города: один год служила одна половина, другой год другая²³. Наиболее распространенным видом службы была так называемая сотенная, представлявшая собой военную службу рядовыми бойцами поместного ополчения или сотенными командирами в нем же. В случае отсутствия войны служилые города выезжали в города Засечной черты, блокируя попытки крымских татар и ногаев прорваться в глубь территории страны. Заслуженные и опытные городовые дворяне, чаще всего из выбора, получали назначения воеводами и осадными головами в малозначительные приграничные крепости на северо-западе или юге России. Еще один вид службы – назначение на должности стрелецких и казачьих голов и сотников.

С 1630-х гг. все более широкое распространение получает служба в полках «нового строя», как солдатских, драгунских, так и более престижных рейтарских. Однако первоначально этот вид службы воспринимался дворянами как «потерька чести», и вплоть до 1670-х гг. они всеми силами пытались избежать записи в полки нового строя. Маркером для правительства было наличие у дворян поместий и вотчин. По указу 9 мая 1638 г. в солдаты было велено зачислять лишь тех «детей боярских и старых салдатов верстаных изо всяких вольных людей, за которыми поместных и вотчинных дач нету»²⁴. Спустя сорок лет, согласно указным статьям от декабря 1678 г., «полковая сотенная служба» (в дворянском ополчении) была разрешена только тем детям боярским, которые располагали 24 дворами и более крестьян и бобылей. Дети боярские, имевшие 23 и менее двора крепостных, должны были быть включены в состав рейтарских полков²⁵.

Денежное жалованье было важнейшей статусной характеристикой служилого человека, и в самом способе его получения пролегал водо-

²² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 1. С. 82–83.

²³ Там же. С. 98.

²⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI–первой половины XVII в. : тексты. Л., 1986. № 251. С. 182.

²⁵ ПСЗ-1. Т. 2. С. 188.

раздел между верхами и низами дворян и детей боярских. Думные и московские чины получали жалованье «из четверти», т. е. в московских приказах ежегодно и, как правило, в полном объеме. Величина годового жалованья высших чинов (бояр) колебалась от 400–500 руб. до 1100–1260 руб. (кн. Г. Г. Ромодановский, кн. Ю. А. Долгоруков)²⁶. Верхушка провинциальных дворян, включая выбор, дворовых и некоторых городских, тоже получала жалованье из четверти в размере от 50 до 60 руб. Это было обусловлено выполняемыми ими особыми обязанностями по сбору налогов и другими административно-судебными поручениями. Большая часть городских детей боярских получали жалованье «с городом», т. е. на местах во время смотров и верстаний из рук воевод и дьяков раз в три-четыре года: дворовые в размере 14 руб., городские – 10 руб. и меньше.

Во время войны жалованье отправляли в места дислокации полков в приграничных городах. Так, в мае 1663 г. для собиравшегося в приграничном городе Опочка Новгородского полка было отправлено в Псков 30 тыс. руб. жалованья²⁷. Размеры жалованья на первом этапе тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. увеличивались в связи с обесцениванием медных денег: если в начале войны служилым людям выплачивалось от 30 до 15 руб., то в 1661 г. в Пскове детям боярским сотенной службы, гусарам и рейтарам платили до 100 руб.²⁸ Т. А. Лаптева показала, что с 1663 г. жалованье вновь начало выплачиваться в серебряных деньгах и его размеры пришли в норму: жалованье гусарам составляло 18 руб., рейтарам – 15, дворянам и детям боярским сотенной службы – 10–12 руб.²⁹

Жалованье должно было тратиться на приобретение оружия, доспехов и лошадей. К середине XVII в. дворяне сотенной службы были большей частью вооружены современным оружием, в том числе карабинами и пистолетами. Государство брало на себя задачи поставок оружия: например, в 1661 г. карабины и пистолеты были привезены на продажу прямо в полк Хованского, где дворяне должны были их покупать по 2 руб. за карабин или за пару пистолет³⁰.

Социальная мобильность дворянства имела две тенденции: смена статуса провинциального служилого человека путем инкорпорации

²⁶ Правящая элита Русского государства... С. 447–449.

²⁷ РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 531–532, 544.

²⁸ Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3, № 560. С. 477.

²⁹ Лаптева Т. А. Указ. соч. С. 248.

³⁰ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 3, № 390. С. 356.

в состав двора и пополнение дворянства представителями других страт. Первая тенденция на протяжении столетия становилась все менее заметной. В иерархическом отношении провинциальное дворянство делилось на три категории: дети боярские выборные, дворовые и городовые. Выборное дворянство, или «выбор», на протяжении XVII в. претерпевает значительную эволюцию. До 1630-х гг. выборные дворяне, с одной стороны, были элитарными представителями уездных корпораций, а с другой стороны, регулярно привлекались к службе при царском дворе, составляя его низший чин. В начале XVII в. насчитывалось около 900 выборных дворян; в годы Смутного времени многие выборные активно поддерживали правительство Шуйского, воевали в ополчениях, сидели в осаде в Москве, и в 1613–1626 гг. 350 выборных дворян были пожалованы в московские дворяне.

В 1630 г. в выборе числилось 1060 дворян, однако с 1630-х гг. выборные дворяне перестают привлекаться на службу в Москву и окончательно оседают в местных служилых городах. Их численность растет, достигая 2108 чел. в 1651 г.; они занимают доминирующее положение на местах, выполняя функции окладчиков и сотенных командиров, но связь их с государевым двором прерывается³¹. Однако несмотря на то, что канал пополнения двора через выбор оказался перекрыт, его пополнение из состава служилых городов продолжалось, но уже напрямую, по родству или за особые заслуги. По данным В. Н. Козлякова, в 1649/50 г. в московские чины были пожалованы 43 провинциальных дворянина. Зачастую пожалование осуществлялось всему роду: так, например, 8 псковских помещиков Нащокиных были инкорпорированы в состав двора в марте 1650 г.³²

Во второй половине XVII в. пополнение двора из рядов провинциального дворянства продолжалось: по данным П. В. Седова, в 1667–1681 гг. в чин дворян московских были пожалованы 243 городских дворянина. Одновременно с 1673 г. обнаружилась еще одна тенденция: некоторые из пожалованных не переводились на службу в Москву, а оставались в своих городах. Например, 42 московских дворянина, пожалованные в этот чин из новгородцев, лучан, ржевичей, к 1682 г. оставались служить «в Новгородском полку», несколько «карачевцев, мецнян, болховичей» – в Белгородском полку³³. Обозначенная тенден-

³¹ Правящая элита Русского государства IX–начала XVIII в. С. 344–347.

³² Козляков В. Н. «Служилый город» ... С 115.

³³ Правящая элита Русского государства... С. 427–433.

ция свидетельствует о начале процесса размывания государева двора, чины которого приобретают абстрактный характер, не всегда зависящий от места службы.

Вторая тенденция проявлялась на протяжении всего XVII в. Практика верстаний служилых людей предусматривала проверку социального статуса новиков. Об этом говорится в наказах для верстания 1596 и 1604 гг., согласно которым «всяких холопей, и стрельцов и казаков, и крестьянских и стрелецких и казацких детей, и всяких неслужилых отцов детей одноконечно не верстать»³⁴. В царском указе от 20 октября 1652 г. о всеобщем верстании предписывалось «неслужилых отцов поповых детей, холопей боярских и иных никаких неслужилых мимо государева указу поместными и денежными оклады не верстать». Почти в тех же выражениях запрет был повторен в указе от 19 декабря 1675 г.³⁵ Тем не менее на протяжении всего XVII в., стремясь обеспечить несение военной службы, государство верстало в состав детей боярских представителей самых разных сословий. Все приводимые ниже факты делятся на две категории: незаконное верстание в состав дворян и верстание, осуществлявшееся вполне законными методами.

Нарушения закона, даже если они были массовыми, еще не свидетельствуют о его недейственности. Т. А. Лаптева обнаружила удивительный факт верстания в состав городской корпорации за взятку воеводе. В 1613 г. некий крестьянин «докупился верстания» у воеводы на Ливнах, после чего добился фактического превращения своего крестьянского двора в поместье, поселив на участке еще троих крестьян³⁶. В Путивле в 1640-х гг. бывший посадский человек Я. Данаев оказался в составе выборных дворян местного служилого города³⁷. Однако в этих, как и во множестве других, случаях дело завершалось возвращением людей в тягло.

Вторая тенденция была и более массовой, и более показательной, поскольку осуществлялась главным образом через службу. В указах 1652 и 1675 гг. акцент делался на том, что перечисленные категории детей должны быть «неслужилыми», следовательно, при условии их состояния на службе переход в состав детей боярских был возможен. В этом смысле достаточно просто было получать статус сына боярского подья-

³⁴ Козляков В. Н. «Служилый город»... С. 118.

³⁵ ПСЗ-1. Т. 1, № 86. С. 274; № 615. С. 1026.

³⁶ Лаптева Т. А. Указ. соч. С. 496.

³⁷ Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII в. // Отеч. история. 1998. № 2. С. 169.

чим, в том числе площадным, тем более что согласно памяти в Разбойный приказ от 7 декабря 1640 г. в приказные подьячие было запрещено принимать детей духовенства, посадских людей и крестьян³⁸. На практике в подьячие и дьяки продолжали верстать и гостей, и духовенство, но заявленная правительством тенденция по обособлению бюрократии очевидна.

Введенные в научный оборот Т. А. Лаптевой факты показывают, что верстание в дети боярские подьячих интерпретировалось в контексте социальных изменений представителей и других страт. При рассмотрении в 1682/83 г. дела площадного подьячего из Новгорода был приведен список поверстанных поместными и денежными окладами людей из числа стрельцов (3 чел.), подьячих (2 чел.), посадских (3 чел.) и даже холопов (1 чел.)³⁹. Законным был переход в состав дворянства купцов и сыновей купцов гостиной сотни, поскольку деятельность гостей и членов гостиной сотни понималась как служба. В источниках зафиксированы два случая верстания денежным и поместным окладом сына гостя и купца гостиной сотни. Не позднее 1670-х гг. сыном боярским по Пскову оказался сын гостя Хозина, а в 1699 г. была удовлетворена челобитная о верстании окладом по Рыльску купца гостиной сотни А. Г. Нестерова⁴⁰.

На протяжении XVII в. наибольшую группу в составе городского дворянства составили казаки и казачьи дети. А. А. Новосельский и А. Л. Станиславский ввели в научный оборот данные о массовых верстаниях казаков в различных уездах страны. В 1612–1613 гг. было осуществлено формирование служилой корпорации «белозерцев», часть которых была испомещена в черных волостях Белозерского уезда, а часть – в других городах, от Вологды до Тамбова. Доминировали среди них 350 «белозерцев розных городов помещиков, что были атаманы и казаки»⁴¹. В правовом отношении они к середине XVII в. были неотличимы от детей боярских дворовых и городских, поскольку записывались в городские десятины в аналогичные статьи и получали реальные поместные дачи до 18 четвертей в каждые 100 четвертей оклада⁴².

³⁸ Законодательные акты... № 280. С. 193.

³⁹ Лаптева Т. А. Указ. соч. С. 502–503.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII–первой половины XVIII в. М., 1989. С. 8–33.

⁴² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 200–242.

Новый этап в социальной мобильности дворян связан с созданием в начале 1650-х гг. полков нового строя. Т. А. Лаптева ввела в научный оборот данные о массовом верстании в дети боярские солдат и драгун из полков нового строя. Видимо, хронологически первое верстание относится к 1660 г., когда более 200 солдат выборного полка Аггея Шепелева получили денежные и земельные оклады, причем последние составляли 80–100 четвертей.

Весьма показательны и верстание 1681/82 г., когда более 30 солдат выборного полка получили не только 100-четвертные оклады, но и аналогичные придачи к ним. Некоторые из них были из казачьих детей, а некоторые из пашенных крестьян, как, например, Василий Смолянинов, взятый в солдаты из пашенных крестьян в 1677/78 г. и уже через 4 года получивший оклад в 100 четвертей с правом «приискивать» поместье в 20 четвертей в Воронежском уезде⁴³. Разумеется, это еще не означало фактического испомещения, но в данном случае мы сталкиваемся с известным из военно-административной практики западноевропейских государств процессом аноблирования оружием, т. е. возведения в дворянство за военные заслуги⁴⁴.

В 1647 г. в результате обмена с кн. А. Н. Трубецким его вотчинное село Соколье оказалось в руках государства, населявшие его крестьяне были переведены в разряд драгун и приписаны к Сокольскому острогу⁴⁵. В 1667 г. по челобитью драгун Н. Долгополого «с товарищи» 32 человека были поверстаны в дети боярские с окладом в 150 четвертей. В деле содержится указание на аналогичные случаи верстаний в дети боярские «добренцов», откуда следует, что создание полков нового строя стимулировало пополнение страты провинциальных дворян из среды крестьянства⁴⁶.

Приведенные факты включения в состав дворянства не следует трактовать как признак стирания социальных границ между представителями различных страт: при самых приблизительных подсчетах удельный вес выходцев из непривилегированных слоев в составе дворянства к середине XVII в. оставлял не более 3 %. К концу XVII в. замирает деятельность выборных лиц служилых городов. Решающую роль

⁴³ Лаптева Т. А. Указ. соч. С. 498–499.

⁴⁴ Дмитриев М. В. Польская шляхта в XVI–XVIII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 205–213; Таценко Т. Н. Немецкое дворянство в XVI в. // Там же. С. 161–168.

⁴⁵ Гамаюнов А. И. Лебедевы в начале XVII в. Липецк, 2013. С. 114–115.

⁴⁶ Лаптева Т. А. Указ. соч. С. 503–504.

здесь сыграла военно-административная реформа 1681 г., в результате которой как представители государева двора, так и городские дети боярские были расписаны по полкам нескольких разрядов.

Суммированные в данном параграфе факты позволяют говорить о дворянстве второй половины XVII в. как о формирующемся сословии. Оно обладало рядом закрепленных в законе прав-привилегий (среди которых важнейшим было привилегированное землевладение и душевладение) и специфических, при этом носивших преимущественно почетный, престижный характер, обязанностей. Это формирующееся сословие пополнялось главным образом потомственно, хотя и не было абсолютно закрыто на входе и выходе; также потомственно передавался присущий ему набор прав и обязанностей. Служилые люди XVII в. имели зачатки сословной организации – служилый город (территориальную военно-административную организацию, к которой были «привязаны» их права и службы) и своих выборных представителей – окладчиков. Разумеется, что эта организация была по объему своих полномочий весьма далека от полноценного органа сословного самоуправления, но имела потенциал развития в этом отношении (он мог реализовываться в периоды общей социально-политической нестабильности). Провинциальные дворяне и дети боярские имели возможность участия в местных органах управления, занимая низшие должности воевод и осадных голов в периферийных крепостях (о чем писалось выше) или должности губных старост.

Проблема употребления термина «сословие» в научном дискурсе (применительно к служилым людям допетровского времени) упирается в отсутствие подобного определения в русском бытовом и деловом языке XVII в., что подталкивает исследователей к оперированию такими определениями, как «чин» или «люди». Этот подход представляется продуктивным при исследовании общественного сознания и, несомненно, отражает ментальность изучаемого общества, даже наиболее просвещенным представителям которого не хватало элементарной теологической выучки ввиду отсутствия системы образования, подобной университетам Запада.

Но проблема заключалась не только в терминологии. Представленная выше картина характеризует самые общие тенденции в социальной эволюции служилых людей доимперского периода, учитывая ситуацию в старых районах государственной территории Московского царства, населенных, в подавляющем большинстве, русскими. Однако, как известно, примерно с конца XV в. и далее в состав русского государства на-

чинают вовлекаться разнообразные земли за пределами традиционных границ преобладания русского этноса. Служилая колонизация окраин, воспроизводя в общих чертах социальную организацию центра, под давлением различных особенностей региональной специфики одновременно выстраивала собственные модели социального, консервировала или актуализировала некоторые архаичные для центральных районов черты. Это никак не способствовало ускорению процессов внутренней консолидации служилых людей в общегосударственном масштабе, делало его нелинейным и гораздо более сложным, чем это видится в исследовательской литературе. Последнее обстоятельство побуждает нас к более внимательному рассмотрению процессов эволюции служилого сословия за пределами их социального ядра.

1.2. Служилые люди в России XVIII в.: региональные траектории развития (урало-сибирский вариант)

Социальные процессы в России XVIII столетия не могут быть поняты без характеристики отдельно взятых социальных групп, чья история была тесно связана с развитием государства в предыдущих столетиях. Причиной этому является необходимость осмысления изменений, которым подверглась общественная структура в связи с проведением петровских преобразований. На сегодняшний день значительная степень влияния и масштабность реформ являются неоспоримым фактом. Большинство историков сходятся во мнении, что социально-экономические и военные мероприятия первого императора России навсегда изменили общественные отношения, создав новые, укрупненные социальные группы.

С другой стороны, исследователи отмечают, что, несмотря на попытки создания единой сети социальных коммуникаций, реформы первой четверти XVIII в. не поставили точку в жизни разнообразных социальных общностей. Это в полной мере касается процесса унификации служилого сословия и создания *единого дворянства*.

Хронологическими рамками существования служилых людей как социальной общности обычно определяются XV – начало XVIII в., а ее исчезновение связывается с началом преобразований Петра Великого⁴⁷. Но так ли это?

⁴⁷ Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 140–159; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 24.

Не имея возможности составить полное и повсеместное представление о социальной эволюции категории служилых людей во всех регионах страны, обратимся к анализу динамики состояния данной социальной общности на территории Сибирской губернии, учреждение которой произошло указом 1708 г.⁴⁸

Необходимость более тщательного анализа, во-первых, требует обратиться к характеристике источников формирования и особенностей состава служилых людей региона на протяжении XVI–XVIII столетий; во-вторых, предполагает исследование вопроса о сословно-правовом статусе данной социальной группы; в-третьих – изучение структуры занятий и особенностей ее развития в ходе активных социальных трансформаций XVIII в.

Формирование корпорации служилых людей урало-сибирского региона относится к концу XV – началу XVII в., что коррелирует с процессами освоения территорий на востоке представителями Московского государства.

Ко второй половине XVII в. сообщество служилых людей Сибири получило окончательное оформление. Как и в других регионах России, сибирские служилые люди подразделялись на две группы – служилые люди «по отечеству» и служилые люди «по прибору». Последние являлись одной из самых крупных категорий русских переселенцев в Сибири.

Служилые люди «по отечеству» были не так многочисленны и составляли незначительную долю от всех служилых людей урало-сибирского региона. Как правило, они занимали высшие военно-административные должности (разрядных и уездных воевод) и имели чины московских дворян и детей боярских. Среди представителей местной администрации преобладали служилые люди «по отечеству», присланные из центральных регионов Московского государства. По наблюдениям Е. В. Вершинина, их назначение на административные должности происходило как исходя из личного желания претендента, так и по инициативе Сибирского приказа. Большинство воеводских назначений в Сибири и иных удаленных регионах носило патрилинеальный, родственник характер. Служилые люди, определенные на воеводские должности, в основном прибывали на место службы вместе со своими семьями, привлекали к работе в воеводской избе сыновей. Последнее

⁴⁸ ПСЗ-1. Т. 4, № 2218.

обстоятельство, по-видимому, стало решающим для введения в 1684 г. чина сибирских дворян⁴⁹.

Кроме того, в числе воевод и иных крупных военачальников наблюдается значительное число иноземцев. И. Р. Соколовский, например, выделил среди воевод XVII столетия группу ссыльных иноземцев, оказавшихся в Сибири не по своей воле. Среди них – представители польских, литовских и иных фамилий, по разным причинам попавшие в сибирские уезды и оставшиеся на службе у государя. А. А. Люцидарская также отметила, что ряды государевых служилых людей Сибири – детей боярских и казаков – пополнялись не только естественным путем, но и за счет «иноземцев», несших в большинстве своем не военную, а административную службу⁵⁰.

Несмотря на это, как заметил Е. В. Вершинин, группа региональных администраторов уже в XVII в. начала замыкаться, приобретая черты автономной корпорации, выходцы из которой занимали не только административные, но и военные посты. По его мнению, данной ситуации способствовали региональные условия. В частности, так как проезд администраторов (воевод) из центра к месту службы осуществлялся за казенный счет и сопровождался выдачей денег на подъем, более дешевым способом назначений оставался поиск человека из «своих». Знание региональных условий и предыдущий опыт службы также способствовали формированию кадров из числа представителей местной администрации⁵¹.

⁴⁹ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 45–46, 63–64; *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М., 2003. С. 79–80; *Ананьев Д. А.* Воеводское управление в Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005. С. 59–60; *Швейковская Е. Н.* Воеводский двор в северорусском городе XVII века // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Натальи Федоровны Демидовой. Москва; Новосибирск, 2000. С. 134–135; *Ее же.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012. С. 304; *История казачества Азиатской России.* Т. 1: XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С. 88.

⁵⁰ *Соколовский И. Р.* Служилые иноземцы в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. С. 115–125; *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 59–60.

⁵¹ *Бахрушин С. В.* Воевода Тобольского разряда в XVII веке // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв., ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 254–255; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление Сибири. С. 26–37; *Семенов О. В.* Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. С. 124.

На протяжении всего XVII в. категория администраторов помимо служилых людей «по отечеству», приехавших из центра, пополнялась местными детьми боярскими. Это происходило несмотря на то, что сибирские дети боярские были слишком худородны для занятия высших постов воеводской администрации. По мнению М. О. Акишина, сибирские дворяне и дети боярские являлись лишь верхушкой сибирского «прибора», занимая такие же должности в местном управлении, как головы и атаманы служилых людей, приказчики в крестьянских слободах, руководители ясачных сборов⁵².

Группа служилых людей «по прибору» в первую очередь была представлена пешими и конными казаками, составлявшими в этот период большинство населения «русской» Сибири⁵³. Казачество играло важную роль в освоении колонизируемых территорий не только в конце XVI–XVII в., но и в течение всего XVIII столетия. Правительству пришлось приложить усилия, чтобы сформировать в середине XVII в. гарнизоны ключевых населенных пунктов Сибири. Набор велся из всех городов Центральной России, переселенцам гарантировались большое хлебное и денежное жалованье. Несмотря на это основными источниками формирования казачества были маргинальные элементы (гулящие, ссыльные, беглые люди, воры, каторжные, пленные поляки, шведы и французы и др.)⁵⁴.

Кроме того, в состав сибирских служилых «по прибору» входили воротники, пушкари, затинщики, стрельцы и служилые инородцы. С. В. Бахрушин отметил заинтересованность государства XVII в. во включении в тело служилой корпорации инородцев, представлявших различные этнические общности, проживавшие на осваивавшихся Московским государством территориях. В частности, он обратил особое внимание на сибирских татар, часть которых добровольно оказалась

⁵² *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 37–41; *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Москва; Новосибирск, 2003. С. 37–38.

⁵³ *Крих А. А.* Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVIII–XIX веков // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоения Азиатской России XVIII – начала XX века : сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 154.

⁵⁴ *Петров В. И.* К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII – первая половина XIX в.) // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 217; *Резун Д. Я.* Роль государства в колонизации Сибири // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVIII – начала XX века. С. 213–214; *Ананьев Д. А.* Англо- и германоязычная историография научного освоения Сибири и Дальнего Востока в XVIII веке: основные концепции и проблемы // Там же. С. 57.

в составе служилого сословия. Из них были сформированы вооруженные конные отряды, использовавшиеся как для защиты населенных пунктов, так и в организованных военных походах против кочевников⁵⁵. Служилые татары вошли в состав русских гарнизонов в Тобольске, Тюмени и Таре⁵⁶.

Некоторые сибирские новокрещенные становились переводчиками-толмачами⁵⁷. Большинство мурз и князьков коренных народов Урала и Сибири также постепенно входили в структуру служилой элиты Сибири, образуя слой служилых управленцев отдельными территориями⁵⁸.

Таким образом, в течение конца XVI–XVII в. в урало-сибирском регионе происходили процессы складывания особой общности «служилых людей», которая состояла как из русских, так и из иноземных и коренных элементов. Главной особенностью корпорации сибирских служилых людей являлся ее пестрый социальный состав, сформировавшийся в ходе взаимодействия различных представителей полиэтничной среды региона. На начало XVIII столетия служилые люди по прибору оставались одной из крупнейших социальных групп Сибири. Пополнение данной социальной общности продолжало происходить за счет инкорпорации представителей других социальных групп⁵⁹. По «Ведомости сибирских городов» 1701 г. в Западной Сибири было зафиксировано 6 442 семьи служилых людей, 1 944 семьи посадского населения и 9 342 семьи пашенных, оброчных и монастырских крестьян⁶⁰. По данным Я. Е. Водарского, переписью 1710 г. в Сибирской губернии было учтено 40 667 душ м. п., верстанных в службу ратных людей и их родственников. В 11 из 19 собственно сибирских уездов численность служилых людей превосходила все другие категории населения⁶¹.

⁵⁵ Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3 : Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII в., ч. 2 : История народов Сибири в XVI–XVII в. С. 153–175.

⁵⁶ История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 94.

⁵⁷ Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. С. 59.

⁵⁸ Дамешек Л. М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVIII – начала XX века. С. 37.

⁵⁹ Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 47–59.

⁶⁰ История Сибири. Т. 2. С. 39.

⁶¹ Водарский Я. Е. Численность русского населения Сибири в конце XVII – XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 202.

Что определяло сословно-правовой статус служилой корпорации региона в начале XVIII столетия? До середины XVII в. специальное законодательство, касавшееся этого вопроса, отсутствовало. В Соборном уложении 1649 г. служилые люди признаются субъектами гражданского и уголовного права, для них устанавливается личная ответственность по искам. Учитывая специфику региона, служилые Сибири всех категорий могли получать земельные наделы на правах индивидуального владения и пользования. Кроме того, им разрешалось покупать «татар и татарченков». Правда, как показывает практика, закрепощению подвергалось как коренное, так и русское население Сибири⁶². Основанием для приобретения прав на землю и владения дворовыми людьми являлось верстание в оклад, дававшее возможность на получение денежного, хлебного и соляного жалованья.

В целом же правовой статус данной социальной группы был определен слабо. Особенно неясным было положение служилой «аристократии» региона – сибирских дворян и детей боярских, верстание в которые с 1678 г. происходило при сохранении прежних казачьих окладов⁶³.

По замечанию Г. А. Леонтьевой, в течение XVII – начала XVIII в. служилые выполняли разнообразные обязанности, круг которых не был ограничен. Среди них – оборона границ, строительство острогов, разведка и доставка полезных ископаемых, поиск мест, пригодных под пашни, сбор ясака, доставка жалованья, сопровождение торговых караванов и миссионеров, исполнение полицейских функций. Ввиду периодической нехватки кадров была часта ситуация, когда исполняемые ими поручения не соответствовали служилому чину. В целом основные обязанности служилых людей Урала и Сибири сводились к несению военной, реже – административной службы⁶⁴.

М. О. Акишину удалось выявить ряд челобитных от имени служилых сообществ, на основании которых можно реконструировать их круг обязанностей и характер службы в регионе. Так, общесибирская челобитная 1706 г. дает характеристику полномочий служилого сословия, связанных с управленческой деятельностью. Ими являлись участие в отъездных караулах зимой и летом, доставка в Москву отписок и ясач-

⁶² История Сибири. Т. 2. С. 115.

⁶³ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 41–43, 87–90.

⁶⁴ Никитин Н. И. Первый век казачества Сибири [Электронный ресурс] // Воен.-ист. журн. 1994. № 1. URL: <http://annals.xlegio.ru/rus/kazak/sibkaz.htm>; История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 59; Леонтьева Г. А. Указ. соч. С. 71–80.

ной казны, пересылка в «сибирские города» «грамот» из Москвы, осуществление ясачного сбора в ясачных волостях и зимовьях.

В других челобитных служилые по прибору акцентировали внимание на своих ратных обязанностях. Так, в челобитной 1707 г. от конных казаков Тары описываются военные функции служилых людей. Их основной обязанностью называется защита «русских людей и ясашных татар» от «калмыцких немирных тайш, и кучюк царевичевых, и башкирских, и Казачьей орды воинских и воровских людей»⁶⁵.

В начале XVIII столетия сибирские служилые имели развитую самоуправляющуюся организацию – «войско». Оно располагало своей казной, решало наиболее важные вопросы своей жизни на «кругах». Г. А. Леонтьева отмечает значительную степень самостоятельности казачьего войскового круга, решения которого могли вступать в противоречие с позицией официальной власти⁶⁶. По данным В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, центральные и местные власти прислушивались к мнению «войска» при решении важных вопросов. Сказки и челобитные служилых людей могли оказать влияние на назначение воеводы в сибирские уезды⁶⁷. М. О. Акишиным зафиксировано также несколько случаев выступлений служилых людей против новых командиров в Томске, Тюмени и Таре, которые свидетельствовали о существовании практики выборности командного состава войск в сибирских уездах 1700-х гг.⁶⁸

Таким образом, к началу царствования Петра Великого служилые люди Сибири при наличии зависимости от государства сохраняли определенную степень свободы и влияния. Несмотря на приведенные выше факты, первая четверть XVIII столетия стала переломным периодом в истории существования служилых людей как в России в целом, так и на Урале и в Сибири в частности⁶⁹. Ведение военных действий и последовавшие за ними реформа армии и социально-экономические преобразования конца XVII – начала XVIII в. привели власти к мысли о необходимости более тщательного учета населения страны.

⁶⁵ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 37; Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. С. 122.

⁶⁶ Леонтьева Г. А. Указ. соч. С. 70.

⁶⁷ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 75–107.

⁶⁸ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 38–40.

⁶⁹ Raeff M. Imperial Russia. 1682–1825. The coming of Age of Modern Russia. N. Y., 1971. P. 7–8.

Первые реформы были направлены не только на создание регулярной армии⁷⁰, но и на формирование особого статуса городского населения России. Правда, городская реформа 1699 г. почти не затронула города будущей Сибирской губернии⁷¹. Исторические условия развития региональных центров явно свидетельствовали о невозможности создания административных учреждений, занимавшихся решением вопросов организации торговли и принимавших активное участие в жизни посада.

Многие города Урала и Сибири XVII в. являлись скорее военно-административными и церковными центрами, чем местами сосредоточения ремесла и торговли. Население города было тесно связано с населением уездов. Горожане имели значительные земельные угодья за пределами городской черты. Крестьяне занимались ремеслом и торговлей, некоторые из них проживали в городе на постоянной основе, сосредоточив свое внимание на ремесленном производстве.

Как отмечают многие историки Сибири, первые города и остроги здесь были построены именно служилыми людьми⁷². В большинстве районов именно они оказывались первыми русскими земледельцами и ремесленниками, а в некоторых городах оставались ими и к началу проведения Петровских реформ. Строгого разграничения занятий между служилым и неслужилым населением долгое время не наблюдалось⁷³, так как денежное, хлебное и соляное жалованье не могло покрыть нужды людей из разных категорий служилого сословия, многие из которых были вынуждены содержать на выделенные государством средства жену, детей и других родственников, еще не поверстанных в службу⁷⁴.

Существует большое количество документов, содержащих информацию о том, что многие семьи служилых людей урало-сибирского региона были заняты в деревообработке и строительстве, винокуренном, кожевенном и мыловаренном производствах, участвовали в пушном промысле и обработке животного сырья. Они занимались добычей

⁷⁰ Уже в начале XVIII в. на служилых людей Сибири распространяется рекрутская повинность. См.: *Леонтьева Г. А.* Указ. соч. С. 73.

⁷¹ *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 40.

⁷² *Кабо Р. М.* Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX века). М., 1949. С. 38; *История Сибири.* Т. 2. С. 88–89.

⁷³ *Кабо Р. М.* Города Западной Сибири. С. 78, 95; *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири. С. 118–120; *Семенов О. В.* Указ. соч. С. 123; *Леонтьева Г. А.* Указ. соч. С. 112–145.

⁷⁴ *История казачества Азиатской России.* С. 43; *Леонтьева Г. А.* Указ. соч. С. 151.

и выплавкой железных и медных руд, были кузнецами и т. д.⁷⁵ По подсчетам Е. И. Заозерской, в начале XVIII в. в Томске занималось ремеслом 39 посадских людей, 267 служилых людей и казаков и 18 крестьян, в Тюмени — 22 посадских человека, 110 служилых людей и 4 крестьянина, в Таре — 5 посадских и 98 служилых людей, в Тобольске — 47 посадских и 115 служилых людей. В Енисейске и Верхотурье доля зарегистрированных ремесленников из посадских была больше, чем из служилых людей⁷⁶. Приведенные цифры показательны, так как дают представление о роли служилых в развитии ремесла и торговли в конце XVII – начале XVIII в.

Например, одной из наиболее влиятельных семей, занимавшихся литейным делом, была семья тюменских служилых людей Колокольниковых, которые в начале XVIII столетия находились «у пушечного дела» на уральских заводах. В целом, по мнению Н. А. Миненко, ремесло для большинства жителей Тюмени являлось лишь побочным занятием, дополнительным к хлебопашеству⁷⁷. Схожая ситуация наблюдалась и в других городах урало-сибирского региона, где природно-климатические условия благоприятствовали ведению сельского хозяйства. В. И. Шунков и О. Н. Вилков подсчитали, что по Тобольскому разряду к 1700 г. 22 % служилых людей получали не оклад, а доход с пашни; в Томском уезде в это время пашню имело 40 % служилых людей. В зоне рискованного земледелия служилые люди отдавали предпочтение торговле, промыслам и ремеслам⁷⁸.

Таким образом, между различными категориями населения не существовало четко определенных границ, образ жизни служилых людей подчас мало чем отличался от образа жизни представителей иных социальных групп. Пропасть между ними уменьшалась за счет отставных

⁷⁵ Тюмень – ворота Сибири / сост. В. Н. Клепиков. Свердловск, 1986. № 8. С. 33–35; Громыко М. М. Развитие Тюмени как ремесленно-торгового центра в XVIII в. // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 408; Леонтьева Г. А. Указ. соч. С. 153–188; Borisov V. E. The Tomilovs, Siberian petty noblemen. Career, social connections and lifestyle at the age of transition from tsardom to empire // Cahiers du Monde russe. 2016. № 57/2–3. P. 453.

⁷⁶ Заозерская Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. // Вопр. истории. 1949. № 6. С. 70–84; История Сибири. Т. 2. С. 88.

⁷⁷ Миненко Н. А. Посадский мир XVIII века: по материалам города Тюмени // Уральский город XVIII – начала XX в.: проблемы социальной истории : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 5–7; Семенов О. В. Указ. соч. С. 125.

⁷⁸ История Сибири. Т. 2. С. 67; История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 159.

и не поверстанных в службу, осваивавших новые занятия, необходимые для выживания. Данная ситуация вызывала большие трудности при отборе претендентов из числа служилых людей Урала и Сибири на новые административные посты.

Административные реформы первой четверти XVIII в. стали еще одним фактором, оказывавшим значительное влияние на жизнь служилых людей региона. С начала 1710-х гг. государство начало осуществлять все более активное наступление на вольности служилых окраинных территорий страны. В частности, центральные и региональные представители власти перестали обращать должное внимание на коллективные челобитные от служилых людей сибирских уездов⁷⁹. Принцип выборности при назначении на ряд должностей в административно-территориальных единицах Сибирской губернии сменяется принципом жесткой централизации. Определение служилых людей на управленческие и фискальные должности уездного и губернского уровней становится более частым явлением. Правда, если в годы первой губернской реформы приоритет в назначениях на должности воевод и комендантов уездов продолжает отдаваться царедворцам из Центральной России, то в период второй областной реформы ситуация изменяется. Присланных из Сената кандидатов не хватало ввиду расширения должностной номенклатуры на уровне уездов, провинций и губерний, в которых было создано множество учреждений, представлявших разнообразные специализированные ведомства. В некоторых городах обязанности воевод начинают исполнять «управители» из числа сибирских дворян. Сибирские служилые люди назначаются и на другие не менее ответственные должности⁸⁰.

Таким образом, в результате проведения административно-судебных реформ Петра Великого далеко не родовитые сибирские служилые «по прибору» оказываются одной из главных движущих сил, предназначенной для реализации государственной политики на местах. Правда, подавляющее большинство управленческих назначений получали пожилые либо серьезно раненные в боях люди. Так, по подсчетам Д. А. Редина, возраст воевод, назначавшихся из числа дворян на Урал и в Западную Сибирь в 1710-е гг., был от 50 лет и старше. Схожие дан-

⁷⁹ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 50.

⁸⁰ Там же. С. 52–53, 59–60; Ананьев Д. А. Воеводское управление в Сибири в XVIII веке. С. 142; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ. Екатеринбург, 2007. С. 398–401.

ные приводят исследователи, занимавшиеся проблемой реконструкции среднего возраста чиновников Сибирской губернии в 1720-е гг.⁸¹

В частности, тюменский воевода 1720-х гг. полковник Дмитрий Угрюмов⁸² в одной из «сказок», датированной маем 1719 г., описывает свою службу государю следующим образом: «В прошлых годах отец мой пожалован по Верхотурью в дети боярские, а после отца своего в прошлом 1677 году пожалован по Тобольску в дети боярские. Годового жалования денег 6 рублей, хлеба 6 четвертей, 2 пуда соли и служил всякие службы и степные посылки и береговые службы, да в прошлом 1697 году послан был в Китайской острог на заставу и на той Каменской заставе подстрелили из лука в правой бок и от той их стрельной раны скорбел годы два и больше <...> Да в 1712 году губернатор князь Матвей Петрович Гагарин за мою службу и за взятие языка определил меня в полковники на Тюмени к конным и пешим казакам и татарам, а оклад мне определил 34 рубли, хлеба 18 юфтей, соли двадцать пуд, да вместо погребного питья на господские праздники и на царской ангел 6 ведр вина»⁸³.

Из текста челобитной хорошо видно, что прежде чем получить назначение на гражданскую должность, Д. Угрюмову пришлось пройти долгий путь военной службы: полковник стал воеводой далеко не молодым человеком. Анализ делопроизводственной документации показывает, что Д. Угрюмов гордился своей военной карьерой, так как наряду с должностью воеводы он всегда указывал свое военное звание⁸⁴.

Пример Д. Угрюмова для урало-сибирского региона не был единственным. Как и в XVII в., гражданская служба являлась своеобразной наградой за предшествующую, наполненную военными лишениями

⁸¹ См., например: Акишин М. О. О проведении судебной реформы в Сибири // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XX вв. : материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 128; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала... С. 398; Бородина Е. В. Судебная реформа Петра Великого на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012. С. 213.

⁸² Редин Д. А. Указ соч. С. 401.

⁸³ Тюмень восемнадцатого столетия: Материалы для истории оружейного производства : док. / сост. В. А. Ефремов. Тюмень, 2005. С. 38–39.

⁸⁴ Бородина Е. В. Сословная идентификация населения Западной Сибири в 1720-е гг. (по материалам Тюменской судебной канцелярии) // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв. : материалы Первого Всерос. науч. семинара. Екатеринбург, 2014. С. 29–30.

службу государю⁸⁵. Данное мнение разделяли как служилые чины, так и верховная власть. Указ от 22 марта 1716 г. обосновал необходимость назначения на гражданские должности бывших военных чинов следующим образом: «...которые офицеры служили в армии и за старостию и ранами отставлены, и тех велите употреблять в гарнизоны или к другим каким делам по губерниям в ландраты, или кто к какому делу способен, а особливо бедных, которые мало имеют за собою крестьян и которые ничего не имеют»⁸⁶.

Для служилых людей Сибирской губернии замечание, содержащееся в указе, было правдой. Число служилых «по прибору», обретавшихся в Сибири, значительно превышало количество, которое могло бы прокормить государство. Практически во всех городах урало-сибирского региона можно было встретить представителей служилого сословия или их родственников по мужской линии, не поверстанных ни в какую службу. Доказательством этому служат документы делопроизводства, отложившиеся в результате деятельности административно-судебных структур Сибирской губернии, в которых нередко можно обнаружить употребление статуса «казачий сын». Определение социального статуса по отцу позволяло неверстанным ощущать себя частью служилой корпорации, выделяло их из основной массы тяглого населения – крестьян и посадских⁸⁷.

В поисках служебного назначения сибирские служилые люди использовали практику подачи челобитий на имя сибирского губернатора, которые содержали просьбу об определении на какую-либо должность. Так, в конце 1723 г. в Тобольский надворный суд поступила челобитная от тобольского сына боярского Ивана Осиповича Салманова, отрывок из которой является хорошей иллюстрацией для понимания порядка определения на должность данного периода. «В прошлых де годах по указу Его Императорского Величества и по грамоте из Сибирского приказа, а в Тобольске по приговору ближнего боярина и воеводы князь Михаила Яковлевича Черкасского служил он в Тобольску з дворяны

⁸⁵ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция, 1719–1727 гг. М., 1902. С. 260.

⁸⁶ Акишин М. О. О проведении судебной реформы Петра I в Сибири. С. 128; ПСЗ-1. Т. 5, № 3003. С. 202–203.

⁸⁷ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 32. Л. 7 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 15–15 об.; Бородин Е. В. Сословная идентификация населения Западной Сибири в 1720-е гг. (по материалам Тюменской судебной канцелярии) // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв. С. 28–29.

и з детьми боярскими всякие службы многие годы, а ныне по Его Императорского Величества ни к каким делам не определен. И дабы Его Императорского Величества указом повелено было от канцелярии надворного суда у каких дел быть годен, а он де Его Императорскому Величеству служить с верным радением готов»⁸⁸.

В ряде случаев служилые «по прибору» и их родственники получали назначения при помощи подношений губернским администраторам и судьям. Судебный комиссар Краснослободского дистрикта казачий сын Матвей Головков (1723 г.), например, в одном из своих допросов прямо обозначил путь своего назначения на должность: «...и дал за то бывшему вице-президенту надворного суда Радиону Тимофеевичу Ушакову сорок рублей, да надворного суда дьяку Семену Прасолову пять рублей». Кроме того, судья отправил трем судьям – Р. Ушакову, Н. Мещерскому и А. Каратееву – по одному быку, уже находясь в Краснослободском дистрикте. В свой следующий приезд в Тобольск он поднес подьячему Василию Субботину 4 руб.⁸⁹

Альтернативой являлось получение места в канцеляриях региональных органов власти. В начале XVIII столетия продолжает сохраняться традиция верстания в состав сибирских подьячих из числа местных служилых людей. Если при назначении на самые значимые канцелярские должности государство стремилось найти претендента из Центральной России, то ввиду нехватки людей, способных занимать низшие канцелярские посты, представители урало-сибирской администрации были вынуждены верстать из других сословий⁹⁰. По мнению М. О. Акишина, ни судьи Сибирского приказа, ни воеводы в начале XVIII в. не проводили различий между чинами служилых «по прибору» и чинами канцеляристов. Служилый человек мог подать челобитную о поверстании его в подьячие, а подьячий попроситься в служилые⁹¹.

Большинство служилых людей, получивших назначение в гражданскую службу, за годы административных реформ первой трети XVIII в.

⁸⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 216. Л. 157–158 об.

⁸⁹ Там же. Л. 181–181 об.

⁹⁰ Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала... С. 419; Его же. Низовое звено коронной администрации западных уездов Сибирской губернии в первой трети XVIII в.: социальный состав и карьерная динамика // *Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России: материалы междунар. науч. конф. (Казань, 29–30 нояб. 2012 г.)* / отв. ред. Г. В. Ибнеева. Казань, 2012. С. 36.

⁹¹ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 111–112, 115.

приобрели значительный багаж знаний в данной области. По данным Е. В. Бородиной, собравшей сведения о деятельности городских судей и судебных комиссаров в административно-территориальных единицах Урала и Западной Сибири, значительная часть которых происходила из служилых людей региона, – каждый представитель низового звена судейского корпуса менял место службы с периодичностью один раз в два года⁹².

Так, например, судебные комиссары Алексей Текутьев и Федор Федилов прежде служили земскими комиссарами в Исетском и Каменском дистриктах⁹³. Назначенный в 1723 г. в Уктусский дистрикт судебный комиссар Дмитрий Карвацкий находился у «щетного дела» в Тобольске⁹⁴. Судья Краснослободского дистрикта Максим Стрекаловский в 1721 г. занимался ревизией приходо-расходных книг таможенных и кабацких бурмистров и ларешных в Тюмени⁹⁵. Кроме того, М. Стрекаловский был известен как иконописец. Об этом свидетельствует отметка в «Ведомости тюменской воеводской канцелярии о кожевенных и мыльных заводах, о ремесленниках в Тюмени», сделанная в июле 1720 г.⁹⁶

Несмотря на активное использование человеческих ресурсов региона, огромная масса служилых людей Сибирской губернии продолжала заниматься ремеслами и сельским хозяйством⁹⁷. Образ жизни урало-сибирских администраторов первой четверти XVIII в. зависел как от природно-климатических условий Сибирской губернии, так и от политики властей. Ввиду постоянного дефицита денежных средств выплаты жалованья чиновникам были далеко не регулярны⁹⁸. Альтернативой получения дополнительного источника дохода были взяточничество и казнокрадство.

Как и в начале XVIII столетия, в последние годы правления Петра Великого служилые люди Урала и Сибири состояли в тесных взаимоотношениях с представителями других социальных групп. На сложность различения городского и служилого населения региона обратил внимание второй губернатор Сибири князь Алексей Михайлович Черкас-

⁹² Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. С. 216–217.

⁹³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 21656. Л. 387, 463–463 об.

⁹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 186 об.

⁹⁵ Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала... С. 345.

⁹⁶ Тюмень – ворота Сибири. № 8. С. 35.

⁹⁷ Громыко М. М. Развитие Тюмени как ремесленно-торгового центра в XVIII в. С. 398.

⁹⁸ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1977. С. 26–27.

ский. Он описал свои сомнения в докладе Сенату от 1 сентября 1720 г.: «Сибирской губернии в городах многие вышли из крестьянства и из купечества в служилые люди, и которые ныне определены в те чины, в прежних ли чинах быть, или в старые верстать?» Приняв во внимание кадровые трудности, наблюдавшиеся в регионе, высшее правительствующее учреждение вынесло резолюцию, которая может быть расценена как компромисс между желанием сохранить как можно больше податных людей и стремлением преодолеть кадровый голод. «Которые из крестьянства выбыли в служилые люди, тем быть в тех чинах, в которых они записаны, а всякия подати и платежи, которые с них иманы прежде сего, те все, кроме тех людей, которые взяты в солдаты, имать с них по-прежнему, а впредь из купечества и из крестьянства в такие чины не писать»⁹⁹.

В целом жизнь местных управленцев из числа служилых людей Урала и Сибири усложнилась. Стремление государства создать новую систему социального ранжирования шло вразрез с существованием данной социальной группы. Очередная перепись населения Сибирской губернии 1722–1723 гг. под руководством кн. И. В. Солнцева-Засекина привела к положению в подушный оклад всех служилых людей «по прибору». Они были записаны в посад или государственные крестьяне. Более того, в ряде случаев служилые люди записывались в посады городов Сибирской губернии по своей воле, так как стремились избавиться от военных и административных обязанностей.

Действия ревизора вызвали недовольство со стороны руководства губернии. И исполнявший в 1723 г. обязанности губернатора кн. С. М. Козловский, и новый губернатор Сибири кн. М. В. Долгорукий писали в Сенат обоснования о необходимости сохранения служилых «по прибору» в Сибири. Причинами поддержания существовавшей в Сибири социальной организации они называли отсутствие должного количества царедворцев, прочих «чинов из шляхетства» и солдатских полков, нужных для защиты сибирских городов.

В 1724 г. кн. М. В. Долгорукий подал в Сенат проект штатов служилых людей Сибирской губернии. Он предложил ограничить число служилых «по прибору» 9131 человеком, установив им годовое жалованье в 58201 руб., 26362 четверти ржи, 6271 четверть овса и 1120 четвертей иных круп. Сенатские указы 1725 и 1727 гг. утвердили предложения сибирского губернатора. Находившиеся на службе сибирские дворяне,

⁹⁹ ПСЗ-1. Т. 5, № 3636. С. 234.

дети боярские и казаки были освобождены от уплаты подушной подати «до указа». Правда, статистические данные о населении Западной Сибири в середине XVIII в. говорят о том, что в течение столетия многие представители военно-служилых категорий населения переходят в число тягловых сословий¹⁰⁰. В этом отношении показателен пример жизни отдельных представителей семьи служилых людей Томиловых, которые из верхотурских детей боярских конца XVII в. превратились к середине XVIII столетия в обычных крестьян¹⁰¹. Более того, значительная часть прежних служилых перемещается из старых западных уездов к югу¹⁰². В середине XVIII в. часть тяглых Сибирской губернии была записана в «выписные казаки», которые платили подати, но не участвовали в исполнении подводной, дорожной и других натуральных повинностей¹⁰³.

Процесс освобождения от уплаты податей затянулся, завершившись в Западной Сибири лишь к третьей ревизии, а в Восточной Сибири – к концу XVIII в.¹⁰⁴ По мнению М. О. Акишина, сословно-податная реформа привела к отмиранию элементов войскового самоуправления в среде служилых «по прибору» и укрепила военную иерархию в регионе¹⁰⁵.

Данные тенденции подкреплялись курсом правительства на постепенное сворачивание административно-судебных преобразований конца 1710-х – начала 1720-х гг. Возвращение к воеводской системе управления привело к упразднению ряда специализированных ведомств и расширению функционала руководителей административно-территориальных единиц региона¹⁰⁶. Ситуация способствовала сокращению возможностей участия служилых «по прибору» в делах местной администрации. Власти стремились акцентировать внимание детей боярских и казаков на необходимости несения военной службы. В соответствии с инструкцией 1741 г. губернатор отвечал за проверку личного состава

¹⁰⁰ Особенно это было характерно для отставных служилых. См.: История Сибири. Т. 2. С. 259.

¹⁰¹ *Borisov V. E.* The Tomilovs, Siberian petty noblemen. P. 424–476.

¹⁰² *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 40–41, 49.

¹⁰³ *Черкасова О. Г.* Материальное положение государственных крестьян, проживавших в слободах Тобольской губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России. С. 91.

¹⁰⁴ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 89.

¹⁰⁵ *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 67–69.

¹⁰⁶ *Ананьев Д. А.* Воеводское управление в Сибири в XVIII веке. С. 144, 252.

сибирских дворян, детей боярских и других служилых людей, следил за регулярной выдачей хлебного жалования в виде зерна или предоставления пашни¹⁰⁷.

Несмотря на все попытки государства ограничить назначение сибирских служилых людей на административные посты¹⁰⁸, в Сибирской губернии 1730–1760-х гг. наблюдалась серьезная нехватка кандидатов на воеводские должности. Как и в предыдущие периоды, военная служба воспринималась дворянами как более престижная. В 1740 г. под давлением дворянства Сенат вынес решение об определении в гражданскую службу только по желанию самого дворянина¹⁰⁹.

Д. А. Ананьев выяснил, что основную массу сибирских воевод и управителей середины – второй половины столетия составляли средне- и мелкопоместные дворяне в военных и гражданских обер-офицерских чинах. Среди них было множество лиц преклонного возраста, которые тяготились службой в Сибири, не имели достаточного административного опыта. После отмены обязательной службы дворян в 1760–1770-х гг. произошло омоложение уездной администрации. Одновременно возросло число отставных военных, вынужденных вступить в гражданскую службу в силу недостаточной имущественной обеспеченности или в надежде на ускоренную выслугу чинов¹¹⁰.

Л. С. Рафиенко отмечает, что средний уровень административных органов Сибири 1720–1780-х гг. был заполнен представителями сибирских дворян, «выходцев из служилого сословия, формально получивших это звание, но не пользовавшихся дворянскими привилегиями»¹¹¹. По подсчетам М. О. Акишина, из 108 воевод 1730–1760-х гг., социальное происхождение которых удалось установить, 38 человек являлись сибирскими служилыми людьми¹¹².

Кроме того, служилые люди продолжали оставаться одним из основных источников пополнения рядов канцелярских служащих. По данным Д. А. Ананьева, имеются сведения о социальных корнях лишь 32 человек из 134 канцеляристов, служивших в 1740–1741 гг. в провин-

¹⁰⁷ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 159–160.

¹⁰⁸ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 77.

¹⁰⁹ Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С. 87.

¹¹⁰ Ананьев Д. А. Воеводское управление в Сибири в XVIII веке. С. 258.

¹¹¹ Рафиенко Л. С. Управление Сибирью в 20–80-е гг. XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968. С. 21.

¹¹² Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 192–194.

циальных и воеводских канцеляриях. Среди них значительную долю – 19 чел. – составляли выходцы из служилых приборных людей. В 1754 г. в губернии служило не менее 170 подьячих, 60 человек из которых (около 37 %) были потомками приборных казаков. Схожая ситуация наблюдается и в начале 1790-х гг. В частности, из 310 секретарей и канцелярских служащих Тобольского наместничества 58 чел. (18,7 %) были выходцами из служилого сословия¹¹³.

В целом положение служилых людей региона в середине XVIII в. серьезно меняется. Влияние правительственного курса на создание дворянского сословия как опоры власти и формирование регулярных армейских частей на Урале и в Сибири обесценили существование сибирских дворян и детей боярских, привели к усилению регламентации жизни иррегулярных соединений, состоявших из приборных людей. Показательно в связи с этим издание указа 1746 г., в соответствии с которым служилым было запрещено владеть дворовыми людьми¹¹⁴.

На всем протяжении XVIII в. в Сибири не было создано системы крупного помещичьего землевладения. Указом Сибирской губернской канцелярии от 1732 г. земля, находившаяся в руках служилых людей, стала рассматриваться как вечное держание¹¹⁵. Тем не менее данная мера не имела серьезных последствий. Земельные владения были настолько малы, что не способствовали созданию крепкого экономического базиса. Сибирские дворяне и дети боярские жили в условиях малоземелья и были вынуждены продолжать отправлять государевы службы различного рода или искать иные источники существования, выходявшие за пределы определенных государством занятий¹¹⁶. К середине – второй половине XVIII в. казачество окончательно становится основой иррегулярных военных соединений, находящихся под жестким контролем государства.

Несмотря на существование регулярно пересматривавшихся в течение всего столетия штатов служилых людей Сибири, они оказались вне общегосударственной системы гражданского и военного чиновно-

¹¹³ Государственные и общественные структуры Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 2014. С. 50; История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 79.

¹¹⁴ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 91.

¹¹⁵ Там же. С. 181.

¹¹⁶ Громыко М. М. К характеристике Сибирского дворянства XVIII века // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма) : сб. ст. памяти чл.- корр. АН СССР В. И. Шункова. М., 1973. С. 356–357; История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 159–161.

изводства. Сама система чинов сибирских служилых людей не была наследственной. Сибирским дворянином мог стать как сибирский сын боярский, так и казак, отличившийся на поприще службы. Неоднократно можно наблюдать, как служилые Сибирской губернии на протяжении своей жизни изменяли свой социальный статус либо это удавалось сделать их детям. Пешие и конные казаки, дети боярские – все они находились в тесных родственных связях, имели личные взаимоотношения¹¹⁷. По наблюдению М. М. Громыко, выражение «служить в дворянах» употреблялось наряду с выражениями «служить в казаках», «служить в детях боярских». В Сибири XVIII в. также бытовало словосочетание «отставной дворянин»¹¹⁸.

Получившие звание сибирского дворянина стремились сделать его наследственным статусом, вывести его за рамки личных привилегий и войти в состав российского дворянства. Эта ситуация нашла отражение в дискуссиях Уложенной комиссии 1767 г. В частности, сибирские депутаты из верхушки служилых людей А. Данилов (депутат от Якутска), С. Самойлов (депутат от Енисейска) и другие настаивали, что дворянство приобретает не по рождению, а выслугой. Ряд служилых фамилий Сибири вели свои родословные от легендарных родоначальников, создавая предания, аналогичные дворянским. Челобитья верхушки служилой корпорации урало-сибирского региона не возымели действия. В 1780–1790-х гг. в сибирских наместничествах была проведена проверка прав на землю и дворовых, по результатам которой число дворянских заимок в регионе значительно сократилось¹¹⁹.

Не случайно большинство из представителей служилого сословия стремились повысить свой социальный статус, поступая на военную или гражданскую службу, где существовала реальная возможность получить сначала личное, а затем и потомственное дворянство. Произведенный М. О. Акишиным анализ карьерных траекторий сибирских ка-

¹¹⁷ Громыко М. М. К характеристике Сибирского дворянства XVIII века. С. 350–363; Шапков А. Т. Тюменский иконник XVII века Федор Стрекаловский и его сыновья // Документ. Архив. История. Современность : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию ист.-арх. специальности в УрГУ, 20–22 апр. 2000 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 56–60.

¹¹⁸ Громыко М. М. К характеристике Сибирского дворянства XVIII века. С. 359.

¹¹⁹ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 91–92; Акишин М. О. Русский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 273, 364.

заков, детей боярских и дворян показал, что они предпочитали службу в уездных органах власти, там, где родились и выросли¹²⁰.

Таким образом, административные преобразования последней трети XVIII в. стали завершающим этапом в процессе исчезновения категории служилых людей Сибири. Крупные социально-экономические и политические реформы начала и конца столетия оказали серьезное влияние на формирование новых социальных общностей – армии и бюрократии. Ввиду региональных особенностей Урала и Сибири перестройка социума шла здесь значительно дольше, что поддерживало существование служилого сословия. Преобразовательная деятельность Петра Великого и реформы Екатерины II прошли несколько этапов, на каждом из которых можно обнаружить различия в отношении властей к данной социальной категории.

Следует отметить, что урало-сибирская служилая корпорация никогда не являлась замкнутой, а источники ее пополнения были очень разнообразны. Формирование системы повышения статуса на основе принципа выслуги создало беспрецедентную ситуацию сосуществования в пределах одной семьи представителей различных служилых статусов и даже сословий. Сословная пестрота и чересполосица являлись отражением активной социальной мобильности как внутри служилой корпорации, так и между служилыми и иными сословиями. Условия для такой мобильности были созданы самой властью, стремившейся сэкономить и потому вынуждавшей служилых людей заниматься сельским хозяйством, промыслами, ремеслами и торговлей. Пограничное положение группы между служилым и тяглым населением, неясность ее правового статуса дают представление о процессах социального конструирования и степени вовлеченности в них государства, а также позволяют говорить о высокой степени проницаемости границ между социальными группами, проживавшими в регионе.

Все вышеизложенное наглядно демонстрирует те объективные препятствия, которые возникали на пути формирования коллективной идентичности единой дворянской страты. Пропагандировавшаяся властью и интеллектуальной столичной элитой XVIII в. внутрисословная солидарность дворянства, универсальные дворянские добродетели, корпоративная сплоченность и социальная однородность имели мало общего с социальной реальностью. Ярко выраженная региональная

¹²⁰ Громыко М. М. К характеристике Сибирского дворянства XVIII века. С. 359; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 346–350.

специфика жизнеустройства в масштабах огромной и постоянно расширявшейся страны затрудняла формирование гомогенной общности с четко обозначенным социальным статусом даже в рамках «благородного сословия», исторически наиболее готового к консолидации. Архаичные системы отношений и архаичные социальные страты, бытовавшие в различных уголках России в XVIII в. (и отнюдь не только на окраинах в среде нерусского населения), создавали ощущение параллельной реальности и порождали ту социальную пестроту, которую вынуждена была законодательно фиксировать власть и которая так поражала позднейших исследователей.

Глава 2. Холопы: институт, не ставший кастой

История холопства в России изучается начиная с середины XIX в., и проблема определения места холопов в обществе была присуща всем научным школам. Дореволюционные русские историки не считали холопов сословием, не усматривая за ними никаких определенных прав; советская историография не затруднялась такими терминологическими тонкостями. Типичным примером являются изыскания крупнейшего специалиста по истории холопства В. М. Панеяха, который одновременно определял холопство как институт и как «единое сословие», объединяя в этом понятии различные группы холопов, разнившиеся по правовому статусу¹. Для Р. Хелли холопы не были сословием ровно в той же степени, что и другие страты российского общества, которые он был склонен считать кастами: «После 1649 г. Московия представляла собой кастовое общество, в котором статус каждого жителя был определен законом, и судьба его наследников была predeterminedena»².

В осмыслении социального статуса холопов в полной мере проявляется главный порок предыдущей историографии – механицизм. Человек рассматривался как чистая функция социальных отношений, поэтому холоп мог «превращаться» в крестьянина. Из гибкой, неоднозначной концепции происхождения крепостного права В. О. Ключевского отечественные историки сделали вполне схоластический вывод об «изживании» холопства в XVI–XVII вв. В 1930–1940-х гг. благодаря усилиям Б. Д. Грекова этот тезис приобрел канонические черты и нашел выражение во вполне безличной терминологии.

Значение холопства в русском обществе XVII в. определялось, во-первых, количественно. По данным А. Я. Водарского, в Вологде по переписи 1678 г. около 6,2 % составляли холопы, принадлежавшие служилым людям и духовенству, а по петровским переписям Вологодского уезда 1710-х гг. холопы составляли 4,4 % населения, в 1718–1722 гг. это значение упало до 3,7 %³. Опираясь на эти данные, Р. Хелли считает, что в главных уездных городах холопы составляли от 5 до 10 % взрослого мужского населения⁴. Очевидно, что это значение осознавалось и совре-

¹ Панеях В. М. Холопство в XVI–начале XVII в. М., 1975. С. 5.

² Хелли Р. Холопство в России, 1450–1725 гг. М., 1998. С. 27.

³ Водарский А. Я. Население России в конце XVII–начале XVIII в. М., 1977. С. 111–115.

⁴ Хелли Р. Холопство... С. 653.

менниками, ибо, по замечанию того же Хелли, Россия была единственной страной, где существовал орган центрального управления делами рабства – Холопий приказ⁵.

Вторая особенность института холопства состояла в том, что основная часть рабов были местными уроженцами и стали рабами, продавшись в кабальные холопы. Более того, институт холопства охватывал выходцев из всех социальных слоев, включая привилегированных служилых людей – дворян и детей боярских. До середины XVI в. самопродажа в холопство была возможна даже для детей боярских, служивших при дворе или в армии, но в 1550 г. начинается длительный процесс лишения дворян возможности переходить в рабы. В ст. 81 Судебника 1550 г., а затем указом от 1 сентября 1557 г. запрещалось похолопление детей боярских, не уволенных с царской службы, и их детей, не достигших 15 лет⁶. В 1638 г. верстаным детям боярским было запрещено продаваться в холопство, а уже продавшихся было предписано «из кабально холопства имать на государеву службу»⁷.

Ключевое значение в истории холопства имел указ, изданный не позднее 30 мая 1641 г. (В. М. Панеях предположительно датирует его 26 августа 1640 г.). Он запрещал детям боярским продаваться в кабальное холопство безотносительно к факту верстания. По указу от 23 июля 1641 г. верстаных и имевших поместья детей боярских, перешедших в холопы, надлежало забирать из холопства даже с семьями (если их жены ранее были холопками) и верстать в службу. В том случае, если они не были верстаны и не имели поместий, их надлежало оставлять в господских дворах. Уложение 1649 г. также позволяло таким детям боярским оставаться холопами, но запрещало подобную практику в будущем⁸. Таким образом, маргинализовавшаяся часть бывших дворян оказалась отсечена от своего сословия.

В середине XVI в. правительство с поразительным безразличием относилось к переходу крестьян и членов их семей в холопство, которое было зафиксировано в ст. 88 Судебника 1550 г. Только в первой половине XVII в. появляются указы, в которых выдача кабальных записей на крестьян ставится под запрет. Косвенное запрещение кабалить кре-

⁵ Хелли Р. Холопство... С. 15.

⁶ Судебники XV–XVI вв. М., 1952. С. 170; Законодательные акты русского государства второй половины XVI–первой половины XVII в. : тексты. Л., 1986. № 23. С. 45.

⁷ Законодательные акты : тексты. № 258. С. 184.

⁸ Там же. № 286. С. 195; № 287. С. 199–200; Соборное уложение 1649 г. : Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 103.

стьян впервые появляется в указе 1606 г., но прямой запрет, видимо, появился в указе не раньше 1616 г., «до королевичева приходу за два года», согласно которому «крестьян своих в холопи и крестьянок своих в рабы никому имать не велено»⁹. В дальнейшем этот запрет был подтвержден в указе 1630 г., а в указе 1641 г. к крестьянам были добавлены еще и посадские люди, что и было окончательно зафиксировано в Соборном уложении 1649 г.¹⁰ Таким образом, к 1649 г. землевладельцам было запрещено превращать своих крестьян в холопов, если же землевладелец делал это, а крестьянин-холоп убежал и продавался другому хозяину, то закон устанавливал, что такой беглец должен быть возвращен прежнему землевладельцу как крестьянин. Холопий приказ должен был рассылать списки беглых крестьян по всей стране, чтобы предотвратить их самопродажу в холопство.

Важнейшим источником пополнения контингента рабов повсеместно был военный плен. По указу 1556 г. военные пленники должны были освобождаться по смерти владельцев, и лишь в случае женитьбы на рабе или добровольной самопродажи становились полными холопами¹¹. Однако Е. И. Колычева показала, что указ не был реализован на практике¹². После начала Ливонской войны в плену оказались тысячи людей, включая рыцарей и их слуг. Столкнувшись с массовым порабощением этих людей, правительство 1 сентября 1558 г. издает указ, предписывавший обязательную регистрацию похолопляемых военнопленных в книгах ведомства казначеев¹³ и предполагавший привлечение пленных на военную службу.

Согласно ст. 61 Уложения 1649 г., военные пленники наряду с полными холопами, докладными и купленными были включены в число категорий холопов, могущих быть отчужденными посредством духовных, сговорных и данных записей¹⁴. В 1665 г. был издан указ, запрещающий регистрацию сделок по продаже пленных «литовцев» в рабство

⁹ Законодательные акты : тексты. № 55. С. 74; Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М., 1943. С. 350.

¹⁰ Законодательные акты : тексты. № 200. С. 157; № 286. С. 195; Соборное уложение... С. 116–117.

¹¹ Законодательные акты : тексты. № 18. С. 43; Законодательные акты русского государства второй половины XVI–первой половины XVII в. : комментарии. Л., 1986. № 18. С. 44.

¹² Колычева Е. И. Холопство и крепостничество. М., 1971. С. 45–48.

¹³ Законодательные акты : тексты. № 31. С. 51; Законодательные акты : комментарии. № 31. С. 54–55.

¹⁴ Соборное уложение... С. 110, 336.

персам и кавказским черкесам¹⁵. Р. Хелли считает, что в 1690 г. правительство вернулось к установлениям 1556 г. и объявило, что военные пленники должны были освобождаться Холопьем приказом по смерти владельцев, однако это утверждение не подтверждается источниками¹⁶. Таким образом, во второй половине XVII в. полоняники подлежали купле-продаже, отдавались в приданое по рядным записям и передавались по наследству, а плен оставался источником наиболее суровой формы рабской зависимости.

Юридически холопы в России XVII в. делились на несколько категорий, между которыми, однако, не наблюдалось социальной пропасти. Продолжала существовать категория полных холопов, зависимость которых была вечной, наследственной и потомственной. Из дела 1634 г. известна генеалогия старинных холопов в девяти поколениях, т. е. восходящая к середине XV в.¹⁷ Несмотря на то, что с 1649 г. полные грамоты не выдавались, старинные холопы дожили до начала XVIII в. Б. Дж. Сигел и Р. Хелли объясняют эту устойчивость архаичного института стратификацией общества, основанного на высококонкурентной борьбе за символы богатства¹⁸. Обширная дворня из потомственно служащих во дворе людей была несомненным символом успеха в среде служилых людей и высшей бюрократии.

Однако с появлением категории кабальных холопов, первоначально имевших право выкупиться на свободу, система холопства стала менее жесткой. По закону 1597 г. кабальные люди должны были служить господам лишь в период их жизни и по смерти господ подлежали немедленному отпуску на волю. На практике они чаще всего брали новую кабалу у старого или нового владельца. Кроме того, как показали В. И. Корецкий и В. М. Панях, в нарушение закона владельцы в первой половине XVII в. изредка передавали их по наследству, менялись и «поступались» ими, т. е. фактически продавали¹⁹. Согласно ст. 61 Соборного уложения, кабальные холопы ни при каких обстоятельствах не могли быть отчуждаемы такими способами, а их неволя приобрела ненаслед-

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 1, № 374. С. 611.

¹⁶ Хелли Р. Холопство... С. 81.

¹⁷ Яковлев А. И. Холопство и холопы... С. 484.

¹⁸ Siegel B. J. Some Methodological Considerations for a Comparative Study on Slavery // *American Anthropologist*. 1945. № 47. P. 370; Хелли Р. Холопство... С. 494.

¹⁹ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 194; Панях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984. С. 52–54.

ственный характер²⁰. Но невзирая на их резкое отличие от полных холопов по праву, социальная близость полного и кабального холопства несомненна. Р. Хелли показал, что в 47,9 % случаев стоимость полного холопа составляла 2–3 руб. и в 46 % случаев стоимость кабального холопа составляла 2–3 руб.: «Почти наверняка современники считали эти два вида холопства чрезвычайно похожими. Другие примеры сходства: полные холопы пускались в бега с той же частотой, что и кабальные»²¹.

Помимо таких видов холопства, как старинное, полное, докладное, добровольное и кабальное, Р. Хелли, следуя В. О. Ключевскому, считает холопами жилецких людей и даже закладчиков²². Между тем российское законодательство прямо указывало, что вольные (жилецкие) люди не являются холопами и не подлежат записи в кабальные книги. На практике, видимо, их записывали в кабальные книги, но указ Шуйского от 6 марта 1608 г. со ссылкой на постановления Судебника категорически запрещал это делать²³. В Соборном уложении 1649 г. прямо указано, что «вольным людям» следует «жить из воли по записям урочные годы»²⁴.

Ключевая проблема истории холопства – обязанность холопов платить налоги, поскольку в историографии они традиционно считались нетяглоспособными. Ю. В. Готье писал, что «действительно нетяглыми были долгое время холопы, не платившие до второй половины XVII в. никаких налогов в казну». Впервые в отечественной историографии тезис об освобождении всех холопов от тягла опровергла Е. И. Колычева. Она убедительно показала, что все аргументы об освобождении холопов от тягла свидетельствуют как раз об обратном, а именно об обложении тяглом холопов, имевших надел. Правда, под ними следует понимать только холопов-страдников, непосредственно работавших на пашне, и вряд ли освобождение от тягла касалось холопов-послужильцев²⁵. Холопы-страдники получают устойчивое наименование «задворных людей», т. е. живших за двором помещика, вне его усадища.

Широкое распространение задворных людей вызвало к жизни боярский приговор от 14 апреля 1624 г., в котором впервые эта категория холопов была обременена имущественной ответственностью за совершение уголовных преступлений: «А которые люди жили за двором,

²⁰ Соборное уложение... С. 108, 336–337.

²¹ Хелли Р. Холопство... С. 312, 314.

²² Там же. С. 52.

²³ ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 380.

²⁴ Соборное уложение... С. 115.

²⁵ Колычева Е. И. Холопство и крепостничество... С. 100–103.

а, живучи, также воровали, и на тех задворных людех на самих выти имати; а которые задворные люди померли, и тех людей животы продавати в выть»²⁶. В ходе введения «живущей четверти» в 1620-х гг. налогообложению стали подлежать только крестьянские и бобыльские дворы, и у землевладельцев появился прямой мотив увеличивать количество дворов задворных людей. Так, по данным В. М. Важинского, в переписных книгах южных уездов России за 1646 г. было зарегистрировано 36 тыс. дворов двorcовых и помещичьих крестьян, бобылей и холопов («задворных людей»), из которых холопских дворов оказалось всего 26. В переписных книгах 1678 г. зарегистрирована 41 тыс. дворов, а число дворов задворных людей возросло до 12 тыс., причем все они, по мнению В. М. Важинского, были холопскими²⁷. Р. Хелли предложил утилитарное объяснение этого явления: по его мнению, когда проводилась перепись 1678 г., помещики, очевидно, решили пойти до конца и объявить тысячи своих крестьян холопами; эта попытка обмануть сборщиков податей была предпринята в надежде, что пашенные холопы не должны будут платить податей²⁸.

Однако проведенное нами исследование не подтверждает такую точку зрения²⁹. Аналогичное явление фиксируется и на северо-западе России: по данным новгородских, великолукских, пусторжевских переписных книг 1678 г., удельный вес задворных и двorcовых людей в поместьях достигал 20–25 % от численности всего учтенного в переписных книгах населения³⁰. Наше исследование подтвердило, что далеко не все из задворных были холопами, их зависимость фиксировалась известными еще М. А. Дьяконову ссудными записями на задворных людей. Исследование материалов Деделовской и Псковской приказных изб подтверждает, что во второй половине XVII в. задворные люди закрепощались особым способом без кабалы. В материалах Деделовской приказной избы за 1680-е гг. сохранились десятки «сказок» о записи

²⁶ ПРП. М., 1959. Вып. 5. С. 203.

²⁷ *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974. С. 54–55.

²⁸ *Хелли Р.* Холопство... С. 656.

²⁹ Подробнее см: *Аракчеев В. А.* О причинах перехода к подворной системе налогообложения в 1678–1679 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. М., Самара, 2015. С. 118–125.

³⁰ *Воробьев В. М.* Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII – начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 113–123.

вольных людей, не бывавших «в службе великих государей и в тягле», в задворные люди «с судною записью»³¹.

Таким образом, задворные люди в Деделовском, Псковском и других уездах северо-запада и, видимо, уездах Засечной черты – это особая категория крепостного населения, чья зависимость не была холопской, а оформлялась способом, свойственным отношениям землевладельцев с крестьянами. В ходе реформы, воплощенной в указах 2 сентября и 9 октября 1679 г., задворные люди были включены в тягло, что обозначило, с одной стороны, переломный момент в процессе закрепощения сельского населения, а с другой стороны, переход к новой системе взимания налогов. С 1680-х гг. холопы и крепостные крестьяне начинают упоминаться вместе в правовых документах и фиксироваться в крепостных актах³². Так, помещики и вотчинники Углича в марте 1690 г. просили о записи служилых кабал и ссудных записей на крестьян в книги в губной избе³³.

До начала XVII в. холоповладельцами в России могли быть представители любых социальных страт: не только служилые люди всех категорий, но и тяглые люди, священнослужители, стрельцы, пушкарки, монастырские служки и собственно холопы. На практике, конечно, именно служилые люди порабощали холопов; как показал Р. Хелли, «в 1590-е гг. приказные были едва ли не единственной беспоместной группой, которая могла себе позволить покупать на рынке холопов, и делала это, тем самым демонстрируя наличие значительных излишков дохода»³⁴. Кроме того, холопы могли оформляться сразу на нескольких хозяев (например, отца и сына). Согласно приговору от 7 января 1606 г., запрещалось коллективное владение холопами: отныне кабала должна была писаться только на одного хозяина; кабалы, составленные на двух хозяев, подлежали аннулированию. На следующем этапе в 1622 г. и 1627/28 г. последовал запрет мусульманам (татарам-землевладельцам) владеть православными холопами³⁵.

Из сохранившихся кабальных книг известны факты владения холопами представителями практически всех страт общества. В. М. Панеях ввел в научный оборот данные о массовом закабалении людей воевода-

³¹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. № 699, 704, 740, 741.

³² ПРП. Т. 7. С. 185–206.

³³ РГАДА. Ф. 233. Кн. 301. Л. 782.

³⁴ Хелли Р. Холопство... С. 34.

³⁵ Законодательные акты : тексты. № 166. С. 138.

ми, дьяками, губными старостами, священнослужителями, стрелецкими головами и сотниками, казачьим есаулом. Не менее 6 кабал в Новгороде и Пскове оформили на себя посадские люди, среди которых – 2 гостя, и 4 кабалы предъявили к регистрации холопы³⁶. Еще более впечатляющие данные содержатся во вводимой нами в научный оборот кабальной книге Великого Устюга 1619–1620 гг.³⁷ В этом поморском городе, где, как известно, отсутствовало поместное землевладение, на протяжении двух лет, с августа 1619 г. по июнь 1621 г., было выдано 23 кабалы на 27 чел. Всего двух человек закабалил местный воевода кн. А. В. Ростовский-Приимков, еще 11 чел. – дворяне В. А. Аргамаков и его сын Иван. Другими холоповладельцами стали местный дьяк П. С. Строганов, торговый человек суконной сотни Н. Ларионов, посадские люди и два холопа. Устюжская кабальная книга показывает, насколько широким был спектр рабовладельцев Московской Руси.

Сословные ограничения права владеть холопами в Московии вводятся начиная с 1620-х гг., когда оформляется более четкая стратификация московского общества. Решающий шаг был сделан в 1634/35 г., когда холопам было запрещено покупать свободных людей в кабалу, но было разрешено брать на свободных людей жилецкие записи на определенный срок³⁸. Указ, видимо, исполнялся не в полной мере, поскольку в Соборном уложении 1649 г. эта норма была не только подтверждена, но и предписывала аннулировать служилые кабалы, взятые холопами после указа 1634/35 г.

Второй шаг в реорганизации страты холоповладельцев был сделан указом, изданным не позднее 30 мая 1641 г., в котором со всей категоричностью было заявлено: «А тяглым людем, и попом, и стрельцом, и пушкарем, и монастырским служкам, и боярским людем на людей служилых кабал давати не велено ж, а велено им давати на людей житейские записи на урочные годы з зарядом»³⁹. В дальнейшем эта норма была частично подтверждена Соборным уложением 1649 г. Там же содержалось важное распоряжение о запрещении кабалить людей воеводам и приказным людям в тех городах, где они находились на службе, пользуясь таким образом своим служебным положением⁴⁰. С 1640-х гг.

³⁶ Панеях В. М. Холопство в первой половине XVII в. С. 115–117.

³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 456. Л. 202–216.

³⁸ Законодательные акты : тексты. № 221. С. 165.

³⁹ Там же. № 286. С. 195.

⁴⁰ Соборное уложение... С. 109.

владение холопами становится сословной привилегией служилых людей, к которым помимо дворянства следует причислить еще и гостей.

Институт холопства на протяжении XVII в. предоставлял все больше возможностей для освобождения. К этому приводили стихийные бедствия, подобные голоду 1601–1603 гг., когда холопов, изгнанных владельцами во время голода, по приговору от 16 августа 1603 г. следовало освободить⁴¹. Активное участие холопов в социальных движениях начала XVII в., причем зачастую вместе с их владельцами (хрестоматийный пример – кн. Шаховской и его бывший холоп И. Болотников), вновь дезорганизовало систему холоповладения. К тому же правителями эпохи Смуты применялась старая практика роспуска холопов служилых людей, оказавшихся в опале. Ответом на эту, по выражению В. М. Панеяха, «дезорганизацию в сфере холопства» стал приговор от 25 февраля 1608 г., в котором правительство закрыло глаза на реальное положение вещей и постановило считать законным освобождение холопов по отпускным, выданным Холопым приказом⁴².

Соборное уложение 1649 г. предоставляло холопам определенный спектр возможностей для освобождения. Как и прежде, освобождению подлежали кабальные люди после смерти господина (ст. 9), холопы, вышедшие из плена (ст. 34). В случае, если беглый холоп постриглся в монахи или был поставлен в священники и дьяконы, его судьба решалась патриархом или архиереями на местах, но о возвращении его в рабство речи не шло (ст. 67). Безусловному отпуску на свободу по ст. 33 подлежали холопы государственного преступника: «А будет кто изменит, из Московского господарства отъедет в ыное господарство, а после его людем его по государеву указу и по боярскому приговору дана будет воля...»⁴³. Наконец, во второй половине XVII в. свобода предоставлялась холопам, воевавшим в полках нового строя. По указу царя Алексея от 29 декабря 1675 г. «без государева указа их помещиком и вотчинником в холопство и во крестьянство не отдавать, для того, что те ратные люди научены копейному и рейтарскому и салдацкому строем, и к нынешней службе и к походу надобны»⁴⁴.

Совокупность изложенных обстоятельств убеждает в том, что холопы не были сословием и не обладали его признаками. Будучи чрез-

⁴¹ ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 375.

⁴² Там же. С. 378.

⁴³ Соборное уложение... С. 107.

⁴⁴ Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 343.

вычайно размытой социальной группой, холопы, как губка, впитывали в свои ряды представителей самых разных социальных страт, поэтому их нельзя соотносить с предложенным Р. Хелли определением касты. К тому же к холопам примыкали по своему фактическому положению такие промежуточные группы, как задворные люди, которые юридически холопами не были и имели немало общих черт с крестьянством. Сказанное позволяет заключить, что ликвидация холопства как социальной страты серией указов Петра Первого 1718–1723 гг. была логичной, хотя и запоздавшей мерой, уравнившей холопов в правовом отношении с крестьянством.

Глава 3. Борьба за юридический статус: уральские вечноотданные XVIII в.

3.1. Рожденные в конфликте интересов: как появились вечноотданные

Предыстория вечноотданных уходит в начало XVIII в., а почвой для их формирования послужило интенсивное развитие мануфактурного производства в России. Рост числа заводов в разных отраслях промышленности обострил вопрос о их снабжении рабочей силой. Внеэкономические методы комплектования (приписка к заводам черносошных крестьян окрестных селений и покупка крепостных), выручавшие в XVII в., когда мануфактуры были единичны и большая их часть принадлежала казне или дворцовому ведомству, продолжали практиковаться и демонстрировали рост, но имели ряд ограничений, а рынок труда оставался весьма узким. Для снабжения заводов рабочими кадрами владельцы предприятий были склонны принимать в их ряды практически всех, кто изъявлял на то свое желание, закрывая глаза на их происхождение. В результате к началу 1720-х гг. при заводах собралось определенное количество пришлых, чей прошлый социальный и правовой статус был весьма пестрым. Среди них, в разных пропорциях, можно было обнаружить представителей всех категорий тяглого населения страны (крепостных, монастырских и черносошных крестьян, выходцев с посада и разночинцев), а также разного рода сомнительных, с точки зрения государственной власти, персон вроде «гулящих» и «непомнящих родства». Они приходили по одиночке, группами, иногда – целыми селениями в поисках пропитания или укрываясь от бремени крепостного состояния. Среди них было немало беглых, нелегально покинувших государево тягло или своих помещиков, но были и легально ушедшие в отходные заработки. На заводах они получали работу, приобретали новые производственные навыки, зачастую становясь мастерами и подмастерьями основных и вспомогательных циклов.

До поры такое состояние дел устраивало как заводчиков, так и пришлых, а центральная власть, занятая решением многочисленных проблем, вызванных войной и разнообразными реформами, не фиксиро-

вала внимание на особенностях кадровой практики заводовладельцев. Проведение податной реформы и связанной с ней первой подушной переписи населения изменило ситуацию. Стремление к тотальному учету налогоплательщиков и ужесточение борьбы с их мобильностью, внедрение паспортной системы, желание строгого контроля над людскими ресурсами вынудили обратить внимание на заводские рабочие контингенты. В то же время владельцы крестьян, несущие убытки в связи с их бегством и несшие ответственность за уплату с них подушной подати, стали проявлять повышенную активность в процедурах розыска и возврата беглецов. Ситуация, связанная с положением пришлых заводских работников, приобретала многосторонний конфликтный характер и требовала разрешения.

18 июля 1722 г., отправляясь из Астрахани в Персидский поход, Петр I направил Сенату именной указ, в котором, со свойственной ему в таких случаях лаконичностью, решил этот конфликт в пользу «общественного интереса». Отдавая приоритет развитию промышленного производства, он повелел, вопреки уже состоявшимся распоряжениям, не отдавать помещикам крестьян, которые обучились мастерству и работают при заводах, а оставить их там, лишь переписав. Решение свое, данное, что называется, на ходу, император считал временным и действительным до возвращения из похода¹.

В самом деле, в последующем монарх еще не раз обращался к проблеме пришлых заводских работников, пытаясь найти в определении их статуса компромисс, удовлетворявший как казенные интересы, так и потребности старых и новых владельцев. Судя по всему, Петр все более убеждался в целесообразности сохранить этот контингент при заводах (что было выгодно и короне, и хозяевам мануфактур), но при этом компенсировать убытки прежним владельцам и не растерять плательщиков подушной подати. В высочайших резолюциях на докладные пункты генерал-майора Г. П. Чернышева от 19 января 1723 г. царь подтвердил необходимость тщательного учета пришлых и выяснения их прежнего статуса и мест проживания. Их следовало числить в платежах «по тем же селам и деревням, чьи они скажутся», но с заводов «неволею не ссылать» и взимать за них подушную подать с заводовладельцев, а не с помещиков, за которыми они записаны переписью². Надо признать, это была не самая удачная схема, слишком сложная

¹ ПСЗ-1. Т. 6, № 4055.

² Там же. Т. 7, № 4145.

в реализации. Видимо, это понимал и Петр. Через полтора года, в так называемом «Плакате» от 26 июня 1724 г. – одном из основополагающих документов, регламентировавших сбор подушной подати и деятельность военно-фискальных администраций, – он существенно скорректировал процедуру взаимоотношений пришлых работников со всеми заинтересованными сторонами. Принципиально новыми стали два положения. Во-первых, безусловное правило закрепления работников при заводах касалось *только их квалифицированной части*, тех, кто «обучится какому-либо искусству». Во-вторых, бывшие владельцы теряли право собственности на таких людей, а в качестве компенсации могли рассчитывать на получение платежа от заводчиков: по 50 руб. за душу м. п.³

В петровских узаконениях явственно видна некоторая недосказанность. По сути, они лишь в общих чертах разрешили конфликт интересов государства, заводовладельцев и помещиков – прежних душевладельцев и провозгласили амнистию тех пришлых, которые оказались зафиксированы при заводах к концу I ревизии. Но мануфактуры продолжали притягивать беглецов и после 1724 г. (какие бы ограничительные меры ни устанавливало правительство); контингенты заводских работников усложнились по своей внутренней социальной и правовой структуре, а их статус вызывал вопросы; не была решена участь неквалифицированных кадров; оставалась неотрегулированной важная для всех сторон проблема податных платежей (кто и сколько должен платить налогов с закрепленных при предприятиях душ).

Естественно, что после некоторого перерыва, связанного, вероятно, с нестабильностью политической ситуации в стране при ближайших преемниках Петра Великого, судьба рабочих контингентов из числа пришлых снова встала на повестку дня. Всю первую половину 1730-х гг. она, наряду, разумеется, с другими вопросами, занимала высшие власти. Инициатива в актуализации проблемы принадлежала на сей раз владельцам текстильных мануфактур. Процессы этих лет, связанные с поиском нормативного регулирования правового статуса заводских работников частных текстильных предприятий, подробно проанализировал в своем недавнем исследовании М. А. Киселев⁴. Это

³ ПСЗ-1. Т. 7, № 4533.

⁴ Киселев М. А. Создание вечноотданных в 1730-е гг. в контексте истории сословий в России: к постановке проблемы // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2015. С. 478–483.

избавляет от необходимости пересказа событий и позволяет сосредоточиться на документе, подведшим итог десятилетних правительственных исканий.

Именной указ императрицы Анны Иоанновны от 7 января 1736 г. развивал основную идею петровского законодательства, прямо отсылая читателей в преамбуле к памяти великого дяди государыни: закрепление квалифицированных мастеров при заводах целесообразно и для государства, и для самих владельцев мануфактур. Но в отличие от прежних установлений он характеризовался гораздо большей завершенностью. Привязка квалифицированных кадров к производству объявлялась «вечной», т. е. потомственной, а сами они – «отданными вечно» (так появился термин «вечноотданные»). Их прошлый статус не имел значения: даже беглые – крепостные, солдаты и рекруты, ложно показавшие себя «непомнящими родства» и впоследствии уличенные в этом, не подлежали возврату прежним владельцам и на прежние службы. Их лишь следовало высечь плетью за то, что они «при переписи неправду о себе показали», и оставить в покое. Остальных, занятых в «простых», или «черных», работах, с такой же решительностью, напротив, надлежало «всех отдать, чьи они были». Указ предписывал пополнять ряды мастеровых за счет обучения детей вечноотданных, а неквалифицированных работников – за счет легального найма. Хозяевам мануфактур предоставлялись широкие права дисциплинарного воздействия в отношении вечноотданных, а прежним владельцам – дифференцированные компенсационные выплаты. При этом вечноотданные частных предприятий на основании 10-го пункта Берг-привилегии 1719 г. неожиданно получили, наряду с казенными мастеровыми, существенные преимущества: они были освобождены от уплаты подушной подати и несения рекрутской повинности⁵. Казалось бы, что с точки зрения процессов сословного регулирования квалифицированные мастера из пришлых благодаря этому указу обрели наконец статусную определенность. Государство в результате активных взаимодействий с мануфактуристами нашло взаимоприемлемый баланс интересов и сформировало новую внутрисословную группу вечноотданных (близкостатусную с другими низшими категориями служилых людей, вроде ямщиков, мастеровых казенных заводов или пашенных солдат), эффективно решив при этом целый ряд социальных, экономических и фискальных проблем.

⁵ ПСЗ-1. Т. 9, № 6858.

Но это было лишь кажущимся решением ситуации. Дело в том, что указ от 7 января 1736 г. не носил общего характера и определял юридический статус лишь части вечноотданных, живших и работавших при текстильных мануфактурах европейской части России. Он был издан в ответ на прямое обращение хозяев этих предприятий и разрабатывался при активном участии последних. В свое время на это обстоятельство совершенно справедливо обратила внимание А. С. Черкасова⁶. Но сходное положение с пришлыми сложилось и на металлургических заводах Урала. Их владельцы в те же годы, но независимо от текстильных фабрикантов, также неоднократно обращались к властям с просьбами оставить всех пришедших после I ревизии людей навечно при их заводах и решить вопрос о том, кто и каким образом должен платить за них подушную подать. Для того чтобы выявить количество таких пришлых, на уральских предприятиях в первой половине 1730-х гг. были организованы локальные переписи, известные (по именам переписчиков) как переписи Ф. Толбузина и П. Зеленого. Аналогичная перепись проводилась и на сибирских – Колывано-Воскресенских и Томских – заводах П. Мельниковым в 1735 г. В итоге судьбу пришлых на уральских и сибирских заводах решил другой указ, высочайше утвержденный 12 ноября того же, 1736 г., но опубликованный лишь 29 марта 1738 г.⁷ Его нормы существенно отличались от норм указа 7 января. На металлургических мануфактурах к вечноотданным отнесли *всех пришлых*, независимо от их квалификации. Те из них, кто раньше были крепостные («помещиковы»), крепостными и оставались: права на них указ передавал А. Н. Демидову (а по умолчанию или по прецеденту – и другим владельцам металлургических предприятий, где имелись такие пришлые). Прежним душевладельцам Демидов, в порядке компенсации, должен был отдать своих крепостных из собственных сельских вотчин. А вот бывшие синодальные, монастырские и государственные крестьяне, осевшие на заводах и *обучившиеся мастерству*, закреплялись при заводах вечно как лично свободные *государственные крестьяне*. На это, в частности, указывало то, что как и с других категорий лично свободных тяглецов, с них следовало взимать подушную подать и так называемые *четырехгривенные оброчные деньги* (или четырехгривенный оклад), с крепостных не взимавшиеся. Важно обратить внимание и на то, что подушную подать и четырехгривенный оброк за вечноотданных вносил

⁶ Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 121–122 и далее.

⁷ ПСЗ-1. Т. 10, № 7548.

в казну заводовладелец, а они компенсировали его затраты по налоговым платежам производственными отработками. Отработав долг, вечноотданные имели право производить дальнейшие заводские работы за плату (неквалифицированные виды деятельности на вспомогательных производствах оплачивались в соответствии с государственными расценками, установленными «Плакатом...» 1724 г., квалифицированные – должностными окладами мастеровых и подмастерьев, установленными заводчиком) или заниматься другим делом. Все уральские вечноотданные, как и их собратья из европейской части России, освобождались от рекрутской повинности.

Таким образом, во второй половине 1730-х гг. с точки зрения юридической принадлежности категория вечноотданных так и не приобрела целостности. Людей, отнесенных к этой категории, роднило только одно: *место водворения* (если воспользоваться более поздним термином русского законодательства), обязательное и потомственное проживание в казенных слободах при заводах. Часть из них, закрепленную на текстильных мануфактурах, с определенной натяжкой можно отнести к категории низших служилых людей, в силу их освобождения от уплаты податей и несения рекрутчины в обмен на выполнение квалифицированных производственных работ, расцениваемых властями как специфическая служба. Несомненно, что подобная группа может рассматриваться как маргинальная и не имевшая перспективы, статусно «не дотягивающая» до настоящих служилых («шляхетства», дворянства) и в перспективе обреченная на включение в податное сословие государственных крестьян. Это и произошло к началу 1740-х гг., когда для мастеровых отменили податные льготы (указ от 17 сентября 1742 г.⁸). Уральские вечноотданные, на основании законодательства второй половины 1730-х гг., оказались еще более сложно организованы с точки зрения правового статуса. В зависимости от исходного юридического состояния часть из них может быть признана профессионально обособленной группой внутри крепостного крестьянства, а часть – внутрисословной группой сословия государственных крестьян, максимально близкой приписным. Именно вторую группу мы и будем рассматривать далее.

Предоставление части уральских вечноотданных статуса государственных крестьян создало для них относительно комфортные условия существования. Во-первых, за ними закреплялись права, свойственные

⁸ ПСЗ-1. Т. 11, № 8620.

всем государственным крестьянам: право официальных обращений в государственные инстанции всех уровней, право перехода в посад и купечество, широкий набор имущественных прав и т. п. Во-вторых, ограничение обязательных заводских работ необходимостью отработки государственных податей создавало, как упоминалось выше, возможность выбора: либо продолжать трудиться за окладную, сдельную или поденную плату на заводах, либо искать себе иного источника существования, непосредственно не связанного с горнозаводским производством, например, в ремесленной и торговой сфере. Последние занятия были тем выгоднее, что вечноотданные этой группы, как государственные приписные крестьяне, в отличие от городских тягловцев не попадали под специфическое налогообложение торгово-ремесленной деятельности посадских.

И вечноотданные сумели воспользоваться этими преимуществами: мелкое предпринимательство позволило им существенно повысить собственный материальный уровень, что привело к формированию в их среде зажиточной, мелкобуржуазной по своей природе, прослойки. Эта категория стала неотъемлемой частью своеобразной заводской инфраструктуры, взяв на себя роль экономического посредника между жителями горнозаводских поселков и окружавшей их аграрной средой. Сбыт бытовой утвари, производившейся на заводах, частным потребителям и снабжение заводчан продуктами питания, одеждой, обувью, другими предметами первой необходимости создавали широкие хозяйственные и социальные связи и приводили к накоплению в руках предпринимателей-вечноотданных и – при их посредничестве – в заводских кассах наличных средств⁹.

⁹ Изучение социально-экономических аспектов деятельности торгово-предпринимательской верхушки жителей уральских заводов в XVIII в. имеет давнюю традицию в отечественной историографии, восходящую к 1960-м гг. См., например: *Вагина П. А.* Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Урала во второй половине XVIII века по данным «Именной росписи» // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 76–85; *Томсинский С. М.* Торговля и подрядничество крестьян Приуралья в 1720–1740-х годах // История СССР. 1965. № 2. С. 146–153; *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Челябинск, 1969. Ч. 2; *Черкасова А. С.* Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. // Деревня и город Урала в период феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 23–39; *Байдин В. И.* Формирование буржуазии в среде государственного крестьянства Среднего Урала во второй половине XVIII в. // Крестьянство Урала в период феодализма. Свердловск, 1988. С. 71–87; *Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII – первой

Для представителей местной коронной администрации наличие зажиточного контингента среди плательщиков подушной подати и четырехгривенных оброчных денег, несомненно, являлось фактом положительным, поскольку улучшало ситуацию в этой вечно проблемной сфере.

Во многом были заинтересованы в деятельности мелких заводских предпринимателей и владельцы горных мануфактур. Эта заинтересованность обуславливалась различными факторами, но едва ли не важнейшим было то, что торговые занятия заводчан формировали запасы наличности в заводских конторах, а сами «первостатейные» жители выступали в случае необходимости источником финансовых заимствований, что в условиях отсутствия сколько-нибудь развитой системы кредитования и больших проблем с транспортировкой денежных сумм оказывалось крайне необходимым для поддержания стабильности производства¹⁰. Но одновременно зажиточные вечноотданные, презрительно именовавшиеся Н. А. Демидовым «торгашами», вызыва-

половины XIX в.). Екатеринбург, 1995; *Их же*. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX в.). М., 2000; *Редин Д. А.* Крупные заводовладельцы и торгово-предпринимательская заводская прослойка на Урале во второй половине XVIII в. (аспекты взаимоотношений) // Урал. ист. вестн. 2005. № 10–11. С. 32–39.

¹⁰ Так, накопление наличности, необходимой для решения текущих финансовых вопросов, происходило главным образом через торговлю бытовой утварью, производимой на заводах. Заводские конторы отпускали партии такого рода продукции зажиточным заводчанам на розничную и мелкооптовую реализацию как внутри заводских поселков, так и на вывоз. В одной из инструкций приказчикам Нижнетагильской главной заводской конторы от 1 ноября 1762 г. Н. А. Демидов, в частности, так раскрывал смысл подобных операций: «...чтоб при заводах продажа умножилась и деньги содержанию заводов выручались, ибо к пересылке денег ныне за умножением медной монеты неспособно» (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17. Л. 402–404). Торговые операции отдельных заводских семей, таких, например, как Заверткины, известных, помимо прочего, своим влиянием в местной старообрядческой среде, восходят еще к 1720-м гг. Заверткины, как и ряд других, неоднократно ссужали наличностью своих хозяев для своевременной уплаты жалованья мастерам и работным людям (*Байдин В. И.* Два ряда портретов XVIII столетия: российские монархи и крестьяне Заверткины // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. Вып. 4. С. 25, 48; *Его же*. Заметки об иконописцах на горных заводах в первой половине – середине XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах (к вопросу об источниках и времени складывания невянской иконописной школы) // Вестн. музея «Невянская икона». Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 58–81; *Редин Д. А.* Проблема кредитования горнозаводского производства и частная практика ее решения на Урале во второй половине XVIII в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2009. № 4 (8). С. 97–102; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 332. Л. 82, 159).

ли раздражение заводовладельцев. Раздражала их групповая сплоченность, материальная независимость; их возможность через подкупленных приказчиков и служителей приворовывать хозяйское имущество; раздражал, наконец, уход от заводских работ, на которые они выставляли вместо себя наемных работников, что создавало дурной пример для остальных. На этой почве и возникал новый конфликт интересов, серьезная зона напряженности. И если для самих вечноотданных было желательно сохранять status quo, то идеалом заводовладельцев было иное: полный контроль над этой категорией заводчан и над их ресурсами. Этого можно было добиться только одним путем – включив их (или «сверстав», пользуясь аутентичным термином) в состав собственных крепостных. В 1740–1750-е гг. на заводах Демидовых и Осокиных, где число вечноотданных было наиболее значительно, участились случаи принуждения последних к выполнению самого широкого круга работ наравне с крепостными. Одновременно заводовладельцы настойчиво одолевали центральные власти прошениями о нормативном закреплении вечноотданных в юридическом статусе крепостных. Под давлением влиятельных промышленников (и, смело можно сказать, в результате подкупа ряда руководящих чинов Берг-коллегии) правительство, вопреки предыдущим указам, определило большую часть вечноотданных, пришедших на уральские заводы после I ревизии, как «счисленных» с крепостными.

Базовым в этом смысле явился сенатский указ от 30 декабря 1755 г.¹¹; именно на него, как на правовую основу своих притязаний, ссылались заводчики в дальнейших тяжбах с вечноотданными. Юридическую необоснованность указа 1755 г. убедительно доказала А. С. Черкасова. Принимая его, сенаторы ссылались, помимо прочего, на упоминавшийся указ от 17 сентября 1742 г., который обязывал всех мастеровых, независимо от их юридического статуса, платить подушную подать; казалось бы, он мало касался существа разбираемого вопроса. Согласно этому документу, мастеровые из числа вечноотданных оказывались приписанными в подушном платеже не к казенным слободам, как ранее, а непосредственно к заводам. Это ничего не меняло в их правовом положении: объем подушного платежа оставался для них во всей полноте, как и для остальных категорий государственных крестьян. Но цепкий бюрократический взор усмотрел в этом внешне благопристойную возможность удовлетворить небескорыстные хлопоты заводовладельцев:

¹¹ ПСЗ-1. Т. 14, № 10 494. С. 492.

«...поскольку вечноотданные платят подушные деньги при заводах, следует их “счислять с крепостными”»¹².

«Очевидное» для сенаторов не стало очевидным для губернских властей. Документы 1750–1760-х гг. свидетельствуют, что последние продолжали взимать с вечноотданных подушную подать и семигривенный оброк в объеме полного тягла, чем фактически демонстрировали свое восприятие последних как государственных крестьян. Во всяком случае, сами вечноотданные использовали это обстоятельство именно в качестве такого косвенного доказательства своего некрепостного состояния и очень дорожили этим аргументом. Но появление указа 1755 г. привело к тому, что у обеих противоборствующих сторон появились формальные нормативные основы для отстаивания своей правоты, что не замедлило проявиться в самом недалеком будущем.

В 1750-х – начале 1760-х гг. на уральских заводах произошли массовые выступления, известные в советской историографии как волнения приписных крестьян¹³. Надо напомнить, что это широкое протестное движение было неоднородно. Оно охватило и приписных крестьян, и мастеровых, и рабочих людей самого разного юридического статуса. Живейшее участие в нем приняли и вечноотданные разных профессиональных специализаций и рода занятий. Специфические требования вечноотданных обычно игнорировались советскими историками, для которых важным был сам факт борьбы заводского населения («предтечи пролетариата») с их угнетателями. Но незначительное или незаметное для адептов теории классовой борьбы представлялось очевидным и опасным для современников – хозяев горных заводов, на территории которых вспыхнули беспорядки, и их приказчиков. Они-то прекрасно понимали, что душой и движущей силой протеста были представители торгово-ремесленной верхушки заводчан из числа вечноотданных. В ответе на одну из заводских челобитных Никита Акинфиевич Демидов, владелец Нижнетагильских заводов, предельно точно определил, кто являлся главной пружиной протеста: «А слышу я, что оное (непослушание. – Авт.) чинят от вас *торгаши и рукоделцики*, яко токари, бурашники, санники, моляры и кожевники, которые желают работать за

¹² Черкасова А. С. Мастеровые и рабочие люди Урала... С. 130.

¹³ Эти события, так или иначе упоминавшиеся в различных исследованиях по истории мануфактурной промышленности и классовой борьбы, наиболее детально изложены в монографии: Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII века (к вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979.

один подушной оклад... И вы силу указов поймите... и будьте в послушании, ибо вы... к моим заводам укреплены вечно не для торгов, но для всегдашних заводских работ...»¹⁴

Изучение челобитных, поданных в ходе волнений жителями Нижнетагильского и Выйского заводов, подкрепляет цитированную выше демидовскую оценку событий. Характерно, что, как и положено мелким собственникам, лидеры вечноотданных предпочитали прибегать к открытому неповиновению (уход с заводских работ, вооруженные сходы и пр.) в крайних случаях, как к дополнительному средству, тогда, когда оказывался исчерпанным потенциал бюрократических процедур. Но в последних они знали толк. Продолжая считать себя государственными крестьянами и добиваясь подтверждения этого статуса, вечноотданные обратились со своими жалобами и требованиями в первую очередь не к заводовладельцу, а к официальным властям, реализовав, таким образом, одно из своих важнейших сословных прав. И лишь после того, как решение их вопроса затянулось, они решили искать правды у хозяина. С точки зрения Н. А. Демидова, считавшего вечноотданных «сверстанными» со своими крепостными, такая последовательность обращения, напротив, была совершенно противозаконной, на что он также не преминул указать в уже цитированном ордере: «...челобитчиков ко мне здумали вы прислать... после подачи в казенные места своих ябеднических сплетней. И то мне досадно, ибо по самому порядку надлежало вам, естли б и доподлинно какие тягости произошли от непорядков моих прикащиков, просить у меня, прежде прозбы в казенных местах...»¹⁵

Волнения заводских крестьян и работников середины XVIII в. вызвали заметный резонанс и вынудили верховную власть создать специальную государственную комиссию во главе с генерал-квартирмейстером кн. А. А. Вяземским, будущим генерал-прокурором Сената. Эта комиссия должна была на месте разобраться с причинами беспорядков. В комплексе проблем отдельно решался и вопрос с правовым статусом демидовских вечноотданных. Закрыв глаза на многочисленные факты подтасовок заводской документации и откровенно фальшивые ведомости, в которых большинство вечноотданных, происходивших из числа государственных крестьян, были показаны «незаконнорожденными» и «непомнящими родства», Вяземский в своем определении 1763 г. под-

¹⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 112. Л. 138–138 об.

¹⁵ Там же. Л. 138 об. – 139.

твердил права заводчиков на основную часть вечноотданных как на собственных крепостных¹⁶.

Со своей стороны и заводовладельцы, в частности Н. А. Демидов, постарались отсечь лидеров вечноотданных от более широкой социальной базы. Так, в 1763–1764 гг. на всех заводах нижнетагильской группы было проведено увеличение оплаты всех видов работ¹⁷. Новые расценки оставили далеко позади принятые на казенных предприятиях, но коснулись только тех работников, которые находились в крепостном состоянии. На тех, кто, согласно определению Вяземского, все-таки сумел сохранить статус государственных крестьян, повышение оплаты не распространялось. Таким образом, Н. А. Демидов не только дал урок «торгашам», но и укрепил свою репутацию справедливого и милостивого к крепостным хозяина. Документы позволяют говорить о том, что именно после событий 1763–1764 гг. на демидовских заводах начинает осуществляться целый комплекс мер, связанных с социальной защитой и материальным стимулированием крепостных работников, что со временем стало нормой. Наконец, в 1764 г. Н. А. Демидов отдал указание уволить и впредь не назначать на конторские и служительские должности всех «счисленных с государственными» (т. е. все тех же вечноотданных, которым удалось отстоять свой некрепостной статус)¹⁸. Эта норма надолго укоренилась на Тагильских заводах.

Но несмотря на проведенные меры и законодательное прикрытие в виде указа от 30 декабря 1755 г. и определения кн. А. А. Вяземского от 3 августа 1763 г., проблема окончательно не решилась. Вечноотданные по-прежнему продолжали считать себя государственными крестьянами, а местные власти не могли решить, к какой категории податного населения их все-таки причислить. В 1764 г. во время проведения III ревизии, буквально по горячим следам комиссии кн. Вяземского, но вопреки его определению, Тобольская губернская канцелярия положила всех вечноотданных в подушную подать наряду с государственными крестьянами. Логику губернских властей можно было понять. В пользу вечноотданных работал точный смысл всего предшествовавшего законодательства, а указ 1755 г. и определение 1763 г. являлись актами ограниченного действия, созданными по прецеденту. Местным инстанциям, ответственным за своевременный и полный сбор налогов, удобнее

¹⁶ Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала... С. 131–132.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 179. Л. 43 об.

¹⁸ Там же. Л. 556^a–556^a об.

и понятнее было как всегда рассматривать всех вечноотданных полноценными тяглецами, нежели вникать в детали.

Как выяснится в дальнейшем, сами вечноотданные продолжали выплачивать в заводские конторы полный подушный оклад и после 1763 г., но, по их уверениям, заводское руководство подавало от них в казну только семигривенный оклад, как с собственных крепостных, чем, между прочим, наносило «повреждение государственному интересу»¹⁹.

Отчаявшись разобраться в запутанной истории с юридической принадлежностью вечноотданных, которая даже в рамках одного заводовладения оказывалась различной, губернские власти потребовали от Сената ясности. Результатом явился сенатский указ от 31 июля 1777 г.²⁰, который лишь укрепил вечноотданных в их правоте. Не желая признать несостоятельность собственных актов 1755 и 1763 гг., но стремясь при этом как-то согласовать их с предыдущим законодательством, сенаторы определили: в качестве государственных крестьян следует считать тех вечноотданных (и вообще заводских работников), которые некогда были приписаны к заводам целыми казенными селениями или являлись «*частно вышедшими*» к заводам из разных казенных селений²¹. Пикантность ситуации заключалась в том, что подавляющее большинство вечноотданных на заводах Демидовых, Осокиных и Яковлевых как раз и были «частно вышедшими». Правда, это надо было документально подтвердить, что оказывалось почти невозможным после фальсификаций документации демидовскими приказчиками во время деятельности комиссии Вяземского.

Тем не менее обстановка конца 1770-х – начала 1780-х гг. ободрила вечноотданных. Указ 1777 г. они встретили с большим воодушевлением. Два года спустя, 21 мая 1779 г., в свет вышел манифест, полный демагогических рассуждений об «облегчении» положения приписных государственных крестьян, на правовой статус которых ориентирова-

¹⁹ ГАПК. Ф. 316 (Пермское наместническое правление). Оп. 1. Д. 64. Л. 11–12 об.

²⁰ Примечательно, что в Полном собрании законов этот указ отсутствует. В т. 20, где опубликованы указы за 1777 г., последний июльский датирован 27-м числом и к нашему делу отношения не имеет, равно как и следующий, от 3 августа. О его существовании и содержании нам известно из одной из челобитных невянских вечноотданных, о которой пойдет речь ниже. ГАПК. Ф. 316 (Пермское наместническое правление). Оп. 1. Д. 64. Л. 12 об. Ссылки на этот указ имеются в копии с сенатского указа от 19 августа 1782 г., тоже отсутствующего в ПСЗ (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 72–73) и в других документах, посвященных разбору тяжбы в 1780-х гг.

²¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 18.

лись вечноотданные. Он вселял надежды на счастливые перемены. Шла широкомасштабная реформа местного управления. Менялись власти. С созданием наместничеств ликвидировалась система ведомственного горнозаводского управления, возникали сословные суды. Наконец, близилась четвертая ревизия, в ходе которой можно было убедить правительственные инстанции записать всех вечноотданных в казенный оклад. Все это побуждало к новым действиям.

3.2. «Богатство и сила превозмогало всякое правосудие»: тяжбы 1780-х и финал 1790-х гг.

Первые действия уральских вечноотданных (на сей раз главную роль взяли на себя невьянцы) зафиксировала доживавшая свои последние дни Канцелярия Главного заводов правления. В обширном экстракте по делу, датированном 15 мая 1780 г., сообщалось, что еще 9 декабря 1779 г. выборные от невьянских вечноотданных Иван Боровицкий и Иван Коротких подали горным властям в Екатеринбурге прошение, в существенных чертах повторявшее челобитные 1760-х гг. В нем напоминалось, что по именному указу от 12 ноября 1736 г. челобитчики были отданы к Невьянским заводам для «исправления работ с припискою к казенным Краснополской и Аятской слободами» с положением в семи- и четырехгривенный оклад (т. е. наравне с государственными приписными крестьянами). Этот порядок сохранялся до тех пор, пока невьянская часть заводов не оказалась продана Прокофием Акинфиевичем Демидовым Савве Яковлевичу Яковлеву (Собакину). После этого вечноотданных стали принуждать «во всякие работы противу приписных крестьян отяготителнее и за малую плату», а после 1764 г. и подушную подать начали взыскивать только семигривенную, как с крепостных²². Челобитчики высказывали недоумение по поводу этих перемен, наступивших «почему – неизвестно», и просили «приказать бы Невьянской канторе в употреблении их в работы и в произведении за то платы поступать с ними на основании... 21 мая [1]779 года манифеста так, как и с прочими приписными крестьянами повелено...».

²² Дата – 1764 г. – показывает, что или челобитчики указали ее ошибочно, или наступления на их права начались не при новом владельце, а еще при П. А. Демидове, поскольку последний, как известно, продал Невьянские заводы Яковлеву в 1769 г.

Приказав вечноотданным до решения дела оставаться в послушании, канцелярия принялась собирать справки. Что нового могло открыться в ходе разбирательства? Отправным моментом в работе горных чиновников стало, естественно, определение кн. А. А. Вяземского 1763 г., признававшего всех, записанных при заводах после I ревизии, «незаконнорожденными» и «протчими» и на основании указа от 30 декабря 1755 г. относившего их к «крепостным и купленным». Помянули и указ от 31 июля 1777 г., причем в толковании совсем не в пользу челобитчиков. Ведь помимо того, что указ признавал «приписанных к заводам селениями, а равно и частно ко оным вышедших из разных казенных селений государственных крестьян» на «равном положении с протчими государственными крестьянами», в нем содержалась и норма о признании крепостными всех пришлых, незаконнорожденных и «непомнящих родства», поселившихся на заводах после I ревизии²³. И хотя все вечноотданные заводов Демидовых и Яковлевых, учтенные не только I ревизией, но и переписью Толбузина 1732 г., и даже более тысячи человек, записанных в вечноотданные после 1737 г., тоже имели статус государственных крестьян, «частно вышедших из казенных селений»²⁴, документально подтвердить это (после «чистки» конторского делопроизводства демидовскими приказчиками в 1763 г.) стало невозможно. В прошении, составленном для передачи в Сенат 26 ноября 1780 г., осведомленные в реальном положении дел, его авторы с горечью писали: «...Богатство и сила превозмогало всякое правосудие, ибо бывшими при Невьянском заводе переписями ревизиями, люди в сказках своих запутаны и в подлинных показаниях жителств и отчеств своих перемешаны, понеже при переписях входили такие обстоятельства, что как бы человек подлинную свою природу не показывал, но в сказках означен инако...»²⁵.

Но, разумеется, подобные сетования не могли служить аргументом в официальном разбирательстве. Поэтому заключение Канцелярии Главного заводов правления гласило: «Как не видно, сколько всего из государственных крестьян селениями, а равно и частно вышедших приписано, то поэтому и оставить в равном платеже с государственными крестьянами тех токмо, которые при рассматривании... князь Алек-

²³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 789. Л. 45, 51 об. – 62.

²⁴ Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала... с. 131.

²⁵ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 189. Л. 16. Цит. по: Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала... С. 131.

сандр Алексеевича Вяземского из написанных по переписи [1]722 года оставлены в государственных крестьянах...»²⁶.

Пока длилось разбирательство, страсти накалялись. В феврале 1780 г. на Невьянском заводе вечноотданные стали «собираться толпами» и отказываться от выполнения заводских работ. В наэлектризованной атмосфере ожидания появления каждого нового известия способно было спровоцировать стороны на самые крайние действия. Чрезвычайно взбудоражило невянцев появление на заводе копии с вполне заурядного указа Берг-коллегии о наборе желающих в «кучную работу» (по заготовке древесного угля), не имевшего никакого отношения к рассматриваемому делу. Тем не менее у вывешенной на площади копии указа вечноотданные поставили караул. Вероятно, они толковали этот указ в том смысле, что он провозглашал добровольность заводских работ. Караульные должны были воспрепятствовать конторским служащим снять эту копию, хотя по сообщению заводской конторы она была вывешена именно по ее распоряжению. Стороны напряженно следили за действиями друг друга. Уже упоминавшиеся выборные И. Боровицкий и И. Коротких (неизменные участники всех последующих событий) ездили в Екатеринбург для «разведывания» о том, «не последовалась [ли] здесь какая на прозьбу их резолюция». Заводоуправление, в свою очередь, командировало на Невьянский завод шихтмейстера Исакова для наблюдения за развитием ситуации. Опасаясь распространения беспорядков, Исаков арестовал Боровицкого, Коротких, некоего Степана Нурова, старосту Чернобровка и Овчинникова, собиравшего мирские деньги на нужды челобитчиков, хотя Канцелярия Главного заводов правления рекомендовала воздержаться от их наказания до решения дела. Между тем по примеру невянцев перестали исполнять заводские работы вечноотданные Верх-Нейвинского, Шуралинского и Быньговского заводов, куда для «увещевания» из канцелярии прислали маркшейдера Павла Филипкова. После того как горные власти вынесли решение в пользу заводовладельца, перечисленные зачинщики были наказаны плетью, а остальным пригрозили кнутом и ссылкой в Нерчинск в случае повторного неповиновения²⁷.

Это не остановило стремления заводчан добиться справедливости. В ход были пущены денежные средства, имевшиеся у «прожиточных» вечноотданных, их связи и возможности. В Петербург, в Сенат не

²⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 789. Л. 52.

²⁷ Там же. Л. 45 об. – 46, 52.

только пошли новые челобитные, но и были отправлены «стряпчие» из деревни Шарташ (крупного торгово-ремесленного старообрядческого центра близ Екатеринбурга), которые должны были способствовать продвижению дела. Эти шаги вызвали панику в кругах тех заводчиков, на чьих предприятиях концентрация вечноотданных была наиболее значительной: они-то прекрасно понимали юридическую сомнительность своих аргументов!

Вся степень тревоги, следов которой нет и в помине в бесстрастной официальной документации, отразилась в конфиденциальной переписке промышленников. Судя по всему, какое-то время они не очень хорошо были осведомлены, насколько успешно реализовывались хлопоты заводских ходоков в столице. Не ясно было, как отреагируют на их доводы и подношения петербургские чиновники. К досаде Демидовых, не меньше Яковлевых заинтересованных в деле, в разгар разбирательства сменилось благосклонное к ним руководство Берг-коллегии. В самом начале 1781 г. Александр и Петр Григорьевичи Демидовы (хозяева Суксунских, Камбарских и Ревдинских заводов) сокрушались по этому поводу в письме к своему дяде Никите Акинфиевичу: «Между прочим, пожалованием в новой год Михайло Федорович Соймонов по ево прозьбе отставлен от всех дел с полным жалованьем, а на место ево в Берг-коллегию определен Иван Гаврилович Резанов. И так в наши[x] общих делах сею переменою немалая остановка будет»²⁸.

Нижнетагильский владелец Никита Акинфиевич Демидов взял на себя роль координатора действий всех заинтересованных заводчиков против вечноотданных. По его поручению главный приказчик Нижнетагильской конторы Григорий Григорьевич Белой поехал в Екатеринбург. Там он встретился с генерал-лейтенантом Евгением Петровичем Кашкиным, прибывшим на Урал для вступления в должность пермского наместника. Хозяин поставил перед ним цель – выведать у могущественного сановника, пользовавшегося личным расположением императрицы и генерал-прокурора Сената кн. А. А. Вяземского, как решается дело с вечноотданными в верхах. Заодно следовало войти в доверие к будущему хозяину края.

Об итогах переговоров приказчик известил Н. А. Демидова официальным рапортом и в так называемых «записках», носивших, в силу своей конфиденциальности, более откровенный характер. В свою оче-

²⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 789. Д. 70. Л. 16–16 об.

редь, эту информацию Н. А. Демидов, живший тогда в Москве, передал в частном письме племянникам в Петербург не ранее мая 1781 г.

Из упомянутого письма следовало, что Белой был «принят ласково и на уедиенцы о надобных заводских случаях, а особливо о людях, как заводских, так и приписных крестьянах и о протчем откровенно изволил говорить (Е. П. Кашкин. – *Авт.*), довольно причем к стороне моих заводов оказывался благосклонным и о надобном изъяснено». Это сообщение было сделано заводчиком на основании рапорта Белого. Дальнейший пересказ, базировавшийся на «записках» Белого, отличался крайне туманным стилем изложения. Щекотливая тема и боязнь, что письмо может случайно попасть на глаза постороннему человеку, вынуждали Никиту Акинфиевича изъясняться полунамеками, полагая, что осведомленные племянники его поймут.

Из этой части письма становится известно, что большая часть беседы Белого и Кашкина шла «о людях заводских и приписных слободских и сколь велико было царицыно об них благоволение (вероятно, имелся ввиду манифест 1779 г., поднимавший казенные расценки приписным крестьянам. – *Авт.*)». Наместник «со увещеванием подтверждал» приказчику «разумно и благосклонно с ними обращаться» и, между прочим, похвалил «за благоустройство Нижнетагильских заводов».

Важность дела заставляла Н. А. Демидова часто прерывать пересказ беловских сообщений и пускаться в изложение собственных сомнений и тревог. Особое беспокойство заводчика, как следует из письма, вызывали «толбузинцы» – вечноотданные, учтенные переписью Толбузина 1732 г. и бывшие государственными крестьянами, но в ходе махинаций с документацией 1762 г. признанные Вяземским «счисленными с крепостными»; они составляли значительное количество населения Нижнетагильских заводов, были состоятельны и активны в отстаивании своих прав²⁹.

²⁹ Чтобы ориентироваться в порядке цифр, сошлемся на данные итогов 3-й ревизии по шести заводам нижнетагильской группы. Согласно ведомости, составленной в Нижнетагильской заводской конторе 1 апреля 1778 г., число «ревизских душ» состояло из 4 650 д. об. п. крепостных и 5 410 д. об. п. «сверстанных с крепостными». Под этим эвфемизмом, как мы знаем, скрывались вечноотданные, не сумевшие отстоять своего статуса государственных крестьян. В категории же государственных ведомость показывает 2 968 д. об. п., но из них 2 573 души – крестьяне приписного села Покровского и деревень; остальные 395 душ, показанные непосредственно на заводах, вероятно, и есть те счастливы-заводчане, которым удалось сохранить статус государственных крестьян (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 677. Л. 1 об. – 2). Впрочем, насколько можно доверять этой статистике – неизвестно. Она требует перекрестных проверок и контекстного анализа и приведена здесь лишь для демонстрации количества потенциально заинтересованных лиц из числа вечноотданных.

Опасаясь, «чтоб порядок не принял других мер», а вечноотданные не пришли в еще большее упорство от жесткого с ними обращения, Н. А. Демидов писал племянникам, что «к Савы Яковлева сыну Гавриле при случае о том говорено, на что он (Г. С. Яковлев. – *Авт.*) отзывался согласным и жестокость уменьшают». Гаврила Яковлев также заверял Демидова, что для решения общего дела в Петербурге «стараются они... всевозможно».

Особый интерес для заводчиков представляло содержание разговора Е. П. Кашкина с генерал-прокурором кн. А. А. Вяземским, состоявшегося перед отъездом наместника на Урал. Белому было поручено вывести его, но, как явствует из демидовского письма, этого сделать не удалось, поскольку встреча приказчика и генерал-лейтенанта проходила не с глазу на глаз, а в присутствии чиновников, при которых информацию такого рода нельзя было раскрыть. Неизвестность томила заводовладельца, знавшего, что правота была на стороне его противников. Боязнь того, что прошлые подлоги могут всплыть, боязнь потерять бесконтрольную власть над людьми прорывалась в письме постоянно. Если у Кашкина «с ним (Вяземским. – *Авт.*) о написанных по переписям людях из пришлых разговоров были, [то] конечно Его сиятельство о толбузинских говорил, ибо-де в указе правительствующаго Сената 1777-го июля 31 дня, 1736 ноября 12 дня указ помянут и сказано: остатся на равном положении с протчими *государственными крестьянами...*», – терзался предположениями Никита.

Видимо, по каким-то просочившимся слухам Н. А. Демидову стало известно, что кн. Вяземский, предварительно оценивая тяжбу вечноотданных с заводчиками, не упомянул («не отметил») собственного определения 1763 г. и те положения указа 1777 г., в которых говорилось о пришлых, признанных «сверстанными» с крепостными. Это давало заводчику повод для такого соображения: потому-то «и признается с приказания Его сиятельства, что он и в бытность при Нижнотагилском заводе приговаривал и, учиненное-де в Сенате на репорт из Tobолской губернской канцелярии определения им, князем, для того не отмечено, *что заставляет много сумневаться...*». Если уж действительно распоряжения Вяземского, сделанные им в бытность генерал-квартирмейстером, столь «сомнительны», что он сам, будучи уже генерал-прокурором, предпочитал не заострять на них внимания, «не отмечать» – беспокоилсЯ Демидов, – то, наверное, и им, заводчикам, не следовало в официальном обращении в Сенат ссылаться на них. Ведь «по слухам от шарташ-

ских, невьянских и здешние нижнетагилские сумазброды» надеялись выиграть дело, опираясь на сомнительный правовой характер этих установлений. Поэтому, предостерегал Н. А. Демидов племянников, «едва ль надобно в Сенат с доношением входить о подтверждении указами, дабы не воспричинствовало о вышеупомянутом, *1736 году указа более уважить*». А ведь указ от 12 ноября 1736 г. как раз и работал на вечноотданных, признавая их в равном платеже подушного налога с государственными крестьянами.

Белой настаивал, продолжал Демидов, объединить усилия всех заинтересованных заводоладельцев, «о надобном в предосторожность подумать» вместе с А. Г. и П. Г. Демидовыми, «приглася к тому и Саву Яковлева». Проведя доверительную беседу с Г. С. Яковлевым, верный приказчик еще раз получил от него заверение о «всеусердном» старании с их стороны.

По мнению Н. А. Демидова, племянникам «весьма нужно разведать, для чего князем определение (1763 г. – *Авт.*) не отмечено, нет ли по челобитью сумазбродов стряпчих шарташских... каких происков». Григорий Белой, писал Демидов, и сам пытался выведать детали этих «происков» у тагильских жителей, «..но о чем может из нижнетагилских жителей и служителей толбузинских кто и знает, да ему не скажут. Вот и горе ево!». Письмо заканчивалось путаными фразами, выдававшими смятение автора. Тут и сетования на то, что в решении общего дела старался один Белой: почему в Екатеринбурге не было приказчиков от других заинтересованных лиц?! И досада: отчего же все-таки Белой не решился прямо спросить у Е. П. Кашкина, не говорил ли кн. Вяземский что-либо о «толбузинцах»? И самоуспокоение, что, может быть, это и к лучшему: ведь если о «толбузинцах», вопреки ожиданиям, действительно ничего не говорилось, то и не стоило поднимать этот вопрос, который мог бы «заставить иметь об них внимание»³⁰.

Между тем стряпчие невьянцев добрались до самых верхов. 30 июня 1782 г. ими в Петербурге была поднесена челобитная, которая на трех листах предельно конкретно излагала существо дела, содержа в себе ссылки на весь комплекс законодательных актов, подтверждавших статус вечноотданных как государственных крестьян. Разумеется, в ней, как и во всех аналогичных челобитных, не было и намек на указ 1755 г. и определение Вяземского. Авторы обращали внимание на то, что с 1764 г. с них перестали взимать полный подушный оклад, оста-

³⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 70. Л. 77–78.

вив только семигривенный оброк. Такой порядок челобитчики расценивали как необоснованное нововведение, следствие самодурства и прихоти заводских контор. Любопытно, что челобитная совершенно лишена сетований на конкретные несправедливости приказчиков, уровень заработной платы, непосильные работы и разорения – все те вещи, которые обычно составляли предмет заводских жалоб. Вечноотданные преследовали принципиальную цель и не разменивались на мелочи. Их обращение к царице было юридически выверено и являло собой, если можно так сказать, высокий образец народной правовой культуры.

Точно уловив одну из чувствительных струн правительственной души, невьянские челобитчики прибегли к самой убедительной, на их взгляд, аргументации. С 1760 по вторую половину 1764 г., писали они, ими как государственными крестьянами выплачивалась не только семи- и четырех- (как до 1760 г.), но и шестигривенная подать³¹. Однако эта шестигривенная подать, составившая в общем за указанный период сумму приблизительно в 7 тыс. руб., в казну не поступала. «Стараясь ввести нас в един подушной семигривенный оклад, дабы было удобнее чрез то со временем отнять *законом определенное нам право звания государственных людей...* и четырехгривенные денги *к явному ущербу... Вашего императорского величества интереса...* (Невьянская заводская контора. – Авт.) сняла с нас... самоволно и начала збирать один толко семигривенный оклад...» Таким образом, по мнению авторов, поправ их собственные права, заводское руководство попрало и интересы государства. Посвятив этой теме отдельный 3-й пункт челобитной, вечноотданные высчитали, что из-за сбора одних семигривенных денег вместо полного оклада казна потеряла 121 046 руб. только по Невьянскому заводу! «И чтоб со временем не последовало за многия годы неповинно с нас доимки, а ныне не нанести бы чрез сие высокому Вашего императорского величества интересу... убытка, просим Вашего благоволения... в составляемых же при нынешней ревизии ведомостях... показать нас с государственными крестьянами и в равном с ними подушном и оброчном окладе»³².

³¹ Указом от 12 октября 1760 г. полный подушный налог увеличился с 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 70 коп. за счет повышения так называемого оброчного оклада, входившего в общую подушную подать, с 40 коп. («четырегривенные денги») до 60 коп. («шестигривенные денги»).

³² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 11–13 об.

В противовес доводам челобитчиков заводские администраторы тоже решили воспользоваться рассуждениями на финансовые темы и встать на «защиту» государственных интересов, тем более что юридические обоснования их правоты были слабее.

Плодом совместного творчества невянских и тагильских приказчиков стал «Экстракт о находящихся при заводах Демидовых и Яковлева мастеровых и работных людях ис пришлых, кои называют себя государственными, а заводчики показывают, что они вечно отданные и счисленные равно с крепостными», составленный летом 1782 г. Выкладки авторов «Экстракта» строились на двух основаниях.

Во-первых, как уверяли приказчики, «мастеровые и работные люди, находящиеся при ремеслах и работах и не имеющие пашен... против государственных крестьян оброчныя двурублевыя денги³³ и платить совершенно не в состоянии». Оставив это утверждение бездоказательным, конторские сочинители изложили второй, самый весомый довод. Если вечноотданные добились бы своего и стали вольными, то они отказались бы работать на заводах, отчего «с выплавки чугуна десятинного збора много уменьшится и несравненно против показанного двухрублевого оброка казна убытка получит...». Эти доводы показывают, что заводчикам и их приказчикам стало известно содержание июньской челобитной вечноотданных. Вероятно, «разведывание», о котором писал Н. А. Демидов своим племянникам, все-таки дало свои результаты. Стремясь нейтрализовать смысл самого неприятного для них указа от 31 июля 1777 г., приказчики прибегли к откровенному фантазированию. Вольно толкуя смысл указа, они утверждали, что его действие распространялось только на «одних, отданных по имянному 1703-го года указу к заводам господ Демидовых слободам (имелся ввиду указ о приписке к Невьянскому заводу Аятской и Краснопольской слобод и с. Покровского, вообще не имевший отношение к делу. – *Авт.*) и ко оным слободам частно вышедших государственных крестьян, кои в тех слободах на пашни находятца». Что же касалось заводских вечноотданных, то якобы о них «неизвестно достоверно откуда с прежних жилищь бежали...» и «в самом деле показание их несправедливое, ибо, конечно, из них кто откуды сошел – правды не скажут...». В силу этого, пугали

³³ Очередное увеличение оброчного сбора с 1 до 2 руб. произошло в 1779 г., после чего полный подушный оклад для некрепостных тягловцев стал равен 2 руб. 70 коп. Во многом это и обусловило удвоение расчетных («плакатных») расценок за заводские работы, провозглашенное манифестом от 21 мая 1779 г.

авторы «Экстракта», разбирательство с происхождением вечноотданных грозит обернуться бесплодной и бесконечной волокитой: «...ежели по показаниям их о каждом иметь с тамошними местами (местами их прежнего жительства. – *Авт.*) справки, таковые обстоятельства будут бесконечными», ибо времени с тех пор прошло много, «к тому ж не без осмысления есть, иныя и имена имеют переменныя»³⁴.

Дополнительно убедить правительственные инстанции в правоте заводовладельцев было призвано «Прибавление к преждеучиненному, о находящихся при заводах мастеровых и работных людях, счисленных равно с крепостными, экстракту и изъяснению». Судя по содержанию, «Прибавление» явилось детищем тагильских служителей. Эта небольшая и не лишенная известного литературного изящества вещица – настоящий шедевр канцелярской публицистики. Она разбита на главки, названия которых весьма красноречивы: «1-е, для чего по Высочайшим имянным и правительствующего Сената указам оныя мастеровые и работные люди ис пришлых к заводам покойнаго дворянина действительнаго статскаго советника Акинфия Никитича Демидова отданы вечно и счислены с крепостными», «2-е, о старании господ Демидовых обучать ремеслам отданных и пришлых людей», «3-е, неблагодарность заводских мастеровых и работных людей и напрасное их челобитье», «4-е, почему не можно означенным мастеровым и работным людям быть волными».

В первой главе при помощи приемов художественной речи раскрывалось бедственное состояние России, не имевшей собственной промышленности. Гений Петра Великого распознал в Никите Демидове верного сына Отечества, могущего наладить национальную металлургию, что сыном Отечества и было выполнено самым надлежащим образом. Претерпевая многие убытки, отдавая в казну продукцию «дешевле истинных цен» (тут канцелярские публицисты не удержались и напомнили, что из-за этого Демидовы «чрез восемьдесят лет... недополучили ис казны з два миллиона рублей»), первопроходец горного дела был награжден, «и за оныя... услуги, а особливо для размножения заводов получил к заводам вечно крестьянских и протчих подлых пород людей», шатавшихся по Сибири «без всякой Отечеству пользы». С тех самых пор они и были «написаны за них (Демидовых. – *Авт.*) в подушной оклад».

То, что было трудно доказать юридическим порядком, легко принимало желаемый вид под пером конторского литератора. Получи-

³⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 17 об. – 18 об.

лось, что вечноотданные уже на заре XVIII в. (когда и понятия такого не было) числились наравне с демидовскими крепостными. Получив этих «подлых людей» в свое распоряжение, «...господа Демидовы неусыпным своим старанием» обучили их на пользу Отечества разным ремеслам и мастерствам. Обуреваемым альтруизмом и патриотическими чувствами заводчикам «не оставалось инаго, что оныя заводы время от времени (т. е. постепенно. – *Авт.*) в цветущем состоянии (как и есть) будут», а мастеровые преисполнятся усердием к своим занятиям, «в чем несомнительная надежда на них состояла». Но, «*нажив немало себе имение*», коварные мастеровые, «по большей части ис тех, кои учились *прожиточными*», вместо благодарности и похвалы своим хозяевам стали добиваться вольности, чего «им чинить весьма не надлежало». Во-первых, из чувства элементарной благодарности, ибо их «из небытия в бытие привели» (были бродягами, а стали «всем изобиловать» и «обретаться» при деле). Во-вторых, из понимания долга: заводы, заведенные для пользы Отечества, станут испытывать затруднения с их уходом на волю, а казна «лишится немало дохода»³⁵.

Надо признать, что, как во всяком художественном произведении, в «Прибавлении» можно усмотреть отголоски житейских реалий. Это касается и издержек, которые действительно понесли Демидовы в результате казенных поставок, и (что самое главное в контексте нашего исследования) оценок главных действующих лиц, ведших борьбу за юридические права. Как и в волнениях начала 1760-х гг., первую скрипку в концерте играли торговцы и ремесленники, лишь формально числившиеся мастеровыми и работными людьми в числе вечноотданных.

Но, разумеется, не литературные дарования невьянских и тагильских приказчиков определили финал затянувшегося спора. Хлопоты Демидовых и Яковлевых, нежелание столичных чиновников признать собственную недобросовестность и дать повод мастеровым и работным людям других заводов и иным категориям тягловцев добиваться улучшения своего положения, опасение потерять крупные денежные поступления от налогообложения горно-металлургических предприятий – все это привело правительство к решению отказать в иске невьянским вечноотданным. В августе 1782 г. Сенат, предводительствуемый кн. А. А. Вяземским, лицом, как мы знаем, заинтересованным, выслушав челобитную статского советника Никиты и берг-коллежских советников Александра и Петра Демидовых, постановил признать обо-

³⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 81–82.

снованность их доводов. Указы, оформившие это решение и посланные к исполнению в Тобольскую губернскую канцелярию, где до полного устройства нового наместничьего управления сосредоточилась региональная власть, а 19 августа 1782 г. – и в Берг-коллегию, вполне демонстрируют бюрократическую ловкость и цинизм власти. В обосновании своего решения сенаторы опирались и на те указы, смысл которых прямо противоречил их постановлению, произвольно трактуя нормы. Так, определяя в крепостном состоянии всех, пришедших на заводы после I ревизии (включая и «толбузинцев», происков которых так опасался Н. А. Демидов), законодатели вновь, наряду с указом от 30 декабря 1755 г., упоминали указ от 12 ноября 1736 г., который лишь закреплял «пришлых» при заводах «навечно», но не предписывал взимать с них налог как с крепостных. В указе от 19 августа 1782 г. этот досадный нюанс, естественно, замалчивался. Труднее всего сенаторам было обойти собственный злополучный указ от 31 июля 1777 г. – важнейший аргумент в челобитье вечноотданных. Проявив чудеса канцелярской изобретательности, авторы вышли из положения с помощью... пресловутого «Определения» кн. Вяземского! Логика была такова: коль скоро указ 1777 г. предписывал считать в статусе государственных всех «приписных к заводам селениями, а равно частно к оным заводам вышедших из разных казенных селений государственных крестьян», то следовало точно определить, кто же из нынешних вечноотданных подпадал под категорию «частно вышедших». Приказчики в своем «Экстракте» явно перестарались, расписывая чиновникам сложность и «продолжительность» этой процедуры. Сенаторы не собирались «о каждом иметь справки». К их услугам было «Определение» 1763 г., где все, кому «положено» было считаться государственными, таковыми и считались. Заведомо сфальсифицированная основа «Определения» столичных заседателей не смущала. Справившись с самым сложным и восстановив дух и букву решений 1763 г., власти позволили себе порассуждать о неукоснительном соблюдении законов, о строгом поименном учете счастливицев, признанных государственными крестьянами, и пр. Указ 19 августа 1782 г. однозначно провозглашал, что теперь, после столь тщательного разбирательства «ни в какое, за тем упомянутого дела, вновь входить правительствующий Сенат надобности не находит», а всем «присутственным местам» не остается ничего иного, как руководствоваться принятым решением³⁶.

³⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 85–86 об.

Указ от 19 августа 1782 г., казалось бы, поставил точку в затянувшемся разбирательстве дела о «сверстывании» вечноотданных с крепостными. После его опубликования ни один из чиновников не должен был принимать от заводских жителей жалоб, связанных с пересмотром их юридического статуса. Это отняло у вечноотданных возможность организованной и широкомасштабной борьбы, но не лишило решимости и надежды. Стремясь освободиться от опеки заводчиков, наиболее активные из них продолжали использовать все имеющиеся легальные средства.

Осенью 1782 г. двое невьянских жителей из числа вечноотданных, Деев и Тюкин, добились через Алапаевский нижний земский суд выдачи им «покормежных» сроком на один год. Если фигура Деева не вполне ясна и полученная «покормежная», вероятно, нужна была ему для «торговли в отъезд», то по-другому обстояло дело с Тюкиным. Этот человек был одним из активнейших участников предыдущих тяжб с заводчиками. Его фамилия стояла среди подписавших челобитную 1782 г. и рядом других аналогичных документов более позднего происхождения. Как выяснилось впоследствии, Семену Тюкину полученный паспорт требовался для поездки в Петербург, где, видимо, он собирался вновь начать хлопоты по известному мирскому делу. Услугами нижнего земского суда сумел воспользоваться и другой зачинщик тяжбы – Григорий Левитский, чей сын решением Невьянской заводской конторы был отправлен в каторжные работы на Ирбитский завод. Алапаевский нижний земский суд постановил, что эта ссылка явилась незаконной и представляла из себя акт мести вечноотданным со стороны заводской администрации. Попутно заметим, что местные власти, в данном случае в лице нижнего земского суда, по какой-то причине игнорировали указ 1782 г., продолжая принимать жалобы вечноотданных, тем самым признавая за ними статус государственных крестьян!

Это не могло не привести в негодование заводскую контору. 19 сентября 1782 г. главный невьянский приказчик Федор Махотин направил в Пермское наместничество рапорт, выдержанный в резком, агрессивном тоне. Он оспаривал решения Алапаевского суда и требовал их отмены, заявляя, что земский суд и казначейство (видимо, тоже каким-то образом повлиявшее на решение дела) впредь не должны вмешиваться в «правость крепостных крестьян». Особенно возмутил Махотина сам факт выдачи «покормежных» без ведома заводской конторы. Он увидел

в этом опасный прецедент: «В инаковом же случае, естли дать покормежную на годичное время, то, получа покормежные, для отбывательства от заводских работ [все] разъедутся в далные места, отколь после и собрать их будет вскорости невозможно», – возмущался приказчик³⁷.

Просвещенный Кашкин, глава Пермского наместничества, вынужденный исполнять неблагодарную миссию по примирению враждебных сторон, вникал во все мелочи конфликта, несмотря на то, что находился в это время в Тобольске, объезжая свой обширный край. 10 октября 1782 г. он отправил хозяину Невьянских заводов Г. С. Яковлеву пространное письмо, в котором эмоционально и образно убеждал адресата принять все возможные старания, чтобы мягким обхождением успокоить заводских жителей. Главными виновниками, провоцировавшими нагнетание страстей, дипломатичный генерал-губернатор представлял в письме приказчиков, от поступков которых «в людех, при заводах находящихся... поселилось толь сильное предъубеждение, что в короткое время онаго истребить никак не можно». В качестве примера Е. П. Кашкин приводил свежий инцидент с уже упоминавшимся С. Тюкиным, с которого, собственно, и начал письмо. Из него мы узнаем, что после подачи рапорта в наместничье правление невянский приказчик Ф. Махотин приехал в Пермь, где в то время квартировал Тюкин, и попытался помешать уехать ему в Петербург без разрешения от хозяина или заводской канторы. Получив себе в компанию городничего, приказчик отправился на квартиру Тюкина, «который, увидя только Махотина, начал прятаться и, егда не воспрепятствовали другие, готов был себя умертвить». «И, собравшись немалое число людей, кричали, что Махотин с людьми и городничий оступили квартиру крестьянина Тюкина понапрасну, – писал Кашкин, – производя жалобу на притеснение от прикащиков Ваших (т. е. Яковлева. – *Авт.*)»³⁸.

Похоже, сам генерал-губернатор не симпатизировал заводчикам. Во всяком случае, в другом письме, написанном в тот же день, 10 октября, из Тобольска члену наместнического правления И. М. Борноволокову, с которым состоял в дружеских доверительных отношениях, Е. П. Кашкин размышлял таким образом: «...Касательно доношения, вступившаго из Невьянской заводской канторы, и смятения, бывшего по поводу имания крестьянина Тюкина, то за последнеполученным из Сената указом всякая видимая по делам протекция оным (вечноотданным. – *Авт.*)

³⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 90–93.

³⁸ Там же. Л. 87–88 об.

может обращена быть в весьма дурную сторону, и благомыслящей человек подвер[г]нуть может себя оклеветанию за единственный подвиг человеколюбия, которое не во всех господах заводчиках обитает, а большая часть почитают кнут... яко особо верной способ к правлению людей». Из приведенной цитаты очевидно, что наместник прекрасно понимал: первопричина данной проблемы крылась вовсе не в «грубости» приказчиков. Но, будучи человеком осторожным и искушенным, он к такой же осторожности призывал и друга. Средством «для сохранения спокойствия в губернии и немятежного пребывания помещиков с их крепостными» Евгений Петрович считал подчеркнутое противопоставление действий заводчиков и их приказчиков. Письмо к Г. С. Яковлеву, которого Кашкин за глаза упорно называл Собакиным (подлинной неблагозвучной фамилией этой семьи), как раз и было вызвано стремлением «вложить недоверие в Собакина против его прикащиков», чтобы заводчику было бы легче сохранить лицо в сложившейся ситуации и пообещать своим людям избавить их от притеснений.

Удивительно точно наместник обрисовал перспективу дальнейшего развития событий. По мнению Е. П. Кашкина, после сенатского решения 1782 г. всякое протестное действие, даже выдержанное в духе вполне лояльных бюрократических процедур (вроде подачи челобитных или обращений в суды), лишь закрепит за инициаторами репутацию «ослушников и противников» и «навсегда затворит путь к обысканию желаемого». Напротив, «оказав всякое повиновение к присланному решению, могут посторонними дорогами производить свое дело, колики средств на то изыскать могут, и в случае неудачи не обременятся ничем...»³⁹.

Слова наместника оказались пророческими. Впоследствии, пользуясь изменениями в законодательстве, произошедшими в последней четверти столетия, и накопленными капиталами, какая-то часть вечноотданных смогла выбраться на свободу «посторонними дорогами», главным образом через запись в посад и в купечество, решив проблему в индивидуальном порядке. Тем не менее документы начала 1780-х гг. фиксируют еще несколько коллективных попыток вечноотданных добиться справедливости.

В конце декабря 1782 г. на стол тобольского губернатора генерал-майора Г. М. Осипова легла новая челобитная, аналогичная предыдущим и подписанная уже знакомыми во всех учреждениях невьян-

³⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 162.

цами-вечноотданными. Осведомленный в изданном на этот счет указе и проинструктированный Е. П. Кашкиным, генерал Осипов просто не дал бы делу ход, будь бумага подана самими составителями. Но дело было в том, что она попала к губернатору не от челобитчиков, а через тобольского купца Попова. Причастность к «невьянскому делу» представителя купечества насторожила Григория Михайловича. Внимательно изучив челобитную и наложив свою резолюцию, выдержанную в духе имевшихся на сей счет «узаконений», он 30 января 1783 г. отправил ее генерал-губернатору. Туда же последовал обстоятельный рапорт (3 марта 1783 г.) о случившемся и особенно о появлении среди невьянских доброхотов купца Попова. Е. П. Кашкин отнесся к участию купца в деле вечноотданных очень серьезно, приказав Г. М. Осипову провести в Тобольске ряд профилактических мер. Они выражались в «объявлении тоболскому купцу Попову и *прочим купцам*, с подписками через магистраты, что купец Попов таковых прошений, о существе которых и сходны ль они з государственными узаконениями понятия не имеет, принимать для подачи куда б то ни было отнюдь не осмеливался, да и протчия купцы остерегались и в подачу или ходатайство по таковым делам... не вступали»⁴⁰. Вообще весной того года все казенные учреждения наместничества, включая нижние земские суды, получили из правления строгие подтверждения, запрещающие рассматривать дела, связанные с вечноотданными. Для «последнего» предупреждения самих вечноотданных в наместническом правлении был составлен текст, содержащий обязательство «впредь ни под каким видом» не беспокоить «присудственные места» по вопросу, уже решенному Сенатом в 1782 г. Этот наместнический указ для ознакомления под роспись увез на Невьянский завод в июне 1783 г. секунд-майор Шестаков. Переговоры с мирскими представителями, среди которых находились многие из активных борцов за права вечноотданных, проходили тяжело. Увещевавший невьянец подполковник Тарбеев рапортовал в конце июня, что вечноотданные отказались подписать указ, привезенный Шестаковым. Вместо этого они составили свой документ, в котором обязались «в должном повиновении непременно обязанными себя почитать», но лишь до рассмотрения их дела по новой челобитной. Как выяснилось, «о том посланы от них в Петербург, а в какое правительство – не объяснили – прозба»⁴¹.

⁴⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 67 об. – 170.

⁴¹ Там же. Л. 168 об.

Но это были уже тщетные усилия. Отголоски конфликта, в котором играли главную роль невянцы, пунктирно прослеживаются еще до конца 1784 г. Отдельные локальные и разрозненные попытки уральских вечноотданных добиться повышения юридического статуса можно найти и в документах второй половины 1790-х гг. К наиболее несомненным прецедентам такого рода относятся события на Каслинском заводе в 1795–1796 гг. и на Нижнетагильских заводах в конце 1796 – начале 1797 г.⁴² В целом же надо признать, что действия центральных, местных и заводских властей, получившие после 1782 г. скоординированный характер, поставили точку в этом, почти вековом конфликте.

История уральских вечноотданных весьма поучительна в контексте рассматриваемых проблем. Она с почти «лабораторной» ясностью демонстрирует действие механизмов процесса социального конструирования, роли заинтересованных сторон, наборы социальных маркеров и методы социальных адаптаций, а также различные сложности, возникающие на пути становления социальной группы, и сложности, возникающие при попытке ее «кабинетной» классификации.

В самом деле, кто такие вечноотданные? Совокупность людей самого разного исходного статуса, разными способами и в разное время пришедших и поселившихся при заводах. Что их роднило, кроме, как уже писалось выше, «места водворения»? Тем не менее с какой-то поры вокруг них формируется некая зона напряженности, которая, как представляется, создает первые, внешние, наборы обстоятельств, под влиянием которых это аморфное сообщество спрессовывается в какое-то первоначальное целое и обретает общее наименование. Почти как поручик Кижэ из тыняновского рассказа, оно материализуется из доношений текстильных фабрикантов и горнозаводчиков: оставьте за нами этих, случайно прибившихся на наши мануфактуры людей. Из челобитных помещиков: верните нам наших беглых! Из имплицитных государственных соображений об «общественной пользе» и прагматических рассуждений о фиске, явленных в указах.

Казалось, ко второй половине 1730-х гг. проблема была решена. Прежде всего, благодаря нескольким указам удалось удовлетворить интересы помещиков – прежних хозяев части вечноотданных: созданный механизм денежных компенсаций как будто устроил первых. Во-вторых,

⁴² История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989. С. 401; ГАСО. Ф. 643. Оп 1. Д. 295. Л. 38–38 об.

законодатель определился с юридическим статусом вечноотданных: все проживавшие при текстильных мануфактурах и обладавшие производственной квалификацией и все проживавшие на металлургических мануфактурах и происходившие из государственных и церковновладельческих крестьян были признаны (опуская детали) равностатусными государственным крестьянам, а остальные – возвращены помещикам (с текстильных мануфактур) или признаны крепостными (с учетом их прежнего крепостного статуса), но поменявшими хозяев.

Действительно, юридическая принадлежность этой категории тяглов была как будто улажена. Но дальнейшая история наглядно продемонстрировала теоретически установленную в ряде современных научных трудов истину: социальная реальность многомерна и пластична, она, как правило, не поддается жесткому структурному детерминированию и формируется в результате изменчивых и разнонаправленных социальных интеракций. Во-первых, хозяева металлургических мануфактур сочли целесообразным и справедливым отнести всех вечноотданных или подавляющее их большинство к категории крепостных крестьян (что *de facto* и стало практиковаться в 1750-е – первой половине 1760-х гг.). Во-вторых, реализация указов, определивших юридический статус вечноотданных, обнаружила примечательную деталь: разное отношение к проблеме центральной и местной государственной власти. Если центральная власть была склонна поддержать притязания горнозаводчиков на расширение числа вечноотданных, «сверстанных» с крепостными, то местные администрации, непосредственно ответственные за сбор налогов, напротив, предельно точно зафиксировали тех из них, кого следовало считать приравненными к государственным, взимая с них подушную подать в полном объеме, как было положено для государственных крестьян. И, наконец, самое главное: вечноотданные горных мануфактур из числа государственных крестьян к середине XVIII в. осознали, как бы мы сейчас сказали, свою *субъектность* и приступили к консолидированной борьбе за групповые права.

Последнее обстоятельство оказалось особенно примечательным, учитывая внутреннюю неоднородность вечноотданных, живших при уральских заводах. Выше уже отмечалось, что они разнились по роду занятий и источникам материального обеспечения. Среди них, как минимум, можно выделить категорию квалифицированных заводских работников (мастеров и подмастерьев разных производств), лиц, занятых в работах вспомогательного производственного цикла, и группу «про-

житочных» жителей, формально значившихся в каких-то заводских профессиях, но промышлявших торгово-ремесленными занятиями, отчасти поощрявшимися самими хозяевами металлургических предприятий. Именно эти «торгаши», образовав, по сути, внутригрупповую элиту, стали локомотивом всех дальнейших действий уральских вечноотданных по отстаиванию ими статуса государственных крестьян – идеи, которая консолидировала их в качестве некой обособленной социальной группы.

В ходе противостояния, длившегося с разной степенью интенсивности и радикализма в течение 1760–1780-х гг., определились некоторые признаки, выступавшие в роли *рамочных социальных маркеров* уральских вечноотданных. Прежде всего, к такому, вербализованному, маркеру следует отнести общее название этой категории: «вечноотданные». Изначально оно явилось порождением нормотворческих усилий власти, внешним индентифицирующим признаком, принятым впоследствии в качестве самоидентифицирующего наименования. Для самих вечноотданных принципиально важным стало уточняющее определение: «вечноотданные, счисляемые с государственными (иногда – с государственными приписными) крестьянами». Учитывая отмеченную внутреннюю гетерогенность данной категории, подобное уточнение подчеркивало *общность обстоятельств происхождения* (потомственно закрепленные за заводами, ранее некрепостные) и *общность текущего свободного статуса*: равные в правах с государственными, обязанные, как приписные, работать на заводах в рамках погашения подушной подати, но *имеющие право* вне этих рамок выбирать род занятий. Их главные оппоненты – заводовладельцы, также именуя данную категорию вечноотданными, использовали прямо противоположное уточняющее определение: «сверстанные с крепостными», «яко крепостные». Признавая также общность происхождения группы, отличая ее от собственных и купленных крепостных, заводчики настаивали на их одинаковом несвободном статусе, предполагавшем, что *род занятий для них определяет воля хозяина*. Демидовы, Яковлевы и другие горнозаводчики в принципе не были противниками того, чтобы какая-то часть вечноотданных занималась бы и торговлей (выгода от наличия зажиточной торгующей верхушки населения заводских поселков была очевидна и для владельцев заводов), но такого рода деятельность должна была быть регулируемой и подконтрольной.

Вторым рамочным маркером стало отношение вечноотданных к платежу подушной подати. Этот маркер-действие, маркер смешанного типа (по форме его физического проявления, согласно предложенной нами классификации) служил одновременно инструментом борьбы за сохранение искомого юридического статуса. Парадоксально, но именно выплата полной подушной подати, вещь, казалось бы, экономически не выгодная, стала для вечноотданных ключевым аргументом в отстаивании своих прав. Показательно, что стремление и возможность уплаты как собственно подушной, так и оброчных денег являлось консолидированным действием, косвенно свидетельствующим о высоком уровне достатка не только вечноотданных-предпринимателей, но и других субгрупп, объединенных в рамках этого сообщества. Высокая платежеспособность уральских вечноотданных долгое время оказывалась фактором, смущавшим государственную власть разных уровней и не позволявшим однозначно принять требования заводовладельцев. Последним пришлось доказывать, что государство, признав за вечноотданными статус государственных крестьян, понесет большие потери за счет падения налоговых поступлений с самих заводов, которые якобы станут работать с перебоями в результате ухода вечноотданных из производственного процесса.

Но при этом не стоит преувеличивать уровень внутренней консолидации изучаемой группы. Ее элитная часть, наиболее ярко проявившая себя в ходе борьбы за выгодный статус, – зажиточная торгово-ремесленная верхушка, очевидно, имела собственные интересы и обладала сетью разнообразных связей за пределами своей номинации. Род занятий и достаточно высокий уровень доходов (позволявший, например, длительное время содержать в столице своих ходоков-представителей, иметь какие-то суммы для подкупа чиновников) обнаруживают в них тех, кого в советской историографии было принято называть мелкой буржуазией. Примечательно, что тяжбы вечноотданных (точнее, именно «торгашей») активно поддерживали жители приписной к Екатеринбургской деревни Шарташ. Последние, числясь государственными крестьянами, почти поголовно были заняты мелким предпринимательством. На рубеже 1780–1790-х гг. половина мужского населения Шарташа записалась в екатеринбургский посад и купечество; ряд шарташских семей заняли впоследствии видное место среди екатеринбургских деловых кланов. Их родственные связи, подкрепленные конфессиональным единством (старобрядцы беглопоповского толка), делали шарташскую

общину конкурентоспособной и устойчивой к внешним вызовам, заметным явлением предпринимательского мира Среднего Урала⁴³. Не менее примечательным было сочувственное отношение к представителям вечноотданных посадских Перми (прецедент с невянцем Тюкиным), посредничество в их делах тобольских купцов. Все это рисует несколько иную среду, несколько иной социальный контекст, частью которого были «торгующие» вечноотданные. Их уже невозможно корректно описать с помощью сословной, юридически-аскриптивной лексики. Их облик формируется экономической деятельностью и требует перехода на язык классового описания.

Вообще, размышляя над исторической судьбой вечноотданных как некой общности, на ум навязчиво приходят совсем другие слова: гумилевские консорции и конвиксии, более адекватно раскрывающие формирование, исторически недолгую жизнь и распад этой группы. Впрочем, сами вечноотданные не знали таких слов. Они пытались устроиться в рамках установленной властью юридически ранжированной системы, воспользоваться теми социальными лифтами, которые она предлагала. Их стремление закрепиться в статусе государственных крестьян напоминает, на наш взгляд, те же схемы вертикальной социальной мобильности, которые использовали в процессе аноблирования их более могущественные современники, также вынужденные приспособлять свои экономические интересы под заданные параметры сословного общества.

⁴³ См., например: *Белобородов С. А. Шарташ – старообрядческий рай (из истории «шарташской веры» на Урале в XVIII – первой половины XX в.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторической и литературной памяти XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 343–352; Корепанов Н. С. Шарташ XVIII века // Вестн. музея «Невянская икона». Екатеринбург, 2010. Вып. 3. С. 262–290.*

Глава 4. «Чужие среди своих»: социальный статус иностранных специалистов в России XVIII – первой половины XIX в.

Иностранцы, как и другие социальные страты России имперского периода, представляли собой разнородную, иерархизированную общественную категорию. Правовые основы приезда и пребывания иностранцев в России закладывались в эпоху Московского государства. Специалист по истории русского права А. С. Мулюкин, занимавшийся в начале XX в. изучением положения иностранцев в Московской Руси, акцентировал внимание на том, что «в Московское государство нельзя было проехать, не обозначив цели своего приезда»¹. Вообще, он разделяет иностранцев на четыре группы: служилые (военные, нанимающиеся как на время отдельного похода, так и на неограниченный срок), «торгующие», духовенство (в основном православное и лишь небольшая часть западного католического или лютеранского вероисповедания) и разного рода «знатцы» или «иностранцы свободных профессий» (ученые; переводчики и толмачи; врачи, фельдшеры и аптекари; иностранцы технических знаний, ремесленники, инженеры военные и гражданские, руководители правительственных фабрик и частных предприятий, фабричные рабочие)². Предложенная А. С. Мулюкиным классификация в общем виде применима и к последующему периоду российской истории. Следует только уточнить, что среди представителей духовенства росло число лютеран и католиков, а также к данной схеме можно добавить такую категорию, как *иностраные колонисты*. Данная обобщенная модель при ближайшем рассмотрении демонстрирует сложносоставной характер и множество нюансов. Объектом нашего исследования выступают иностранцы, относящиеся к категории «знатцев», – технические специалисты (горные мастера, инженеры, механики и пр.). Социальный статус иностранных специалистов определялся как общими для всех иностранцев правовыми нормами, так и специфическими признаками, а также самоидентификацией и социальной оценкой в среде иноземцев и в обществе в целом, а потому различного рода техники и мастера рассматриваются нами в неразрывной связи и сопоставлении с иными группами иноземцев.

¹ Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство: Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. С. 38.

² Там же. С. 58–109.

С конца XVII в. в законодательстве прослеживается тенденция к принятию активных мер для привлечения в Россию иностранных специалистов. В 1695 г. торговому иноземцу Матвею Поппе, посланному в Германию, было поручено приглашать на российскую службу иностранцев, знающих горное искусство. Купец должен был «знающих и нужных рудоплавных мастеров разведав, сыскивать и приговаривать, будут ли кто из них к тому делу Великим Государям служить охотники, и по чему они Великих Государей жалованья учнут на месяц просить и на сколько лет наймутся»³. Согласно манифесту Петра I, изданному в 1702 г., иностранцам, приезжающим в Россию и желающим вступить в военную службу, а равно и «прочим государству полезным художникам» полагалось содействие и предоставление свободы вероисповедания. Целью приглашения иноземцев объявлялось стремление, чтобы российские подданные «могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям»⁴. В 1720 г. было принято решение о распространении на иностранцев действия Берг-привилегии и разрешении им «строения и размножения рудокопных заводов»⁵. Большое внимание в законодательстве уделялось правилам пропуска иноземцев в Россию, а также перемещения внутри государства и выезда из империи. Все передвижения иностранцев осуществлялись строго по паспортам. Покинуть Россию иностранцы могли после удостоверения в отсутствии долгов⁶. Регламент Мануфактур-коллегии, принятый в 1723 г., гарантировал государственную поддержку иноземцам, желающим завести мануфактуры и фабрики в России. В нем также утверждалось, что со всеми иностранными мастерами, работающими на мануфактурах, следует «договариваться, чтоб они из Российских учеников при себе имели, и мастерству своему обучали, поставя за то цену награждения и время, во сколько лет выучить»⁷. В 1747 г. появилась форма присяги иностранцев на вечное подданство России⁸. Законодательство периода правления Екатерины II касается, главным образом, иностранных колонистов и их положения, которое проработано достаточно подробно⁹. В 1790-е гг. основной тенденцией нормотворчества в отношении иноземцев становится усиление

³ ПСЗ-1. Т. 3, № 1512.

⁴ Там же. Т. 4, № 1910.

⁵ Там же. Т. 6, № 3621.

⁶ Там же. № 3674, 3812; Т. 7, № 4284, 4354.

⁷ Там же. Т. 7, № 4378.

⁸ Там же. Т. 12, № 9434.

⁹ Там же. Т. 16, № 11880, 11881, 12283, 12290.

ние надзора за ними: недопущение шпионажа, усиление контроля за въезжающими и проживающими в империи иностранцами¹⁰. В 1806 г. в связи с Наполеоновскими войнами вступил в силу специальный указ о высылке французов, не принявших российское подданство или не присягнувших в том, что не имеют никаких сношений с Францией¹¹. Применение таких «подозрительных» законов к техническим специалистам не носило буквального характера. Например, работавшие в этот период на Урале французские инженеры, о которых было объявлено в результате прошедших проверок, продолжили службу без принятия дополнительной присяги¹². Со второй четверти XIX в. законодатель больше благоприятствовал иностранцам. К середине XIX в. облегчается въезд иностранцев в пределы Российской империи, активно поощряется их участие в различных областях деятельности. По указу от 19 января 1844 г. «О предоставлении иностранцам, приезжающим в Россию со срочными паспортами, неограниченную свободу жить в России, несмотря на сроки, назначенные в паспортах их правительств» иностранцы получили право оставаться в России на неопределенный срок, если не было особых причин к отправке их за границу¹³.

Маркерами статуса иностранцев с точки зрения юридических критериев можно считать подданство (вечное или временное) и отношение к службе (находился ли иностранец на службе у государя). Признаками, указывающими на место иностранца в общественной иерархии, а также показателями социального престижа являлись профессия, уровень квалификации, чин, материальное положение. Следует начать с вопроса о подданстве – социально-правовом маркере, ключевом с точки зрения отношения иностранца к власти и в какой-то степени формальным, если рассматривать проблемы социокультурной адаптации и идентичности, но вместе с тем оказывавшем влияние на трансформации статуса. «Иноземцы считаются те, которые приехали из иных государств, и вступили в службу. А которые породились в России, и приняли службу, те яко россияне почтены имеют быть» – такое определение иноземцам дано в «Регламенте о управлении Адмиралтейства и верфи» 1722 г.¹⁴ В «Законах о состояниях» Свода законов Российской империи

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 23, № 17201; Т. 24, № 17683, 17689, 18223.

¹¹ Там же. Т. 29, № 22371.

¹² Неклюдов Е. Г. Иностранцы на частных заводах Урала в начале XIX в. // Четвертые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 2002. С. 281–287.

¹³ ПСЗ-2. Т. 19, № 17545.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 6, № 3937.

содержатся следующие статьи: «Иностранцами признаются все вообще подданные других держав, не вступившие установленным порядком в подданство России»; «Дети иностранцев, родившиеся в России и вступившие в государственную службу, почитаются наравне с природными подданными»¹⁵. Степень заинтересованности иноземцев в смене подданства зависела от сферы деятельности и цели приезда в Россию. Например, иностранные купцы в XVIII в. получали наибольшие права во внутренней торговле при вступлении в российское подданство¹⁶. Принятие российского подданства иностранными техническими специалистами являлось их добровольным правом, которое могло быть реализовано в любой момент. Как правило, если иноземец желал вступить в подданство, это происходило после завершения срока службы по контракту. Иностранцы, принявшие российское подданство, обязаны были избрать себе «род жизни, какой сами рассудят на пользу общую и свою собственную»¹⁷. Существовали понятия *временного* и *вечного* подданства. В законодательстве различия между ними обозначены только по отношению к торговым иноземцам. По Торговому уставу 1755 г. иностранцы, вступившие во временное подданство, получали только право розничной торговли, а подати платили наравне с «незаписавшимися» иностранными купцами. Также они выплачивали подати за освобождение от служб. Только те, кто вступил в вечное подданство, получали все права русских купцов, включая пошленные льготы. При этом, независимо от формы подданства, при возвращении на родину иностранец обязывался оставить в России десятую долю своего капитала¹⁸. Именные указы Екатерины II 1782 и 1783 гг. гласили, что «различие временного с вечным подданством нимало не вместно: ибо всяк из таковых иностранцев вписывается во оное до тех пор, покуда для себя выгоду находит»¹⁹. В XIX в. феномен *временного подданства* изживает себя. «По вступлении в подданство России иностранцы с тем вместе вступают и в полное обладание всех прав того состояния, в которое они будут причислены без всякого различия от коренных подданных»²⁰.

¹⁵ СЗ РИ. Т. 9. Ст. 1512, 1513.

¹⁶ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 351.

¹⁷ СЗ РИ. Ст. 1545.

¹⁸ Захаров В. Н. Указ. соч. С. 358.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. 21, № 15322, 15854.

²⁰ СЗ РИ. Изд. 1857 г. Т. 9. Ст. 1550.

В среде иностранных специалистов принятие временного подданства не практиковалось. Они либо служили по контракту в статусе иноземцев, либо принимали вечное подданство. Однако существовало понятие *вечной службы*, при которой специалист оставался иностранным подданным, но принимал присягу «на вечную службу». Этот термин укрепился в XVII в. А. С. Мулюкин считает, что в этот период приезд «на вечную службу» отождествлялся с приездом «на государево имя», когда иностранец приезжал не на время, установленное договором, а навсегда. В XVII в. поступление «на вечную службу» в Россию не означало принятия подданства, а означало лишь, что государь распоряжается этими иностранцами как своими подданными. В этом случае, в отличие от договорных отношений, размер вознаграждения и другие условия не оговаривались заранее, а устанавливались волей государя, но служба могла прекратиться в любой момент по воле любой из сторон. Иностранец имел право уехать обратно за границу. На практике же российское правительство до бесконечности задерживало иностранцев, в том числе и тех, кто работал по найму. А. С. Мулюкин приводит высказывание иностранца Бернгарда Таннера, которому предлагалось вступить в российскую службу с большим жалованьем. Иноземец поначалу обольстился деньгами, но узнав, что «кто раз поступил на службу к царю, тому на всю остальную жизнь приходится закабалить себя со всем домом», отвечал предлагавшему, что «золотая свобода дороже золотых обещаний». «Наше правительство, – утверждает А. С. Мулюкин, – в своих отношениях к иностранным служащим не всегда принимало в соображение интересы последних и их право, и, между прочим, совершенно не стеснялось тем условием приезда иностранцев на наем, которым определялся срок службы». Даже при вызове иностранцев зарубежными правительствами, их не отпускали под разными предлогами: пусть срок договора и окончен, но некие работы начаты и не завершены, или же потому, что иноземец «здесь женился» и пр.²¹ Начиная с эпохи преобразований Петра I свободный выезд иностранцев из России становится возможным, мобильность специалистов существенно увеличивается.

В XVIII в. формулировка «принятие на вечную службу» для иностранцев сохранялась, но теперь такой вариант найма носил договорный характер в виде контрактов на вечную службу. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся на казенных сибирских и пермских

²¹ Мулюкин А. С. Указ. соч. С. 150–157.

заводах в конце 1740-х гг. В 1747 г. был сделан «разбор» иностранцам, в результате которого оказалось «надобных» на заводах десять человек, а «излишних» – тридцать шесть. Тем иноземцам, в которых нужды не было, предлагалось по окончании контрактов заключить новые договоры «на вечную службу» на Колывано-Воскресенских заводах. Однако лишь единицы дали на это свое согласие. Так, иностранец Поппе «обязался при здешних заводах служить вечно, а не по контракту», а потому в заводских ведомостях уже не был включен в состав иностранцев, а числился наряду с российскими горными служителями²². Большинство же иностранных мастеров хотели остаться на службе, но не «вечно», а «на урочные лета»²³. Представляется, что иностранцы не так часто изъявляли желание «служить вечно». В то же время это зависело от условий и места службы. Вероятно, перспектива связать себя обязательством вечной службы на Колывано-Воскресенских заводах виделась иностранным мастерам не самой радужной. С другой стороны, если иноземец стремился к карьерному росту в России, вступление в «вечную службу» открывало перед ним широкие возможности. Ярким примером является биография саксонца Иоганна Рудольфа Мааке. Он прибыл в Россию в 1738 г., по определению Генерал-берг-директориума был принят в российскую горную службу на три года и отправлен на уральские заводы. По окончании контракта Мааке отправили в Санкт-Петербург, но он изъявил намерение заключить новый договор «на урочные годы». В 1744 г. с ним был подписан контракт на три года. В 1746 г. Мааке просил разрешения продлить срок службы еще на пять лет, но с повышением чина и прибавкой жалованья. Получив отказ, он объявил, что на прежних условиях служить не желает и намеревается получить увольнение. Однако в 1748 г. его вновь приняли на уральские заводы на прежних условиях, сроком на два года. В 1751 г. Рудольф Мааке дал согласие на заключение контракта на вечную службу. Желание саксонца о повышении чина было удовлетворено, он получил должность штейгера. В контракте прописывалось, что Мааке «когда дальше свои службы покажет, то переменею чина оставлен не будет»²⁴. В 1750-е гг. он принял российское подданство. Карьера Иоганна Рудольфа Мааке развивалась очень удачно. В 1770-е гг. он служил в чине обер-бергмейстера, управ-

²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253. Л. 3.

²³ Там же. Л. 1а–3 об., 23–23 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 121–124 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253. Л. 25, 86 об.

лял Экспедицией золотых производств²⁵. Вступление в «вечную службу», а затем получение статуса полноправного российского подданного способствовали карьерному продвижению саксонца. По наблюдениям Н. С. Корепанова, в XVIII в. «иноземцев-контрактеров назначали на требующее высокой квалификации, но малозначимое в горнозаводской иерархии техническое руководство рудниками, принявших же российское подданство по получении ими табельного горного чина – на заводы и в администрацию»²⁶.

Все иностранные специалисты, независимо от оговоренного срока службы, приводились к присяге «на верность службы». Такая практика применялась, по крайней мере, в первой половине XVIII в. Наряду с контрактом факт принятия присяги на верную службу обязывал иностранца к исполнению порученных работ. «Приведение к присяге» не было простой формальностью, что доказывает случай, произошедший с бергмейстером Иоганном Готфридом Гейденрейхом, который, не желая исполнять приказ начальства, отказывался принимать присягу. Впрочем, хоть это и замедлило выполнение предписания горной администрации, в конечном итоге иностранец вынужден был подчиниться. Вообще, история И. Гейденрейха, о которой далее пойдет речь, раскрывает многие черты социального статуса иностранного специалиста в России 1720–1730-х гг. с точки зрения его правовых основ, отношения государства к личности иностранца, социального взаимодействия и социальной оценки.

Контракт с бергмейстером И. Гейденрейхом о службе в России был заключен в декабре 1722 г. в Гамбурге. Однако, подписывая договор, стороны не определили срок его действия. Это обстоятельство впоследствии серьезно осложнило положение иностранца. Как правило, «капитуляции» (контракты) заключались с иностранными горными служащими на период от трех до пяти лет. В 1727 г., проработав на российских заводах более четырех лет, Иоганн Гейденрейх подал прошение об увольнении со службы и отъезде «во отечество». Но осуществить свое желание бергмейстеру не удалось. Ответ на его просьбу оказался отри-

²⁵ Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 146; Корепанов Н. С., Корепанова С. А. Вклад саксонских специалистов в развитие горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке // Lomonossov. DAMU-HEFTE. 2011. № 1. С. 76.

²⁶ Корепанов Н. С. Благодатская горная экспедиция 1739–1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.». Екатеринбург, 2001. С. 115.

цательным, поскольку «оной бергмейстер по вступлении в российскую службу сколько лет должен служить в своем контракте не объявил, однако причины к прошению абшида кроме его при флещном деле необыкновения не показывает»²⁷. Согласно императорскому указу, И. Гейденрейх должен был отправиться на Нерчинский сереброплавильный завод для осмотра руд. С таким решением иностранец категорически не согласился. Вопрос с поездкой бергмейстера в Нерчинск поднимался еще в 1725 г. Тогда начальник уральских горных заводов генерал-майор Георг Вильгельм де Геннин, следуя указу Берг-коллегии, приказал И. Гейденрейху ехать в Нерчинск, поскольку «он к серебряным рудам искусен». Однако бергмейстер объявил, что он не поедет, потому что он «не в такой силе служит, чтоб по земле бегать»²⁸. Двумя годами позже это дело приняло более серьезный оборот.

В начале 1728 г., отвечая на объявленный ему указ о командировании в Нерчинск, И. Гейденрейх заявил, что по условиям контракта не обязан туда ехать, и без подписания нового договора, а также без собственных горных инструментов на Нерчинские заводы не поедет. Однако со стороны горной администрации речи о новом контракте не шло, напротив, за послушание иностранца приказано было немедленно отправить в Нерчинск, а если «волею ехать не похочет», приставить к нему в провожатые двух солдат. Кроме того, ему приказано было принять присягу о верной службе императору²⁹. Но И. Гейденрейх вновь не исполнил данных ему указаний, а в мае 1728 г. прислал в Сибирский обер-бергамт развернутую записку, в которой подробно обосновал свою позицию. Важно отметить, что иностранец, прежде всего, апеллировал к заключенному с ним контракту, считая его гарантом своих прав. Во-первых, И. Гейденрейх настаивал на том, что присягу на верную службу он не примет, пока с ним не будет заключен новый контракт, который, как следует из его слов, был послан им в Берг-коллегию в январе 1728 г. Во-вторых, бергмейстер оспаривал намерение отправить его в Нерчинск, хотя в договоре и значилось, что он обязуется служить «в том месте, куда высочайше Его Императорское Величество повелит»³⁰. Действительно, в контрактах с иностранцами XVIII в. (особенно в первой половине столетия) конкретное место службы, как правило, не уточ-

²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 56.

²⁸ Там же. Д. 193. Л. 137.

²⁹ Там же. Д. 33. Л. 70–70 об.

³⁰ Там же. Л. 92–92 об.

нялось. Указывалось лишь, что специалист принимается на работу «по горному делу», «на казенные заводы», «на плавильные заводы», а после приезда в Россию его направляли туда «где нужда будет»³¹. Следуя такому порядку, И. Гейденрейх служил на разных заводах (в частности, на Олонецких), а затем был переведен на Урал. Эти факты он тоже использует, чтобы подчеркнуть, что беспрекословно переезжал на разные места службы, однако более не намерен этого делать, так как в контракте ни слова не сказано о том, чтобы всегда его «от места на место посылать». Также, чтобы обосновать свое право не следовать более заключенному в 1722 г. соглашению, И. Гейденрейх указывал на то, что один из пунктов контракта не исполнен. Речь идет об условиях вознаграждения за службу. Несмотря на то, что жалование иностранец получал в установленном размере, выплата его часто происходила с большими задержками. От этого, однако, в исследуемый период страдал не один И. Гейденрейх, а очень многие иностранные специалисты³². Еще больше его возмущало, что он не получал акциденций, положенных бергмейстеру, хотя в контракте содержалось упоминание о дополнительных доходах, надлежащих такому чину. В качестве еще одной причины отменить поездку в Нерчинск И. Гейденрейх указывал на то, что ему необходимы хорошие маркшейдерские инструменты, которыми Сибирский обер-бергamt его не обеспечил. В противном случае все его старания будут тщетными, работа бесполезной, а выводы неверными. Бергмейстер подчеркивал, что никоим образом его отказ не должен расцениваться Берг-коллегией как непослушание, и он надеется на новую, более справедливую резолюцию, тем более что из-за сложившейся ситуации он не получал жалования вот уже целый год. В заключение своей промемории И. Гейденрейх высказывал опасение, что будет вынесено жестокое и бесчестное решение, и тогда он будет искать справедливости и отношения к себе, «как в указах о чужестранцах написано», обращаясь не только в коллегии, но и к государю императору³³.

Иоганн Гейденрейх неоднократно посылал письма в Сибирский обер-бергamt о своей несогласии ехать в Нерчинск. Несмотря на это 1 июня 1728 г. была сделана попытка отправить его туда силой. Протоколист Ф. Кузнецов докладывал, что получил приказание вместе с подпрапорщиком Клепиковым явиться в дом к И. Гейденрейху и объявить ему,

³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10, 1253.

³² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1. Л. 23, 41.

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 92–94 об.

чтобы он немедленно ехал в Нерчинск. Если же бергмейстер не подчинится, то следует его «взять под руки и посадить в коляску и проводить за город»³⁴. Вместе с Кузнецовым и Клепиковым к иностранцу были отправлены двое солдат. Когда они пришли к И. Гейденрейху и изложили цель визита, бергмейстер отвечал: «Извольте делать, как вам приказано, токмо я не еду». После этого солдаты открыли ворота во дворе бергмейстера и стали готовить коляску, чтобы запрягать лошадей. Тогда И. Гейденрейх, увидев, что они делают, выбежал во двор и выгнал их. Ф. Кузнецов так описывал поведение иностранца: «Оной бергмейстер, увидя в окно, что мы на двор подводы повели, выбежав он во двор к воротам с великим криком, и подвод на двор ввестъ не пустил, и многие слова говорил по-немецки, а какие не знаю, понеже переводчика тут не было <...> токмо по-русски выговорил: до меня де и до двора моего никому никакого дела нет и зачем ходить, и впредь де не почто ходить ко мне, а я де не еду, и ворота запер запором»³⁵. Однако прислушиваться к желаниям иностранца не собирались. Уже через два дня был отдан следующий приказ о посылке его в Нерчинск, который звучал буквально следующим образом: «...для высылки оного бергмейстера <...> в неволю на оные Нерчинские серебряные заводы послать к нему, бергмейстеру, на квартиру вторично лейб-гвардии сержанта Бессонова с шестью человек солдат, которому велеть, взяв подводы и заложив коляску и посадив оного бергмейстера неволю в коляску, выпроводить загород, а понеже во оном доношении (протоколиста Ф. Кузнецова. – *Авт.*) показано, что оной бергмейстер упрямится и ворота запирает, того ради оному сержанту Бессонову, ежели он, бергмейстер, и от него запирает будет, двери выбить и посадить в коляску всеконечно неволю, и потому ж выпроводить загород»³⁶. Насколько жесткие меры после этого были применены к иностранцу, сказать сложно, но совершенно очевидно, что в конце концов И. Гейденрейх все же был против воли отправлен на Нерчинские заводы, где он осуществил порученный ему осмотр руд и дал заключение об их истощении³⁷.

В борьбе за собственные права Иоганн Гейденрейх не сдавался и после возвращения из Нерчинска, требуя различных компенсаций. Судя по всему, бергмейстер отличался довольно сложным характером. По-

³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 132.

³⁵ Там же. Л. 132–132 об.

³⁶ Там же. Л. 133.

³⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 169. Л. 40 об.

казателен его отзыв об иностранном штейгере Ланге, с которым горное начальство собиралось продлить контракт. И. Гейденрейх заявил, что если с Лангом будет вновь заключен договор и он останется работать на Подволошном руднике, то бергмейстер отказывается ездить на этот рудник. Штейгер, по его мнению, был вором и обманщиком, к тому же и работу свою выполнял плохо. И. Гейденрейх утверждал, что «Ланг имеет другую жену, и из своего отечества <...> уехал, забрав от компанейщиков многие деньги, а по горным правам в Германии таким людям при горных делах быть не надлежит»³⁸. В доказательство недобросовестной работы Ланга на Подволошном руднике бергмейстер подавал горной администрации записку и чертеж. Примечательно, что в протоколе Сибирского обер-бергамта относительно этих высказываний И. Гейденрейха зафиксировано, что в том же разговоре «генерал-майор Геннин объявлял ему, чтоб он ехал в Нерчинск, понеже он к серебряным рудам искусен, о чем и от Берг-коллегии ему, генерал-майору приказано», на что бергмейстер ответил отказом³⁹. И. Гейденрейх часто становился участником конфликтных ситуаций, ссорился с де Генниным и многими другими.

В начале 1731 г. Иоганн Гейденрейх, по свидетельствам Сибирского обер-бергамта, «непрестанно требовал себе скорого отпуска во отечество»⁴⁰. Кроме того, он выдвинул ряд других требований и претензий. Во-первых, он требовал «ростовые деньги» за то, что не всегда вовремя получал жалованье. Берг-коллегия отказалась выплачивать проценты, аргументировав свое решение тем, что в России немало иностранцев находится на службе и часто случается, что им жалованье в срок не выдается, однако никто за это «росту» не просит. Во-вторых, И. Гейденрейх вновь требовал акциденций. Он утверждал, что в Германии бергмейстерские акциденции гораздо выше самого жалованья, и считал, что ему полагается в год по 500 руб. дополнительных доходов, что эквивалентно размеру окладного жалованья. Но и это требование иностранца не было удовлетворено. Берг-коллегия отвечала, что такие акциденции И. Гейденрейх мог сам заработать при случае, выполняя помимо основной службы какую-либо работу или давая консультации на частных заводах, но от казны подобные выплаты получать не полагается⁴¹.

³⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 137.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 180. Л. 10–10 об., 79–83 об.

⁴¹ Там же. Л. 80.

В-третьих, иностранец просил Берг-коллегию о «справедливой сатисфакции за учиненные ему в Екатеринбурге ругательства», имея в виду конфликты, в частности, с де Генниным, о чем было приказано провести разбирательство. Некоторые просьбы И. Гейденрейха все же были исполнены. Они касались, прежде всего, его отъезда из России. Предписывалось отпустить иностранца на родину без промедления, выдав ему положенные прогонные деньги. Также не осталась без внимания просьба И. Гейденрейха о награждении его «за трудные поездки, которые он вопреки службы своей в России имел и почти от всего своего стал быть лишен и в немалые долги впал». Обращаясь с этим вопросом, бергмейстер вновь ссылался на контракт, в восьмом пункте которого прописано, что в случае достойной и полезной службы он будет повышен в чине. Перед отправлением на родину Иоганн Гейденрейх получил чин обер-бергмейстера⁴².

История И. Гейденрейха показывает, что в XVIII в. к иноземному специалисту относились скорее как к «функции», тогда как с первой четверти XIX столетия повышается внимание к потребностям иностранцев, четко соблюдаются их права, меняется отношение к личности иностранца. Наряду с этим возрастает ощущение собственной значимости и среди самих иностранных специалистов. При обсуждении условий контрактов иностранцы требуют включить пункты, касающиеся их положения в обществе: «пользоваться почетом, соответствующим чину полковника», «чтобы оказываемо было то же уважение, каковое оказывается господам чиновникам и прочим лицам, состоящим на службе»⁴³. Изменения в позиции власти относительно иностранных специалистов отразились в развитии договорных отношений между контрагентами. Основным документом, определяющим социальный статус иностранного специалиста и его взаимодействие с властными структурами, являлся контракт. На протяжении XVIII – первой половины XIX в. формуляр и содержательное наполнение контракта прошли эволюцию, в результате которой сложилась унифицированная и детализированная форма договора⁴⁴. Если в случае с бергмейстером Гейденрейхом контракт (на

⁴² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 180. Л. 82 об.

⁴³ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 4263. Л. 5 об.; Д. 5592. Л. 2.

⁴⁴ Подробнее об эволюции формы и содержания контракта см.: *Ермакова О. К.* Контракты с иностранными специалистами в XVIII – первой половине XIX в. как источниковедческая проблема // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 окт. 2015 г. / под ред. А. Н. Дулова и М. Ф. Румянцевой (отв. ред.). Витебск, 2015. С. 205–208.

который искренне уповал иностранец) играл второстепенную роль по сравнению с сиюминутными потребностями и «произволом» горной администрации, то в первой половине XIX в. исполнение условий договора становится приоритетным. Место службы четко определялось контрактом, а все поездки согласовывались с самими иностранными специалистами, жалование выплачивалось аккуратно, по окончании обозначенного срока иноземец мог незамедлительно отправиться на родину (при условии отсутствия долгов пред казной)⁴⁵.

Основываясь на мысли о контракте как главном гаранте статуса, а также на таком критерии, как род занятий, можно предположить, что иностранные технические специалисты в некотором смысле оказывались близки по статусу части иностранных колонистов, коих немалое число прибыло в Россию по призыву Екатерины II. Следует пояснить, что речь идет не о поселенцах-аграриях, а о фабрикантах и мастерах, которые также были в составе колонистов. Кроме того, интерес представляет такая категория, как «вызыватели» – иностранцы, которые занимались набором и отправкой переселенцев из-за границы. Названные группы иноземцев имели ряд общих социальных признаков с наемными иностранными специалистами, работавшими на заводах и фабриках. Во-первых, среди последних также присутствовали бывшие иностранные фабриканты и владельцы мастерских. Во-вторых, интересно сравнение положения мастеров в том и другом случае. В-третьих, при найме иностранных техников, инженеров и механиков на промышленные предприятия также использовались посредники из числа иностранцев, положение которых можно сопоставить с «вызывателями» колонистов.

Во внутренней структуре социальной страты наемных иностранных специалистов фабриканты находились на верхушке иерархии. Так, например, Давид Гильгер, имевший собственную оружейную мастерскую в Данциге, в начале XIX в. был приглашен в Россию в качестве организатора нового производства и начальника над нанятыми им же иностранными мастерами⁴⁶. Александр Эверсман, бывший прусский подданный и первый директор Златоустовской оружейной фабрики, до приезда в Россию служил горным советником и директором фабрик в Вестфалии⁴⁷. На заводах Урала с 1810-х гг. работали потомственные

⁴⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 61–63; Ф. 24. Оп. 32. Д. 782. Л. 2–10; РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 137–139; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5591, 5592.

⁴⁶ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–10.

⁴⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 30.

оружейники Вейерсберги, бывшие владельцы мастерских в Золингене⁴⁸. Особенностью положения таких «бывших» фабрикантов в России являлось то, что они были приглашены на государственную службу и считались наемными специалистами, пусть и высшего звена, в то время как фабриканты-колонисты, по сути, имели статус предпринимателей. Разница состояла еще и в том, что специалистов (как администраторов, так и мастеров) принимали на ограниченный, непродолжительный срок – от одного года до пяти лет, колонисты же изначально приезжали если не на постоянное место жительства, то на более длительный период. Технические специалисты неоднократно продлевали свои контракты, однако продолжали оставаться в статусе наемных иностранцев-профессионалов. Они были как бы вне остального общества. Об отсутствии стремления к общественной интеграции и изначальному намерению осесть в России свидетельствует довольно часто встречающаяся практика перечисления части жалованья женам специалистов и другим родственникам, оставшимся за границей⁴⁹. В случае же с колонистами имело место более прочное социальное интегрирование. Это проявлялось, в частности, в определенной законом необходимости «записываться ль в купечество или цехи, и быть мещанином», т. е. ассоциировать себя с определенным *состоянием*⁵⁰.

Функция «вызывателей» колонистов заключалась в том, чтобы привлечь в Россию иностранных крестьян-поселенцев, а также ремесленников и других «художных людей». Различие между посредниками при найме специалистов для работы по контрактам на казенных предприятиях и «вызывателями» колонистов состояло в приоритетах, которые перед ними ставились. При контрактации по заданию заводской администрации главной целью вербовщика являлся поиск и прием на службу искусных мастеров, т. е. прежде всего имела значение квалификация контрактующихся. Для тех же, кто занимался вызовом колонистов, напротив, ключевым условием становилось количество привезенных семей иностранцев. В 1760-е гг., когда процесс привлечения иностранных поселенцев стремительно набирал обороты, численность колонистов на каждого «вызывателя», согласно их контрактам, измерялась сотнями (от ста и более). В случае успешного переезда необходимого количества иностран-

⁴⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 61. Л. 6.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 55. Л. 131–134 об., 150–151; Кн. 196. Л. 83–84 об.; РГИА. Ф. 37. Оп. 10. Д. 35. Л. 1–2, 13–18.

⁵⁰ ПСЗ-1. Т. 16, № 11880; РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 13 об.

цев «вызыватели» получали вознаграждения, которые выражались в денежном эквиваленте или в форме предоставления казенных средств на постройку домов. В обязанность «вызовщиков», которые одновременно назначались директорами основанных ими колоний, вменялось поддержание постоянного числа поселенцев, вызов новых иностранцев в случае освобождения земель. В некоторых контрактах указывалось, что до тех пор, пока «вызыватели» не исполнят условий по набору нужного числа семей, их имения за границей будут взяты «под заклад»⁵¹. Таким образом, от количества привезенных колонистов напрямую зависело личное благосостояние посредников. Занятно замечание А. А. Голомбиевского, которое он высказал о «вызывателях колонистов» в «Биографии князя Г. Г. Орлова». По его мнению, они преследовали исключительно цели собственного обогащения, поэтому для того, чтобы привлечь как можно больше иностранцев-поселенцев, описывали Поволжье как необычайно плодородный край с мягким климатом. На самом же деле оказывалось, что картина не совпадала с реальностью:

«Эти “вызыватели”, руководимые нередко только корыстными целями, часто создавали недоразумения, которыми усложнялась деятельность Канцелярии опекунов. Вызыватели представляли Поволжье обетованною землею, “кипящую медом и млеком”. Допустим, что земля тогда, действительно, давала баснословные урожаи, реки изобиловали рыбой, леса всяким зверем и дичью, но все же быстро наступало некоторое разочарование для швейцарца⁵², когда он не находил на широте Саратова климата Лиона, когда стужа продолжалась здесь не три месяца, как было обещано, а целых шесть: не было тут в диком виде ни винограда, ни миндальных орехов, ни тутовых деревьев с порхающими канарейками: едва ли на лугах, на которых трава будто бы достигала к половине апреля роста человека, находились “дикие аспараги”, цветущие гиацинты и тюльпаны»⁵³.

Другое различие специалистов-наемников и специалистов из числа колонистов кроется в характере даруемых им государственных гарантий. В первом случае иностранцы получали от государства казенные квартиры, фиксированное жалованье, дополнительные денежные выплаты, а также такие социальные гарантии, как оказание медицинской

⁵¹ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 53–74 об.

⁵² В тексте идет речь о бароне де Борегар, который занимался вызовом швейцарских колонистов.

⁵³ Цит. по: Голомбиевский А. А. Биография князя Г. Г. Орлова. М., 1904. С. 29.

помощи, поддержка вдов и сирот иноземцев, возможность отправления богослужения в церквях тех конфессий, к которым они принадлежали. Кроме того, создавались специальные школы для детей иностранцев, где они могли получать образование на родном языке⁵⁴. Колонистам же давались в распоряжение свободные земли и помещения под фабрики, а также по манифесту 1763 г. им полагалась денежная ссуда, которую следовало вернуть через десять лет после приезда в Россию. Специалисты-наемники освобождались от податей и повинностей. Колонисты получали это право на определенный срок (от 5 до 30 лет, в зависимости от места поселения и рода занятий). Освобождение от гражданской и военной службы распространялось на всех⁵⁵. В 1810 г. по указу Александра I выдача денежной ссуды иностранным колонистам была отменена. Иностранцы должны были селиться собственным кошельком⁵⁶. Для специалистов же, наоборот, в XIX в. условия службы становятся еще более благоприятными.

Набор государственных гарантий, которыми наделялись иностранные технические специалисты, нанимаемые на службу по контрактам, сохранялся за ними независимо от того, насколько успешным оказывались результаты их деятельности. Случалось, что опыты приглашения иноземных технических специалистов не оправдывали ожиданий правительства. Однако далеко не всегда это удавалось немедленно распознать. Иностранец мог проработать несколько лет, прежде чем его неудачи становились очевидными. Иногда провалы были связаны с плохой технической оснащенностью российских предприятий и, как следствие, непригодными условиями для выполнения тех или иных работ, а порой причиной отсутствия положительных результатов оказывался низкий уровень квалификации иностранцев или вовсе отсутствие у них необходимых навыков и знаний.

Что же касается колонистов (будь то «вызыватели», фабриканты, ремесленники или крестьяне), то они скорее оказывались в большей степени связаны серьезными обязательствами перед государством. Эти обязательства не всегда удавалось выполнить, в результате происхо-

⁵⁴ Все эти права и привилегии были закреплены в контрактах. См., например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 213 об.; Оп. 32. Д. 782. Л. 2–10; Ф. 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 61–63; РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 137–139; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 161. Л. 53–59, 73–106; Д. 742. Л. 4–8 об.; Д. 5592. Л. 8–14 об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 75. Л. 108–109 об. и др.

⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 16, № 11880.

⁵⁶ Тихонова А. В. Российская политика в отношении швейцарских колонистов в первой половине XIX в. // Вопр. истории. 2010. № 8. С. 84–85.

дили изменения статуса неудачливых иноземцев, снижение их социального престижа. Очень иллюстративна в этом отношении история шляпного фабриканта Я. Палиса в России. В 1764 г. был заключен контракт с Якобом Палисом и Франсуа Сосье о дозволении им устройства шляпной фабрики в Саратове. По условиям договора они должны были записаться в мещанство. Иностранцы получали денежную ссуду на строительство дома под фабрику, им дозволялось за казенный счет привезти с собой мастеров, а также фабриканты обязывались взять к себе на обучение русских мальчиков⁵⁷. Вскоре оказалось, что Ф. Сосье не может выехать из Москвы из-за слабого здоровья жены и ребенка, а потому Я. Палис взял все обязательства по контракту на себя. В 1770 г. обнаружилось трудности в делах фабриканта. Из-за образовавшихся долгов он испрашивал дополнительной денежной ссуды, утверждая при этом, что фабрика находится в хорошем состоянии. Однако Канцелярия опекунства иностранных «усмотрела довольное его (Палиса. – *Авт.*) изнеможение» и потому имела «основательную причину сомневаться как в исправном и порядочном его поведении, так и в содержании его фабрики в хорошем состоянии»⁵⁸. Тем не менее решено было все же дать Я. Палису ссуду в 2 тыс. руб. и приставить к фабрике смотрителя, который будет вести приход и расход. Но на этом беды иностранного шляпного фабриканта не закончились. Разорение оказалось неизбежным. Все имущество Я. Палиса в 1773 г. было конфисковано. В 1778 г. иностранец просил Канцелярию опекунства дать разрешение на продажу зимовья, в котором он теперь проживал, и дать ему паспорт для свободных переездов по империи с целью поиска пропитания «где-либо в российских городах обучением детей французскому языку»⁵⁹. Дом его был использован под аптеку, другие строения отошли доктору и прочим медицинским чинам. Ученики Палиса изобличили его в том, что они не были взяты в обучение шляпному мастерству. Канцелярия опекунства иностранных некоторое время не давала разрешения на выдачу Я. Палису паспорта, но в 1779 г. все же отпустила его в Москву для поиска заработка учительством с паспортом на один год и обязательством выплачивать треть доходов в счет долгов. Но бывший фабрикант в Москву не поехал, а обосновался в селе Манадышеве Ардатовского

⁵⁷ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 11–19 об.

⁵⁸ Там же. Л. 71 об.

⁵⁹ Там же. Л. 134.

уезда у поручика князя Бабичева и долг не выплачивал⁶⁰. В результате статус Я. Палиса резко снизился: от богатого владельца фабрики до гвернера, ничего не имеющего за душой. Стало ли это неожиданностью или явилось закономерным итогом деятельности иностранца, сказать сложно. Но ведь высокий социальный статус фабриканта отчасти был создан благодаря государственной поддержке и доверию, оказанному иностранцу. Возможно, ответить на этот вопрос помогли бы сведения о деятельности Я. Палиса до его приезда в Россию. Опись имущества иностранца, в которой значатся не только фабричные и жилые помещения, товары, инструменты и материалы, но и все пожитки семьи Я. Палиса, включая шубы и платья его жены, свидетельствует о довольно обширных владениях фабриканта⁶¹. Неудача Я. Палиса – не единственный пример провала иностранных фабрик. Если вернуться к сравнению фабрикантов-колонистов и фабрикантов, ставших наемными специалистами, можно сделать вывод о том, что статус последних оказывался более устойчивым. Переходя из положения владельцев мастерских в состояние профессионалов на государственной службе, такие иностранцы во время пребывания в России получали больше социальных гарантий и стабильности.

Несмотря на трудности адаптации и сложную эволюцию отношения государства к личности иностранца, приезжие технические специалисты входили в профессиональную элиту российского общества. Формирование и пополнение российской технической элиты XVIII–XIX вв. происходило с большой долей участия иноземцев. Основными критериями для выделения такой элиты служат факторы, относящиеся к профессии (род занятий и квалификация). Наличие специальных знаний, новаторских для русской технической мысли, ставило иностранцев на заведомо высокий уровень в системе профессиональной иерархии. Вопрос о составе технической элиты тесно связан с вопросом о том, кем были иноземцы у себя на родине, прежде чем приехали в Россию. Р. Бартлетт, рассуждая о иностранцах и иностранной иммиграции в России до 1762 г., отмечает, что, приглашая специалистов из-за рубежа, российская сторона предлагала настолько скромные условия, что нанять иноземцев было крайне трудно. В результате многие принятые по контрактам иностранцы оказывались малоквалифицированными или же авантю-

⁶⁰ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 199 об.

⁶¹ Там же. Л. 200–204 об.

ристами. Это утверждение высказано автором в контексте вопроса о приглашении иностранцев владельцами частных мануфактур. Сенат придерживался политики невмешательства в данный процесс, подчеркивает Р. Бартлетт, но добавляет, что и в случае государственного найма иностранные мастера зачастую оказывались неустроенными и, приехав в Россию, вынуждены были самостоятельно искать место работы или уезжать обратно на родину⁶². Э. Кросс в работе о британцах в Петербурге XVIII в. отмечает похожую тенденцию, говоря о русско-английском обмене специалистами в 1780-е гг. Он заключает, что «гениальность» не являлась отличительной чертой тех, кто приезжал в Россию, но заинтересованность и благоволение Екатерины II к иноземцам было заметным и постоянным⁶³. Действительно, таких иностранцев, которые, не обладая выдающимися навыками, стремились в Россию с целью заработка, было немало. Но европейцы переезжали и по иным причинам, например, в периоды сложной международной обстановки. Так, в эпоху Наполеоновских войн на российских предприятиях оказывались бывшие владельцы мастерских и руководители известных европейских фабрик, талантливые инженеры.

В целом прослеживалась эволюция статуса европейских специалистов: в новой профессиональной и социальной среде он чаще всего повышался, и именно за счет того, что иностранцы выступали «носителями инноваций». Те специалисты, которые, поступив на службу на российские заводы, приобретали привилегированное положение верхушки профессионального сообщества, изначально, в своей стране, таковыми не являлись. Приглашенные в роли «новаторов», осведомленных о технологиях, неизвестных или малоизвестных в России, иностранцы автоматически воспринимались как некая элитарная группа (по крайней мере, в профессиональном смысле). Однако они при этом могли быть простыми рабочими, знающими лишь какую-то одну, узкую задачу.

Материальное положение иностранных специалистов свидетельствовало о явном превосходстве иноземцев над их русскими сослуживцами. Согласно уральским заводским штатам 1723 г., при абсолютно одинаковых условиях труда иностранцам полагалось жалованье при-

⁶² Bartlett R. P. Human capital. The settlement of foreigners in Russia, 1762–1804. Cambridge, 2008. P. 15–16.

⁶³ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 258.

мерно вдвое больше, чем русским⁶⁴. В XIX в. доходы иностранцев складывались из окладного жалованья и дополнительных денежных выплат. Кроме того, европейские специалисты имели комфортные условия проживания, льготы и пособия, которые предоставлялись им по контрактам (квартиры с отоплением и освещением, строевой лес, прислуга, домашний скот, сукно). Средний размер годового жалованья иностранного специалиста в первой половине XIX в. составлял 1500–2000 руб.⁶⁵, тогда как русские мастера получали 186 руб. 26 коп. в год, жалованье директора оружейной фабрики составляло 1500 руб., а его помощника – 750 руб.⁶⁶ Европейцам назначались пенсии наравне с классными горными чиновниками. Размеры пенсий в ряде случаев практически равнялись прежнему жалованью⁶⁷. По уровню материального достатка положение иностранных специалистов сопоставимо с доходами российских горных администраторов и чиновников.

В XIX в. элитарность статуса иностранных специалистов особенно видна и экстраполируется на их общее социальное положение. В связи с этим многие иностранцы, которые надолго оставались в России или же вовсе не планировали возвращаться на родину, не спешили принимать подданство, а, напротив, лелеяли свой статус иностранных специалистов. Английский механик Петр Тет служил на уральских заводах с 1828 по 1853 г., а в 1844 г. открыл в Екатеринбурге частную механическую фабрику. Однако британец все это время не терял связи с отечеством и не менял подданства. Он регулярно совершал поездки в Англию, а также в другие европейские государства. Такие командировки шли на пользу российским предприятиям, поскольку П. Тет во время своего пребывания за границей знакомился с инновациями в производстве, а также способствовал вывозу в Россию необходимых машин и инструментов⁶⁸. Немецкие мастера, с 1814 г. работавшие в Златоусте и изначально не рассматривавшие возможность отъезда на родину,

⁶⁴ Кортина С. Б., Наймушин А. В., Черноухов А. В. Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 91.

⁶⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1347. Л. 3–5 об.; РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 146. Л. 26–31; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 161. 227; Д. 5701. Л. 2; Д. 5592. Л. 63; Д. 6610. Л. 235; Д. 6018. Л. 8.

⁶⁶ Ляпин В. А. «Уголок Германии, перенесенный в Уральские горы» // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2009. С. 266.

⁶⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 231. Л. 6–8.

⁶⁸ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 127. Л. 54; Бондаренко Ф. В., Микитюк В. П., Шкерин В. А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2009. С. 18–20.

приняли российское подданство только в 1880-х гг., поскольку на положении иностранцев они получали высокие оклады и различные пособия, даже когда необходимости в их работе уже не возникало⁶⁹. Вместе с тем и вступившие в подданство иностранные специалисты в этот период добивались повышения статуса. Например, прочно осевшие на Урале семейства оружейных мастеров Бейне и Николаи получили дворянские титулы и вошли не только в профессиональное сообщество технических кадров, но и в чиновничью среду⁷⁰.

Представления иностранцев о жизни в России, их стереотипы и ожидания от переезда можно рассматривать как свидетельства самоидентификации и самооценки специалистов: на что они готовы были пойти ради своей цели (как правило, заключавшейся в стремлении заработать, обогатиться), чего ждали и с чем готовы были мириться. В связи с этим возникает проблема соответствия существовавших представлений реальному положению. Отзывы иностранцев во время и после окончания службы в России позволяют оценить это соотношение. Кроме того, высказывания иноземцев отражают характер политики власти относительно иностранных специалистов. Б. С. Макаров, автор справочника (лексикона) о голландцах в России в первой половине XVIII в., приводит текст письма русского резидента в Амстердаме, Иоганна ван ден Бурга, к вице-адмиралу К. Крюйсу, написанного в 1707 г. и содержащего отзывы голландцев, отработавших в России свои контракты и вернувшихся на родину. В письме говорится, что голландцев направляли в далекие от Москвы и Петербурга города, такие как Азов и Казань, оттуда невозможно было получить и отправить почту в Голландию. После окончания контракта инженеров не спешили отпускать на родину, жалованье выплачивали полностью, хотя и нерегулярно. В случае смерти иностранца его родственники на родине не могли вступить в право наследования. Русская администрация была плохо образована и зачастую ничего не понимала в том деле, которым занимались голландские специалисты. Ван ден Бург просил дать вновь приглашаемым специалистам гарантии того, что жалованье будет выплачиваться

⁶⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 146. Л. 3–13 об.; Ляпин В. А. Немецкие оружейники на Урале // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). С. 142.

⁷⁰ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 812. Л. 216, 218–219 об., 228 об.–232; Д. 97. Л. 2 об.–3; Ф. 4. Оп. 4. Д. 3. Л. 285 об.–286; Д. 24. Л. 157 об.–158.

регулярно, а если кто из специалистов умрет в России, то родственники в Голландии получают наследство⁷¹.

Мнение о несоблюдении российским правительством условий контрактов являлось распространенным среди иностранцев. Полковник Люберас, занимавшийся наймом мастеров разных художественных специальностей в Германии и Богемии, указывал на сложности своей миссии. В 1718 г. он писал вице-канцлеру барону П. П. Шафирову о том, что мастера «везде так обязаны присягою и в охранении содержаны, что почитай невозможным оных получить, яко же я в Гессене о кузнеце стального дела едва в беду великую не впал». Он также отмечал, что «всегда такие противные разглашения происходят, чем и публичные ведомости часто наполнены, будто принятым мастеровым людям договорные кондиции в Петербурге не содерживаются»⁷². Комментарий Любераса о нежелании иностранных правительств отпускать своих подданных подтверждается и другими свидетельствами. Так, в Англии XVIII в. существовали специальные законы, запрещавшие выезд промышленников за границу и устройство частных лиц на иностранную службу. Наказание ожидало и тех, кто пособничал «заманиванию мастеровых и промышленников»⁷³. А. Эверсман, в 1814 г. начавший путешествие по Германии с целью вербовки немецких оружейников, ссылаясь на то, что не только правительство чинило препятствия к выезду мастеров, но и купцы и заводовладельцы всячески старались помешать вербовке, распространяя среди оружейников слухи о том, что многие их соотечественники, уехавшие в Россию, сделались несчастными. А. Эверсман набирал специалистов для новой оружейной фабрики на Урале, но одно только «упоминание Сибири», дикого края, по представлениям иностранцев, в разы осложняло его миссию⁷⁴.

С вопросом о том, насколько иностранные специалисты интегрировались в социальное пространство российского общества, неразрывно связана проблема самоидентификации и групповой идентичности иноземцев. Выявить социальные признаки, которые указывали сами иностранцы, пытаясь идентифицировать себя, помогает обращение

⁷¹ Макаров Б. С. Голландцы в России в первой половине XVIII века : лексикон. СПб., 2009. С. 12, 21.

⁷² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2 об.

⁷³ Кросс Э. Указ. соч. С. 260.

⁷⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 64. Л. 146 об.

к контрактам, а также к другим документам, чаще всего связанным с какими-либо просьбами и жалобами специалистов. Главные принципы самоидентификации иноземцев выражались в подчеркивании собственного статуса иностранца и ассоциировании себя с другими приезжими мастерами, ощущении принадлежности к особому сообществу всех иностранцев вообще и, к примеру, горных специалистов в частности. Так, Рудольф Мааке, подавая в 1751 г. челобитную о принятии его в Берг-коллегию, просил разрешения вступить в службу «к горным делам по достоинству искусства его с переменою ранга и прибавкою жалованья *против служащих иностранных по контрактам*»⁷⁵. Служивший в Берг-коллегии переводчик бергмейстер Бланкенгаген происходил из пленных шведов, а в 1719 г. принял российскую службу. В 1731 г. он выражал недовольство тем, что не удостоился награждения повышением чина и деревнями, как другие иностранцы из его *братии*. Вскоре Бланкенгагену был пожалован чин обер-бергмейстера⁷⁶. Коллективная идентичность проявлялась у иностранцев и в таких формах, как обращение с различного рода прошениями от лица «всех иностранных мастеров» завода (фабрики), а также в создании специальных обществ, выражавших интересы профессиональных групп. С первой четверти XIX в. такие социальные организации действовали на Златоустовской оружейной фабрике («Общество иностранных мастеров» и «Общество молодых иностранных мастеров»)⁷⁷.

Групповая социальная идентификация основывалась также на территориальной и корпоративной принадлежности. В ведомостях о иностранцах, работавших на заводах, помимо горных мастеров значились доктора, аптекари, пасторы, учителя и переводчики. С ними тоже заключались контракты. Если лекари и провизоры необходимы были заводам и городам в целом, то пасторы и учителя приглашались главным образом для обслуживания потребностей иностранных горных служащих. Бергмейстер Христиан Мендерс служил на Олонецких Петровских заводах, а в 1738 г. был принят на должность главного провизора «для содержания на Сибирских Екатеринбургских заводах аптеки и надзирания госпиталя и лазаретов». Срок контракта составил 5 лет⁷⁸. 1 января 1747 г. срок уже второго контракта с аптекарем истек, а Мендерс желал остаться в той же должности и на тех же кондициях, но не на

⁷⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 121.

⁷⁶ Там же. Д. 180. Л. 24–25 об.

⁷⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 193. Л. 69, 100–101 об.

«урочной термине», а «пока хочет». Однако решение этого вопроса оказалось не в пользу заявителя, так как выяснилось, что в аптеке с 1747 г. нужды не было, а потому и бессрочный контракт с Мендерсом заключить не представлялось возможным⁷⁹. Контракт с пастором Лаврентием Сехтингом (Зехтингом) помимо церковной службы предусматривал преподавание в школе латинского языка и, в отсутствие немецкого учителя Мисета, осуществление надзора за Немецкой и Латинской школами, а также заведование библиотекой⁸⁰. В 1738 г. к тайному советнику Татищеву на Сибирские казенные заводы был отправлен иностранный доктор Риндер⁸¹. Аптекари, учителя, пасторы, лекари и толмачи, как и горные мастера, получали казенные квартиры. Все они находились в подчинении горного ведомства.

Сообщество иностранных специалистов строилось на основе внутренней иерархии. Верхушку ее составляли администраторы, фабриканты, а также ученые. Основной же контингент был представлен инженерами, техниками, механиками и разного рода мастерами. В системе социальной стратификации России иностранные специалисты составляли особую страту. Несмотря на то, что многие иностранцы лишь временно проживали в империи и не являлись ее подданными, их можно считать неотъемлемой частью общества. Зачастую представления иностранцев сталкивались с реалиями совершенно далекой от них российской действительности. Будучи людьми другой правовой культуры, европейские специалисты искренне уповали на контракт как гарант социального статуса и защищенности, но российским властным структурам удалось прийти к такому же мнению лишь в XIX в. Вместе с тем процесс эволюции статуса наемных специалистов в глазах государства происходил в том числе под влиянием создаваемых иностранцами образцов социального поведения. Внутри общества положение иностранцев отличалось некоторой обособленностью, чему способствовало наличие отдельных школ, церковных приходов, мест для проведения досуга. Статус «другого» иностранец сохранял довольно долгое время, и лишь длительное пребывание в стране и сживание с социальной средой размывало границы «своих – чужих», которые полностью (или почти полностью) стирались в сознании новых поколений бывших иноземцев.

⁷⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253. Л. 87 об.

⁸⁰ Там же. Л. 88.

⁸¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 145. Л. 168–168 об.

Глава 5. Становление корпорации юристов на государственной службе Российской империи

Взявшись в январе 1917 г. пополнять неопубликованные еще воспоминания, действительный тайный советник сенатор И. В. Мещанинов начал с повествования о чудачествах бывшего министра юстиции графа К. И. Палена¹. Между иных известий анекдотического толка сенатор поведал, как министр, проезжая уездный город Княгинин Нижегородской губернии, столь впечатлился молодеватым видом и высоким ростом местного станового пристава В. И. Вейсмана, что незамедлительно предложил ему перейти в свое ведомство. Охотно приняв предложение, Вячеслав Вейсман благополучно дослужился затем до судьи окружного суда.

Но вот далее карьера бывшего станового застопорилась. Несмотря на значительный опыт работы и достойную репутацию, Вячеслав Иванович так и не смог получить места заместителя председателя суда. Сказалась недостаточность полученного судьей В. И. Вейсманом образования. Как припомнил Иван Мещанинов, Вячеслав Иванович окончил «... два университета. В мое время² так называли лиц, числивших в “Списке чинов Министерства юстиции” пометку “У. У.”, т. е. “уездное училище”»³.

При всем том, что в действительности граф Константин Пален никакого станового пристава Вячеслава Вейсмана в судебное ведомство не приглашал⁴, свидетельство И. В. Мещанинова о бытовании в судеи-

¹ Завершенные, мягко говоря, не в самое подходящее время воспоминания И. В. Мещанинова не были, естественно, опубликованы при жизни автора. Невесть как уцелевшая в семейном архиве потомков сенатора в Санкт-Петербурге рукопись оказалась издана (увы, археографически непрофессионально) лишь в 2010 г.

² И. В. Мещанинов поступил в ведомство Министерства юстиции в 1869 г.

³ *Мещанинов И. В.* Воспоминания пережитого. М., 2010. С. 285. Аббревиатура «У. У.» начала использоваться в ежегодно публиковавшихся «Списках чинов ведомства Министерства юстиции» (первоначально именовались «Списки чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции») с 1851 г.

⁴ В данном случае И. В. Мещанинова либо подвела память, либо он литературно «доработал» эпизод, либо попросту воспроизвел «байку», услышанную, возможно, от самого Вячеслава Вейсмана, с которым совместно трудился во второй половине 1870-х гг. в Сарапульском окружном суде. Как явствует из «Общих росписей начальствующих и прочих должностных лиц в Российской империи» и «Списков чинов ведомства Министерства юстиции», В. И. Вейсман, 1824 г. р., из дворян, выпускник уездного училища, состоял в должности пристава 2-го стана Княгининского уезда Нижегородской губернии до 1861 г. В ведомство Министерства юстиции (на должность следователя Княгининского уездного суда) Вячеслав Иванович перешел в том же 1861 г., за шесть лет до определения К. И. Па-

ско-прокурорской среде в последней трети XIX в. неофициальной ехидной расшифровки аббревиатуры «У. У.» весьма примечательно. Когда же фраза о «двух университетах» могла начать распространяться по коридорам отечественных «судебных мест»? Когда вопрос об образовательной подготовке «чинов Министерства юстиции» обрел актуальность? Когда вообще судьи, прокуроры и следователи России стали юристами?

Прежде чем обратиться к рассмотрению проблемы, в какие годы и в связи с чем произошло формирование корпорации юристов на государственной службе Российской империи, необходимо определиться с ключевым термином. Здесь хотелось бы предложить следующую дефиницию: профессиональная корпорация – это круг лиц, обладающих особым правовым статусом, имеющих специальные знания и навыки, а также субъективно осознающих принадлежность к данному сообществу.

Для возникновения корпорации юристов на государственной службе необходимы, как представляется, следующие условия: 1) институциональное обособление органов юстиции⁵ в национальном государственном механизме; 2) наделение должностных лиц органов юстиции особым правовым статусом, отделяющим их от остальных государственных гражданских служащих (что, в свою очередь, обуславливает появление особой разновидности государственной службы, которая в имперской России именовалась «судебной службой»); 3) нормативное закрепление для должностных лиц органов юстиции – в рамках особого правового статуса – профильного образовательного ценза; 4) способность национальной системы образования обеспечить органы юстиции необходимым количеством юридически подготовленных выпускников; 5) относительно высокий уровень развития национальной юриспруденции⁶ (особенно отраслевых юридических наук).

лена в министерство и за семь – до назначения его министром. Если некая дорожная встреча министра юстиции с бывшим становым приставом в самом деле имела место, то ее последствием мог быть разве что состоявшийся в ноябре 1868 г. перевод В. И. Вейсмана из княгининских участковых следователей на пост товарища прокурора новоучрежденного Нижегородского окружного суда. Завершил карьеру Вячеслав Иванович в должности судьи Самарского окружного суда с чином действительного статского советника.

⁵ Здесь и далее под органами юстиции подразумевается совокупность органов правосудия, органов прокуратуры и органов предварительного следствия.

⁶ Здесь и далее под юриспруденцией подразумевается совокупность юридических наук (что факультативно именуется также «научная юриспруденция»).

Далее следует коснуться историографической ситуации. Насколько удалось установить, к настоящему времени проблема формирования корпорации юристов на государственной службе оказалась напрямую затронута лишь в двух недавно опубликованных статьях⁷, которые, однако, затруднительно признать имеющими научное значение⁸. В рамках изучения проблем развития в имперской России профессионального правового сознания и складывания юридической профессии (*legal profession* или *law profession*) интересные наблюдения о возникновении корпорации юристов высказали Р. Уортман и Б. Левин-Станкевич⁹. Развитие в нашей стране института «судебной службы» осветил В. В. Захаров в § 4.3 диссертационного исследования, успешно защищенного в июне 2009 г. в Московской государственной юридической академии¹⁰.

Нельзя также не отметить круг работ, посвященных отдельным группам служащих органов юстиции Российской империи XIX – начала XX в. Однако необходимо констатировать, во-первых, отсутствие каких-либо обобщающих трудов, а во-вторых, очевидное преобладание статей, имеющих региональную специфику (причем повышенное внимание авторов устойчиво привлекают Урал и Сибирь)¹¹. Отступлением

⁷ Уместно заметить, что пореформенной корпорации адвокатов России специально посвящены десятки исследований.

⁸ Симбаева Д. Ю. Значение судебной реформы 1864 года для формирования корпорации юристов в России // День юриста : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 49–58; Её же. Судебная реформа 1864 года и формирование корпорации юристов в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 13–17.

⁹ Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976. P. 198–234 (оригинальное обозрение развития в России второй трети XIX в. *legal ethos*, духа права); Levin-Stankevich B. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class. The professions in Russian History / ed. by H. Balzer. Armonk ; New York, 1996. P. 227, 231–235, 239.

¹⁰ Захаров В. В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг. (историко-правовое исследование) : дис... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 268–286. Публикацию этого параграфа см.: Захаров В. В., Ильина Т. Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX – начале XX века. М., 2013. С. 33–43.

¹¹ Воропанов В. А. Кадровая политика в ведомстве Министерства юстиции в первой трети XIX века: судейская группа западно-сибирской бюрократии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Право. 2010. Т. 6, вып. 2. С. 160–167; Её же. Судейский «корпус» на Урале в середине XIX в.: итоги эволюции региональной группы ведомственной бюрократии // Вестн. Акад. права и управления. 2010. № 20. С. 103–110; Её же. О персональном составе судебных коллегий Тобольской и Томской губерний в первой четверти XIX в. // Вопр. управления. 2011. № 15. С. 251–259; Её же. Кадровое обеспечение системы правосудия на Урале и в Западной Сибири в середине XIX в. // Там же. № 16. С. 202–210; Курас Т. Л. Вопросы назначения и перемещения членов Иркутского окружного суда и лиц прокурорского надзора, состо-

от линии подобных изысканий (краеведческой, по существу, направленности) возможно признать разве что раздел ведомственной коллективной монографии, посвященный в целом корпусу судебных следователей России 1860–1917 гг.¹²

Итак, как обстояло дело с корпорацией юристов на государственной службе в нашей стране до начала александровских преобразований? Прежде всего, необходимо отметить, что в России дореформенного периода органы юстиции не образовывали обособленного сегмента государственного механизма.

В империи функционировала архаичная и громоздкая судебная система с множеством судебных инстанций, которая была тесно переплетена с системой управления. Все суды являлись специализированными. Сохранялось несколько изолированных подсистем ведомственных судов.

Российская дореформенная прокуратура имела весьма расплывчатые общенадзорные полномочия, не закрепленные в каком-либо специальном нормативном акте. Органы прокуратуры фактически не обладали организационным единством. Как емко выразился по этому поводу в 1864 г. в статье в ведомственном журнале старший столоначальник департамента Министерства юстиции П. А. Марков, современнику и в голову не приходило, что «как обер-прокурор, так и губернские прокуроры и уездные стряпчие составляют в сущности одно учреждение»¹³.

ящих при нем (1897–1919) // Сиб. юрид. вестн. 2006. № 1. С. 119–124; *Ее же*. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи // Гуманитарный вектор. Сер. : Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 57–61; *Марасанова В. М.* Кадры председателей и членов окружных судов Ярославской губернии во второй половине XIX века // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 1. С. 25–29; *Морякова О. В.* Система местного управления при Николае I. М., 1998. С. 95–102, 114–122, 170–176; *Серов Д. О.* Судебные следователи Екатеринбургского окружного суда: организация и персональный состав (1874–1917) // Genesis: исторические исследования. 2015. № 4. С. 140–191; *Туманик Е. Н.* Кадровый состав Тобольского губернского суда в середине 1830-х гг. // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 256–278.

¹² *Серов Д. О.* Корпус судебных следователей России: организация и персональный состав (1860–1917 гг.) // 300 лет следственному аппарату России (1713–2013 гг.) / под ред. А. И. Бастрыкина, Д. О. Серова. М., 2014. С. 164–216.

¹³ Цит. по: *Муравьев Н. В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. С. 328–329. В этом отношении весьма примечательны воспоминания известного консервативного публициста кн. В. П. Мещерского о своей работе в 1858–1859 гг. стряпчим полицейских дел Рождественской части Санкт-Петербурга. Несмотря на то, что князь Владимир Петрович имел высшее юридическое образование, а должность стряпчего являлась прокурорской, он описал свои тогдаш-

Предварительное следствие в дореформенный период осуществляли преимущественно органы полиции Министерства внутренних дел. Должностными лицами, специализированными на расследовании уголовных дел, являлись учрежденные в 1808 г. следственные приставы. Штатная численность следственных приставов была, однако, невелика, а их деятельность не была централизована.

По данным Департамента герольдии Правительствующего сената, в конце 1859 г. в империи трудилось всего 110 следственных приставов¹⁴. При этом они числились в органах полиции лишь 22 губерний и вовсе отсутствовали в 41 регионе (в 35 губерниях и шести областях), а также в Финляндии и Царстве Польском¹⁵. В итоге основную часть уголовных дел расследовали либо неспециализированные должностные лица городской и сельской полиции (становые и частные приставы, земские исправники), либо временно назначавшиеся для производства следствий иные неспециализированные должностные лица (чаще всего чиновники для особых поручений и сотрудники III отделения Императорской канцелярии).

По своему правовому статусу должностные лица дореформенных органов юстиции никак не выделялись из общей массы государственных гражданских служащих. Элементов особого статуса до александровских преобразований не имели даже судьи¹⁶. Соответственно ни о каком выделении «судебной службы» в те времена не могло быть и речи. До 1860-х гг. профильный образовательный ценз не предусматривался ни для одной категорий служащих органов юстиции.

Для сравнения уместно заметить, что в соседнем королевстве Пруссии наличие юридического образования для судей судов высшего звена стало обязательным в 1713 г., а для остальных судей – в 1737 г. Кроме того, в первой половине 1750-х гг. в Пруссии для претендентов на занятие должностей в органах правосудия были введены особые ква-

ние занятия как службу в полиции, а не в прокуратуре (*Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. 1. С. 105–123).

¹⁴ Подсчитано по: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1860–1861 год. СПб., [1860]. Ч. 2.

¹⁵ Неудивительно, что следственные приставы не были упомянуты в обширной 2-й части 15-го тома «О судопроизводстве по преступлениям» Свода законов 1832 г. Вместо этого в Своде использовались термины «следователь» и «производитель следствия».

¹⁶ Систематическую характеристику правового статуса судей в предреформенный период см.: *Щедрина Ю. В.* Формирование судейского корпуса накануне судебной реформы 1864 г. // *Армия и общество.* 2014. № 1. С. 60–66.

лификационные экзамены¹⁷. С 1775 г. прусский кандидат в судьи должен был сдать уже двухэтапный квалификационный экзамен (сначала в университете, а затем в особой правительственной комиссии – *Ober-Examinationskommission*)¹⁸.

На ситуации с состоянием юридического образования в дореформенной России представляется необходимым остановиться несколько подробнее¹⁹. К 1860 г. в империи функционировали шесть юридических факультетов (в Московском, Санкт-Петербургском, Харьковском, Казанском, Дерптском университетах и Университете Св. Владимира), юридическое отделение Ришельевского лицея в Одессе, а также четыре специализированных учебных заведения юридического профиля – Демидовский лицей в Ярославле, Лицей князя Безбородко в Нежине, состоявшее в ведомстве Министерства юстиции Императорское Училище правоведения и состоявшее в ведомстве Военного министерства Аудиторское училище²⁰. Проблема заключалась, однако, не в количестве образовательных учреждений, готовивших юристов, а в количестве их выпускников.

Так, юридический факультет расположенного в Киеве Императорского Университета Св. Владимира за 20 лет (1840–1859) окончило 345 чел.²¹ (в среднем по 17 чел. в год). За те же два десятилетия Императорский Санкт-Петербургский университет выпустил 830 юристов²²

¹⁷ *Friedrich G.* The Continental Tradition of Training Administrators in Law and Jurisprudence // *The Journal of Modern History*. 1939. Vol. 11, № 2. P. 140.

¹⁸ *Fischer W., Lundgreen P.* The Recruitment and Training of Administrative and Technical Personnel // *The Formation of National States in Western Europe* / ed. by Ch. Tilly. Princeton, 1975. P. 516–517.

¹⁹ О развитии юридического образования России во второй трети XIX в. подробнее см.: *Захаров В. В.* Как готовить юриста: изучая русские рецепты: Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века. Курск, 2006. С. 34–40, 93–113; *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века : учеб. пособие. М., 2010. С. 29–193.

²⁰ В. А. Томсинов отнес к числу юридических учебных заведений рассматриваемого периода и привилегированный Александровский (бывший Царскосельский) лицей, в котором с 1848 г. был значительно увеличен объем преподавания юридических дисциплин (*Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. С. 161–163). Поскольку с этим мнением трудно согласиться, выпускники названного образовательного учреждения в числе дипломированных юристов в настоящей работе не учитывались.

²¹ Подсчитано по: *Владимирский-Буданов М. Ф.* История Императорского университета Св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1 : Приложения. С. XXXVIII.

²² Подсчитано по: *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования : ист. зап. СПб., 1870. Приложения.

(в среднем по 42 чел. в год). В Императорском Харьковском университете на выпускном 4-м курсе юридического факультета в 1840 г. обучалось 34 студента, в 1843 г. – 32, а в 1854 г. – 26²³.

Лицей князя Безбородко за 17 лет (1843–1859) подготовил 330 юристов²⁴ (в среднем по 19 чел. в год), Аудиторское училище за 1840–1859 гг. – 271²⁵ (в среднем по 14 чел. в год). В свою очередь, юридический факультет Императорского Дерптского университета (*Kaiserlichen Universität Dorpat*) за 1840–1849 гг. выпустил 182 специалиста²⁶ (в среднем по 18 чел. в год). Юридический факультет Императорского Казанского университета в 1850 г. окончило 16 чел., в 1856 г. – 17²⁷.

Количество выпускников первых десяти выпусков (1840–1849 гг.) привилегированного Императорского Училища правоведения составило 237 чел.²⁸ (в среднем по 24 в год). Юридический факультет Императорского Московского университета за 18 лет (1836–1854) подготовил 802 дипломированных специалиста²⁹ (в среднем по 46 чел. в год). По состоянию на 1 января 1858 г. на выпускном курсе юридического факультета Московского университета обучалось 42 студента³⁰.

С. LXXVII–CVI. Без учета выпускников камерального и административного отделений юридического факультета.

²³ Подсчитано по: Список студентов Императорского Харьковского университета на 1840/41 академический год. [Харьков, 1840]. С. 19–20; Список студентов Императорского Харьковского университета на 1843/44 академический год. [Харьков, 1843]. С. 23–24; Список студентов Императорского Харьковского университета на 1854–1855 академический год. [Харьков, 1854]. С. 14–15.

²⁴ Подсчитано по: Список студентов, окончивших курс в Лицее князя Безбородко со времени преобразования его из математического факультета в юридический / сост. Н. В. Гербель // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881. Приложение. С. CXLVI–CLXXXVI.

²⁵ Пятьдесят лет специальной школе для образования военных законоведов в России, 1832–1882 / под ред. П. О. Бобровского. СПб., 1882. С. 156–157.

²⁶ Подсчитано по: *Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat* / Bearh. von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat, 1889. S. 249–360.

²⁷ Отчет о состоянии Императорского Казанского университета в 1849–1850 академическом году. Казань, 1850. С. 33–34; Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1855–1856 учебный год. Казань, 1856. С. 17–18.

²⁸ Подсчитано по: Список бывшим воспитанникам Императорского Училища правоведения, окончившим в оном курс наук. 1840–1910 гг. // Памятная книжка Императорского Училища правоведения на учебный 1910–1911 год. СПб., 1910. С. 3–22.

²⁹ *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета, 1755–1855. М., 1855. С. 574.

³⁰ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. [М., 1857]. С. 135–137.

В 1861 г. общее количество выпускников-юристов составило в нашей стране 328 чел.³¹

Как приведенные цифры соотносились с тогдашней численностью государственных гражданских служащих Российской империи? Известно, что в 1847 г. в отечественном государственном аппарате трудилось 61 548 служащих, а в 1857 г. – 86 066 и что в конце 1850-х гг. на государственной службе ежегодно открывалось в среднем около 3 тыс. вакансий³². В свете этих данных незначительность выпуска специалистов в области юриспруденции в 1840–1850-е гг. представляется очевидной. Особенно если учесть, что выпускники-юристы рекрутировались не только в органы юстиции, но и – хотя в меньшем количестве – в иные гражданские ведомства.

Проблема с формированием контингента юридически образованных кадров для органов юстиции была в действительности еще более острой из-за ситуации с юридическим факультетом Дерптского университета и Аудиторским училищем. Дело в том, что до 1889 г. преподавание в Дерптском университете велось исключительно на немецком языке, а среди студентов преобладали уроженцы Балтии. Соответственно, согласно данным *Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat*, из 182 упомянутых выпускников юридического факультета 1840-х гг. 137 чел. (75,3 %) поступили на службу в органы государственной власти и местного самоуправления балтийских губерний³³.

В свою очередь, Аудиторское училище готовило специалистов для органов военной юстиции, и его выпускники крайне редко переходили на гражданскую службу. Тем самым следует констатировать наличие в предреформенной России дефицита лиц с высшим юридическим образованием. Иными словами, тогдашняя национальная система образования была заведомо не способна обеспечить органы юстиции необходимым количеством профильно подготовленных выпускников.

Что касается российской юриспруденции, то ее развитие в предреформенный период было достаточно медленным и фрагментарным³⁴. Неудивительно, что в империи тогда не функционировало ни одного

³¹ Захаров В. В., Ильина Т. Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX – начале XX века. С. 29.

³² Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 34, 67, 69.

³³ См.: *Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat*. S. 249–360.

³⁴ Подробнее см.: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. С. 194–335.

юридического научного общества. Как исчерпывающе высказался по этому поводу 23 февраля 1902 г. выдающийся правовед и государственный деятель сенатор А. Ф. Кони, «юридические общества до начала царствования Александра II были немислимы»³⁵.

Для иллюстрации уровня образованности должностных лиц до-реформенных органов юстиции представляется уместным привести данные об образовательном уровне судей и прокуроров регионального звена в 1851 г. Как явствует из «Списка чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции», по состоянию на февраль 1851 г. из 57 губернских и областных прокуроров России высшее юридическое образование имели только 27 (47,3 % состава), а 21 региональный прокурор (36,8 %) не получил вообще никакого образования. Даже в прокуратуре Сената из 13 обер-прокуроров дипломированными юристами являлись лишь 8 чел. (61,5 %)³⁶.

К примеру, в 1851 г. ни высшего, ни среднего образования не имели прокуроры Курляндской, Олонецкой и Ставропольской губерний статские советники Ф. Б. Клейн, П. А. Броницкий и В. Д. Ивков. Занимавший с 1839 г. должность прокурора Саратовской губернии статский советник С. И. Селивачев окончил в 1821 г. Морской кадетский корпус. А состоявший с 1845 г. прокурором Московской (!) губернии коллежский советник К. М. Колумбов являлся выпускником Пензенской духовной семинарии. Никакого образования не получил и действительный статский советник В. П. Зубков, находившийся с 1843 г. на посту обер-прокурора общего собрания московских департаментов Сената³⁷. Остается только гадать, на каком профессиональном уровне поименованные должностные лица были способны осуществлять надзор за соблюдением законности.

В том же 1851 г. из 88 председателей губернских палат уголовного и гражданского суда и председателей губернских судов среднее и высшее образование имело 49 чел. (55,6 % состава). Дипломированных юристов среди председателей судов было 24 чел. (27,2 %), еще 9 чел. имели непрофильное высшее образование (духовное, медицинское, филологическое, педагогическое).

³⁵ Кони А. Ф. Труды и задачи Петербургского юридического общества // Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 296.

³⁶ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1851. СПб., 1851. С. 9–129, 259–386.

³⁷ Там же. С. 127, 299, 310, 318, 343, 349.

Соответственно, 44,4 % руководящих должностных лиц российских органов правосудия в 1851 г. не получило вообще никакого систематического образования. Да и среднее образование, полученное 16 председателями судов (кадетские корпуса, пансионы при университетах, те же самые уездные училища, гимназии), было явно недостаточным для успешного занятия отправление правосудия. Трудно понять, например, как мог эффективно справляться с судейскими обязанностями занимавший с 1845 г. должность председателя Калужской палаты гражданского суда Н. А. Писарев, выпускник кадетского корпуса 1812 г.³⁸

Итак, резюмируя изложенное, возможно с определенностью констатировать, что на государственной службе дореформенной России юридическая корпорация сформироваться не могла никоим образом. В этих условиях никакой остроты в судейско-прокурорской среде не стал бы расшифровывать аббревиатуру «У. У.» как «два университета». Эта фраза тогда никого бы не насмешила.

В качестве же *postscript'a* хотелось бы упомянуть о двух небольших группах служащих органов юстиции, для которых был характерен взаимный антагонизм, но вместе с тем и наиболее высокий уровень профессионализма. Одну из них составляли старшие канцелярские служащие судов, другую – пришедшие в ведомство Министерства юстиции выпускники упоминавшегося Императорского Училища правоведения. Благодаря профессионализму эти группы могли бы в перспективе выступить, аллегорически выражаясь, «кристаллами» формирования корпорации юристов на государственной службе. Но «кристаллом роста» суждено было стать лишь одной из них.

Группа секретарей и старших письмоводителей судов сложилась как однородно-профессиональная в русле стародавней российской традиции, когда при юридически неподготовленном судье состоял искинувшийся в практическом законоведении канцелярист. Традиция эта поддерживалась отсутствием в отечественном судопроизводстве (как уголовном, так и гражданском) гласности и состязательности. Итогом стало явление, которое возможно обозначить как «власть канцелярии» (или «власть судебной канцелярии»).

Однако неизбежная еще при Петре I «власть канцелярии» перестала быть таковой уже к началу XIX в. – в условиях нарастающего усложнения системы законодательства и государственного механизма требо-

³⁸ Список чинам Правительствующего Сената... С. 292.

вались специализация и профессионализация бюрократии³⁹. Одновременно менялся к худшему правовой и общественный статус старших канцелярских служащих. Занимавший достойное служебное положение и пользовавшийся уважением дьяк-законоискусник времен царя Алексея Михайловича необратимо выродился в пренебрежительно отвергаемого дворянским обществом коррумпированного секретаря-крючкотвора времен императора Николая Павловича.

Архаичная «власть канцелярии», т. е. решающая роль в отправлении правосудия старших канцелярских служащих, стала одной из язв дореформенной российской судебной системы. Как емко констатировал в 1886 г. отнюдь не отличавшийся либеральными умонастроениями выдающийся правовед и государственный деятель прокурор Московской судебной палаты Н. В. Муравьев, «секретарь-делец, хорошо изучивший судебную технику и все извивы старого судопроизводства... держал в своих руках прежнюю юстицию и, прячась за спиной судей, был фактическим распорядителем судебной власти»⁴⁰. А успевший четыре года отработать в дореформенном уездном суде П. Н. Костылев посвятил тогдашним секретарям прямо-таки проникновенные строки: «...Эти решители судеб обвиняемого, эти воротилы дел, раздаватели горя и милостей, мастера в обращении с законом»⁴¹.

Нечего и говорить, что никакого образования (зачастую даже среднего) старшие канцелярские служащие не имели, а профильными знаниями и навыками овладевали исключительно на практике. Представляется неоспоримым, что эти «судейские дельцы», не имевшие ни малейшего представления о теоретическом законоведении, едва не поголовно склонные к взяточничеству и к выработке неправосудных судебных решений, да к тому же ничем взаимно не связанные, никак не могли образовать собой кристалл формирования корпорации юристов. Иначе сложилась ситуация с выпускниками Императорского Училища правоведения.

Став первым и последним в Российской империи образовательным учреждением, специализированным на подготовке юристов для государственной службы, Императорское Училище правоведения сы-

³⁹ Об этой профессионализации и специализации в целом подробнее см.: *Миرون* Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 2. С. 501–511. См. также интересную главу «Бюрократизация, специализация и образование» отмеченного труда Р. Уортмана (*Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. P. 34–50*).

⁴⁰ *Муравьев Н. В. О судебной службе. Беседы с кандидатами на судебные должности // Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 1. С. 334.*

⁴¹ *Костылев П. Н. Записки // Рус. арх. 1909. Кн. 1, № 1. С. 146.*

грало в истории отечественных органов юстиции уникально значимую роль⁴². Дело в том, что немногочисленные выпускники училища обладали в массе своей не только глубокими и разносторонними познаниями в юриспруденции, но и твердыми представлениями о высоких моральных стандартах профессии, а также сильнейшим духом корпоративного единения (что обуславливалось закрытым и привилегированным характером их *alma mater* – при 6-летнем сроке обучения).

Представляется возможным с уверенностью предположить, что само слово «правовед» возникло и до начала XX в. использовалось в русском языке исключительно в значении «выпускник Императорского Училища правоведения». Если же еще вспомнить, что благодаря кадровой политике Министерства юстиции «правоведы» получали значительные карьерные преимущества, приоритетно продвигались по службе (как в центральном аппарате министерства, департаментах Сената, так и в региональных органах правосудия и прокуратуры), то станет очевидно, что именно эта внутренне спаянная «дружина “рыцарей права”»⁴³ явилась кристаллом зарождения корпорации юристов на государственной службе империи.

Как известно, в первой половине 1860-х гг. отечественные органы юстиции подверглись коренному преобразованию, став в полной мере обособленным сегментом государственного механизма. В России появилась полностью отделенная от органов управления судебная система, базисным элементом которой стала трехзвенная подсистема судов общей юрисдикции. Количество архаичных специализированных судов было минимизировано. Суд стал в значительной мере независимым.

Будучи структурно и функционально реорганизована, российская прокуратура получила принципиально новую компетенцию, систематически и целостно закрепленную в Судебных уставах 1864 г. Прокурор

⁴² О внутреннем устройстве, учебной программе и функционировании Императорского Училища правоведения, а также о духовной атмосфере в его стенах в предреформенный период наиболее подробно см.: *Сюзор Г. П.* Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. 1835–1910 гг. : ист. очерк. СПб., 1910. С. 116–147, 170–180, 231–236; *Wortman R.* The development of a Russian legal consciousness. P. 198–220; *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. С. 173–193.

⁴³ Так «правоведов» первых выпусков назвал их младший современник известный публицист присяжный поверенный Г. А. Джаншиев (*Джаншиев Г. А.* Деятели крестьянской реформы В. А. Арцимович // Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ : ист. справки. 7-е изд. М., 1898. С. 708).

оказался впервые наделен полномочиями государственного обвинителя, стал участником гласного и состязательного уголовного процесса.

Реформа затронула и органы следствия. В результате проведения следственной реформы 1860 г. в нашей стране были учреждены подведомственные Министерству юстиции судебные следователи. Следственные приставы МВД подверглись упразднению⁴⁴. Окончательное развитие институт судебных следователей получил в результате судебной реформы 1864 г.

В ходе той же судебной реформы 1864 г. должностные лица органов юстиции были наконец наделены особым правовым статусом. В частности, судьи судов и общей юрисдикции и судебные следователи получили уникальную для имперской России несменяемость. В системе пореформенной государственной службы возникла такая разновидность, как «судебная служба».

В рамках особого правового статуса для должностных лиц органов юстиции в качестве квалификационного требования был введен профильный образовательный ценз. Впервые он был предусмотрен в 1860 г., при основании института судебных следователей. Согласно ст. 3 Закона «Учреждение судебных следователей» от 8 июня 1860 г., к кандидату на должность следователя выдвигалось квалификационное требование о наличии у него высшего или среднего образования⁴⁵.

Осторожность, с которой законодатель подошел в 1860 г. к формулировке образовательного ценза для судебных следователей, имела очевидные основания. Учитывая дефицит в стране дипломированных юристов, требование об обязательности для следователей юридического образования было бы заведомо неисполнимым на практике. Особенно если принять во внимание, что Министерству юстиции предстояло в сжатые сроки заполнить свыше 900 следовательских вакансий.

Однако введение даже столь смягченного образовательного ценза встретило непонимание в регионах. Уже в 1860 г. Министерство юстиции столкнулось с попытками губернских властей продвигать на долж-

⁴⁴ Дольше всего следственные приставы сохранялись в штатах органов полиции Санкт-Петербурга и Москвы. В этих городах они просуществовали до начала 1866 г., до момента открытия там реформированных окружных судов. Эта деталь тогдашнего преобразования органов следствия нашла отражение в творчестве Ф. М. Достоевского. Проявив очевидное внимание к организации следственной части в столице, писатель совершенно корректно определил своего знаменитого Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании» следственным приставом (действие романа происходило, как известно, в 1865 г.).

⁴⁵ ПСЗ-2. Т. 35, отд. 1, № 33890.

ности следователей лиц, не имевших даже среднего образования, в основном из числа бывших служащих полиции. В ответ министерство заняло достаточно жесткую позицию, предписав губернаторам предлагать на следственные должности лиц, «преимущественно кончивших курс наук в высших юридических заведениях»⁴⁶ (что меняло в сторону ужесточения требования к кандидатам на должность следователя, закрепленные в ст. 3 «Учреждения судебных следователей»).

В ходе подготовки судебной реформы 1864 г. законодатель сохранил осторожный подход к введению образовательного ценза. С одной стороны, в ст. 66 «Основных положений преобразования судебной части в России» от 29 сентября 1862 г. (первой российской концепции судебной реформы) было внесено законодательное предположение о введении для судей, прокуроров, следователей и секретарей судов квалификационного требования о наличии у них высшего юридического образования. С другой стороны, в ту же статью была вписана оговорка, что в качестве альтернативы на соответствующие должности могут быть назначены лица без образования, а просто «доказавшие по службе свои познания по судебной части»⁴⁷.

В ходе выработки Судебных уставов приведенная формулировка ст. 66 «Основных положений...» вызвала дискуссию⁴⁸. Часть кодификаторов настаивала на факультативности образовательного ценза для судебного ведомства. В качестве доводов указывалось на дефицит дипломированных юристов, имевших необходимый опыт практической работы, а также приводилось соображение о том, что на службе в ведомстве состояли и такие лица, которые «хотя и не посещали курса юридических наук, но продолжительной службой в судебном ведомстве, при старании изучать законы, приобрели основательные познания по судебной части»⁴⁹. Сторонники безальтернативного введения правового образовательного ценза резонно указывали, что дефицит дипломированных юристов – это явление временное, в то время как обсуждавшаяся норма будет иметь постоянный характер.

Окончательное нормативное оформление профильного образовательного ценза для должностных лиц органов юстиции России прои-

⁴⁶ Отчет Министерства юстиции за 1860 год. СПб., 1862. С. 64.

⁴⁷ Основные положения преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 23.

⁴⁸ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд. СПб., 1867. Ч. 3. С. 134–136.

⁴⁹ Там же. С. 136.

зошло в связи с изданием Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. При утверждении проектов Судебных уставов законодатель склонился в конце концов все же к факультативности этого ценза.

Согласно ст. 202 «Учреждения судебных установлений» (кн. 1 Судебных уставов), для замещения должностей судей судов общей юрисдикции, прокуроров, судебных следователей и старших канцелярских служащих судов вводилось квалификационное требование о наличии у претендентов высшего юридического образования. Соответственно в качестве альтернативы оговаривалась возможность назначения на эти должности лиц, «доказавших на службе свои познания по судебной части»⁵⁰ (что явилось почти дословным воспроизведением приведенной выше формулировки ст. 66 «Основных положений...»). Как бы то ни было, единый для органов юстиции империи профильный образовательный ценз был введен.

Что касается развития юридического образования в 1860-е гг., то здесь необходимо отметить, прежде всего, увеличение набора на юридическую специальность в уже имеющихся образовательных учреждениях. В итоге уже в 1865 г. количество студентов-юристов достигло в нашей стране 2065 чел. (что составило 48,7 % общего числа студентов)⁵¹. Наряду с этим произошел ряд позитивных изменений в системе юридических образовательных учреждений.

Два образовательных учреждения подверглись преобразованию. В 1865 г. на базе Ришельевского лицея с его юридическим отделением был создан Императорский Новороссийский университет, в структуре которого изначально был предусмотрен юридический факультет. В июле 1868 г. Александр II утвердил мнение Государственного совета о превращении Демидовского лицея в Демидовский юридический лицей – специализированное высшее учебное заведение⁵². Наконец, согласно именному указу от 8 июня 1869 г., в России был основан но-

⁵⁰ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб., 1864. С. 27. В пореформенное время приведенная оговорка неоднократно подвергалась критике со стороны представителей юридической общественности, но так и не была *de jure* отменена (Захаров В. В., Ильина Т. Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX – начале XX века. С. 30–31).

⁵¹ Захаров В. В. Как готовить юриста. С. 46.

⁵² Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.): учеб. пособие. М., 2013. С. 68–80; 158–167. Официальное открытие Демидовского юридического лицея состоялось 30 августа 1870 г.

вый университет с юридическим факультетом – Императорский Варшавский⁵³.

В эпоху александровских реформ интенсифицировалось развитие российской юриспруденции, особенно отраслевых юридических наук⁵⁴. В Санкт-Петербурге и Москве начали возникать юридические научные общества, поначалу функционировавшие неофициально, как частные кружки. Первый такой кружок сложился в столице на исходе 1859 г., его организатором явился тогдашний обер-секретарь 2-го департамента Сената надворный советник Д. В. Стасов⁵⁵ (выпускник 8-го выпуска Императорского Училища правоведения).

Впрочем, регулярные собрания для неформального профессионального общения на правовые темы стали порой устраиваться и в провинции. По свидетельству известного судебного деятеля действительного статского советника М. Ф. Громницкого, в конце 1864 г. кружок такого рода образовали сотрудники губернских органов юстиции Воронежской губернии, начавшие еженедельно собираться «для бесед на разные темы, касающиеся судебного дела»⁵⁶. Остается добавить, что официальный статус первым обрело юридическое общество при Императорском Московском университете (Московское юридическое общество), устав которого был утвержден Министерством народного просвещения в феврале 1865 г.⁵⁷

Таким образом, возможно со всей определенностью констатировать, что в 1860-е гг. сложились все условия для формирования корпорации юристов на государственной службе Российской империи. К этому необходимо добавить, что формирование корпорации юри-

⁵³ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ». С. 83–93. Официальное открытие Императорского Варшавского университета состоялось 12 октября 1869 г.

⁵⁴ См. в первую очередь: Там же. С. 213–299; Головки Л. В., Ильютченко Н. В. Судебная реформа и развитие уголовно-процессуальной науки (на примере Московского университета) // Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов / под ред. Л. В. Головки. М., 2014. Т. 2. С. 238–250.

⁵⁵ Подробнее см.: Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. СПб., 2011. С. 114–118.

⁵⁶ Громницкий М. Ф. Из прошлого: (По личным воспоминаниям). I // Рус. мысль. 1899. Кн. 2. С. 63–64. Ядро кружка составили сотрудники губернской прокуратуры во главе с молодым губернским прокурором надворным советником Э. Я. Фуксом, выпускником юридического факультета Императорского Московского университета.

⁵⁷ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ». С. 193–197.

стов было несомненно ускорено благодаря кадровой политике Министерства юстиции.

Возглавлявшееся в 1862–1867 гг. реформаторски настроенным министром Д. Н. Замятниным и его заместителем «правоведом» Н. И. Стояновским ведомство целенаправленно повело линию на комплектование судейского и прокурорско-следственного корпуса лицами с высшим юридическим образованием (по существу, игнорируя после 1864 г. рассмотренную выше факультативную формулировку ст. 202 «Учреждения судебных установлений»). В этом отношении весьма характерно, в частности, циркулярное распоряжение министра юстиции № 8535 от 15 октября 1865 г., в котором предписывалось рассматривать в качестве кандидатов на должности судебных следователей, прежде всего, лиц, «получивших если не юридическое, то высшее образование»⁵⁸. Подобная кадровая политика министерства принесла свои плоды.

Так, к концу 1865 г. из 105 председателей губернских, областных и коммерческих судов профильное образование имел 51 чел. (48,6%), а из 98 заместителей председателей судов – 76 (77,5%)⁵⁹. К концу 1866 г. из 98 председателей судов дореформенного устройства («старых судебных мест», как они именовались в делопроизводстве министерства) высшее юридическое образование было у 55 чел. (56,1%)⁶⁰. В реформированных органах правосудия (окружных судах и судебных палатах) по состоянию на март 1868 г. среди 25 председателей судов лиц с юридическим образованием насчитывалось 19 (76,0%)⁶¹, преобладали среди них выпускники Императорского Училища правоведения (10 чел.)⁶².

Что касается образовательного уровня тогдашнего прокурорского состава, то, прежде всего, следует отметить, что в 1866 г. среди 13 обер-прокуроров Сената лиц с высшим юридическим образованием насчитывалось 12 чел. (92,3%)⁶³, причем девять из них (69,2%) явля-

⁵⁸ Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции: с 1 января 1865 по 1 мая 1870 г. СПб., 1870. С. 15.

⁵⁹ Отчет Министерства юстиции за 1865 год. СПб., 1867. С. 7.

⁶⁰ Отчет Министерства юстиции за 1866 год. СПб., 1869. С. 10.

⁶¹ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената, Департамента Министерства юстиции и судебных мест, образованных на основании Судебных уставов 20-го ноября 1864 года. СПб., 1868. С. 99–174.

⁶² Председатели Санкт-Петербургской и Московской судебных палат, Новгородского, Великолуцкого, Московского, Рязанского, Тверского, Ржевского, Рыбинского и Курского окружных судов.

⁶³ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. СПб., 1866. С. 5–59.

лись выпускниками Императорского Училища правоведения. Высшее юридическое образование имели все четверо прокуроров реформированных Санкт-Петербургской и Московской судебных палат и окружных судов.

К тому времени заметно улучшилась образованность и региональных прокуроров, несмотря на то, что в ходе проведения судебной реформы 1864 г. территориальные органы прокуратуры подлежали постепенной ликвидации и на губернских прокуроров *de jure* не распространялись требования профильного образовательного ценза из ст. 202 «Учреждения судебных установлений». По состоянию на июль 1866 г. из 60 губернских и областных прокуроров России высшее образование имели уже 53 чел. (88,3 % состава), из них высшее юридическое – 44 (73,3 %). При этом среди них, правда, оставалось двое лиц (3,3 %), не получивших никакого образования⁶⁴.

Среди юридически подготовленных региональных прокуроров заметно преобладали выпускники Императорского Училища правоведения (21 чел.; 35,0 % состава и 47,7 % от числа прокуроров–дипломированных юристов). Из девяти прокуроров с непрофильным высшим образованием четверо окончили Императорский Александровский лицей, трое – духовные академии, один – Главный педагогический институт и один – Императорскую медико-хирургическую академию⁶⁵.

По состоянию на март 1868 г. в ведомстве Министерства юстиции России числилось 26 прокуроров учрежденных в ходе реформы судебных палат и окружных судов и 48 губернских и областных прокуроров⁶⁶. Что касается прокуроров реформированных органов правосудия, то 100 % из них имели высшее юридическое образование. Основную долю среди этих прокуроров составляли выпускники Императорского Училища правоведения (12 чел., 52,2 % состава группы) и юридического факультета Императорского Московского университета (10 чел., 38,5 %).

⁶⁴ Прокуроры Костромской губернии и Дагестанской области.

⁶⁵ Наиболее экзотическое для должностного лица прокурорского надзора высшее медицинское образование имел назначенный в 1866 г. прокурором Пензенской губернии статский советник К. С. Абрамович (Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. С. 245).

⁶⁶ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената, Департамента Министерства юстиции и судебных мест, образованных на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 года. С. 99–174; Список чинам губернских и уездных судебных мест и Межевого корпуса. 1868. СПб., 1868. Ч. 2. С. 3–289.

Из региональных прокуроров в 1868 г. высшее образование имело 40 чел. (83,3 % состава), в том числе высшее юридическое – 34 (70,8 %). Остальные восемь губернских и областных прокуроров являлись выпускниками средних учебных заведений. Лиц без образования среди региональных прокуроров к тому времени уже не осталось.

Из губернских прокуроров – дипломированных юристов восемь окончили Императорское Училище правоведения (16,7 % состава группы), семеро – юридический факультет Санкт-Петербургского университета (14,6 %), шестеро – юридические факультеты Московского и Харьковского университетов (по 12,5 %). Меньше всего среди региональных прокуроров насчитывалось выпускников юридического факультета Императорского Дерптского университета (один человек⁶⁷). Среди губернских прокуроров с непрофильным высшим образованием доминировали выпускники духовных академий (три человека).

Согласно «Списку чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции» за 1866 г., численность следственного корпуса Российской империи составила тогда 1063 чел. (включая 100 временных судебных следователей)⁶⁸. Из этого числа 56 чел. занимали должности в открытых в апреле 1866 г. Санкт-Петербургском и Московском окружных судах, а остальные 1007 состояли в органах правосудия дореформенного устройства. Среди следователей окружных судов лица с высшим юридическим образованием составляли подавляющее большинство. В Санкт-Петербургском окружном суде из 25 следователей первого состава дипломированными юристами являлись 23 чел. (92,0 %), а в Московском окружном суде – 26 из 31 (83,9 %)⁶⁹.

Ситуация с образовательной подготовкой 1007 следователей, состоявших в штатах дореформенных судов и прикомандированным к ним, была в 1866 г. не столь благоприятной. Из числа этих лиц высшее образование имели 538 чел. (53,5 % состава), в том числе высшее юридическое – 497 (49,4 %). Тем самым общая доля дипломированных юристов среди судебных следователей России составила в 1866 г. 51,4 %. Вместе с тем в следственном корпусе тогда насчитывалось всего 11 лиц, не получив-

⁶⁷ Это был действительный статский советник К. А. Китер (*Konstantin von Kieter*), выпускник юридического факультета Дерптского университета 1834 г., сменивший в 1867 г. питомца той же *alma mater* Г. Ф. Шитце в должности прокурора Лифляндской губернии (*Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat*. S. 197).

⁶⁸ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. С. 141–342.

⁶⁹ Там же. С. 99–101, 120–122.

ших никакой образовательной подготовки (1,03 % состава). Остальные судебные следователи имели общее и среднее специальное образование, полученное в губернских гимназиях, уездных училищах, духовных семинариях, кадетских корпусах и иных подобных заведениях.

Не вызывает сомнений, что Министерство юстиции сумело в сжатые сроки добиться впечатляющего успеха в деле обеспечения юридически образованными кадрами как руководящего состава судов, высшего и среднего звеньев органов прокуратуры, так и корпуса судебных следователей. То, что уже в 1866 г. в России высшее юридическое образование имели все прокуроры реформированных судов, 92 % обер-прокуроров Сената, семь из каждых десяти губернских и областных прокуроров, а также каждый второй судебный следователь, представляется результатом, максимально возможным в тогдашних исторических условиях.

Остается заключить, что создание благоприятных условий для формирования судейской и прокурорско-следственной среды второй половины 1860-х гг. обеспечило становление корпорации юристов на государственной службе России. Что же касается исходного кристалла ее роста – микрокорпорации выпускников Императорского Училища правоведения, – то, не вдаваясь в подробности выдающейся роли «правоведов» в деле подготовки и проведения преобразования органов юстиции 1860–1864 гг.⁷⁰, остается упомянуть об их тогдашнем количестве. Как явствует из официального отчета, к исходу 1868 г. на службе в органах юстиции состояло 380 «правоведов»⁷¹. Вполне достаточно, думается, для зарождения и первоначального развития имперской профессиональной корпорации.

Подводя итог изложенному, можно с уверенностью предположить, что безвестный шутник из ведомства Министерства юстиции мог расшифровать аббревиатуру «У. У.» как «два университета» никак не ранее начала 1860-х гг. Именно тогда в ходе подготовки судебных преобразований отечественный законодатель осознал необходимость наделить должностных лиц органов юстиции особым правовым статусом в целом и ввести для них профильный образовательный ценз в частности. По мере реализации основных начал следственной и судебной реформ

⁷⁰ Об этом подробнее см.: Сюзор Г. П. Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. С. 236–254.

⁷¹ Отчет Министерства юстиции за 1868 год. СПб., 1871. С. 79.

1860–1864 гг. судьи, прокуроры и следователи России стали наконец юристами, образовав корпорацию на государственной службе империи (кристаллом формирования которой явились выпускники Императорского Училища правоведения). А фраза о «двух университетах» заняла с тех пор бесспорно почетное место в ряду острословных корпоративных изречений.

Глава 6. Социальные маркеры в зеркале прессы начала XX в.

Культурная идентификация представляет собой неотъемлемую часть процесса социализации индивида. Она помогает ему усваивать действующие в обществе нормы и ценности, формировать свои интересы, исполнять социальные роли. Ее результатом является чувство принадлежности к определенным социальным, этническим, конфессиональным группам, отдельным коллективам. Такое отождествление облегчает восприятие сложившихся «правил игры» или – выражаясь более формально – институтов, организующих взаимодействие между людьми¹. Но в переломные исторические периоды здесь возникают проблемы. Радикальные социально-институциональные трансформации вынуждают людей искать новые модели поведения, позволяющие более или менее успешно адаптироваться к меняющемуся миру. Во время таких переходных состояний, допускающих различные варианты преобразования общественной жизни, появляется возможность выбора того, как себя вести, с кем идентифицировать, какие индивидуальные, социальные, культурные параметры идеальной личности считать предпочтительными². В результате происходит массовая смена идентичности, а общество в конечном счете расслаивается на тех, кто способен вписаться в новую реальность, а кто – не очень; кто поддерживает преобразования, а кто – нет. Такой раскол ведет к росту конфронтационных настроений. Их катализатором зачастую является интенсивное заимствование «чужих» культурных образцов, к которым многие не успевают адаптироваться. С подобным феноменом неоднократно сталкивалось российское общество. В частности, это имело место накануне революционных потрясений начала XX в. и проявлялось прежде всего в городах, являвшихся центрами перемен.

В первую очередь это были, конечно, столицы Санкт-Петербург и Москва. Однако аналогичные процессы наблюдались и в провинции, в динамично развивающихся центрах. Их отличали высокая концентрация торгового и промышленного капитала, рабочей силы, средоточение административных функций и культурной жизни. Как правило, они были встроены в формирующиеся системы общероссийских

¹ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

² См.: Лал Д. Непреднамеренные последствия. М., 2007. С. 15.

транспортных коммуникаций и средств связи. Это облегчало доступ к информации, создавало благоприятные условия для непосредственного усвоения (восприятия) ценностей, эстетических вкусов, образцов поведения иной культуры. Конечно, региональная специфика накладывала свой отпечаток на данный процесс. Складывалась определенная культурная неоднородность страны, даже если говорить об «исконно» русских территориях³. Тем не менее вектор изменений в идентичности, характерный для образованных и состоятельных слоев населения крупных городов, мало чем отличался в региональном разрезе. В этом отношении весьма показательны уральские города, особенно Екатеринбург. Наблюдавшиеся здесь тенденции были свойственны всей российской провинции. Следовательно, их понимание способно многое прояснить в культурной динамике как в конкретно локализованной части периферии, так и в масштабах всей страны.

В советский период проблеме культурной идентичности не уделялось должного внимания, хотя отдельные аспекты формирования нового быта как проявление перемен в общественном сознании фиксировались в ряде работ этнографического характера⁴. Этот пробел во многом восполнен современной историографией. Стали исследоваться разнообразные сферы повседневной жизни. Наблюдаемые в них изменения вписываются в широкий исторический контекст. Делаются попытки объяснить, как и почему у людей менялось восприятие окружающего мира, какие эталонные нормы и ценности начинали доминировать, как это сказывалось на быте, нравах, профессиональных занятиях и общественном поведении людей. С другой стороны, анализ структур повседневности используется для реконструкции сдвигов, наблюдавшихся в общественном сознании. В основном это реализуется на материалах столичной истории. Провинциальным городам «повезло» меньше. Правда здесь тоже накоплен заметный научный задел. Активно изучаются материальный быт и профессиональные занятия горожан, их времяпрепровождение и внутрисемейные отношения, организация и самоорганизация отдельных социальных слоев. Однако эти данные пока мало увязываются с реальными подвижками в индивидуальной

³ См.: Крылов М. П. Региональная идентичность населения Европейской России // Вестн. Рос. акад. наук. 2009. Т. 79, № 3. С. 266–267.

⁴ См.: Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: конец XIX – начало XX в. М., 1971; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.

и групповой идентификации⁵. Попытка в какой-то мере восполнить этот пробел реализуется в настоящей главе.

Конец XIX – начало XX в. иногда справедливо называют «веком модерна». Это было время зримых перемен в повседневной жизни. Происходило как бы ее раскрепощение, ослабление власти традиций. Растущее влияние на восприятие социального и культурного опыта стали оказывать сциентизм, рационализм, мода. Одновременно распространялось убеждение в неограниченных возможностях воспитания и образования в деле формирования человека «современного» типа. Эти идеи находили все большее число сторонников в силу появления массового субъекта, готового к корректировке своей культурной идентичности. Таково было следствие интенсивного развития капиталистического уклада, сглаживания сословных барьеров. Менялся и сам облик городов. В них увеличивалось количество зданий и сооружений, связанных с предпринимательской деятельностью, а также с развитием массовой культуры. Присущие городу суета и яркость создавали у горожан и приезжих иллюзию праздничности. Ярмарки, массовые гулянья и частые увеселения лишь усиливали ее. Казалось, что города предоставляют бесконечные возможности для выбора. Здесь не чувствовалось прямое принуждение, а ограничения связывались лишь с уровнем финансовой состоятельности и умением заработать. Такая среда благоприятствовала восприятию европейских новаций. Это касалось не только представителей высших классов, но и «широких слоев». Поэтому и процесс идентификации проходил в нескольких плоскостях. Общим было стремление отвечать современным требованиям. Но выражались они по-разному. Недавним выходцам из деревень не хотелось отличаться от городских старожилов. «Коренные» жители провинциальных городов старались ни в чем не уступать «столичным», а представители элитных групп равнялись на зарубежные образцы. В то же время новации встречали жесткую оппо-

⁵ См.: *Муравьева И. А.* Век модерна: панорама столичной жизни. СПб., 2001. Т. 1; *Засов Д., Пызин В.* Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков: Записки очевидцев. М., 2003; *Захарова О. Ю.* Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003; *Руга В., Кокорев А.* Москва повседневная: Очерки городской жизни начала XX в. М., 2006; *Петербургские трактиры и рестораны.* СПб., 2006; *Забозлаева Т. Б.* Шампанское в русской культуре XVIII–XX веков. СПб., 2007; *Миненко Н. А., Анкаримова Е. Ю., Голикова С. В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006; *Лавицкая М. И.* Орловское потомственное дворянство второй половины XIX – начала XX в. Орел, 2005; *Ее же.* Орловское купечество второй половины XIX – начала XX в. Орел, 2007; *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX в.: социальные и культурные аспекты. М., 2008.

зицию со стороны приверженцев традиционных взглядов. В конечном счете их столкновение создавало предпосылки для культурного раскола общества. Отсюда возникала настоятельная необходимость искать социальные регуляторы, которые бы помогали людям адаптироваться к новым условиям в меняющемся мире.

Отчасти эту функцию выполняли средства массовой информации. Многочисленные печатные издания не только информировали читателей о событиях, но также играли просветительскую, воспитательную и развлекательную роль. Своими заметками, репортажами, публицистическими статьями они формировали общественное мнение, задавали ценностные ориентации. Поэтому содержание газетных материалов позволяет оценить, как менялась система образов и поведения, которыми люди руководствовались в повседневной жизни, их представления о мире и собственном месте в нем. Конечно, пресса была рассчитана на читающую публику. Ее аудитория ограничивалась более или менее состоятельными и образованными людьми. К тому же статьи публицистического, просветительского и пропагандистского характера скорее отражали представления авторов, редакторов и издателей о должном, чем реальную картину. Более достоверные сведения содержали информационные материалы, например, реклама и различные объявления. Последние обладают особенно высокой исследовательской значимостью, так как на пропагандируемые ими качества вещей или услуги наглядывались ценностные смыслы.

Сказанное в полной мере относится к провинциальной прессе. По своему содержанию она во многом была аналогична общероссийской. Многие газеты позиционировали себя как «издаваемые по типу столичных». Их, как правило, отличал большой по нашим меркам формат и потрясающее многообразие рекламы – во весь внешний разворот. Собственно местная хроника занимала газетного места больше, чем общероссийская и иностранная вместе взятые. Статьи публицистического и просветительского характера также пропагандировали прагматизм и рационализм, акцентировали внимание на важности учета индивидуальных качеств и стремлений людей, необходимости следования «современным» образцам поведения. В целом же по газетным материалам можно вполне адекватно оценить, в каком направлении менялась повседневная жизнь. Содержащиеся в них свидетельства об обустройстве вещной среды обитания, формах удовлетворения физиологических потребностей, внутрисемейных отношениях, способах проведения сво-

бодного времени, организации воспитания подрастающего поколения имеют важное значение для реконструкции духовного мира человека. Если в этих жизненных практиках фиксируются существенные подвижки, то вывод очевиден: в обществе происходит активный процесс переосмысления норм, ценностей, эстетических предпочтений, идеологических установок и привлекательности тех или иных социальных ролей.

Естественно, здесь возникает вопрос о корректной интерпретации материалов прессы. Думается, эта проблема вполне решаема. Нужно только учитывать функции прессы и строить выводы на основе герменевтического прочтения текстов⁶. Важно также иметь в виду свидетельства других источников, включая вещественные и изобразительные. Тогда можно получить представление о том, как глубоко идеи рациональности, стремление к переменам, убеждения в возможности воспитания человека с целенаправленно заданными качествами проникли в реальную жизнь.

6.1. Рационализация быта

Как правило, чтобы подчеркнуть актуальность предприимчивости и практичности, ссылались на опыт Америки. Так, ее ставили в пример, когда говорили о необходимости ввести цветовую рекламу на улицах Екатеринбурга. Например, в фельетоне с критикой новогодних визитов также противопоставлялось отношение ко времени русских и американцев. «Для нас, флегматичных русских (в отличие от американского лозунга “The time is money”), время ничего не стоит»⁷. И даже некоторые клубы в провинции называли «Америка», наверное, чтобы показать приверженность их членов идеалам деловитости. Журналы советовали мужчинам более простые и демократичные варианты одежды. Английского денди, французского аристократа в качестве положительного героя постепенно заменяет американский бизнесмен, хотя базовый вариант мужского костюма из добротной шерстяной ткани в темных тонах, комфортного в носке, оставался в силе. Внешний вид «настоящего мужчины» должен был подчеркивать достоинства буржуазной эпохи: поря-

⁶ См.: Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история : ежегодник, 1998/1999. М., 1999. С. 66.

⁷ Екатеринбургская неделя. 1896. № 1. Ст. 3.

дочность, ответственность, надежность и респектабельность⁸. Наравне с женщинами мужчины начинают активно ухаживать за своей внешностью. Это относилось не только к аристократам, имеющим много свободного времени. Реклама была направлена на людей служащих, желающих хорошо выглядеть без особых усилий. Именно поэтому неуместная яркость в мужской одежде подвергалась критике. «Красные фраки, показавшиеся одно время на балах в Париже, были не особенно красивым нововведением и при полном освещении и блеске бала неприятно резали взор. Красные костюмы красивы на охоте в зелени лесов, где приходится видеть друг друга издали»⁹.

Но все-таки в большей мере обустройством повседневной жизни занимались женщины. Рост их социальной активности находил отражение в тематике средств массовой информации. Журналы все чаще стали обращаться именно к этому кругу людей, «небогатых, но развитых, способных оценить не только практичность, но и уловить тона изящества, которые способны расцветить и скрасить скромную жизнь»¹⁰. Больше внимание им стали уделять журналы общественно-политические, рассказывая об истории происхождения повседневных вещей, последних достижениях в развитии медицины, науки и техники. Одним из самых дешевых был журнал «Семьянин», который был рассчитан на зажиточных крестьян, купцов, чиновников и ремесленников. Журнал сообщал о новостях искусства, науки, культуры и общественной жизни, знакомил своих читателей с родной страной, ее богатствами, бытом населяющих Россию народов. Печатались биографии знаменитых русских ученых. Специфический «семейный» материал помещался под рубриками «Домострой», «Полезные советы», «Простая речь о мудрых вещах», «Разные разности», «Семейная библиотека». Как и остальные популярные издания, он своими советами старался помочь женщинам обустроить свою жизнь в городе рационально, нацеливая их на покупку добротных, но недорогих товаров. Пропагандировалась буржуазная добродетель – не переплачивать. Спектр информации был широким: правильная организация питания, новинки бытовой техники, грамотный уход за детьми и организация досуга маленьких и взрослых. Советы давались в сравнительно жестком стиле. Не редкими были фразы: «разумная мать должна», «хозяй-

⁸ См.: *Вайнштейн О. Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005. С. 519.

⁹ *Семьянин.* 1894. Т. 1. С. 185.

¹⁰ Там же. С. 175.

ка должна», «первое правило порядочности» и т. п. Довольно охотно приводились положительные примеры из зарубежной жизни, хотя и учитывались значительные различия культур. «Там все шумно, бурливо, интересно, пестро, нарядно, но мимолетно; здесь все спокойно, мирно, сановито, однообразно, скучно, серо, но глубоко и прочно»¹¹. И тем не менее в качестве примера бережливой и заботливой хозяйки выступала француженка. Кокетство, в смысле опрятности, изящества, сочеталось у нее с хозяйственностью. А российским молодым девушкам, которые стараются каким-то образом устроить свою жизнь или ищут подходящих занятий, доходчиво объясняли, что в строго разграниченном обществе Англии или Франции дочь лавочника не бросает взгляды на красивого, но ничего не имеющего офицера. «У нас все перепутано: девушки сплошь и рядом выходят замуж за недоучек юношей и затем вместе с мужем становятся несносным бременем для семьи своих родителей. Девушка должна вносить в дом свою посильную и всестороннюю помощь, а не выжимать из дома последние гроши на свои наряды и удовольствия. Слава скромности и умения хозяйничать и довольствоваться скромной долей скорее доставит ей жениха, нежели все выезды и модные тряпки, нередко сшитые в долг»¹². Обращая внимание девушек, что времена изменились и брак, в том числе и для мужчин, становится серьезной ношей, журналы советовали быть не столько красивой, сколько разумной и изящной. «Веселость, здравый и тонкий ум, естественность и здоровье часто с избытком заменяют красоту»¹³. Иначе говоря, женщинам советовали выбирать практические жизненные стратегии, основанные на инициативе, креативности, активной позиции и широте кругозора.

Необходимость вести хозяйство и дороговизна жизни вынуждали проявлять фантазию даже в рутинной повседневности. Женские журналы охотно поддерживали в женщинах мысль, что можно быть элегантной и заниматься скромными домашними делами: стряпать, убирать, мыть посуду. Практичная серьезная женщина, если на ней лежат хозяйственные заботы и воспитание детей, не может тратить большие деньги на свои наряды. А вот француженка всегда сумеет одеться изящнее и лучше любой богатой русской барыни. И все потому, что, ока-

¹¹ Жемчужина русской гениальности // Отдых. 1903. № 4. С. 28.

¹² Для молодых девушек // Семьянин. 1894. Т. 1. С. 133.

¹³ Домострой // Там же. С. 181.

зывается, «француженки обладают природным вкусом, в каждой сидит искусная и практичная портниха»¹⁴.

Удостаивались похвалы те дамы, которые своими рукоделаниями могли привнести яркие краски в жизнь своей семьи и при этом сохранить бюджет. Они всегда, по наблюдению авторов статьи, были прекрасно одеты, хотя и не обладали большими средствами. И снова в качестве примера счастливого сочетания красоты и простоты приводились зарубежные образцы. «Практичная американка обладает вообще тонким вкусом и умеет скрашивать однотонность домашнего обихода разными милыми и приятными для глаз пустяками. Живое воображение позволяет им разнообразить домашнюю обстановку. Они ввели в моду дополнять цветами и лентами красивую сервировку стола. Каждый стакан, графин, салфетку, ложку, вилку они искусно украшают бантами из узких лент, что придает сервировке изящный тон»¹⁵.

Святой обязанностью женщины считалось быть примером нравственности и добродетели для детей и окружающих. Она должна была экономно вести свое хозяйство, знать правила гигиены, проявлять живой интерес к последним достижениям в различных областях жизни. «Два краеугольных камня хозяйства: время и деньги. Время – в смысле порядка, постоянного и неизменного соблюдения часов вставания и отхода ко сну, часов еды, занятий, то же самое и у прислуги относительно кухни, стирки и глажения белья и уборки посуды. На все определенный день и час. Деньги – самое важное в хозяйстве. Хозяйка должна знать свой приход, чтобы не только не превысить его расходом, но уметь сберечь еще копейку. Надо раз и навсегда отказаться от покупок в долг»¹⁶. Строгость по отношению к себе и окружающим, умение держать себя в руках, сдержанность – вот что должно было отличать благовоспитанную женщину в идеале. «Женщина, уважающая себя, должна относиться осторожно и обдуманно к своим покупкам. Чем женщина беднее, тем она строже должна относиться ко всякому кредиту и стараться брать все на наличные деньги. Надо много выдержанности и аккуратности, чтобы не запутаться в кредите и отдать свой долг в определенный срок. Порядочная женщина не должна допускать никакого не относящегося к делу разговора с приказчиком,

¹⁴ В царстве моды // Последняя мода. 1909. № 4–5. С. 3.

¹⁵ Безделушки // Там же. № 2–3. С. 13.

¹⁶ Хозяйка в заботах о семье // Семьянин. 1894. Т. 1. С. 190.

должна быть вежлива, ровна, без всякого оттенка сухости или превосходства, хотя и не многоречива»¹⁷.

Иногда авторы журналов высказывали мнение не только по поводу рационализации повседневности, но и в отношении моральных установок универсального характера. Журналы обсуждали различные проблемы, связанные с последними достижениями медицины, психологии и т. д. Некоторые тезисы даже сегодня могут показаться чересчур радикальными. «Можно удивляться старикам, оказывать им попечение, но продолжение их жизни не может и не должно занимать внимание общества; совершенно иного взгляда приходится обществу держаться в вопросе об уменьшении числа весьма убыточных для страны смертей в зрелом возрасте, т. к. эти взрослые не возвратили еще народу того, чего они стоят ему, да еще оставляют бремя после себя. Вот к уменьшению смертных случаев этого рода и должны дружно стремиться усилия правительства, общества и науки»¹⁸.

Довольно резкое высказывание было лишь частью общей тенденции более внимательного отношения к научным разработкам в области медицины, своему здоровью вообще. Здоровье становится своего рода капиталом, от него зависели работоспособность и профессиональный успех. Рынок товаров и услуг моментально отреагировал на эти требования времени. Наблюдалась тенденция все большей зависимости людей в их повседневной жизни от медицины. Зримо увеличилось количество объявлений практикующих врачей различных специальностей. Их услуги становились более доступными. Росло число лекарственных средств, которые можно было приобрести без рецепта. К различным зубным порошкам и эликсирам для полоскания добавились карандаш от насморка, пластырь от мозолей и бородавок, мыло, которое «уничтожало веснушки, загар, желтые пятна, прыщи и угри, а также действовало против излишней потливости»¹⁹. Утверждалось, что женщина должна выглядеть естественно, не злоупотреблять искусственными средствами. С другой стороны, считалось недопустимым, чтобы кожа была загорелой или хотя бы покрасневшей от солнца, как у людей рабочего сословия. Так что осветляющие кремы и белая рисовая пудра были необходимы.

Реклама убеждала, что с помощью последних достижений в производстве косметики и парфюмерии можно эффективно корректиро-

¹⁷ Семьянин. 1894. Т. 2, март. С. 174.

¹⁸ Среднее время человеческой жизни // Там же. Т. 5. С. 203.

¹⁹ Екатеринбургская неделя. 1894. № 39.

вать внешний вид женщин и мужчин, в том числе дольше сохранять молодость. Местные уральские газеты также призывали читателей войти в число счастливых, обладающих хорошими волосами, с помощью мыла, которое «совершенно устраняло перхоть и необычайно содействовало росту волос»²⁰. Там же предлагались различные средства со звучными иностранными названиями: «японский крем “Банзай”», «Яволь» и пр.

К соблюдению современных требований гигиены стремились различные категории горожан. Популярный журнал писал: «Гигиена коснулась всех условий нашей жизни, личной и общественной, заглянула в нашу обыденную, домашнюю обстановку, в школу, в мастерские, во все места, где люди вместе сходятся и вместе работают, освещая неприглядные, нездоровые условия человеческого существования»²¹. Распространенным явлением становится реклама различных дезинфицирующих средств. «Здоровый и красивый человек нашего времени обязан этим важным в жизни качествам, прежде всего, правильному уходу за телом. Опрятность играет при этом первостепенную роль»²².

Этому способствует поддержание в чистоте не только тела, но и всего жилища. Довольно заметным был процесс заполнения городских квартир и домов разнообразной утварью и бытовой техникой. Увеличивается количество различных щеток с разными функциями. Например: щетка с длинной ручкой, чтобы можно было доставать до потолков, широкая паркетная щетка, щетка для мягкой мебели, «выбивалка» для шелковой мебели или портьер, щетка-«ковроочиститель», последняя была достаточно широкой и передвигалась на колесиках²³. Как самое эффективное средство борьбы с пылью описывался аппарат, который приделывался к длинной щетке, а пыль всасывалась мощным током воздуха в особый мешок. «Уже теперь повсюду за границей в домах имеются вода, электричество или газ. Тогда наступит рациональная чистка домашних вещей, платья, ковров и вместе с пылью будут удаляться микробы»²⁴.

Для домашней стирки в городских условиях стали рекомендовать использование стиральных машин: «Хорошая машина меньше портит

²⁰ Уральская жизнь. 1909. 14 июня.

²¹ Хозяйство и гигиена // Хозяйка. 1902. № 55. Ст. 1577.

²² Уральская жизнь. 1914. 15 мая.

²³ Хозяйка. 1906. № 29. С. 807.

²⁴ Там же. 1908. № 8. С. 7.

белье, чем усиленное трение его руками, только следует выбирать менее сложную конструкцию. Руководство и объяснения прилагаются к каждой машине»²⁵. Аналогичная информация повторяется и непосредственно в рекламе одной из стиральных машин: «Паромойка Иона – непобедимая стиральная машина. Стирает исключительно паром и одновременно дезинфицирует белье. Ничуть не нарушает и не портит белье»²⁶.

Утюги большей частью употреблялись железные, причем разного размера. Но более современными считались утюги, нагревающиеся изнутри углями, электрические, газовые, спиртовые. Особенно подчеркивалось, что последние удобны для путешествий²⁷.

Советы и информация по домоводству касались различных, даже, казалось бы, незначительных мелочей. «Практичные иностранцы, экономя в расходах, заботятся о том, чтобы их вещи не портились. Недавно в продаже появились новые железные крючки для сушки белья с фарфоровыми роликами, выпущенные фирмой “Архимед”. Они не рвут веревки, не ржавеют и не страдают от условий погоды»²⁸.

В связи с этим следует отметить еще одно изменение сугубо ментального характера. Чистота тела, использование косметических средств обрели положительную окраску в глазах добропорядочных граждан. Частое мытье, хотя еще и недоступное большинству, перестало ассоциироваться только с жизнью фатов и кокоток, которые были первыми потребителями новейших усовершенствований в области гигиены²⁹. Теперь молодым девицам внушалось, что чистота и привлекательность – почти синонимы. Разнообразие гигиенических практик предопределялось привлекательностью новизны и размытием сословных границ³⁰. В городах стали прислушиваться к советам врачей, гигиенистов, журналистов, предпринимателей. Борьба феминисток за признание нравственного превосходства женщин и их красоты приводила к тому, что первые суфражистки позволяли себе быть ухоженными, искусно подкрашенными, хорошо одетыми, иногда даже с элементами мужского гардероба. Заметно поменялись идеалы телесного здоровья и красоты.

²⁵ Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 127.

²⁶ Уральский край. 1910. 4 июля.

²⁷ Женская энциклопедия. С. 127.

²⁸ *Новь* – Хозяйка дома: Мода и домоводство. 1901. № 3. С. 7.

²⁹ *Вайнштейн О.* Шампанское для чистки ботинок // *Родина*. 2000. № 8. С. 110.

³⁰ *Гусарова К.* Тело на распутье: взгляды на чистое и грязное во второй половине XIX века // *Теория моды. Одежда. Тело. Культура*. 2008. № 7. С. 154.

Все чаще звучат призывы к стройности, активности и занятию спортом. «Зачем оставаться толстыми? Порошки д-р Маркони. Это единственное, разумное, верно действующее и безвредное для здоровья средство. Разрешена продажа без рецепта»³¹. Обращались ко всем и в довольно настоятельной форме: «Каждая женщина может сделать красивой и надолго сохранить свою красоту»³².

Обсуждение структуры и качества питания также становится публичным делом. Традиционные блюда в большинстве своем сохранялись, на первый план выдвигаются вопросы культуры питания: представления о рациональном питании, диетах, витаминах, соблюдении режима. Учитывая, что процесс приготовления еды в тех условиях был трудоемким, весьма актуальной была реклама различного рода полуфабрикатов, начиная со сгущенных натуральных соков, позволяющих быстро приготовить разнообразные сладкие блюда³³.

Женские и специальные журналы («Наша пища», «Молодым матерям») со ссылками на достижения современных физиологов и гигиенистов давали советы по выбору различных диет, а также питанию и ведению домашнего хозяйства. «Молочная мука Нестле пользуется свыше 40 лет на всем земном шаре громадным успехом и рекомендуется медицинскими авторитетами как лучшее питательное средство»³⁴.

В магазинах и лавках в продаже появляются новые продукты питания, например, маргарин, овсянка «Геркулес», питательные галеты, внедряются в массовое потребление колониальные товары: какао, кофе, экзотические фрукты и овощи. Эти же самые продукты и чрезмерное следование модным диетам становятся предметом насмешек. «Вместо пасхального окорока можно бы ввести во всеобщее употребление угощать гостей овсянкой “Геркулес”, а вместо рождественского гуся, предлагать питательные шоколадные галеты, а поросенка заменить пилюлями от инфлюенции»³⁵.

Новые технологии стали оказывать свое влияние даже на такую устойчивую часть культуры, как кухня. Так, для напитков предлагались грушевый, клюквенный, ананасный сиропы. Из других эссенций возможно было, согласно рекламе, простым домашним способом приго-

³¹ Слово Урала. 1908. 6 февр.

³² Новый журнал для всех. 1909. № 3. Ст. 122.

³³ Екатеринбургская неделя. 1893. № 22; Слово Урала. 1908. 6 февр.

³⁴ Слово Урала. 1908. 27 марта.

³⁵ Шут. 1896. № 4.

товить английскую, полынную, рябиновую, вишневую и прочие водки. Традиционным летним напитком оставался квас, который стал изготавливаться не только домашним, но и фабричным способом³⁶. Благодаря научным открытиям упростились и некоторые трудоемкие стороны повседневной жизни. «ВЕСЬМА оригинальный и практичный новоизобретенный прибор. Аппарат-кухня с сухой вечно не портящейся массой, благодаря которой аппарат-кухня моментально зажигается и горит сильным пламенем без копоти и дурного запаха, горение 1 к. в час. Абсолютно безопасно. Чудо-кухня необходима каждому семейному и холостому, гг. офицерам незаменима в походе. Благодаря складному прибору служит походной кухней»³⁷.

Большая часть рекламы продовольственных товаров была направлена на продвижение на рынке престижных продуктов. Это касалось спиртных напитков, сладостей, кофе, какао и пр. Одной из самых известных была реклама главного козыря Шустова – «Несравненной рябиновой»: «Не забудьте о рюмке Несравненной рябиновой Шустова при каждом завтраке, обеде и ужине. Вы получите одновременно и удовольствие, и пользу»³⁸.

Мнение врачей в области женского здоровья было настолько значимо, что оно даже учитывалось создателями корсетов, участвовавшими во Всемирной выставке в Париже 1900 г. «...Можно было наглядно убедиться, чего достигла гигиена и эстетика, соединившиеся вместе для создания нового, вполне безвредного и вместе с тем красивого корсета. Новая форма корсета выдвинула на первый план несколько заброшенный за последнее время фасон платья “принцесс”»³⁹. Обувь также стала объектом внимания и предметом обсуждения общественности, но уже с точки зрения ее вредного влияния. «Искусственно вызванное положение ноги вследствие ношения высоких каблуков ведет ко многим расстройствам здоровья, которые могли бы быть избегаемы. Любители, а особенности любительницы высоких каблуков должны серьезно подумать о том, насколько возобновившаяся мода носить высокие каблуки может оказаться вредной для их здоровья»⁴⁰.

³⁶ Уральский край. 1911. 2 марта.

³⁷ Екатеринбургская газета. 1906. № 1.

³⁸ Уральская жизнь. 1914. 18 апр.

³⁹ Новая эра дамских мод // Иностр. лит. 1901. № 6. С. 81–82.

⁴⁰ Вредные последствия от высоких каблуков // Здравие семьи. 1905. № 4. С. 32.

В конце XIX в. появляется иллюстрированный журнал общепользовательных сведений в области питания и домоводства «Наша пища». В редакционной статье отмечалось, что «...наши физиологи и гигиенисты Ф. Эрисман, Якоби, Сеченов и др. сделали много изысканий, открыли многие законы питания, выработали нормы пищевого довольствия. Цель издания – дать возможность читателю сознательно отнестись к таким важным вопросам, как выбор пищи. Улучшение питания тесно связано с материальным благосостоянием. Поэтому будет отведено место и организации хозяйства»⁴¹.

Объектом внимания становится не только общественная жизнь, но и домашний досуг. Предлагается большое количество различных сценариев для постановки небольших спектаклей, проведения музыкальных вечеров. Появляются журналы для детского и семейного чтения, настольные игры. Технические новинки также помогали разнообразить проведение свободного времени. «Теперь счастье и радость Вашей семьи зависит только от Вас! Продажа французских граммофонов»⁴².

Эта тенденция находилась в общем русле формирования понятия здорового образа жизни, который позволял человеку со всей полнотой правильно выполнять свои социальные функции работника, супруга, родителя, участника дорожного движения и т. д. Здоровье стало экономическим фактором, условием выживания, возможностью реализовать свой потенциал, а не только символом благополучия семьи.

Такое внимание озабоченной общественности и профессионалов к проблемам принятия решений и выбора поведения подчеркивает еще одно важное изменение. Традиционные социальные регуляторы теряют свою ведущую роль. Городское население в большей мере начинает ориентироваться на различные новинки и модные образцы. «В моде институциональные аспекты подчинены стихийно формирующимся тенденциям социокультурной инновации и массового отбора соперничающих культурных образцов. Внимательный наблюдатель, зная значение различных символов, может по господствующей “моды” определить явные и латентные ценности, господствующие в обществе»⁴³.

⁴¹ Наша пища. 1891. № 1. С. 3.

⁴² Слово Урала. 1908. 6 февр.

⁴³ Гофман А. Б. Мода и люди. М., 1994. С. 34.

6.2. Феномен моды

Мода распространяется и на представления о должном уходе за собой. Врачи и гигиенисты, а затем и просвещенные круги начинают пропагандировать здоровый образ жизни. Наряду с соблюдением простых правил чистоты он включал в себя различные варианты намеренного моделирования тела: физические упражнения, массаж, диеты. «В настоящее время среди культурных народов тучность не в моде. Всем известно, что в этом вопросе главным образом заинтересованы дамы, которые при первых признаках начинающейся тучности уже готовы на какие угодно жертвы и охотно проделывают всевозможные способы лечения от ожирения, хотя, к сожалению, редко по назначению врача и под его непосредственным наблюдением. Часто, однако, такое лечение проделывается только в косметических целях, даже без требования моды. Нужно сказать правду, что и многие мужчины тоже не всегда равнодушно относятся к изменению внешних форм вследствие отложения излишнего количества в теле»⁴⁴. Врачи в этот период сделали влиятельной экспертной группой, облеченной общественным доверием. Они давали советы, касающиеся разнообразных сторон повседневной жизни, отводя важную роль профилактике многих заболеваний.

Производители самых разнообразных товаров своей рекламой также вносили вклад в распространение новых взглядов, обращались ко всем и в довольно настоящей форме: «Каждая женщина может сделать себя красивой и надолго сохранить свою красоту. Крем “Ренессанс” создает, поддерживает и возвращает красоту, молодит и делает лицо юношески свежим, уничтожает угри, прыщи, веснушки, морщины, гусиные лапки, вообще очищает лицо, делает кожу гладкой и красивой»⁴⁵.

Карикатуристы, наблюдая за реальной жизнью, по-своему откликнулись на актуальные модные тенденции и находили интересные сюжеты. В частности, один из рисунков предлагал использовать гигиенический шлейф на колесиках для прогулок по улицам. Подпись под картинкой гласила: «Даже самая пикантная дама не поднимет никакой пыли»⁴⁶. Некоторые предлагаемые модные изобретения были не лишены оригинальности и игривости. Например, туфли, в каблук которых вделаны часы, заставляющие дам принимать пикантные позы. Была обувь и для

⁴⁴ Тучность // Здравие семьи. 1905. № 2. С. 2.

⁴⁵ Новый журнал для всех. 1909. № 3. Ст. 122.

⁴⁶ Наши дни. 1912. № 8. С. 8.

золушек: с игольницей вместо брошки. Не меньшее внимание уделялось многочисленным дополнениям, которые и создавали модный образ: прическа, перчатки, зонтики, духи. Но и они должны были быть практичны и уместны. «Что касается зонтиков, то появилась модная новинка: в ручке зонтика элегантной дамы скрыто зеркальцо, пуховка и пудра или часики, самых миниатюрных размеров. Это практично и остроумно»⁴⁷.

Под влиянием моды менялось представление о красоте, ее значении в формировании внешности человека, бытовой среды. Устанавливались некие общепризнанные образцы, которым стремились следовать независимо от социального положения и материального достатка. Широкие возможности для этого открывал технический прогресс и массовое машинное производство. С одной стороны, они позволяли сочетать красоту и практичность в доступных для широкого потребителя товарах; с другой – создавали условия для быстрой смены модных образцов.

«В настоящее время новости моды с быстротой молнии распространяются по всему цивилизованному миру, находя себе поклонников среди представителей всех сословий»⁴⁸. Массовое производство вело к нивелировке интерьеров, манеры одеваться и т. д. Как отмечал наблюдатель, на рынке появился «...шаблонный товар для того, кто подходит под данный размер. Массовый товар имеет и массового покупателя. Фабрика готового платья обслуживает средний и малосостоятельный класс»⁴⁹. Привилегированные слои более сдержанно относились к тому, что позже было названо «ширпотребом». Они ориентировались на индивидуальные заказы, позволяющие удовлетворить субъективные вкусы и выделиться из массы. Но и для них находились полезные технические новинки. Местная пресса того времени пестрит объявлениями о технических новинках: кухонных плитах, стиральных машинах, пылесосах и т. д., рассчитанных на состоятельную клиентуру. Свою продукцию предлагали магазины готового платья, стараясь привлечь потенциальных покупателей обещаниями удовлетворить запросы «...лиц, привыкшим хорошо одеваться и желающим сберечь время и деньги. Изящный покрой»⁵⁰. В целом же городские жители получили возможность из готовых вещей составлять свой гардероб и интерьер дома, ко-

⁴⁷ Весенний сезон // Последние моды. 1910. № 21. С. 3.

⁴⁸ Хозяйство и мода // Хозяйка. 1902. № 45. Ст. 1264.

⁴⁹ Гулишамбаров С. И. Предметы одеяния в главнейших странах // Изв. Императ. РГО. 1903. Т. 39. СПб., 1905. С. 549.

⁵⁰ Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 116.

торые отвечали не только духу времени, но и индивидуальным эстетическим, психологическим и материальным запросам.

Мода, рационализация повседневной жизни вытесняли игровые основы традиционной культуры. В частности, менялась функциональная природа костюма. Исчезли в связи с социальными изменениями его половозрастная и сословная функции. Не ощущая особой роли деталей и скрытого языка стиля, горожане получили возможность надевать «опознавательные знаки» различных социальных групп. Меняющиеся условия давали возможность примерить «чужое» платье, заставляли, словно на сцене, прожить «другую» жизнь. Городские улицы и места массовых увеселений предоставляли широкие возможности для подобного маскарада. Прослеживаются две противоположные тенденции: желание выделиться и побуждение соответствовать определенным стандартам. «В изменяющемся обществе субъективная жизнь постоянно утрачивает равновесие. Мода предоставляет возможность для выражения вкусов, определения и, следовательно, фиксации и упрочения»⁵¹. Правда, во внешнем облике тиражировался скорее аристократический идеал богатства и респектабельности, нежели мещанская скромность и простота расчетливости. Все-таки для русских более характерной чертой является желание праздничности, яркости и нарядности. Стало довольно трудно с определенностью утверждать, к какому слою общества принадлежит та или иная женщина. Жажда развлечений объединяла всех, по крайней мере внешне. И тем не менее «...мода позволила новым социальным группам – таким, как буржуазия и рабочий класс, – создать собственную классовую идентичность, а старым группам – например дворянству и крестьянам – обновить свой облик. К началу XX века российский костюмный ландшафт стал гораздо сложнее, отражая растущую сложность самого российского общества»⁵².

Стремление следовать модным веяниям порождало «красоту для бедных». «Страсть к подражанию, стремление низших сословий тянуться вслед за высшими во всем, что касается внешнего строя жизни, никогда не имело столь широкого распространения. Понижение цены на различные товары делает доступным для масс множество таких ве-

⁵¹ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. М., 1994. С. 211.

⁵² Руан К. Одежда и идентичность в имперской России // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 230.

щей, которые в прежнее время составляли привилегию только богатых и знатных»⁵³. Помимо этого начинает отходить в прошлое отношение к повседневным вещам как своего рода капиталу (заготовка одежды или домашней утвари впрок), что препятствовало их обновлению. Большое значение для начального этапа формирования феномена массового потребления вещей получил фактор их морального старения. Стремление быстро менять вещи, по замечанию авторов начала XX в., являлось характерной особенностью современного культурного человека. «Во всех более или менее зажиточных домах принято теперь обновлять обстановку чуть ли не через каждые 8–10 лет»⁵⁴.

В этом заключалось еще одно неотъемлемое свойство моды – все обесценивать. «Мода творит и разрушает, пишет и стирает – забывание подразумевается как одно из главных условий игры»⁵⁵. Она создает массовую культуру и соответствующего ей человека, готового воспринимать новую информацию, новые реалии жизни, психологически более пластичного и гибкого. Для горожанина начала прошлого века это было очень актуально, что отмечали сами современники. Описывая городскую жизнь, они обращали внимание на «...ускоренную смену впечатлений, потребностей, настроений, интересов, которая доведена до состояния скачки, до состояния сплошного метания. Но приспособление носит поверхностный характер. Деревенский мозг упорнее. Мозг горожанина, как гончая собака, лишь нюхает факты и мало проникает в их сущность. Соединить быстроту и пластичность приспособления к фактам с глубиной проникновения в них и оценки – дело будущего человека»⁵⁶.

6.3. Проблемы воспитания и образования

Но этого нового человека, способного адекватно вписаться в меняющиеся условия, надо было соответствующим образом воспитать. В качестве примера правильной системы воспитания подрастающего поколения приводилась английская. «Нигде не обращают такого внимания на гигиену, физическое воспитание, как там. В детях с самого раннего

⁵³ Хозяйство и мода // Хозяйка. 1902. № 46. Ст. 1291.

⁵⁴ Там же. № 44. Ст. 1234.

⁵⁵ Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. С. 545.

⁵⁶ Город и горожане // Новый журнал для всех. 1910. № 20. Ст. 91.

возраста развивают дисциплину и уважение к старшим»⁵⁷. Внимания, по мнению отдельных российских изданий, заслуживал и опыт цивилизованных стран по созданию бойскаутских организаций, которые давали юношам опыт самостоятельного решения проблем. В качестве примера ссылались на созданный в Лондоне «Союз молодежи». Особо отмечалось, что регулярная физическая подготовка, начиная с 12-летнего возраста, делала «молодых людей хорошими, полезными и здоровыми гражданами и развивала в них понятие о дисциплине, самовоспитании и взаимной поддержке»⁵⁸.

Если с воспитанием юноши как самостоятельного, ответственного и надежного гражданина, служащего, семьянина все было более или менее понятно, то воспитание девушки и ее дальнейшая роль в обществе виделась весьма противоречивой и вызывала разногласия. Особенно актуальным это выглядело в связи с повышением доли «самостоятельных» (т. е. имеющих свои заработки и доходы) горожанок, непосредственно включенных в общественное производство. Выход женщин на рынок труда, естественно, сопровождался отходом от традиционной деятельности, замкнутой внутри семьи, а также изменением их привычного имиджа. Одновременно менялись состав и размеры городской семьи. Уходила в прошлое ее патриархальная неразделенность. Обычной становилась малая семья.

На этом фоне следует отметить опережающее развитие женского образования. Это касалось представителей разных сословий. В результате происходило увеличение удельного веса женщин среди лиц, занятых на службе или частной практикой (врачебной, юридической, педагогической и т. д.). Однако данный процесс имел и негативные последствия. Росла конкуренция на рынке труда, что снижало его оплату, увеличивалась женская безработица. К тому же многие занятые женщины строили иллюзии по поводу работы и выгод, которые она сулила, вместо того, чтобы здраво оценить свое положение и найти правильное занятие. В частности, редакция журнала «Отдых», отвечая на письмо читательницы, прямо заявила: «Разве кто-нибудь живет как хочет? И разве жизнь дана для наслаждений? Жизнь есть непрерывный труд, тяжелая борьба из-за куска хлеба. У женщин кроме стремлений к науке есть много прекрасных и высоких задач: семья и дети»⁵⁹. Довольно прямой

⁵⁷ О детях // Семьянин. 1894. Т. 2. С. 130.

⁵⁸ Вестник спорта и туризма. 1914. № 1. С. 17.

⁵⁹ Почтовый ящик // Отдых. 1903. № 4. С. 30.

и вполне прагматичный совет в духе времени. Но в обществе не было однозначного мнения по вопросу женской занятости.

Выходящий в начале XX в. журнал «Женщина» состоял из четырех основных разделов: «Женщина-гражданка», «Женщина-хозяйка», «Женщина-жена», «Женщина-мать». Женские роли виделись вполне традиционно. Таковую же позицию провозглашала редакция журнала «Семьянин», утверждая, что в лице молодой государыни русские женщины получили истинное украшение своего пола. «И как Царица будет сиять своими семейными добродетелями с высоты престола, как царица и мать, так да сияют добродетели русских жен и матерей у их скромных очагов»⁶⁰. Статьи в подобных светских журналах были пронизаны идеей необходимости следовать высоким нравственным идеалам.

Врачи также стали обращать внимание не только на физическое, но и на психологическое состояние людей, подчеркивая увеличение числа различных нервных и психических расстройств. Сильное истощение нервной системы у людей, живущих в городах, объясняли увеличением потребления алкоголя, табака, кофе, морфия и пр.⁶¹ С сожалением описывалась современная молодежь, среди которой частенько, на взгляд авторов, встречались «неудавшиеся сыновья» из порядочных семейств или легкомысленные, кокетливые, имеющие страсть к нарядам дамы. «Первым приходится бороться с обстоятельствами, до которых они не доросли. Уму не хватает силы и глубины. Слабость ума, слабость характера и преувеличенная самооценка составляют основные черты легкой степени тупоумного человека»⁶².

Повышенное внимание в прессе уделяли и причинам девиантного (отклоняющегося) поведения. Это являлось важным показателем отступления от традиционных культурных установок. Об этом также свидетельствовал активный поиск неких новых образцов отношения к жизни. Положительные примеры находились не только в Англии или Швеции, где у юношей формировались понятия, необходимые для ответственных граждан, но и внутри страны. Кадеты морских училищ «...пользуются таким преимущественным вниманием барышень, не только потому что они хорошо танцуют... Но потому что они здоровые, жизнеспособные мальчишки, лишённые всякой важности аффектации». Это было особен-

⁶⁰ О женщине // Семьянин. 1894. Дек. С. 128.

⁶¹ Значение физического воспитания в связи с умственным и нравственным // Будьте здоровы! 1895. № 8. С. 123.

⁶² Нервный век и нервные люди // Там же. № 13. С. 196.

но заметно на фоне той «зеленой петербургской молодежи, чьим основным занятием были потуги казаться веселым, мелкий пошленький скандал, бессмысленное насвистывание себя и товарищей водкой и всякими другим продуктами петербургских виноградников»⁶³.

Пространство города и динамика городской жизни постоянно вызвали стрессы и недовольство происходящим. Рост достатка не влечет за собой автоматически умение тратить деньги; массовое производство дает стандартный набор товаров, но не всегда позволяет сохранить индивидуальность. Вызванный к жизни процесс стандартизации и унификации, с другой стороны, давал провинции возможность включения в общекультурные процессы. Это было время раздвоенности и метаний.

Литераторы и художники начала века также предпринимали активные попытки найти нечто новое в различных областях искусства. Более того, они ратовали не только за красивые праздники, но яркие будни. Рутинность повседневности их не устраивала. «Красота в жизни замерла совершенно, а красота в искусстве сделалась ненужной и чересчур редкой. Вся пластика повседневности должна обновиться и озариться. Это ли пожелание не смешно в наши дни, поработанное уродством, рассудочными эпидемиями, машинной техникой, в дни систематического обезображивания природы и мрачной понурости, вызванной борьбой за существование? Это ли не смешно при наших костюмах, наших улицах, громыхающих и затемненных суетными проволоками; это ли не смешно при всей распушенности и всей жестокости наших нравов?»⁶⁴

Все слои искали свой вариант обновления, пытались устранить разлад между красотой искусства и красотой жизни доступными им способами, гармонично соединить художественное и утилитарное. В усложненной структуре городского бытия имели место порой неожиданные пересечения и сочетания различных культурных тенденций. Под влиянием новых реалий происходили изменения в традиционных ценностях, что отчетливо проявилось в поиске новых художественных идей и форм: «Совсем стало невесело праздновать дальше победу над буржуем, обливать его презрением и горделивым сознанием своей утонченности. Пусть художник будет дерзок, несложен, груб, примитивен. Будущая живопись зовет к лапидарному стилю, потому что новое искусство не выносит утонченного – оно пресытилось им»⁶⁵.

⁶³ Семьянин. 1894. Т. 1, ч. 2. Февр. С. 147.

⁶⁴ Бенуа А. В ожидании гимна Аполлону // Аполлон. 1909. № 1. С. 9.

⁶⁵ Бакст Л. Пути классицизма в искусстве // Там же. № 3. С. 49.

Большинство новых черт существовало лишь как тенденция. Во многих случаях заимствование новинок было весьма поверхностным, не меняя, по сути, всего жизненного уклада. Подобная ситуация свидетельствовала о сложности восприятия новых веяний, создавала предпосылки столкновения в повседневной жизни различных культурных ориентаций. Отсутствие жесткой регламентации в следовании стереотипам дало каждому человеку возможность индивидуального выбора, в том числе и внешних атрибутов желаемого для себя образа. Революционные события начала XX в. были показателем того, что большинство все-таки не смогло адаптироваться к новым условиям. Динамика и напор городской жизни с ее массовым безразличием делали индивидуальный выбор слишком серьезным испытанием. Пожалуй, только вера в науку и ее возможности управлять повседневным миром была непоколебимой. Эпоха, которая осторожно внимала словам тургеневского Е. Базарова о том, что природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник, к началу XX в. искренне восторгалась достижениями человечества. Приветствовались новые сюжеты для живописных произведений, когда изображались не мифические существа, а современные герои. «Но настал XX в. И вместо легендарного полубога появился реальный человек-авиатор, и проза торжествует над поэзией»⁶⁶.

Идеи, которыми руководствуются люди в своей деятельности, меняются значительно медленнее, чем материальные условия, и, значит, вся жизнь людей будет находиться под их совместным и противоречивым воздействием. Анализ источников, несущих скрытую информацию, помогает более полно оценить глубину происходящих изменений в обществе. В такие периоды вещи и явления могут одновременно сочетать черты предыдущего периода с некоторыми новыми элементами. В частности, развитие промышленного производства, машинной индустрии привело к изменениям как в облике человека, так и окружающем его городском пространстве. «Предметы, их синтаксис и их риторика отсылают к определенным социальным целям и социальной логике. Поэтому они говорят не столько о технических практиках использования, сколько о социальных претензиях и покорности, социальной мобильности и инертности, о привыкании к новой культуре и погруженности в старую, о стратификации и социальной классификации»⁶⁷.

⁶⁶ Заря жизни. 1911. 21 авг.

⁶⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004. С. 22.

Глава 7. Региональная партийная номенклатура от Сталина до Брежнева: социальный портрет

7.1. «Культ кадров»: региональные номенклатурные кланы довоенного периода

В конце 1920-х гг. политическое руководство Советского Союза перешло к политике сворачивания нэпа, ликвидации рыночных элементов; началось огосударствление экономики. «Сталин и его соратники взяли курс на проведение форсированной индустриализации и принудительной коллективизации, что требовало создания новой командной системы»¹. Формирующаяся сталинская система управления стремилась взять под свой контроль не только экономические, но и политические и социальные процессы в стране.

В значительной степени указанные тенденции и процессы, связанные с деятельностью советских политических институтов в условиях становления сталинской системы власти, проявились в уральском регионе, который оказался одним из основных центров усилий высшего руководства по промышленной модернизации страны. Важным актором реализации грандиозных планов экономических преобразований стала региональная партийно-государственная номенклатура, от способностей, возможностей и желания которой в значительной степени зависел успех или неуспех дела.

Один из видных представителей новой номенклатурной системы, И. Д. Кабаков, прибыл на Урал весной 1928 г. – года начала первой пятилетки в СССР. Сначала он был назначен председателем облисполкома огромной Уральской области, площадь которой была больше площади Германии, Франции, Италии и Англии вместе взятых. Однако уже через полгода, в январе 1929 г., он возглавил Уральский обком ВКП(б) вместо Н. М. Шверника, отозванного в Москву и назначенного председателем ЦК Союза металлистов. На должности главы областной партийной организации Кабаков оставался в течение пяти лет, а после разукрупнения в 1934 г. Уральской области встал во главе Свердловской области в качестве первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б). За это вре-

¹ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 12.

мя он превратился в полновластного хозяина огромного региона, сформировал свой круг доверенных местных руководителей, которые были к нему абсолютно лояльны и не высказывали никаких возражений по поводу его решений. Региональная система власти оказалась пронизана патрон-клиентскими связями, которые сходились на фигуре Кабакова. И в этом плане И. Д. Кабаков не был какой-то исключительной фигурой, выбивавшейся своим поведением из сплоченных рядов советской партийно-государственной номенклатуры.

Формирование неформальных связей в среде партийно-государственной номенклатуры и хозяйственных руководителей началось еще в 1920-е гг. Для первой половины 1930-х гг. уже была характерна широкая практика функционирования патрон-клиентских сетей на всех уровнях советской партийно-государственной системы власти – от высшего руководства до региональных и местных функционеров. Это вело к установлению отношений верности и круговой поруки внутри подобных «семейств». Как отмечает Ш. Фицпатрик, «...среди советской политической элиты патронажные отношения встречались на каждом шагу. Пожалуй, наиболее характерен этот феномен был для политической сферы, где местные и центральные лидеры культивировали и поддерживали собственные клиентские сети (часто критикуемые “семейства”»².

Неформальные по своей сути патрон-клиентские сети (или «системы личных взаимоотношений», в терминологии Дж. М. Истера) начинают во все большей степени пронизывать официальные структуры региональной и местной администрации. В результате эти системы личных взаимоотношений ограничивают официальную власть центра, выступают как неофициальные группы взаимной защиты, так называемые «семейные кружки»³.

Сталинское руководство в принципе осознавало опасность существования неформальных группировок. Своеобразная автономность этих структур позволяла их представителям игнорировать указания вышестоящих инстанций или исполнять их формально. Сталин периодически производил перемещение секретарей обкомов, руководителей национальных республик, менял секретарей и заведующих отделами

² Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 210.

³ Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в советской России. М., 2010. С. 128.

ЦК ВКП(б). Но как показывала практика, эти организационные меры носили паллиативный характер и кардинально разорвать патрон-клиентские связи не позволяли. Как отмечает О. В. Хлевнюк, «...совершенно разбить установившиеся связи, разрушить группы, формировавшиеся вокруг вождей разных уровней по принципу личной преданности, было невозможно. Переходя с одного места на другое, руководители перетаскивали “своих людей”. По существу, в партийно-государственном аппарате формировались группировки, члены которых находились как бы в двойном подчинении: с одной стороны, служили верховному вождю (Сталину), а с другой – имели своих патронов в Политбюро или других руководящих инстанциях»⁴.

На благоприятной почве существования номенклатурных «семейств» начинают пышным цветом расцветать культы местных вождей, которым все поют дифирамбы и прославляют их мудрое руководство. Как отмечают О. Л. Лейбович и А. А. Колдушко, в середине 1930-х гг. подобные культовые практики в советской системе власти, фиксирующие особый социальный статус адресата, распространялись не только на верховного вождя, но и на местных руководителей. Наблюдалась дисперсия указанных практик по территориальному и ведомственному принципу⁵. На эту же тенденцию указывает французский историк Н. Верт: «Облеченные огромной властью, местные руководители довольно скоро превратились... в настоящих “маленьких Сталиных”, прославлявшихся как “лучшие большевики области”; у каждого из них был свой “семейный кружок”, основанный на принципе личной преданности “хозяину”, который создавал или губил их карьеры»⁶. Они становились нормой социальной жизни и получали *de facto* легальный статус в советской политической системе.

И. Д. Кабаков являл собой пример типичного провинциального вождя. Стиль поведения областного руководителя соответствовал его особому статусу. Уральский вождь «...фактически был иконой Свердловской партийной организации, все обожествлялось, все преклонялось перед [его] словами, перед предложениями и т. д.». Начальник «Кизелугля» Ершов вспоминал: «Кабакова встречали и провожали стоя». Действительно, на многочисленных официальных мероприятиях сверд-

⁴ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 304.

⁵ Лейбович О., Колдушко А. А жертвы кто? Культовые практики местной номенклатуры до Большого террора // Ретроспектива : перм. ист.-арх. журн. 2008. № 1(6). С. 15–23.

⁶ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 156.

ловского вождя встречали и провожали так же, как вождя верховного, – стоя, бурными аплодисментами. «Тагильский рабочий» в начале 1937-го описывал, как неожиданным пришествием на Нижнетагильскую городскую партконференцию Кабаков прервал отчетный доклад первого секретаря горкома Ш. С. Окуджавы: «В начале доклада в президиуме появляется первый секретарь областного комитета ВКП(б), любимый рулевой свердловских большевиков тов. И. Д. Кабаков. Делегаты конференции стоя горячо приветствуют руководителя областной партийной организации, верного и непоколебимого соратника великого товарища Сталина»⁷.

Показательным аспектом социальной презентации высокого статуса были поездки областного вождя по подвластной территории. Они превращались в особый ритуал. Когда в 1936 г. Иван Дмитриевич пожаловал в Пермь, первый секретарь горкома Александр Яковлевич Голышев дал команду местному партийно-хозяйственному активу прибыть на вокзал для торжественной встречи. Только для сопровождающих областного начальника были выделены четыре десятка автомобилей. Естественно, при таком скоплении начальства, побросавшего все свои дела и поспешившего засвидетельствовать почтение высокому гостю, визит секретаря обкома был далеким от делового формата, а носил скорее парадно-митинговый характер. «Император Кабаков приезжал», – тихо среди своих произнес районный секретарь А. Д. Золотарев, и тут же поймал на себе осуждающие взгляды коллег⁸.

Особенно показательна визуализация особого социального статуса первого секретаря обкома. Не во всех официальных учреждениях в Свердловской области можно было встретить портреты членов Политбюро ЦК, а вот портреты Кабакова висели повсюду в обязательном порядке. В 1937-м местное начальство сбилось с ног, чтобы избавиться от этих портретов, но, несмотря на все усилия, быстро это сделать не удалось. На парадах хоть и несли портреты всех вождей, но даже здесь старались подчеркнуть «кто тут за главного»: «Товарища Сталина маленький портрет несли, а этого зверя Кабакова портрет несло 7–8 человек рабочих, гнули спины»⁹.

⁷ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Вестн. 2013. № 6. С. 52, 56; Лейбович О., Колдушко А. А жертвы кто? Культурные практики... С. 17.

⁸ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 58.

⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 69; Д. 4. Л. 7; Колдушко А. А. «Каждый раз в новом галстук!» Культурные практики региональной номенклатуры в 1930-е годы // Наукові праці

Такой стиль поведения всячески поддерживался окружением первого лица. Не успел Кабаков появиться на Урале, как местные подхалимы не замедлили провозгласить его руководителем и вождем уральских большевиков. Городские и районные секретари, в надежде на вознаграждение и карьерное продвижение, соревновались между собой за право присвоить имя местного вождя учреждению, заводу, и даже городу. Едва минуло три года, как Кабаков приехал в Свердловск, его имя стал носить вступивший в эксплуатацию Магнитогорский рудник. Спустя еще три года в честь нового уральского вождя были переименованы г. Надеждинск и район, центром которого он являлся: отныне они стали Кабаковском и Кабаковским районом, заодно его имя было присвоено старому Надеждинскому заводу. Кроме того, именем Кабакова были названы Верх-Исетский металлургический и Синарский труболитейный заводы, металлургический и педагогический институты в Свердловске, строительный техникум, авиашкола, колхозы, школа и детский сад¹⁰.

Механизм присвоения имени Кабакова был нехитрым. Все роли, как ведущие, так и «массовки», были заранее распределены и тщательно отрепетированы. Сначала с такой «инициативой» выступали специально подготовленные представители трудящихся, и она естественно находила широкую поддержку в среде рабочих и крестьян. А затем на этот «порыв масс» откликались руководящие органы области.

На областной партконференции в 1934 г. первый секретарь Надеждинского горкома партии И. А. Спиров озвучил идею переименования города: «Ударники Надеждинского металлургического завода на своих общих собраниях обсудили вопрос о переименовании завода, города и района. На широчайшем слете ударников, на котором присутствовало более двух с половиной тысяч ударников, на районной партконференции постановлено просить областной исполнительный комитет и ВЦИК РСФСР о том, чтобы город Надеждинск переименовать в город Кабаковск, Надеждинский металлургический завод переименовать в металлургический завод имени Ивана Дмитриевича Кабакова, Надеждинский район переименовать в Кабаковский район. Мы обращаемся

історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. 23 : Політична еліта в історії України. Запоріжжя, 2008. С. 234.

¹⁰ *Погорельцев Г.* Рудник имени Кабакова // Магнитогорский рабочий. 2011. 18 февр.; ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 30. Д. 20. Л. 1, 5–6, 10–13, 16; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 64 об., 70 об.; Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 203.

и просим двенадцатую областную партконференцию поддержать наше предложение»¹¹.

На следующей областной конференции, «антикабаковской», которая состоялась в июне 1937-го, второй секретарь Алапаевского райкома Г. Д. Долгов раскроет «тайну» переименований: «Дело было перед подготовкой к областной конференции, проводились конференция заводская и районная. Я в то время работал секретарем парткома Надеждинского завода. Приезжает Иванченко (управляющий трестом «Востокосталь». – *Авт.*) и говорит, что есть настроение, чтобы Надеждинск не носил имени проститутки Надежды, а что сейчас есть настроение организовать кампанию о присвоении заводу (сейчас более развратного и грязного проститутки) имени Кабакова. Когда [меня] вызвали в райком, там работал Спиров. Спиров делит со мной роли. Я организую на заводской конференции, а он организует на областной конференции. Я тогда вызываю к телефону Самойлова, в то время – Икс (секретарь обкома. – *Авт.*), и говорю: предлагают организовать такую работу, как быть? Он говорит: надо начинать. Звоню Строганову (второй секретарь обкома. – *Авт.*). Строганов говорит: раз с одним секретарем согласовали, давайте организовывать»¹².

Управленческая практика в области была выстроена в соответствии с культом местного вождя. Роль членов бюро обкома, не говоря уже о членах областного партийного пленума, при авторитарном правлении Кабакова была значительно принижена, многие важные вопросы первый секретарь решал единолично.

Вот что говорили на этот счет представители ближайшего окружения областного вождя и руководители среднего звена, впервые получившие возможность открыто высказаться на знаменитом «антикабаковском» пленуме обкома в мае 1937 г.

«...Никакого коллегиального решения вопросов в обкоме партии, по-моему, не было, а все вопросы решал Кабаков, – делился своими впечатлениями о заседаниях бюро обкома секретарь Новолялинского райкома П. М. Щербаков, – и, как правило, если не было проекта [постановления] по какому-либо вопросу, [то] Кабаков диктует стенографистке, она записывает, и [постановление] принимают. Даже не спрашивали нередко у членов бюро, как они, согласны с этим или не согласны, – решение принималось». «Раз Кабаков сказал, значит

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 46 об., 118–118 об.

¹² Там же. Оп. 15. Д. 3. Л. 164–165.

нечего подвергать сомнению его указания», – так характеризовал восприятие директив областного вождя исполняющий обязанности председателя облисполкома Г. П. Плинокос. На заседаниях бюро обкома «...никто не говорит, Кабаков начинает, Кабаков кончает», – подтверждал член бюро обкома, начальник Управления железной дороги им. Л. М. Кагановича Шахгильдян. «...Такой авторитет мы сами создавали Кабакову, – признавал член бюро обкома, управляющий трестом «Востокосталь» К. Г. Седашев за день до своего ареста, – что ни слово его, это для нас закон...». «Обстановка у нас в бюро, я бы сказал, была такая: обстановка подхалимская, угодничества, смотрели в рот Кабакову», – дополнял редактор «Уральского рабочего» А. И. Жуховицкий, арестованный на следующий день после Седашева¹³.

Делегаты прошедшей вслед за «антикабаковским» пленумом Свердловской городской партконференции в тех же красках рисовали стиль и методы работы И. Д. Кабакова. «Если приходил Кабаков на бюро горкома, – рассказывал исполняющий обязанности второго секретаря Свердловского горкома И. А. Кормилов, – он, как глыба, подавлял всех. Все безмолвствовали, все боялись слово сказать. Он диктует, он пишет, он формулирует решения, без всяких голосований, и даже не спрашивают мнения...». «...Культ Кабакова был поднят высоко, и к этой святыне боялись прикоснуться, грешно и невозможно, – говорил заведующий промышленно-транспортным отделом горкома В. Н. Тепляков, которого самого там же назовут псом Кузнецова и Кабакова. – ...Кабакова поднимали как знамя честности, скромности большевистской, Иван Дмитриевич, Иван Дмитриевич!»¹⁴.

Естественно, в обстановке культа личности, окружавшей Кабакова, существование рядом с ним какой-либо другой значимой фигуры вызывало у него ревность и чувство дискомфорта. Одной из таких личностей был председатель Уральского (Свердловского) областного суда С. Г. Чудновский. Чудновский – старый большевик с революционным прошлым. В свое время он являлся председателем Чрезвычайной следственной комиссии в г. Иркутске, приговорившей к расстрелу «верховного правителя России» адмирала А. В. Колчака. Председатель суда был фигурой достаточно независимой, не входил в команду Кабакова, пользовался авторитетом у окружающих, имел связи в высших властных инстанциях. «На квартире Чудновских останавливались на ночлег высокие гости

¹³ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 52.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 64, 141, 207.

из Москвы и директора трестов из области, писатели и уполномоченные грозной ЦКК»¹⁵. Уязвленный популярностью Чудновского, Кабаков высказывал претензию к своим подчиненным: «Вот я по своему положению должен иметь с вами всеми побольше общения в частной жизни, но мне некогда, а у вас вот как-то так выходило все хорошо – полчаса времени есть, и вы туда бежите»¹⁶. Кабаков не жаловал конкурента, старался всячески его ущемить. Несмотря на свой статус, Чудновский ни разу не избирался в члены обкома, он был лишь членом ревизионной комиссии. Поэтому как только представилась возможность избавиться от соперника, Кабаков не преминул ею воспользоваться. Скорее всего, выдвижение Чудновского на должность председателя Ленинградского областного суда произошло не без участия областного начальника¹⁷.

Важным социальным маркером, показывающим привилегированное положение номенклатуры в советском обществе, являлось ее материальное положение. В этом плане провинциальные партийно-государственные руководители добились больших успехов. В своей повседневной жизни они как будто забыли про те революционные идеалы, за которые боролись.

В середине 1930-х гг. партийно-государственные функционеры уже были далеки от личного аскетизма в быту, они стремились создать для себя атмосферу материального комфорта, сытой и безбедной жизни, в то время, когда остальная часть населения жила впроголодь, существуя в условиях карточной системы распределения и периодических кризисов снабжения. Впрочем, подобные поползновения в номенклатурной среде наблюдались достаточно массово уже в годы нэпа. Соблазны нэпа провоцировали у представителей власти желание «выйти за флажки» и в нарушение официально установленных привилегий и норм материального снабжения обеспечить себе еще более высокий жизненный уровень, что неизбежно толкало их к должностным преступлениям¹⁸.

Стремление окружить себя материальными благами вело к тому, что среди областного руководства процветали коррупция, вымогательство, поборы с хозяйственных и торговых организаций, хищения партийных

¹⁵ Цит. по: Колдушко А. А., Лейбович О. Л. Дискурсивные практики Большого террора на Урале (1936–1938) // *Cahiers du Monde russe*. 2014. Vol. 55, № 3–4, juill.-dec. P. 256.

¹⁶ Цит. по: Там же. P. 258.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См: Воробьев С. В. Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е гг. // *Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер. : История*. 2014. № 2 (25). С. 60–71.

и государственных средств. Эти злоупотребления в 1930-е гг. приобрели систематический характер, стали неотъемлемой частью существования региональной и местной номенклатуры.

Высокие стандарты жизни, которые установило для себя партийное руководство Урала, требовали значительных финансовых затрат. Первым источником, куда запустили свои руки партийные руководящие работники, были партийные финансы. В результате постоянно росли расходы на так называемые административно-организационные нужды. В 1935 г. Управление делами ЦК ВКП(б) указало Свердловскому обкому на перерасход по этим статьям в размере 226 тыс. руб. (в это же самое время райкомы партии были недофинансированы в общей сложности на 84 тыс. руб., первичные парторганизации – на 271 тыс. руб.!) и категорически запретило расходование средств, сверх утвержденных ЦК ВКП(б). На цековские замечания Кабаков отреагировал формально. Конечно, он оставил свой «высочайший» автограф под постановлением бюро обкома, которым особому сектору обкома предписывалось «...в дальнейшем вести жесткую борьбу за бюджетную дисциплину и строго руководствоваться бюджетом, утвержденным ЦК ВКП(б)». Отправил выписку из протокола на Старую площадь. Тем дело и ограничилось¹⁹.

Аппарату обкома за счет партийных средств выписывались газеты и журналы, приобреталась литература, оплачивалось постоянное бронирование мест в театрах, закупались радиоприемники, которые бесплатно передавались в личное пользование «нуждающимся» партийным начальникам. В целях увеселения начальства в 1937 г. в обкоме была смонтирована стационарная киноустановка (когда без таковых оставались 18 райцентров области)²⁰.

Патрон-клиентские отношения предполагают взаимные обязательства сторон. Соратники и подчиненные И. Д. Кабакова всячески превозносили своего покровителя, беспрекословно выполняли все его распоряжения. Но в благодарность за это они получали различные материальные поощрения и преференции. Кабаков и К. Ф. Пшеницын (второй секретарь обкома. – *Авт.*) самовольно, порой чуть не вдвое, повышали ставки для работников обкома, невзирая на то, что они были строго регламентированы ЦК партии.

¹⁹ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 58–59.

²⁰ Там же. С. 59.

Кабаковским приближенным регулярно выплачивались немалые денежные пособия, оплачивался ремонт их квартир, покупалась мебель, оплачивались обеды, папиросы. «Машина нужна – машина к их услугам, ужин нужен – ужин к их услугам, и так далее, – говорила о руководстве Свердловского горкома ВКП(б) бывший работник горкомовского аппарата Александра Филипповна Селиванова, «сосланная» в парткабинет Горного института. – И то, что на папиросы, ужины, различные завтраки проедали – это понятно, членские взносы шли сюда, на аппарат». «Вот я делаю, например, замечание Кузнецову, что нельзя курить папиросы за счет партийного бюджета, – рассказывала председатель ревизионной комиссии горкома Ольга Николаевна Раздьяконова. – Он говорит: “Это незаконно?” – “Да, – говорю, – незаконно”. – “Ну ладно, больше не буду”. А сейчас проверяю и обнаруживается, что он выкурил папирос на 600 рублей». В здании обкома была организована комната отдыха, где областная властная верхушка регулярно устраивала банкеты и пировала за государственный счет²¹.

Пристрастие к проведению банкетов после окончания партийных мероприятий (совещаний, конференций, съездов) проявилось у партийных функционеров уже в начальный период нэпа. Высшие партийные инстанции пытались бороться с подобными «мелкобуржуазными» привычками, но, видимо, так и не смогли их побороть²². При Кабакове такие мероприятия стали формой сплочения «команды» и включения в ее состав новых членов, так как участие в банкете являлось своеобразным обрядом инициации. «Не было ни одного почти совещания, заседания, когда после этого совещания или заседания Кабаковым не намечалась бы группа лиц, которая приглашалась к нему и там эта группа пьянствовала, – говорилось позже в докладе на областной партконференции. – Причем существовало у некоторых такое понятие, что до того момента он еще не принят, он еще не признан, пока его не пригласили на это заседание. Вот уже когда пригласили, значит, его признали»²³.

Московский ревизор, которому управляющий делами ЦК ВКП(б) поручил провести ревизию финансового хозяйства обкома за 1934–1937 гг., в докладе на областной партконференции резюмировал: «Как видите, финансово-бюджетная дисциплина Свердловским обкомом не соблюдалась, несмотря на неоднократные решения ЦК, предупреждаю-

²¹ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова».

²² Воробьев С. В. Соблазны нэпа... С. 64.

²³ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 59.

щие партийные организации о необходимости бережного расходования партийных средств, соблюдения финансово-бюджетной дисциплины»²⁴.

Но не только на организацию банкетов, папиросы и мебель тратились немалые средства. Партийное руководство не хотело довольствоваться малым. Советские вельможи мечтали жить во дворцах. И мечты их обретали вполне материальные формы.

В трех десятках километров от Свердловска на острове Репном на Шитовском озере была создана серьезная хозяйственная инфраструктура, которая давала возможность высокопоставленным обитателям вести уютную и комфортную жизнь, скрытую от посторонних глаз. На берегу были сооружены деревянные строения «для барских возков», имелись большущая кухня с огромной плитой, барак для прислуги и охраны. В комплекс входили домик управляющего на три комнаты, две стеклянные будки для сторожей и сруб с плоской крышей, в котором стоял дизель с мотор-генератором, служивший для освещения дачи. На даче Кабакова был установлен немецкий отопительный котел, печная труба была отделана глазурированными изразцами. «Это был самый красивый дом на острове. Все его окна были изготовлены из цветного стекла с чудесными орнаментами. Дом был трехэтажным, с резными балконами и террасами, с несколькими красивыми башенками и флюгером. Полы выложены цветным ковровым паркетом»²⁵.

К сожалению, составить более полное представление о даче Кабакова невозможно, так как она сгорела в годы Великой Отечественной войны. Но осталось свидетельство современника об интерьере другой дачи, стоявшей на острове, по которому можно судить об уровне роскоши данных объектов: «С громадного крыльца веранды большая застекленная центральная дверь вела в обширную гостиную. На полу был линолеумный цветной ковер, стены гостиной отделаны красивейшим линкрустом с рельефным орнаментом. Потолок тоже был произведением искусства: он инкрустирован в красивейший орнамент. Влево большая под дуб дверь вела в просторную продолговатую комнату с овальным окном толстого полированного венского стекла. Вправо такая же дверь и большая шестигранная комната с крупными прямоугольными окнами в каждой простенке. Левая дверь открывалась в южную комнату с эллипсовидными окнами и выходом на южное крыльцо. Рядом находилась большая ванная комната, выложенная розовым кафелем,

²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 119, 122.

²⁵ *Килина А.* Дача для товарища Кабакова: факты и легенды // *Веси.* 2014. № 8. С. 49, 52.

оснащенная красивейшей сантехникой. Далее увидели большую комнату с многосекционным водогрейным немецким котлом. Отопление терема было водяным: везде стояли красивые «ненашенские» радиаторы. В углу коридора располагалась резная винтовая лестница, ведущая на второй этаж.

Второй этаж как бы повторял первый, только почти в каждой комнате стояли большие резные балконы. В просторной спальне висело громадное овальное зеркало. Далее по винтовой лестнице можно было подняться на чердак и в восьмигранную башенку. Вид изумительный! Высоко над лесом видна северо-восточная часть озера с подъездной дорогой»²⁶.

Как видно, на свой отдых областные руководители государственных средств не жалели. Известно, что председатель Свердловского облисполкома Василий Федорович Головин, к примеру, на южные курорты ездил с женой и ребенком в собственном вагоне, в сопровождении двух охранников. Секретарь горкома Кузнецов на курорт в Сочи прихватывал с собой секретаршу²⁷. Остается только гадать, в каких условиях изволил отдыхать сам Иван Дмитриевич: уповать на скромность важного партийного начальника не приходится.

Безусловно, партийный бюджет не был в состоянии покрыть в полном объеме разросшиеся до колоссальных размеров «административно-организационные» расходы. Растущие потребности обкома компенсировались за счет недофинансирования низовых и первичных парторганизаций и средств, сэкономленных на курсах переподготовки кадров. Но то была лишь капля в море. Поэтому активно привлекались внепартийные источники финансирования. В распоряжении председателя облисполкома В. Ф. Головина находился специальный секретный фонд, средства из которого получали члены бюро обкома партии, включая И. Д. Кабакова, К. Ф. Пшеницына, М. В. Кузнецова, самого В. Ф. Головина, управляющего трестом «Востокосталь» Я. П. Иванченко и др. Как своим личным карманом Головин распоряжался ресурсами хозяйственного управления облисполкома (благо, начальник хозуправления Неволин славился своим пьянством)²⁸.

Кроме того, в области, начиная с областного центра и заканчивая городами и районами, требуемые денежные средства предоставляли

²⁶ Килина А. Дача для товарища Кабакова... С. 52–53.

²⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 5. Л. 107–108, 112; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 123.

²⁸ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 60.

директора промышленных предприятий, начальники трестов, руководители строительных управлений и других хозяйственных организаций (что категорически запрещала делать Москва). В частности, в качестве важного источника наличных средств для номенклатуры выступала обслуживавшая ее Свердловская городская лечебная комиссия, преобразованная в 1936-м в спецуправление Свердловского облздравотдела. За счет своего бюджета лечкомиссия, часто бесконтрольно, выдавала крупные денежные пособия высокому начальству. Среди постоянных ее клиентов были В. Ф. Головин, заведующий областным финотделом И. Л. Хорош, первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б) Ш. С. Окуджава и др. Многочисленные пособия выдавались также руководящим работникам, не входившим, как это предписывалось, в номенклатуру ЦК, а также техническому персоналу. Часть средств расходовалась на оплату банкетов, большие суммы присваивались руководством лечкомиссии. Неудивительно, что реальные расходы горлечкомиссии значительно превышали ее бюджет. В 1934 г., к примеру, эта разница оказалась семикратной! Наиболее крупными финансовыми донорами тогда выступили «Уралбродтрест» (областной государственный бродильный трест, перечисливший 263 тыс. руб. – больше, чем вся доходная часть годового бюджета лечкомиссии), «Уралхиммашстрой» (строительство Химмаша в том же 1934-м было законсервировано), «Уралэнерго», завод «Металлист», трест «Востокоруда» и др.²⁹

Подобные облизполкомовскому фонды имелись во многих городах и районах области. Так, в Нижнем Тагиле в горкоме и горсовете были организованы специальные «черные кассы» – особые счета, на которые хозяйственники перечисляли денежные суммы. Поборы осуществлялись также в виде дефицитных и дорогостоящих предметов потребления либо в виде выполнения определенных услуг, например, строительства и ремонта дач, квартир.

Руководство обкома не только не запрещало, а поощряло эту порочную коррупционную практику. «Что вы так бедно живете, – вопрошал Пшеницын руководителей районов области, – как будто в районе у себя не можете достать деньги?!»³⁰

Хозяйственники от «сотрудничества» с партийными комитетами внакладе не оставались. Большие и малые партийные начальники в благодарность за финансовую поддержку «не замечали» недостатков

²⁹ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 60–61.

³⁰ Там же. С. 61.

в работе подведомственных им хозяйственных организаций, закрывали глаза на злоупотребления и преступления со стороны их руководителей. Не с руки было, к примеру, заведующему промышленно-транспортным отделом обкома партии Г. Г. Яну критиковать управляющего трестом «Востокосталь» К. Г. Седашева и подведомственные ему предприятия черной металлургии, если тот подарил Яну автомобиль³¹. «Не заметили» партийные органы и того, как пьяные начальник и парторг Кизеловской шахты в февральскую ночь 1937-го потребовали от заведующей местной столовой яблок и апельсин, а после, когда их прихоть была удовлетворена (после слов: «мои приказания должны быть выполнены в любое время дня и ночи», пришлось специально вскрывать магазин), они, угрожая браунингом, изнасиловали и заведующую, и «подавальщицу»³².

Редакторы партийных газет также «ничего не замечали» и ориентировали коллективы «на выискивание положительных моментов из жизни предприятий». Без лишних вопросов парткомы «проштамповывали» предложения хозяйственников о назначении на то или иное «теплое место» родственника либо просто «нужного человека» (ведь многие должности входили в номенклатуру комитетов ВКП(б)). Нарком путей сообщения Л. М. Каганович, к примеру, называл начальника политотдела железной дороги в Свердловске штамповщиком при начальнике дороги Шахгильдяне: он штамповал «...все, что тот ему даст»³³. «Ведь лучше, когда друг-приятель сидит в плановом отделе, друг-приятель – в бухгалтерии, друг-приятель – в отделе снабжения, и попробуй любой отдел критиковать, конечно, директор Киселев никак не позволит, – говорилось на городской партконференции об одном из кабаковских ставленников – директоре Свердловской мебельной фабрики, бывшем начальнике «Химстрой», откуда в свое время поступали гигантские суммы в городскую лечкомиссию. – Попробуй критиковать любого инженера и техника, которого директор любит, конечно, он не позволит. Поэтому директор Киселев не только не давал критиковать, а если кто попробует критиковать из профсоюзных или партийных руководителей, то он сейчас же поставит вопрос о снятии. В результате этого, в течение двух лет в профорганизации сменилось 18–20 человек, а в парторганизации – восемь человек руководителей». Кто же мог Киселева «тронуть», если он

³¹ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 62.

³² Лейбович О., Колдушко А. А жертвы кто? Культурные практики... С. 19–20.

³³ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 135.

чаще бывал в обкоме и горкоме, нежели на своем рабочем месте? И бросал все силы рабочих не на выполнение производственной программы, а на изготовление уникальных стульев и кресел для Кабакова и Кузнецова. «Выходит, что подхалим Киселев брал индивидуальные заказы, а мебели, необходимой для населения, мы дать не могли», – заявлял фабричный столяр и парторг в одном лице, отчаянный борец с местными расхитителями Суворов. Зато Киселев любил повторять: «Я поставлен Кабаковым», и эти слова были самой надежной охранной грамотой от любой критики, любой ревизии³⁴.

Сотрудничество партийных и хозяйственных начальников выстраивалось, таким образом, на взаимовыгодной основе. На заботы о государственных интересах, нуждах населения ни времени, ни сил часто не хватало.

Патрон-клиентские связи, крепко опутавшие управленческий корпус Свердловской области, являлись основой устойчивого положения региональной партийно-государственной номенклатуры, гарантировали ей безоблачное существование в будущем. Эти связи придавали прочность и могущество «уральской империи» И. Д. Кабакова, которого после ареста образно называли «отцом уральских спрутов»³⁵. Отсюда стремление уральского вождя любой ценой, во что бы то ни стало сохранять лично преданных ему людей на ключевых позициях в партийно-государственных структурах области.

Костяк патрон-клиентской системы составляли особо доверенные, преданные люди из числа земляков патрона. В их среде наиболее заметно проявлялись отношения nepотизма. Неудивительно поэтому, что с наибольшим рвением Кабаков лоббировал кандидатуры на важные руководящие должности тогда, когда речь заходила о «туляках» – тех, с кем его связывала совместная работа в Тульском обкоме ВКП(б). Уральский «вождь» с особой теплотой и снисходительностью относился к своим землякам. Неизвестно ни одного случая, когда бы И. Д. Кабаков обрушил свой «царский» гнев на кого-либо из «туляков» и понизил его во властной иерархии, как, к примеру, он это неоднократно делал по отношению к «иногородцам».

Среди местной партноменклатуры не было секретом, что второй секретарь Свердловского городского комитета ВКП(б) занимает особое положение в областной властной иерархии. В кресле второго секретаря

³⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 117–118.

³⁵ Там же. Д. 105. Л. 283.

«столичного» горкома сидел выдвиженец Кабакова, его давний приятель по совместной работе в Туле Михаил Васильевич Кузнецов (во второй половине 1920-х Кузнецов работал заместителем ответственного секретаря Тульского губкома ВКП(б) И. Д. Кабакова и одновременно заведовал орготделом губкома, т. е. занимал вторую позицию в губернском руководстве). Кабаков затребовал Кузнецова на Урал в 1933 г., когда тот учился в Москве на втором курсе Историко-партийного института красной профессуры, назначил его первым секретарем горкома в Нижнем Тагиле и сразу ввел в состав кандидатов в члены бюро обкома. Несмотря на отсутствие каких-либо явных успехов у Кузнецова в руководстве Нижним Тагилом (строительство Новотагильского металлургического завода, например, за время его правления практически не сдвинулось с места), Кабаков в 1935 г. перевел его в Свердловск первым секретарем горкома ВКП(б). Из образования за плечами у Кузнецова было высшее начальное училище в деревне Дурасово Калужской губернии, бухгалтерские курсы, неоконченные курсы по подготовке в вузы, полгода учебы в губернской совпартшколе и, как уже говорилось выше, один курс Историко-партийного института красной профессуры, готовившего специалистов в партийно-идеологической сфере – работников отделов пропаганды и агитации комитетов ВКП(б) и преподавателей общественных наук в вузах. Ни дипломом о среднем или высшем техническом образовании, ни записью в личном листке по учету кадров о сколько-нибудь значимой административно-хозяйственной работе, чтобы со знанием дела руководить такими крупными индустриальными центрами, как Нижний Тагил и Свердловск, Кузнецов не располагал³⁶. Вероятно, на образование важному партийному чиновнику катастрофически не хватало времени. Зато Кузнецову сполна хватало времени на то, чтобы плести интриги против второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницына – ставленника Москвы, а не Кабакова, и делалось это, разумеется, не без одобрения последнего. Не жалел Кузнецов ни времени, ни сил также на сотворение вокруг Кабакова ореола «вождя уральских большевиков», создание сладостной атмосферы подхалимства и угодничества, причем весьма преуспел в этом деле:

³⁶ Сушков А. В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): ист.-биограф. справ. Екатеринбург, 2007. С. 42–43; Сушков А. В., Яркова Е. И. «Я не враг народа»: Документы о причинах самоубийства второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницына. 1937 г. // Ист. арх. 2008. № 3. С. 119; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 90.

даже член Политбюро ЦК А. А. Андреев признавал за Свердловской областью особые успехи в развитии подхалимства. И работал Кузнецов непременно с оглядкой на хозяина, бывало, даже прерывал заседание бюро Свердловского горкома специально, чтобы съездить до обкома и согласовать с Кабаковым то или иное решение бюро³⁷.

Что касается подбора кадров, то Кузнецов брал пример со своего непосредственного начальника и двигал во власть своих тульских приятелей, таких же «грамотеев», как он сам. В частности, среди тех, кого Кузнецов пристроил к уральской «партийной кормушке», оказался Леонид Николаевич Пальцев – выпускник семилетней трудовой школы, сменивший в Тульской губернии немало руководящих комсомольских и партийно-пропагандистских должностей. Кузнецов вызвал его в Нижний Тагил в начале 1934 г. и поставил руководить культурно-пропагандистским отделом горкома ВКП(б), а спустя уже три года, в 1937-м, Кабаков назначил Пальцева на руководство этим горкомом партии. Вот так тридцатилетний пропагандист, общий производственный стаж которого ограничивался годом и восемью месяцами работы рассыльным и чернорабочим на Тульском оружейном заводе и подручным слесаря на Тульской самоварной фабрике, возглавил один из крупнейших индустриальных центров Урала³⁸.

Высокие позиции в областной властной иерархии занимал другой туляк, первый секретарь Сталинского райкома ВКП(б) г. Свердловска Максим Федорович Коссов. На территории огромного Сталинского района располагались Уралмашзавод, строительство целой группы заводов «Уралэлектротяжмашина» и строительная площадка завода тяжелого станкостроения – «Станкострой» (все – до образования в мае 1935 г. Орджоникидзевского района), заводы «Сталькан» и «Металлист», хлебозавод и спиртоводочный завод, Уральский индустриальный институт и Уральский филиал Академии наук СССР. Выпускник начального земского училища (два года обучения) в деревне и шестимесячных вечерних административно-хозяйственных курсов при Тульском коммунистическом университете, М. Ф. Коссов непосредственно с промышленностью соприкасался лишь как сторож на Тульском оружейном заводе. Слабый здоровьем, он продвигался по профсоюзной линии, дослужился в Туле до незначительного поста председателя райкома сою-

³⁷ Сушков А. В., Яркова Е. И. «Я не враг народа»... С. 119; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 29; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 252–253.

³⁸ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 50.

за металлистов. Всё переменялось в его жизни в конце 1920-х гг., когда Кабаков спустя полгода после переезда в Свердловск, будучи председателем облисполкома, вызвал Коссова на Урал и пристроил в аппарат обкома союза металлистов заведовать орготделом. С произошедшим вскоре перемещением И. Д. Кабакова в кресло первого секретаря обкома ВКП(б) карьера М. Ф. Коссова устремилась вверх, и не только по профсоюзной линии. В июне 1930-го Кабаков вознес Коссова, тогда занимавшего должность лишь ответственного секретаря обкома союза металлистов, на самую вершину областной власти – ввел в состав кандидатов в члены бюро Уральского обкома ВКП(б). Председателем обкома металлистов Коссов стал спустя почти год, но надолго на этом месте не задержался и в конце 1931-го был утвержден первым секретарем Сталинского райкома ВКП(б) г. Свердловска. И следом, в начале 1932 г., еще более упрочил свое положение – вошел в состав уже полноправных членов бюро обкома партии³⁹.

Несоответствие кабаковского протеже занимаемой должности было столь очевидным, что этот факт вынуждено было признать даже обкомовское начальство. В составленной приблизительно в конце 1935 – начале 1936 г. характеристике указывалось на низкий уровень образования партфункционера: «Крупным недостатком тов. Коссова является недостаточная для руководителя общая и политическая грамотность, вследствие чего тов. Коссов нуждается в переподготовке». Но тут же, чтобы сохранить его на занимаемой должности, сделали небольшую приписку: «Тов. Коссова можно использовать секретарем самостоятельного крупного района»⁴⁰. Учитывая несоответствие занимаемой должности, и к тому же эсеровское прошлое Максима Федоровича, Иван Дмитриевич Кабаков имел все основания не сомневаться в преданности и надежности первого секретаря значимого райкома в областном центре. И Коссов, действительно, верой и правдой служил своему хозяину.

Большие начальники смотрели на распределение по «теплым местам» своих земляков и приятелей, невзирая на их деловые качества, как на нечто само собой разумеющееся. Поэтому неудивительно, что управляющий трестом «Востсибуголь» Я. А. Калюжный, узнав, что вместе с Кабаковым в Свердловске работает его старый знакомый М. В. Кузнецов, предположил присутствие на Урале солидной «тульской диаспоры».

³⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 1587. Л. 1, 5–6, 46 об., 57, 59, 61, 63; Оп. 8. Д. 13. Л. 1; Оп. 10. Д. 16. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 62.

«Уважаемый тов. Кузнецов! – писал Калюжный в Свердловск. – Совершенно случайно узнал, что ты находишься в Свердловске секретарем горкома. Очевидно, в Свердловске много бывших тульских работников, которым прошу передать искренний привет, и особенный привет тов. Кабакову»⁴¹.

Правда, всесильный хозяин области иногда оказывался не в состоянии продвинуть нужную ему кандидатуру. Даже при старой системе выборов.

В Свердловском горсовете «вождю уральских большевиков» служили бывшие туляки братья Корневы. А. С. Корнев занимал высокое кресло заместителя председателя горсовета. В его непосредственном подчинении находился его брат – В. С. Корнев, директор Свердловского промкомбината. В январе 1936 г. Кабаков решил продвинуть А. С. Корнева еще и по партийной линии. На III Свердловской городской партконференции на трибуну вышел представитель горкома (секретарь парткома Уральского индустриального института М. Н. Маргевич) и, как это обычно было принято, зачитал делегатам конференции заранее заготовленный список кандидатур в состав членов горкома, за который предстояло голосовать открытым голосованием. В списке среди прочих значился заместитель председателя Свердловского горсовета А. С. Корнев. В горсовете Корнев отвечал за жилищно-коммунальное хозяйство и благоустройство и, разумеется, подвергался острой критике за состояние подвластной ему сферы городского хозяйства. По распределению обязанностей Корнев курировал свердловские Горстрой и промкомбинат, которым руководил его брат – В. С. Корнев. Последний распоряжался продукцией промкомбината как своей собственной, причинив государству убыток за период своего руководства на сумму свыше 1 млн руб., присвоив себе почти на 15 тыс. руб. продукции и денег промкомбината. Помимо брата на этот комбинат зампред горсовета пристроил свою жену, и также не на рядовую должность – директором игрушечной мастерской. Мастерская работала плохо, но ее директор позволяла себе по несколько недель безо всяких причин не появляться на работе.

Кабаков и Кузнецов не случайно посадили «своих людей» в эти кресла: как позже выяснилось, промкомбинат являлся одним из каналов поступления средств в их карманы. К примеру, Свердловский городской

⁴¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 96. Л. 15.

финотдел перечислил 20 тыс. руб. на текущий счет магазина промкомбината, откуда они расходовались на нужды горкома.

Когда областная прокуратура все же заинтересовалась положением дел в промкомбинате, в надзорном ведомстве раздался телефонный звонок. «На каком основании Вы ведете следствие по делу промкомбината, тогда как нет постановления горсовета об отдаче под суд Корнева», – напустился на следователя Герасимовича председатель горсовета Николай Никитович Мизенко⁴².

Невзирая на коррупцию, процветающую в подведомственных горсовету учреждениях, Кабаков хотел выдвинуть зампреда горсовета в члены пленума горкома. Сделать это было нелегко: на недавней Ленинской районной партконференции Корнева провалили на выборах членов райкома. Кабакова это не смутило, и он заявил членам президиума городской партконференции, что если Корнева не проведут в члены горкома, то он будет рассматривать это как политическое поражение горкома ВКП(б). Поэтому председательствующий на заседании городской конференции секретарь горкома Кузнецов попытался схитрить: «Примем список за основу? Других списков нет? Если отводов не будет, может быть, можно считать принятым?» Но неожиданно воспротивился первый секретарь Орджоникидзевского райкома Л. Л. Авербах: «Давайте по всем правилам голосовать персонально каждого».

Ситуацию с ходу попытался спасти Маргевич, правда, в результате получилась глупость. «Я предлагаю голосовать, не подсчитывая голосов», – предложил секретарь парткома института. – «Ну, давайте голосовать персонально», – нехотя согласился Кузнецов, оставив предложение Маргевича без внимания.

Как и следовало ожидать, на кандидатуре Корнева вышла заминка: слово взял один из участников конференции. Не углубляясь в подробности, он заявил о нарушениях законности и практикующейся семейственности в подведомственном А. С. Корневу промкомбинате, о том, что в Горстрое дела также обстоят не лучшим образом: построенные в Свердловске школы имели массу недоделок на общую сумму в 1 млн руб. Делегат не скрывал, что обсуждение Корнева на Ленинской конференции – это его рук дело, и недвусмысленно резюмировал: «Я считаю, что товарищ Корнев в составе пленума городского комитета не может быть».

⁴² Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 63–64.

Кто же осмелился открыто и столь решительно выступить против креатуры И. Д. Кабакова? Ведь ни для кого в Свердловске не было секретом, какая фигура стоит за братьями Корневыми.

Этим делегатом был Александр Иванович Догадов – старый большевик, член партии с 1905 г. Одно перечисление некоторых должностей из послужного списка Догадова отвечает на вопрос: как осмелился? В 1920-е – начале 1930-х гг. Догадов входил в состав Оргбюро ЦК ВКП(б), занимал другие высокие руководящие посты, включая кресла первого секретаря ВЦСПС и заместителя председателя ВСНХ СССР, на последнем XVII съезде партии он был избран членом Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР, а следом назначен уполномоченным этой же комиссии по Свердловской области. А. И. Догадов был одним из немногих в Свердловске, кто мог позволить себе без особых опасений за собственную судьбу высказать точку зрения, отличную от мнения областного вождя.

На защиту Корнева бросился другой «туляк», первый секретарь Сталинского райкома ВКП(б) Максим Федорович Коссов. Сначала районный секретарь неумело попытался снять с Корнева вину за кадровые «ошибки», заявив, что «кадры подбираются и другими организациями». Далее Коссов попытался опровергнуть утверждения Догадова о недостатках школьного строительства: «...Он (Горстрой. – Авт.) неплохо построил школы в городе Свердловске – это факт». В зале поднялся шум: делегаты были возмущены столь явным искажением действительности. Больше в защиту Корнева никто не выступил. Открытым (!) голосованием делегаты вывели заместителя председателя горсовета из состава членов горкома.

Следом Кабакову пришлось убирать Корнева из горсовета. Правда, без работы своего тульского приятеля Кабаков и Кузнецов не оставили и тихо пристроили здесь же в Свердловске на «теплое место» – заместителем начальника строительства турбинного завода⁴³.

Таким образом, к середине 1930-х гг. партийные руководители крупных административно-территориальных образований становятся заметными игроками на политическом поле Советского Союза, выступают серьезным противовесом представителям центральных органов власти, ограничивая их властные полномочия. Вокруг них создаются мощные патрон-клиентские системы, которые характеризуются круговой порукой, злоупотреблением властью, разрастанием коррупцион-

⁴³ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 64–65.

ных практик. Культы местных «вождей» приобретают гипертрофированные размеры, и не замечать их становится все сложнее. Ощущая эту опасность, Сталин и его окружение начинают борьбу, направленную на подрыв позиций провинциальных руководителей.

В первую очередь, с целью ограничить официальную организационную власть, которой обладали региональные руководители, Москва начинает процесс ликвидации укрупненных административно-территориальных единиц, сформированных в конце 1920-х гг. Эти крупные административно-территориальные единицы были официальной базой власти руководителей провинциальных партийных комитетов, предоставляя им политические, экономические и организационные ресурсы. К тому же они были трудноуправляемыми ввиду недостаточно развитой транспортной инфраструктуры. Начиная с 1934 г. создается новая административно-территориальная структура, где основной единицей становится область, равная по своим размерам среднестатистической российской губернии. В национальных регионах также были ликвидированы региональные комитеты Закавказья и Средней Азии, каждый из которых объединял несколько территориальных образований⁴⁴.

В результате значительного сокращения территориальной и организационной юрисдикции региональных руководителей существенно снижается их политический вес и размеры административного ресурса. И. Д. Кабаков из влиятельного главы крупного Уральского региона превращается в руководителя значительно меньшей по размеру Свердловской области.

Следующая цель центральной власти – ликвидация семейных кружков и разрыв патрон-клиентских связей (расформирование команд) региональных руководителей.

Решающий шаг в этом направлении сталинское руководство сделало в начале 1937 г. К этому времени, как отмечает Дж. Истер, «...центральному руководству удалось мобилизовать свои официальные и силовые ресурсы, а также подорвать неформальные ресурсы власти регионального руководства. После этого лидеры из центра вступили в прямую конфронтацию с провинциальными партийными руководителями. Ареной этой конфронтации стал пленум ЦК, проведенный в конце февраля – начале марта 1937 года»⁴⁵.

⁴⁴ Истер Дж. М. Советское государственное строительство... С. 175–176.

⁴⁵ Там же. С. 179.

В принятой февральско-мартовским (1937 г.) пленумом ЦК ВКП(б) резолюции было указано на необходимость «перестроить партийную работу на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма, предписываемого Уставом партии». Данным решением пленума, а затем и специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1937 г. при выборах партийных комитетов и их руководящих органов запрещались голосование списком и кооптация в состав этих комитетов. Кандидатуры в состав партийных комитетов должны были выдвигаться делегатами на партийных конференциях, с обсуждением каждой кандидатуры и последующим закрытым (тайным) голосованием. Секретари, включая первого, и члены бюро также должны были избираться путем тайного голосования на организационных пленумах партийных комитетов. Один из сталинских соратников, А. А. Жданов, «указал, что некоторые региональные лидеры, включая “ответственных секретарей”, никогда не избирались на настоящих выборах»⁴⁶.

Таким образом, в практике организационно-партийной работы произошли кардинальные изменения. Запрещение кооптации было важным элементом в разрушении патрон-клиентских связей региональной номенклатуры. Дело в том, что кооптация существенно облегчала руководителю возможность проведения напрямую на какую-либо должность, минуя процедуру дополнительных выборов, нужных ему людей. Первый секретарь ЦК КП(б) Украины С. В. Косиор, после того как порочная практика кооптации была подвергнута жесткой критике на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), откровенно говорил о целях ее использования в кадровой политике: «Это не только простое нарушение устава, это часто издевательство, это возможность для всякого рода малопартийных, а часто и чуждых элементов пролезать на партийные руководящие посты. В Киеве было кооптировано в обком на протяжении 2–3 месяцев 50 человек. Максимально было необходимо кооптировать 10, ну самое большее 15 человек. Частью эти люди просто протасены, как свои люди, по семейственности, как связанные личными отношениями с руководством. Кооптация тут проведена для того, чтобы устроить положение своему человеку»⁴⁷.

Изменение принципов подбора и расстановки руководящих кадров наряду с перестройкой деятельности комитетов ВКП(б) в соответствии

⁴⁶ *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство... С. 181.

⁴⁷ Цит. по: Там же. С. 128.

с требованиями устава партии и «основами внутривнутрипартийного демократизма» (развитие критики и самокритики, введение тайного голосования при выборах партийных комитетов, повышение ответственности партийных органов перед «партийными массами», активизация этих масс и т. д.) явились ключевыми элементами реформирования И. В. Сталиным советской политической системы в 1937 г.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин потребовал подбирать кадры по деловым признакам, а не по личному знакомству, личной преданности и приятельским отношениям. В качестве отрицательного примера он привел кадровую политику первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана, бывшего секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и Уральского обкома ВКП(б) Л. И. Мирзояна. Мирзоян игнорировал местные казахские кадры и, по выражению Сталина, таскал за собой приятелей из Азербайджана и с Урала, расставляя их на ключевые посты в республиканском партийно-государственном аппарате. В подтверждение своих слов Сталин озвучил список, состоящий почти из двух десятков фамилий руководителей. Мирзоян же вместо того, чтобы признать допущенные кадровые ошибки или хотя бы промолчать, начал пререкаться со Сталиным по поводу лишь одной из прозвучавших фамилий. «Так подбирать людей не годится, – наставлял Сталин. – ...Этот метод подбора небошевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно»⁴⁸.

Как реагировали на установки Сталина региональные первые секретари, заседавшие на пленуме ЦК партии?

О реакции региональной элиты мы можем судить на примере первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б), члена ЦК ВКП(б), «вождя уральских большевиков» Ивана Дмитриевича Кабакова. Кабаков присутствовал на пленуме ЦК, выступал, клялся в приверженности линии Сталина, внешне проявил свою полную лояльность в отношении позиции вождя, одобряв его доклад, и вместе со всеми голосовал за резолюцию пленума⁴⁹. Наверное, по возвращении в Свердловск Кабаков, «засучив рукава», тотчас принялся за реализацию указаний главы государства?

⁴⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопр. истории. 1995. № 11–12. С. 13–14.

⁴⁹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Там же. № 5–6. С. 13–16; № 11–12. С. 22–23.

В январе 1937 г. протееже Кабакова М. В. Кузнецов утратил должность первого секретаря «столичного» горкома. Дело в том, что в соответствии с решением ЦК первый секретарь областного комитета партии одновременно должен был занимать и пост первого секретаря горкома партии областного центра. Проводя данную реорганизацию в 1937 г., руководство страны преследовало цель зафиксировать непререкаемое главенствующее положение в областях первого секретаря обкома партии. Вместе с тем прекрасно осознавалось то обстоятельство, что первый секретарь обкома ВКП(б) при существовавшей сверхцентрализованной системе власти не имел физической возможности в полном объеме осуществлять руководство еще и областным центром. Поэтому в целом обязанности руководителя комитета партии областного центра были возложены на второго секретаря горкома ВКП(б), который руководил деятельностью бюро горкома партии, проводил его заседания и решал все текущие вопросы, касавшиеся жизнедеятельности и развития города, т. е. в полном объеме исполнял обязанности первого секретаря. И. Д. Кабаков, таким образом, в дополнение к имеющимся должностям становился первым секретарем Свердловского горкома ВКП(б).

По возвращении с февральско-мартовского пленума ЦК И. Д. Кабаков в соответствии с установками Сталина должен был убрать Кузнецова с ключевой должности и подобрать вместо него крепкого администратора-хозяйственника, желательно имеющего диплом технического вуза и, разумеется, с партбилетом в кармане. Кабаков, однако, решил сохранить преданного ему Кузнецова «де-факто» на руководстве городом, сделав его вторым секретарем горкома и оставив в составе членов бюро обкома (сам Кабаков, безусловно, не мог в полном объеме руководить и обкомом, и горкомом партии). Все эти кадровые перестановки были оформлены решением пленума Свердловского горкома ВКП(б) 23 января 1937 г.⁵⁰

Не подобрал Кабаков и нового председателя облисполкома вместо арестованного в январе 1937 г. В. Ф. Головина, возложив исполнение этих обязанностей на заместителя председателя Г. П. Плинокоса, кандидатура которого также не соответствовала сталинским требованиям. А председателя областного совета профсоюзов, члена бюро обкома Г. С. Богачева, партийного пропагандиста по образованию, утратившего свою должность в связи с ликвидацией облпрофсовета, Кабаков заботливо пристроил первым секретарем горкома ВКП(б) в Нижний Тагил,

⁵⁰ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 50–51.

когда там был арестован предыдущий секретарь Л. Н. Пальцев⁵¹. Видимо в силу своего сформировавшегося за долгие годы во власти менталитета Кабаков не считал криминалом назначить на ключевые должности, требующие технических знаний, людей, такими знаниями не обладающих. Ведь и сам первый руководитель крупного промышленного региона страны имел в своем багаже лишь образование в объеме церковно-приходской школы, да работу в качестве слесаря на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде⁵².

Каких-либо внешних факторов, препятствующих реализации установок Сталина, у Кабакова не было. О сопротивлении местной партономенклатуры кадровым решениям «вождя уральских большевиков» не могло идти речи, все его инициативы получали полное одобрение. Роль членов бюро обкома, не говоря уже о членах областного партийного пленума, при авторитарном правлении Кабакова была значительно снижена, многие важные вопросы первый секретарь решал единолично. Кабаков был полновластным хозяином в области. И презентовал себя соответственно, как подобает местному «вождю».

Кабаков не считал нужным скрывать свои планы относительно тех местных партийных начальников – разумеется, его ставленников, – кто будет забаллотирован в ходе тайного голосования. Инструктору Центральной избирательной комиссии, прибывшему в Свердловск, он признался, что планирует укомплектовать ими аппарат облисполкома⁵³. Следовательно, заваленные на выборах районные и городские руководители, по замыслу Кабакова, должны были с высоко поднятой головой покинуть провинциальные властные структуры и перебраться в областной центр, где их ждали высокие властные кабинеты, благоустроенные квартиры, дополнительные денежные пособия и прочие номенклатурные радости. Вот так предпринимаемые Сталиным усилия по очищению партийно-государственного аппарата от наиболее зарвавшихся и не пользовавшихся авторитетом чиновников Кабаков планировал свести на нет.

Как видно, Кабаков не спешил выполнять указания Москвы и продолжал кадровую политику, основанную на патрон-клиентских отно-

⁵¹ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 51.

⁵² Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома, 1934–1991 : биограф. справ. Екатеринбург, 2003. С. 24.

⁵³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 126.

шениях. Здесь он исключением не являлся. В ходе реализации своей политики Сталин столкнулся с молчаливым сопротивлением региональных первых секретарей. И это неудивительно, ведь местные «вожди» практически в одночасье должны были расстаться со своими куклами, с такой любовью взращенными в первой половине 1930-х, стать лишь частицами безликой партноменклатуры, подвергающимися критике как сверху, так и снизу, вынужденными наряду с «простыми смертными» проходить через унижительную процедуру тайного голосования в состав партийных комитетов, рискуя быть неизбранными. Риск этот многократно возрастал, если бы руководящие кресла в области заняли люди, не связанные патрон-клиентскими отношениями с областным «вождем».

Исходя из вышесказанного, становится понятным, почему И. Д. Кабаков решительно сражался с другим важным сталинским нововведением – с новой системой выборов руководящих парторганов, предполагавшей возможность обсуждения и отвода любой из выдвинутых кандидатур и тайное голосование по каждой кандидатуре. С внедрением этой системы стало невозможным гарантировать сохранение номенклатурных постов за нужными ему людьми. А в ходе кадровых перестановок теперь необходимо было учитывать мнение рядовых членов парторганизации.

Региональным секретарям не впервой было волынить с реализацией указаний Сталина. Так, глава государства десятков лет подряд, начиная с XV съезда ВКП(б) в 1927 г., призывал их к развертыванию на местах критики и самокритики⁵⁴. На съездах и пленумах первые секретари обкомов и крайкомов встречали идеи Сталина аплодисментами, кричали из зала: «Правильно!», с высоких трибун вещали о гениальности и прозорливости вождя, а когда возвращались в свои «вотчины», то действовали по принципу: «До бога высоко, до царя далеко». И продолжали гнуть свою линию. Кабаков, к примеру, не без удовольствия прилюдно «полоскал» некоторых подчиненных (часто – не за дело, а для вида, чтобы лишний раз продемонстрировать «кто в доме хозяин») и в то же время резко пресекал малейшие попытки критики угодных ему областных начальников и своих приближенных⁵⁵. Так продолжалось вплоть до 1937 г.

⁵⁴ Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 329–331.

⁵⁵ Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова». С. 68–69; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 62; Д. 3. Л. 28.

В двадцатых числах мая 1937 г. Кабаков был арестован. Перед тем как отправить свердловского секретаря в жернова НКВД, 16 мая Сталин побеседовал с ним в своем кремлевском кабинете. В кабинете кроме хозяина присутствовали два члена Политбюро ЦК – председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов и нарком обороны К. Е. Ворошилов, а также секретарь ЦК, председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и одновременно нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов⁵⁶. И хотя содержание их разговора неизвестно, вероятнее всего, Сталин лишний раз убедился в невозможности «исправления» Кабакова и в нецелесообразности его использования на другой, пусть даже низовой работе. Так или иначе, на этой встрече Сталин определил его дальнейшую судьбу. Уже на следующий день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О Кабакове», которым вынесло на голосование членов и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «По имеющимся материалам член ЦК Кабаков обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру правых. Политбюро ЦК ставит на голосование членов ЦК и кандидатов в члены ЦК предложение об исключении Кабакова из состава ЦК и из партии с передачей его дела в Наркомвнутдел». Члены пленума ЦК ВКП(б) опросом проголосовали «за», после чего «вождь уральских большевиков» был арестован и спустя полгода расстрелян. Та же участь ожидала его многочисленных выдвиженцев из числа обкомовских и облисполкомовских руководителей, городских и районных партийных секретарей⁵⁷.

Свердловская областная партийная конференция, на которой был впервые применен новый порядок выборов, состоялась в июне 1937 г., когда первый секретарь свердловских обкома и горкома партии И. Д. Кабаков был уже снят со своих постов и арестован органами НКВД.

Демократизация внутрипартийной деятельности если и изменила процедуру выборов «рядового» состава комитетов партии, то менее всего затронула порядок утверждения руководителей наиболее важных партийных комитетов – крупных горкомов, обкомов и крайкомов, ЦК компартий союзных республик, так как Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) не отказались от своего права назначать данных руководи-

⁵⁶ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): справ. / авт.-сост. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев; науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2010. С. 209.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 614. Л. 3; Оп. 3. Д. 987. Л. 62; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 254. Л. 9–13.

лей и не передали эти полномочия на места. ЦК партии продолжал направлять на ключевые посты в регионах, и в частности на руководство Свердловским обкомом ВКП(б), работников, совершенно не знакомых местным парторганизациям, вынужденным «избирать» их своими руководителями. Но впоследствии выдвиженцы Москвы в обязательном порядке проходили через процедуру тайного голосования на партийных конференциях. До этого момента их должности имели приставку «исполняющий обязанности».

Все это в полной мере нашло свое отражение в партийно-государственной системе власти Свердловской области. На первом после областной конференции пленуме Свердловского обкома ВКП(б) 20 июня 1937 г. выборы в состав бюро и секретариата областного комитета осуществлялись тайным голосованием, в результате которого первым секретарем обкома партии стал А. Я. Столяр⁵⁸. Его, ранее возглавлявшего Кировский обком и горком партии, Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением от 14 мая 1937 г. «рекомендовало» на пост первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б). Бюро Свердловского областного комитета партии 21 мая, а на следующий день – и пленум обкома выполнили решение Политбюро и утвердили совершенно незнакомого им А. Я. Столяра исполняющим обязанности первого секретаря⁵⁹. Та же самая ситуация повторилась и спустя год, когда А. Я. Столяра сменил К. Н. Валухин.

Однако в условиях провозглашенной новой кадровой политики Абрам Яковлевич Столяр на предстоявшей областной партконференции теоретически мог быть не избран членом Свердловского обкома ВКП(б), а следовательно, не сумел бы занять кресло первого секретаря обкома. Поэтому и представлять местному «истэблишменту» совершенно незнакомого чиновника, до переезда в Свердловск возглавлявшего Кировский обком и Кировский горком ВКП(б), приехал член Политбюро и секретарь ЦК А. А. Андреев.

Участникам XV, «антикабаковского», пленума обкома партии 22 мая 1937 г. Андреев сообщил, что ЦК ВКП(б) своим постановлением рекомендовал А. Я. Столяра первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б). «Я думаю, что многие из присутствующих товарищей товарища Столяр знают не впервые, – заявил Андреев. – Товарищ Столяр хороший большевик, доказавший на практике эти свои качества, боевой большевик, пре-

⁵⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 30. Л. 6–7, 14.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 58; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 24. Л. 2; Д. 55. Л. 133.

красно руководил Кировской областью. Я думаю, что он прекрасно будет руководить и у вас на посту первого секретаря обкома»⁶⁰.

Спустя несколько дней в выступлении на Свердловской городской партконференции Андреев от имени ЦК ВКП(б) представил Столяра «столичной» партноменклатуре как руководителя, «проверенного на целом ряде парторганизаций, на руководстве этих парторганизаций». И лично, когда дело дошло до формирования состава горкома, предложил его кандидатуру для включения в список для тайного голосования: «Разрешите мне, товарищи, от ЦК ВКП(б) порекомендовать вам одну кандидатуру – кандидатуру товарища Столяра. Товарища Столяра мы рекомендуем вам в качестве члена горкома как выдержанного большевика, политически проверенного товарища. С другой стороны, мы товарища Столяра предлагаем как проверенного руководителя на целом ряде крупнейших организаций нашей партии. Мы убеждены в том, что товарищ Столяр окажется таким же хорошим руководителем, каким он был до сих пор, и в Свердловской области».

Предложение одного из соратников Сталина было встречено аплодисментами. Большинство присутствовавших в зале были либо ознакомлены, либо наслышаны о постановлении бюро Свердловского обкома от 21 мая, которым на А. Я. Столяра было возложено исполнение обязанностей первого секретаря обкома, и с соответствующим решением «антикабаковского» пленума обкома. И потому из зала городской партконференции поступил лишь один, да и тот формальный, вопрос: «Какой партийный стаж товарища Столяра?» – «Товарищ Столяр не особенно старый человек, но имеет двадцатилетний партийный стаж», – ответил Андреев⁶¹.

Свердловская партноменклатура покорно подчинилась решению высших партийных инстанций. Кремль и Старая площадь, отправляя в жернова НКВД одного регионального «вождя» за другим, оказали кировскому секретарю высокое доверие и новым назначением фактически повысили его во властной иерархии. А для его безболезненного воцарения в кресле руководителя крупного промышленного региона в Свердловск командировали высокого кремлевского начальника из ближайшего окружения Сталина. И потому верховная власть была вправе ожидать, что, в отличие от объявленного врагом народа предшественника, новый первый секретарь Свердловского обкома и Сверд-

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 27. Л. 21.

⁶¹ Там же. Л. 46; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 268.

ловского горкома ВКП(б) станет надежным проводником сталинских политических преобразований.

Но... уже самые первые шаги Абрама Яковлевича на уральской земле свидетельствовали о том, что он словно ничего не слышал о речи Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., растиражированной во всех советских газетах и в партийных журналах.

Безусловно, Столяр тщательно соблюдал все необходимые партийные ритуалы, точно так же, как и предыдущий «вождь» Кабаков, клялся в верности проводимой Сталиным политике. Сделать это публично позволила ближайшая областная партийная конференция, созванная в июне 1937 г. «На свою вторую областную партийную конференцию большевики Свердловской области вместе со всей нашей партией пришли вооруженные решениями последнего пленума ЦК, вооруженные замечательным по своей глубине, по силе своих указаний докладом товарища Сталина и его заключительным словом», – торжественно провозгласил он на открытии партийного форума⁶².

На деле же бывший «вождь кировских большевиков» не мыслил себя, свою руководящую деятельность в Свердловске без проверенного годами, лично ему преданного окружения, привезенного им из Кирова «хвоста», как предписывал именовать это окружение политический лексикон того времени. По сути, А. Я. Столяр в своей практической деятельности продолжил линию своего предшественника.

В Свердловск новый хозяин области прибыл в сопровождении целой свиты, куда входили руководящие работники, помощники и даже шоферы. В общей сложности Абрам Яковлевич перетащил за собой из Кирова более десятка человек⁶³. Самые высокие посты получили Борис Захарович Берман (назначен третьим секретарем обкома) и Алексей Петрович Грачев (назначен сначала заведующим промышленным отделом обкома, а позже, в октябре 1937-го, – председателем облисполкома). Учитывая, что второго секретаря в обкоме не было почти на всем протяжении столяровского правления, этот триумвират стал заправлять всеми делами в бюро обкома (или почти всеми, так как к тому времени значительно возросла роль начальника областного УНКВД).

Что это были за люди? Абрама Яковлевича Столяра и Бориса Захаровича Бермана связывала между собой малая Родина – Забайкалье. На свет они появились с разницей в четыре года: первый – в одном из

⁶² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 4.

⁶³ Там же. Оп. 33. Д. 12. Л. 130–131.

сел Читинского уезда, второй – в самой Чите. Родители того и другого не бедствовали: отец Абрама Яковлевича был крепким крестьянином, позже владел золотым прииском, у Бориса Захаровича отец был состоятельным домовладельцем. В последующем тоже было много общего. Оба прошли Гражданскую войну, были на подпольной парторботе, при советской власти стремились получить партийно-пропагандистское образование: Столяру это удалось, он успешно окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова в Москве, Берман был менее удачлив – учился в лекторской группе Коммунистического университета трудящихся Востока и в Экономическом институте красной профессуры, но ни то, ни другое заведение окончить ему не удалось. И оба трудились на партийно-идеологической ниве, даже в разное время возглавляли один и тот же отдел крайкома в Нижнем Новгороде (Горьком). Когда А. Я. Столяр в конце 1934 г. возглавил Кировский крайком ВКП(б), на должность первого секретаря подведомственного крайкому Удмуртского обкома (Удмуртская АССР входила в состав Кировского края вплоть до принятия новой Конституции СССР) он провел своего земляка Бермана. А в 1937 г. забрал его с собой в Свердловск и сразу возложил на него временное исполнение обязанностей второго секретаря обкома. Старую площадь, однако, кандидатура Бермана не устроила, и та назначила вторым секретарем обкома Константина Васильевича Абаляева, ранее работавшего заведующим отделом руководящих парторганов (ОРПО) Челябинского обкома ВКП(б) (следует отметить, что даже в кабаковские времена вторые секретари обкома были ставленниками Москвы). Берман был вынужден довольствоваться «лишь» креслом третьего секретаря. Правда, спустя месяц Москва отозвала Абаляева из Свердловска и направила его в Саратов первым секретарем обкома ВКП(б). Заветное место вновь оказалось вакантным, и Столяр предпринимает решительные, правда, безуспешные попытки добиться от ЦК разрешения посадить на него Б. З. Бермана⁶⁴. Впрочем, Берман фактически таковым и был, если учитывать, что официальный «второй» в столяровском обкоме после Абаляева так и не появился. Во всяком случае, как районные и городские секретари, так и обкомовские аппаратчики считали Бермана «вторым» в обкоме⁶⁵.

⁶⁴ Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 28–29; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 4. Л. 99–100, 109–110; Оп. 23. Д. 127. Л. 2–5; Оп. 33. Д. 12. Л. 136.

⁶⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 16, 54, 74.

Зато Столяр не упустил другое важное кресло в руководстве области – председателя облисполкома, в которое усадил сорокаоднолетнего Алексея Петровича Грачева. Председатель облисполкома, как правило, был «личной номенклатурой» первого секретаря обкома, и Москва дала согласие на такую кадровую рокировку. Членов бюро обкома Столяр уверял, что председатели облисполкомов в самых разных концах страны, которых ему доводилось встречать, часто по своим деловым качествам уступали Грачеву. Грачева же Столяр презентовал как руководителя, знающего промышленность, что он – «партийный человек»⁶⁶.

Алексей Петрович Грачев до переезда в Свердловск работал первым секретарем Кировского горкома ВКП(б) (и совсем чуть-чуть вторым, когда должности первых секретарей обкомов и «столичных» горкомов были совмещены). Это тоже был старый знакомый Столяра по совместной работе в конце 1920-х гг.: когда Столяр возглавлял Канавинский райком ВКП(б) Нижнего Новгорода, Грачев был его правой рукой – заведующим орготделом, затем – председателем райсовета. По уровню образования А. П. Грачев заметно уступал даже «пропагандистам» Столяру и Берману: оно ограничивалось лишь начальной железнодорожной школой и тульскими вечерними курсами партактива. В послужном списке Грачева преобладали в основном партийные, реже – советские и профсоюзные должности. Разумеется, ни по уровню образования, ни по опыту работы Грачев не был подготовлен к высоким постам в Свердловске. Да он и сам это осознавал, и даже публично каялся, правда, не во время назначения, а гораздо позже, когда его начальник был лишен всех постов: «О моей работе. Я прямо должен сказать, для меня понятна основа основ, провал той работы, на которой я работал и в промышленном отделе, и в облисполкоме, является мой уровень развития. Заявляю, что нежелание работать, желание работать у меня есть, энергии работать достаточно, но, вероятно, уровень развития таков, что порученная мне работа оказывалась и оказалась абсолютно не по плечу»⁶⁷. Грачев признавал, что ранее руководил городским хозяйством Кирова – относительно небольшого по масштабам города. Переход на руководство промышленным отделом обкома в области, промышленности которой, по его выражению, он ранее в глаза не видел, дался ему нелегко. Согласие работать председателем облисполкома Грачев впоследствии также

⁶⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 83.

⁶⁷ Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 105–106; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 103–104.

считал своей ошибкой: «Это оказался промах мой, и я должен заявить, что в сельском хозяйстве я не разбираюсь, я им не руководил, да и не мог руководить». Облисполкомовские бумаги по сельскохозяйственным вопросам, которые приносили ему на подпись, он, по его словам, «просто штамповал», т. е. подписывал, не вникая в суть документа. На докладе в правительстве в марте 1938 г. председатель облисполкома признавался, что не понимает значения тех сельскохозяйственных терминов, которые был вынужден произносить.

Впрочем, ранее, несколько месяцев назад, ознакомившись с решением Политбюро ЦК о его утверждении председателем облисполкома, Грачев сомнениями насчет собственного профессионализма не терзался. Напротив, испытал головокружение от карьерного успеха: «Через день пришло решение ЦК, вскружило голову мне, и думаю, что, может быть, я свои силы недооцениваю, видят люди кого выдвигают»⁶⁸. Столяра же некомпетентность Грачева волновала мало, ему важно было посадить на значимое место преданного человека. И, нужно признать, первый секретарь обкома в нем не ошибся: Грачев верой и правдой служил своему хозяину, сохраняя ему преданность даже тогда, когда над тем сгустились тучи⁶⁹.

Весьма важное кресло второго секретаря Свердловского горкома ВКП(б), заместителя Столяра по «столичному» горкому партии, с мая 1937 г. занимал человек не из его команды, а ставленник Москвы Евгений Акимович Шокин. Фактически Шокин и возглавлял Свердловский горком, так как первый секретарь обкома и горкома А. Я. Столяр в основном был сосредоточен на руководстве областными властными структурами. Дополнительный вес в руководстве области Е. А. Шокину придавал статус члена бюро Свердловского обкома партии. Шокин был самостоятельной фигурой в свердловских коридорах власти, в рот Столяру не смотрел, и даже решительно поддерживал начальника Управления НКВД по Свердловской области Дмитрия Матвеевича Дмитриева в его попытках свергнуть подозреваемого в троцкизме Б. З. Бермана⁷⁰. Конечно, Столяр не мог смириться с присутствием в своей команде такого независимого партийного чиновника, как Шокин: хозяин обкома приставил к нему в соглядатаи своего технического секретаря Жуйкова

⁶⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 105–106.

⁶⁹ Там же. Л. 56, 122.

⁷⁰ Там же. Л. 133–134.

и использовал любую возможность, чтобы «навесить» на Шокина политические ошибки⁷¹.

Когда строптивного Шокина в конце концов удалось убрать из Свердловска, то вместо него на руководство горкомом Столяр выдвинул своего помощника по обкому ВКП(б) Александра Сергеевича Морозова. Причем при «воцарении» столяровского помощника в областной столице был разыгран тот же сценарий, что и с Б. З. Берманом в обкоме: А. С. Морозов решением бюро обкома от 5 февраля 1938 г. был «рекомендован» третьим секретарем Свердловского горкома партии и незамедлительно, не дожидаясь решения пленума горкома, приступил к исполнению новых должностных обязанностей. Но так как после отзыва Шокина в Москву его место оставалось вакантным, Морозов в горкоме фактически заправлял всеми делами, вел заседания горкомовского бюро⁷².

Имел ли Морозов соответствующую подготовку, достаточный опыт для того, чтобы возглавить крупный промышленный центр с весьма сложным и проблемным городским хозяйством? Уже простое перечисление должностей из послужного списка тридцатидвухлетнего партийца свидетельствует о том, что это был очередной профессиональный пропагандист. Вот те должности, которые он занимал, начиная с 1925 г.: заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом в Семеновском уезде и Балахнинском райкоме ВКП(б) Нижегородской губернии, заведующий сектором политобразования в Нижегородском губкоме ВЛКСМ, заведующий учебной частью совпартшколы в Арзамасе, руководитель пропагандистской группы, затем – председатель методического бюро культпропа в Нижегородском крайкоме партии, студент института марксизма-ленинизма в Нижнем Новгороде (Горьком), заместитель начальника, а затем – начальник политотдела МТС в Арзамасе. После чего, с декабря 1934 г., работал помощником первого секретаря Кировского крайкома ВКП(б) А. Я. Столяра. Непосредственно с промышленным производством Морозов соприкасался лишь в молодости, когда семнадцатилетним юношей десять месяцев проработал табельщиком в котельно-кузнечном цехе Кулебакского завода⁷³.

Профессиональная пригодность не только ответственных работников, но даже некоторых представителей из обслуживающего персонала, привезенного Столяром в Свердловск, вызывала немалые сомнения:

⁷¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 55–56, 131, 138; Ф. 4. Оп. 15. Д. 34. Л. 137–143.

⁷² Там же. Д. 21. Л. 71 об.; Ф. 4. Оп. 33. Д. 10. Л. 278; Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 144–147.

⁷³ Там же. Оп. 23. Д. 1131. Л. 4 об., 7 об.

не все оказались готовы исполнять возложенные на них обязанности. Кировские шоферы, к примеру, не имели навыков вождения лимузина ЗиС-101, стоявшего в обкомовском гараже. Столяр тем не менее не считал возможным доверить перевозку своей персоны местным свердловским шоферам и дал месяц на переобучение кировских. Заведующим гаражом тоже назначил своего⁷⁴.

Абрам Яковлевич положил немало сил на трудоустройство в Свердловске «своих людей» и некоторые кадровые решения дались ему с немалым трудом. Как в случае с Львом Абрамовичем Цехером – бывшим заведующим Горьковским краевым отделом народного образования. Последний год Лев Абрамович трудился в Наркомате просвещения РСФСР в качестве начальника управления средних школ. Столяр пообещал Цехеру в Свердловске должность заведующего отделом школ и науки в обкоме партии и заручился его согласием. Заминка вышла на областной партконференции в июне 1937 г. При выборах в состав членов обкома Цехер честно заявил, что до вступления в партию большевиков чуть менее года состоял в партии меньшевиков-интернационалистов. На Цехера накинута с вопросами: «Сколько времени были в меньшевиках?», «В октябрьские дни какое участие принимали в борьбе против большевиков?», «Есть ли родственники за границей?», «Кто ваши братья?».

Лев Абрамович отбивался как мог, уверял делегатов, что в партии меньшевиков был лишь год, оказался там случайно, никакую активную работу не проводил, так как учился в это время в институте, а позже перешел в большевистскую партию и «всегда боролся за генеральную линию». Остудить пыл делегатов попытался Б. З. Берман, сославшись на высшие инстанции, что Цехер приехал в Свердловск «по специальному заданию ЦК» и отдел школ ЦК дал санкцию на его назначение в обком ВКП(б).

Попытка тем не менее успехом не увенчалась: с места под одобряющие возгласы прозвучало предложение отвести Цехера из списка для голосования. Начать процедуру голосования за включение в список для голосования в такой ситуации означало бы «похоронить» кандидатуру Цехера. Видя настроение зала, председательствующий Берман вновь выступил в защиту Цехера, охарактеризовал его как «активного партийного товарища», твердо высказал мнение о целесообразности оставить в списках. Это уже походило на давление. Но очередной вопрос из

⁷⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2. Л. 189–190.

зала: «Когда вы были меньшевиком, вы занимали маленькие или большие посты?» – вновь вынудил Цехера оправдываться.

Тогда в бой двинулась «тяжелая артиллерия». «Товарищи, человек был интернационалистом, – заявил первый секретарь обкома Столяр. – Организация меньшевистская, но организация все-таки в тот момент отличная от оборонцев». С места не согласились: «Враждебная». «Враждебная, – подтвердил Столяр, и тут же парировал, – но вы должны знать, что в момент взятия власти они занимали несколько особую позицию и у нас в партии немало людей, которые были прежде в другой партии. Счастье наше, что мы не были, были большевиками все время, но есть люди, которые совершили ошибку, состояли не в той партии, не разобрались в первый момент. Проходили чистку, их оставили в партии. Это не мотив для отвода в комитет. Они пользуются правом и могут быть избранными».

И не дав разгореться новой дискуссии, председательствующий Берман поставил вопрос о Цехере на голосование. За оставление в списке подняли руки большинство – 234 человека, послушаться первого секретаря обкома не побоялись только 77 делегатов⁷⁵. Столяру удалось, таким образом, продавить еще одного «своего» в областное руководство.

Другие приехавшие со Столяром начальники без важных постов тоже не остались: В. И. Шиходыров получил место заместителя председателя Свердловского облисполкома и был введен в состав членов президиума облисполкома, Д. И. Самарин был назначен председателем Свердловского облпотребсоюза. На «теплое» место заведующего домом отдыха посадили некоего Рысакова⁷⁶.

Здесь нужно оговориться, что перемещение работников на Урал должно было происходить с санкции ЦК ВКП(б). Однако, как позже выяснилось, А. Я. Столяр переводил в Свердловск и трудоустраивал нужные ему кадры, не ставя в известность соответствующие отделы ЦК ВКП(б) и не оформляя их перевод должным образом⁷⁷. К примеру, заявление Б. З. Бермана о согласии отдела школ ЦК на перевод в Свердловск Л. А. Цехера было откровенно лживым: областная конференция, где Цехер избирался в состав обкома, проходила в июне, а командировочное удостоверение, согласно которому Цехер направлялся в распо-

⁷⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 5. Л. 48–52.

⁷⁶ Там же. Оп. 33. Д. 12. Л. 82, 130–131; Оп. 18. Д. 7. Л. 284.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 33. Л. 21.

ряжение Свердловского обкома ВКП(б), было оформлено лишь 7 сентября, и прибыть к месту работы он должен был до 13 сентября 1937 г. На самом же деле он к тому времени уже почти три месяца возглавлял отдел школ и науки обкома ВКП(б)⁷⁸.

Все указывает на то, что оформлением этого командировочного удостоверения в сентябре 1937 г. свердловское начальство озаботилось не случайно. Оно понадобилось Столяру в качестве обоснования переезда Цехера из Москвы в Свердловск. Обоснование это со Столяра могли затребовать как цеховские инстанции, так и органы госбезопасности в связи с тем, что брат Цехера, работавший вторым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана, в это время был «разоблачен как враг народа». Хоть Л. А. Цехер и заявил на бюро обкома, что о вражеской работе брата он ничего не знал и встречался с ним крайне редко, обком занялся выяснением характера взаимоотношений между братьями. В начале октября решением бюро обкома Л. А. Цехер был снят с должности заведующего обкомовским отделом и выведен из членов пленума обкома⁷⁹.

Кого-то из своих бывших сослуживцев А. Я. Столяру даже не пришлось перевозить на Урал. Уже по прибытии в Свердловск Столяр встретился со своим старым знакомым по Нижнему Новгороду Петром Александровичем Львовым, с которым когда-то вместе работал в редакции главной региональной газеты «Нижегородская коммуна», где Столяр был ответственным редактором, а Львов – ответственным секретарем. Затем Столяр руководил агитпропом в крайкоме, после стал секретарем крайкома, а Львов в это же самое время возглавлял редакции других партийных изданий в Нижнем Новгороде и одновременно являлся корреспондентом «Правды». Иначе говоря, под патронатом Столяра карьера Львова успешно развивалась. Однако затем цеховские кадровики перебросили Львова на Урал, где он уже не был столь успешен (по всей видимости, не пришелся ко двору И. Д. Кабакова), и вскоре оказался вне хорошо знакомой ему партийно-идеологической системы. К моменту прибытия Столяра в Свердловск Львов трудился на неприметной должности заведующего Свердловской областной конторой коммунснаба. Новый хозяин области позаботился о более достойном месте для бывшего сослуживца: в июле 1937 г.

⁷⁸ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 1875. Л. 2.

⁷⁹ Там же. Оп. 18. Д. 7. Л. 133; Оп. 23. Д. 1875. Л. 1.

Львов занял кабинет начальника комитета искусств при Свердловском облисполкоме⁸⁰.

Расстановка прочих руководящих кадров в области, осуществлявшаяся столяровским руководством, также выглядела весьма сомнительной с точки зрения эффективности, осмысленности, продуманности и обоснованности. «Я работаю в сельскохозяйственном районе, – заявлял на пленуме обкома первый секретарь Краснополянского райкома партии А. Г. Залесский. – С сельским хозяйством я не знаком и не знал его, потому что я – промышленник. Послали меня в сельское хозяйство. Хорошо, я – большевик, я – коммунист, я должен овладеть этим делом. Но помощь нужна». Однако ни материально-технической, ни организационно-партийной помощи, наставлений, касающихся специфики руководства сельскохозяйственным районом, от областного начальства он так и не дождался⁸¹.

Стиль руководства А. Я. Столяра если и отличался от стиля предшественника – И. Д. Кабакова, то немногим. «Столяр – это всё! Никто никаких вопросов не решал: ни в обкоме, ни в облисполкоме, нигде, – говорил на пленуме обкома в апреле 1938 г. первый секретарь Пермского горкома ВКП(б) С. М. Ключев. – Все вопросы, все решения вопросов зависели от Столяра, как он скажет. Независимо от того, правильно или неправильно. Даже не в решениях, не путем коллегиального решения, а просто на ходу: Столяр сказал, так и будет»⁸².

«К первому секретарю меня не тянуло, потому что он держал себя слишком высоко, великодержавным вельможей», – вторил Ключеву первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б) В. Ф. Канавцев. Тагильский секретарь рассказал о своих пререканиях со Столяром по поводу того, как с хозяйственной точки зрения целесообразно провести границы районов внутри Нижнего Тагила. Мнение тагильчан Столяра интересовало мало, ему с «областной колокольни» было виднее. Над аргументацией Столяр долго не размышлял: «Не понимаешь ты ничего, – говорит он. – Раз говорят тебе, должен чувствовать указание секретаря». «Руки по швам, и всё!» – сделал Канавцев для себя вывод из разговора с главным областным начальником⁸³.

⁸⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 24. Д. 1298. Л. 13–14; Оп. 63. Д. 1572. Л. 5, 16, 29; Оп. 33. Д. 10. Л. 272; Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 29.

⁸¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 30–31.

⁸² Там же. Л. 18.

⁸³ Там же. Д. 11. Л. 36; Д. 12. Л. 41.

Столяр с трибуны областной конференции в июне 1937 г. призвал развивать критику и самокритику в парторганизациях, прежнему областному руководству предъявил обвинение в том, что оно «...стремилось всячески снизить, задушить, задавить, зажать самокритику». «В партийных организациях члены партии, кандидаты стремятся всемерно поднять критику, зная ее значение для партийной работы, а сверху руководство пытается усыпить бдительность, задушить критику, а для этого развивают семейственность, угодничество, подхалимство и всякие прочие истории...», – говорил А. Я. Столяр делегатам⁸⁴.

Тем не менее как только второй секретарь Свердловского горкома ВКП(б) Е. А. Шокин на пленуме обкома в конце 1937 г. покритиковал обкомовское и облисполкомовское начальство, то тут же получил решительный отпор от хозяина области. Если говорить о сути выступления Шокина, то ничего крамольного обкому и его первому секретарю он не предъявил. Первое, на что Шокин обратил внимание, это недостатки в организации прошедших выборов в Верховный Совет СССР. Кроме того, Шокин поставил в вину бюро обкома пренебрежение хозяйственными проблемами во время избирательной кампании и этим объяснил невыполнение областью плана хлебозаготовок. Досталось и ведомству А. П. Грачева – Свердловскому облисполкому: Шокин «проехался» по столяровскому ставленнику В. И. Шиходырову (обвинил его в нежелании решать хозяйственно-финансовые проблемы подведомственной ему местной кондитерской фабрики, вызывавшие перебои в ее работе) и по заведующим отделами облисполкома, которые тоже, как и Шиходыров, отказывались «решать острые вопросы», указал на кадровую неукомплектованность советского аппарата и т. д. Столяр, Берман и Грачев пытались перебивать выступавшего репликами и уточняющими вопросами, но тот твердо стоял на своем, ссылаясь на публикации в «Правде»⁸⁵.

Критики персонально в адрес А. Я. Столяра Шокин себе не позволил, и даже, напротив, старался на него сослаться как на авторитет: «Товарищ Столяр совершенно правильно говорил...», «...и тут правильно товарищ Столяр говорил...»⁸⁶. Тем не менее от «возмездия» это его не спасло. Терпеть критику в свой адрес и в отношении своих выдвиженцев Столяр не желал и нашел способ избавиться от бузотера.

⁸⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 88.

⁸⁵ Там же. Д. 34. Л. 64–73.

⁸⁶ Там же. Л. 66, 71.

В скором времени, 10 февраля, Е. А. Шокин отправился в отпуск в Москву «по семейным обстоятельствам», а из отпуска обратно в Свердловск уже не вернулся, был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б)⁸⁷.

Шокин просто исчез из поля зрения региональной партноменклатуры, никаких разъяснений местные партийные секретари не получили. Они лишь явились свидетелями критического выступления Шокина на пленуме обкома и последовавшей негативной реакции со стороны Столяра. Из случившегося свердловская партноменклатура сделала для себя однозначные выводы, что критиковать главных областных начальников небезопасно. «...Если выступаешь с критикой, тебя в отпуск отпустят, а из отпуска не возвратишься», – говорил на пленуме обкома упоминавшийся выше пермский секретарь С. М. Ключев⁸⁸. «...Всякая критика, которая отчасти была наведена на бюро обкома или на отдельных лиц, она сразу одергивалась известными репликами, и человек прекращал свои разговоры и переключался на другое», – вторил ему член обкома ВКП(б) из Лысьвы Н. И. Горбунов⁸⁹.

Своих приближенных областной хозяин «в обиду» не давал, был слишком рьяных критиков старался остудить. В частности, как только его ставленник, секретарь Свердловского горкома партии А. С. Морозов, стал подвергаться критике снизу, незамедлительно последовала реакция Столяра. В частной беседе с одним из морозовских критиков – первым секретарем Ежовского райкома партии г. Свердловска Н. П. Сулицким – Столяр напомнил, что бывший первый секретарь Кагановичского райкома и бывший начальник Сулицкого – И. А. Иванов, объявленный врагом народа, тоже в свое время пытался противопоставить райком горкому. Столяр «порекомендовал» Сулицкому побольше советоваться, «ближе быть к горкому партии» и заметил, что Морозов умный парень, но еще молодой работник⁹⁰.

Было бы удивительно, если бы А. Я. Столяр повел себя в Свердловске иначе и в одночасье сумел перестроиться в соответствии со сталинскими требованиями. Ведь ранее в Кирове он был окружен такими же подхалимами, как и его свердловский предшественник И. Д. Кабаков. Эти подхалимы провозгласили там Столяра «вождем киров-

⁸⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 21. Л. 69.

⁸⁸ Там же. Д. 12. Л. 20, 121.

⁸⁹ Там же. Л. 24.

⁹⁰ Там же. Л. 144–147.

ских большевиков», на парадах его портрет несли рядом с портретом И. В. Сталина⁹¹.

Правда, нужно сказать, что демонстративное подхалимство и угодничество перед областным начальством на областных пленумах и партконференциях остались в прошлом. Свидетельством тому служили выступления на Свердловской городской партконференции в мае 1937-го, последовавшие после того, как исполняющий обязанности второго секретаря горкома Иван Алексеевич Кормилов – один из кабаковских сподвижников, завершая отчетный доклад, произнес невинную на первый взгляд фразу, что свердловской парторганизации предстоит «...под руководством вновь избранного горкома партии, вновь избранного обкома партии, под руководством товарища Столяра – секретаря обкома партии, выправить все эти ошибки, исправить все политические недостатки в работе и вывести парторганизацию Свердловска в шеренгу передовых организаций нашей партии»⁹².

После этих слов Кормилов начал спускаться с трибуны и услышал, как недовольно зашумел зал. Прожженный партийный функционер сразу смекнул, что не стоило ему вот так открыто на виду у всей конференции заискивать перед новым областным хозяином. Пока на трибуне выступала представитель ревизионной комиссии, он обдумал, взвесил все возможные последствия своих слов и решил немедленно дезавуировать собственную ошибку, чтобы предупредить обвинения в подхалимстве. Кормилов вновь поднялся на трибуну, на этот раз «для справки». Чувствовал он себя на трибуне, против обычая, весьма неуверенно. «Я, товарищи, хочу заявить вот о чем, и поправиться в этом отношении, – с трудом подбирал он слова. – Я считаю, что мое заключение доклада могло быть понято неправильно. Я почувствовал это, когда товарищи зашумели. Когда я сошел с трибуны, то представил себе, что это может быть неправильно истолковано в отношении Столяра. Чтобы это не было понято в смысле подхалимства и неправильного политического толкования, я должен сказать, что вместе с новым секретарем обкома партии, временно исполняющим обязанности секретаря обкома партии, мы должны вместе с ним... помочь ему выправить недостатки, которые имеются в нашей городской партийной организации, и под руководством Центрального комитета партии мы должны их исправить. Я прошу это дело учесть»⁹³.

⁹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 129.

⁹² Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 93.

⁹³ Там же. Л. 110–111.

Но делегаты «закусили удила». Секретарь парткома треста «Урал-золото» Ульянов окрестил Кормилова артистом. «Смотрите, в заключительном слове вы слышали, как он начал говорить и моментально “подвернул” к новому секретарю обкома партии, подлазит и т. д. Что это, не подхалимство? Форменное и настоящее подхалимство! – под одобрительные возгласы из зала заявлял Ульянов. – А он потом вышел: извиняюсь, меня не поймите по-другому. Мы понимаем, не вчерашние члены партии!»⁹⁴.

Спустя две недели Кормилкову не по доброй воле пришлось переехать в «апартаменты товарища Дмитриева», где чекисты принялись «лепить» из него участника антисоветской повстанческо-террористической организации, разработчика планов вооруженных восстаний против советской власти⁹⁵.

И хотя демонстративные славословия в адрес областных «вождей» ушли в прошлое, но от подчиненных Столяр требовал беспрекословного одобрения всех своих действий. Не зря же он перетаскил в Свердловск своих приближенных и назначил их на высокие места в руководстве области и города. Едва первый секретарь обкома успевал озвучить ту или иную свою мысль, как она тут же получала одобрение со стороны «кировской группы». Не только принципиальные, но даже простые вопросы, касавшиеся организационно-партийной работы, без согласования со Столяром не решались⁹⁶.

Не только Столяр, который после назначения и переезда в Свердловск какое-то время имел гарантию неприкосновенности, но даже районные и городские секретари – ставленники Кабакова после ареста «уральского вождя» и его ближайшего окружения не считали нужным менять прежние кабаковские порядки.

Аресты областных начальников весной 1937 г. не потревожили безмятежное существование большинства чиновников среднего и низового уровней. Во многом тому способствовал новый областной хозяин. С трибуны городской партконференции в Свердловске, проходившей двумя неделями ранее областной – в конце мая, Столяр произнес весьма важные слова, которые вождедела услышать местная партноменклатура: «В условиях свердловской организации [ВКП(б)], где особо тяжело было дело, мы можем сказать, что основная масса коммунистов, вы-

⁹⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 106. Л. 15.

⁹⁵ Сушков А. В. Руководители города Свердловска... С. 97–98.

⁹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 11. Л. 18, 48, 59; Д. 12. Л. 56, 82, 111.

бранных в первичные парторганизации и в пленумы, является здоровой, и преданной партии большевиками, и только в отдельных местах, там где особо крепко зажалось прежнее руководство обкома и горкома – враги, сидевшие во главе этого руководства, там удалось провести людей, непригодных для руководства»⁹⁷.

Делегаты могли с облегчением выдохнуть. И не менять сложившиеся за долгие годы привычки. На городской конференции всё было как обычно: в перерывах делегаты позволяли себе опрокинуть стакан-другой пива и могли либо отправиться заседать дальше, либо не утруждать себя столь скучным занятием, а продолжить расслабляться в фойе и, к примеру, сразиться с коллегами в шахматы⁹⁸.

Однако, приехав в Свердловск в июне 1937-го на областную партконференцию, некоторые делегаты были неприятно удивлены, что традиционного разлива пива для них не будет. Один из секретарей по этому поводу счел нужным высказать новому руководству свое неудовольствие: «Пиво не даете, не с того начали!»⁹⁹.

На том неприятности для участников областного партийного форума не закончились: в Свердловске их поджидало еще одно нововведение. По давно уже сложившейся традиции многие делегаты прихватили с собой в поездку в областной центр жен, детей и родственников. И... получили отказ в предоставлении бесплатных квартир и отдельных гостиничных номеров с питанием. Многие были возмущены таким «беспределом» со стороны областных властей: «Почему вместе с делегацией поселили? Мне нужен отдельный номер!» И требовали выдать бесплатные талоны на питание для приехавших с ними жен¹⁰⁰.

В ходе конференции делегаты не замедлили проявить уровень своей дисциплинированности. Около четверти делегатов с правом решающего голоса не считали нужным ходить на заседания. Демонстративно игнорировали заседания те, кого в ходе обсуждения кандидатур в состав пленума обкома вывели из списка для голосования. Делегата конференции секретаря Ирбитского райкома ВКП(б) А. А. Кобелева мандатная комиссия трижды пыталась вызвать на свое заседание, и всякий раз безуспешно: товарищ Кобелев в это время пьянствовал на квартире у одного из работников аппарата обкома. А когда наконец предстал пе-

⁹⁷ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 222.

⁹⁸ Там же. Л. 317, 330.

⁹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 91.

¹⁰⁰ Там же. Л. 91–92, 129.

ред мандатной комиссией, то принялся сочинять, что якобы ездил в Ирбит за какими-то документами¹⁰¹.

На областной партконференции делегаты как только не называли Кабакова: трижды проклятым, злейшим, отъявленным врагом, матерым бандитом, предателем, шпионом, диверсантом, контрреволюционной сволочью, мразью, звериной мордой, развратной и грязной проституткой и т. д. и т. п., призывали выкорчевывать остатки «кабаковщины»¹⁰². А вот в реальности избавиться от «кабаковщины» оказалось не так-то просто.

Несмотря на самоубийство К. Ф. Пшеницына, работавшего при Кабакове вторым секретарем обкома, и объявление его врагом народа, секретари райкомов и горкомов требовали от областных властей исполнения данного им когда-то обещания. Дело в том, что на одном из совещаний в обкоме Пшеницын пообещал каждому секретарю подарить немецкий фотоаппарат «лейку», охотничье ружье и патефон. По произведенным подсчетам, подарок «тянул» в общей сложности на немалую для тех времен сумму – 300 тыс. руб. Изъять деньги предполагалось из выделяемых Москвой средств для системы партийного просвещения – курсов переподготовки партработников. Начавшиеся аресты в областной властной верхушке отнюдь не умили аппетиты местных секретарей. Секретари не унимались и подавали в обком прошения: «Когда вы выполните обещания о выдаче охотничьего ружья, “лейки” и патефона?» Прибывший в Свердловск московский ревизор – инструктор управления делами ЦК ВКП(б) «советовал» новому бюро обкома не идти на поводу у просителей¹⁰³. Впрочем, и просителей вскоре не стало: местные секретари практически полным составом оказались в застенках НКВД.

Никак не могло наладить строгий учет денежных средств и спецуправление Свердловского облздравотдела. Уже после ареста Кабакова и предыдущего начальника спецуправления Кожевникова новый начальник Орангузеев выдал по «чьему-то телефонному звонку», якобы из обкома, на руки бывшему кабаковскому помощнику Сагалову пособие в размере 2 тыс. руб. А когда начались выяснения, заявил, что не помнит, кто именно ему позвонил¹⁰⁴.

¹⁰¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 1. Л. 65; Д. 5. Л. 63, 149–150.

¹⁰² Там же. Д. 3. Л. 165; Д. 4. Л. 20, 35, 38, 44, 45, 49, 54, 57; Д. 5. Л. 127, 204.

¹⁰³ Там же. Д. 2. Л. 129.

¹⁰⁴ Там же. Л. 131.

Работники обкомовского аппарата в кулуарах не стеснялись в оценках новых порядков: кабаковское руководство было добрее, а нынешнее «зажимает»¹⁰⁵.

«Скупость» А. Я. Столяра объяснялась не только цековскими установками. Хозяйство, оставшееся после Кабакова, пребывало не в лучшем состоянии. Дело доходило до анекдотических ситуаций. Как-то раз новый первый секретарь обкома вскоре после восшествия на «свердловский престол» решил связаться по телефону с одним из районов области, но на коммутаторе ему было отказано в соединении. «Почему?» – в недоумении спросил новый хозяин области телефониста. – «Потому что обком выключен, деньги не платит», – услышал он в ответ. В другой раз Столяр решил позвонить прокурору области Густаву Ивановичу Лейману, но его отказались соединить и объяснили, что служебный телефон прокурора отключен за неуплату. В плачевном состоянии пребывало даже обкомовское автохозяйство: два десятка автомобилей, числившихся за обкомом, из-за плохого технического обслуживания находились на грани развала¹⁰⁶.

Столяровское руководство за год сумело сэкономить на зарплате для партаппарата около 700 тыс. руб. Сделать это удалось за счет наличия многочисленных вакансий. Речь не шла исключительно об отсутствии кандидатур на те или иные должности, хотя и этот фактор в условиях масштабных кадровых чисток нельзя полностью сбрасывать со счетов. В промышленном отделе обкома, например, обязанности зав. отделом несколько месяцев исполнял один из инструкторов, оставаясь при этом на инструкторской зарплате. Когда новый заведующий культпросветотделом обкома приступил к исполнению своих обязанностей, то не обнаружил ни одного инструктора в отделе: «В течение девяти месяцев отдел выключен из работы». Такие обкомовские отделы, как руководящих парторганов, промышленный, сельскохозяйственный и пропаганды, тоже не были укомплектованы полностью. В горкомах и райкомах складывалась та же картина. Пятьдесят тысяч рублей обкому удалось сэкономить на зарплатах для освобожденных секретарей первичных партийных организаций. Иначе говоря, секретарские обязанности в этих первичках исполняли местные партийцы в качестве дополнительной, неоплачиваемой общественной нагрузки. К примеру, в парткоме Надеж-

¹⁰⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 126.

¹⁰⁶ Там же. Л. 91, 134–135.

динского завода не было ни освобожденного секретаря, ни пропагандиста¹⁰⁷.

Однако на себе руководство области экономить не собиралось. Один только переезд приближенных Столяра в Свердловск обошелся обкому в кругленькую сумму. Документы, подтверждающие реальные расходы на переезд, обком с переезжающих не затребовал, расходы оплачивались в том размере, который считали нужным заявить сами переезжающие¹⁰⁸.

Более 80 тыс. руб. составил перерасход средств, выделенных по статье «специальные расходы». Суммы, направляемые ЦК ВКП(б) на эти цели, были немалыми, но их категорически не хватало. Среди прочего на спецрасходы были списаны средства, затраченные на обстановку в квартире первого секретаря обкома. Казенная мебель, установленная в квартире, не устроила нового хозяина области. Прежде всего, А. Я. Столяру не пришелся по вкусу цвет двух варшавских кроватей стоимостью по 700 руб. каждая. По его распоряжению на новую отделку кроватей было израсходовано 1,5 тыс. руб. партийных средств. Затем на обкомовские деньги для квартиры Столяра были закуплены гарнитуры мягкой мебели, еще четыре большие кровати, детские кроватки и лампы, что в общей сложности потянуло на 6400 руб.¹⁰⁹

На областной конференции 15 июня 1937 г. А. Я. Столяр обвинял прежнее руководство во главе с Кабаковым в коррупции: «Воровство средств – я не брал примеры, потому что нет такого места, где бы эти мерзавцы не воровали деньги для своей организации и просто для кутежей и разгулов. Везде, где только сидели, там и воровали. Воры из них вышли квалифицированные, совершенно квалифицированные»¹¹⁰.

Однако, как свидетельствуют документы, столярское начальство в своем поведении старалось не отставать от предшественников. Автохозяйство обкома и облисполкома главные областные начальники использовали для удовлетворения собственных нужд. Речь шла даже не об использовании служебного автотранспорта в личных целях, а о получении незаконных доходов с автохозяйства. Средства на автохозяйство расходовались без должного учета, бывало, что одни и те же счета оплачивались дважды. Автомобили приобретались не на заводах и в специ-

¹⁰⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1. Л. 158, 203; Д. 2. Л. 206; Д. 10. Л. 278; Д. 12. Л. 86, 125, 131.

¹⁰⁸ Там же. Д. 1. Л. 160.

¹⁰⁹ Там же. Л. 161–162.

¹¹⁰ Там же. Оп. 15. Д. 2. Л. 77.

альных конторах, занимавшихся продажей автомобилей, а у различных сторонних организаций и у частных лиц с большой переплатой. Порой оформлялись фиктивные сделки на приобретение автомобилей, а в действительности за счет этих средств оплачивались расходы на покупку фруктов и других продуктов для А. Я. Столяра, лимонов и вина для Б. З. Бермана. Привлекались и другие источники для личных доходов. Сумму в размере 42 тыс. руб., оставшуюся неизрасходованной на санаторно-курортное лечение партийных работников в 1937 г., областная верхушка поделила между собой¹¹¹.

По статье «особые расходы» проходило содержание буфета в обкоме ВКП(б). Ревизионная комиссия, проверявшая расходы партийных средств, ожидала увидеть среди меню этого буфета чай, бутерброды с маслом, колбасой или сыром. Однако она обнаружила там еще и дорогостоящие деликатесы, такие как шоколад, конфеты «Мишка», мандарины и апельсины, черную икру двух разновидностей – паюсную и зернистую, а также пользовавшиеся большой популярностью среди обкомовского начальства дорогостоящие папиросы, а не дешевый «Беломорканал». И на все тратились тысячи рублей из партийной казны: на шоколадные конфеты – 3 тыс., на папиросы – 2 тыс., мандарины и апельсины – 5 тыс., икру – 2 тыс. По всей вероятности, этот ассортимент был доступен далеко не каждому обкомовскому работнику, и ревизионная комиссия попыталась выяснить, «...кто же, в конце концов, это брал, куда все это шло?». Однако сделать это не удалось ввиду того, что бухгалтерия оказалась чрезвычайно запутанной. «Я думаю, не только ревизионная комиссия, а самый замечательный работник ничего не поймет здесь, так все это запутано», – докладывал председатель комиссии П. А. Галафеев на областной конференции в июне 1938 г. Удалось установить лишь общую сумму, которая была потрачена на питание для обкомовского начальства, – свыше 100 тыс. руб.¹¹²

Здесь для сравнения уместно привести свидетельства о продовольственном снабжении в уральских городах в это время. Вот как обстояли дела, например, в Лысьве, о чем рассказал один из участников пленума обкома в апреле 1938 г.: «Сейчас остановлюсь на вопросе снабжения. Мы видим: в городе Свердловске нет масла, перебои с колбасой. А что получается в районе? Нет мяса, нет колбасы, нет яиц, нет крупы, нет рыбы, и рабочий класс живет на одном хлебе и картошке. Если говорить,

¹¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1. Л. 161, 163–164.

¹¹² Там же. Л. 164–165.

что молоко есть, то у нас молоко уходит тем, кто получает спецжиры, и молока не хватает. Рабочий класс вынужден жить на хлебе и картошке. Когда прислушиваешься к голосу масс, эти массы проявляют большое недовольство». «В магазинах у нас ничего нет, – подтверждал первый секретарь Ворошиловского горкома Зубаров. – Товарищ Локотков (зав. отделом партийной пропаганды и агитации обкома. – *Авт.*) являлся свидетелем, когда был у нас последний раз на конференции, в том, что у нас творится. Мы не имеем ни масла, ни мяса. Если привезут колхозники мясо или масло, создается громадная очередь, причем цены недоступны для рабочих»¹¹³.

Другой выступавший, представитель «столичной» парторганизации, секретарь парткома ВИЗа П. Н. Плотников, развеял представления «провинциальных» секретарей, что в Свердловске, где располагались обком и облисполком, с продовольственным обеспечением было лучше, нежели в отдаленных от центра районах: «...Тех продуктов, о которых здесь товарищи выступали и говорили, в самом Свердловске нет». И рассказал о страшных давках в очередях со смертельными случаями¹¹⁴.

Собственно, партийное хозяйство в области также требовало значительных финансовых вложений, деньги было на что потратить. К примеру, далеко не всем районным партработникам были созданы хотя бы элементарные жилищные условия. В некоторых районах секретари райкомов и инструкторы за неимением жилья были вынуждены ночевать в тех же кабинетах, где работали днем¹¹⁵.

По указанию из Москвы ревизионная комиссия обкома во второй половине 1937 г. проверяла финансовое хозяйство обкома и в ходе проверки нашла ряд грубых нарушений. Об этих нарушениях, а также о незаконных расходах Стояра Центральный комитет ВКП(б) был проинформирован. Из Москвы поступила команда, чтобы доклад ревизионной комиссии был заслушан на заседании бюро Свердловского обкома партии. Однако Стояр цековские указания проигнорировал, результаты ревизий на бюро обкома не обсуждались¹¹⁶.

Тем не менее фатальным для Стояра и его команды стало игнорирование других цековских установок.

¹¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 25–26, 68.

¹¹⁴ Там же. Л. 49–50.

¹¹⁵ Там же. Л. 193; Д. 11. Л. 9; Д. 12. Л. 12, 167, 171.

¹¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 158, 167, 169.

В январе 1938 г. А. Я. Столяр участвовал в работе пленума ЦК ВКП(б), принявшем постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». По возвращении в Свердловск Столяр в узком кругу выразил свое мнение, что решения январского пленума ЦК ВКП(б) мало касаются Свердловской области и речь может идти лишь о восстановлении пяти-шести человек, исключенных из членов партии с формулировкой «как враги народа». На предложение начальника УНКВД Д. М. Дмитриева созвать пленум обкома Столяр, ссылаясь на мнение ЦК, ответил, что в этом нет необходимости. В личной беседе с Дмитриевым Столяр говорил, что в Москве к руководству области претензий не имеют и отзываются о его работе положительно¹¹⁷.

20 января 1938 г. опросом было принято решение бюро Свердловского обкома ВКП(б), посвященное итогам только что завершившего свою работу пленума ЦК ВКП(б). На первый взгляд Свердловск перед верховной властью «взял под козырек»: бюро обкома постановило принять решение пленума ЦК к руководству и исполнению, секретари горкомов и райкомов ВКП(б) обязывались проверить все ранее вынесенные решения об исключении из партии. Однако четвертый пункт постановления был сформулирован следующим образом: «Рассмотреть в феврале месяце на бюро обкома все дела на исключенных из партии в 1935–1936 гг. и в первом полугодии 1937 года»¹¹⁸.

Свердловские власти тем самым самовольно установили очередность в рассмотрении решений об исключении из партии: вначале рассматривались исключения из партии, состоявшиеся при руководстве И. Д. Кабакова, а рассмотрение исключений из партии при А. Я. Столяре было отложено на неопределенное время. Решение бюро обкома давало четкую установку горкомам и райкомам, что все ошибки в исключении из партии были допущены прежним, кабаковским руководством, а под руководством Стояра таких ошибок допущено не было¹¹⁹.

Трудно сказать, чем руководствовался в своих действиях А. Я. Столяр. Возможно, он не хотел ударить в грязь лицом перед областью, уронить свой авторитет признанием ошибочности обкомовских решений об исключении из партии. А возможно, Столяр пытался обезопасить

¹¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 10. Л. 268–269.

¹¹⁸ Там же. Д. 21. Л. 6.

¹¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 80.

себя от обвинений в политических ошибках. Ведь масштабы исключений из партии, произведенных в Свердловской области в период его руководства, были немалыми. По данным, которые в марте 1938 г. озвучил на пленуме обкома заведующий отделом руководящих парторганов А. Абуш-Ахметов, за второе полугодие 1937 г. и начало 1938 г., т. е. при руководстве А. Я. Столяра, по области было исключено из партии 3115 чел., или почти 80 % от всех исключенных, начиная с января 1937 г. (3960 чел.)¹²⁰. Столяровское руководство специально нацеливало секретарей горкомов и райкомов на выявление среди партийцев «врагов народа» и результаты их работы оценивало по количеству «врагов», исключенных из партии: чем больше, тем лучше. «Мы исключали по всякому поводу и без повода, – говорил на областной партконференции в июне 1938 г. первый секретарь Лысьвенского горкома ВКП(б) М. М. Русанов. – Потому что когда нас направляло на работу бывшее вражеское руководство (руководство области при А. Я. Столяре. – *Авт.*), нам говорили, что мы будем расценивать вашу работу по тому, сколько вы врагов народа изобьете, то есть по количеству [исключенных из партии врагов народа], а не по качеству и содержанию работы. И у нас кое у кого создалось впечатление, что сотню изобьешь – мало, надо две, чтобы получить достаточную оценку работы»¹²¹.

Заместитель заведующего ОРПО обкома В. П. Лескова обзванивала горкомы и райкомы и спрашивала, сколько человек исключили партии. «Если мы скажем, что исключили мало, то нам – в нос: что, мол, вы за руководители, и так далее», – говорил на пленуме обкома первый секретарь Надеждинского горкома Н. С. Черемхин¹²².

После решений январского пленума ЦК получалось так, что обкомовские установки, указания Столяра о выявлении все новых и новых «врагов народа» среди членов партии являлись ошибочными. Эти ошибки теперь могли приобрести политический окрас и в конечном счете иметь негативные последствия, по крайней мере, для карьеры А. Я. Столяра. Перед глазами Столяра стоял пример с П. П. Постышевым, который за чрезмерно усердную борьбу с «врагами народа» был сначала снят с поста первого секретаря Куйбышевского обкома партии, а следом, на том же январском пленуме ЦК, был подвергнут сокрушительной критике и выведен из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК

¹²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 10. Л. 299, 302.

¹²¹ Там же. Д. 1. Л. 240.

¹²² Там же. Д. 12. Л. 95.

ВКП(б)¹²³. Поэтому у Столяра имелись веские основания для того, чтобы попытаться дезавуировать решения пленума ЦК. В какой-то степени его поведение можно было понять. Столяр и другие региональные партийные руководители попали в порочный круг. В период «большого террора» они были «стахановцами» репрессивного конвейера: выполняли и перевыполняли планы высшего руководства по выявлению «врагов народа» на вверенных им территориях. Позднее, когда вектор сталинской политики изменился, они оказались в числе главных виновных за необоснованные репрессии коммунистов.

О столяровской интерпретации решений январского пленума ЦК ВКП(б) стало известно в Москве. Вполне вероятно, что руку к тому приложил начальник УНКВД, член бюро обкома Д. М. Дмитриев. Последний не скрывал на пленуме обкома в апреле 1938 г., что регулярно информировал московские инстанции о событиях и происшествиях в свердловских властных коридорах. У Дмитриева со Столяром чуть ли не с самого начала совместной работы сложились напряженные взаимоотношения. Впервые Дмитриев обвинил Бермана в троцкизме еще в сентябре 1937 г., настаивал на его снятии с работы и исключении из партии, информировал ЦК об имеющемся на Бермана компромате. Столяр в отместку за глаза называл Дмитриева подхалимом Кабакова и обвинял его в совместной работе с бывшим вражеским руководством области¹²⁴.

А. Я. Столяра обязали лично отчитаться перед ЦК о том, как в Свердловской областной парторганизации рассматриваются апелляции исключенных из ВКП(б). Доклад Столяра был заслушан на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 4 марта 1938 г. В принятом Оргбюро ЦК постановлении работа Свердловского обкома по рассмотрению апелляций была признана неудовлетворительной, бюро обкома и персонально А. Я. Столяру было указано на ошибочное поведение в деле выполнения постановления январского пленума ЦК ВКП(б). Решение бюро обкома от 20 января также поставили в упрек Столяру. «Таким решением Свердловский обком ВКП(б) неправильно ориентировал парторганизацию на то, что нынешнее руководство обкома ВКП(б) и его секретари якобы не допустили серьезных ошибок при исключении коммунистов из партии, и поэтому апелляциями исключенных из партии за послед-

¹²³ Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 404–407.

¹²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 133–135, 141.

ние полгода можно заниматься в последнюю очередь», – говорилось в постановлении¹²⁵.

По возвращении из Москвы А. Я. Столяр проинформировал бюро Свердловского обкома о заседании Оргбюро ЦК. По словам Столяра, Свердловский обком «покритиковали немножко», а в ходе бесед с А. А. Андреевым и А. А. Ждановым по окончании заседания у него создалось впечатление, что резкой критики в адрес обкома не будет и о работе обкома в ЦК отзываются неплохо¹²⁶.

Было это так или А. Я. Столяр в очередной раз блефовал, заботясь о своем авторитете среди областного начальства, но события стали развиваться стремительно и по наихудшему для него сценарию. Прямо во время работы пленума обкома, на котором 27 марта Столяр сделал доклад «О выполнении решения январского пленума ЦК ВКП(б) и о решении ЦК об ошибках обкома по рассмотрению апелляций», его вызвали в Москву. Обратно в Свердловск он не вернулся. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О тов. Столяре», принятым 31 марта 1938 г., он был снят с должности с откомандированием в распоряжение ЦК ВКП(б). «ЦК ВКП(б) считает установленным, – говорилось в постановлении, – что т. Столяр не обеспечил руководства на посту первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б)». Помимо нарушений в реализации установок январского пленума ЦК ВКП(б), Политбюро обвинило Столяра в «серьезных недостатках» в руководстве сельским хозяйством и в «плохом руководстве» промышленностью в Свердловской области, особо выделив лесозаготовки. В тот же день, 31 марта, А. Я. Столяр был арестован органами НКВД¹²⁷.

Лишь после смещения Столяра пленум Свердловского обкома в присутствии члена Политбюро ЦК А. А. Андреева решился на констатацию очевидного факта, что Столяр в руководстве обкома опирался на группу привезенных из Кирова своих приближенных. «Эта артель была создана Столяром уже после указания товарища Сталина о недопустимости таких артелей, и, несмотря на это, Столяр создал эту артель вопреки указаниям Центрального Комитета партии, – говорил на «антистоляровском» пленуме обкома секретарь партколлегии КПК В. А. Санталин. – Это не партийное действие, это – антипартийное дей-

¹²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 10. Л. 6–6 об., 12–13.

¹²⁶ Там же. Д. 12. Л. 53.

¹²⁷ Там же. Д. 10. Л. 9; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1189. Л. 88; Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 30.

стве. Видимо, Столяр думал, что указания ЦК партии и товарища Сталина даются для дураков, а для такого “умницы” эти указания товарища Сталина не касались»¹²⁸.

Критика групповщины нашла отражение и в принятой по итогам пленума резолюции: «Пленум обкома отмечает, что т. Столяр грубейшим образом нарушил важнейшее большевистское правило руководства партийной организацией – коллективность в руководстве, опирался в своей работе не на бюро и пленум обкома ВКП(б), а на группку приближенных и подхалимствующих перед ним людей. В подборе и расстановке кадров т. Столяр огульно сеял недоверие к местным кадрам и проводил осужденную ЦК ВКП(б) практику подбора руководящих кадров по принципу знакомства и “землячества”»¹²⁹.

Спустя четыре месяца со дня ареста Столяр был осужден по стандартному обвинению в участии в антисоветской террористической правотроцкистской диверсионно-вредительской организации и расстрелян. Его участь разделили Б. З. Берман, А. П. Грачев, А. С. Морозов, Л. А. Цехер¹³⁰.

Десять месяцев правления А. Я. Столяра вполне отчетливо показали, как сталинские политические преобразования 1937 г. воплощались в жизнь на местах. Свердловское начальство во главе со Столяром формально демонстрировало приверженность этим политическим установкам верховной власти, но в действительности оказывало молчаливо-упорное сопротивление их реализации по той причине, что эти преобразования ограничивали всевластие региональной партноменклатуры, угрожали ее материальному благополучию и стабильности.

На смену Столяру в Свердловск прибыл бывший начальник Омского областного УНКВД Константин Николаевич Валухин. Назначение профессионального энкавэдэшника первым секретарем обкома в один из крупнейших индустриальных районов страны можно было рассматривать как политический нонсенс в рамках кадровой политики предшествующих периодов. Но, как отмечает О. В. Хлевнюк, «...в годы Боль-

¹²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 12. Л. 177.

¹²⁹ Там же. Л. 185.

¹³⁰ Сушков А. В. Руководители города Свердловска... С. 49; Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 30, 106–107; Колдушко А. А. Первый этап политических репрессий 1936–1937 гг. в отношении руководства партийных органов Свердловской области // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: материалы интернет-конф. «Номенклатура в истории советского общества» (ноябрь 2003 – март 2004 г.) ; под ред. В. П. Мохова. Пермь, 2004. С. 157.

шого террора наметилась практика выдвижения чекистов на должности руководителей партийных комитетов. Начальник УНКВД по Кировской области Л. Газов был назначен первым секретарем Краснодарского крайкома ВКП(б), начальник УНКВД по Омской области К. Валухин – первым секретарем Свердловского обкома, начальник УНКВД по Харьковской области Г. Телешев — первым секретарем Одесского обкома, секретарь парткома УНКВД по Ленинградской области Д. Гончаров – первым секретарем Орджоникидзевского крайкома»¹³¹. Однако такая кадровая политика Москвы оказалась кратковременной, спустя непродолжительное время эти руководители были сняты со своих постов. К. Н. Валухин был снят с поста первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) постановлением Политбюро ЦК партии, принятым в последние дни уходящего 1938 г.¹³²

Итоги кадровой политики К. Н. Валухина были плачевными. Если вторым секретарем в обком Москва прислала агронома-полевода по образованию, бывшего слушателя Аграрного института красной профессуры Ивана Михайловича Медведева, имевшего многолетний опыт управленческой деятельности в аграрной сфере и, разумеется, взявшего в обкоме под контроль вопросы сельского хозяйства, то в кресло третьего секретаря, ведающего промышленностью области (!), Валухин не придумал ничего лучшего, как посадить заведующего отделом школ и науки обкома ВКП(б) Сергея Ивановича Белова – выпускника Закавказского коммунистического университета в Тифлисе, пропагандиста и преподавателя философии. На должность председателя облисполкома, предполагающую наличие хозяйственных знаний и опыта, Валухин назначил пропагандиста, выпускника курсов историков-марксистов при ЦК ВКП(б) Ф. К. Семенова. Федор Кириллович накануне назначения лишь девять месяцев стоял во главе Асбестовского горкома ВКП(б), а до этого два года возглавлял в том же горкоме парткабинет, что, собственно, наиболее точно соответствовало полученной им специальности. После же отзыва Семенова в соседнюю, выделившуюся из Свердловской Пермскую область (где он, кстати, быстро проявил свою несостоятельность как руководитель областного масштаба), подобрать ему замену в облисполком Валухин так и не сумел¹³³. Справедливости

¹³¹ Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 350.

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1206. Л. 123–125.

¹³³ Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 22, 31–32, 108–109; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 23. Д. 113. Л. 2–2 об., 7–9.

ради необходимо заметить, что А. Я. Столяр и сменивший его К. Н. Валухин на посты первых секретарей горкомов ВКП(б) и аппаратные должности в Свердловском обкоме ВКП(б) начали выдвигать инженеров-коммунистов, сумевших положительно зарекомендовать себя на хозяйственной работе. Впоследствии некоторые из этих выдвиженцев занимали высокие позиции в системе власти, и к уровню их подготовленности, профессионализму претензий не предъявлялось. Правда, как уже говорилась, эти принципы подбора кадров ни Столяр, ни Валухин не распространили на высшие посты в областной властной иерархии.

Неутешительные итоги, с которыми Свердловская область подходила к концу 1938 г., вынудили ЦК ВКП(б) провести в области инспекторскую проверку. С этой миссией в Свердловск был направлен недавний второй секретарь Сталинградского обкома партии Василий Михайлович Андрианов. Для придания проверяющему высокого статуса он был утвержден заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). В качестве представителя ЦК В. М. Андрианов достаточно длительное время ездил по Свердловской области и знакомился с состоянием дел. Итоги его проверки легли в основу констатирующей части разгромного постановления Политбюро ЦК от 30 декабря 1938 г. «О работе Свердловского обкома ВКП(б)», которым Валухин был снят с должности. Тем же постановлением обязанности первого секретаря обкома были возложены на Андрианова¹³⁴.

Оба предыдущих первых секретаря обкома, А. Я. Столяр и К. Н. Валухин, вступали в должность в присутствии члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, специально по такому поводу приезжавшего в Свердловск. Важный кремлевский чиновник с трибуны областного пленума, проходившего в Театре оперы и балета им. А. В. Луначарского, представлял нового начальника региональному управленческому корпусу. По всей вероятности, учитывая функционал Андреева в высшем руководстве, он сам занимался подбором той и другой кандидатур, которые затем с треском были сняты и позже объявлены врагами народа. (И не в этом ли следует искать ограничение полномочий А. А. Андреева на Старой площади на рубеже 1930–1940-х гг.?¹³⁵) В отличие от предшественников, В. М. Андрианов прибыл в Свердловск без сопровождения высокого партийного функционера, как представитель

¹³⁴ Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 39; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 40–41.

¹³⁵ Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 250–252, 438.

ЦК, и являлся креатурой постепенно набравшего силу заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова.

Валухин же в феврале 1939 г. решением Секретариата ЦК был утвержден управляющим Калининским свиноводческим трестом. Однако и по нему проехала та репрессивная машина, частью которой он являлся еще в недалеком прошлом: в мае 1939 г. К. Н. Валухин был арестован, а спустя год осужден и приговорен к расстрелу¹³⁶.

Годы первых пятилеток показали, что старые партийные кадры, с одной стороны, не желали реализовывать на практике принципы новой кадровой политики высшего руководства страны, а с другой – не обладали ни необходимым образованием, ни соответствующим уровнем технической компетенции для осуществления успешной модернизации советской экономики. Согласно аналитической записке, подготовленной Г. М. Маленковым к февральско-мартовскому пленуму 1937 г., среди секретарей обкомов высшее образование имели 15,7 %, а низшее – 70,4 %, у секретарей окружкомов эти показатели составляли соответственно 16,1 % и 77,4 %, секретарей горкомов — 9,7 % и 60,6 %, секретарей райкомов — 12,1 % и 80,3 % и т. д.¹³⁷ В значительной степени сбой и издержки индустриализации были вызваны неумелыми действиями партийно-государственных руководителей на местах.

Еще в 1935 г. Сталин поднимал вопрос о необходимости обновления кадрового состава советской номенклатуры за счет включения в нее представителей молодого поколения руководителей, сформировавшегося после Гражданской войны, заявив, что страна «получила бы» от него «эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь»¹³⁸.

В ходе репрессий 1937–1938 гг. была реализована цель новой кадровой политики – поставить на властные посты в регионах технически компетентных и политически надежных людей, способных обеспечить успех промышленного преобразования страны¹³⁹. Молодые работники получили возможность продвигаться вверх по служебной лестнице в региональной администрации. И если в демографическом плане разрыв между поколениями руководителей был не столь существенным, примерно десять лет, то в историческом плане различие было значи-

¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 659. Л. 11; Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 36–37.

¹³⁷ Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 305.

¹³⁸ Истер Дж. М. Советское государственное строительство... С. 176.

¹³⁹ Там же. С. 175.

тельным. В отличие от своих предшественников «они были лучше образованы, энергичны, свободны от комплекса революционных заслуг и ответственности за преступления и насилия периода “великого перелома”»¹⁴⁰.

Частая смена руководителей в годы Большого террора, безусловно, негативно отражалась на деятельности областных органов власти. Кадровая чехарда прекратилась лишь с прибытием в область В. М. Андрианова, который занимал должность первого секретаря Свердловского обкома до марта 1946 г.

После своего назначения руководителем области В. М. Андрианов стал последовательно проводить в кадровой политике принципы подбора и назначения кадров, на которых настаивал И. В. Сталин. В результате ситуация с высшими кадрами областного уровня изменилась кардинальным образом. В. М. Андрианов по прибытии в Свердловск сделал ставку именно на специалистов высшей квалификации, разумеется, носивших в карманах партийные билеты. При комплектовании руководящими кадрами партийно-государственных структур области он отдавал предпочтение хозяйственникам с высшим (реже – незаконченным высшим) техническим образованием и преподавателям технических вузов. Прежде всего, привлекались специалисты с опытом работы хотя бы в низовых партийных организациях, ячейках: это лишнее свидетельствовало о присутствии у них не только организаторских способностей, но и хотя бы минимальных представлений о принципах функционирования партийно-государственной системы власти. Немаловажным было и то обстоятельство, что анкетные данные таких кандидатов на должности неоднократно проверялись и перепроверялись в ходе чисток 1936–1938 гг.

Первый секретарь обкома, имевший незаконченное высшее образование (механико-математический факультет МГУ), не опасался окружать себя более квалифицированными специалистами, нежели он сам: интересы дела новый руководитель области ставил выше личных. На оставшийся длительное время вакантным пост председателя облисполкома Андрианов выдвинул горного инженера по образованию, директора Свердловского горного института И. Л. Митракова. В кабинет третьего секретаря обкома ВКП(б) (вторым секретарем в обком Москва вновь прислала аграрника – Ф. Д. Навозова) переехал выпускник этого же института, недавний инструктор в аппарате обкома партии и пер-

¹⁴⁰ Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 306.

вый секретарь Надеждинского горкома ВКП(б) А. С. Некрылов (правда, с Некрыловым Андрианов не сработался и вскоре заменил его инженером-металлургом, выпускником Ленинградского индустриального института П. Н. Иванищеном). В конце 1939 – начале 1940 г. Андрианов «обескровил» Уральский индустриальный институт, забрав на руководящую партийную работу молодых доцентов, кандидатов технических наук А. Б. Аристова и Н. М. Лапотышкина, кандидата экономических наук П. А. Жукова, а аспиранта и ассистента В. П. Головина поставил во главе Свердловского горисполкома. И в последующие годы институт, к несчастью для его директора А. С. Качко, регулярно «поставлял» в обком ВКП(б) своих лучших преподавателей и аспирантов¹⁴¹.

Кадровую политику В. М. Андрианова нельзя назвать безупречной: были и ошибочные решения, кого-то из своих выдвиженцев он быстро «задвигал» обратно, как только их деловые качества переставали его устраивать. Порой отклонялся от сталинской кадровой политики, решая участь подчиненного, исходя из личной неприязни, а не его деловых качеств¹⁴². Тем не менее Андрианов стал первым за много лет руководителем области, кто стремился придерживаться установок Сталина в области кадровой политики. Не случайно поэтому Свердловская область стала «кузницей кадров», многим выдвиженцам Андрианова было суждено занять высокие посты в партийно-государственной системе власти. Так, председатель облисполкома И. Л. Митраков в дальнейшем стал заместителем председателя Госплана СССР, затем – заместителем министра внутренних дел СССР; секретари обкома Г. С. Ситников, Е. Ф. Колышев и В. В. Косов впоследствии возглавили обкомы партии соответственно в Ярославле, Кемерово и Тюмени, секретари «столичного» горкома ВКП(б) В. И. Недосекин и К. К. Николаев в разное время возглавляли Свердловский обком партии, секретари обкома ВКП(б) А. П. Панин, А. В. Носенков и первый секретарь обкома ВЛКСМ

¹⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 292. Л. 79 об., 83; Оп. 48. Д. 635. Л. 6, 13; Сушков А. В. Руководители города Свердловска... С. 110–111; Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 55.

¹⁴² Сушков А. В. «Я настаиваю на том, чтобы его выдвинуть на пост третьего секретаря обкома!»: Споры вокруг кандидатуры «промышленного секретаря» Свердловского обкома ВКП(б) в 1940 году // Партийные архивы Урала: Прошлое и настоящее, перспективы развития : материалы III межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 188–205; *Его же*. «Товарищи, о третьем секретаре обкома»: Первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианов и проблема выбора секретаря обкома по промышленности. 1940 год // Там же. С. 205–216.

А. Е. Харламов заняли ответственные должности в аппарате Центрального комитета ВКП(б)–КПСС¹⁴³. Наиболее высоких постов во власти достиг андриановский выдвиженец А. Б. Аристов – член Президиума и секретарь ЦК КПСС в последние полгода жизни Сталина и позже, во времена правления Хрущева.

Новым региональным руководителям, так же, как и их предшественникам, был присущ жесткий авторитарный стиль управления. Он являлся своего рода социальным маркером, характеризующим функционеров «сталинской школы». Однако в условиях партийной демократии новому руководству тоже приходилось выслушивать в свой адрес порой нелюбезные замечания со стороны подчиненных. Это были беспокойные и весьма неприятные моменты для руководителей области. Порой критика со стороны нижестоящих работников воспринималась ими весьма нервно, больно ударяла по самолюбию. Ведь критические замечания, звучавшие с высокой трибуны, бывало, носили необъективный и неконструктивный характер, являлись следствием непонимания всей специфики и условий работы того или иного областного начальника. Тем не менее критикуемые вынуждены были терпеливо выслушивать эти высказывания, опасаясь быть причисленными к «зажимщикам критики» и лишиться руководящего кресла.

Как уже ранее говорилось, систему тайного голосования для выборов партийных комитетов и делегатов на вышестоящие партийные конференции И. В. Сталин ввел в управленческую практику в 1937 г. Она показывала, насколько тот или иной руководящий работник пользуется поддержкой местного управленческого корпуса. Сталин называл тайное голосование проверкой руководящих кадров снизу. Действительно, крайне непопулярный работник мог «завалиться» на выборах, получив больше половины голосов «против». Но даже в случае, если кандидат проходил, и при том набирал высокий процент голосов «против» – это было серьезным сигналом для вышестоящих инстанций, чтобы проверить его работу, собрать о нем дополнительную информацию. Если к этому работнику имелись какие-либо иные весомые претензии, шансы потерять должность существенно возрастали.

¹⁴³ Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области... С. 42–44, 54–56; Сушков А. В. Руководители Свердловской областной организации ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР, 1934–1992: биограф. справ. Екатеринбург, 2003. С. 34–38; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 51. Д. 1845. Л. 12–15 об.

В качестве примера того, что эта система не являлась ширмой, прикрывавшей «антидемократические порядки», а реально функционировала, можно привести Свердловскую областную партийную конференцию, состоявшуюся в начале 1940 г. В ходе тайного голосования в состав членов обкома действующий секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам, андриановский выдвиженец Г. Г. Попов получил критическое количество голосов «против» – 108 из 380 делегатов вычеркнули его фамилию (претендентов было чуть больше, чем мест). Вместе со статусом члена обкома ВКП(б) он автоматически потерял рабочее место – кресло секретаря обкома по кадрам и заведующего отделом кадров. Для первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианова такой исход тайного голосования явился полной неожиданностью, и ему в экстренном порядке пришлось подбирать новую кандидатуру вместо Г. Г. Попова. А вскоре после конференции он был вынужден снять и другого обкомовского чиновника – третьего секретаря обкома П. Н. Иванищана, отвечавшего за работу промышленности и транспорта, также набравшего в ходе тайного голосования большое количество голосов «против»¹⁴⁴.

В то же время критические замечания в адрес областных руководителей уже не были связаны с обвинениями в злоупотреблении властью, коррупции, а касались в основном каких-то рабочих моментов, стиля управления.

Пример Свердловской области показывает, что к началу 1940-х гг. И. В. Сталину в целом удалось добиться выполнения поставленной им на февральско-мартовском пленуме ЦК задачи – разрушить порочные патрон-клиентские связи, опутавшие региональные властные структуры. Несогласная с его политикой, игнорирующая установки верховной власти региональная политическая элита была обвинена в несуществующих политических преступлениях и физически уничтожена. Важнейшим итогом сталинской кадровой революции стало резкое повышение образовательного и профессионального уровня региональной партийно-государственной номенклатуры, что, в частности, положительно сказалось на эффективности управления промышленностью и строительством Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны.

¹⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 5. Л. 67; Сушков А. В. «Товарищи, о третьем секретаре обкома»... С. 205–216.

7.2. Парадоксы военного времени: авторитаризм vs вождизм?

Серьезным испытанием на прочность для партийно-государственной номенклатуры стала Великая Отечественная война. Руководящие работники должны были в сжатые сроки и в условиях ограниченных возможностей и ресурсов решать задачи большой государственной важности, связанные с эвакуацией на Урал промышленных предприятий из западных регионов страны, развертыванием военного производства, решением острейших социально-экономических проблем функционирования региона.

С началом Великой Отечественной властные полномочия в регионах в еще большей степени сконцентрировались в партийных органах, что нашло свое отражение в резком и значительном увеличении количества как отраслевых отделов, так и отраслевых секретарей комитетов ВКП(б), сосредоточивших в своих руках решение всех хозяйственных вопросов. В условиях, когда нарушились сложившиеся межхозяйственные связи, работникам обкомов и крайкомов партии приходилось исполнять функции и снабженцев, и «толкачей», кооперировать между собой предприятия, мобилизовать имевшиеся в регионе промышленные, энергетические, людские ресурсы на решение важнейших задач государственного значения.

В условиях мобилизационной экономики военного времени усиление властных полномочий означало одновременно и увеличение ответственности региональных партийных работников за выполнение директив Центра. Невыполнение директивных распоряжений из Москвы, срыв установленных планов производства военной продукции могли иметь для областных начальников тяжелые последствия – к «проштрафившимся» применялись самые суровые санкции. Показателен пример с А. Б. Аристовым, ставшим впоследствии одним из влиятельных членов высшего руководства СССР, а в военное время занимавшим должности третьего, а потом – второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б). Накануне войны на Аристова было возложено руководство черной металлургией Свердловской области, а уже в военное время ему было поручено распределение электроэнергии между предприятиями области и решение вопросов обеспечения промышленности области коксующимся и энергетическим углем¹⁴⁵. В связи с высокой нагрузкой

¹⁴⁵ Сушков А. В. Руководство Свердловской области в период Великой Отечественной войны: секретарь обкома ВКП(б) А. Б. Аристов // Урал в военной истории России: традиции

на электрические сети существовала угроза выхода из строя всей системы «Уралэнерго». Поэтому А. Б. Аристову вместе с управляющим «Уралэнерго» А. М. Мариновым приходилось в экстренных случаях отключать от электроэнергии часть предприятий, сообразуясь с важностью их продукции для обороны страны и принимая во внимание характер технологического процесса. Разумеется, директора отключавшихся заводов, неудовлетворенные объяснениями Аристова в необходимости и неизбежности таких действий, жаловались в Москву в свои наркоматы и Государственный комитет обороны (ГКО). И однажды это едва не закончилось для А. Б. Аристова трагически.

Прибывший в Нижний Тагил с инспекцией на Уральский танковый завод № 183 член ГКО нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия созвал специальное деловое совещание. Совещание началось с вопроса об отключении от электроэнергии танкового завода, и А. Б. Аристову было предъявлено обвинение. Аверкий Борисович попытался в спокойных тонах объяснить причину отключений, но на Л. П. Берию они произвели обратное впечатление, и убедить его в правильности своих действий Аристову не удалось: по мнению наркома внутренних дел, отключения носили оттенок вредительства со стороны секретаря обкома партии. И когда решалась судьба Аверкия Борисовича, на его защиту встали первый секретарь обкома ВКП(б) В. М. Андрианов и директор завода Ю. Е. Максарев. Их слова подействовали на Берию: А. Б. Аристов остался на своем посту и продолжил распределять электроэнергию по тем же принципам, что и ранее¹⁴⁶.

В годы войны стиль управления становится все более жестким, что было обусловлено объективными факторами, связанными с экстремальными условиями войны. В сложившихся чрезвычайных обстоятельствах именно такие организационные качества руководителя оказались востребованными и обеспечивали успех дела.

Первый секретарь Камышловского райкома ВКП(б) Г. Г. Попов, бывший ранее секретарем обкома ВКП(б) по кадрам, слыл человеком грубым, любившим жесткий административный нажим (только в 1943 г. в районе были вынесены партийные взыскания 203 членам партии, тогда как общая численность парторганизации составляла тысячу человек). Но именно эти личностные качества позволили ему наладить четкое

и современность : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Урал. добровольч. танкового корпуса. Екатеринбург, 2003. С. 132–133.

¹⁴⁶ Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 21–22.

и бесперебойное функционирование располагавшегося в г. Камышлове крупного транспортного узла на железнодорожной магистрали Свердловск–Тюмень: эвакуированные промышленные предприятия успешно работали, а железная дорога выполняла и перевыполняла запланированные показатели по погрузке и технической скорости движения поездов. Деятельность Попова получила высокую оценку со стороны государства. В начале 1945 г. Г. Г. Попов был удостоен ордена Отечественной войны I степени¹⁴⁷.

Жесткий стиль руководства демонстрировал и сам «хозяин области», первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианов. Он не церемонился с провинившимися секретарями горкомов и райкомов партии. Только открытыми (без грифа «Особая папка») постановлениями бюро обкома ВКП(б) в 1942 г. один секретарь был исключен из партии, пятеро получили строгие, еще двое – простые выговоры. В 1943 г. один из секретарей райкомов, обвиненный в срыве хлебозаготовок и пьянстве, решением бюро обкома был снят с должности, исключен из партии и отдан под суд. В последующем уголовное наказание заменили отправкой на фронт, где он и погиб¹⁴⁸.

Экстремальные условия военного времени внесли коррективы в стиль управления второго секретаря Ижевского горкома ВКП(б) Фрола Романовича Козлова, ставшего впоследствии при Н. С. Хрущеве вторым человеком в партии. Козлов по своей должности являлся фактическим руководителем города, в котором находились важные оборонные предприятия. Война потребовала от руководителей города максимального напряжения сил. Ф. Р. Козлову, имевшему лишь двухлетний стаж руководящей партийной работы, приходилось непосредственно руководить процессом перестройки местной промышленности на военный лад, решать вопросы увеличения производственных мощностей, повышения количественных показателей выпускаемой военной продукции, освоения производства новых видов вооружения, размещения и скорейшего введения в эксплуатацию эвакуированного оборудования. Заместитель наркомата вооружения СССР В. Н. Новиков и другие начальники наркомата характеризовали его «как волевого, настойчивого работника, знающего металлургическое и стрелковое производство»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 66. Д. 2847. Л. 1–4 об.

¹⁴⁸ Сушков А. В. Война, любовь и хлебозаготовки: из личной жизни секретаря райкома партии // Урал. ист. вестн. 2013. № 3 (40). С. 133, 135; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1207.

¹⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 15877. Л. 19.

Работа в Ижевске в годы войны потребовала от Ф. Р. Козлова четкости, оперативности и компетентности в принятии решений, что наложило серьезный отпечаток на личность, характер, стиль и методы его руководства, сформировав жесткого руководителя сталинского типа. Именно в этот период в стиле руководства Козлова появились его знаменитые грубость и жесткость, которые отмечали многие его современники.

Но именно эти качества позволили Ф. Р. Козлову добиться успеха на его фронте работы. Промышленность Ижевска успешно справлялась с высокими планами по производству военной продукции, по вводу новых промышленных мощностей. Заслуги Ф. Р. Козлова были отмечены высокими правительственными наградами. В июле 1942 г. он был награжден орденом Красной Звезды «за образцовое выполнение задания правительства по выпуску вооружения», а в последующем с той же формулировкой получил вторую награду – орден Трудового Красного Знамени¹⁵⁰.

Значительную лепту в усиление жесткого, авторитарного стиля управления в годы войны внес и сам Сталин, как создатель советской властной вертикали. Его суровые и требовательные указания и окрики в адрес партийно-государственных управленцев на местах не оставляли последним выбора и вынуждали действовать по примеру вождя в отношении своих подчиненных.

В 1941 г., когда шел непростой процесс налаживания танкового производства на Урале, руководство Свердловского обкома ВКП(б) получило телеграмму от Сталина, в которой глава государства в жесткой форме потребовал обеспечить выполнение установленного плана по производству танков. Сталин обвинил руководство области в том, что оно, находясь в глубоком тылу, прохлаждается и бездельничает, в то время когда советские войска несут на фронтах большие потери из-за недостатка танков. Сталин пригрозил, что если ситуация с производством не изменится, то он начнет громить их как преступников. В. М. Андрианова и А. Б. Аристова глубоко поразили несправедливые упреки и обвинения главы государства, но им ничего не оставалось делать, кроме как приложить все усилия для выполнения требований вождя. Было принято решение, что Андрианов отправится на Уралмаш, а Аристов – в Нижний Тагил на Уральский танковый завод. На заводе

¹⁵⁰ Сушков А. Ф. Р. Козлов: от чернорабочего до инспектора ЦК ВКП(б) // Веси. 2015. № 9. Прил. С. 65–67.

Аристов пробыл полтора месяца. В это же время в ноябре 1941 г., когда в боях под Москвой решалась судьба страны, в Нижний Тагил с проверкой прибыл нарком танковой промышленности СССР В. А. Малышев. «Сегодня у нас должно сердце зачерстветь и помнить только одно: нам нужно выпускать танки, – провозглашал на Уральском танковом заводе Малышев. – Необходимы жесткие средства и отсутствие всякого сострадания. Надо помнить, что если мы будем добренькими, мы подвергнем опасности сотни тысяч людей. Нам нужно выжимать тысячи танков!»¹⁵¹. Чрезвычайным напряжением сил рабочих, инженерно-технических работников и руководства завода выпуск танков удалось увеличить. Давалось это очень тяжелой ценой – ценой жизни. Только за одну ночь, когда А. Б. Аристов вместе с наркомом В. А. Малышевым обходили цеха танкового завода, на их глазах шестеро рабочих скончались от истощения и переутомления¹⁵².

В то же время жесткий, авторитарный стиль управления в этот период исключал региональный вождизм. В среде региональной партийной и государственной номенклатуры патрон-клиентские отношения, если и имели место, то были уже не столь явными и не играли столь существенной роли, как это было в 1930-е гг. Время слепого чиновничества и преклонения перед первым лицом региональной номенклатуры ушло в прошлое вместе со «старой гвардией» номенклатурных руководителей, многие из которых были физически уничтожены в ходе Большого террора 1937–1938 гг. Старых большевиков (в основном профессиональных пропагандистов и журналистов-публицистов) на руководящих постах в партийном и советском аппарате заменили профессионалы-исполнители, главным образом инженеры и хозяйственники¹⁵³. Для новой политической элиты, не обремененной прошлым багажом аппаратных интриг, приоритетным становится выполнение задач, поставленных вышестоящими инстанциями. В связи с этим на первый план во взаимоотношениях руководителей выходят деловые, конструктивные отношения, которые, естественно, иногда сопровождались спорами и конфликтными ситуациями. Тот же А. Б. Аристов при решении принципиальных вопросов старался отстаивать свою

¹⁵¹ Цит. по: Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 2 : Уральский танковый завод № 183. Н. Тагил, 2010. С. 295.

¹⁵² Аристов А. Незабываемое // В тылу, как на фронте. Свердловск, 1986. С. 31–32, 74.

¹⁵³ Старков Б. А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек : к 85-летию докт. ист. наук, проф. А. З. Ваксера : сб. ст. СПб., 2008. С. 95.

точку зрения, даже если она противоречила мнению первого секретаря обкома партии В. М. Андрианова, как уже говорилось, отличавшегося резким и жестким стилем руководства. Так, на одном из заседаний бюро обкома, подвергнув резкой критике директоров Первоуральского новотрубного и Верх-Исетского заводов Я. П. Осадчего и Ф. А. Радкевича за невыполнение плана выпуска деталей для пусковых установок «катюша», первый секретарь неожиданно предложил исключить их из партии. Несмотря на то, что согласно сложившейся практике предложение первого секретаря, особенно в военное время, принималось без возражений, что демонстрировало единство и слаженность руководства, Аристов высказался против принятия такого решения, отметив заслуги обоих директоров и выразив уверенность в скором исправлении положения. Андрианов и некоторые другие члены бюро негативно восприняли это заступничество Аристова, продолжая настаивать на вынесении строжайшего партийного наказания. Не отступая от своих слов, Аристов заявил о том, что берет на себя ответственность перед бюро обкома за выполнение плана по производству деталей для «катюш» на обоих заводах. Бюро было удовлетворено таким исходом обсуждения, и решение вопроса о членстве в партии директоров заводов было отложено. Выпуск деталей на заводах вскоре был введен в график, в результате чего не только директорам, но и Аристову удалось сохранить свои посты и партбилеты¹⁵⁴. Решительность, компетентность руководителя, его способность в непростой ситуации взять ответственность на себя поощрялись и вознаграждались. За вклад в организацию военного производства в области А. Б. Аристов в годы войны был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды¹⁵⁵.

Жесткая, безапелляционная манера поведения отличала не только партийный управленческий корпус, но и хозяйственных руководителей (директоров крупных предприятий). Особенно ярко и рельефно эти черты проявились в директоре Челябинского Кировского завода И. М. Зальцмане. «Под его руководством было налажено массовое производство танков Т-34 в Свердловске, Нижнем Тагиле и Челябинске, а также тяжелых танков КВ в Челябинске, – оценивает деятельность И. М. Зальцмана известный специалист по истории уральской индустрии С. В. Устьянцев. – Не случайно англичане и американцы называли Зальцмана “королем танков”. Умелый, но жесткий руководитель, он

¹⁵⁴ Аристов А. Незабываемое. С. 40–41.

¹⁵⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 42. Д. 101. Л. 2.

в военные годы сумел в тяжелейших условиях и в короткие сроки организовать слаженную работу ряда эвакуированных предприятий и освоить массовое производство бронетехники, а также изготовление танковых моторов и топливной аппаратуры для них»¹⁵⁶.

Во время войны Сталин не раз лично обращался к Зальцману и ставил перед ним сложнейшие задачи. Исаак Моисеевич отличался умением находить решения в заданные кратчайшие сроки, порой предлагая нестандартный и чрезвычайно смелый ход¹⁵⁷. Какой ценой, какими способами Зальцман добивался выполнения поставленных задач, Сталина тогда особо не интересовало: в те месяцы решалась судьба страны¹⁵⁸. И всякий раз, решая ту или иную задачу, Зальцман – волевой, жесткий, смелый руководитель – решительно сметал все преграды на своем пути, будь то организационно-технические проблемы либо конкретные люди.

Под его горячую руку попадали не только нерадивые заводские командиры. На заводе не задерживались и те, кто имел иную точку зрения, отстаивал собственные убеждения, не соглашался с новыми порядками. Прежние заслуги, опыт работы и репутация в расчет не брались¹⁵⁹.

В целом, по признанию бывшего председателя завкома Василия Григорьевича Силуянова, «товарищ Зальцман в своей работе очень часто позволял на совещаниях грубое поведение, поэтому слишком сложно запомнить и воспроизвести все случаи». Некоторые начальники цехов боялись зайти в кабинет директора даже по производственным вопросам. Другие, получавшие взбучку от директора завода, переняли

¹⁵⁶ Устьянцев С. В. Элита российской индустрии: Челябинский тракторный завод. Екатеринбург, 2008. С. 51.

¹⁵⁷ Герваш А. Танковый нарком // Труд. 1988. 13 окт.; Гвоздецкий В. Л. И. М. Зальцман как типичный представитель когорты промышленных руководителей военных лет // Танкпром, век XX: история, историография, источники, музейное воплощение: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Н. Тагил, 2013. С. 150–152.

¹⁵⁸ В подтверждение можно привести данные о том, что в годы войны из прокуратуры СССР в высшее руководство страны поступала информация о нарушениях законности на Челябинском Кировском заводе, с предложением привлечь к ответственности директора завода И. М. Зальцмана, однако никаких последствий эти материалы не имели, начатое органами прокуратуры расследование было прекращено. См.: Жирнов Е. «В армию поступают танки Т-34 с трещинами бронекорпусов» // Коммерсантъ Власть. 2011. № 37. С. 66–67; Сушков А. В., Михалев Н. А. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы»: Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 61. 2014. № 22 (351). С. 113–114.

¹⁵⁹ Сушков А. В., Михалев Н. А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!»: И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 64. 2015. № 14 (369). С. 95–96.

этот стиль и стали практиковать его в своей повседневной работе. Не утруждаясь разбирательствами в причинах тех или иных «прорывов», они первым делом «спускали собак» на руководителей отделений и мастеров, а те, в свою очередь, – на рабочих, осыпая их ругательствами на все буквы алфавита¹⁶⁰. Начальник термического цеха А. А. Мхчянц даже спустя годы не мог забыть обиду, нанесенную ему И. М. Зальцманом. В 1944 г. Мхчянц, чтобы выполнить сверхнапряженный график производства гусениц, неделю не выходил с завода, но вовремя снабжать сборочное производство никак не удавалось. Директор, вместо слов поддержки изнеможенному начальнику цеха и оказания помощи, заявил, что самая славная смерть для Мхчянца – это «быть раздавленным этими гусеницами»¹⁶¹.

Что касается региональных властных структур, то равными себе Исаак Моисеевич признавал исключительно секретарей обкома, да и то не всех. Дружественные, доверительные отношения у него сложились с первым секретарем обкома Николаем Семеновичем Патоличевым. Подтверждением чему служит тот факт, что Зальцман во время войны возвел для Патоличева дачу рядом со своей. Свободное время часто проводили вместе. Если Зальцман на своей даче устраивал застолье, то кроме Патоличева приглашал начальника Челябинсталлургстроя генерал-майора Якова Давыдовича Рапопорта, секретаря обкома по пропаганде и агитации Алексея Александровича Шварева и др. Нам неизвестно, какие угощения предлагал директор завода своим высоким гостям, но если судить по недостаткам, впоследствии числившимся за управляющими делами завода, столы не пустовали. И нужно ли говорить, что измотанные тяжелыми военными буднями и серой послевоенной повседневностью, обремененные огромной ответственностью большие начальники были благодарны Зальцману за те праздники, которые он им устраивал. В теплой компании они имели возможность снять с себя напряжение, пообщаться в непринужденной обстановке, обращаясь друг к другу просто и запанибратски: Яшка Рапопорт, Исаак. Бывало, что всей компанией «под градусом» отпраплялись в театр приобщаться к высокому искусству. В то же время условия труда и быта простых заводчан оставались крайне тяжелыми. Многие из них с семьями, малолетними детьми продолжали жить в землянках, подва-

¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 151; ОГАЧО. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 234. Л. 25–26; Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904. Л. 9; Ф. П-288. Оп. 13. Д. 197. Л. 14–15.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 150–151, 159; Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 419.

лах, кухнях, разваливающихся бараках, недоедали и работали на пределе своих сил¹⁶².

Н. С. Патоличев высоко ценил И. М. Зальцмана как организатора советского танкостроения и ограждал его от претензий со стороны местных партийных органов. Партийные работники неоднократно становились свидетелями того, как глава области закрывал глаза на его вызывающие выходки. «Николай Семенович, что получается? Когда этому будет положен конец? Ведь это хулиганство, хамство!» – жаловался на директора Кировского завода работавший при Патоличеве секретарем Челябинского горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Алексей Николаевич Беспалов, будучи сам человеком далеко не тонкой душевной организации. «Ну, слушайте, что можно сделать? – разводил руками Патоличев. – Ну, хулиганит. Ну, хамит. Но одновременно надо видеть в нем большой талант большого организатора, а нам сейчас такие люди нужны. Приходится мириться». «...Вы неправильно смотрите на таких руководящих работников, не понимаете их значения в области в настоящее время, и поэтому не следует их так “трепать”», – поучал Патоличев своего зама по Челябинскому горкому ВКП(б), депутата Верховного Совета РСФСР Зою Иоакимовну Сочневу¹⁶³.

7.3. Дисциплинирование региональных элит: между «чистками» и «критикой снизу»

Вполне объяснимый и в чем-то оправданный в период войны жестко-авторитарный стиль руководства в мирное послевоенное время уже воспринимался как ненормативный. Основным обвинением, предъявленным бывшему в годы войны секретарем обкома ВКП(б) по животноводству, а в послевоенные годы занимавшему пост третьего секретаря Свердловского обкома и руководившему сельскохозяйственным производством в области И. С. Цыганову, было как раз его грубое и оскорбительное отношение к руководящим районным работникам и колхозникам: в июне 1951 г. он был снят со своих постов

¹⁶² Сушков А. В., Михалев Н. А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!»... С. 97; Сушков А. В. «Зальцман чувствует себя вождем»: И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 66. 2015. № 24 (379). С. 80–85.

¹⁶³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 94, 103; Д. 144. Л. 9, 70; Оп. 95. Д. 958. Л. 2 об., 4 об., 5 об.

по результатам проверки жалобы, направленной в ЦК ВКП(б) председателем колхоза «Путь к коммунизму» Ирбитского района К. М. Устиновым¹⁶⁴.

А полутора годами ранее на грубость второго секретаря Свердловского горкома ВКП(б), возглавлявшего в годы войны и первые послевоенные годы райком партии города Свердловска и отдел машиностроения обкома ВКП(б), – И. Ф. Красноженова по отношению к некоторым работникам горкома указывали делегаты состоявшейся в феврале 1950 г. IX Свердловской городской партконференции. В ходе тайного голосования по выборам нового состава горкома Красноженов получил большое количество голосов против его кандидатуры – 204 голоса из 593 голосовавших. Накануне конференции Красноженов намечался на пост первого секретаря Свердловского горкома партии, так как ранее занимавший этот пост В. И. Недосекин освобождался от должности в связи с отменой ЦК ВКП(б) практики совмещения первыми секретарями ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов обязанностей первых секретарей городских комитетов партии соответствующих республиканских, краевых и областных центров. И, как правило, на освобождавшийся первыми секретарями обкомов ВКП(б) пост руководителя областного центра автоматически назначался действовавший на тот момент второй секретарь горкома ВКП(б). Но получив результаты голосования, бюро Свердловского обкома ВКП(б) решило не выдвигать И. Ф. Красноженова ни первым, ни вторым секретарем Свердловского горкома партии. А так как иной готовой кандидатуры, предварительно утвержденной в ЦК партии, у Свердловского обкома ВКП(б) на тот момент не было, второй секретарь обкома ВКП(б) В. М. Шестаков, председательствовавший на состоявшемся 23 февраля 1950 г. I (организационном) пленуме горкома, обратился к пленуму с просьбой не рассматривать вопрос о первом секретаре горкома. Поэтому в течение последующих двух месяцев в Свердловске сохранялась прежняя структура руководства, когда город возглавлялся вторым секретарем горкома партии – на этот пост организационный пленум горкома по предложению В. М. Шестакова утвердил бывшего секретаря Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам М. И. Кузина, а уже на следующем –

¹⁶⁴ Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 169.

II пленуме горкома 13 апреля 1950 г. Кузин был утвержден первым секретарем Свердловского горкома партии¹⁶⁵.

Печальную роль в судьбе ряда руководящих работников Свердловской области от районного до областного уровней сыграла денежная реформа 1947 г. Денежная реформа преследовала несколько целей. Одной из них являлась конфискация крупных денежных средств, полученных нетрудовыми элементами. Это были лица, нажившиеся на конъюнктурных доходах военного времени (подпольные дельцы, спекулянты, недобросовестные работники торговли и т. п.). Руководство страны не могло допустить, чтобы подобные лица, накопившие в годы войны значительные суммы денег, получили возможность после назначенной на декабрь 1947 г. отмены карточной системы скупать продовольственные и промышленные товары. Проведение же денежной реформы давало возможность значительно урезать их нетрудовые доходы¹⁶⁶.

Однако, как оказалось, предстоящая реформа представляла серьезную угрозу денежным накоплениям не только подпольных дельцов и спекулянтов, высокооплачиваемых специалистов промышленности и зажиточных колхозников, но и партийно-государственной номенклатуры Среднего Урала. Поэтому в ходе ее проведения многие руководители повели себя не так, как это подобает настоящим коммунистам, не захотели разделить тяготы этой реформы вместе со всем народом. Несмотря на то, что подготовка к реформе должна была проводиться в строжайшей тайне от основной массы населения страны, определенная часть работников местных партийных, советских и правоохранительных органов Свердловской области узнала о предстоящем обмене денег приблизительно за десять дней до его начала из направленного первым секретарям городских и районных комитетов партии письма Свердловского обкома ВКП(б) от 4 декабря 1947 г. В соответствии с данным письмом, носящим гриф «Строго секретно», в целях организации предстоящих обменных операций председателям исполкомов городских и районных советов депутатов трудящихся необходимо было срочно организовать работу по оборудованию помещений выплатных пунктов, полностью отвечающих требованиям удобства проведения обменных операций и охраны денежных средств. Начальники городских

¹⁶⁵ Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. С. 169–170.

¹⁶⁶ *Сластнев С.* «А сейчас всех выровняют»: Денежная реформа и отмена карточной системы на Среднем Урале. 1947–1948 гг. // *Веси.* 2014. № 8. С. 67.

и районных отделов внутренних дел, вахтерской охраны предприятий и работники партийных органов, в свою очередь, должны были обеспечить круглосуточную охрану всех выплатных пунктов¹⁶⁷.

Используя служебное положение, местные начальники различными способами попытались сохранить свои денежные сбережения, вложив их срочно в сберкассы или в приобретение промышленных товаров¹⁶⁸. После произведенных проверок в Свердловской области с постов был снят ряд секретарей райкомов ВКП(б), председателей райисполкомов, начальников МВД и МГБ районного и городского уровней. На всех этих руководителей были наложены партийные взыскания вплоть до исключения из партии¹⁶⁹. В то же время необходимо отметить, что если работникам партийных, советских, правоохранительных органов, виновным в нарушении постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары», как правило, угрожало лишь снятие с работы, исключение из партии, получение выговоров, то руководители учреждений, организаций, предприятий, работники сберкасс, торговые работники, помогавшие представителям власти пристраивать их денежные средства, кроме всего прочего, зачастую привлекались и к уголовной ответственности¹⁷⁰.

Областные власти постарались засекретить, не придавать широкой огласке факты неприглядного поведения представителей партийно-государственной номенклатуры. В местной печати сообщалось лишь о злоупотреблениях служебным положением, допущенных отдельными торговыми работниками и работниками сберкасс¹⁷¹.

Наиболее высокопоставленными фигурами, лишившимися своих постов в результате денежной аферы, стали начальник управления МВД по Свердловской области И. Г. Попков и начальник управления МГБ по Свердловской области, член бюро Свердловского обкома ВКП(б) Т. М. Борщев. После того как специальная ревизия Госбанка не только выявила нарушения со стороны работников аппарата УМГБ, но и установила, что семья самого начальника управления «укрыла в совхозе МГБ 20 тысяч рублей», первый секретарь обкома партии В. И. Недосе-

¹⁶⁷ Слостнев С. «А сейчас всех выровняют»... С. 70.

¹⁶⁸ См. подробнее: Там же. С. 71–75.

¹⁶⁹ Государство и народ в условиях социалистического эксперимента... С. 170–171.

¹⁷⁰ Слостнев С. «А сейчас всех выровняют»... С. 74.

¹⁷¹ В прокуратуре Свердловской области // Уральский рабочий. 1947. 20 дек.

кин поставил перед ЦК ВКП(б) вопрос о смещении Борщева с поста начальника управления¹⁷².

Конфликт между областным партийно-государственным руководством и начальником УМГБ имел давнюю историю, и главная его причина крылась в конфликтном поведении Т. М. Борщева, его нежелании считаться с партийными органами. Еще в начале 1942 г. В. М. Андрианов просил ведавшего кадрами секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова снять Борщева с должности начальника УНКВД по Свердловской области. Но тогда специально прибывшему в Свердловск заместителю Бери Б. З Кобулову удалось замять конфликт, правда, ненадолго. В середине 1945 г. партийные органы вновь инициировали смещение Борщева с должности, и вновь безрезультатно: под защиту Борщева взял нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов. И вот уже преемник Андрианова – Недосекин поспешил воспользоваться оплошностью Борщева. Безусловно, В. И. Недосекиным двигало не только желание взять реванш и отомстить начальнику УМГБ за его высокомерное отношение к руководителям области, но и элементарное чувство самосохранения, ведь злоупотребления совершил член бюро обкома ВКП(б). И потому Недосекину необходимо было как можно быстрее отмежеваться от его действий. Как только стало известно о положительном решении вопроса о Борщеве, Недосекин накануне областной партконференции, на которой Борщева можно было просто не избрать в новый состав пленума и бюро обкома партии, поставил вопрос о выводе бывшего начальника УМГБ из состава членов бюро обкома ВКП(б). По представлению Недосекина XXXVI пленум Свердловского обкома ВКП(б) 16 марта 1948 г. принял решение вывести Т. М. Борщева из бюро обкома партии с формулировкой «за дискредитацию себя как коммуниста в проведении денежной реформы и непринятие мер по вскрытию серьезных злоупотреблений ряда работников аппарата управления МГБ»¹⁷³.

После войны Сталин вновь напомнил руководящим кадрам страны о необходимости придерживаться в своей деятельности принципов «внутрипартийной демократии», провозглашенных на февральско-мартовском пленуме 1937 г. В выступлении на предвыборном собрании

¹⁷² Государство и народ в условиях социалистического эксперимента... С. 171.

¹⁷³ Вольхин А. И. Героическое и трагическое (штрихи к портрету Т. Борщева) // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы VII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 331–332; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 9. Л. 29; Общество и власть. Российская провинция, 1917–1985: Свердловская область : док. и материалы. Екатеринбург, 2006. Т. 2. С. 281–282.

избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. И. В. Сталин так рассуждал о ВКП(б) и предстоящих выборах в Верховный Совет СССР: «Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности»¹⁷⁴.

Слова Сталина о критике и проверке были созвучны с его же установками на восстановление во внутривнутрипартийной жизни принципов «демократического централизма» (или «внутрипартийной демократии»), о чем вождь провозгласил с трибуны февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. «Так вот проверка эта бывает сверху, проверка, идущая сверху, когда шеф проверяет своих подчиненных; бывает проверка снизу, когда руководителей проверяют партийные массы либо беспартийные массы, партийные активы либо беспартийные активы»¹⁷⁵, – наставлял Сталин. – Либо народ проверяет сам в порядке выборов. Вот организуемые нами выборы в верховные органы нашей страны, эти выборы будут большой проверкой для многих из наших работников»¹⁷⁶. Средства для проверки снизу – это активы регулярные, партийные и беспартийные, и отчеты руководителей, честные практические отчеты о своей работе. <...> Тайные выборы, право отвода кандидатов без исключения и право критики, – вот вам второе средство проверки снизу. <...> Стало быть, у нас есть два пути для проверки работников: путь, идущий сверху, от шефа подчиненного, и другой путь – путь, идущий снизу, контроль снизу. Причем контроль снизу имеет две формы: контроль через активы с отчетностью со стороны руководителей, и контроль через восстановление демократической выборности в нашей партии, когда члены партии имеют право отводить любого кандидата, критиковать, сколько влезет, и заставить руководителя отчитаться перед партийной массой»¹⁷⁷.

В главной советской газете «Правда» в этот период постоянно выходят статьи, в которых подвергаются критике руководители региональных парторганизаций, игнорирующие установки верховной власти.

¹⁷⁴ Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Правда. 1946. 10 февр.

¹⁷⁵ Имеются в виду заседания партийных и хозяйственных активов.

¹⁷⁶ Имеются в виду выборы в Верховный Совет СССР в 1937 г.

¹⁷⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)... С. 14–15.

«Постановление бюро Астраханского обкома ВКП(б) по критическим выступлениям газеты свидетельствует о неправильном отношении обкома к критике, самокритике, – указывалось в статье «Неправильное отношение к критике». – Товарищам из Астрахани следует помнить, что развертывание критики является важнейшим условием дальнейшего улучшения всей нашей работы, нашего продвижения вперед, и поэтому надо не глушить критику, а всячески развивать ее». «Критиковать, невзирая на лица, – право каждого коммуниста, – начал свою статью «Об одной реплике секретаря обкома» корреспондент «Правды» А. Муханов, в которой «вывел» в качестве «зажимщика критики» первого секретаря Ворошиловградского обкома КП(б) Украины А. И. Гаевого. – Иначе понимают это уставное положение в Ворошиловградском обкоме партии. Здесь критикуют, невзирая на лица, сверху донизу, и не терпят, когда начинают критиковать снизу». А в статье «Кто может критиковать в Кустанае» за «зажим критики» «продернули» секретаря Кустанайского обкома партии по кадрам С. Б. Ниязбекова, который был прозван кустанайским вельможей¹⁷⁸.

«Правда» напоминала всем членам партии о том, что в своей работе необходимо придерживаться принципов критики и самокритики. «Грандиозные задачи осуществления нового пятилетнего плана предъявляют новые, повышенные требования к партийным организациям, – так начиналась большая статья «Что показало инспектирование астраханской партийной организации». – Центральный комитет ВКП(б), товарищ Сталин указывают, что для того, чтобы поднять еще выше руководящую и контролирующую роль наших партийных организаций, чтобы быстрее двигаться вперед, необходима повседневная критика и самокритика в партийных организациях. Самокритика является испытанным оружием в арсенале большевизма, основным методом воспитания партийных кадров. Оживление критики и самокритики в сочетании с систематической проверкой работы и инспектированием партийных органов будет способствовать новому подъему всей партийной работы». Что ждет тех региональных руководителей, кто не будет выполнять указаний Сталина, говорилось здесь же. Несмотря на то,

¹⁷⁸ Викулов Ф. Редактор в роли зажимщика самокритики // Правда. 1946. 17 мая; Кто может критиковать в Кустанае // Там же. 19 мая; Неправильное отношение к критике // Там же. 24 мая; Семенов В. Не прислушиваются к голосу рядовых коммунистов // Там же; Земцов А. О «вредных мыслях» председателя колхоза и о секретаре райкома, который не терпит критики // Там же. 10 июня; Муханов А. Об одной реплике секретаря обкома // Там же. 24 июня.

что первый секретарь Астраханского обкома и Астраханского горкома ВКП(б) Ф. Н. Муратов сохранил свою должность (вероятно, благодаря непродолжительному пребыванию в этом качестве), вряд ли кто из региональных секретарей хотел бы оказаться на его месте¹⁷⁹.

Сталин возлагал большие надежды на возвращение в практическую деятельность партийного аппарата основных положений политических преобразований 1937 г., позабытых за годы войны. А именно – критики и самокритики, тайного голосования с предварительным обсуждением и отводом выдвинутых кандидатур, предоставления возможности рядовым членам партии высказывать свое мнение о местном партийном и хозяйственном начальстве на расширенных партсобраниях – так называемых собраниях партийного актива. Сталин видел в них эффективные механизмы борьбы с широко распространившейся за военные годы коррупцией, когда начальники всех уровней увлеклись самоснабжением, наладили взаимовыгодные связи, расправлялись с неугодными подчиненными, теми, кто не желал подстраиваться под установленные ими «правила игры». Нередко о злоупотреблениях служебным положением в личных целях говорилось в тех же статьях «Правды», где речь шла о «зажиме» критики и самокритики, об игнорировании сигналов и жалоб от рядовых коммунистов и беспартийных, и о других нарушениях «внутрипартийной демократии»¹⁸⁰.

Верховный вожьд в кулуарах не скрывал своего беспокойства по поводу сложившихся в годы войны управленческих практик. «Из беседы со Сталиным 4 мая было видно, что он обеспокоен не тем, что кое-что во время войны партийные организации делали не так – это всё позади, а тем, что некоторые из этих недостатков продолжали существовать и в мирное время», – вспоминал десятилетия спустя бывший челябинский секретарь Н. С. Патоличев¹⁸¹.

Как же были восприняты установки Сталина на местном уровне? В первую очередь эти указания нашли позитивный отклик у рядовых

¹⁷⁹ Шмонин А. Что показало инспектирование астраханской партийной организации // Правда. 1946. 4 июля.

¹⁸⁰ Креславский Г. Грубое нарушение внутрипартийной демократии в алтайской партийной организации // Там же. 11 июля; Иссык-Кульский обком и его газета // Там же. 21 июля; Сиволобов М. Когда у обкома связаны руки... // Там же. 26 июля; Всегда и во всем быть честным перед государством! // Там же. 1946. 31 июля; Собрание партактива Ворошиловграда // Там же. 16 авг.; Верховский В. Неправильные методы работы Подольского горкома партии // Там же. 7 сент.

¹⁸¹ Патоличев Н. С. Совестью своей не поступишь. М., 1995. С. 8.

коммунистов и в низовых партийных организациях. Одним из первых на Урале под огонь критики попал директор Челябинского Кировского завода И. М. Зальцман. В августе 1946 г. на заседании партийного актива Тракторозаводского района в адрес администрации и парткома Челябинского Кировского завода прозвучали резко критические высказывания заводских коммунистов. Причиной послужили тяжелые материально-бытовые условия трудящихся завода на фоне использования отдельными представителями заводского командного состава заводских ресурсов в личных целях, а также вызывающе хамское поведение директора завода.

Секретарь парторганизации цеха топливной аппаратуры М. Я. Донец обвинил Зальцмана в вождизме: «Я очень жалею, что на этом партийном активе нет директора завода. Надо сказать, что наш директор завода мнит о себе вождя в кавычках». В доказательство Донец рассказал о царивших на заводе порядках, когда на совещаниях приветствовали директора аплодисментами стоя, и сделал вывод: «Мое мнение, что это обюрократившийся человек, и он отрывается от нужд рабочих»¹⁸². Заведующая отделом агитации и пропаганды парткома завода М. В. Захарова осудила неприемлемый, вызывающий стиль руководства директора завода, подняла вопрос о сложившемся на заводе стиле руководства, а именно грубости, хамстве, матерной ругани. В качестве примера того, откуда берет корни такой стиль, рассказала о диспетчерском совещании, на котором директор завода Зальцман достал револьвер и угрожал пристрелить одного из начальников цехов, приговаривая: «Я давно не стрелял, тебя застрелю!» «Где это еще можно видеть в нашей стране? – под шум возмущения в зале громила с трибуны Захарова. – Нигде. А у нас на заводе это, товарищи, факт! Здесь товарищ Донец совершенно правильно сказал, что Зальцман чувствует себя вождем. Он забыл, что выдвинул его коллектив Кировского завода, что все его ордена, звание героя, весь почет, который его окружает – это заслуга коллектива Кировского завода. Его выдвинул народ, в частности, народ Кировского завода. А он оторвался от масс и думает, что теперь его поддержат всюду. Во время войны, как ни третировали работников, работникам некуда было деваться. Этим воспользовались некоторые любители похамить, начали прививать такой стиль <...>. Я считаю, что такой стиль работы может привести к гибели завода»¹⁸³.

¹⁸² ОГАЧО. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 234. Л. 23–24.

¹⁸³ Там же. Л. 25–26.

Однако дело не сводилось к персональной критике И. М. Зальцмана. Разбор ситуации позволил более полно увидеть картину социального бытования региональных хозяйственных руководителей и партийной номенклатуры, вскрыл те негативные явления, которые постепенно начинали приобретать характер социальной нормы. Из выступлений мы узнаем, какими привилегиями и льготами окружил себя руководящий состав завода. Секретарь парторганизации второго сборочного цеха И. А. Капустин отмечал: «Километров за семь от города был дом отдыха Шершни. Там отдыхали рабочие, командный состав. Пропускали 80 человек, но теперь этот дом отдыха закрыли и отдали под дачу начальству. Зачем ехать в деревню, снимать квартиру, когда можно отнять от рабочих дом отдыха и устроить себе дачу?»

Курорт «Увильды», путевки на который находились в ведении профсоюза, доступным был далеко не для всех заводчан. «А кто там отдыхает? Многие ли работающие там отдыхают? Знаете, товарищ Махонин, если мы будем уважать только начальников цехов, начальников отделов, то закрепления кадров не будет, – под аплодисменты зала заявлял Капустин. – А там почти одно начальство и их семьи. Почему начальники цехов, отделов имеют право давать отдых своим семьям, а почему рабочий, который пять лет работал в тяжелых условиях войны, почему он не может поправить свое здоровье?»¹⁸⁴.

По сравнению с условиями существования заводской элиты материально-бытовое положение и условия жизни рабочих были плачевными. О невыносимых условиях труда рабочих, которые работают при сорокаградусной жаре, отсутствии вентиляции и порой теряют сознание, об их зарплате, которой едва хватало, чтобы свести концы с концами, несправедливой системе оплаты труда говорил начальник отделения чугунолитейного цеха Морозов. «Вызывает начальник цеха рабочего и начинает на него кричать: “Ты – болтун, ты – бездельник”, – описывал рабочие будни Морозов. – <...> Почему они так обращаются? Это потому, что они получают премию и получают зарплату, оделись все в кожу и накопили имущества на 25 лет вперед. Чего же они будут заботиться о таком маленьком рабочем?»¹⁸⁵.

Слесарь водоканалцеха Давид Борисович Басин рассказал о разносящихся по их району зловониях (канализация либо не действовала, либо вовсе отсутствовала) и поведал о своем диалоге с женой: «Я вот

¹⁸⁴ ОГАЧО. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 234. Л. 30.

¹⁸⁵ Там же. Л. 34.

однажды прихожу домой и говорю жене, что хороший театр построили. А она мне отвечает: это хорошо, что театр построили, а вот что у нас уборных нет, это совсем плохо». Басин, проверявший состояние заводского жилищного фонда, выяснил, что из намеченных к ремонту 90 объектов в состоянии ремонта находилась лишь треть, а закончен ремонт был только на семи объектах. Такие темпы работ были не случайны: силы заводских служб в это время были брошены на другие объекты. «Обязали ремонтировать дачи в Шершнях, Увильдах для бар наших», – пояснил ситуацию выступавший. О сложившемся отношении заводской администрации к нуждам рабочих Давид Борисович заявил: «Прежде всего, надо было товарищу Зальцману подумать, если он коммунист, что он – слуга народа, и он должен был помнить слова товарища Сталина, что если депутат не оправдает доверия масс, то его можно “на вороних прокатить”»¹⁸⁶.

Безразличное отношение заводской администрации к рабочим отмечал слесарь холодноштамповочного цеха И. Н. Яковцев: рабочие двух цехов из-за нехватки туалетов вынуждены ходить в один, где нужно еще очередь отстоять. «Как в столовой обслуживают? – вопрошал Яковцев и сам отвечал: – Подадут тарелку железную, вот и пьет из нее рабочий, как из чашки. Даже ложек нет. Неужели на заводе ложек нельзя сделать в достаточном количестве?! Кругом грязь, безобразие сплошное. Вот вам и быт рабочих. Мыло государство отпускает, а кто его получает? Я не буду говорить, как живут дома рабочие. С таким отношением к рабочим далеко не уедешь».

Для сравнения Яковцев остановился на созданных на заводе условиях для начальства: к их услугам были портные, у которых они за счет завода шили себе одежду, к их услугам были сапожники. Здесь же, на заводе им изготавливали чайники и чудо-печки. «А что рабочие, думают работать? – задавался вопросом Яковцев. – Они только разговоры ведут, как уйти с завода»¹⁸⁷.

Выступление заместителя секретаря парторганизации чугунолитейного цеха Хомутниковой было посвящено описанию ужасающих условий жизни рабочих завода. «Рабочий Кульмухаметов работает на заводе с 1936 года. У него пятеро детей. Живет в землянке. Землянка совершенно развалилась. Жить невозможно. Он говорит, что он будет работать на заводе, с завода не уйдет, но просит создать условия, чтобы

¹⁸⁶ ОГАЧО. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 234. Л. 37–38.

¹⁸⁷ Там же. Л. 56.

крыша не упала, чтобы детей не задавило. Есть коммунист Бандурко. Он подал заявление на квартиру. Мы не могли его обеспечить. Лесоматериалом также не могли обеспечить. На днях он приходит и говорит: моя землянка обвалилась, и мое счастье в том, что это было днем, и дети бегали на улице»¹⁸⁸.

О «китайской стене», выросшей между командным составом завода и рядовыми работниками, с трибуны актива говорил заместитель секретаря партбюро УРСа Д. Т. Назарьян. «Эта стена разделяет: это – мы, а это – вы. Мы – это руководители завода, мы – это начальники цехов, начальники отделов и прочие крупные руководители на нашем заводе. А вы – это те люди, которые тыркаются в двери бюрократов. Это не мое выражение, это выражение товарища Сталина: тыркаются маленькие люди и не могут найти ответа в наших бюрократических кругах», – пояснял Назарьян.

Д. Т. Назарьян нарисовал красочную картину выстроенной на заводе системы привилегий, которая так или иначе бросала тень на И. М. Зальцмана. «Мы – это значит машины личного пользования. Мы – это дачи для нас и для наших домочадцев. Мы – это хорошая жилая площадь, это получение жалованья с прибавкой. Мы – это прекрасное питание. Мы – это богатые возможности одеться, пользоваться театрами, клубом, всеми благами завода. Мы – это те, которые гоняют тысячи машин на футбол и охоту. Но если рабочему нужна машина, чтобы отвезти в больницу больного ребенка или больную жену в больницу, он машины не получит. Мы – это люди, которые ходят в клубы и театры, слушают Шульженко, Тамару Ханум. Они получают приглашительные билеты, а если даже и не получают, но они имеют достаточно денег, чтобы купить эти билеты. А рабочие не имеют возможности этого сделать. Мы – это те продукты, в которых так нуждаются диетики “не нашего завода”. Мы – это те, которые имеют право получать белую муку, получать лучшие продукты по отовариванию. Мы – это магазин № 1. Но магазин – это еще полбеды. Но там, за магазином есть подвальчик, есть конурка, и туда ходят семьи руководителей завода. Рабочие это знают, это видят и слышат»¹⁸⁹.

На заводе Зальцман фактически сформировал систему патрон-клиентских связей. Эта система опутала практически все заводское руководство и пыталась захватить в свою орбиту партийных работников.

¹⁸⁸ ОГАЧО. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 234. Л. 59.

¹⁸⁹ Там же. Л. 54.

Директор завода старался разными способами подчинить себе, коррумпировать членов парткома завода. Д. Т. Назарьян обнаружил обстоятельства свадьбы сына заместителя секретаря заводского парткома Алексея Васильевича Гончарова. «Как он может критиковать Зальцмана, если Зальцман устроил на средства завода свадьбу сына Гончарова, затратив на это 20 тысяч рублей, – говорил Назарьян о Гончарове-старшем под шум зала. – А мы знаем, что на заводе тысячи девушек и юношей хотят устроить жизнь, но не имеют этой возможности из-за материальной необеспеченности»¹⁹⁰. Позже, в октябре 1946 г., на заводской партконференции в отношении другого заместителя секретаря парткома завода Максима Николаевича Ничепурнова прозвучали обвинения в том, что к нему по ночам привозят на машине продукты¹⁹¹.

После заседания партактива парткомом завода была проведена проверка, по результатам которой «за незаконное получение бесплатно продуктов на свадьбу сына, а также двух мотоциклов в личное пользование» партком снял Гончарова с работы заместителя секретаря парткома, вывел из состава парткома и объявил ему выговор с занесением в учетную карточку. Гончарова обязали вернуть заводу оба мотоцикла, а затраченные на свадьбу деньги внести в кассу заводского УРСа. Отдельным пунктом партком записал: «Вопрос о незаконных действиях в этом вопросе директора завода т. Зальцмана рассмотреть после возвращения его из отпуска»¹⁹².

Партвзыскание Гончарову подлежало утверждению на бюро Тракторозаводского райкома партии. Несмотря на то, что райком возглавлял все тот же секретарь парткома завода Е. В. Мамонтов, решение парткома было изменено в сторону ужесточения. «Работая на руководящей партийной работе, Гончаров вел себя по-барски, кичился своим положением и семью свою воспитывал в том же духе». Бюро постановило не только снять Гончарова с должности, но и исключить из партии с формулировкой: «за потерю партийной принципиальности и за использование своего служебного положения в личных корыстных целях»¹⁹³.

В преддверии запланированной на осень 1946 г. заводской партконференции в партийной среде все сильнее звучали призывы «завалить» И. М. Зальцмана при выборах парткома, куда директор завода тради-

¹⁹⁰ ОГАЧО. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 234. Л. 55.

¹⁹¹ Там же. Д. 633. Л. 125.

¹⁹² Там же. Д. 641. Л. 44–46; РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 412.

¹⁹³ Там же. Д. 227. Л. 39–40.

ционно входил, можно сказать, по должности. Неизбрание директора завода членом заводского парткома означало отказ в доверии со стороны заводской партийной организации, что, в свою очередь, могло стать предметом разбирательств в вышестоящих партийных инстанциях, существенно подпортить блистательную биографию одного из самых известных и титулованных капитанов советской индустрии и вызвать вопросы со стороны Москвы. Поэтому первый секретарь обкома, имевший неоднозначное мнение о Зальцмане, в конце концов решил встать на его защиту.

Вот как сам Белобородов позднее на пленуме обкома описывал мотивы, побудившие его сделать нелегкий выбор: «Как секретарь обкома и партийный работник я в то время был молодой, опыта в таких вопросах не было, и я долго колебался. С одной стороны, вина Зальцмана перед партийной организацией за свое поведение была совершенно очевидна, и поэтому его надо было, по крайней мере, наказать. Но с другой стороны, все его действия и поступки известны были обкому уже на протяжении, по крайней мере, четырех-пяти лет. И почему-то таких выводов не делалось, тем более что и руководство было несравненно опытнее меня. Отсюда я делал вывод: значит, я чего-то недоучитываю. Чего же недоучитываю? Видимо, и раньше учитывалось и, видимо, сейчас надо учесть то положение, что Зальцман – директор крупнейшего завода, герой, депутат, лауреат, а поэтому нельзя ли попытаться исправить его?»¹⁹⁴.

Как только Белобородов пришел к такому умозаключению, он круто изменил свое отношение к Зальцману: отныне Зальцман в глазах областного секретаря являлся исключительно крупным и незаменимым работником. Перемены в отношении Белобородова к директору завода были столь стремительны и разительны, что партийные чиновники теялись в догадках: что могло произойти в обкомовском закулисье, «почему стал Белобородов сторонником Зальцмана – активным, убежденным, последовательным»?¹⁹⁵

Белобородов подключил административный ресурс: вызвал к себе заводского парторга ЦК Е. В. Мамонтова и прямо заявил, что в выступлениях на прошедшем районном партактиве был допущен ряд политических ошибок и что Зальцмана следует обязательно избрать в состав парткома завода. Мамонтов, до того говоривший: «Острый был актив»,

¹⁹⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 190.

¹⁹⁵ Там же. Л. 37, 49, 66–67.

после визита к Белобородову мнение свое резко изменил на прямо противоположное: «Неправильный партийный актив»¹⁹⁶.

Поставленная задача была не из простых, ведь голосование по поводу включения в состав партийного комитета, как и полагалось по уставу партии, было тайным. Во исполнение поручения Белобородова за несколько дней до открытия конференции Мамонтов собрал секретарей первичных парторганизаций завода и потребовал от них поддержать кандидатуру Зальцмана при выдвижении в состав партийного комитета завода. На вопросы секретарей Мамонтов отвечал прямолинейно, что за Зальцмана отвечает своей головой и что ему поручено провести директора в состав парткома во что бы то ни стало, ибо в противном случае последуют оргвыводы¹⁹⁷.

Высокопоставленные сторонники Зальцмана перешли в наступление. 2 октября 1946 г. Белобородов лично отправился на открывающуюся заводскую партконференцию. Вместе с ним «высадился» мощный «партийный десант»: секретарь обкома по пропаганде и агитации А. Г. Лашин, бывший секретарь обкома по танковой промышленности, а ныне – заместитель секретаря обкома по машиностроению Н. Д. Малиненко, секретари Челябинского горкома А. И. Панкрушев и Л. М. Петров.

Все выступления партийных функционеров на конференции сводились к защите директора завода, его оправданию и опровержению обвинений в его адрес. Итоговую позицию областного руководства в отношении Зальцмана выразил в своем выступлении Белобородов. Он назвал «ошибочной, политически вредной» критику директора завода и четко обозначил «официальные» недостатки И. М. Зальцмана, среди которых не было ни разбазаривания государственных средств, ни приписок на заводе, ни любовных походов, т. е. всего того, что в совокупности могло угрожать Зальцману серьезными неприятностями. Белобородов «пригрозил» Зальцману, что если тот не будет исправляться, «не будет шагать в ногу с партийной организацией», то лишится поддержки со стороны обкома ВКП(б) «со всеми вытекающими отсюда последствиями». Правда, тут же выразил уверенность, что такого не произойдет. «Я лично искренне убежден в том, что товарищ Зальцман правильно понял свои ошибки, искренне их признал и, безусловно, не допустит их повторения, – заключил областной секретарь. – У него,

¹⁹⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 49; Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904. Л. 30.

¹⁹⁷ Там же. Л. 117, 159.

мне кажется, достаточно для этого партийности и воли не только поправить себя, но и навести в этих делах порядок на заводе»¹⁹⁸.

Напор партийных руководителей дал положительный результат. По итогам голосования И. М. Зальцман не без труда, но был избран членом парткома завода. Подсчет голосов показал, что фамилию Зальцмана вычеркнули 65 делегатов конференции из 356 участвовавших в голосовании, или 18,2 %. Чтобы завалить Зальцмана, не хватило буквально нескольких голосов, он прошел в состав парткома предпоследним¹⁹⁹.

Уничтожающей критике были подвергнуты обличители директора завода с печальными для них последствиями. Практически все неугодные И. М. Зальцману лица, осмелившиеся его критиковать, либо были понижены в должности, либо вовсе удалены с завода. Обнародования результатов расследования о «бытовом разложении» директора так и не произошло, «дело» спустили на тормозах²⁰⁰.

Таким образом, первому секретарю Челябинского обкома ВКП(б) А. А. Белобородову путем жесткого административного давления и искусного жонглирования указаниями Сталина удалось подавить на заводе внешние проявления недовольства директором И. М. Зальцманом и заводским начсоставом.

Впрочем, когда было надо, Белобородов мог быть строгим и принципиальным по отношению к руководящим работникам области, как это случилось в 1947 г. с заместителем председателя облисполкома С. К. Борисовым. В июне 1946-го группа граждан Польши, уезжая из СССР на родину, сдала С. К. Борисову принадлежащие им облигации на сумму более 1,5 млн руб. с просьбой подарить эти облигации и выигрыши от них детям-сиротам, чьи родители погибли в годы Великой Отечественной войны. Облигации были опечатаны сургучной печатью первого отдела облисполкома и хранились в рабочем сейфе у Борисова до его отъезда на курсы в Москву. В облисполкоме об этих облигациях было известно. В день отъезда на курсы 12 января 1947 г. Борисов в присутствии переписчиков номеров облигаций и отдельных членов детской комиссии, но без участия работников первого отдела, вскрыл печати. Облигации не пропали, злого умысла Борисова проверка не об-

¹⁹⁸ ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 633. Л. 202–204.

¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 168; ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 633. Л. 240–241.

²⁰⁰ Сушков А. В. «И боятся... как бы Зальцман не стер в порошок!»: И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 66. 2015. № 24 (379). С. 101–107.

наружила, но условия их хранения обком ВКП(б) счел чуть ли не преступлением: «Произведенной проверкой личных злоупотреблений с облигациями т. Борисова не установлено, однако такой порядок хранения больших ценностей характеризует исключительно халатное отношение к столь ответственному делу и порождает возможности злоупотреблений». Борисова обвинили в том, что он единолично принял эти ценности на хранение и при этом не составил описи номеров облигаций.

Первый секретарь обкома А. А. Белобородов, закрывавший глаза на явные и демонстративные злоупотребления со стороны И. М. Зальцмана, счел нужным не давать спуску Борисову за саму «возможность злоупотреблений» облигациями и решил не ограничиваться мерами партийного взыскания – указанием или выговором. Бюро обкома с формулировкой: «за халатное отношение к хранению крупных денежных ценностей» – освободило Борисова от занимаемой должности²⁰¹.

Проводимая А. А. Белобородовым линия защиты в отношении И. М. Зальцмана была обусловлена, с одной стороны, огромными успехами, достигнутыми Челябинским Кировским заводом в годы Великой Отечественной войны, а также высокой оценкой деятельности Зальцмана со стороны верховной власти и предыдущего первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева, занимавшего на тот момент высокие должности в высшем руководстве СССР. С другой стороны, Белобородову были понятны и близки «шалости» Зальцмана: в 1950 г., после его снятия с должности первого секретаря обкома, в ходе передачи дел А. Б. Аристову вскрылись злоупотребления властью и коррупционные факты в деятельности областной партноменклатуры.

В результате проверки, произведенной Управлением делами ЦК ВКП(б), было установлено, что областные руководители в своей повседневной жизни перешли от социалистического принципа «каждому по труду» к коммунистическому принципу «каждому по потребностям»: «...отдельные руководящие работники Челябинского обкома ВКП(б) и облисполкома получали в 1948–1949 гг. бесплатно продукты, оплачивая их стоимость за счет средств Челябинского облисполкома, а также не платили за квартиру, отопление и освещение»²⁰². В числе отличившихся на этом поприще оказалась областная верхушка: бывший секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Белобородов, бывший председатель Челябинского облисполкома Заикин, бывший председатель облиспол-

²⁰¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 1338. Л. 23.

²⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 930. Л. 187.

кома Бессонов, на момент проверки занимавший пост заместителя председателя Совета министров РСФСР. Белобородов за данный период получил продуктов на сумму 12395 руб., задолженность по квартире составила 9955 руб. Стоимость «продуктовой корзины» у Бессонова составила 8898 руб., неуплаченные долги за квартиру – 1324 руб.²⁰³

Заикин не ограничивался коммунальными благами, а помимо этого потратил со счетов облисполкома «на устройство банкета на своей даче 1 мая 1948 года 3394 рубля, купил лично для себя за счет средств облисполкома ружье и патроны стоимостью 1170 рублей, всего, таким образом, т. Заикин незаконно израсходовал лично на себя 9883 рубля и не оплачивал в течение 1948 года за квартиру, отопление и освещение 1324 рубля»²⁰⁴.

Помимо зарплаты партийные начальники периодически получали дополнительные денежные доплаты. Управление делами ВКП(б) указывало на то, что Челябинский обком «неправильно выдавал денежные пособия работникам обкома партии, бывшим в то время секретарям обкома ВКП(б) тт. Белобородову – 3000 рублей, Додонову – 3000 рублей, Бездомову – 1800 рублей, Лашину – 1800 рублей и Матвейцеву – 1800 рублей». Правда, в результате этих средств лишались партийные работники, которые действительно в них нуждались.

Не отставали от обкомовского начальства и районные партийные секретари. «Секретарь обкома партии т. Волошенко в бытность его секретарем Красноармейского райкома партии взял из кассы райкома 5466 рублей», представив фиктивную отчетность по использованию денег. Бывший секретарь Каслинского райкома партии Бочкарев присвоил 3500 руб., которые поступили от населения для радиофикации района. Таким образом, можно говорить о возрождении модели поведения партийных функционеров, когда они беззастенчиво могли залезать в партийный карман.

В послевоенный период вновь начинают практиковаться поборы с советских, хозяйственных и общественных организаций, широко распространенные в 1930-е гг. «Кусинский райком ВКП(б) в 1949 году получил от машиностроительного завода 2000 рублей, от титаномагнетитового рудоуправления 1500 рублей и от завода строительных машин 500 рублей и израсходовал эти средства на проведение партийной кон-

²⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 930. Л. 187.

²⁰⁴ Там же.

ференции, хотя на проведение районной партконференции средства были отпущены по партбюджету.

Сталинский райком партии гор. Магнитогорска в 1948 и 1949 гг. получил от Дворца культуры металлургов 11160 рублей и от заводского комитета 2500 рублей, израсходовав их на питание делегатов партконференции и участников пленумов райкома партии»²⁰⁵.

Управление делами ЦК в ходе проверки финансовой деятельности обкома выявило «неэкономное и бесхозяйственное» расходование средств. В результате по обкому, райкомам и горкомам ВКП(б) за 1948–1949 гг. был получен значительный перерасход партийных средств на сумму 1 млн 168 тыс. руб. (560,7 тыс. руб. в 1948 г. и 608,2 тыс. руб. в 1949 г.)²⁰⁶.

Челябинский обком пытался вывести из-под ответственности заведующего финансово-хозяйственным сектором обкома партии И. А. Середкина, при попустительстве которого, как считали в Управлении делами ЦК, и происходили финансовые нарушения. Как отмечалось в докладной записке на имя Г. М. Маленкова, «в решении обкома ВКП(б) совершенно обойден вопрос об ответственности зав. финхозсектором обкома ВКП(б) т. Середкина за допущенные беспорядки в расходовании средств и большие перерасходы». Как выяснилось, И. А. Середкин неоднократно вызывался в Москву, где он «...предупреждался о строжайшем соблюдении финансовой дисциплины. Несмотря на это т. Середкин не принимал мер к правильному ведению бюджетно-финансовой работы»²⁰⁷.

По результатам проверки заведующий финхозсектором обкома ВКП(б) И. А. Середкин решением Москвы был освобожден от своей должности. Материалы на областных руководителей, виновных «в неправильном расходовании средств», были переданы на рассмотрение в КПК при ЦК ВКП(б). На заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) «проштрафившимся» руководителям было предложено возместить незаконные расходы обкому и облисполкому. Однако на момент подачи докладной записки от Управления делами ЦК ВКП(б) на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова из всех руководящих работников области возместил средства только А. А. Белобородов.

²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 930. Л. 188.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же. Л. 189.

В целом необходимо отметить, что в период сталинского руководства страной в партийно-государственной системе власти был сформирован вполне действенный и жизнеспособный механизм контроля, не позволявший партийно-государственным функционерам выходить за рамки дозволенного, вынуждавший их соблюдать установленные «правила игры».

Как эта система контроля действовала на практике в начале 1950-х гг., можно продемонстрировать на уральском материале. Первый случай связан с фигурой Г. С. Павлова и его освобождением от должности второго секретаря Челябинского обкома партии. Г. С. Павлов работал на Урале с 1949 г. До этого он в течение двух лет проработал в аппарате ЦК партии, сначала инспектором управления кадров ЦК, а позже был назначен инструктором одного из важнейших структурных подразделений ЦК – отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов²⁰⁸. 12 сентября 1949 г. в соответствии с решением Секретариата ЦК ВКП(б) он был назначен первым секретарем горкома ВКП(б) в Магнитогорск, где за «неправильные методы работы и бытовое разложение» должностей лишились сразу три секретаря горкома ВКП(б). Спустя несколько месяцев, в феврале 1950 г., их участь разделили секретари областного комитета партии²⁰⁹.

В этих обстоятельствах первый секретарь обкома А. Б. Аристов предложил на пост второго секретаря обкома Г. С. Павлова. Москва одобрила этот выбор и 21 апреля 1950 г. Секретариат ЦК принял решение о назначении Павлова в должности. 12 июля на пленуме обкома партии он был утвержден вторым секретарем обкома. Однако осенью 1950 г. в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), в котором еще недавно работал Г. С. Павлов, поступили «компрометирующие материалы» на отца Павлова о его сотрудничестве в период оккупации с немецко-фашистскими захватчиками. Заведующий отделом Г. П. Громов распорядился провести проверку имеющихся фактов. Результаты проверки были представлены секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, курировавшему кадровые вопросы. В докладной записке указывалось, что С. И. Павлов в дореволюционный период являлся

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 875. Л. 111–111 об.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 72. Д. 490. Л. 2, 3–3 об., 7; *Ивкин В. И.* Государственная власть СССР: Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 гг. : ист.-биограф. справ. М., 1999. С. 232.

²⁰⁹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко и др. М., 2004. С. 241; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 1. Л. 11.

управляющим и техническим руководителем Мариупольского машиностроительного завода, а позднее стал совладельцем этого завода. Таким образом, против сына выдвигалось обвинение в сокрытии социального происхождения: Г. С. Павлов в своих учетно-биографических документах, в графе «бывшее сословие (звание) родителей» указывал «рабочий», а в графе «основное занятие родителей до Октябрьской революции» – «работа по найму»²¹⁰. Но более тяжелым было обвинение в коллаборационизме. С. И. Павлов был представлен в качестве «активного немецкого пособника», работавшего в период оккупации техническим руководителем завода. Заведующий отделом ЦК Г. П. Громов обвинил Г. С. Павлова в сокрытии сведений о своем отце: «В результате проверки установлено, что т. Павлов Г. С. при выдвижении его на работу в аппарат инспектором управления кадров ЦК ВКП(б) и вторым секретарем Челябинского обкома партии скрыл от партийных органов данные о несоветском, предательском поведении его отца на временно оккупированной немцами территории. <...> О несоветском поведении отца т. Павлову Г. С. было известно, однако, судя по его объяснению от 31 декабря 1948 г., в этом вопросе он ведет себя нечестно»²¹¹.

По материалам расследования Секретариатом ЦК ВКП(б) было принято следующее постановление: «Поручить КПК при ЦК ВКП(б) (т. Шкирятову) и отделу партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) (т. Громову Г.) рассмотреть поступившие в ЦК ВКП(б) материалы о секретаре Челябинского обкома ВКП(б) т. Павлове Г. С. и о результатах доложить Секретариату ЦК ВКП(б)»²¹².

В начале января нового 1951 г. М. Ф. Шкирятов и С. Д. Игнатьев (новый заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК) подготовили на имя Маленкова докладную записку о результатах проверки материалов о Г. С. Павлове. Комиссия Шкирятова–Игнатьева пришла к выводу, что нет оснований предъявлять Г. С. Павлову обвинения «в сокрытии социального прошлого отца, так как не имеется точных данных, был ли он совладельцем завода, а если даже допустить такую возможность, то т. Павлов давно работает самостоятельно как инженер-металлург, в 1939 г. вступил в партию, в последующем продолжительное время был на выборной партийной работе

²¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 135. Л. 9–16; ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 4. Д. 1049. Л. 3; П-288. Оп. 72. Д. 490. Л. 3.

²¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 135. Л. 2–8.

²¹² Там же. Л. 1.

и за этот период о нем имеются положительные отзывы». Виновность же Г. С. Павлова, обозначенная в записке, перекликалась с его собственным признанием: «...т. Павлов обязан был подробно выяснить поведение отца во время оккупации, но он этого не сделал, а пользовался отдельными разговорами родителей и других родственников». Таким образом, тяжкие обвинения с Павлова-младшего были сняты.

Тем не менее жестокий закон аппаратного выживания требовал от ответственных за проверку Шкирятова и Игнатьева все же назначить какое-либо наказание Павлову с целью оградить себя от возможных обвинений. Шкирятов и Игнатьев внесли на имя Г. М. Маленкова предложение освободить Г. С. Павлова от обязанностей второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б), «так как установленные проверкой факты неправильного его поведения, в связи с данным делом, будут служить ему помехой в работе»²¹³.

При этом «политического недоверия» Павлову не выражалось, а признавалось целесообразным использовать его на руководящей работе в другом регионе. Подтверждением тому является формулировка постановления Секретариата ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1951 г. «О т. Павлове Г. С.», которым ему не было вынесено даже самого незначительного партвызвания: «Отозвать т. Павлова Г. С. в распоряжение ЦК ВКП(б), освободив его от обязанностей второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б)»²¹⁴.

Второй случай действия механизма контроля связан с конфликтом, который произошел летом 1952 г. между первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б) А. Б. Аристовым и начальником УМВД области генерал-майором А. П. Захаровым. Инициатором конфликта стал Захаров по личным мотивам. У начальника областного УМВД долгое время исподволь копилось недовольство в отношении первого секретаря областного комитета партии. С одной стороны, предпосылки конфликта лежали в бытовой плоскости. Аристов с семьей, как и другие областные руководители, проживал в Челябинске в Первом городке МВД. Комплексное обслуживание городка осуществлял хозяйственный отдел УМВД. После рождения сына Аверкий Борисович стал более требовательно относиться к комнатной температуре, которая в период зимних холодов часто оставляла желать лучшего. Он попросил Захарова решить эту проблему, но тот посчитал претензии Аристова унижительны-

²¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 245. Л. 19–24.

²¹⁴ Там же. Л. 17.

ми. «Что я, обязан ему паровое отопление проверять?» – ворчал Захаров среди своих²¹⁵. С недовольством Захаров принял и претензии Аристово по поводу неработающего у него репродуктора. Радио у Аристово не работало около года, но руки долго не доходили сделать заявку на ремонт. А когда дошли, то Захаров огрызнулся: «Сами сломали или кто из домашних испортил». Начальник УМВД вновь счел, что Аристов по поводу репродуктора вел себя по-хамски²¹⁶.

Другим спусковым крючком конфликта стала ситуация вокруг санитарной части и подчиненной ей спецполиклиники Управления МВД по Челябинской области, в которой получала медицинское обслуживание челябинская партноменклатура. Качество «номенклатурной медицины» оставляло желать лучшего. От пациентов, обличенных властью, неоднократно поступали жалобы на грубость и бюрократию со стороны начальника санитарной части Степана Константиновича Борисова и подчиненных ему врачей²¹⁷.

У первого секретаря обкома ВКП(б) Аверкия Борисовича Аристово тоже накопились претензии к спецполиклинике. По поводу плохого обслуживания своей семьи в поликлинике Аристов адресовал упрек начальнику Управления МВД по Челябинской области Александру Павловичу Захарову, и не случайно: речь не просто шла о санитарной части как об одном из подразделений УМВД, а о подразделении, которое курировал лично генерал Захаров согласно распределению обязанностей в руководстве УМВД²¹⁸.

Многочисленные недовольства, жалобы на работу санчасти послужили поводом начать проверку ее деятельности. Соответствующее указание Аристов дал заведующему административным отделом обкома Борису Константиновичу Спирину. В обкоме была сформирована специальная комиссия²¹⁹.

Комиссия выявила в работе санчасти и поликлиники серьезные ошибки и нарушения. В первую очередь претензии были предъявлены по поводу недостаточной квалификации высшего медицинского персонала санчасти. Наряду с этим комиссия обнаружила среди пациентов санчасти лиц, не входивших в состав обслуживаемого контингента. Так,

²¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47. Л. 72, 84

²¹⁶ Там же. Л. 57.

²¹⁷ Там же. Л. 71.

²¹⁸ Там же. Л. 81

²¹⁹ Там же. Л. 60; Оп. 16. Д. 80. Л. 84–88.

за счет средств спецполиклиники лечились управляющий областной конторой Главметаллосбыта, директор теплично-парникового комбината, бывший работник химкомбината и др.

В работе самого начальника санчасти С. К. Борисова комиссия также обнаружила множество недостатков. Начальник санчасти самоустранился от лечебной работы, лечащих врачей не контролировал, врачебные ошибки не становились предметом обсуждения в коллективе. В кадровой политике Борисова комиссия усмотрела преследование и увольнение неугодных врачей и медсестер, пытавшихся критиковать Борисова, создание для них невыносимых условий труда. А подбор кадров часто проводился по приятельским и семейным признакам. В качестве наиболее яркого примера в справке был приведен зубной кабинет санчасти, где работали жена Борисова и ее родная сестра. Борисова уличили в создании условий для хищений в санчасти – в утверждении им фиктивных актов на списание спирта и в отсутствии должного учета расхода спирта и дефицитных медикаментов²²⁰.

К этому моменту между Борисовым и его непосредственным начальником генералом Захаровым установились тесные товарищеские, а по сути патрон-клиентские взаимоотношения. Борисов оказывал своему патрону услуги, а с его стороны получал протекцию и был «непопулярным», несмотря на многочисленные жалобы на его работу. Этот союз был скреплен, так скажем, спиртом. Дело в том, что Захаров был заядлым охотником и рыбаком. В лагере силами заключенных ему вязали сети для рыбной ловли, изготовили специальный прицеп для перевозки лодки, который Захаров прицеплял к своему ГАЗ-67 и отправлялся на рыбалку²²¹.

Разумеется, будь то охота или рыбалка, спиртное лишним не будет, и генерал Захаров не пренебрегал возможностью доставить себе дополнительное удовольствие. Порой позволял себе чуть расслабиться и во время исполнения служебных обязанностей. Но раздобыть спирт в то время было не так-то просто даже для всесильного начальника УМВД. И вот здесь на выручку приходил его подчиненный, начальник санитарной части Борисов, благо спирт у него был всегда под рукой. Захаров часто прихватывал с собой Борисова в командировки под предлогом проверки домов отдыха, подведомственных санчасти. В обкоме знали

²²⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 16. Д. 80. Л. 85–87.

²²¹ Там же. Оп. 42. Д. 47. Л. 82–83, 88, 91.

и об увлечениях Захарова, и его слабостях, и о том, кто поставляет ему спирт²²².

Вопрос о санчасти УМВД был вынесен на заседание бюро обкома 23 июня 1952 г. На этом заседании Захаров перешел в наступление на Аристова, как инициатора обсуждения этого вопроса, решив действовать по принципу «лучшая защита – это нападение». Генерал «вывалил» на заседании весь компромат, дискредитирующий Аристова, все, что когда-либо ему довелось слышать от разных людей. Он обвинил Аристова в любви к подхалимам и угодникам, к которым причислил своего заместителя в УМВД генерала И. П. Семенова, что через услужливого Семенова в мастерских лагеря МВД изготовили мебель в квартиру Аристова и через него же портной–заключенный по политической статье сшил для первого секретаря обкома костюм за две пачки «Казбека». Что Аристов привез с собой из Красноярска прикрепленного (охранника) Берестова, который пьянствует и вместо исполнения прямых служебных обязанностей – охраны первого секретаря обкома – занимается обслуживанием его семьи, сопровождает жену Аристова в театр и на стадион, его сына – в кино. А жена Аристова вообще сомнительная в политическом отношении фигура – отказалась подписываться на заем. Кроме всего, Захаров выразил недоверие комиссии, которая проверяла санчасть и поликлинику, обвинил ее в выполнении «политического заказа» Аристова на устранение хорошего работника Борисова²²³.

Постановляющая часть решения бюро обкома по «делу санчасти» была жесткой и бескомпромиссной. Борисов был снят с должности начальника санчасти и спецполиклиники с формулировкой «за плохое медицинское обслуживание партийного и советского актива и барски-пренебрежительное отношение к работникам санчасти». Прокурора области Беляева и прокурора войск УМГБ Скулкина обязали расследовать факты хищения спирта в санчасти и виновных привлечь к суду²²⁴.

В ответ на такое решение бюро А. П. Захаров решил дать бой. Главной мишенью он выбрал инициатора «дела санчасти», первого секретаря обкома А. Б. Аристова. Не рассчитывая на удачу в Челябинске, Захаров стал добиваться правды в Москве. Он обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой, чтобы расследованием проступков А. Б. Аристова занялись работники цековского аппарата.

²²² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47. Л. 60, 91–92.

²²³ Там же. Л. 51, 53, 58–59.

²²⁴ Там же. Л. 27–28.

Однако Захарова ждало разочарование: в ЦК от него попросту отмахнулись. В Москве сочли предъявленные Аристову обвинения не столь существенными, чтобы посылать в Челябинск следователей Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) или сотрудников цековского отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов. На Старой площади распорядились провести расследование по обвинениям в адрес Аристова силами самого обкома. В обкоме была создана комиссия для расследования обвинений Захарова. Партийно-следственные мероприятия возглавили ответственный секретарь партколлегии при Челябинском обкоме ВКП(б), кандидат в члены бюро обкома Ф. Л. Ерасов и заведующий административным отделом обкома партии Б. К. Спири²²⁵.

Центральными пунктами обвинений Захарова были пошив Аристовым костюма и изготовление мебели силами заключенных исправительно-трудового лагеря. Невзирая на то, что Ерасов и Спири²²⁵ были обкомовскими работниками, к расследованию этих двух «дел» они подошли весьма основательно.

Выяснилось, что пошив костюма был связан с приездом на Урал известного советского писателя, генерального секретаря Союза писателей СССР, члена ЦК ВКП(б) и депутата Верховного Совета СССР, лауреата Сталинской премии Александра Александровича Фадеева. В декабре 1951 г. он отмечал свой пятидесятилетний юбилей.

Отметить юбилей именитого писателя решили и в Челябинске. В том году А. А. Фадеев приступил к работе над романом «Черная металлургия» и часто бывал на Южном Урале, преимущественно в Магнитогорске. По такому случаю жена Аристова предложила сшить для Аверкия Борисовича новый костюм. «Неудобно на такой вечер прийти в старом костюме», – передавал позже ее высказывание генерал И. П. Семенов. Помочь с костюмом вызвался тот же Семенов: в исправительно-трудовом лагере имелась своя швейная мастерская, где работали заключенные. Услугами лагерной мастерской пользовались сотрудники областных управлений МВД и МГБ, включая генералов Захарова и Семенова. Ремонт и пошив одежды оплачивался согласно утвержденному прейскуранту.

Сшить костюм должен был портной по фамилии Суркис, отбывавший срок по политической статье. Оказалось, что этот же портной шил костюм, китель, брюки и шинель для обвинителя Аристова генерала За-

²²⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47. Л. 53.

харова. За изготовленный костюм Аристов заплатил 350 руб. согласно выписанной квитанции²²⁶.

В отношении мебели было установлено, что она была куплена Аристовым у заместителя начальника УМВД генерала Семенова. Заявление Захарова о фиктивном оформлении заказа мебели на Семенова, на самом деле изначально предназначавшейся для Аристова, не нашло подтверждения. К тому же в ходе разбирательств выяснилось, что мебель в этой мастерской в официальном порядке, с оплатой ее стоимости заказывали себе руководящие работники челябинских управлений МВД и МГБ, включая самого генерала Захарова. Его заместитель Семенов по приезду в Челябинск тоже заказал себе кровать, стол и зеркало. Там же была изготовлена мебель для второго секретаря обкома ВКП(б) Н. В. Лаптева²²⁷. За комплект мебели Аристов из личных средств заплатил 1780 руб. При этом никто, включая Захарова, ни разу не заявил, что мебель Аристову досталась бесплатно либо по фиктивной, крайне заниженной стоимости²²⁸.

Результаты расследования комиссии были доложены через месяц на заседании бюро обкома 22 июля 1952 г. По итогам рассмотрения вопроса было принято постановление: «Заслушав объяснение т. Захарова, т. Аристова и т. Спирина, бюро обкома ВКП(б) устанавливает, что из всего сказанного т. Захаровым подтверждается только то, что т. Аристов действительно через т. Семенова пошил костюм в мастерской лагеря МВД, что на снятие мерки с т. Аристова в квартиру т. Семенова по указанию т. Семенова вызывался заключенный по 58 ст. уголовного кодекса Суркис. Этот факт не отрицает т. Аристов и считает его своей грубой ошибкой, хотя он не знал, что из себя представляет приглашенный т. Семеновым мастер. Факт приобретения мебели у т. Семенова не является серьезным. Обвинения в грубом оскорблении т. Захарова ничем не подтверждаются, а остальные обвинения, предъявленные т. Аристову, вообще не соответствуют действительности».

В ходе расследования комиссии всплыли неприятные факты относительно самого Захарова. Один из руководителей комиссии, заведующий отделом обкома Б. К. Спирин, сообщил, что более тщательная проверка показала, что подопечный Захарова, бывший руководитель санчасти Борисов не просто виновен в создании условий для хище-

²²⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47. Л. 58, 85–86.

²²⁷ Там же. Л. 67, 86–87.

²²⁸ Там же. Л. 57, 67, 86.

ния – в путанице в учетной документации, а что к этим хищениям он имеет непосредственное отношение: подписи в документах на выдачу спирта оказались сфальсифицированными. К тому же выяснилось, что Захаров своим приказом назначил Борисова на несуществующую должность главного врача спецполиклиники с ежемесячным окладом 940 руб. К расследованию обком подключил и прокуратуру, которая заявила о нарушении советских законов и незаконном получении Борисовым 33 тыс. руб. за три года²²⁹.

В начале августа один экземпляр постановления был направлен в ЦК ВКП(б), в адрес заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Николая Михайловича Пегова²³⁰. И судя по тому, что никаких дополнительных вопросов не последовало, результаты расследования удовлетворили цеховских работников.

Резонанс после скандала в обкоме партии, устроенного Захаровым, его сигналы в ЦК не помешали Аверкию Борисовичу Аристову в октябре того же 1952 г. взлететь к самым вершинам власти – войти в состав членов Президиума ЦК КПСС и стать секретарем ЦК партии.

Далеко не все проверки по поступавшим в ЦК «сигналам» оставались без последствий для фигурантов этих «сигналов» – местной партноменклатуры. В феврале 1949 г. секретарь парторганизации заводоуправления Челябинского Кировского завода Арсений Мартемьянович Зверев написал Сталину письмо о коррупционном поведении заводского командного состава и директора завода И. М. Зальцмана. Письмо не было проигнорировано и послужило причиной для формирования специальной партийно-правительственной комиссии, весьма представительной по своему составу, которая учинила на заводе проверку. Комиссия выявила многочисленные факты использования И. М. Зальцманом служебного положения в личных целях, его «недостойного поведения» и «порочного стиля руководства», подбора руководящих кадров завода не по деловым качествам работников. Зальцману были предъявлены обвинения в невыполнении Кировским заводом государственных планов, в различных злоупотреблениях на заводе, многочисленных фактах хамского поведения, в расправе над теми, кто смел его критиковать. Последнее обстоятельство подверглось самому тщательному анализу, так как речь шла о нарушениях установок Сталина о критике и самокритике, а именно – так называемом «зажиге самокритики».

²²⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47. Л. 61.

²³⁰ Там же. Л. 51–52.

Эти и многие другие обвинения, предъявленные высшим руководством, стоили И. М. Зальцману должности и партбилета²³¹.

В ходе проверки по «делу Зальцмана» стала очевидной неприглядная роль руководства Челябинской области во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) А. А. Белобородовым, которые своими действиями или бездействием создали благоприятные условия для многочисленных нарушений на Челябинском Кировском заводе. Одним из обвинений, предъявленных секретарям Челябинского обкома партии, были установившиеся между ними и бывшим директором Челябинского Кировского завода И. М. Зальцманом взаимовыгодные отношения. Секретари обкома «...не только не принимали никаких мер по сигналам и критическим выступлениям коммунистов завода об антипартийной, провокационной деятельности Зальцмана, но и скрывали эти сигналы от ЦК ВКП(б) и расправлялись с людьми, критиковавшими Зальцмана». На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) работа Челябинского обкома партии была признана неудовлетворительной, в связи с чем А. А. Белобородов и другие секретари обкома партии были сняты с должностей²³².

В том же 1949 г. в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) поступило заявление от бывшего главного инженера Красноярского завода плодово-ягодных вин Ф. А. Мокрицкого, который сообщал о хищениях с завода большого количества вина, совершаемых директором завода Н. В. Масловым, и о причастности к этим хищениям ответственных работников красноярских краевых, городских и районных организаций. Для проверки приведенных в заявлении фактов в Красноярск был командирован ответственный контролер Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Результаты проведенной им проверки оказались ошеломляющими: факты хищений на винном заводе, изложенные в заявлении Мокрицкого, получили подтверждение, а дальнейшее расследование показало, что нити данных преступлений тянутся на самый верх краевой властной вертикали. Красноярск потрясла череда отставок высокопоставленных руководителей местного партийно-государственного аппарата, причиной которых стал арест

²³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 124–204 об.; Оп. 116. Д. 462. Л. 61.

²³² Там же. Оп. 163. Д. 1543. Л. 42; Оп. 116. Д. 480. Л. 2; ОГАЧО. Ф. П.-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 5, 16, 51, 66–67, 102–103, 117–120, 159–160, 173; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малащенко и др. М., 2004. С. 241.

и начавшееся следствие в отношении директора местного завода плодово-ягодных вин²³³.

Таким образом, в начальный период сталинская система контроля не была всеобъемлющей и тотальной. В условиях существования крупных административно-территориальных образований (областей и краев) провинциальные руководители обладали значительным административным ресурсом и имели определенную автономность от центральной власти. Представители власти на местах «интерпретировали» указания верховной власти «по своему усмотрению, подчинялись им или нет, выказывали “рвение” или пытались “саботировать” инициативу». Местные власти сохраняли значительную долю самостоятельности до конца 1930-х гг.²³⁴

Только в ходе Большого террора сложившиеся и набравшие силу в 1930-е гг. региональные группировки были разгромлены, установлен надежный контроль со стороны Центра над региональной элитой. В 1940-е гг. и особенно в начале 1950-х гг. патрон-клиентские связи вновь начали восстанавливаться, но носили не ярко выраженный характер, были «смазанными» и не вели к формированию культа местного вождя, как это было в первой половине 1930-х гг.

Однако «челябинское», «красноярское» и многочисленные другие подобные «дела», связанные с различными злоупотреблениями местной партийно-государственной номенклатуры своим служебным положением, свидетельствовали о ее нарастающем пренебрежении к установкам верховной власти. Проиигнорировать столь опасные тенденции высшее партийное руководство не могло и ответило масштабными кадровыми чистками. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. по стране прокатилась волна кадровых перестановок на региональном уровне партийно-государственной системы власти. Одни руководители были сняты с работы со значительным понижением по номенклатурной лестнице, другие – отправлены на специально организованные в Москве курсы переподготовки руководящих работников, третьи – переведены на равнозначные посты в другие регионы, что как минимум позволило разорвать сложившийся порочный круг патрон-клиентских отношений²³⁵.

²³³ Сушков А. В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // Урал. ист. вестн. 2011. № 3 (32). С. 89–95.

²³⁴ Верт Н. Террор и беспорядок... С. 148.

²³⁵ Сушков А. В. Власть и коррупция... С. 95.

Послевоенный сталинский ЦК партии достаточно тщательно осуществлял надзор над региональными руководителями. Существовали официальные и неофициальные каналы, через которые повседневно контролировались представители региональной власти. Непосредственно и открыто за местными чиновниками всех уровней присматривали инспекторы ЦК ВКП(б), сотрудники комиссий партийного и советского контроля, работники органов госбезопасности и прокуратуры²³⁶. Кроме того, действовал «контроль снизу», когда в Москву от рядовых членов ВКП(б) нескончаемым потоком шли заявления и жалобы, содержавшие порочащие местных начальников сведения, которые касались недостатков и ошибок в работе, злоупотреблений, «недостойного поведения в быту», грубости, хамского отношения и т. д. Часто поступавшие материалы («письма во власть») подвергались скрупулезной проверке. В определение степени тяжести того или иного проступка и избрание меры наказания могли вмешиваться субъективные факторы. В ходе проверок судьба того или иного регионального руководителя нередко зависела от личных интересов и предвзятых оценок со стороны отдельных представителей центральной власти. Тем не менее позднесталинские механизмы контроля позволяли действовавшей системе власти поддерживать в своих рядах необходимый уровень партийно-государственной дисциплины, достаточный для нормального функционирования громоздкой административной машины, и в конечном счете обеспечивать неуклонное наращивание экономической мощи сверхдержавы. Постепенный отход от этих, безусловно, далеких от совершенства практик в 1960–1970-е гг. способствовал разложению партийно-государственного аппарата на всех его уровнях, формированию у новых поколений управленцев чувства вседозволенности и безнаказанности и в дальнейшем явился одним из факторов, приведших к гибели Советского Союза²³⁷.

²³⁶ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 6.

²³⁷ Сушков А. В., Михалев Н. А., Баранов Е. Ю. Расплата за соцпроисхождение: «дело» второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Г. С. Павлова. 1950–1951 годы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 54. 2013. № 6 (297). С. 69–70.

7.4. Региональная партийная номенклатура в брежневскую эпоху

На протяжении практически всего советского периода истории нашей страны коммунистическая партия являлось ядром, центральным институтом советской политической системы, а ее партийные структуры формировали тот каркас, на который опирались государственные и общественные институты советского государства²³⁸. На системообразующую роль КПСС обращали внимание западные специалисты-советологи. Авторитетный американский советолог Джордж Кеннан пророчливо отмечал: «Если... случится что-либо, что разрушит единство и эффективность Партии как политического института, то Советская Россия может за одну ночь превратиться из одной из сильнейших в одну из самых слабых и жалких стран»²³⁹.

В действительности реальные рычаги власти принадлежали не всей КПСС как многомиллионной политической организации, а ее политической верхушке – партийной номенклатуре. Именно партийная номенклатура олицетворяла в первую очередь советскую политическую элиту. В рамках сложившейся в Советском Союзе политической системы она обладала доминирующими властными полномочиями, ее представители принимали жизненно важные, значимые для страны решения. «Номенклатура – это “управляющие”. Функция управления – стержень номенклатуры. <...> В своей совокупности номенклатура обеспечивает всю полноту власти в обществе. Все действительно подлежащее выполнению решения в стране реального социализма принимаются номенклатурой»²⁴⁰.

Таким образом, в условиях однопартийного политического режима коммунистическая партия выполняла важную функцию социального конструирования слоя политических управленцев – номенклатуры. Как отмечал французский политолог М. Дюверже, «...единственная партия ставит себе цель выковать новые элиты, создать новый правящий класс, объединить и сформировать политических вождей, способных организовать страну, ибо сами массы управлять не могут. Партия <...>

²³⁸ Главенствующая позиция КПСС была законодательно закреплена в ст. 6 Конституции СССР 1977 г.: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

²³⁹ Цит. по: *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 215.

²⁴⁰ *Восленский М. С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 112.

представляет собой своеобразную сеть, которая через свои ячейки “отцеживает” элементы будущей элиты. Одновременно она просвещает их и делает способными выполнить свое предназначение; она систематически организует, структурирует и иерархизирует их. Поскольку новый правящий класс в отличие от старого, где царил индивидуализм, организован, то он образует свою особую общность в недрах народной общности, для которой служит примером и руководителем. Элита, таким способом отобранная и подготовленная партией, может, благодаря ей, выполнить свою руководящую роль»²⁴¹.

Советская номенклатура, являвшаяся одной из стержневых социальных групп или одним из классов советского общества, каковым ее считает ряд исследователей²⁴², была, как и все остальные социальные страты, подвержена социальной динамике. С одной стороны, социальные изменения в основной группе правящего слоя советского общества – партийной номенклатуре – в определенной степени были знаковыми и отражали главные тенденции наметившейся трансформации советской социальной системы в процессе перехода ее к зрелому индустриальному обществу. С другой стороны, на социальные процессы внутри номенклатурного слоя влияли и специфические эндогенные факторы. В условиях однопартийной политической системы в СССР формирование и пополнение властной элиты осуществлялось только специфическими номенклатурными методами²⁴³. Номенклатура, как особая социальная группа, связанная с управленческими функциями, в какой-то мере являлась продуктом власти, созданным «для целей административно-политического управления по определенным параметрам»²⁴⁴. Коммунистическая партия использовала номенклатуру для контроля и управления обществом, «осуществляя подбор кадров на ключевые посты и управляя карьерным ростом руководящих работников»²⁴⁵.

²⁴¹ Дюверже М. Политические партии : пер. с франц. М., 2000. С. 321.

²⁴² См., например: Восленский М. С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза; Бадковский Д. В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6. С. 49.

²⁴³ Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть: Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007. С. 604.

²⁴⁴ Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры, 1921–1991 гг. (на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа). Пермь, 2008. С. 3.

²⁴⁵ Иванов В. Н. Номенклатура Южного Урала в годы перестройки // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1 : История. 2001. № 1(12). С. 83.

Характер функционирования советского политического режима в период брежневского правления в определенной степени был обусловлен социальными характеристиками номенклатурного слоя, в том числе и регионального уровня.

Существенную часть советской партийной номенклатуры составляла региональная номенклатура. Она играла важную роль в советской политической системе. В то время как центральное руководство Советского Союза занималось выработкой стратегических решений, общегосударственных планов развития экономики и направлений социальной политики, региональные партийно-государственные органы должны были претворять эти директивы в жизнь, реализовывать их в практических действиях и результатах на местном уровне. Таким образом, в рамках советской вертикали власти «региональная номенклатура была теми “руками” власти, с помощью которых власть могла превращать свои политические директивы в реальные действия»²⁴⁶.

На местном уровне властными полномочиями были наделены руководители партийных и государственных органов регионов, городов и районов. Однако в условиях советской действительности, где «главной руководящей и направляющей силой» была коммунистическая партия, роль «главной скрипки» в региональном номенклатурном «оркестре» исполняли все-таки партийные руководители. В связи с этим социальные параметры партийного руководства имеют особое значение для характеристики как номенклатуры, так и номенклатурной системы в целом.

Ключевыми властными группами в структуре областного партийного аппарата, помимо секретарей обкома, являлись также секретари горкомов, городских и сельских райкомов КПСС. Эти руководители обладали реальными властными полномочиями, принимали обязывающие решения на своем уровне в масштабах области, в связи с чем они составляли основную часть региональной элиты²⁴⁷. Правящая партийная верхушка Челябинской области в 1965 г. включала 135 чел., в 1970 г. – 143 чел., а в 1975 и 1980 гг. – по 153 чел. Анализ социальной динамики внутри регионального номенклатурного слоя в период брежневского

²⁴⁶ Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры, 1921–1991 гг. С. 4.

²⁴⁷ «Элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса» (Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 73). На региональном уровне такой правящей группой являлись в первую очередь секретари партийных комитетов (обкома, горкомов, райкомов).

правления опирается на изучение социальных характеристик этих наиболее влиятельных властных групп региональной партийной элиты.

Социальный портрет региональной партийной номенклатуры Челябинской области брежневской эпохи в значительной степени позволяет реконструировать материалы текущей партийной статистики, которые учитывали основные социально-демографические и социально-профессиональные характеристики, такие как пол, возраст, национальность, образование, стаж работы в должности и отрасли, сменяемость работников, партийный стаж.

Качество и уровень адекватности принимаемых решений требованиям времени в значительной степени определялся уровнем компетентности представителей власти. В то же время скорость реагирования на возникавшие проблемные ситуации и способность их энергично и оперативно решать в определенной степени были обусловлены возрастными характеристиками властей предрежневских.

Период нахождения на вершине политической власти Л. И. Брежнева совпал с завершением формирования в СССР зрелого индустриального общества, которое явилось следствием длительных модернизационных процессов. Один из признаков индустриального общества – социальная мобильность. Эта характерная черта индустриальной эпохи проявлялась и на уровне функционирования партийно-государственных структур власти – происходило их пополнение новыми кадрами, осуществлялись кадровые перемещения по карьерной лестнице. Косвенным показателем сменяемости, обновления властной элиты выступает динамика возрастной структуры ее представителей.

После отставки Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. происходит смена политических элит не только на высшем, но и региональном уровне. В ноябре–декабре 1964 г. в Челябинской области были проведены отчетно-выборные партийные конференции. Как отмечал в докладной записке в ЦК КПСС первый секретарь Челябинского обкома партии Ф. Ф. Кузюков, «секретарями горкомов и райкомов партии выдвинуты опытные, в основном молодые по возрасту, работники. Из 129 секретарей 86 человек, или 66,6 %, в возрасте до 40 лет»²⁴⁸. Однако, как показывает анализ партийной статистики, после 1965 г. происходило повышение возрастной планки руководящих лиц областной партийной организации. Через десять лет, в 1975 г., число руководящих работников области в возрасте до 40 лет сократилось в два раза (до 32,7 %).

²⁴⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 99. Л. 43.

Наиболее последовательная негативная динамика в этом направлении наблюдается у первых секретарей горкомов и райкомов КПСС. В 1965 г. более одной трети (36,4 %) первых секретарей горкомов имели возраст 36–40 лет, вторую по численности группу (22,7 %) составляли руководители города в возрасте 41–45 лет²⁴⁹. При этом заметное число первых лиц городских парторганизаций находилось в возрасте 31–35 лет (18,2 %). Таким образом, партийные руководители горкомов партии в возрасте от 31 до 45 лет составляли 77,3 % от общего числа первых секретарей горкомов.

Однако в 1970 г. самой многочисленной становится уже группа первых секретарей горкомов в возрасте от 41 года до 45 лет (59,1 %), а в 1975 г. доминирующей становится старшая возрастная группа – от 46 до 50 лет (54,5 %). В 1980 г. самая представительная группа состояла из первых секретарей городских организаций в возрасте от 51 до 55 лет (42,9 %). При этом численность первых лиц города этой возрастной группы увеличивается по сравнению с 1975 г. в 2,4 раза. С 1970 г. намечается тенденция повышения общей численности возрастных руководителей этого ранга. В 1975 г. появляются первые секретари горкомов в возрасте 51–55 лет (18,2 %), а в 1980 г. – руководители горкомов в возрасте 56–60 лет (4,8 %). При этом начиная с 1970 г. среди первых секретарей горкомов уже нет людей в возрасте 31–35 лет, а начиная с 1975 г. доля руководителей в возрасте 36–40 лет находится на уровне ниже 5 %. В результате по сравнению с 1965 г. численность этой «молодой» возрастной группы первых секретарей к концу брежневского правления сокращается в 7,5 раза.

Для первых секретарей городских и сельских райкомов был характерен аналогичный вектор возрастной динамики. В 1965 г. наиболее многочисленная группа первых секретарей городских райкомов была представлена работниками среднего возраста – 36–40 лет (57,1 %), однако уже в 1970 г. среди них существенно увеличилось число людей более зрелого возраста – 41–45 лет (37,5 %) и 46–50 лет (37,5 %). В результате доля этих двух возрастных групп составила 75 % от общей численности первых секретарей городских райкомов партии. В 1975 г. этот показатель существенно не изменился: на первом месте по численности оказалась возрастная группа 46–50 лет (45,5 %), на втором – 41–45 лет (27,3 %). В 1980 г. тенденция повышения «возрастного ценза» для занятия данной

²⁴⁹ Здесь и далее подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 149. ЛЛ. 6–14; Оп. 167. Д. 131. Л. 128–137; Оп. 182. Д. 244. Л. 122–134; Оп. 193. Д. 187. Л. 139–151.

номенклатурной должности сохраняется. Доля первых секретарей городских райкомов в возрасте 51–55 лет в этот период составляла 45,5 % (для сравнения: в 1975 г. – 0,0 %), хотя проявилась и противоположная тенденция – сформировался своеобразный кадровый резерв в виде возрастной группы 41–45 лет (45,5 %).

В отличие от городских партийных структур (горкомов, райкомов), среди первых секретарей сельских райкомов в 1965 г. самой многочисленной являлась более зрелая возрастная группа – от 41 года до 45 лет (38,9 %). В 1970 г. к этой возрастной группе относилась треть партийных руководителей этого ранга. В 1975 и 1980 гг. наблюдается повышение возраста руководителей сельских райкомов. В 1975 г. существенная их доля входила уже в возрастную группу 46–50 лет (44,4 %), а в 1980 г. две равнозначные по численности возрастные группы: 41–45 лет (33,3 %) и 46–50 лет (33,3 %), составляли в совокупности 2/3 от общего числа первых секретарей сельских райкомов партии. На протяжении брежневской эпохи прослеживается повышение доли первых лиц сельских райкомов в возрастной категории 51–55 лет. Если в 1965 г. она составляла 5,6 %, то в 1980 г. достигла 22,2 %.

Следующий уровень руководящих партийных работников Челябинской области представляли вторые секретари горкомов, городских и сельских райкомов партии. Для вторых секретарей горкомов в рассматриваемый период также было характерно повышение «возрастного ценза», хотя не столь динамичное, как для первых секретарей. В 1965 г. самую многочисленную группу среди них составляли люди в возрасте 36–40 лет (45,5 %), заметная доля партийных руководителей этого уровня входила в следующие возрастные группы: 31–35 лет (22,7 %) и 41–45 лет (22,7 %). В целом на эти три возрастные группы приходилось 90,9 % вторых лиц горкомов партии. Таким образом, в это время вторые секретари горкомов были в основном людьми среднего возраста. В 1970 и 1975 гг. первое место занимает возрастная группа 41–45 лет (45,5 % и 36,4 % соответственно). В 1980 г. большая часть вторых секретарей горкомов в равной доле относится к возрастным группам 41–45 лет и 46–50 лет (по 31,8 %), появляются руководители в возрасте 51–55 лет (9,1 %) и 56–60 лет (4,5 %). В целом в период с 1965 по 1980 г. существенно (в семь раз) повышается доля руководителей данного уровня власти в возрастной категории 46–50 лет – с 4,5 до 31,8 %.

Возрастная структура вторых секретарей городских райкомов в рассматриваемое пятнадцатилетие также характеризуется смещением

в сторону относительного «старения»²⁵⁰ руководителей данного уровня. Если в 1965 г. половина этих руководителей имела возраст 36–40 лет, а одна треть относилась к возрастной группе 31–35 лет, то в 1970 г. половина вторых секретарей городских райкомов входила уже в более старшую возрастную группу – от 41 года до 45 лет, а в 1975 г. больше всего их уже находилось в возрастной категории 46–50 лет (45,5 %). Однако в 1980 г. наблюдается относительное омоложение кадрового состава вторых секретарей городских райкомов: вновь на первые позиции выходит возрастная группа 41–45 лет (63,6 %), заметную долю составляют молодые руководители в возрасте 31–35 лет (18,2 %).

В 1965 г. две трети вторых секретарей сельских райкомов в равной степени входили в достаточно «молодые» возрастные группы: 31–35 лет (33,3 %) и 36–40 лет (33,3 %). В 1970 г. наблюдается смещение возрастной базы в сторону ее повышения – основную категорию составили руководящие работники в возрасте 41–45 лет (55,6 %). В 1975 г. происходит омоложение кадрового состава вторых секретарей сельских райкомов – на первом месте оказывается возрастная группа 36–40 лет (44,4 %), хотя существенную долю составляют руководители в возрасте 41–45 лет (33,3 %). В 1980 г. пальма первенства вновь переходит к возрастной категории 41–45 лет (61,1 %).

В наименьшей степени «старение» кадрового корпуса региональной партийной номенклатуры проявлялось на уровне секретарей соответствующих партийных организаций²⁵¹. Здесь на протяжении всего брежневского периода базовыми возрастными категориями являлись 36–40 лет и 41–45 лет. (Исключение составляют только секретари городских райкомов в 1980 г., для которых базовыми стали категории 41–45 лет и 46–50 лет.) Для этого уровня региональной партийной номенклатуры было характерно также наличие большего количества молодых руководителей в возрасте 31–35 лет по сравнению с другими уровнями партийной иерархии, а в сельских райкомах – и в возрасте до 30 лет. Это в значительной мере было обусловлено проводимой кадровой политикой, которая допускала выдвижение на руководящие долж-

²⁵⁰ Термин «старение» является достаточно условным для характеристики партийных руководителей рассматриваемого периода. В своем большинстве представители региональной партийной номенклатуры, с точки зрения социологии, являлись людьми среднего, а не пожилого возраста.

²⁵¹ Это так называемые «третьи», или «рядовые», секретари партийных комитетов.

ности партийных работников в возрасте до 35 лет преимущественно в сельских районах²⁵².

В целом можно отметить тесную корреляцию между уровнем руководящей работы и возрастом партийного функционера Челябинской области. В большинстве случаев первые секретари горкомов и райкомов области входили в более старшую возрастную категорию по сравнению с нижестоящими руководителями региональной партийной номенклатуры. Подобная ситуация вполне объяснима. Должность первого секретаря являлась вершиной карьерной лестницы для данного уровня власти. Чтобы занять этот партийный пост, необходимо было пройти определенные ступени номенклатурной иерархии, приобрести опыт и навыки управленческой работы.

С приходом к политическому руководству в стране Л. И. Брежнева предпринимаются попытки реформирования существовавшей командно-административной системы за счет преобразований в экономической сфере (так называемая «косыгинская реформа»). Это способствует привлечению в партийный аппарат, особенно на местах, энергичных, активных людей, что соответственно приводит к определенному омоложению руководящего состава региональной партийной номенклатуры. Для партийного поколения 1965 г. «характерно максимальное количество тех, кто начал свое пребывание в политической элите сразу с “первых” позиций»²⁵³, а не проделал длительный путь по номенклатурной лестнице.

Однако после того как под влиянием внешних и внутренних факторов происходит постепенный отказ от курса реформ и усиливается «охранительная» тенденция, начинается кадровая политика, направленная на стабилизацию кадров²⁵⁴. В результате политики «бережного отношения к старым кадрам» со стороны центрального руководства в 1970–1980-е гг. наблюдается стабилизация кадрового состава областной партийной номенклатуры. Это нашло отражение в возрастных характеристиках руководителей горкомов и райкомов Челябинской области. В данный период довольно явно начинает проявляться тенденция «старения» региональных руководящих кадров различного уровня, что свидетельствует о снижении динамики вертикальной соци-

²⁵² Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. С. 209.

²⁵³ Там же. С. 208.

²⁵⁴ Там же. С. 91–92.

альной мобильности, обеспечивавшей ротацию руководящих кадров регионального партийного аппарата.

Относительно быстрое «старение» региональной партийной номенклатуры начинает происходить с середины 1970-х гг. Однако этот процесс шел с неодинаковой скоростью на разных уровнях областной партийной системы власти и не имел такую однозначно негативную тенденцию, какую он приобрел на уровне высшего советского руководства (практическая несменяемость персонального состава и, как следствие, его старение) и которая в итоге привела к появлению геронтократии. Так, если в 1961 г. средний возраст члена высшего органа власти СССР – Президиума ЦК КПСС (с 1966 г. – Политбюро ЦК КПСС) составлял 56,1 года, то в конце брежневской эпохи – уже 67,7 года²⁵⁵. На региональном уровне кадровое обновление шло более интенсивно, поэтому основную массу составляли партийные руководители в возрасте 40–55 лет. По меркам политическим этот возраст считается наиболее продуктивным²⁵⁶.

В условиях возникновения в СССР зрелого индустриального общества изменяется роль женщины в советском социуме. Женщины начинают принимать все более активное участие в общественной и политической жизни страны, занимать различные должности, в том числе и руководящие, в государственных и партийных структурах. В составе партийной номенклатуры Челябинской области в рассматриваемый период также присутствовали представительницы женского пола. Однако их численность среди региональных руководителей была весьма незначительна.

Как показывают статистические данные, наибольшее число женщин среди секретарей горкомов и райкомов всех уровней в брежневскую эпоху было в 1975 г. – 17,5 %. Удельный вес женщин в составе первых лиц партийного руководства был очень незначительным. Так, среди первых секретарей горкомов в 1965 и 1980 гг. не было ни одной представительницы женского пола, а в 1970 и 1975 гг. их доля составляла 4,5 %. Таким

²⁵⁵ Вишневский А. Высшая элита РКП (б) – ВКП (б) – КПСС (1917–1989): немного статистики // Мир России: Социология. Этнология. Культурология. 1997. № 4. С. 38.

²⁵⁶ Как отмечает социолог О. Крыштановская, возраст политический отличается от возраста биологического: «Молодость для политика – это 40 лет, в то время как для других профессий это возраст зрелости. Средний возраст политиков большинства стран мира 50–55 лет. Общества, где политики значительно старше этого возраста, называют геронтократиями» (Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 50).

образом, можно говорить о том, что руководящие должности этого ранга были в гендерном плане, по сути, «мужскими» должностями.

На уровне вторых секретарей партийных организаций женщины имели несколько большее представительство, но и здесь женщины-руководители составляли абсолютное меньшинство по сравнению с представителями мужского пола. В рассматриваемый период среди вторых секретарей горкомов больше всего женщин занимало данную должность в 1965 г. – 13,6 %, в последующие годы доля женщин на этом посту неуклонно снижается, и в 1980 г. в Челябинской партийной организации ни одной представительницы женского пола среди вторых секретарей горкомов уже не было.

Должность вторых секретарей городских райкомов в Челябинской области в брежневский период также была практически исключительно прерогативой мужчин, лишь в 1965 г. в данной должности работала одна женщина. Несколько лучше выглядела ситуация со вторыми секретарями сельских райкомов. Данную должность женщины занимали в течение всего рассматриваемого периода: в 1965 и 1980 гг. – по одному человеку (или 5,6 % от общего числа), в 1970 г. – 3 чел. (16,7 %) и в 1975 г. – 2 чел. (11,1 %).

Проблема незначительного представительства женщин в составе региональной партийной номенклатуры не была исключительно проблемой Челябинской области. Схожие трудности с выдвижением женщин на руководящие области возникали на протяжении брежневского периода и в других региональных партийных организациях. Так, в Омской областной партийной организации в 1976 г. «...среди секретарей горкомов и райкомов партии было только 10 женщин, 26 заведовало отделами. Уже ни одной женщины не было в составе первых секретарей горкомов и райкомов партии и председателей районных и городских исполкомов»²⁵⁷. В дальнейшем удельный вес женщин в рядах руководящих групп региональной партийной номенклатуры не менялся, несмотря на все усилия аппарата ЦК КПСС в этом направлении.

Ограниченное присутствие женщин на руководящих постах в органах власти, в том числе и в партийном аппарате, специалисты по кадровой политике КПСС объясняли влиянием ряда факторов объективного и субъективного характера. Во-первых, это было обусловлено, по их мнению, трудностью сочетания для женщины руководящей деятель-

²⁵⁷ Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти. (1945–1991). Кемерово, 2006. С. 48.

ности, предполагавшей, как правило, ненормированный рабочий день, с материнством и семейными обязанностями²⁵⁸. Другим сдерживающим фактором назывались причины социально-психологического характера²⁵⁹. Речь шла о гендерных особенностях, это означало, что женщина по своим социально-биологическим характеристикам (психоэмоциональным, поведенческим особенностям) менее предрасположена к руководящей работе, чем мужчины. В-третьих, определенную сдерживающую роль в карьере играли еще бытовавшие патриархальные общественные стереотипы о роли женщины в социуме, согласно которым руководящая деятельность в большей степени является прерогативой мужчин.

В результате для большинства женщин карьерным потолком в партийных структурах являлась должность «рядового» секретаря партийной организации соответствующего уровня. Секретарь партийного комитета обладал достаточно ограниченным кругом властных полномочий. Наибольший объем власти сосредоточивал в своих руках первый секретарь, который осуществлял общее руководство подвластной территорией. Второй секретарь партийной организации отвечал, как правило, за промышленность, строительство, транспорт и функционирование хозяйственной инфраструктуры территории. Ему приходилось находиться в постоянном контакте с хозяйственными руководителями – директорами заводов и фабрик, начальниками трестов, железнодорожным начальством и т. п. В сферу же компетенции секретаря партийного комитета входило курирование менее ответственных, «легких» направлений: идеологии, а также культуры, образования, здравоохранения и других вопросов социального характера.

В рассматриваемый период женщины составляли существенную долю среди секретарей горкомов (максимальный показатель – около 50 % в 1980 г.). Больше всего женщин занимало должности секретарей городских райкомов партии – от 50 % в 1970 г. до 63,4 % в 1975 г. Данная тенденция прослеживается и в сельских райкомах, хотя менее явно, чем в городских организациях, – здесь число женщин среди партийных секретарей было в два раза меньше, чем в горкомах и городских райкомах.

Следует отметить, что в период 1965–1980 гг. в сельских районах области ни одна женщина не занимала пост первого секретаря райкома. И в целом удельный вес женщин среди сельских партийных руководителей Челябинской области на протяжении рассматриваемого периода

²⁵⁸ Яцков В. А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986. С. 270.

²⁵⁹ Там же.

был существенно ниже, чем в городах и промышленно развитых районах. С одной стороны, незначительное представительство женщин на этих должностях можно объяснить тем, что сельское хозяйство – непростой сектор экономики, с непредсказуемыми результатами из-за влияния природного фактора, и этот сектор требовал значительных затрат времени и психической энергии от представителей управленческих структур. С другой стороны, сельское сообщество все-таки в меньшей степени было затронуто модернизационными процессами, здесь сильнее проявлялись консервативные, традиционные представления о месте женщины в обществе.

В итоге постоянные официальные призывы высших партийных инстанций на протяжении всего рассматриваемого периода к выдвижению женщин на руководящие должностные позиции превратились в своего рода клише кадровой политики, дежурные декларации, которые не имели практического воплощения.

Партийная номенклатура как основная группа правящего класса в СССР имела прерогативы в осуществлении властных и управленческих функций в обществе. Это касалось как центрального партийного руководства, так и региональных партийных структур. Для эффективного управления сложноорганизованными экономическими (технически сложное производство зрелого индустриального общества) и социальными структурами регионов руководители партийных органов должны были не только обладать практическими управленческими навыками, но и иметь соответствующий уровень знаний.

В 1960–1980-е гг. в кадровой политике фактически обязательным критерием инкорпорирования в состав партийной номенклатуры становятся требования к уровню и характеру образования. В этот период образовательная планка для замещения руководящих партийных должностей была поднята максимально высоко. Занятие должности, означающей вхождение в правящий слой региональной партийной номенклатуры, было возможно при наличии у кандидата высшего образования, желателен инженерно-технический профиль. Такой технократический подход к знаниям партийных функционеров, сформировавшийся под влиянием развернувшейся в мире научно-технической революции, становится базой для наращивания и реализации управленческого потенциала региональной номенклатуры, функционирующей в условиях промышленного региона.

Как показывают статистические данные, уровень образования властных групп партийной номенклатуры Челябинской области в рассматриваемый период объективно создавал необходимые предпосылки для успешного осуществления ими своих властных полномочий. Подавляющая часть всех руководящих слоев областной партийной номенклатуры имела высшее образование. Уже в 1965 г. 90,3 % всех секретарей горкомов и райкомов партии имели высшее образование, еще 5,2 % – незаконченное высшее образование (1 первый секретарь горкома, 1 первый секретарь сельского райкома и 3 секретаря различных уровней) и 4,5 % партийных руководителей – среднее специальное образование (2 вторых секретаря горкомов и 3 секретаря различных уровней). В последующие годы руководящие партийные работники с таким уровнем образования уже не встречаются.

В дальнейшем относительная численность региональных партийных руководителей с высшим образованием неуклонно повышается: в 1970 г. она составляет 95,8 %, 1975 г. – 98,7 % и, наконец, в 1980 г. достигает 100 %. У остальной части руководящих партийных кадров было незаконченное высшее образование: в 1970 г. – у 4,2 %, в 1975 г. – у 1,3 %.

Инженерное образование в 1965 г. имела примерно одна треть (32,2 %) всех секретарей партийных комитетов области. Исследуя партийную номенклатуру Сибири, А. Б. Коновалов сделал вывод о том, что «в начале 1960-х годов происходит усиление представительства инженерно-технической интеллигенции в составе партийных органов»²⁶⁰. Схожие тенденции наблюдались и в уральской региональной партийной номенклатуре. Остальные руководящие партийные работники области имели в 1965 г. следующее высшее базовое образование: педагогическое – 15,7 %, сельскохозяйственное (агроном, зоотехник, ветврач и т. д.) – 11,6 %, юридическое – 5 % и по другим специальностям – 33,1 %. В последующий период наблюдается неуклонный рост среди верхнего слоя региональной номенклатуры лиц с инженерным образованием: в 1970 г. их насчитывалось 38,7 % от общего числа руководителей с высшим образованием, в 1975 г. – 41,1 %, а в 1980 г. их уже было больше половины (52,9 %).

Данный факт может служить косвенным свидетельством того, что в условиях сформировавшегося в СССР зрелого индустриального общества руководящие партийные должности занимают не только выходцами из партийного аппарата, но постепенно во все большем

²⁶⁰ Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти. С. 46.

количестве на них рекрутируются выдвиженцы из сферы народного хозяйства. Такую тенденцию, набравшую силу с 1970-х гг., отметил в своем исследовании В. П. Мохов²⁶¹. Все более востребованными становятся деловые качества руководящих партийных работников, представление о компетентности партийного руководителя тесно связывается с наличием у него высшего образования. Проводится линия на профессионализацию руководящих кадров номенклатуры, начинает практиковаться выдвижение в партийный аппарат специалистов-практиков с производства, имевших и высшее образование, и опыт руководящей хозяйственной работы. В то же время имел место и обратный процесс – переход руководящих партийных работников на хозяйственную работу²⁶².

Однако курс на насыщение руководящих групп партийной номенклатуры специалистами-технократами таил в себе определенную угрозу. Повышение в правящем слое номенклатуры удельного веса таких руководителей вело к размыванию ее политико-идеологических качеств, ослаблению функции хранителя и охранителя коммунистической идеологии. Приходившие на партийные должности с производства руководители нередко в действительности вели себя как прагматики – относились к партийной идеологии нейтрально, лишь формально-ритуально следуя ее постулатам.

Поэтому в русле социального конструирования номенклатурного слоя принципы номенклатурного рекрутирования в начале 1980-х гг. начинают корректироваться. На XXVI съезде КПСС в 1981 г., говоря о результатах кадровой политики, Л. И. Брежнев отметил: «В соответствии с указаниями XXV съезда на партийную работу активно выдвигались специалисты народного хозяйства. В настоящее время три четверти секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, две трети секретарей горкомов и райкомов партии имеют инженерно-техническое, экономическое или сельскохозяйственное образование. Это хорошо»²⁶³. В то же время им были высказаны определенные критические замечания в отношении последствий ориентации на преимущественно профессиональные критерии подбора руководящих партийных кадров, в результате которой «...часть специалистов (народного хозяй-

²⁶¹ Мохов В. П. Региональная политическая элита России... С. 209–210.

²⁶² Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти. С. 50.

²⁶³ Брежнев Л. И. Отчет ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики // Справочник партийного работника. Вып. 22. М., 1982. С. 70.

ства), пришедших с производства, не обладает достаточным политическим опытом, привносит в партийные органы административно-хозяйственные методы. Надо повышать политическую подготовку этих товарищей, помогать им приобрести необходимые навыки партийной работы»²⁶⁴. Правда, следует отметить, что подобный формализм в отношении идеологических принципов был характерен в это время уже не только для партийных руководителей – выходцев из среды специалистов-технократов.

В результате проводившейся кадровой политики сложилась ситуация, когда практически все руководящие представители региональной партийной власти имели высшее образование, и в этом случае оно становится необходимым, неотъемлемым атрибутом руководителя²⁶⁵. В то же время наличие высшего партийно-политического образования не являлось обязательным условием для занятия руководящей партийной должности. На протяжении всего рассматриваемого периода количество региональных партийных руководителей, имеющих партийно-политическое образование, оставалось примерно на одном уровне: в 1965 г. – 38,1 %, 1975 г. – 42 %, 1975 г. – 44,4 %, 1980 г. – 40,5 %. Однако это не означало, что все региональные партийные руководители имели высшее партийное образование, многие из них получали партийное образование на ускоренных курсах при партийных школах. В областных партийных документах за 1965 г. отмечалось: «В связи с тем, что к руководству многих горкомов и райкомов КПСС, первичных партийных организаций выдвинуто много коммунистов, не имеющих достаточного опыта партийной работы, обкомом КПСС намечен ряд мер по организации их учебы. В частности при райкомах партии с февраля месяца будут организованы годовые школы секретарей парторганизаций, намечено провести семинары секретарей, заведующих отделами и инструкторов горкомов и райкомов КПСС»²⁶⁶.

Качественным показателем повышения образовательного уровня региональной партийной номенклатуры в брежневский период является тот факт, что в 1970 г. появляются ее представители, имеющие ученые степени кандидатов наук (3 чел., или 2,1 % от общего числа). В 1975 г.

²⁶⁴ Брежнев Л. И. Отчет ЦК КПСС XXVI съезду КПСС... С. 70.

²⁶⁵ Как отмечает В. П. Мохов, в 1980–1990-е гг. «высшее образование стало обязательным условием для вхождения в региональную политическую элиту» (Мохов В. П. Региональная политическая элита России... С. 186).

²⁶⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 99. Л. 43–44.

ученую степень кандидата наук имели 4 чел. (2,6%), в 1980 г. – 6 чел. (3,9%). Правда, ни один руководящий партийный работник за весь рассматриваемый период не получил более высокую ученую степень доктора наук.

Как уже отмечалось, в соответствии с общепринятыми партийными установками кадровой политики региональные партийные органы рассматривали «замещение должностей первых секретарей горкомов и райкомов специалистами народного хозяйства как однозначно положительное явление»²⁶⁷. В связи с этим среди первых секретарей горкомов Челябинской области в 1965 и 1970 гг. высшее образование имели уже 95,5 % руководителей, остальные 4,5 % имели незаконченное высшее образование, а в 1975 и 1980 г. все руководители этого уровня обладали высшим образованием.

Наибольшее число первых секретарей горкомов с инженерным образованием было в 1965 г. – 76,2 %. В дальнейшем показатель несколько снижается: в 1970 г. численность руководителей этого уровня с инженерным дипломом составляла 61,9 %, в 1975 г. – 68,2 % и в 1980 г. – 66,7 %. Только в 1965 г. среди этой категории партийных руководителей с инженерным образованием было два человека с инженерным образованием сельскохозяйственного профиля (9,5 %). В целом среди первых секретарей горкомов практически отсутствовали руководители с высшим сельскохозяйственным образованием. В 1970 и 1975 гг. сельскохозяйственную специальность (агронома, зоотехника, ветврача и т. д.) имели всего по одному из 22 руководителей (4,8 % и 4,5 % от имеющих высшее образование соответственно), в 1980 г. – два человека из 21 (9,5 %).

У остальных первых секретарей горкомов были различные неинженерные специальности. Педагогическое образование в 1965, 1970 и 1980 гг. имели по 4,8 % руководителей, в 1975 г. – 4,5 %; юридическое образование в 1970 г. имели 4,8 %, 1975 г. – 4,5 %. В 1965 г. первых секретарей горкомов, получивших «другие специальности», насчитывалось 4,8 %, в 1970 г. – 23,8 %, 1975 г. – 18,2 %, 1980 г. – 19 %.

Все первые секретари городских райкомов КПСС в рассматриваемый период имели высшее образование. Численность руководителей с инженерным образованием была среди них в целом выше, чем у первых лиц горкомов. В 1965 г. 71,4 % первых секретарей городских райкомов имели инженерное образование, в 1970 г. – 87,5 %, а в 1975 и 1980 гг. все они обладали дипломами инженеров. Никто из первых лиц город-

²⁶⁷ Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти. С. 55.

ских райкомов не имел образования, связанного с сельскохозяйственным производством. Не было среди них также дипломированных педагогов, врачей, журналистов или юристов. Высшим образованием по «другим специальностям» в 1965 г. обладали два человека из 7 (28,6 %) и в 1970 г. – один человек из 7 (14,3 %).

Для первых секретарей сельских райкомов так же, как и для первых лиц городских партийных организаций, был характерен высокий показатель наличия высшего образования. В 1965 г. высшее образование имели 83,3 % партийных руководителей этого уровня, остальные – незаконченное высшее (16,7 %). В 1970 г. уже 94,4 % из них были с высшим и еще 5,6 % с незаконченным высшим образованием, а в 1975 и 1980 гг. у всех было законченное высшее образование.

В 1965 г. значительная доля первых секретарей сельских райкомов (40 %) имела «профильные» сельскохозяйственные специальности – агроном, зоотехник, ветврач. Такая же по численности группа руководителей имела высшее образование по графе «другие специальности». У одного первого секретаря было педагогическое образование (6,7 %), у двух – юридическое (13,3 %), ни один руководитель не являлся инженером по образованию.

В 1970 г. более трети первых сельских секретарей, окончивших вузы (35,3 %), имели высшее сельскохозяйственное образование. В этот период среди них появляются руководители с инженерным образованием (23,5 % от общего числа лиц с высшим образованием), но все – сельскохозяйственного профиля, что обусловлено производственной спецификой руководимой ими территории. В 1975 и 1980 гг. уже половина первых секретарей сельских райкомов имела высшее сельскохозяйственное образование (агроном, зоотехник, ветврач, инженер-механизатор и т. д.). Причем если в 1975 г. инженерная направленность такого образования была характерна для 16,7 % руководителей, закончивших вузы, то в 1980 г. – уже для 38,9 %.

В 1970 г. 11,8 % руководителей сельских райкомов имели юридическое образование, значительная группа – образование по «другим специальностям» (29,4 %); в 1975 и 1980 гг. один из 18 руководителей был с юридическим образованием (5,6 %), остальные имели вузовский диплом по «другим специальностям» (27,8 %).

Среди первых секретарей партийных комитетов области только первые секретари горкомов в 1975 и 1980 гг. имели ученые степени кандидатов наук (4,5 % и 4,8 % соответственно).

Кроме высшего образования первые секретари разных уровней получали дополнительное партийно-политическое образование. Наименее образованными в этом плане оказались первые секретари городских райкомов области: в 1965 г. законченное и незаконченное высшее партийно-политическое образование имели 28,6 % таких руководителей, в 1970 г. их численность упала более чем в два раза (до 12,5 %), в 1975 г. она составила 18,2 %, в 1980 г. – 27,3 %.

У остальных категорий первых секретарей региона показатели были выше. Среди первых секретарей горкомов партии самая низкая численность руководителей, имевших законченное и незаконченное высшее партийно-политическое образование, приходится на 1965 г. – 18,2 %. После этого ситуация начинает меняться в лучшую сторону: в 1970 г. таких руководителей становится 40,9 %, в 1975 и 1980 гг. уже больше половины из них получили или были на пути к получению политического образования (59,1 % и 57,1 % соответственно). Многие первые секретари сельских райкомов также имели партийно-политического образования: в 1965 г. – 55,6 % руководителей, в 1970 г. – 50, в 1975 г. – 61,1, 1980 г. – 44,4 %.

Вторые секретари региональной партийной номенклатуры в рассматриваемый период были практически полностью охвачены высшим образованием. Среди вторых секретарей горкомов в 1965 г. насчитывалось 90,9 % лиц с высшим образованием. Отличительная особенность этой категории вторых секретарей заключалась в наличии группы руководителей со средним специальным образованием технического характера (9,1 %). В 1970 г. число вторых секретарей горкомов с высшим образованием повысилось до 95,4 %, остальные 4,5 % имели незаконченное высшее образование. В 1975 и 1980 гг. все руководители этого уровня имели высшее образование.

На протяжении всего исследуемого периода наблюдалось повышение среди вторых секретарей горкомов, имевших высшее образование, доли лиц с инженерными специальностями. В 1965 г. таких партийных руководителей насчитывалось 45 %, в 1970 г. их было уже больше половины (52,4 %), в 1975 г. – 63,6 %, а в 1980 г. уже 90,9 %. Причем только в 1980 г. один из 20 партийных руководителей с инженерным образованием имел сельскохозяйственную специализацию.

В 1965 г. у части вторых секретарей горкомов партии были педагогическое образование (15 %), у 5 % – сельскохозяйственное (агроном,

зоотехник, ветврач) и у 35 % – высшее образование по «другим специальностям».

В последующие годы доля лиц с вузовским дипломом педагога среди вторых секретарей горкомов стала сокращаться. Если в 1970 г. их было 19 %, то в 1975 и 1980 гг. всего по 4,5 %. Значительная часть партийных руководителей этого уровня в 1975 г. имела дипломы о высшем образовании по «другим специальностям» (31,8 %).

Уже в 1965 г. все вторые секретари городских райкомов КПСС имели высшее образование, из них половина – инженерное. В 1970 г. наблюдается аналогичная ситуация по охвату высшим образованием, но количество руководителей, получивших инженерные специальности, возрастает до 75 %. В 1975 г. происходит некоторое снижение доли таких руководителей с высшим образованием (до 90,1 %, за счет одного руководящего работника с незаконченным высшим образованием технического профиля), а доля лиц с инженерным образованием сокращается до 60 %. В 1980 г. все вторые секретари городских партийных райкомов обладали высшим инженерным образованием.

Все вторые секретари сельских райкомов партии на протяжении всего рассматриваемого периода имели высшее образование. Однако в силу территориальной специфики доля лиц с инженерным образованием среди них была низкой. В 1965 и 1970 гг. они составляли по 11,1 % от общего числа руководителей данного уровня, а в 1975 и 1980 гг. – по 16,7 %.

В связи с этим наиболее представительную группу среди этой категории региональных партийных руководителей составляли лица с сельскохозяйственным образованием (агроном, зоотехник, ветврач и т. д.). В 1965 г. их насчитывалось 38,9 %, в 1970 г. произошло снижение до 22,2 %, в 1975 г. их доля снова повысилась до 50 %, а в 1980 г. составила 44,4 %.

В 1965 и 1970 гг. среди вторых секретарей сельских райкомов присутствовали люди с юридическим образованием (11,1 % и 5,6 % соответственно). Также незначительное количество этих партийных руководителей имело педагогическое образование: по 11,1 % в 1970 и 1975 гг. и 5,6 % в 1980 г.

Некоторая часть вторых секретарей горкомов и городских райкомов партии имела ученую степень кандидата наук. На уровне горкома по одному второму секретарю в 1970, 1975 и 1980 гг. являлись обладателями

кандидатской степени. Среди вторых секретарей городских райкомов только один человек в 1970 г. имел ученую степень кандидата наук.

Что касается партийно-политического образования вторых секретарей разных уровней, то можно отметить, что стабильно высокий процент руководителей с таким образованием демонстрировали вторые секретари сельских райкомов: в 1965 г. их насчитывалось 44,4 % от общего количества руководителей данного уровня, в 1970 г. уже больше половины (55,6 %), в 1975 г. – ровно половина, а в 1980 г. – 61,6 %.

С другой стороны, самые низкие показатели степени охвата партийно-политическим образованием наблюдались у вторых секретарей городских райкомов. В 1965 г. партийно-политическое образование имел один из 6 таких руководителей (14,3 %), в 1970 г. их было два из 8 (25 %). В 1975 г. этот показатель равнялся 18,2 %, в 1980 г. – 27,3 %.

Охват вторых секретарей горкомов КПСС высшим и незаконченным высшим партийно-политическим образованием в 1965 г. составил 31,8 %, в 1970 г. он повышается до 45,5 %, а в 1975 г. уже половина вторых секретарей горкомов имела партийно-политическое образование. Но к 1980 г. наблюдается существенное снижение доли таких руководителей – до 18,2 %.

Уровень образования секретарей, нижнего слоя в иерархии руководящих партийных работников региона, по соответствующим основным показателям кардинально не отличался от уровня образования остальной руководящей партийной верхушки Челябинской области. В 1965 г. секретари горкомов, городских и сельских райкомов с высшим образованием составляли 85 % от всех секретарей, еще 7,5 % имели незаконченное высшее образование, а остальные 7,5 % – среднее специальное образование сельскохозяйственного профиля. Инженерное образование было у незначительной части секретарей партийных органов власти области, высшее образование – всего у 11,8 %. В то же время значительная доля секретарей имела высшее педагогическое образование – 38,2 % и один секретарь – юридическое (2,9 %). Почти у половины секретарей горкомов, городских и сельских райкомов (47 %) были вузовские дипломы по другим специальностям.

В 1965 г. значительная часть (46,3 %) «рядовых» секретарей партийных комитетов региона разных уровней имела высшее и незаконченное высшее партийно-политическое образование. По этому показателю они были близки к первым и вторым секретарям сельских райкомов. Вообще необходимо отметить, что среди руководящего состава сельских рай-

комов доля лиц с партийно-политическим образованием была заметно выше, чем среди представителей партийного руководства области.

В дальнейшем образовательные параметры третьих лиц региональных комитетов различных уровней менялись следующим образом. Среди секретарей горкомов в 1970 г. число лиц с высшим образованием составляло 95,2 %, остальные имели незаконченное высшее техническое образование. Но уже в 1975 и 1980 гг. все секретари горкомов Челябинской области являлись людьми с высшим образованием. В 1975 г. 1/4 часть секретарей горкомов с высшим образованием имела специальность инженера, в 1975 г. доля таких руководителей составляла 22,7 %, в 1980 г. их относительная доля несколько повышается (до 30,4 %).

На протяжении брежневского периода самой представительной являлась группа секретарей горкомов с вузовской специальностью педагога. В 1970 г. таких руководителей насчитывалось 40 %, а в дальнейшем их численность увеличивается: в 1975 г. – до 54,5 %, в 1980 г. – до 56,5 %.

Вторую по численности категорию в 1970 г. составляла группа секретарей горкомов с вузовскими дипломами по «другим специальностям» (25 %). Остальные специальности у секретарей горкомов встречались редко. Профессию журналиста как высшее базовое образование имел в 1970 г. только один из 20 секретарей горкома с высшим образованием (5 %). Юридическое образование в 1970 и 1975 гг. имели по одному секретарю горкома (5 % и 4,5 % соответственно).

Секретари городских райкомов КПСС, так же как и остальной корпус секретарей партийных комитетов, имели высокий образовательный уровень. В 1970 г. высшим образованием обладали 87,5 % секретарей городских райкомов, а в 1975 и 1980 г. уже все руководители этого уровня имели высшее образование. Особенность заключается в том, что среди секретарей горрайкомов было больше лиц с инженерным образованием, чем среди секретарей горкомов и сельских райкомов. В 1970 г. их насчитывалось 42,9 %, в 1975 г. – 36,4, а в 1980 г. они составляют более половины от числа таких руководителей с высшим образованием – 54,5 %.

Также заметную долю среди секретарей городских райкомов партии составляли лица с высшим педагогическим образованием: в 1970 г. – 28,6 %, в 1975 г. – 45,5 %, в 1980 г. их доля снова снижается до 27,3 %. Высшее образование по другим специальностям имели в 1970 г. 28,6 %, в 1975 и 1980 г. – по 18,2 % секретарей городских райкомов. В то же время никто из них не получил специальности врача, журналиста, юриста в качестве базовой.

Секретарей сельских райкомов с высшим образованием в 1970 и 1975 г. было по 94,4 %, остальные имели незаконченное высшее педагогическое образование. И только в 1980 г. уже все руководители этого уровня имели вузовский диплом. Отличительной особенностью данной группы партийных секретарей являлось самое низкое представительство лиц с инженерным образованием: в 1970 г. их было 11,8 %, в 1975 г. всего 5,9 %, в 1980 г. – 11,1 %. Причем все они являлись инженерами сельскохозяйственного производства.

Так же как и среди секретарей других партийных комитетов, среди них преобладала доля лиц с высшим педагогическим образованием: в 1970 г. и 1975 гг. – по 29,4 %, а в 1980 г. уже 50 %. Остальные секретари сельских райкомов имели высшее базовое образование по «другим специальностям»: в 1970 и 1975 гг. – по 47 %, в 1980 г. – 22,2 %. Специальности юриста, журналиста, врача не пользовались популярностью. В 1975 г. только один секретарь сельского райкома из числа лиц с высшим образованием имел специальность юриста (5,8 %), а в 1980 г. также один секретарь имел диплом журналиста (5,6 %).

Во времена брежневского правления стабильно высокие показатели по охвату партийно-политическим образованием демонстрировали секретари сельских райкомов. В 1970 г. половина таких руководителей имела высшее партийное образование, в 1975 г. их число выросло до 55,6 %, а в 1980 г. – до 61,1 %²⁶⁸. В отличие от них секретари горкомов имели более низкие показатели. Доля таких руководителей в рассматриваемый период составляла примерно 1/3 от их общего числа: в 1970 г. – 33,3 %, в 1975 г. – 36,4 %, 1980 г. – 34,8 %. У секретарей городских райкомов этот показатель менялся следующим образом: 1970 г. – 37,5 %, 1975 г. – 18,2 %, 1980 г. – 27,3 %.

Ученые степени кандидатов наук среди всех «третьих» секретарей партийных комитетов области были только у секретарей горкомов. На протяжении рассматриваемого периода численность таких «остепененных» руководителей городских партийных организаций имела тенденцию к росту: в 1970 г. их насчитывалось 4,8 %, в 1975 г. – 9,1 %, в 1980 г. уже 17,4 % от общего количества.

Стаж работы в занимаемой должности является важным критерием профессионально-квалификационной оценки руководящих партийных работников. Также он позволяет отнести этих представителей

²⁶⁸ Напомним, что в 1965 г. средний показатель наличия партийно-политического образования у всех секретарей горкомов, городских и сельских райкомов равнялся 46,3 %.

номенклатуры к различным политическим поколениям, сформировавшимся и пришедшим к власти в определенные исторические эпохи. Применительно к рассматриваемому периоду можно условно выделить два таких политических поколения номенклатуры – «хрущевское» и «брежневское»²⁶⁹.

Анализ стажа работы партийных секретарей области свидетельствует о том, что в 1965 г. наблюдалось заметное кадровое обновление корпуса секретарей. Несомненно, что такие кадровые перестановки во властных региональных группах в 1965 г. были связаны с отставкой Н. С. Хрущева и переходом власти в высшем советском руководстве к победившей партийной группировке, что повлекло за собой перестановку кадров на местах, которая была связана со смещением хрущевских кадров и выдвижением на руководящие партийные посты сторонников брежневской линии, а также последовавшими за этим преобразованиями в КПСС. Хрущевская реформа партийных органов с их делением «по производственному принципу» на промышленные и сельские была отменена, и произошло возвращение к прежней партийной структуре управления. В результате в этот период кадровый состав первых секретарей горкомов Челябинской области обновился более чем на треть – из 22 руководителей 8 человек (36,4 %) занимали свою должность менее одного года. Еще около одной трети городских партийных руководителей (31,8 %) находились на своей должности от 1 до 3 лет. Никто из первых партийных лиц городского уровня в 1965 г. не занимал свою должность более 5 лет.

В последующие периоды ситуация начинает заметно меняться в связи с брежневским курсом на стабилизацию номенклатурных кадров (в противоположность хрущевской концепции регулярного обновления партийно-государственной номенклатуры). Эту позицию высшего советского руководства в отношении кадровой политики генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев официально озвучил в 1976 г. на XXV съезде КПСС: «В партии прочно утвердилось бережное, заботливое отношение к кадрам. Покончено с неоправданными перестановками и частой сменяемостью работников, о чем ставился вопрос еще на XXIII съезде. Перемещение кадров производится тогда, когда это высказывается интересами дела, необходимостью укрепления тех или иных участков работы»²⁷⁰.

²⁶⁹ Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры, 1921–1991 гг. С. 211.

²⁷⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 70.

В этом смысле Челябинская область является классическим образцом реализации брежневской кадровой политики на практике. В течение изучаемого периода в области сменилось три первых секретаря. Ф. Ф. Кузюков занимал должность первого секретаря обкома недолго – с декабря 1964 г. по октябрь 1965 г. Затем его на этом посту сменил Н. Н. Родионов, который находился на должности около 5 лет. В дальнейшем на протяжении более 13 лет во главе области стоял М. Г. Воропаев²⁷¹. Редкая сменяемость региональных руководителей обеспечила челябинской региональной номенклатуре определенную кадровую стабильность, защитила от кадровых потрясений, неизбежных в случае прихода нового руководителя.

В соответствии с официальной кадровой установкой в области уже к 1970 г. число первых секретарей горкомов со стажем работы менее одного года сокращается в два раза (до 18,2 %), к 1975 г. наблюдается еще двухкратное сокращение таких руководителей – до 9,1 %. Фактически в этот период только два первых секретаря горкома из 22 находились в своей должности менее 1 года. В 1980 г. тенденция незначительного обновления кадрового состава этой группы партийных руководителей сохраняется: 14,3 % из них занимали должность менее 1 года.

В то же время набирает силу противоположная тенденция – кадровая стагнация. Если в 1970 г. самую многочисленную группу составляли первые секретари горкомов со стажем работы в должности от 1 до 3 лет (36,4 %), а второй по численности среди них являлась группа со стажем от 5 до 10 лет – 27,3 %, то уже в 1975 г. более половины этих руководителей (54,5 %) имели стаж в должности от 5 до 10 лет. Вместе с теми, кто находился бессменно на своей должности более 10 лет, они составляли более двух третей (68,8 %) от общего состава первых секретарей горкомов Челябинской области. Таким образом, численность этих руководителей по сравнению с 1970 г. увеличилась в 2,5 раза. В 1980 г. наблюдается некоторое обновление кадрового состава этой группы руководителей. Однако оно связано не с изменением кадровой политики КПСС, а с естественной ротацией кадров за счет возрастного выбывания из номенклатуры (в связи с болезнью, выходом на пенсию, смертью). В результате представительство первых секретарей горкомов с должностным стажем 5 лет и более сокращается в 1980 г. в два раза (до 34 %). Одновременно увеличивается по сравнению с предыдущим пери-

²⁷¹ См.: Нечаева С. В. Лидеры политической элиты Челябинской области, 1934–2006 гг. Челябинск, 2007. С. 105, 124, 132.

одом доля руководителей с должностным стажем до 3 лет – до 42,9 % против 27,3 %. В целом динамика стажа работы у данной номенклатурной группы свидетельствует о том, что в период брежневского правления наблюдается закрепление партийных кадров на своих должностях.

Схожие процессы, с постепенным нарастанием тенденции кадровой стабилизации, в исследуемый период наблюдаются и среди первых секретарей городских и сельских райкомов КПСС. В 1965 г. среди первых секретарей городских райкомов более половины руководителей (57,1 %) находились на должности от 1 до 3 лет. Вместе с теми, кто занимал должность менее одного года, их представительство в этой категории руководящих работников области было подавляющим – 85,7 % (соответствующий показатель у первых секретарей горкомов составлял 68,2 %). В то же время в этот период, как и в случае с первыми секретарями горкомов, никто из первых лиц городских и сельских райкомов не занимал свою должность более пяти лет.

В последующее десятилетие сохранялось достаточно интенсивное обновление кадрового состава первых секретарей городских райкомов: в 1970 г. четыре руководителя из восьми (50 %), а в 1975 г. – 7 из 11 (63,7 %) занимали должность не более 3 лет. Такое существенное обновление кадров первых секретарей городских райкомов к 1975 г. связано с принятым XXIV съездом КПСС (1971) решением сочетать бережное отношение к старым кадрам с выдвижением на руководящую работу молодых, перспективных работников, что обеспечивало преемственность политического курса партии²⁷². Это кадровое решение оказало, как будет видно дальше, влияние на кадровую динамику и ряда других категорий партийных секретарей Челябинской области.

Вектор кадровых изменений у первых секретарей городских райкомов существенно изменился к 1980 г.: доминирующую группу составляли руководители, занимавшие должность от 5 до 10 лет, – 63,6 %, при этом в три раза сократилось представительство лиц с должностным стажем менее 1 года (до 9,1 %).

В 1965 г. первые секретари всех сельских районных партийных организаций Челябинской области занимали свои должности менее одного года. Такая ситуация была вызвана не радикальной кадровой политикой вышестоящих партийных органов по отношению к сельским партийным руководителям, а общепартийными процессами, которые про-

²⁷² Очерки истории Челябинской областной организации КПСС, 1917–1977. Челябинск, 1977. С. 310.

исходили после отстранения от власти в ноябре 1964 г. Н. С. Хрущева. В данном случае речь идет о воссоздании сельских райкомов КПСС.

Сопоставление параметров «стаж в занимаемой должности» и «общий стаж работы по должности» показывает, что подавляющая часть первых секретарей сельских райкомов (88,8 %) до этого работала в аналогичной должности до 3 лет, остальные – более 3 лет. Данный факт свидетельствует о том, что эти руководители перешли со схожих должностей в сельской областной партийной организации на соответствующие посты во вновь создававшиеся райкомы.

В последующий период наблюдалось ослабление кадровой ротации в этой руководящей группе партийных работников, так же как и среди первых секретарей горкомов. Представительство руководителей с небольшим должностным стажем (до 1 года) было незначительным: в 1970 и 1975 гг. – по 16,7 %, а в 1980 г. всего 5,5 %. С другой стороны, повышается численность первых лиц сельских районных организаций, имеющих значительный должностной стаж. В 1970 г. две трети таких руководителей имели стаж в занимаемой должности от 5 до 10 лет. В 1975 г. наблюдается некоторое омоложение этого корпуса руководителей, в результате самую массовую группу составили первые секретари сельских райкомов, имевшие стаж работы в должности от 3 до 5 лет (44,4 %). Однако одновременно в 1975 г. среди них впервые появляется люди с должностным стажем от 10 лет и выше – 16,7 %. В 1980 г. выделяются две доминирующие по численности группы по стажу в занимаемой должности: от 3 до 5 лет – 33,3 %, от 5 до 10 лет – 38,9 %. Причем численность последней группы выросла по сравнению с 1975 г. в 3,5 раза.

Таким образом, начиная с 1970 г. у этой категории партийных руководителей наблюдается сдвиг в сторону закрепления на должности и как следствие – снижение вертикальной кадровой мобильности. У сельских партийных руководителей в силу объективных причин были менее обещающие перспективы карьерного роста по сравнению с городскими партийными функционерами в рамках крупного промышленного региона, каким являлась Челябинская область. Для многих из них эта должность была пиком партийной карьеры.

Следующей по значимости властной группой в региональном партийном аппарате являлись вторые секретари горкомов, городских и сельских райкомов партии. Характерные тенденции брежневского правления отразились и в социально-профессиональной динамике этой категории руководителей. В начальный период брежневской эпо-

хи в связи с активной кадровой политикой в отношении региональной партийно-государственной номенклатуры среди вторых секретарей горкомов наблюдалось преобладание лиц с незначительным стажем в занимаемой должности. Так, в 1965 г. таких руководителей с должностным стажем до 1 года насчитывалось 31,8 %, от 1 до 3 лет – 40,9 %, а в совокупности они составляли 72,7 %. В 1970 г. в группу со стажем до 1 года входили 27,3 % вторых секретарей горкомов, в группу со стажем от 1 до 3 лет – 40,9 %, в совокупности они охватывали 68,2 % партийных руководителей этой категории.

Однако уже в 1975 г. 40,9 % вторых секретарей горкомов находились на своем посту от 5 до 10 лет, среди партийных руководителей города появляется также категория «долгожителей» со стажем в должности свыше 10 лет (9,1 %), что является отражением взятого брежневским руководством курса на стабилизацию управленческих кадров.

Интересная ситуация наблюдается в 1980 г. – происходит существенное кадровое обновление корпуса этих руководителей. Из 22 чел., занимавших данные партийные посты в Челябинской области, 10 чел. (45,5 %) имели стаж работы в должности менее одного года. Эта маленькая «кадровая революция» в отношении вторых секретарей горкомов не была связана со сменой партийного руководства области. Дело в том, что в 1980 г. происходит существенное кадровое обновление корпуса вторых секретарей горкомов и горрайкомов – сменилось 37,3 % руководителей. Для большинства из них (73,3 %) смена статуса была связана с вертикальной мобильностью – выдвижением на вышестоящую руководящую должность²⁷³. С учетом того, что в этот период не наблюдается заметных колебаний в динамике должностного стажа у вторых секретарей городских и сельских райкомов области, это означает, что основная группа выдвиженцев – вторые секретари горкомов партии, а их места заняли соответственно новые руководители.

В 1965 г. вторые секретари городских райкомов КПСС имели сравнительно небольшой стаж работы в этой должности: 50 % – менее 1 года и еще 50 % – от 1 года до 3 лет. Это свидетельствует о том, что их назначение состоялось в самом конце хрущевского периода или в начале брежневского правления. По крайней мере, половина из них точно являлась назначенцами брежневского призыва. К 1970 г. происходит существенное обновление этой категории регионального партийного корпуса: 7 из 8 вторых секретарей занимали свои должности менее 1 года

²⁷³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 193. Д. 190. Л. 44.

(87,5 %), а оставшийся имел стаж работы в должности от 1 до 3 лет. В последующий период для этой категории региональных партийных руководителей также был характерен кадровый динамизм, хотя менее интенсивный, чем в предыдущий период. В 1975 и 1980 гг. более трети партийных руководителей этого ранга находились на своих должностях менее 1 года – по 36,4 %. Вторую по значимости группу составляли вторые секретари со стажем в должности от 1 года до 3 лет: в 1975 г. – 45,5 %, в 1980 г. – 36,4 %. Только в 1980 г. среди вторых секретарей городских райкомов появляются партийные функционеры, имевшие должностной стаж от 5 до 10 лет, – 18,2 %. В 1965 г. все вторые секретари сельских райкомов имели стаж работы в занимаемой должности менее 1 года. Эта ситуация опять же объясняется структурной реорганизацией партийных органов в послехрущевский период.

Также, на основании критерия «общий стаж работы по должности», видно, что все вторые секретари сельских райкомов занимали схожее должностное положение в конце хрущевской эпохи или пришли на свои руководящие должности в начальный период брежневского правления, так как в 1965 г. все 18 вторых секретарей имели общий стаж работы в занимаемой должности до 3 лет. В свою очередь, сопоставление этого критерия с критерием «стаж руководящей и ответственной работы в данной отрасли» свидетельствует, что для большинства из них данный пост стал результатом карьерного роста. По крайней мере, для 1/3 вторых секретарей сельских райкомов это был первый опыт руководящей партийной работы. Остальные пришли на эту должность с нижестоящей руководящей должности или из партийного аппарата (вертикальная мобильность), а также с равнозначной должности (горизонтальная мобильность, связанная с перемещением из района в район).

В последующие периоды у этой категории региональных партийных руководителей наблюдается достаточно интенсивное обновление кадров. В 1970 и 1975 гг. наиболее представительной была группа вторых секретарей сельских райкомов со стажем в занимаемой должности от 1 до 3 лет – 38,9 %. Свидетельством обновления состава партийных руководителей данной категории является увеличение почти в 6 раз (до 33,3 %) среди них лиц с должностным стажем до 1 года по сравнению с 1970 г. Одновременно существенно сокращается численность вторых секретарей сельских райкомов с должностным стажем от 5 до 10 лет – с 33,3 до 11,1 %. На основе данных 1980 г. 2/3 вторых секретарей сельских райкомов можно равномерно распределить по трем группам в со-

ответствии со стажем в занимаемой должности: до 1 года, от 1 до 3 лет, от 3 до 5 лет – по 22,2 %. Оставшаяся треть этих руководителей имела стаж в занимаемой должности от 5 до 10 лет.

Таким образом, анализ должностного стажа вторых секретарей городских и сельских райкомов свидетельствует о том, что в их отношении в целом проводилась более активная кадровая политика, чем в отношении первых лиц райкомов. В определенной степени кадровая динамика была обусловлена тем, что вторые секретари являлись основным кадровым резервом для выдвижения на пост первого секретаря и председателя исполкома.

Секретари партийных комитетов по объему и набору властных полномочий занимали в областной партийно-номенклатурной иерархии нижнюю ступеньку среди руководящих работников региона. Для них в рассматриваемый период, так же как и для вторых секретарей партийных комитетов области, была характерна значительная кадровая динамика.

Кадровые изменения, затронувшие секретарей горкомов, городских и сельских райкомов Челябинской области в 1965 г., а также остальных региональных партийных руководителей, стали следствием смены правящих групп в высшем руководстве Советского Союза в октябре 1964 г. Однако они оказались масштабнее, чем у других категорий партийных руководителей Челябинской области. Существенная часть партийных секретарей (70 %) в 1965 г. имела стаж работы в должности менее одного года. Это означает, что они заняли эти посты уже после прихода к власти Л. И. Брежнева. Вторую по численности группу составили секретари со стажем работы в должности до трех лет (22,5 %). Сопоставление сводных данных по численности этих двух групп (92,5 %) с показателями «общий стаж работы по должности» (92,5 % секретарей имели общий должностной стаж до трех лет), а также показателем «стаж руководящей и ответственной работы в данной отрасли» показывает, что, во-первых, для подавляющей части секретарей данная должность была первым опытом руководящей партийной работы; во-вторых, до занятия должности секретаря соответствующего партийного комитета многие из них работали ответственными работниками в партийном аппарате (заведующие и заместители заведующих отделами, инструкторы горкомов, райкомов). Хотя часть секретарей горкомов могла прийти на эти должности с должности секретарей райкомов. Но в любом случае кадровые перемещения носили характер восходящей вертикальной мо-

бильности и партийный аппарат в значительной мере являлся «кузницей кадров» партийных руководителей этого уровня.

В последующие периоды тенденция существенной кадровой динамики у этой категории партийных руководителей сохраняется, хотя отмечается некоторое снижение ее интенсивности. В 1970 г. численность секретарей горкомов и райкомов со стажем в занимаемой должности до 1 года снижается в 2,2 раза и составляет 31,9 %. В 1975 г. таких руководителей насчитывалось 23,5 %, в 1980 г. – 25 %. Число партийных секретарей, которые бессменно находились на своей должности от 1 года до 3 лет, существенно не менялось на протяжении всего брежневского периода: в 1965 г. их было 22,5 %, 1970 г. – 23,4 %, 1980 г. – 26,9 %. И только в 1975 г. наблюдается резкое увеличение данной группы секретарей партийных органов области – до 41,2 %, что было связано с заметным обновлением слоя этих партийных руководителей в предшествующий пятилетний период (1970–1975).

Кадровый динамизм, характерный для секретарей партийных комитетов, прослеживается и при анализе групп этих руководителей с более «солидным» пребыванием в должности. В 1965 г. таких партийных функционеров со стажем от 3 до 5 лет было всего два человека из 40 (5 %), а со стажем от 5 до 10 лет – один человек (2,5 %). В дальнейшем у этих групп наблюдается значительный рост относительно базового показателя 1965 г., однако они не становятся доминирующими. Так, в 1970 г. количество секретарей с должностным стажем от 3 до 5 лет увеличивается почти в четыре раза (до 19,2 %) и в дальнейшем держится примерно на одном уровне – 17,6 % в 1975 г. и 19,2 % в 1980 г. Количество секретарей с должностным стажем от 5 до 10 лет возрастает к 1970 г. в десять раз (25,5 %), но в 1975 г. снижается до 11,8 %. Начиная с 1975 г. появляется незначительная группа секретарей-«долгожителей» со стажем от 10 лет и выше: 5,9 % в 1975 г. и 1,9 % в 1980 г.

Детальный анализ кадровых изменений у секретарей партийных комитетов области различного уровня на протяжении рассматриваемого периода дает следующие результаты. В первую очередь необходимо отметить существенное обновление состава секретарей горкомов Челябинской области после 1965 г., на причины которого указывалось выше. Как следствие, в 1970 г. самой многочисленной являлась группа секретарей горкомов со стажем в занимаемой должности от 1 года до 3 лет – 42,9 %. Вместе со второй по численности группой партийных руководителей этого ранга с должностным стажем менее 1 года (28,6 %)

они составляли 71,5 % от общего количества секретарей горкомов Челябинской области. В 1970 г. третьих лиц городских партийных комитетов с должностным стажем от 5 до 10 лет насчитывалось всего 9,5 %.

В последующие годы численность секретарей горкомов, сохранявших свой должностной статус в течение трех лет, несколько снижается, но все равно остается весьма весомой. В 1975 г. таких руководителей насчитывалось 54,6 %, а в 1980 г. – уже 60,8 %. Причем если в 1975 г. самой представительной являлась группа секретарей с должностным стажем от 1 года до 3 лет (36,4 %), то в 1980 г. на первой позиции находились секретари горкомов со стажем менее 1 года – 39,1 %, что свидетельствует о заметном обновлении корпуса секретарей горкомов в течение 1975–1980 гг.

Для 1970 и 1975 гг. характерна ситуация, когда доля секретарей горкомов со «стажем в занимаемой должности» до 3 лет совпадает с долей секретарей с соответствующим трехлетним «общим стажем работы по должности»: в 1970 г. – по 71,5 %, а в 1975 г. – по 54,6 %. У остальных групп секретарей с более значительным должностным стажем также наблюдаются незначительные расхождения по этим параметрам. Такое совпадение показателей свидетельствует о том, что для этих представителей партийной номенклатуры данная должность была первой руководящей работой на уровне городского комитета партии. Какая-то часть из них пришла на этот пост с уровня руководящего звена райкомов партии. Для другой части стартовой площадкой карьерного роста стали должности ответственных работников партийных органов власти разного уровня. Примерно от 1/4 до 1/3 секретарей горкомов имели опыт ответственной партийной работы.

В 1970 г. половина секретарей городских райкомов партии имела стаж в занимаемой должности менее 1 года, а другая половина находилась на занимаемой должности от 5 до 10 лет. Это свидетельствует о том, что из тех партийных работников, которые находились на этом посту до 1965 г. или заняли его в 1965 г., сохранила данную статусную позицию в партийной иерархии к 1970 г. только половина руководителей. В последующие годы среди секретарей горрайкомов также сохранялась интенсивная кадровая мобильность. С одной стороны, в это время наблюдается снижение доли секретарей с незначительным временем пребывания в должности (до 1 года): в 1975 г. их насчитывалось 36,4 %, а в 1980 г. уже в два раза меньше – 18,2 %. В то же время в 1975 г. наблюдается полное обновление кадрового состава секретарей горрайкомов

по сравнению с 1970 г. – никто из них не занимал свою должность более 5 лет. Самой многочисленной являлась группа секретарей этих партийных комитетов с должностным стажем от 3 до 5 лет – 45,5 %. И только применительно к периоду 1975–1980 гг. в отношении этой категории партийных секретарей можно говорить об определенной кадровой стабилизации. В 1980 г. более половины секретарей горрайкомов (54,5 %) имели стаж в занимаемой должности от 5 до 10 лет, т. е. находились на данном партийном посту, по крайней мере, с 1975 г.

Анализ показателя «общий стаж работы по должности» убеждает, что кадровые перемещения у этой категории руководящих партийных работников были весьма незначительно связаны с горизонтальной мобильностью, а носили, как и у секретарей горкомов партии, главным образом характер вертикальной мобильности. На основании показателя «стаж руководящей и ответственной работы в данной отрасли» можно отметить, что, по крайней мере, от 1/4 до 1/3 секретарей городских райкомов имели опыт ответственной работы в партийном аппарате.

Для секретарей сельских райкомов – низшей страты региональных руководителей партийной номенклатуры с точки зрения объема властных полномочий, – так же как и для их коллег из вышестоящих партийных комитетов, было характерно значительное кадровое обновление состава на протяжении всего рассматриваемого периода. В промежутке между 1965 и 1970 гг. сменилось 2/3 секретарей сельских райкомов, в 1970–1975 гг. и в 1975–1980 гг. обновление состава составило уже 77,7 %.

В целом можно отметить, что, с одной стороны, должность секретаря сельского райкома для многих являлась ступенькой в партийной карьере, которая переводила человека в статус руководящего партийного работника. С другой стороны, эта должность носила достаточно «проходной» характер, в том смысле, что приходившие на нее люди долго на ней не задерживались. Так, в 1970 г. секретарей сельских райкомов с должностным стажем менее 1 года насчитывалось 27,8 %, со стажем от 1 года до 3 лет – 11,1 %. В 1975 г. наблюдается резкое увеличение численности сельских секретарей со стажем в занимаемой должности от 1 года до 3 лет – до 44,4 % от общего числа руководящих работников этой категории. Второй по численности группой являлись секретари со стажем менее 1 года – 22,2 %. Между 1975 и 1980 гг. состав секретарей сельских райкомов обновился более чем наполовину. Наиболее многочисленную группу представляли секретари со стажем в занимаемой должности от

1 года до 3 лет – 38,9 %, вторую – партийные руководители со стажем от 3 до 5 лет (27,8 %). Только незначительная часть секретарей сельских райкомов (22,2 %) имела должностной стаж от 5 до 10 лет. Более длительное время нахождения на должности секретаря сельского райкома встречается только в 1970 г., когда из 18 секретарей сельских райкомов 2 человека (11,1 %) занимали свою должность беспрерывно 10 лет и выше.

Существенной качественной характеристикой кадровой политики в отношении партийной номенклатуры является сменяемость ее членов, т. е. интенсивность обновления ее кадрового состава, связанная с ротацией внутри властных групп и перемещениями между ними.

В партийной статистике показатель «сменяемость работников» – это, в сущности, комплексный амбивалентный показатель, характеризующий, с одной стороны, степень стабильности кадрового состава партийно-государственной номенклатуры, а с другой – степень активности и содержание кадровой политики. Данный показатель является многокомпонентным и включает в себя ряд позиций, важных для характеристики причин карьерных перемещений региональной партийной номенклатуры, в том числе таких, как: «выдвинуто на большую работу», «направлено на аналогичную по должности работу» «направлено на укрепление отстающих участков работы», «направлено на учебу», «освобождено как не справившихся с работой», «освобождено как скомпрометировавших себя», «освобождено по семейным обстоятельствам, в связи с болезнью или переходом на пенсию». В совокупности они позволяют проследить дальнейшую карьерную судьбу партийного руководителя, оставившего тот или иной пост.

Например, позиция «выдвинуто на большую работу» позволяет оценить перспективность той или иной партийной должности в карьерном плане (восходящая вертикальная мобильность), то, какая из групп (группы) в большей степени являлась кадровым резервом партийной номенклатуры (карьерной площадкой, «карьерным лифтом»). При этом под карьерным ростом понимается выдвижение не только на вышестоящую должность по партийной линии, но и в вышестоящие государственные органы власти.

Позиция «направлено на аналогичную по должности работу» показывает горизонтальную мобильность номенклатурных кадров, территориальное перемещение партийных руководителей (в другой город, район, область). Хотя такое перемещение могло расцениваться партийными функционерами по-разному: нейтрально (как явление текущей

кадровой политики), позитивно – как фактическое повышение (при переводе на более «престижную», весомую территорию), негативно – как понижение в статусе (перевод в слабый, незначимый район, город и т. п.).

Для первых лиц городских комитетов партии Челябинской области на протяжении всего брежневского правления была характерна незначительная сменяемость кадрового состава. В 1965 г. из 22 первых секретарей горкомов покинули свою должность 5 чел. (22,7 %) ²⁷⁴. В последующем этот показатель был еще ниже: в 1970 г. – 18,2 %, 1975 г. – 9,1 %, 1980 г. – 19 %.

Из пяти сменившихся в 1965 г. партийных руководителей этого уровня один был выдвинут на большую работу, один направлен на учебу, еще один покинул должность в связи с невозможностью исполнять обязанности по естественным причинам (семейные обстоятельства, болезнь, выход на пенсию). Остальные два первых секретаря горкома (40 %) были освобождены от должности с формулировкой «по другим причинам».

В 1970 и 1975 гг. смена должностного статуса у первых секретарей горкомов была связана с восходящей вертикальной мобильностью – все они ушли на повышение. В 1980 г. один из 4 сменившихся руководителей горкома перешел на вышестоящую должность, один был направлен на учебу, а 2 чел. (50 %) были освобождены от должности с формулировкой «по другим причинам». Следует отметить, что никто из первых секретарей горкомов области в рассматриваемые периоды не был снят с должности с формулировкой «как не справившийся с работой» или «как скомпрометировавший себя».

Анализ сменяемости у первых секретарей городских райкомов партии свидетельствует о том, что для данной категории партийных функционеров наиболее высокий показатель сменяемости приходится на 1965 г., когда должность оставили два человека из 7 (28,6 %). В 1970 г. сменился один человек из 8 (12,5 %), а в 1975 и 1980 гг. – по одному человеку из 11 (9,1 %).

²⁷⁴ В этом случае данные по первым секретарям горкома отличаются от соответствующих данных партийной статистики, приводимых по показателю «стаж в занимаемой должности». Такое несоответствие данных может быть обусловлено влиянием формулировок: «до 1 года» в одном случае и «за отчетный период» (т. е. за год) – в другом. В результате в первом случае часть первых секретарей оказалась неучтенной, так как была отнесена к разделу «от 1 до 3 лет».

Если проследить карьерные пути покинувших в 1965 г. свои посты руководителей, то можно отметить следующее: из двух сменившихся первых секретарей городского райкома один ушел на повышение, а другой завершил карьеру руководящего партийного работника. В 1970 г. единственный сменившийся первый секретарь был выдвинут на большую работу. В 1975 г. покинувший пост первого секретаря районного партийного органа был направлен «на укрепление отстающих участков работы». Переход на новое место работы с такой формулировкой можно расценивать по-разному в зависимости от обстоятельств перевода и позиций будущей должности в номенклатурной системе: и как перспективное горизонтальное перемещение, и как карьерное понижение. В 1980 г. оставивший должность первого секретаря горрайкома руководитель был направлен на повышение политической квалификации в партийную школу.

Для первых секретарей сельских райкомов, как и для их коллег из горкомов и городских райкомов Челябинской области, на протяжении всего периода была характерна планомерная смена кадрового состава без радикальных и внезапных кадровых чисток и потрясений.

В 1965 и 1980 гг. сменился только один из 18 секретарей (5,5%), а в 1970 и 1975 гг. – 3 из 18 секретарей сельских райкомов (16,7%). В 1965 г. смена партийного руководителя была связана с назначением последнего на более высокую должностную позицию, причем он занимал должность первого секретаря менее года. В 1970 г. перемещения первых секретарей сельских райкомов на новые должности не были связаны с восходящей вертикальной мобильностью: из трех сменившихся двое были направлены на «укрепление отстающих участков работы», а еще один – на «аналогичную по должности работу». В 1975 г. для двух руководителей этого уровня смена должности была связана с восходящей карьерой (переход на более высокую должность), а для одного – с нисходящей карьерой, так как он был освобожден от должности как скомпрометировавший себя. И, наконец, в 1980 г. единственный сменившийся первый секретарь сельского райкома пошел на повышение, но не по партийной линии.

В корпусе вторых секретарей горкомов в 1965 г. обновление состава партийных руководителей составило 18,2 % от их общей численности (4 чел. из 22), в 1970 г. сменилось 6 чел. (27,3 %), в 1975 г. – 4 чел. (18,2 %). Заметное отклонение от этой тенденции наблюдается только в 1980 г. когда состав вторых секретарей горкомов поменялся наполовину.

Для большинства вторых секретарей горкомов смена должности была связана с восходящей карьерой. В 1965 г. «на большую работу» было выдвинуто 3 чел. (75 %) из числа сменивших партийных руководителей, в 1970 г. таких было 2/3 (66,7 %), в 1975 г. – 75 %. В 1980 г. на повышение ушло около 2/3 (63,6 %) оставивших посты вторых секретарей горкомов, причем двое из них заняли должности первых секретарей горкомов или райкомов²⁷⁵. Оставшиеся два вторых секретаря горкомов партии в 1980 г. покинули свои должности в связи с направлением на учебу (33,3 % от общего числа смененных).

Остальные перемещения вторых секретарей горкомов были связаны с нисходящей партийной карьерой. С формулировкой «по другим причинам» от занимаемой должности в 1965 и 1975 гг. было освобождено по одному руководителю (25 % от общего числа смененных), а в 1980 г. – трое из 11 чел. (27,3 %). В связи с естественными причинами в 1980 г. выбыл из состава партийной номенклатуры один секретарь горкома.

Наиболее высокими показателями кадровой мобильности среди всех категорий руководителей партийных структур области выделяются вторые секретари городских райкомов. Эти показатели значительных кадровых перемещений относятся к 1965 г., когда сменилось 4 из 6 вторых секретарей (66,7 %), и к 1970 г., когда сменилось 6 из 8 руководителей (75 %). Затем в связи с кадровой стабилизацией состава номенклатуры сменяемость вторых секретарей горрайкомов существенно снижается: в 1975 г. из 11 руководителей сменилось только два (18,2 %), в 1980 г. из 11 сменилось 4 чел. (36,4 %).

В 1965 и 1970 гг. для половины вторых секретарей горрайкомов уход с должности был связан с переходом на более высокую номенклатурную позицию. Из остальных сменившихся партийных руководителей этого ранга в 1965 г. один был направлен на учебу и еще один освобожден от должности с формулировкой «по другим причинам». С такой же «неблагоприятной» формулировкой в 1970 г. оставили свои должности 2 вторых секретаря (1/3 всех сменившихся), а один руководитель был направлен «на укрепление отстающих участков». В 1975 г. оба сменившихся вторых секретаря горрайкомов были выдвинуты на большую работу, а в 1980 г. повысили свой статус 3 из 4 сменившихся партийных руководителей (75 %), а один второй секретарь был направлен «на укрепление отстающих участков».

²⁷⁵ В 1980 г. появилось 4 вакантных места первых секретарей горкомов.

В целом можно отметить, что должность второго секретаря горкома или райкома являлась хорошей стартовой площадкой для продвижения вверх по служебной лестнице. Так, в 1975 г. более половины первых секретарей партийных комитетов области (57 %) работали ранее вторыми секретарями райкомов или горкомов партии. Наиболее значимые показатели были характерны для горкомов и сельских райкомов: 72 % первых лиц горкомов и 55 % сельских райкомов имели предыдущий опыт работы в качестве второго секретаря партийного комитета. Для городских райкомов этот показатель был значительно скромнее – только 27 %²⁷⁶.

Корпус секретарей партийных комитетов региона в 1965 г. не испытал серьезных кадровых потрясений – сменилось всего 7 из 40 руководителей (17,5 % общего числа секретарей). Однако только для одного из них уход с должности был связан с карьерным ростом. Для остальных расставание с должностью означало нисходящее движение по карьерной лестнице: один руководитель был снят как «не справившийся с работой», один – как «скомпрометировавший себя», два секретаря покинули должность по естественной причине (семейные обстоятельства, болезнь, пенсионный возраст) и еще два оставили свою должность с формулировкой «по другим причинам».

У секретарей горкомов в 1970 и 1975 гг. наблюдалась невысокая сменяемость кадров – 23,8 % и 18,2 % от общего состава соответственно. И только в 1980 г. у партийных руководителей этой категории, так же как и у вторых секретарей горкомов области, наблюдается заметное обновление состава – сменилось 10 из 23 руководителей (43,5 %).

В 1970 г. два секретаря горкома (40 % от числа сменившихся) были выдвинуты на большую работу, один направлен на учебу (20 %). Две отставки с должности секретаря горкома произошли в связи с естественной сменой кадров (семейные обстоятельства, болезнь, пенсионный возраст). В 1975 г. только один из сменившихся секретарей горкома сразу пошел на повышение (25 %), еще два секретаря оставили свой партийный пост в связи с направлением на учебу (50 %), один руководитель покинул должность секретаря горкома с формулировкой «по другим причинам».

Как уже отмечалось, в 1980 г. сменилась существенная часть секретарей горкомов. Для половины из них уход с должности был связан с карьерным ростом. Причем для трех секретарей горкомов это было

²⁷⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 182. Д. 244. Л. 156.

связано с переходом на более высокую ступень в партийной иерархии – назначением на должность второго секретаря горкома или райкома. Как было показано выше, данная номенклатурная позиция открывала хорошие перспективы в плане дальнейшего карьерного роста, поэтому назначение на должность второго секретаря было несомненным успехом. Для другой половины сменившихся секретарей горкома уход с должности был связан с горизонтальной мобильностью или нисходящей карьерой: один руководитель был направлен на укрепление отстающих участков работы, один – на аналогичную по должности работу, двое покинули должность по естественным причинам (семейные обстоятельства, болезнь, пенсионный возраст) и еще один секретарь горкома был освобожден от должности с формулировкой «по другим причинам».

В отличие от секретарей горкомов у секретарей городских райкомов существенное обновление состава наблюдалось не в 1980 г., а в 1970 г., когда сменилась половина этих руководителей (4 человека из 8). При этом для всех из них изменение должностного статуса было связано с восходящей вертикальной мобильностью. В дальнейшем кадровое обновление у этой категории руководителей снижается и составляет в 1975 и 1980 гг. всего 18,2 % от их общей численности (2 чел. из 11). В 1975 г. из двух ушедших с должности секретарей городских райкомов один был направлен на учебу, а второй расстался с должностью с формулировкой «по другим причинам». В 1980 г. оба секретаря горрайкомов были выдвинуты на большую работу, но не в партийных структурах.

Если рассматривать секретарей сельских райкомов, то в анализируемые годы не наблюдалась активная смена их кадрового состава, особенно на фоне кадровой динамики, характерной для других групп этой категории региональной номенклатуры. В 1970 г. сменилось 5 из 18 руководителей этого уровня (27,8 % от их общей численности), в 1975 г. – 4 из 18 чел. (22,2 %), в 1980 г. – 2 из 18 чел. (11,1 %).

В 1970 г. смена должностного статуса не стала для секретарей сельских райкомов явным шагом в развитии карьеры руководителя – никто из покинувших свой пост не был переведен на вышестоящую должность. Из трех оставивших свой партийный пост один секретарь сельского райкома был направлен «на укрепление отстающих участков работы», один – на «аналогичную по должности работу». Еще один партийный руководитель этого ранга выбыл из состава партийной номенклатуры по причинам естественного характера (семейные обстоятельства, болезнь, выход на пенсию).

В 1975 г. два секретаря сельского райкома (50 %) сменили работу с повышением руководящего статуса, один партийный руководитель был отправлен на учебу для повышения профессионального уровня и еще один был направлен «на укрепление отстающих участков работы». В 1980 г. из двух оставивших свою должность один секретарь сельского райкома пошел на повышение, получив должность второго секретаря райкома или горкома, а другой был направлен на укрепление отстающих участков работы.

Таким образом, анализ комплекса социальных параметров властных групп региональной партийной номенклатуры показывает, что в брежневский период наметилась общая тенденция кадровой стабилизации. Она являлась отражением официальной кадровой политики советского руководства, цель которой состояла в обеспечении преемственности поколений в рамках номенклатурной системы. В конце брежневского правления за пять лет (1976–1980) корпус первых секретарей горкомов, городских и сельских райкомов обновился в среднем на 13 %, вторых секретарей – на 23 %, а «третьих» секретарей – на 19,3 %²⁷⁷.

С одной стороны, такой кадровый подход имел положительный результат. Он выгодно отличался от кадровой чехарды в хрущевский период, которая дестабилизировала деятельность партийных органов, вносила элементы нервозности и непредсказуемости и создавала условия для принятия некомпетентных решений недостаточно опытными руководителями. Видный партийный и государственный деятель А. И. Микоян писал в воспоминаниях, что частой сменой руководителя можно было развалить любое учреждение, предприятие: «Людям на местах, наверное, невозможно было уследить за этой чехардой. И невозможно было работать нормально. Ведь достаточно в одном учреждении постоянно менять руководителя, как оно дезорганизуется. <...> А разделение партийных органов на сельские и городские? Вообще неразбериха началась – кто за что отвечает и где»²⁷⁸. Уход от частых кадровых перемещений в период нахождения у власти Л. И. Брежнева (по крайней мере, в первый период его правления) благоприятно сказался на эффективности функционирования партийных органов власти, эффективно повышал уровень компетентности партийных руководителей.

С другой стороны, проводить сбалансированную кадровую политику, сочетающую использование опыта и знаний старых кадров со свое-

²⁷⁷ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 193. Д. 190. Л. 43–44.

²⁷⁸ Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 601.

ременным выдвижением молодых кадров, на практике удавалось далеко не всегда. На местах ее реализация осуществлялась выборочно, непоследовательно. Кадровое обновление различных властных групп региональной партийной номенклатуры проводилось неравномерно, появлялись свои «неприкасаемые» (например, первые секретари горкомов).

Следствием этой политики стало повышение возрастной планки региональных руководящих кадров, закрепление партийных функционеров на своих должностях, что обеспечивало надежность, предсказуемость номенклатурного будущего. Возникает комфортная ситуация, когда восходящая карьера возможна, а опасность нисходящей сведена к минимуму.

Оборотной стороной относительного «старения» руководящих кадров региональной номенклатуры становится снижение интенсивности вертикальной мобильности, «карьерные лифты» замедляют свое движение вверх. Этот процесс накладывается на объективную ситуацию, при которой движение к вершине партийной иерархии ведет к снижению восходящей вертикальной мобильности в связи с тем, что претендентов на вышестоящую должность становится больше, а количество таких должностей сокращается и, соответственно, обостряется конкуренция за номенклатурное место.

Негативным следствием этого явления становится формирование административной корпоративности, неформальных патрон-клиентских отношений в рамках региональной номенклатурной системы. Принадлежность к клиентеле, проявление лояльности к вышестоящему руководителю позволяли «в соответствии с автономно-вертикальным характером клиентарных отношений»²⁷⁹ получить привилегии, преимущества для занятия желаемой номенклатурной должности.

Недостаточное и несвоевременное омоложение руководящих партийных кадров, расширение и усиление клиентарных отношений в номенклатурной среде вели к снижению эффективности функционирования советской политической системы, ее резистентности к воздействию внутренних и внешних факторов. Сужалась возможность принятия новых, нестандартных, недогматических ответов на «вызовы» политического, экономического и социального характера.

В сложившихся условиях региональные партийные руководители предпочитают работать по шаблону, идти по накатанному пути, проявлять активность только при реализации решений вышестоящих

²⁷⁹ Афанасьев М. Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1. С. 123.

партийных и государственных инстанций, руководствуясь правилом: «инициатива наказуема». В результате стабилизации номенклатурных кадров советская политическая система становится *потенциально нестабильной*.

Такую опасность кадрового застоя прекрасно осознавал «архитектор» китайских реформ Дэн Сяопин. Он связывал устойчивость, жизнеспособность однопартийных политических систем, успехи политических и экономических реформ со своевременным обновлением руководящих кадров. Он объяснял китайским коммунистам: «Успех дела зависит именно от того, сможем ли мы подмечать и использовать способных людей. Конкретнее, сейчас многие товарищи, которым за 50, зарекомендовали себя неплохо, но через десяток лет им перевалит за 60. Поэтому необходимо смело выдвигать кадры среднего и молодого возраста, в особенности 30–40 лет <...>. Выдвиженцы из тех, что помоложе, смогут работать дольше. Сейчас им не хватает опыта, но года через два они наберутся его. Если сейчас они не справляются с должностью, то через два года справятся. Мысль у них не скована <...>. Надо уговорить старые кадры уступить место, а то у молодых не будет служебных постов <...>. Нелегко убедить отдельных товарищей пожилого и старшего возраста оставить свои посты, но это мы обязаны сделать, на этот путь мы обязаны встать... Число служебных постов у нас ограничено, кроме того, нужно еще сокращать административный аппарат, и если старики не освободят места, молодым кадрам не подняться. А если они не поднимутся, то о каком развитии и процветании нашего дела может идти речь!»²⁸⁰. Эти слова Дэн Сяопин говорил в 1984 г., когда Советский Союз еще существовал, и существовала возможность изменения принципов кадровой политики в отношении советской номенклатуры.

²⁸⁰ Дэн Сяопин Выступление на 3-м Пленуме Центральной комиссии советников [Электронный ресурс] // Основные вопросы современного Китая : [речи и беседы.]. М., 1988. URL: http://www.skrmf.ru/library/library_files/dxp.htm

Глава 8. «Атомная» общность советского ядерно-оружейного комплекса (1940–1970-е гг.)

8.1. Конструирование «атомной» общности

Складывание социального института ядерно-оружейного комплекса СССР, представителя одной из ведущих отраслей отечественной промышленности, начиная с послевоенного периода до сегодняшнего дня, шло в рамках реализации советского атомного проекта. Действенное начало проекту было положено распоряжением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР «Об организации работ по урану» (28 сентября 1942 г.)¹. Формировалась институционально закрытая система: процесс организации всех работ по созданию отечественного атомного оружия был строго засекречен. Исследования, предприятия, места их расположения, оборудование, объемы, финансовые затраты, кадры, численность – все это составляло государственную тайну. Естественно, что в этих условиях системообразующей силой формирования социальной структуры ядерно-оружейного комплекса СССР выступило государство. В упомянутом распоряжении ГКО говорилось о создании первой «кадровой» структуры «атомного» сообщества – специальной лаборатории атомного ядра при АН СССР (в последующем – Лаборатория № 2). С нее началось формирование кадрового потенциала будущего ядерно-оружейного комплекса, который первоначально олицетворял всю атомную отрасль.

До появления особых органов управления советского атомного проекта (Специального комитета и Первого главного управления) решения по кадровым вопросам оформлялись распоряжениями ГКО СССР. После их создания в 1945 г. предложения по кадрам готовились в Первом главном управлении (ПГУ), рассматривались Специальным комитетом и оформлялись постановлениями Совета министров СССР. Монополия на кадры удерживалась благодаря тому, что многие должности (прежде всего, руководителей различных уровней) входили в номенклатуру ЦК, Совета министров СССР, Первого главного управления, а с формиро-

¹ Распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану» // Атомный проект СССР : док. и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. М., 1998. Т. 1, ч. 1. С. 269–270.

ванием Министерства среднего машиностроения в 1953 г. – и в его номенклатуру. Признаком некоторой демократизации кадровой политики в отрасли стал пересмотр в 1956 г. существующего перечня номенклатурных должностей руководящих работников, утверждаемых и освобождаемых министром среднего машиностроения. Действующая номенклатура министра сокращалась в пользу главных управлений и руководителей подведомственных предприятий и организаций в целях предоставления последним «больших прав и <...> ответственности в деле подбора и расстановки кадров»².

При комплектовании кадров действовали как индивидуальный найм на работу, так и массовый. Первый распространялся на руководителей, ученых, ведущих инженерно-технических специалистов, некоторых высококвалифицированных рабочих и служащих. Руководители проходили обязательное предварительное собеседование в ЦК партии. С 1946 г. практиковался вызов, обсуждение и утверждение руководящих работников на Коллегии ПГУ³. Практика собеседований сохранялась и в более поздний период. Например, будущий главный конструктор второго советского ядерного центра, НИИ-1011, Б. В. Литвинов перед своим назначением в 1961 г. был вызван для беседы начальником Главного управления опытных конструкций Министерства среднего машиностроения, начальником военного отдела ЦК КПСС, заместителем министра среднего машиностроения (именно в этой последовательности их посещения)⁴.

С конца 1950-х гг. номенклатурные и иные должности в подведомственных Министерству среднего машиностроения организациях все чаще оставляли по собственному желанию. Однако, давая определенную свободу «своим» работникам, министерство предпочитало, чтобы эта свобода реализовывалась в рамках системы и не любило выпускать из нее специалистов, особенно физиков-ядерщиков. В приказе мини-

² История создания, развития и деятельность ВНИИТФ. Т. 6, кн. 1. Выписка из приказа министра среднего машиностроения «Об утверждении номенклатуры должностей руководящих работников, назначаемых и освобождаемых министром» [Электронный ресурс] // Грани истории в документах и фотографиях / Рос. федер. ядерный центр – ВНИИ техн. физики им. акад. Е. И. Забабахина; науч. ред. Е. Н. Аврорин, Б. В. Литвинов, Г. Н. Рыкованов и др. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.

³ Полунин В. В. Органы управления атомной промышленностью СССР 1945–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 169.

⁴ Литвинов Б. В. Грани прошедшего (триптих). М., 2006. С. 398–403, 511; Рябев Л. Д. Воспоминания о Борисе Васильевиче Литвинове / ред. В. Б. Литвинов. Снежинск, 2014. С. 29.

стра среднего машиностроения от 28 июля 1956 г. значилось, что при освобождении от должности работника номенклатуры министра необходимо «вносить предложения о его дальнейшем использовании на работе».

По массовому найму, или оргнаборам, привлекались молодые рабочие – выпускники школ ФЗО, ремесленных, профессионально-технических училищ. Рекрутируемые в проект получали путевку или направление, выдаваемые Первым главным управлением, обкомами партии или вузами. Посредством перевода оформлялись на «атомные» объекты наиболее квалифицированные работники оборонных и иных промышленных предприятий. Рабочих, младший обслуживающий персонал для закрытых атомных городов набирали из числа жителей близлежащих населенных пунктов на основании личного заявления⁵. После середины 1950-х гг. комплектование кадров закрытых атомных городов стало возможно за счет самовоспроизводства их жителей⁶. С начала существования атомного проекта и закрытых городов активно использовались возможности внутренних резервов – перевод работников с одного «атомного» объекта на другой.

Механизм кадрового комплектования был следующий. Подчиненные организации и предприятия представляли в ПГУ перечни необходимых специальностей с указанием нужного количества специалистов. Под этот «заказ» подбирались кадры. По анкетным данным Министерство государственной безопасности СССР должно было в 15-дневный срок проверить отобранных работников⁷. Важно отметить, что приглашение на работу на частном уровне, вне установленных списков кадровых «заказов», минуя проверки МГБ/КГБ, было невозможно, даже для начальника «атомного» объекта. Так, предметом отдельного заседания Спецкомитета в 1948 г. стала инициатива Б. Г. Музрукова, бывшего директора Уралмашзавода, назначенного руководителем первого советского комбината по обогащению плутония. Он попытался лично

⁵ Докладная записка о состоянии работы с кадрами на объекте тов. Зернова П. М. // История создания ядерного оружия в СССР, 1946–1953 годы (в документах) : в 7 т. Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 31.

⁶ Жарков О. Ю. Система управления производством плутония на химическом комбинате «Маяк» в 1945–1990 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. С. 84.

⁷ Постановление СМ СССР № 792-257сс «Об обеспечении кадрами Государственного химического и Государственного машиностроительного заводов Первого главного управления при Совете министров СССР» // Атомный проект СССР.. Москва ; Саров, 2002. Т. 2, кн. 3. С. 421.

пригласить на работу одного из своих бывших сотрудников, без предварительной проверки возможности его допуска к работе на секретном комбинате. Этот случай был расценен как рассекречивание информации об «атомном» объекте. Директор получил строгий выговор и предупреждение о привлечении к уголовной ответственности в случае нарушения правил секретности в дальнейшем⁸.

Поиск работников для атомного проекта осуществлялся в институтах Академии наук СССР и в ведомственных научных учреждениях, в различных отраслях промышленности через наркоматы/министерства или областные комитеты партии по всей стране, в вузах и иных учебных заведениях, в военных ведомствах. Министерства и ведомства, предприятия, учреждения и организации, в которых находились нужные кадры, распоряжениями Совета министров СССР обязывались их отдать. Но поскольку отбирали действительно лучших, на практике существовало сопротивление таких «кадровых доноров». Показательным примером является случай капитана Военно-воздушной академии Е. И. Забабахина (будущего научного руководителя второго оружейного ядерного центра Советского Союза – Института технической физики на Урале). Высоко оценив его диссертацию, руководство первого советского ядерного центра – КБ-11 решило, что Забабахин должен работать у них. Руководство академии не желало отпускать молодого талантливого ученого, предлагая вместо него других специалистов с более высокими воинскими званиями и учеными степенями. Эти статусные атрибуты в качестве аргумента не оказались значимыми для руководителей КБ-11, делавших ставку на научный потенциал претендента, и в 1948 г. Е. И. Забабахин начал работать именно там⁹.

Если дело не касалось какого-то конкретного лица, процедура набора была следующей. Представители кадровых служб «атомных» объектов, снабженные разрешительными документами ЦК КПСС и Совета министров СССР, распределялись по различным областям страны. Они имели право действовать только через первых секретарей обкомов партии. Секретари собирали директоров промышленных предприятий и давали им указание, отдать тех, кого отберет представитель кадровой службы. Затем он объезжал эти предприятия, где ему предоставлялось

⁸ Протокол № 60 заседания Специального комитета при Совете министров СССР // Атомный проект СССР.. Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 368–369.

⁹ Советский атомный проект. Конец атомной монополии: Как это было... / Е. А. Негин, Н. П. Голеусова, Г. Д. Куличков и др. Саров, 2000. С. 123.

временное рабочее место, и отбирал нужных специалистов. Одним из способов отбора было чтение заводских многотиражек или стенгазет, откуда выписывались фамилии передовиков производства¹⁰. После индивидуальных бесед «атомного» кадровика с отобранными работниками они заполняли анкеты, которые затем передавались для проверки в МГБ/КГБ. Сформированные таким способом представителем кадровой службы одного «атомного» объекта списки работников не были монополией только этого предприятия, а становились общим источником комплектования кадрами, которые могли быть распределены и на другие объекты.

Часто на местах руководители скрывали лучшие кадры, предлагая тех, от которых сами хотели избавиться. Таким образом искусственно создавалась ситуация, когда работник кадровой службы «атомного» предприятия не мог отобрать никого. Это было поводом для руководства области избавиться от нежелательного гостя, который намеревался забрать лучших работников, под предлогом того, что «он сам никого не взял». Тогда включались рычаги административного давления, исходящего от руководителей центрального аппарата атомного проекта, на обкомы и примышленные предприятия, и в итоге они были вынуждены расстаться со своими кадрами.

Главный критерий кадрового отбора в 1942 г. определил И. В. Курчатов в своей докладной записке В. М. Молотову: «...привлечь к решению [проблемы урана] наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза»¹¹. Знания, компетентность, мастерство, опыт стали ведущей ориентацией при выборе кадров для атомного проекта. То, что в разных концепциях ресурсного подхода называется человеческий ресурс или культурный, личностный капитал¹².

¹⁰ Фонды музея Уральского электрохимического комбината. Созидание (дела и люди) : сб. воспоминаний ветеранов УЭХК : в 2 ч. / сост. Т. Н. Постникова. Свердловск-44, 1989. Ч. 1. С. 130. [Рукопись].

¹¹ Докладная записка И. В. Курчатова В. М. Молотову с анализом разведматериалов и предложениями об организации работ по созданию атомного оружия в СССР // Атомный проект СССР... М., 1998. Т. 1, ч. 1. С. 279.

¹² Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология : хрестоматия современ. классики. М., 2004. С. 519–521; Заславская Т. Н. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 150; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Радаев В. В. Экономическая социология. М., 2005. С. 398–400; Шкаратан О. И., Бондаренко В. А., Крельберг Ю. М., Сергеев Н. В. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М., 2003. С. 63; Becker G. S. Human Capital. N. Y., 1964; Schultz T. Investment in Human Capital. N. Y., 1971; Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective /

Он был основным активом, позволяющим стать частью системы. Сам Игорь Васильевич Курчатov, стоящий на вершине стратификационной пирамиды «атомной» общности, был выбран именно по этим признакам. Еще до начала Великой Отечественной войны А. Ф. Иоффе, отвечая на вопрос секретаря Президиума АН СССР П. А. Светлова о состоянии проблемы использования внутриатомной энергии урана, подчеркнул, что «общее руководство всей проблемы в целом следовало бы поручить И. В. Курчатову как лучшему [знатоку] вопроса, показавшему на строительстве циклотрона выдающиеся организационные способности»¹³. Когда в 1942 г. встал вопрос о научном руководстве работами по урану, тот же А. Ф. Иоффе, отклонив свою кандидатуру, вновь назвал фамилию И. В. Курчатова и добавил А. И. Алиханова. Несмотря на широкую известность А. И. Алиханова (уже бывшего членом-корреспондентом Академии наук), разные люди, которые так или иначе участвовали в подборе научного руководителя проекта, остановили свой выбор на И. В. Курчатове. Судя по воспоминаниям (пока единственном доступном нам источнике, из которого мы можем почерпнуть информацию о процессе и критериях отбора), свою роль сыграли не только научный и организаторский потенциал ученого, но и харизматические качества его личности. На В. М. Молотова он, «молодой и никому еще не известный», произвел «хорошее впечатление»¹⁴, уполномоченному ГКО по внедрению научных достижений в военное дело С. В. Кафтанову импонировали его энергия и преданность делу¹⁵, заместителю Кафтанова профессору С. А. Балезину – скромность и обаяние: «вот бывает так – приходит человек и навсегда всех вас очаровывает»¹⁶. Таким образом, распоряжением ГКО СССР научное руководство работами по урану было возложено на профессора И. В. Курчатова¹⁷. Его богатые человеческие ресурсы было решено укрепить ресурсами почетными. Как отмечал С. В. Кафтанов, «хотелось бы, чтоб человек, назначенный руководить таким делом, обладал крупным именем, обеспечивающим высокий

ed. by David B. Grusky. Westview Press, 2008. P. 6; *Sorensen A. B. Toward a sounder basis for class analysis // The American Journal of Sociology. Chicago. 2000. Vol. 105, № 6. P. 1523–1558.*

¹³ Атомная эра: вклад Академии наук [Электронный ресурс]. URL:<https://www.ras.ru/atom/3dc4bd79-d28f-4863-ad05-fa8a175c8c49.aspx>. (дата обращения: 11.03.2016).

¹⁴ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 81.

¹⁵ Кафтанов С. В. По тревоге // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 8.

¹⁶ Володин Б. Рассказ профессора Балезина // Химия и жизнь. 1985. № 6. С. 20.

¹⁷ Распоряжение ГКО № ГОКО-2872сс о дополнительных мероприятиях в организации работ по урану // Атомный проект СССР... М., 1998. Т. 1, ч. 1. С. 306.

авторитет»¹⁸. Формальной основой такого авторитета для ученого было членство в Академии наук. В 1943 г. Отделение физико-математических наук АН СССР выдвинуло кандидатуру И. В. Курчатова в действительные члены Академии, минуя звание члена-корреспондента. Власть отслеживала этот процесс. Руководитель повседневными работами по урану М. Г. Первухин до официальной публикации списков кандидатур в печати получил справку АН СССР о кандидатах в действительные члены Академии, среди которых был И. В. Курчатов¹⁹. Правительство не зря было обеспокоено усилением статусной позиции молодого физика: на выборах он проиграл А. И. Алиханову. Комиссия ЦК ВКП(б) по выборам в Академию наук СССР (одним из членов которой был тот же М. Г. Первухин) индивидуально переговорила почти со всеми академиками физического отделения, после чего И. В. Курчатов был избран академиком по специально выделенной для него вакансии²⁰.

Что касается других специалистов, которые привлекались к «работе над ураном» в первые годы атомного проекта, они характеризовались как «исключительно талантливые», «выдающиеся» и «видные» ученые, «специалисты и тонкие знатоки», «лучшие в Союзе знатоки», «имеющие глубокие познания», «исключительно способные и умелые» работники, «блестящие инженеры»²¹. Эта установка на поиск наиболее талантливых и квалифицированных специалистов в своих областях сохранилась и тогда, когда началась массовая мобилизация кадров для основных объектов атомных производств после принятия постановления Государственного комитета обороны «О Специальном комитете при ГОКО» в 1945 г.²² В нем подчеркивалось, что комплектование кадрами специальных предприятий Первого главного управления обязательно должно

¹⁸ Кафтанов С. В. Указ. соч. С. 8.

¹⁹ Из справки АН СССР о кандидатах в действительные члены Академии // Атомный проект СССР.. М., 1998. Т. 1, ч. 1. С. 313.

²⁰ Смирнов Ю. Н. Курчатов и власть // Вопр. истории естествознания и техники. 2003. № 1. С. 39.

²¹ Записка И. В. Курчатова Л. П. Берии об ученых, привлечение которых необходимо для работ по проблеме // Атомный проект СССР.. М., 2002. Т. 1, ч. 2. С. 162–163; Записка И. В. Курчатова М. Г. Первухину о необходимости привлечения к работам Л. Д. Ландау и П. Л. Капицы // Там же. М., 1998. Т. 1, ч. 1. С. 325; Записка И. В. Курчатова М. Г. Первухину о привлечении к работам П. Я. Глазунова, В. И. Спицына и В. В. Фомина // Там же. С. 329; Письмо И. В. Курчатова Уполномоченному ГКО по науке С. В. Кафанову о помощи Г. Н. Флерову в связи с его болезнью // Там же. С. 284.

²² Постановление ГОКО № 9887сс/оп «О Специальном комитете при ГОКО» СССР // Атомный проект СССР.. Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 11–14.

вестись методом индивидуального отбора²³. Были разработаны анкеты ведущих (преимущественно ученых) и прочих работников, позволявшие отследить профессиональные достижения (и их сроки), личные моральные качества (изучались по характеристикам и отзывам), наличное материальное обеспечение (оклад, нормы снабжения, жилплощадь и коммунальные удобства), семейное положение (с указанием количества иждивенцев)²⁴. Все данные, как уже было сказано, проверялись органами госбезопасности СССР.

Отказаться отобранному было практически невозможно, особенно если он был из «рядовых» участников. На них распространялся принцип обязательной трудовой повинности: приглашение на работу в секретной зоне предполагало обязательное согласие. В качестве примера такой «вербовки» типичен рассказ В. Я. Комарова (в 1961–1971 гг. главного энергетика завода «Электрохимприбор»). Получив в 1949 г. в Свердловском обкоме КПСС предложение работать на новом предприятии, он пытался отказаться: не хотелось уезжать из Свердловска, где на тот момент работал и имел квартиру в центре города. Но в обкоме с ним «...разговор повел майор. Он чуть ли не в приказной форме предложил мне перейти на новое место работы. Я с не меньшей настойчивостью отказывался. Дело дошло до того, что я заявил, что я беспартийный, и решение обкома для меня не обязательно»²⁵. Последним аргументом стало ознакомление с постановлением Совета министров СССР, где его фамилия значилась как утвержденная. Без дальнейших уговоров В. Я. Комарову назвали дату, когда он должен прибыть на «один из строящихся заводов новой отрасли промышленности».

В целом в качестве мобилизующих средств действовали традиционные «кнут и пряник»: завлекали обещаниями интересной работы, должностных перспектив, материальных благ; грозили исключением из партии или комсомола, забирали паспорта, вынуждая тем самым согласиться, угрожали доставить к новому месту работы под вооруженным конвоем. Многочисленные воспоминания «первопроходцев» свидетельствуют: подавляющее большинство соглашалось без принуждения.

²³ Протокол № 53 заседания Специального комитета при Совете министров СССР // Атомный проект СССР.. Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 244.

²⁴ Основные сведения для обследования ведущих работников : материалы из архива РНЦ «Курчатовский институт» // Вопр. истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 121.

²⁵ Комаров В. Я. Записки главного энергетика: фонды музея Учеб.-выставоч. центра ФГУП «Комбинат „Электрохимприбор“» // Главный секрет : сб. воспоминаний ветеранов градообразующего предприятия / сост. В. А. Шипулин. Лесной, 2004. С. 19–20. [Рукопись].

Для одних привлекательными были возможности решения сложных профессиональных задач, новые достижения и карьерные перспективы (как правило, это ученые и инженерно-технические работники). Для других – обещания материального благополучия (отдельная квартира, повышенная зарплата)²⁶. Для третьих это была возможность изменить свой социальный статус. Например, для молодых людей, окончивших ремесленные училища, куда они были отправлены учиться от колхозов²⁷. Оргнабор в закрытый «атомный» город избавлял их от необходимости возвращаться в деревню и в перспективе превращал бывших колхозников в городских жителей. Большинство же при рекрутировании давали согласие, потому что «так было принято», «так было надо», это было «задание государства, партии». Показательно, что во многих воспоминаниях вообще отсутствует сюжет о том, как проходило приглашение на работу. Мемуаристы просто констатируют этот факт, используя слова «назначили», «перевели», «направили», «распределили».

Если говорить о социальных фильтрах, пол не был тем критерием отбора, который препятствовал или облегчал вхождение в систему. Однако сложившиеся практики свидетельствуют, что в этом вопросе были свои особенности. В отношении половой принадлежности можно отметить превалирование мужчин среди ученых атомного проекта (но это общая тенденция в научной среде) и преобладание женщин в радиохимических подразделениях секретных атомных предприятий и среди служащих закрытых городов. Например, на первом в нашей стране заводе по производству плутония (производственное объединение «Маяк», г. Озерск) женщины (в первую очередь химики-технологи) составляли более 60 % от общего числа инженерно-технических работников²⁸. Объяснить это можно тем фактом, что именно женщины в годы войны в большинстве своем могли получать образование, и гипотезой, что женщин по какой-то причине привлекала профессия химика²⁹. В целом же подчеркнем, что при комплектовании кадров закрытых городов для благоприятной со-

²⁶ Чтобы усилить интерес к будущей работе и быстрее получить согласие, представители по отбору кадров для ПГУ могли преувеличивать полагавшиеся блага, что в дальнейшем вызывало жалобы завербованных, столкнувшихся с иной, чем в обещаниях, реальностью (Протокол № 71 заседания Специального комитета при Совете министров СССР // Атомный проект СССР... Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 320).

²⁷ Лойша В. А. Мы потерпели победу: Рассказы о 25-м объекте. Томск, 2011. С. 38, 42.

²⁸ Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006. С. 41.

²⁹ Подробнее об этом см.: Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание / отв. ред. В. В. Лунин. М., 2013. 429 с.

циальной и брачно-семейной обстановки старались поддерживать пропорциональное количество одиноких мужчин и женщин.

Возрастной фильтр не жестко, но все-таки действовал на уровне различных слоев общности участников атомного проекта. Ставка была сделана на молодые возрастные категории. Например, в год выхода распоряжения «Об организации работ по урану» (1943), с которого началось активное привлечение ученых, А. И. Курчатову, А. П. Александрову, А. И. Лейпунскому было по 40 лет, А. А. Бочвару – 41 год, А. И. Алиханову, Ю. Б. Харитону, З. В. Ершовой – по 39, К. И. Кикоину, Л. Д. Ландау, Л. А. Арцимовичу, В. И. Корнфельду – по 34–35 лет, Я. Б. Зельдовичу, Г. Н. Флерову, И. Я. Померанчуку – по 29–30. Из «старших товарищей» одним из самых возрастных был А. Ф. Иоффе (63 года), другие были моложе: В. Г. Хлопин – 53 года, П. Л. Капица – 49 лет, И. Е. Тамм – 48 лет, Н. Н. Семенов – 47 лет. Конечно, этот подсчет несколько условен, поскольку некоторые из перечисленных выше вошли в проект годом-двумя позже, однако здесь видна тенденция предпочтения молодых когорт, которую более четко можно проследить, анализируя социально-демографические характеристики населения закрытых атомных городов. Специфический отбор привел к тому, что средний возраст взрослых трудоспособных граждан (формировавших постоянное население), которые приехали в первое десятилетие существования пяти закрытых городов Урала (1945–1955), составлял около 25 лет, тех, кто приехал во второе десятилетие, – 27 лет. Наиболее старшей по возрасту была группа инженерно-технических работников, имевших средний возраст 29 лет. В целом в структуре городского населения доминировала возрастная группа от 18 до 39 лет (составляя около 50 % на рубеже 1950–1960-х гг.)³⁰. В обыденном представлении молодые люди в возрасте 16–20 лет считались «пацанами», 20–25 лет – «молодежью». Тех, кому было около 30 лет или чуть больше, относили уже к «старикам», перешагнувших сорокалетний рубеж – к «дедам»³¹. Выбор молодых был обусловлен тем, что они были легки на подъем, неприхотливы, не «задавлены» авторитетами, а потому креативны, стремились к новому, были более авантюристами, а значит, не боялись риска, являлись более здоровыми, наконец. Физическое здоровье как

³⁰ Мельникова Н. В. Закрытые города Урала: своеобразие социально-демографических процессов (конец 1940-х – 1960-е гг.) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: сб. науч. тр. / отв. ред. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 106.

³¹ Кащеев Н. А. Моя история: Что было, то было. Н. Тура, 2014. С. 103.

критерий отбора фигурирует в постановлениях Совета министров СССР, касающихся кадрового обеспечения³². В воспоминаниях жителей закрытых атомных городов содержатся сведения о прохождении медкомиссии до отправки на секретный объект: «Анализ крови и мочи, рентген, измерение давления и объем легких. Постучали молоточком по коленам, взвесили и измерили рост, как будто в армию, а не на работу. <...> Через трое суток все повторилось: анализы, рентген, и вновь трое суток – свободны. [Затем] консилиум врачей»³³.

Немаловажными социальными фильтрами включения в число резидентов атомного проекта были национальность, социальное происхождение, членство в ВЛКСМ или КПСС, судимость, нахождение в плену или на оккупационной территории в годы Великой Отечественной войны, проживание в пограничных районах, прибалтийских республиках и за границей, наличие зарубежных родственников³⁴. Все эти факторы могли свидетельствовать о политической благонадежности кандидата, о его потенциальной лояльности власти.

На практике эти фильтры действовали не столь строго, как этого следовало бы ожидать, исходя из серьезности задачи и общего подхода к делу как сугубо секретному государственному мероприятию. По социальному происхождению преобладали выходцы из рабочих (45 %) и крестьянских (36 %) семей. Из служащих было около 18 % населения закрытых городов. Около 1 % приходилось на потомков дворян, мещан и духовенства. По национальному составу можно предположить, что предпочтение отдавалось славянским национальностям, по крайней мере, это показало исследование пяти закрытых атомных городов Урала, где русские, белорусы и украинцы составляли в среднем до 83 %³⁵. Что же касается «пятого пункта», бывшего препятствием во многих сферах жизни в «период борьбы с безродными космополитами», то среди уче-

³² См., например: Постановление СМ СССР № 792-257сс «Об обеспечении кадрами Государственного химического и Государственного машиностроительного заводов Первого главного управления при Совете министров СССР» // Атомный проект СССР.. Москва ; Саров, 2002. Т. 2, кн. 3. С. 423; Постановление СМ СССР № 4636-ШЗсс «О дополнительном обеспечении кадрами Государственного химического завода» // Там же. Москва ; Саров, 2003. Т. 2, кн. 4. С. 206.

³³ Митюков А. В. Записки конструктора. Лесной, 2004. С. 7.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 5. Л. 97; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 6. Л. 26–30.

³⁵ Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. С. 43.

ных, занятых в атомном проекте, по некоторым мнениям³⁶, было «непропорционально большое число евреев» (хотя процент этот еще никем не подсчитан). Конечно, для представителей НКВД/КГБ или партийных функционеров графа «национальность – еврей» была особым маркером, априори свидетельствующим о неблагонадежности³⁷. Однако присутствие «пятого пункта» в анкете не мешало человеку стать участником атомного проекта, если его человеческий ресурс был востребован для достижения конечной цели. Такая же практика существовала в отношении партийности: считалось, что беспартийным аполитичным сотрудникам нельзя доверять³⁸, но на деле беспартийными были большинство из научной верхушки проекта и руководителей среднего звена. В 1947 г. заместитель начальника Первого главного управления генерал А. С. Александров докладывал Л. П. Берии о проблеме такого рода в КБ-11: «...комплектование лабораторий руководящими научными кадрами имеет тот недостаток, что среди них почти нет членов партии. Только один человек – тов. Щёлкин К. И., заместитель главного конструктора, он же начальник лаборатории натуральных испытаний, – является коммунистом, остальные – все беспартийные»³⁹. Генерал предлагал срочно укреплять лаборатории «молодыми способными инженерами – членами ВКП(б) и ВЛКСМ». Эту же тенденцию (преобладание беспартийных) можно обнаружить и на уровне рядовых участников, составлявших население закрытых атомных городов. Например, на Урале в период формирования этих городов доля беспартийных (58 %) уверенно превышала долю коммунистов и комсомольцев (42 %) ⁴⁰. И другие фильтры, из перечисленных выше, «срабатывали» не всегда. В некоторых случаях на нарушение негласных критериев отбора, таких как членство в партии/ВЛКСМ или «пятый пункт», сознательно закрывали глаза, если человеческий ресурс работника был необходим. Так было,

³⁶ *Тектинер А.* Участие евреев в защите СССР // Заметки по еврейской истории : [сетевой журн. евр. истории, традиций, культуры]. 2013. № 5. URL: http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer5/ATiktiner1.php#* (дата обращения: 08.04.2016).

³⁷ *Илизаров С. С.* «Свои чужие»: Из истории социальной стратификации советской научной элиты // Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова : годич. науч. конф., 1998. М., 1999. С. 173–175.

³⁸ См., например: Докладная записка о состоянии работы с кадрами на объекте тов. Зернова П. М., 20 ноября 1950 г. // История создания ядерного оружия в СССР... Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 50.

³⁹ Докладная записка А. С. Александрова Л. П. Берии о результатах поездки на объект № 550 // Атомный проект СССР... Москва ; Саров, 2006. Т. 2, кн. 6. С. 257.

⁴⁰ *Мельникова Н. В.* Феномен закрытого атомного города. С. 43.

например, с Г. Н. Флеровым, чей дядя эмигрировал в Америку (и это было известно из его анкеты⁴¹), но он продолжал работать над проектом. Так было с беспартийным Л. В. Альтшулером, когда его, известного своими симпатиями к генетике и «аполитичными» высказываниями, служба безопасности решила выслать с объекта как неблагонадежного. Но достаточно было одного личного звонка по ВЧ-связи научного руководителя КБ-11 Ю. Б. Харитона Л. П. Берии, чтобы ученый остался на свободе и в научном коллективе⁴². В других случаях, когда к работе в атомном проекте привлекались люди с сомнительными фактами в биографии, сказывалась и нехватка рабочих рук в стране в целом после разрушительной войны, и человеческий фактор – невнимательность работников отделов кадров атомных производств при просмотре анкет. Так, на секретные объекты на уровне «рядовых» работников могли попасть имеющие родственников за границей, судимые, алкоголики, «ведущие разгульный образ жизни»⁴³. Однако уже на местах включался следующий барьер – это проверки первого и режимного отделов, которые выявляли случаи нарушения, брали под контроль потенциально опасных резидентов или выселяли их из закрытого города, выводя за рамки социальной общности. Так что бытующее в закрытых городах представление о населении как об «отборных людях» имело под собой реальные основания. И мы можем распространить его на участников советского атомного проекта в целом.

8.2. Социальная профессионально-территориальная «атомная» общность корпоративного типа

В 1944 г. в отношении ученых⁴⁴ были сформулированы принципы организации «атомного» социального пространства, распространенные затем и на другие его социальные страты. Это пространственная локализация «работающих над вопросами урана в одном месте» и «специальное привилегированное положение» этих работающих. Следуя

⁴¹ Докладная записка о состоянии работы с кадрами на объекте тов. Зернова П. М., 20 ноября 1950 г. С. 51.

⁴² Экстремальные состояния Льва Альтшулера / под ред. Б. Л. Альтшулера, В. Е. Фортова. М., 2011. С. 82–83.

⁴³ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 17, 29. С. 43.

⁴⁴ Записка В. А. Махнева Л. П. Берии к проекту постановления ГКО о мерах по обеспечению работ Лаборатории № 2 // Атомный проект СССР... М., 2002. Т. 2, ч. 2. С. 159.

этим принципам и описанным выше критериям и фильтрам отбора, за 1940–1950-е гг. усилиями власти сформировалась особая социальная группа, которая превратилась в социальную профессионально-территориальную общность корпоративного типа. Мы можем обособить ее по производственной направленности (создание атомного оружия), территориальному критерию (как минимум, это территория десяти закрытых атомных городов), по устойчивым связям и отношениям, довольно высокой степени сплоченности, по своеобразной системе ценностей и образу жизни. Ее образовывали как ученые, непосредственно работавшие над урановой проблемой в научных институтах АН СССР и различных наркоматах/министерствах («ядерное научное сообщество», по В. П. Визгину⁴⁵), так и работники научных центров по разработке ядерных боеприпасов и промышленных комбинатов по их производству, а также жители закрытых атомных городов. Нельзя сказать, что эта социальная общность была гомогенна, в ее составе можно выделить разные страты, но все же это было целостное образование. Опираясь на теорию рационального ценностно-ориентированного поведения Н. Смелзера и теорию акционализма А. Турена⁴⁶, можно обозначить ее основные признаки.

Во-первых, необходимо признать наличие в этой среде единой системы ценностных ориентаций. Имея четкую цель – создание и совершенствование атомного оружия, люди воспринимали работу в закрытом городе (не важно, на атомном комбинате или ином предприятии) как обеспечение мира, укрепление обороны страны, выполнение важной задачи партии и правительства. Общая идея – защита Родины – была проста и понятна, с ней могли солидаризироваться самые разные участники проекта. Каждый, внося свой посильный вклад в реализацию совместной цели, «присваивал» ее, начиная ощущать как «свою». Это переплетение социальной и личностно значимой ценностей деятельности формировало корпоративное единство.

Во-вторых, наличие харизматичных лидеров (И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон, Е. И. Забабахин, Е. П. Славский и др.), которые, выполняя значимую общественную миссию, «цементировали» сообщество и открывали своим последователям новые горизонты. Их личности

⁴⁵ Визгин В. П. Понятие ядерного сообщества – ключ к пониманию социокультурных особенностей советского атомного проекта // Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова : годич. науч. конф., 2004. М., 2004. С. 327.

⁴⁶ Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология. М., 2001. С. 115–116.

воспринимались как исключительные, наделенные особыми качествами. Доверяя и подчиняясь им, люди работали с эмоциональной самоотдачей.

В-третьих, наличие общего внешнего врага. Это и западный капитализм вообще, который предстал в образе врага с начала существования советского государства, и американский империализм в частности. Причем если на общегосударственном уровне образ США как внешней угрозы отчетливо оформился во второй половине 1947 г.⁴⁷, то для участников атомного проекта это произошло значительно раньше. Опасность «введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба» подчеркивалась И. В. Курчатовым, знакомым с соответствующими разведматериалами, уже в 1942 г.⁴⁸ С испытанием США атомной бомбы в 1945 г. эта угроза стала реальностью, которая осознавалась участниками атомного проекта. «Агрессивность» США понималась не столько как идеологическая враждебность «прогнившей» империалистической системы по отношению к «прогрессивной» социалистической, сколько как физическая угроза, исходившая от страны, имеющей атомное оружие. Это было важнейшим механизмом консолидации и мобилизации «атомной» социальной общности.

Внутри сообщества действовал особый социальный контроль, проистекающий от секретности и режимности. Все участвующие в проекте давали подписку о неразглашении сведений, составляющих государственную тайну. К ним относилась информация о содержании работ, о самом «атомном» предприятии или учреждении, его месторасположении, описание близлежащих районов, структура предприятия, производственная направленность, сырье, выпускаемая продукция, оборудование, мощности, технология производства, кадры, руководство⁴⁹. Подписка предупреждала о лишении свободы сроком от 4 до 15 лет за разглашение секретных сведений. Регламентировались работа с документами (кому и где можно работать с тем или иным документом), доступ в служебные помещения; контролировалась и ограничивалась свобода передвижения; прослушивались телефонные разговоры; отслеживались темы и содержание бесед в неформальной обстановке; про-

⁴⁷ Фатеев В. А. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М., 1999.

⁴⁸ Докладная записка И. В. Курчатова В. М. Молотову с анализом разведматериалов и предложениями об организации работ по созданию атомного оружия в СССР // Атомный проект СССР... М., 1998. Т. 1, ч. 1. С. 279.

⁴⁹ ГААСО. Ф. 1 Оп. 2. Д. 30091. Л. 36.

сма тривалась личная корреспонденция⁵⁰. Такой социальный контроль становился частью внутреннего контроля. «Были ли мы в большой компании, или только вдвоем с близким сослуживцем у кого-либо дома, или на лодке посреди озера Иртяш, абсолютно трезвые или в веселом настроении после нескольких рюмок или бокалов горячительных напитков, – вне рабочей обстановки у нас никогда не возникали разговоры на служебные темы. Даже с женой, работая на одном реакторе <...> мы всегда придерживались этого правила», – вспоминает свою работу в конце 1940-х гг. на заводе «Маяк» П. А. Журавлев, будущий директор другого атомного предприятия – Сибирского химического комбината⁵¹.

У «атомного» сообщества появлялся свой язык. Существовала система специальных обозначений применяемых материалов и методов, которая была одобрена на заседании Специального комитета при Совете министров СССР в 1949 г.⁵² Так, слово «уран» в переписке с уранодобывающими предприятиями обозначалось словом «стронций» (для Комбината № 6), «свинец» (для Дальстроя СССР), «фосфор» (для Министерства металлургической промышленности), «титан» (для Министерства геологии), «смола» (для Комбината № 7). В переписке с научно-проектными и исследовательскими организациями уран-238 следовало называть «кремнил», уран-235 и 233 – «кремнил I и II» соответственно, плутоний заменялся на «аметил», радий – на «воприл», цепная реакция становилась «окислением», обогащение – «увлажнением», вредные излучения – «отходящими газами». Уран-графитовый реактор скрывался под «конденсационным методом», газодиффузионный метод в документах был «турбулентным», а электромагнитный метод – «гравитационным». Атомная, а позднее и водородная бомба в официальных документах называлась «изделие». В дискурсе закрытых «атомных» городов «изделием» или «продукцией» именовались любые разновидности производимого на секретных предприятиях (за этими словами мог скрываться уран, плутоний, литий, детали атомной бомбы и пр.). Все производственные единицы атомного проекта именовались «объектами». Охраняемые и огороженные жилые поселки, возводимые вокруг «атомных» предприятий, – «зонами». В противовес «зоне» внешняя тер-

⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 52, 70, 76, 97; Д. 115. Л. 25; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 5. Л. 98; Оп. 7. Д. 1. Л. 88.

⁵¹ Журавлев П. А. Мой атомный век // Славский Е. П. Творцы атомного века. М., 2013. С. 91.

⁵² Протокол № 73 заседания Специального комитета при Совете министров СССР // Атомный проект СССР... Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 345–351.

ритория считалась «большой землей». Ядерный реактор назывался «котел». Первый промышленный атомный реактор (объект «А») – «Аннушкой», первая серийная атомная бомба – «Татьяной». Работники особо вредных производств (в частности, на первом советском плутониевом заводе), которые получали за производственную «вредность» плитку шоколада, звались «шоколадниками»⁵³. «Козлами» называли спекшиеся с графитом урановые блочки (распространенная и неприятная проблема на начальных этапах работ); «харитонками» – каплевидные застывшие образования, выпавшие по следу радиоактивного облака на поверхности земли после испытания; ХИВами – лебедки на поглотителях реактора, которые предложил установить И. В. Курчатов («хреновины Игоря Васильевича», о которые все запинались и падали)⁵⁴. Тонкая игра слов в известной среди атомщиков шутке про «обхаритонить» и «забабахать» американцев замечательно обыгрывает фамилии научных руководителей коллективов-разработчиков ядерного оружия Ю. Б. Харитона и Е. И. Забабахина и показывает направленность и значение создания советской атомной бомбы как процесса, цель которого догнать, сравняться, обойти и превзойти США.

И наконец, у «атомного» сообщества существовала собственная система мобилизации сил и подготовки их к работе. Сначала для этого использовались головные научные организации (Лаборатория № 2, НИИ-9 и др.), куда на стажировку, переквалификацию отправлялись первые работники. На исключительное обслуживание «атомных» предприятий переводился ряд ремесленных училищ (например, училища металлистов в г. Невьянске и в г. Челябинске)⁵⁵. Открывались специализированные факультеты вузов (часто с «закрытыми» кафедрами) и учебно-научные центры (Институт физики атомного ядра при МГУ). Первому главному управлению в 1945 г. был передан Московский ме-

⁵³ Рыбакова О. С. Воспоминания: фонды Музея трудовой славы «Производственного объединения “Маяк”. Челябинск-65, 1973. С. 17. [Рукопись].

⁵⁴ Брехович Б. В. Игорь Васильевич Курчатов на Южном Урале – в Челябинске-40: воспоминания ветеранов. Озерск, 1993. С. 20; Горелик Г. Наука и жизнь в 1949 году, или Водородная бомба в мичуринском саду // Знание – сила. 1994. № 8. С. 132; Матущенко А. П. «Харитонки» // Рассказы атомщиков: И в шутку, и всерьез: сб. / сост. А. И. Веретенников. М., 1998. С. 102.

⁵⁵ Постановление СМ СССР № 2934-950сс «Об укомплектовании кадрами Государственного химического и Государственного машиностроительного заводов Первого главного управления при Совете Министров СССР» // Атомный проект СССР... Москва; Саров, 2002. Т. 2, кн. 3. С. 306.

ханический институт⁵⁶, в котором был организован инженерно-физический факультет. Институт (с 1953 г. – Московский инженерно-физический) стал ведомственным высшим учебным заведением, филиалы которого с 1952 г. открывались в закрытых атомных городах.

8.3. Многомерная социальная стратификация «атомной» общности

Складывающаяся социальная «атомная» общность обладала сложносоставным ядром, которое включало наиболее ярких выразителей сущностных свойств общности. Состав ядра определялся как по властным, так и по меритократическим основаниям. Руководители формирующейся отрасли (Л. П. Берия, Б. Л. Ванников, М. Г. Первухин) были преимущественно формальными властными лидерами. Ученые и руководители научных организаций и производственных предприятий (И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон, И. К. Кикоин, К. И. Щёлкин, Е. И. Забабахин, Е. П. Славский, Б. Г. Музруков, Д. Е. Васильев и др.) сочетали властные и меритократические позиции и воспринимались как харизматические исключительные личности, наделенные особыми качествами. Вызывая эмоциональную самоотдачу, они обеспечивали доверие и подчинение периферии, «цементируя» всю общность. Те, кто составляли ядро, задавали точки координат, на которые ориентировалась социальная периферия «атомной» общности, перенимая их ценности, нормы, установки, стереотипы поведения, мотивацию: интерес к преодолению (трудностей), творческий характер работы, напряженный труд, добросовестность, инициативность, готовность к риску, работа любой ценой. Они были носителями главной установки – на укрепление обороноспособности страны, которая формировала понимание необходимости создания отечественного ядерного оружия в максимально короткие сроки и высокое чувство ответственности за результаты труда.

Ключевыми фигурами социального ядра атомной общности были ученые, ведущие исследования в области ядерной физики, а также химики, математики, конструкторы, металлурги и другие специалисты, участвующие в разработке атомного оружия. Они были элитой этой

⁵⁶ Постановление ГОКО № 9943сс/оп «О предоставлении Первому главному управлению при СНК СССР помещений, выделении оборудования, автотранспорта и фондов продовольственного снабжения» // Атомный проект СССР... Москва; Саров, 2000. Т. 2, кн. 2. С. 11.

социальной общности, в том смысле, что представляли собой верхний ее слой, занимая ведущие позиции по профессиональным, экономическим показателям и даже по властным критериям, принимая решения и обладая возможностью влиять на принятие решений политическими деятелями.

«Атомное» научное сообщество не было однородным. Главными в проекте считались физики-теоретики (которые выдвигают идеи, обеспечивая работу всем остальным). Они выдавали задания математикам, которые «рассчитывали» идею; экспериментаторы в ходе эксперимента определяли схему заряда; конструкторы, работая с теоретической моделью, должны были воплотить ее в реальность. Основными активами, на основании которых выстраивалась иерархия, были человеческие ресурсы (знания, мастерство) и информация (доступ к секретным документам, степень владения полнотой информации, позволяющая представить масштаб всех работ).

Если ядро общности атомного проекта находилось в столичных советских городах – Москве и Ленинграде, в научно-исследовательских учреждениях и в органах управления проектом, то социальная «периферия» «атомной» общности сосредоточилась главным образом в закрытых атомных городах. Они были «узлом» пересечения социально-профессиональной, социально-личностной, социально-информационной и пространственной стратификации.

С 1945 по 1958 г. было создано 10 подобных городов: пять на Урале, три в Сибири и два в европейской части РСФСР. Их история начиналась с жилых поселков, построенных в местах расположения предприятий ядерно-оружейного комплекса. Первоначальные проекты некоторых подобных поселений предполагали, что внутри охраняемой территории будет находиться только градообразующее предприятие⁵⁷, однако от этой идеи вскоре отказались. Опираясь на знания об американском опыте строительства подобных объектов⁵⁸, а также на отечественную традицию существования городов-заводов и практику пространственной организации ГУЛАГа, вокруг атомного предприятия и рабочего поселка создавалась сплошная контролируемая зона. Она представляла собой два забора (с несколькими нитями колючей проволоки сверху),

⁵⁷ Реут Г. А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск, 2012. С. 62.

⁵⁸ Brown K. The Closed Nuclear City and Big Brother: Made in America // *Ab Imperio*. 2011. № 2. P. 159–187.

между которых проходила контрольно-следовая полоса. Весь периметр охранялся специальными войсковыми частями. Тысячи советских граждан должны были приспособиться к жизни в условиях территориальной изоляции⁵⁹.

Поскольку новая (атомная) промышленность создавалась «с колес», планирование было затруднено. Это касалось и представлений о количестве населения, которое, как изначально казалось, будет небольшим, например, до 1,5 тыс. чел.⁶⁰ Поэтому поселения виделись как поселки с простейшей социально-бытовой инфраструктурой. В основном по такому принципу в период с 1946 по 1949 г. застраивались первые советские закрытые атомные города (Саров, Новоуральск, Лесной, Озерск⁶¹)⁶². Масштабы строительства атомных предприятий росли так быстро (а с ними и количество работающих), что уже на рубеже 1940–1950-х гг. стала понятна необходимость расширения поселков и возведения городов. «Речь идет не просто о строительстве жилья, речь идет о строительстве города. Мы хотим построить прекрасный город в самый кратчайший срок», – подчеркивал в выступлении на городском активе в мае 1949 г. главный инженер плутониевого завода № 817 Е. П. Славский (позднее – министр среднего машиностроения советского «атомного» министерства)⁶³. Строительство закрытых атомных городов на практике стало попыткой воплощения идеи «социалистического города», существовавшей в СССР с конца 1920-х гг., – тщательно распланированного, максимально удобного и для реализации производственных задач, и для комфортного проживания людей, олицетворяющего тем самым достижения социалистического строя. Строящиеся поселки стали позиционироваться как города. Так их и воспринимали «рядовые» резиденты, для которых место их обитания было «соцгородом» с самого

⁵⁹ До середины 1950-х гг. на одних подобных объектах, как, например, плутониевый завод в Челябинской области, выезд за пределы по личной необходимости был запрещен, на других – был максимально ограничен (специальное разрешение (которое могло быть и не дано) требовалось даже на выезд на похороны близких родственников). Поощрялось проведение отпусков в закрытой зоне.

⁶⁰ Постановление СМ СССР № 804-326сс «О подготовке, сроках строительства и пуска завода № 813» // Атомный проект СССР... Саров, 2000. Т. 2, кн. 2. С. 206.

⁶¹ Использованы современные названия городов.

⁶² Ямалетдинов С. Ф. Параллельное градостроительство: организация проектирования закрытых городов атомной промышленности // Изв. высш. учеб. заведений. Строительство. 2011. № 11. С. 87.

⁶³ Цит. по: Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «сороковки». Екатеринбург, 1995. С. 359.

начала строительства и даже в то время, когда условия были худшими, чем в близлежащих мелких населенных пунктах.

До середины 1950-х гг. основой архитектурного решения городской застройки закрытых атомных городов была идея города-ансамбля, подчиненного единому художественному замыслу через использование приемов классических стилей. В городской архитектуре, относящейся к указанному времени, прослеживается заимствование образов Петербурга-Ленинграда⁶⁴. При строительстве применялось зонирование территории с учетом направления ветров, что позволяло создавать относительно благоприятную экологическую обстановку. Территории, отведенные под промышленные площадки, были отделены от жилых массивов санитарно-защитной зоной, в которой размещались коммунально-складские объекты. Так «техногенное» диктовало схемы формирования городской среды и архитектурного пространства.

В организации архитектурного пространства этого периода закодирована специфика особой системы власти в закрытых городах. Городской доминантой в них были не дома советов (здания городской администрации), а дома культуры или театры. Приращение роли главного советского идеологического символа в архитектуре объясняется тем, что в начальные годы существования в этих городах отсутствовали общепринятые конституционные органы советской власти. Они появились на первых секретных объектах только в 1954 г., когда поселениям стал присваиваться статус города. При этом еще долгое время органы советской власти не имели полноценной силы управления, поскольку вся власть сосредотачивалась в руках администрации градообразующего предприятия. Также после середины 1950-х гг. начали составляться полноценные городские генеральные планы⁶⁵, в которых стилистика «сталинского ампира» уступила место индустриальному домостроению с укрупненными кварталами. Следующие города, строящиеся с учетом опыта первых (Саров, Озерск, Новоуральск, Лесной), имели генераль-

⁶⁴ Ямалетдинов С. Ф. Красноярск-26: формирование архитектурно-пространственной среды закрытого города в 1950-е годы [Электронный ресурс] // Архитектура и искусство Италии, Германии и России «тоталитарного» периода: междунар. научн. конф. MONUMENTALITA & MODERNITA. СПб., 2010 URL: <http://www.kapitel-spb.ru/index.php/component/content/article/50-yamaletdinov?showall=1>.

⁶⁵ Мельникова Н. В., Новиков О. В. Генеральные планы развития г. Лесного // Атомные города Урала. Город Лесной: энцикл. / под общ. ред. В. В. Алексеева, Г. Н. Рыкованова. Екатеринбург, 2012. С. 63–64.

ный план практически с начала застройки⁶⁶. Таким образом формировались композиционно целостные города с комплексной застройкой жилых улиц и кварталов, наличием развитой парковой территории и включением элементов природной среды в планировку города.

Города довольно быстро благоустраивались, пространство облагораживалось. Красота окружающей природы, наличие водоемов (обязательных для производственного процесса) и высокий уровень комфорта вызывали у местных жителей (и у тех редких приезжих, прибывающих в город по служебной необходимости) ассоциации с «городами-курортами», заставляли резидентов идентифицировать свои города как «русскую Швейцарию», поднимая тем самым их уровень по сравнению с «обычными» городами. Те, кто жил по другую сторону забора, считали, что там устроили «пробный коммунизм»⁶⁷.

В целом, будучи точкой пересечения разных видов стратификации, социальное ранжирование в закрытых городах повторяло общую схему «атомной» общности, имея, в частности, схожее ядро. Оно было представлено учеными, которые курировали то или иное направление деятельности на местах, и руководителями градообразующих предприятий и организаций. Их высокий официальный статус, обусловленный включением в номенклатуру отрасли (что предопределяло их заметное влияние на политику предприятия, а отчасти и самой отрасли), подкреплялся неформальным лидерством в своих коллективах. Последнее было обусловлено не только опытом, знаниями и деловыми качествами руководителей, но и тем, что в силу своего должностного положения они решали широкий круг вопросов, связанных не только с производством, но и с проблемами быта, самочувствием работников и психологическим климатом в коллективах. Всесильность руководителей определяла их восприятие как носителей высшей власти и на предприятии, и в самом городе, что выражалось в приписывании им соответствующих символических позиций («хозяин города», «царь и бог»). После 1954 г. к социальному ядру могут быть причислены и руководители партийных и советских органов управления, хотя их позиция лидерства базировалась в большей степени на их официальном статусе.

⁶⁶ Ямалетдинов С. Ф. Город-памятник: О ценности историко-архитектурного комплекса города Железногорска // Молодежь и наука : сб. материалов VIII Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 19–27 апр. 2012 г. / отв. ред. О. А. Краев. Красноярск, 2012.

⁶⁷ Сахаров А. Д. Воспоминания : в 2 т. / ред.-сост. Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. М., 1996. Т. 1. С. 163.

Социальная структура закрытых атомных городов, расходящаяся от ядра, может быть изображена в виде «концентрических кругов», отражающих разные уровни приближения к процессу разработки и создания атомного оружия, включенности в производство и, соответственно этому, разные функциональные роли и статусные позиции.

Первым стратификационным делением в закрытых городах было деление на «своих» (т. е. жителей «атомного» объекта) и «чужих»⁶⁸. Другими критериями, на основании которых выстраивалась стратификация, были место работы в городе и профессиональная принадлежность. Население делилось на «комбинатовских» или «институтских» (в зависимости от того, что являлось градообразующим предприятием) и «городских». Даже в официальном дискурсе, отраженном в местном документообороте, работа на градообразующем предприятии называлась «основная деятельность», тогда как все остальные (городские) предприятия, учреждения и организации носили статус «обслуживающих», второстепенных. По отношению к головному предприятию город находился в подчиненном, зависимом и, как правило, в сравнительно менее выгодном положении, что проявлялось в совокупности параметров, являвшихся маркерами социального благополучия (заработная плата, магазины, детские учреждения, жилищные условия⁶⁹ и т. п.). Безоговорочное главенство атомных предприятий как смыслообразующих вело к формированию более высокого социального статуса у их работников по сравнению с *не*-работниками.

⁶⁸ Со временем за пределами закрытого города жители научались идентифицировать других резидентов таких городов по хорошему гардеробу и выражению уверенности на лице. – Авторское интервью с С. А. Соловьевой (в 1982–1995 гг. начальник отдела рабочего снабжения комбината «Электрохимприбор», г. Лесной) от 23 мая 2008 г.

⁶⁹ В ранней застройке закрытых атомных городов даже «читается» территориальное зонирование по социально-профессиональной принадлежности их обитателей. Выделялись поселки строителей, инженерно-технических работников (ИТР), военные городки. При этом именно поселки ИТР считались наиболее комфортабельными, красивыми, имевшими свое архитектурное «лицо», удачно вписанными в рельеф местности. В коттеджах селились те, кто составляли ядро «атомной» общности: научные и административные руководители. Первые такие коттеджи представляли собой сборные щитовые дома и строились по технологиям, полученным по репарациям из Финляндии, за что повсеместно в закрытых городах получили название «финские домики». «Простые» ученые на этапе становления атомных поселений могли иметь просто отдельную комнату в «финском домике», обставленную скромной мебелью; гостиная при этом была общей. Позднее «финские домики» строились как индивидуальное жилье или жилье, рассчитанное на отдельное проживание двух семей.

В первый «круг» социальной периферии атомной общности входили работающие на секретных атомных объектах (по разработке ядерных зарядов, по производству делящихся материалов и ядерных боеприпасов). Их внутренняя иерархия выстраивалась на основании полноты непосредственного участия в производстве атомного оружия. Чем более секретной и, параллельно, рискованной, более ответственной (и более высокооплачиваемой) была работа, тем она была престижнее и желаннее. В итоге те, кто работал в основных цехах и отделах, занимали более статусные позиции, чем те, кто работал во вспомогательных подразделениях. Обслуживающий персонал предприятия занимал более низкую ступень, чем обе вышеназванные категории. Уровень образования и образованности, качество жизни, обладание желанными благами (деньги, квартира, машина, дача) возносили на высшую ступень научных и инженерно-технических работников. Эти профессиональные позиции воспринимались как предельная степень социального развития, возможная в условиях работы и жизни в закрытом городе. Причем они воспринимались таковыми как работающими на градообразующих предприятиях, так и неработающими.

Следующий, уже более отдаленный от ядра слой периферии «атомной» общности составляли остальные жители закрытых атомных городов, которые не работали на градообразующем предприятии и должны были обслуживать трудящихся комбината (или института). Среди «городских» по массовости и показателям материальной обеспеченности как отдельная социальная группа отчетливо выделялись строители (естественно, гражданские, вольнонаемные). Это была вторая категория населения, после работников градообразующего предприятия, которая имела преференции в получении жилья, «собственные» объекты соцкультбыта (например, дома культуры).

Долгое время «городские» не рассматривались как самостоятельная социальная единица, а лишь как «сервисная» группа. Поэтому работа на градообразующем предприятии, в силу ее социально-политической и материально-бытовой ценности, была привлекательной для данной страты. Переход на атомное предприятие сулил повышение социального статуса. Люди желали трудиться на таком предприятии и чувствовать себя частью этого привилегированного слоя, чтобы разделить полагающиеся ему блага и почести. Довольно велико было количество тех, кто предпочитал оставаться без работы, чем работать где-либо, кроме основного предприятия, или выбирал работу не по специальности, но

на «атомном» объекте, на любой должности, пусть и во вспомогательных подразделениях⁷⁰.

На границе «атомного» сообщества находились маргинальные группы – заключенные, военные строители, военнослужащие, имевшие свои специфические стратификационные пирамиды. Термин «маргинальные» употреблен в данном случае в том смысле, что в массе своей это были временные резиденты по отношению к основным социальным группам. Они участвовали на определенных этапах строительства (заключенные и военные строители) или проходили сугубо военную службу и либо не задерживались в системе, либо оставались жить и работать в закрытых городах, образуя тем самым переходную группу (в наименьшей степени это касается заключенных, которых выселяли из городов).

8.4. Региональная наука в структуре «атомной» общности: самопрезентация, внутренняя структура и идентичность

31 июля 1954 г. под грифом «Совершенно секретно» было принято Постановление Совета министров СССР «О строительстве НИИ-1011 Министерства среднего машиностроения»⁷¹, призванного стать «дублером КБ-11»⁷², с целью рассредоточить ядерные центры (своеобразная «страховка» на случай войны) и создать конкурентную среду. Следуя требованиям секретности и обеспечения безопасности, после рассмотрения 20 строящихся и законсервированных различных заводов было решено начать возведение нового предприятия на Урале, в Каслинском районе Челябинской области⁷³. На работу института, как градообразующего предприятия, и на жизнь строящегося города распространя-

⁷⁰ Городской архив Новоуральского городского округа (ГАНГО). Ф. 1. Оп. 73. Д. 1200. Л. 285.

⁷¹ Постановление Совета министров СССР № 1561-701сс «О строительстве НИИ-1011 Министерства среднего машиностроения» // Атомный проект СССР ... Саров ; Москва, 2009. Т. 2, кн. 2. С. 224–225.

⁷² Письмо В. А. Малышева, Б. Л. Ванникова и И. В. Курчатова Г. М. Маленкову с представлением проекта постановления СМ СССР о строительстве Научно-исследовательского института (дублера КБ-11) по разработке и созданию атомного и водородного оружия // Атомный проект СССР ... Т. 3, кн. 2. С. 193–195.

⁷³ Письмо А. П. Завенягина, Б. Л. Ванникова, П. М. Зернова и других в Президиум ЦК КПСС с представлением проекта постановления СМ СССР «О мероприятиях по организации работ и ускорению ввода в эксплуатацию НИИ-1011» // Атомный проект СССР... Т. 3, кн. 2. С. 339.

лись режимные ограничения, характерные и для других объектов создающейся атомной отрасли: изолированная охраняемая территория, специальные пропуска, условные термины и адреса, ограничения свободы передвижения, подписки о неразглашении государственной тайны и пр. В этом «закодированном» пространстве предстояло жить и работать будущим сотрудникам уральского ядерного центра. Штатная численность института на 1955 г. определялась в 870 чел., в том числе 600 научных и инженерно-технических работников⁷⁴. Больше половины от числа последних составили специалисты КБ-11. В августе 1955 г. в Сарове был сформирован первый железнодорожный состав, состоящий из пассажирских и товарных вагонов. Этим эшелонам прибыла на Урал первая группа физиков-теоретиков, а также математиков-теоретиков, математиков-прикладников и специалистов по вычислительной технике⁷⁵. В числе первых приехавших физиков были Е. И. Забабахин, Ю. А. Романов, Л. П. Феоктистов и Е. Н. Аврорин. Главным конструктором (с 1959 г. – научным руководителем) был назначен Кирилл Иванович Щёлкин. До 1959 г. создаваемый институт жил «на два дома»: на Урал, где еще не было ни необходимой производственной базы, ни социально-бытовой инфраструктуры, уехала лишь часть работников, а значительное количество исследователей, конструкторов и испытателей продолжали работать в КБ-11.

Все производственные единицы атомного проекта назывались «объектами» (это было общее наименование, маркирующее их как поле приложения сил и действий). Институт на Урале стал «новым объектом» в противовес «старому» – КБ-11, из которого был набран его первоначальный основной кадровый состав. И. В. Курчатов называл НИИ-1011 «молодежным» институтом⁷⁶. Учитывая, что молодость кадрового состава была характерна практически для всех объектов атомного проекта, в данном случае слово «молодежный» скорее подчеркивало статус нового института как недавно образованного и не достигшего профессиональной зрелости. В дискурсе работников НИИ-1011 КБ-11 фигурирует как *alma mater*, с сопутствующим для «растущего организма» желанием эмансипироваться от «родителя»: «избавиться от зави-

⁷⁴ Постановление Совета министров СССР № 586-362сс «О мероприятиях по организации работ и ускорению ввода в эксплуатацию НИИ-1011» // Атомный проект СССР... Т. 3, кн. 2. С. 343.

⁷⁵ Раскрывая первые страницы: К истории города Снежинска (Челябинска-40) / авт.-сост. Б. М. Емельянов. Екатеринбург, 1997. С. 243.

⁷⁶ Там же. С. 163.

симости» и «гнета маститых», от «наследственной» тематики, «сделать все по-своему», доказать свою самостоятельность и состоятельность, заняв свое собственное место и в структуре Министерства среднего машиностроения, и в пространстве советской физики. Желание скорее провести границу между «старым» и «новым» объектами проявлялось и в том, что для сотрудников НИИ-1011, где бы они ни находились, строящийся институт на Урале был основной базой, а часть, оставшаяся на территории КБ-11, – лишь филиалом.

К 1960 г. в институте работало более 5 тыс. чел. Их них в научно-исследовательских и конструкторских подразделениях – около 1800 чел., в том числе 17 кандидатов наук, 3 доктора наук и 2 члена-корреспондента АН СССР⁷⁷. После окончательного воссоединения коллектива, после ряда испытаний, проведенных с разной степенью успешности в 1961–1962 гг., работники уральского ядерного центра смогли почувствовать его как единое целое, самоидентифицируя себя именно с данным институтом. Из обихода исчезает название «новый объект», теперь это – «наш институт», в котором складывалась своя «уральская школа физики» («школа Щёлкина», «школа Забабахина»).

Следуя распространенной в СССР практике обозначения некоторых военно-промышленных предприятий, уже существовавший к моменту создания атомной промышленности институт стал также называться «почтовым ящиком». Использование этого кода среди физиков и других специалистов НИИ-1011 означало расположение института в одном ряду с другими подобными предприятиями, изменение его статусной позиции с «молодого» до «полноправного члена». Показательно, что в выражении «работать в почтовом ящике» (или просто – в «ящике») подтекстно читается замкнутое изолированное пространство. Как и в обозначении всего города – «зона». Для физиков Всероссийского научно-исследовательского института технической физики (ВНИИТФ) важно было подчеркнуть, что работа в «ящике» и в «зоне» отличалась от работы в «шарашке» (как известно, научном заведении тюремного типа), и тем самым заострить внимание на свободе (юридической, творческой). Территориальная изолированность воспринималась ими как оправданный «способ оградить государ-

⁷⁷ Артемов Е. Т., Волошин Н. П., Литвинов Б. В., Никитин В. И. «В целях усиления работ» // Урал. ист. вестн. 2008. № 3. С. 55.

ственно-важные разработки от «любопытного» взора других государств»⁷⁸.

В процессе активного формирования «мы-образа» НИИ-1011 в начале 1960-х гг. меняется и восприятие КБ-11. Отдавая ему дань первородства, институт в Сарове все чаще маркируется не как «материнская» организация, а как «старший брат» или «друзья-конкуренты», «друзья-соперники», что свидетельствует о поднятии статуса института в самооценке коллектива на качественно иную ступень. Определение роли «другого» помогало выкристаллизовать собственный образ. Для этого было важно отделить круг «своих» проблем (это те вопросы, которые решаются преимущественно в уральском ядерном центре и по которым им достигнуты солидные успехи). К «своей» тематике уральские физики стали относить работы по созданию малогабаритных ядерных зарядов, по миниатюризации (подчеркивая важность сложившихся именно в их институте прямых контактов с разработчиками носителей), а также промышленных ядерных взрывов и в целом мирного использования ядерной энергии. В локальном дискурсе физиков уральский институт регионален только по месту расположения, что не влияет на самовосприятие своего учреждения как общегосударственного. В описаниях уральских ядерщиков институт предстает прежде всего «смелой» организацией, «рисковой», способной реализовывать «чрезвычайно сложные идеи, требующие решительности», создавать «рекордные вещи». Смелость – один из главных рефренов в характеристике ВНИИТФ, как правило, существующий в контексте сравнения с Всероссийским научно-исследовательским институтом экспериментальной физики (ВНИИЭФ). (Вообще самооценка ВНИИТФ выстраивается через компарирование с «приволжанами»⁷⁹, соотнесение с ними работы всего уральского ядерного центра и отдельных его сотрудников.)

В местном дискурсе институт, безусловно, позиционируется как научное учреждение (с уникальной опытно-производственной базой, которая обеспечивает «высочайшую культуру соединения науки и техники»⁸⁰). С одной стороны, в высказываниях прослеживается признание

⁷⁸ Волков Л. П. Записки экспериментатора об участии в советском атомном проекте. Калуга, 2007. С. 9.

⁷⁹ Слово происходит от одного из первых условных наименований КБ-11 – «Приволжская контора Главгорстроя СССР», введенного в 1949 г. Передаваясь через поколения, этникон «приволжане» используется в дискурсе уральского ядерного центра до сих пор.

⁸⁰ Румянцев А. Лев Феоктистов и его время // Лев и атом. Академик Л. П. Феоктистов: автопортрет на фоне воспоминаний. М., 2003. С. 6.

существующего большего престижа «чистой» физики и «читается» несколько уязвленное самолюбие («[наша работа] может казаться кому-то не “слишком научной”»⁸¹). Причина последнего, видимо, в том, что работа в ядерном центре, сложная и бросающая профессиональные вызовы, вне сомнения, позволяла сотрудникам реализовывать творческое начало, поэтому в плане самоидентификации они воспринимали себя в роли творца, ожидая такого же отношения со стороны окружающих. Однако такая отдача извне не всегда была ощутима не только в силу фактора престижности «чистой» науки, но и, главным образом, в силу секретности, скрывающей подробности деятельности и фундаментальных достижений сотрудников ядерного центра от широкой научной общественности. Тем не менее физики ВНИИТФ не воспринимают свою работу, свои исследования и их результаты как провинциальные по содержанию и значимости. Придерживаясь «формулы», озвученной академиком Е. Н. Аврориным: «в атомной бомбе заключена практически вся физика»⁸², физики ВНИИТФ видят в своей работе реализацию не только технических, но и серьезных научных идей, фундаментальных исследований. А в некоторой «приземленности» полагается важная практическая ценность, на которой базируется главная цель такой работы – обеспечение безопасности страны.

Являясь частью «незримого колледжа» («хорошей физики», лежащей в основе атомного проекта), ядерщики ВНИИТФ почитали научный авторитет И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, А. Д. Сахарова, Я. Б. Зельдовича и других физиков «первого поколения» советского атомного проекта. Кроме упомянутых авторитетов, физики ВНИИТФ имели и «собственную» референтную группу, на ценности которой ориентировались. Прежде всего, это первые руководители уральского ядерного центра: К. И. Щёлкин, Е. И. Забабахин, Б. В. Литвинов, Л. П. Феоктистов. В местном дискурсе отражается признание масштабов их личностей и важности вклада в науку и в безопасность страны, но при этом они предстают не как идеальные персоны, а как фигуры сложные, «со своим восприятием мира».

Стиль руководства ядерным центром сочетал в себе и демократические, и авторитарные приемы. Демократичность проявлялась, прежде всего, в выстраивании отношений, а авторитарность – при ситуативной необходимости твердых единоличных решений. Нижестоящие призна-

⁸¹ Мурашкин Б. М. Физик от бога – но и он заблуждался // Лев и атом... С. 145.

⁸² Губарев В. С. Челябинск-70. М., 1993. С. 11.

вали право руководителей института на осуществление таких решений на основании авторитета, которым те обладали. Авторитет руководителей института и подразделений базировался не только и не столько на формальных властных основаниях, сколько на меритократических. В первую очередь признавались и ценились их способности, интеллект, знания и компетенция в профессиональном плане, а также такие харизматические черты, как обаяние, способность увлечь за собой, заразить своей энергией и уверенностью.

В организации работы руководителей уральского ядерного центра с подчиненными (на различных уровнях) можно выделить несколько основных принципов: четкое целеполагание, понятное исполнителям; поддержание уверенности в обладании потенциалом для выполнения задания; предоставление возможности научного общения; делегирование ответственности; сочетание самостоятельности работы и контроля за результатами без мелочной опеки.

Если обобщить те характеристики, которые физики ВНИИТФ дают своим руководителям, и составить собирательный портрет из наиболее упоминаемых черт, то «хороший начальник» (научный руководитель) для уральского ядерного центра – это эрудит, глубоко знающий суть дела и мыслящий нетривиально. При этом он четко понимает и умеет доходчиво объяснить сложные физические явления и процессы, увлекательно и ярко о них рассказать. Это человек увлеченный и работоспособный, принципиальный и обостренно ответственный, справедливый, но не «добренький». Он ставит перед коллективом новые неординарные задачи, обладает научной смелостью и организаторскими способностями, не требует «особого чинопочитания», не является «кабинетным» начальником, т. е. доступен для общения. К нему можно прийти «без предварительной записи», и он готов идти в коллектив, «расспрашивать специалиста любого ранга о незнакомой для него проблеме». Он одинаково держится с младшим научным сотрудником, академиком или министром. Уважает мнение другого, может признать свою ошибку, способен оценить чужое предложение, развивать, отстаивать его «так же твердо, как если бы это было его решение» и в целом защищать научные интересы коллектива.

Образцовыми директорами ядерного центра в местном дискурсе предстают Д. Е. Васильев (1955–1961) и Г. П. Ломинский (1964–1988), несомненными достижениями которых являлось создание хороших ус-

ловий работы, достойной материальной базы и невмешательство при этом в научную деятельность.

Велико было личное влияние меритократических лидеров на определение вектора развития института. К. И. Щёлкин считал крупногабаритные и сверхмощные ядерные заряды неперспективными. Его поддерживали все ведущие создатели НИИ-1011 (Е. И. Забабахин, Л. П. Феоктистов, М. П. Шумаев, Е. Н. Аврорин). И институту, который формировался под разработку особо крупных ядерных устройств, удалось отстоять свой путь (создание малогабаритных зарядов), несмотря на то, что Н. С. Хрущев был сторонником противоположной идеи. Е. И. Забабахин, являясь приверженцем применения ядерных взрывов в мирных целях и направляя усилия института в это русло, в первую очередь все же был «зарядником», «боеприпасником» и считал, что нужно оставаться в оружейной нише, в «основной тематике». В результате некоторые фундаментальные исследования, начатые при К. И. Щёлкине, были прекращены. На разработку во ВНИИТФ ядерных взрывных систем существенное воздействие оказали идеи Л. П. Феоктистова, из которых выросли целые направления деятельности института. По персональному влиянию идей на создание ядерного оружия физики уральского ядерного центра готовы поставить имя Л. П. Феоктистова перед именами А. Д. Сахарова и Я. Б. Зельдовича⁸³.

Стиль взаимоотношений в организации в рассматриваемый период определяется уральскими физиками-ядерщиками как демократический, а характер работы – как коллективный. Наряду с признанием важности идей, выдвигаемых отдельными теоретиками, работа в ядерном центре все же позиционируется, прежде всего, как коллективная деятельность, основанная на кооперации действий, умении выстраивать контакты, доверии и коллективной ответственности. Все взаимосвязаны, и вектор этих связей имеет обоюдную направленность. Теоретики, как мозговой центр института, разрабатывают идеи, которые могут быть доведены от физической схемы до серийного производства только во взаимодействии (и получении обратной связи) с математиками, конструкторами, экспериментаторами, производственниками, испытателями.

Неотъемлемой составляющей и самостоятельной ценностью такой коллективной работы является открытая, творческая атмосфера.

⁸³ На орбитах памяти: Об основателях и создателях уральского ядерного центра / авт.-сост. В. И. Никитин, Г. А. Казаченкова. Снежинск, 2009. С. 626.

Однако это не хаос и вседозволенность, а «контролируемая свобода»⁸⁴. В такой ситуации сотрудник имеет намеченный круг общих вопросов, которые ему следует решить. Однако он не остается один на один со своей проблемой, он поддерживает тесные контакты с руководителем, коллегами, чувствуя общую заинтересованность в работе, и видит ее перспективы. При этом сотрудник не подавляется своим руководителем и имеет творческую свободу, что в конечном итоге обеспечивает высокую научную производительность.

В качестве примера организационной гибкости можно привести «устройство» работы физиков-теоретиков. С одной стороны, существовало официальное структурирование. Во вновь созданном институте было организовано два теоретических сектора: сектор № 1 (теоретической физики) и № 2 (теоретической газодинамики)⁸⁵. Они подразделялись на отделы (4–5 чел.) и лаборатории (2–4 чел.). Но, с другой стороны, это разделение было формальным: на стадии зарождения идей теоретики работали вместе, при этом «кто с кем хотел», образуя микроколлективы по интересам. Для физиков-теоретиков «не было жестких запретов на то, чем заниматься»⁸⁶. Приветствовалось выдвижение любых, даже невероятных, фантастических идей. Творческие «междисциплинарные» объединения и сотрудничество между теоретиками, математиками и экспериментаторами поощрял и Е. И. Забабахин. Такие практики организации работы поддерживали «живую» творческую обстановку, становящуюся плодородной почвой для генерации новых и интересных научных идей. На эту же цель «работало» и неформальное общение: во время перерыва в коридорах института теоретики играли в футбол, в теннис. Сам Е. И. Забабахин (который не любил «дурацкие игры» – футбол в коридоре или «кто дальше толкнет стул ногами») был организатором специального теннисного турнира, в котором «в приказном порядке» принимали участие все начальники теоретических отделов. Были приняты обсуждения «научных головоломок» (не относящихся к прямой деятельности, но тренирующих мышление), которые иногда проходили в самых неожиданных местах: например, теоретики могли живо обсуждать решение задач из научно-популярного журнала

⁸⁴ Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях: Об оптимальных условиях для исследований и разработок: пер. с англ. / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1973. С. 56–57.

⁸⁵ История создания, развития и деятельность ВНИИТФ : в 6 т. Т. 2, кн. 1, гл. 2 [Электронный ресурс] // Грани истории в документах и фотографиях.

⁸⁶ Симоненко В. А. Лев неудержимый // Лев и атом... С. 163.

«Квант» прямо в кинозале перед началом сеанса⁸⁷. Эти и другие неофициальные контакты помогали сплотить коллектив, а «переключение» с основной работы на активный отдых – повысить продуктивность.

На стадии разработки теоретического задания и его выполнения включались более жесткие принципы администрирования. Каждый должен был делать именно ту работу, которую ему поручали, придерживаясь определенного порядка действий, потому что «изделие» требовало предельного внимания, ответственности, дисциплинированности. Но теплые, товарищеские отношения, атмосфера творческого поиска и созидания, сотрудничества и взаимоподдержки были неотъемлемой частью «*esprit de corps*» всего института. Этот «корпоративный дух», включавший преданность делу уральского ядерного центра, культивировался и передавался следующим поколениям работников через своеобразную систему отношений руководителей и молодых подчиненных, которая сама по себе уже была фактором воспитания.

Выделяются несколько коммуникативных практик уральского ядерного центра как эффективных методов «воспитательного» воздействия и подготовки научных кадров. Во-первых, молодые чувствовали заинтересованность в их работе, что являлось средством поддержания их собственного интереса к ней. Это чувство появлялось уже на стадии знакомства с руководителями института, которым представляли начинающих специалистов, в том числе и студентов, проходящих преддипломную практику. В локальном дискурсе заинтересованность описывается с помощью глаголов действия: «благословляли» (на работу), «подбадривали», «подбрасывали» (интересные задачи и задания), «привлекали» (к обсуждениям), что подтверждает ее активный характер. Во-вторых, это доверие к молодым работникам, предоставление им «права голоса». Например, к молодым исследователям без предупреждения могли быть приведены гости уральского института – Ю. Б. Харитон, Я. Ю. Зельдович или Е. П. Славский, которым начинающий сотрудник без предварительной подготовки рассказывал содержание текущей работы. «Молодежь не оставалась в долгу, отвечая на доверие повышением ответственности за порученное дело»⁸⁸. Практиковалось наделение молодых личной ответственностью через делегирование властных полномочий: например, назначение молодых сотрудников председателями

⁸⁷ Верниковский В. А. Слово о Забабахине : сб. воспоминаний / сост. Т. Г. Новикова. М., 1995. С. 41.

⁸⁸ Щёлкин Ф. К. Апостолы атомного века: Воспоминания, размышления. М., 2004. С. 104.

экспертных комиссий при экспертизе изделий конкурирующей организации или руководителями натурных испытаний.

Самым важным «воспитательным» фактором, обеспечивающим приобщение к науке и к специфике работы в уральском ядерном центре, были личные контакты между «мастерами», в совершенстве владеющими тайнами профессии, и «подмастерьями» (начинающими исследователями), в процессе которых происходило «впитывание» опыта. Исследования в области социологии и психологии науки показывают, насколько важно научное общение для того, чтобы ученый «карабкался на нужные вершины», а результаты его деятельности были плодотворными⁸⁹. Физики Министерства среднего машиностроения в условиях существовавшего режима секретности до начала 1990-х гг. были лишены, например, возможности обсуждать большинство результатов своего труда в открытой печати. Однако полного запрета на публикации не было, ядерщики могли обнародовать сюжеты, лежащие вне секретной военной тематики. В целом в дискурсе физиков ВНИИТФ не прослеживается недовольство режимом секретности. Чаще всего он вызывал неудобства, когда «секретный» физик оказывался во «внешнем мире»: надо было постоянно думать о том, чтобы «не говорить о своей работе, не проболтаться»⁹⁰. «Внутри» системы с конца 1950-х гг. секретность стала не такой жесткой, какой она была для пионеров атомной отрасли. В ядерные центры поступали опубликованные и закрытые материалы, позволяющие быть в курсе научных проблем. «Боеприпасники» могли участвовать во всесоюзных конференциях. Научное общение было доступно с коллегами из ВНИИЭФ и внутри самого уральского ядерного центра, где проводились и научные, и производственные семинары, на которых «всегда было интересно и многолюдно». На них, а также на защитах диссертаций, иногда даже вопреки требованиям секретности, присутствовали молодые сотрудники. В результате происходила передача «личностного знания»⁹¹, включающего неосознаваемые и неартикулированные моменты опыта. «Личностное знание» передавалось не только по вертикали – от научных руководителей, бывших референтными личностями, но и по горизонтали – между «рядовыми» сотруд-

⁸⁹ Пельц Д., Эндриус Ф. Указ. соч. С. 75–105; Аллавердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки М., 1998. С. 90–94.

⁹⁰ Губарев В. С. Указ. соч. С. 15.

⁹¹ Полани М. Личностное знание : пер. с англ. / под ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. М., 1985.

никами. Тем самым усваивались ценности и мотивы работы в области военного и мирного использования ядерной энергии, подходы к научным проблемам, характерные для уральского института, стиль мышления. Складывалось понимание (и принятие) перспективности тех или иных направлений деятельности, формировалась научная интуиция, так ценимая физиками. Таким образом, коммуникации (в официальной и неформальной обстановках) обеспечивали преемственность «корпоративного духа» уральского ядерного центра, той особой атмосферы, которая удерживала многих от ухода в «чистую» науку.

Известно, что у сообщества советских физиков сложились особые отношения с партийно-государственным аппаратом страны вследствие той роли, которую сыграли физики в процессе реализации атомного проекта СССР и создания ядерного оружия⁹². Физики-атомщики имели «прямые выходы» на высшее руководство (отрасли, страны) и возможности, как минимум, заявлять и, как максимум, отстаивать свои позиции, пытаясь влиять и на политические процессы.

В отношении сюжета «ВНИИТФ и власть» в локальном дискурсе прослеживается оценка позиции уральского ядерного центра как более слабой, по сравнению с возможностями руководителей и ведущих ученых ВНИИЭФ. «И А. Д. Сахаров (в свое время), и Ю. Б. Харитон имели доступ к самым высоким ступенькам власти и, следовательно, могли оказывать непосредственное давление, тогда как возможности руководителей Челябинска-70 всегда были значительно более ограниченными»⁹³. Однако, наряду с констатацией высокой статусной позиции руководителей ВНИИЭФ (когда «одно имя Харитона многое решало»), уральский ядерный центр описывается как некий «поставщик» кадров в вышестоящие властные структуры («...в Арзамасе, считалось, диссиденты сидели: Альтшулер, Сахаров... А у нас – деловые люди»⁹⁴). К таким «деловым людям», которые, по-видимому, составляют своеобразный предмет гордости уральского института, заслуживающий упоминания отдельной строкой, относят Б. Н. Леденёва, в 1958–1960 гг. технического советника в Китайской Народной Республике; А. Д. Захаренкова, в 1967–1988 гг. заместителя министра среднего машиностроения

⁹² К исследованию феномена советской физики 1950–1960-х гг.: социокультурные и междисциплинарные аспекты / сост. и ред. В. П. Визгин, А. В. Кессених и К. А. Томилин. СПб., 2014.

⁹³ История создания, развития и деятельность ВНИИТФ. Т. 2, кн. 1, гл. 1.

⁹⁴ Феоктистов Л. П. Из прошлого в будущее // Лев и атом... С. 268.

ния; Г. А. Цыркова, в 1960–1996 гг. заместителя, затем начальника Пятого главного управления Минсредмаша СССР (МСМ).

Различные «частные случаи» коммуникаций физиков уральского ядерного центра с властью (с руководителями страны, Министерства среднего машиностроения, с местными представителями партийного аппарата) показывают, что, с одной стороны, власть для них была более доступна и открыта (возможно, в силу меньшей «дистанции» вследствие постоянного курирования политически важного для страны вопроса, каким являлось производство ядерного оружия). К власти обращались за помощью, с критикой, с различными предложениями что-то изменить, усовершенствовать в институте, отрасли, стране. Естественно, что в описываемый период среди ядерщиков было большинство лояльно относившихся к коммунистической партии и социалистическим идеям, хотя многие при этом не были членами КПСС. Однако сотрудники ВНИИТФ, особенно ученые, физики, с неприятием относились к попыткам партийного руководства «серьезно улучшить воспитательную работу с интеллигенцией»⁹⁵, иными словами, к вмешательству в научную и производственную деятельность института⁹⁶. Наука была той сферой, которая ревностно охранялась от вторжения партийных, хозяйственных и иных начальников. Физики-ядерщики имели свое мнение по широкому спектру вопросов ядерного вооружения. Им позволялось высказывать свои точки зрения, но это не означало, что власть к ним прислушается, тем более что их мнение не всегда совпадало с политическими интересами руководства. Так, уральские ядерщики не были сторонниками сверхмощных и крупногабаритных зарядов, испытание бомбы-гиганта 31 октября 1961 г. считали политическим «пугалом», бессмысленным с военной точки зрения, а мораторий на ядерные испытания – бесполезным для производственного процесса.

На диалог, помощь и уступки власть скорее шла в случае каких-то относительно необременительных просьб «снизу». Как, например, просьбы ввести присуждение премии Ленинского комсомола для молодых специалистов отрасли, высказанной Е. П. Славскому делегатом-комсомольцами от Снежинска на встрече в Министерстве среднего машиностроения. Она была удовлетворена через 4 месяца после встречи, когда было подписано совместное решение ЦК ВЛКСМ и МСМ

⁹⁵ ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.

⁹⁶ См. об этом, например: *Литвинов Б. В.* Грани прошедшего. С. 516–519.

СССР об учреждении такой премии для ядерщиков⁹⁷. В свою очередь, и власть могла обратиться за консультацией. Например, начальник Пятого главного управления министерства Г. А. Цырков просил (от имени Е. П. Славского), чтобы Л. П. Феоктистов написал предложения «как нам Андрея Дмитриевича нейтрализовать». Просьба была неофициальная: «Пиши от руки, не печатай и никому про это не говори». Уральский физик-теоретик предложил создать во главе с А. Д. Сахаровым или Институт проблем ядерной войны (который бы комплексно изучал вопросы существования ядерного оружия в мире), или Институт ядерной энергии (как конкурент Курчатовского института)⁹⁸. Как сейчас известно, эти соображения так и остались на бумаге.

Власть была готова воспринять и реализовать те суждения и предложения, которые в первую очередь были направлены на совершенствование процесса создания ядерного оружия. В частности, в январе 1959 г. К. И. Щёлкин и Д. Е. Васильев направили в адрес заместителя министра среднего машиностроения П. М. Зернова и начальника Главного управления Министерства по проектированию и испытанию ядерных боеприпасов Н. И. Павлова письмо о необходимости организации при министерстве Научно-технического комитета по специальному вооружению. «В последние годы, – обосновывали они, – вопросы вооружения стали занимать весьма большое место в работе МСМ. <...> По нашему мнению, в стиле ведения, планирования вооруженческих работ и в качестве их выполнения имеется слишком много серьезных недостатков». Предлагая сформировать комитет по специальному вооружению, авторы письма оставляли за объединенным научным советом «рассмотрение теоретических и ядерно-физических вопросов, рассмотрение новых проблем, в том числе изыскание новых путей в создании зарядов и координацию работы научно-исследовательских учреждений». Эта инициатива явственно усиливала «общее дело» и приказом МСМ была осуществлена в том же году. В дальнейшем эта структура именовалась Научно-техническим советом № 2 МСМ⁹⁹. Однако если в предложениях, исходивших «снизу», речь шла об отклонениях (или только их попытках) от генеральной линии развития, то министерство заявляло свое право на направления деятельности и даже на людей ядерного центра, стараясь не допустить «разброда и шатания».

⁹⁷ *Ананийчук В. Н.* Воспоминания о Борисе Васильевиче Литвинове. С. 143.

⁹⁸ *Феоктистов Л. П.* Из прошлого в будущее. С. 269.

⁹⁹ История создания, развития и деятельность ВНИИТФ. Т. 2, кн. 1, гл. 1.

Анализируя механизмы выстраивания коммуникации с властными структурами, можно обнаружить, что руководители и ведущие ученые уральского института часто напрямую обращались в ЦК КПСС, чтобы «обойти» МСМ и «продать» свои решения, особенно в тех случаях, которые виделись им выходящими за рамки компетенции министерства. Образцы таких «обходных маневров», которые вызывали крайнее недовольство в МСМ, прослеживаются при решении определенных производственных задач, вопросов организации быта сотрудников уральского института и главное – при выдвижении суждений политического характера.

Яркой иллюстрацией служат письма руководителей НИИ-1011, написанные в 1958–1960 гг. и касающиеся перспектив дальнейшего развития не только уральского института, но и вообще науки в СССР. Инициатором этих предложений, адресованных прежде всего в ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущеву, был К. И. Щёлкин (опубликовано три таких концептуальных письма, два из которых подписаны лично Кириллом Ивановичем, третье – коллективом руководителей института¹⁰⁰). Письма отражают крайнюю обеспокоенность научного руководителя НИИ-1011 состоянием научных кадров и научной атмосферой в МСМ, что было вызвано сокращением фундаментальных исследований в отрасли, «...прежде всего <...> в области физики, которые определяют дальнейшее развитие научных проблем института». Боясь, что институты МСМ «постепенно превратятся в заштатные КБ» и видя причину этого в «концентрации ядерно-физической науки в Москве», для развития науки на периферии руководство НИИ-1011 предлагало «создать на Урале комплекс физических и учебных институтов»¹⁰¹. Были ли официальные ответы на эти письма, мы не знаем (по крайней мере, в материалах, находящихся в открытом доступе, они пока не выявлены). Но подобный уральский научно-образовательный центр не был создан, а НИИ-1011 не пошел по пути дальнейшего существенного расширения фундаментальных исследований.

К. И. Щёлкин, нарушивший субординацию и обратившийся в ЦК КПСС «через голову» профильного министерства, ровно через три месяца после написания письма Н. С. Хрущеву был освобожден от долж-

¹⁰⁰ Артемов Е. Т., Волошин Н. П., Литвинов Б. В., Никитин В. И. «В целях усиления работ». С. 37–58.

¹⁰¹ Там же. С. 57.

ности научного руководителя уральского института. Конечно, это не было главной и единственной причиной его отставки. Если судить по воспоминаниям (а других доступных источников мы пока не имеем), у него были сложные отношения и с Е. П. Славским, и с Н. С. Хрущевым¹⁰². Здесь важен принципиальный конфликт интересов: государство не желало широко финансировать научные работы института, которые проводились бы «во всех областях физики», а К. И. Щёлкин не видел без них продуктивного существования ядерного центра и своего участия в создании ядерного оружия. В результате конфликта с властью 49-летний ученый и организатор науки покинул созданный им институт и с формулировкой «по состоянию здоровья» ушел на пенсию. Однако практика обращения работников регионального научного центра в Центральный комитет с вопросами, которые «по своей постановке выходят за рамки МСМ», существовала и в дальнейшем.

Так, в декабре 1965 г. теоретики уральского ядерного центра Ю. А. Романов и Л. П. Феоктистов написали на имя Л. И. Брежнева письмо, в котором высказывали «серьезные сомнения в правильности осуществляемой программы» развития ракетно-ядерной военной техники и ее возможного применения¹⁰³. Критикуя государственный курс на создание ядерных зарядов мощности 20–50–100 Мт, они настаивали на том, что «основной ударной силой ракетно-ядерного вооружения должны быть ракеты с ядерными зарядами заметно меньшей мощности», обосновывая это с военной и экономической точек зрения. Кроме того, в письме изложен целый ряд соображений, касающихся целесообразности существующей системы противоракетной обороны, развития атомного подводного флота, уточнения пунктов Московского договора от 5 августа 1963 г. и, по сути, корректировки советской военной доктрины. В поддержку этих предложений спустя 2 недели написал свое письмо Е. И. Забабахин. Подчеркивая, что мнение ведущих участников разработок ядерного оружия заслуживает внимания, научный руководитель уральского института разобрал по пунктам экономическую и военную несостоятельность советской ядерной противоракетной обороны (ПРО), предлагая более «надежный способ удержать противника от нападения <...> иметь систему

¹⁰² Богуненко Н. Н. Возвращение имени. Саров, 2014. С. 32, 33, 35; Щёлкин Ф. К. Указ. соч. С. 97–102.

¹⁰³ Материалы переписки по разработке новых изделий, 1965–1970 годы // История создания, развития и деятельность ВНИИТФ. Т. 6, кн. 4.

нападающих стратегических ракет, малоуязвимых на своих позициях и надежно пробивающих его возможную оборону». Письмо Ю. А. Романова и Л. П. Феоктистова заканчивается словами: «...мы с большим нетерпением ожидаем ответ на свое письмо». И он незамедлительно последовал в виде визита на Урал замминистра МСМ В. И. Алферова, который на специально собранном научно-техническом совете отчитывал своих подчиненных: «Да как вы смели – в обход Министерства, напрямую в ЦК?!»¹⁰⁴. В конечном итоге договор о ПРО между СССР и США был подписан (1972). В нем можно обнаружить отражение некоторых идей физиков уральского ядерного центра, однако насколько они реально повлияли на формулировки договора, еще предстоит выяснить. Как минимум, мы можем говорить о том, что представления о неадекватности создаваемой системы советской противоракетной обороны существующей угрозе появились во ВНИИТФ раньше, чем этот момент был осознан политической властью (специалист в области стратегических взаимоотношений СССР/России и США политолог П. Л. Подвиг относит его к 1968–1969 гг.¹⁰⁵).

Таким образом, основными властными эшелонами, с которыми шло взаимодействие, были «профильное» Министерство среднего машиностроения (в качестве непосредственного руководства), Министерство обороны (выступавшее в качестве заказчика) и ЦК КПСС (как высшая апелляционная инстанция). Показательно, что в локальном дискурсе физиков сюжету взаимодействия с областной партийной властью уделяется незначительное внимание, ощутимо меньшее, чем указанным выше властным структурам. Это свидетельствует, с одной стороны, о слабости рычагов воздействия областного комитета партии на расположенный в их регионе НИИ, а с другой стороны, о невысоком авторитете местной партийной власти для уральского ядерного центра, идентифицировавшего себя как учреждение общегосударственного масштаба.

Описанные инициативы во взаимоотношении с властью показывают, что физики уральского ядерного центра не занимали пассивную позицию, соответствующую статусу своего института в системе власти, более низкому по сравнению со статусом ВНИИТФ. Они заявляли о своей активной гражданской позиции, стремясь высказать и отстоять

¹⁰⁴ Щербина А. И. Оружие для него стало тесным // Лев и атом ... С. 124.

¹⁰⁵ Подвиг П. Л. Противоракетная оборона как фактор стратегических взаимоотношений СССР/России и США в 1945–2003 гг. : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С.73.

свое мнение. В определенной степени они были заложниками системы, но не были простыми исполнителями властных распоряжений. Знание процесса создания ядерного оружия «изнутри», постоянное ознакомление с мировыми достижениями в области науки и военных технологий (в том числе по «закрытым материалам») позволяли им комплексно оценивать наличную техническую, экономическую и военную ядерную эффективность СССР. Понимая текущие тенденции, они не только могли сформулировать, какие изменения необходимы в отношении применения ядерной энергии как в военном, так и в мирном плане, но и имели желание и смелость транслировать свои идеи в высшие государственные властные структуры. Более того, это были масштабно думающие люди, которые пытались решить не только специализированные научно-производственные задачи, но и более широкие государственные задачи в различных сферах: организация науки, производства, экономика, внутри- и внешнеполитические стратегии. Они высказывали свои точки зрения о перспективах их развития, часто опережая те представления, которые существовали на государственном уровне, или идя вразрез с властью. Однако политический механизм принятия решений в СССР не позволял в полной мере использовать интеллектуальные возможности физиков уральского ядерного центра при выработке стратегий государственного развития.

8.5. «Атомная» идентичность

В определенной степени социальная «атомная» общность может считаться сословием¹⁰⁶. Оно возникло в результате внешнего управления: было сформировано государством для решения конкретной проблемы – создания атомного оружия, ядерного щита страны. Это было главным служением данной социальной группы. Сфера, в которой трудились ее члены, была монопольной. Она быстро «встроилась» в существующие государственные и общественные структуры, заняв в них исключительное положение. На уровне первых лиц и правитель-

¹⁰⁶ О советских сословиях см., например: Блюм А., Меспузе М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006; Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998; Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

ства государства работы по «практическому использованию атомной энергии для народнохозяйственных целей и для нужд обороны» считались задачей первостепенного значения¹⁰⁷. Поэтому атомная отрасль обладала рядом специфических ресурсов влияния, таких как приоритетное финансирование, первоочередное снабжение и (опосредовано) политический вес. Внутренняя дифференциация сконструированного для атомной отрасли «сословия» выстраивалась сообразно степени причастности к основной решаемой задаче. Служение, направленное на нейтрализацию внешней угрозы, обеспечивало «атомному» сословию в советском государстве положение титульного, выделяющегося как по важности выполняемой работы, так и по привилегиям.

Для членов этого «сословия» существовали специальные сословные правила и санкции за их нарушения. Они более жестко, чем другие советские «сословия», ограничивались в свободе передвижения (свободный выход за пределы закрытого атомного города, выезд за границу), в свободе слова (ограничения в сообщении своего истинного места работы и жительства, наложенные подпиской о неразглашении государственной тайны), в свободе общения (участники испытаний на полигонах не имели права переписки с родными). Главной санкцией была подписка о неразглашении государственной тайны, которую давал каждый, кто «входил» в атомный проект. Она содержала предупреждение о привлечении к уголовному наказанию сроком от 4 до 15 лет в случае ее нарушения согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г.¹⁰⁸

Исключительное место атомной отрасли в системе общественного производства обеспечивало ряд социальных привилегий для членов «атомного» сословия в сфере распределения и потребления. Условно их можно поделить на ординарные и неординарные. К ординарным относятся повышенные тарифные ставки, всевозможные надбавки к окладам (за работу в отрасли, с секретными документами, за сверхурочные, за отпуск, проводимый на закрытой территории), ежемесячные, ежеквартальные, годовые премии. Далее можно назвать обеспеченность жильем (сроки наделения отдельным жильем, уровень его благоустрой-

¹⁰⁷ Постановление СМ СССР № 627-258сс «О премиях за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии и за работы в области космического излучения, способствующие решению этой проблемы» // Атомный проект СССР ... Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 421.

¹⁰⁸ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31234. Л. 29.

ства, обеспеченность квадратными метрами на человека); доступность разнообразных товаров народного потребления (в том числе и зарубежного производства), услуг соцкультбыта (в закрытых городах были собственные театры, а бассейн в закрытом Снежинске появился первым в области), высокий уровень медицинского обслуживания, наличие ведомственных курортных здравниц и т. д. В целом все эти показатели обеспечивали заметно лучшее (по советским меркам) качество жизни. Даже для группы социальной эксклюзии, каковой являлись заключенные, участвовавшие в строительстве «атомных» объектов, полагалась система поощрений. Для них вводилась система «зачетов», по которой срок наказания сокращался в определенной пропорции к отработанному времени, и устанавливалась 25 % «надбавка продовольствия к основной норме питания»¹⁰⁹.

К неординарным привилегиям относятся государственные премии, награды и льготы. Они, как и обычные (или, может быть, даже более), распределялись согласно внутренней «сословной» дифференциации. Постановлениями Совета министров СССР устанавливалось, что именно и в каком объеме, соответственно вкладу, должны получать научно-исследовательские и инженерно-технические работники, работники геологоразведочных партий или строители, служащие или рабочие, руководители или «рядовые» участники. По документу, который содержательно является положением о премии за работы в области использования атомной энергии¹¹⁰, прослеживается градация, согласно которой распределялись вознаграждения. Согласно вкладу, выделялось пять премий, каждая премия распределялась между руководителями, основными участниками (от 2 до 5 чел. для разных видов работ) и остальными участниками. Например, после первого испытания атомной бомбы руководители и ведущие специалисты получили премии, в десятки, а то и в сотни раз превышавшие среднемесячную зарплату рядового инженера несекретных отраслей промышленности¹¹¹. Более того, в вопросе материального поощрения они могли даже выбирать, будет ли это особняк в Москве или

¹⁰⁹ Постановление СМ СССР № 4630-1808сс «О льготах для заключенных, работающих на «спецстроительствах» Первого главного управления при Совете министров СССР» // Атомный проект СССР... Саров, 1999. Т. 2, кн. 4. С. 198.

¹¹⁰ Постановление СМ СССР № 627-258сс «О премиях за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии и за работы в области космического излучения, способствующие решению этой проблемы» // Там же. С. 421–428.

¹¹¹ Оценка по: Постановление СМ ССР № 5070–1944сс/оп «О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия и технические достижения по использованию

Ленинграде, дача в Крыму или ином месте, каковы будут их этажность, метраж, размер земельного участка¹¹². Право выбора само по себе было уже показателем предпочтений. Для социальной периферии полагались государственные ордена, для денежного вознаграждения выделялось 43,2 % от общей суммы (почти 16,5 млн руб.), выдаваемой из Госбанка на поощрения «атомной» общности¹¹³.

Привилегии «атомной» общности были не только материальными, но и, условно говоря, духовными. Ядру общности, «штучным» участникам позволялись некоторые вольности и свободомыслие. В своем «атомном» мире они могли открыто говорить о поддержке генетики или пересказывать коллегам за завтраком услышанные по Би-би-си новости¹¹⁴. Администраторам проекта не раз приходилось объяснять в различных идеологических «инстанциях», что «физики-ядерщики – люди особые <...> им нельзя запрещать говорить то, что они думают, пусть даже несусветную чушь, иначе они разучатся думать и разбираться в научных вопросах»¹¹⁵. Атмосферу творческой свободы отмечали и «рядовые» члены общности.

Сословное «атомное» единство обеспечивалось и пространственной локализацией членов этой социальной группы, и системой идеологического воспитания, пропаганды и агитации. Проводниками этой системы были первые отделы, политотделы, советские, партийные и комсомольские органы. Как важный элемент сословной интеграции может быть рассмотрен профсоюз работников зарождающейся атомной отрасли, который появился в 1948 г. (раньше, чем в закрытых городах появились органы советской власти). Профсоюз атомщиков, как и все «сословие», тоже был на особом положении. Требования секретности не позволяли образовать выборный орган ЦК отраслевого профсоюза, поэтому была установлена должность уполномоченного совета ВЦСПС

атомной энергии» // Атомный проект СССР.. Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 530–562; Советская жизнь, 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецов. М., 2003. С. 501, 502.

¹¹² Справка В. А. Махнева со сведениями о премировании в соответствии с Постановлением СМ СССР от 29 декабря 1949 г. № 5070–1944 и с данными о пожеланиях премируемых // Атомный проект СССР... Москва ; Саров, 2003. Т. 2, кн. 4. С. 756–757.

¹¹³ Подсчитано по: Постановление СМ ССР № 5070–1944сс/оп «О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия и технические достижения по использованию атомной энергии». С. 530–562.

¹¹⁴ Сахаров А. Д. Воспоминания. М., 1996. Т. 1. С. 180; Экстремальные состояния Льва Альтшулера. С. 82–83.

¹¹⁵ Адамский В. Б. Становление гражданина // Он между нами жил... : Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 34.

по профорганизациям предприятий Первого главного управления. Отличительной особенностью было и то, что низовые «атомные» профорганизации могли напрямую выходить на ЦК профсоюзов¹¹⁶.

Идеологическое воспитание велось в двух направлениях. Первое – это профилактика нарушений секретности и режимности. С одной стороны, она была продолжением общесоветских процессов по формированию образа внешнего врага¹¹⁷. С другой стороны, в условиях секретной системы эта работа была направлена на то, чтобы не допустить «ослабления бдительности и мобилизационной готовности» среди членов общности¹¹⁸. В городах проводились лекции и беседы о необходимости строго соблюдать режим секретности и сохранности государственной тайны. На это же была нацелена наглядная агитация – стенды «Будь бдителен», которые размещались на градообразующих предприятиях и содержали информацию об активности иностранных разведок (в том числе вокруг закрытых городов), сведения о нарушениях режимности на «атомных» объектах и последовавших наказаниях. Второй вектор идеологического воспитания был сконцентрирован на внушении чувства исключительности. Пропагандистский «атомный» дискурс составляли тексты об отборных людях, работающих над выполнением особого задания, облаченных особым доверием государства, получающих особое внимание партии и правительства, живущих в особых условиях, пользующихся особым комплектом благ¹¹⁹. Сопричастность к большому делу, сопровождавшемуся особым доверием (вниманием, условиями, кадрами), психологически была очень привлекательна и позволяла повысить индивидуальный статус по шкале престижа.

¹¹⁶ РПРАЭП: страницы истории / под общ. ред. И. А. Фомичева. М., 2013. С. 7, 9.

¹¹⁷ Подробнее об этом см., например: Образ врага / сост. Л. Гудков. М., 2005; Белоконева А. А. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: 1946–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Колесникова А. Г. Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Николаева Н. И. Формирование мифологизированного образа Соединенных Штатов Америки в советском обществе в первые годы «холодной войны», 1945–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001; Фатеев В. А. Указ. соч.

¹¹⁸ ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 17; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 43. Л. 15; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 121; Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 96, 97.

¹¹⁹ Архивный отдел администрации городского округа «Город Лесной». Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 47; Д. 27. Л. 138; ГАНГО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 43. Л. 29; Д. 23. Л. 3; Муниципальный архив Озерского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 16; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 67; Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 31; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 116.

Можно даже говорить о некоторых признаках наследственной передачи обязанностей, прав и привилегий «атомного» сословия (см., например, о распространении на родственников обладателя той или иной «атомной» премии льгот на обучение в любом учебном заведении страны, на бесплатный проезд железнодорожным, водным и воздушным транспортом¹²⁰). При этом сословная наследственность на уровне периферии «атомной» общности выглядит более стойкой, чем на уровне ее ядра. Поколения, рожденные в закрытых атомных городах (в условиях физической замкнутости) и социализирующиеся в системе «атомного» служения, продолжали там жить и работать, наследуя сословные признаки. Со временем они становились более выраженными носителями «атомной» идентичности, чем ядро «атомной» общности времен 1940–1950-х гг.

В эти годы ядро «атомной» общности – ядерное научное сообщество – выработало ядерный этос, формулировку которого предложил В. П. Визгин: разработка атомного оружия морально допустима и даже необходима, если она ведет к предотвращению ядерной войны и ядерного омницида¹²¹. Этос, принимаемый и перенимаемый периферией общности, стал смыслообразующим центром «атомной» идентичности. Работа по созданию ядерного оружия воспринималась участниками этого процесса как социально-политическая ценность, поскольку обеспечивала мир, безопасность, свободу на уровне государства. Оценочные аспекты атомного оружия были смещены с понимания его как «оружия массового уничтожения» на восприятие его как «средства защиты». Ретроспективное социологическое исследование жителей г. Лесного¹²² показывает, что большинство опрошенных видели главное предназначение ядерного оружия СССР в сдерживании Запада и оправдывали затрату государством огромных средств на его создание. При этом именно среди работников атомного комбината в период 1940–1960-х гг. заметно увеличение количества людей, придерживающихся такого мнения. В целом на уровне общности «читается» иное, чему у «обывателя»,

¹²⁰ Постановление СМ СССР № 627-258сс «О премиях за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии и за работы в области космического излучения, способствующие решению этой проблемы» // Атомный проект СССР ... Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 421–429.

¹²¹ Визгин В. П. Этос ученого-ядерщика: истоки и формирование (1940–1950-е гг., на материале истории советского атомного проекта) // Философия науки. Вып. 11 : Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 271.

¹²² Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. С. 17–18.

восприятие атома: практическое, прикладное. В первую очередь это рабочий инструмент. Сила, которую можно укротить и которой можно управлять. Радиация, становясь частью будничной «атомной» жизни, переставала восприниматься как грандиозная опасность (отсюда, например, разница в современном отношении работников атомных производств к радиоактивным отходам, которые оцениваются ими не как потенциально опасные и вредные вещества, а просто как материал для будущей работы¹²³).

Восприятие советского ядерного оружия как оружия против войны было и инструментальной ценностью, мотивирующей к труду. Для членов «атомного» сообщества характерно добровольное стремление действовать на пользу общему делу, что проявлялось в установках достигать целей любой ценой, работать сверх должностных обязанностей, в активности и инициативности, готовности к ненормированному рабочему дню, риску, принятию решений и ответственности¹²⁴.

В процессе работы, носившей выраженный коллективный характер, вырабатывалось чувство принадлежности социальному сообществу, которое выражалось в осознании значимости труда, в гордости за результаты, ощущении единства и даже семьи. Это формировало эмоциональную притягательность «атомного» сообщества, так же, как и то, что авторитетные отношения в нем выстраивались не только по вертикали (руководство – подчиненные), но и по горизонтали, между равными по статусу работниками.

«Атомная» идентичность проявлялась не только во внутренних ментальных образах, но и во внешних, пространственных координатах. Ярким примером является памятник И. В. Курчатову, который был создан по инициативе и в стенах Института технической физики. Фигура ученого была отлита в трех экземплярах и установлена в Снежинске, Озерске и в Курчатове (Казахстан). Важное символическое значение вкладывалось при этом в место расположения скульптуры. В Снежинске памятник разместили на производственной площадке физического отделения института таким образом, чтобы «смотрящая в даль» фигура ученого стала частью пейзажа. История установления памятника

¹²³ Авторское интервью от 18 декабря 2013 г. с А. Н. Аршиновым, канд. техн. наук, в 1958–1996 гг. работником Уральского электрохимического комбината (возглавлял завод фильтров, разделительный завод, завод электрохимических преобразователей).

¹²⁴ См. об этом: *Куприянов А. С.* Структурные компоненты корпоративной идентичности сотрудников российских бизнес-организаций // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 72–74.

в г. Курчатове в середине 1970-х гг. еще более символична: им заменили памятник В. И. Ленину. После долгих согласований с командованием войсковой части Семипалатинского полигона и с Семипалатинским обкомом на место памятника «вождю пролетариата» была поставлена фигура И. В. Курчатова. Добивавшимся этого атомщикам было принципиально важно, чтобы он стоял в начале улицы, по которой они уезжали на испытания, и «смотрел в степь... где он впервые увидел адский гриб атомного взрыва, вызванного его трудами»¹²⁵.

Члены «атомного» сообщества ощущали себя не просто частью населения, находящегося на особом положении, но частью единой исключительной системы, выполняющей особую миссию. Это ощущение избранности и позиционирование себя как защитников на «передовой» бытия обеспечивали прочную «атомную» идентичность. Социальное сообщество советского атомного проекта, вынужденное приспособляться к существованию в огосударственном институте корпоративного типа, представляло собой многослойную структуру с различными статусными позициями. Оно выработало свою субкультуру, в рамках которой социальное ранжирование выстраивалось на основании человеческих ресурсов, личных качеств и талантов, а интересы и ценности элиты этой общности были как никогда близки ее «массам».

¹²⁵ Литвинов Б. В. Указ. соч. С. 372.

Решетки и сети (вместо заключения)

...Здесь население состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо сшить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем. Общие принципы еще могут найтись; но зато частности? И какие еще частности! <...> Приходится целый мир создавать, объединять, сохранять.

Екатерина II – Вольтеру.

Казань, 18–20 мая 1767 г.

Описывая процессы создания структур управления и давая характеристику самодержавия в России XVI в., Н. Ш. Коллманн отмечала, что ради достижения контроля над постоянно расширяющимся пространством, населенным разнообразным множеством народов, московские государи проводили политику «расчетливой децентрализации». На практике она означала, что Кремль, озабоченный (как и другие монархии Европы этого времени) проблемой мобилизации ресурсов в условиях слабого аппарата управления и плохих коммуникаций, ограничивался сведением своих функций к минимуму, оставляя за собой право на верховный суд, налоги, военную и дипломатическую сферы, «одновременно передавая властные полномочия поразительно широкому кругу институтов и традиционных социальных практик». Консолидация власти и интеграция территорий достигались путем кооптации разнородных региональных и локальных элит в единую столичную элиту при одновременном делегировании «ежедневных административных функций различным наиболее приспособленным для этого группам» на местах¹.

Эти очень точные, на наш взгляд, наблюдения вполне могут быть использованы и в качестве отправной точки итоговых рассуждений о ситуации, которая характеризовала отношение высшей политической элиты России к проблеме социального структурирования в допетровскую эпоху и в последующий имперский период. Успехи государственного строительства были невозможны без достижения более или менее устойчивого социального консенсуса. Для этого (учитывая отмеченную

¹ Коллманн Н. Ш. Соединенные чество: Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001. С. 17–42.

сложность и разнородность обширного государственного пространства) власть должна была не только достичь определенного баланса интересов с разноуровневыми элитными слоями населения, но, по возможности, гармонизировать отношения со всеми подданными, создав такую социальную структуру, которая бы содействовала достижению общего суверенитета московских монархов.

Какими методами это достигалось? Как и в других случаях, гибким сочетанием манипуляций и принуждения, последовательного стремления к определенной цели и компромиссами. В этом смысле едва ли не самой характерной чертой процесса социального конструирования со стороны власти, или самой заметной, бросающейся в глаза чертой, являлась его «реактивность» («рефлекторность»). Московские монархи XVII в. как бы следовали пластике сложившейся социальной стратификации, лишь фиксируя с помощью соответствующих нормативно-законодательных распоряжений ту удивительную вариативность социальных страт и связей, которая досталась им от предшественников, лишь реагируя на естественные изменения социальной тектоники. Возникает ощущение, что главная цель такого рода действий – стабилизация существующих социальных отношений; создание относительно простой и функционально понятной социальной структуры. «Остановись, мгновение, ты – понятно!» – таким, наверное, мог бы быть лозунг государственной политики в сфере социального форматирования. Простота и статика – залог удобства управления в условиях ограниченных управленческих возможностей; унификация – лучший друг мобилизации.

«Реактивное» и «активное» в конструировании социального

При этом внимательный анализ ситуации позволяет увидеть другое: несмотря на «реактивность», законодатель все-таки предпринимает и активные действия, «улучшая» существующие модели социального, подстраивая их под свои запросы и потребности. Уложение 1649 г. – шедевр русского нормотворчества раннего Нового времени, ярче иных памятников эпохи раскрывает «механику» гармонизации создаваемой социальной структуры и социальной стратификации, эти существовавшие на текущий момент «иерархически организованные структуры социального неравенства».

Регулируя права и обязанности подданных, власть уже в самой общей структуре кодекса выделяет укрупненные социальные группы, определяя (впрочем, предельно широко) их рамочные параметры с помощью целых глав: о *служилых людях* (гл. 7 «О службе всяких ратных людей Московского государства»; гл. 16 «О поместных землях»; гл. 17 «О вотчинах»; гл. 23 «О стрелцах»); *посадских* (гл. 19 «О посадских людех»); *крестьянах* (гл. 11 «Суд о крестьянех») и даже о не правосубъектных, но столь заметных в общественных реалиях повседневности *холопах* (гл. 20 «Суд о холопех»). Можно сколь угодно долго спорить о наличии или отсутствии в допетровской России функционалистских или каких-либо иных представлений об общественном устройстве; сетовать (и не без основания) на скудость социального дискурса; искать и не находить следов глубокой концептуализации представлений о социальном² и т. п., но факт остается фактом: перед нами законодательно зафиксированная и отрегулированная *общая* картина социального устройства России XVII в., его фундамент, база. А где же духовенство? В гл. 1 («О богохулниках и церковных мятежниках») мы можем увидеть Церковь как сакральную институцию, но не как социальную общность; духовенство в качестве иерархии чинов священно-, церковнослужителей и иночества подробно представлено в совокупности статей, распределенных по различным главам, особенно в гл. 10 «О суде». Отсутствие специальной главы, посвященной лицам духовного звания, разумеется, не следует считать признаком, принижающим последних в общей конфигурации социальной иерархии; наличие целой *системы канонического права* избавило прагматичных составителей Уложения от необходимости подробной регламентации жизнедеятельности духовенства как социальной категории, оно упоминается в кодексе лишь в связи с теми аспектами, которые интегрировали его с функционированием государства и общества в целом. Таким же образом законодатель поступил с различными группами служилых «инородцев», чье социальное бытие определялось другими правовыми системами, традициями и обычаями,

² Существовало ли в России середины XVII в., хотя бы на элитарном уровне, абстрактное социальное мышление, позволявшее «привести к согласию опыт социального теоретизирования (видение мира) и опыт повседневности (делание мира)», та самая «великая мутация, породившая современность», о чем писали А. Ю. Согомонов и П. Ю. Уваров, – вопрос, заслуживающий отдельного исследования. См.: Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей: человек в истории. М., 2011. С. 211–212.

и с казаками³: для русского законодательства их социальная маркировка, проявленная через набор отдельных правомочий, также оказывалась актуальной постольку, поскольку названные категории соприкасались с государством (через службу и ее вознаграждение) и с основными категориями русского населения (через судебные тяжбы).

Наряду с общей картиной общественной организации Уложение демонстрирует «крупный план»: детализированную иерархию «всех чинов людей» Русского государства, представленную в известных статьях «о бесчестье» в уже упоминавшейся гл. 10 «О суде» (ст. 27–99), неизменно производящих глубокое впечатление на исследователей социальной истории России. Совокупность отмеченных глав и статей позволяет говорить о том, что Уложение 1649 г. предлагает нам социальную структуру в том смысле, в котором ее понимают в современной социологии: как относительно постоянную модель социальной классификации в определенном обществе. Является ли она умозрительной, отражающей лишь «взгляды самих классификаторов, создававших схемы, исходя из неких собственных установок и целеполаганий», подобно трактатам Шарля Луазо или «Тарифу капитации» во Франции XVII в.⁴ И да, и нет. Да, поскольку явно не охватывает всего многообразия социальной реальности, оставляя вне своих рамок сообщества, не входящие в ядро Русского государства (по сути, всю периферию от «немецких» и «литовских» «украин» до «дальних государевых вотчин Сибирские земли»). Да, поскольку дает нам упомянутую социальную статику, не учитывающую в своей рубрикации целую массу подвижных, изменчивых маргинальных и переходных социальных групп, как упомянутых в самом тексте Уложения (задворные люди, бобыли, вольные люди), так и известных нам по частным актам, делопроизводству и судебным делам. Нет, поскольку, как отмечалось выше, в соответствии с юридической техникой времени, цепко и точно ухватывает наиболее важные (для власти) и характерные реалии современной социальной стратификации. Нет, поскольку она составлялась в диалоге с представителями наиболее активных и крупных социальных групп, постаравшихся донести до законодателя соб-

³ Первые проявляются как своеобразная социальная категория в ряде статей в различных главах (в частности, связанных с правовой регламентацией служилого землевладения), вторым посвящена очень лаконичная (в три статьи) гл. 24 («Указ о атаманех и о казакех»).

⁴ Уваров П. Ю. Социальные именованья парижан в эпоху Старого порядка // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 183.

ственные представления о справедливом наборе прав и обязанностей, маркирующих их статусные (самоидентификационные) позиции.

Моделирующая роль власти в данном случае проявилась в том, что, как известно, пойдя на компромисс с наиболее влиятельными социальными группами, правящая элита постаралась по возможности ясно определить и зафиксировать границы последних. Вспомним, например, попытку составителей Уложения связать право на владения поместьями по преимуществу с несением службы по «московскому» или «городовым» спискам. Вспомним, как столь же целенаправленно кодекс структурирует, маркирует посадских людей, присваивая именно им право на регулируемую городскую торговлю, на содержание постоянных торговых мест и т. п. в противоположность торгующим крестьянам. Разумеется, за всеми этими и подобными нормами – интерес и выгода властной элиты, но не только; законодательная фиксация сложившейся социальной стратификации, но и ее корректировка; некоторая перспектива общественного развития, но при этом полное отсутствие искусственно выстроенной идеальной модели общества, под которую подгоняется или к которой подвигается социальная реальность. Может быть, в силу такого своеобразного, «реактивного» и компромиссного конструирования социального власть и не добилась абсолютного социального мира (компромисс был достигнут за счет ухудшения статусных позиций большинства – крестьянства, этой вечной жертвы модернизационных процессов), но достигла относительной общественной устойчивости. При всех социальных потрясениях столетия России удалось избежать второй Смуты и краха государственности; в этом смысле трудно не согласиться с О. Н. Новохатко, охарактеризовавшей XVII в. как период «редкого равновесия», период «единства столичной и провинциальной жизни»⁵.

Языки социального структурирования

Методам социального конструирования и юридической технике соответствовал язык социальной классификации эпохи. Как и в Средние века, Уложение 1649 г. описывает социальную структуру общества через перечисление, в трогательном стремлении учесть если не всё,

⁵ Кузнецов И. Н., Новохатко О. В., Шахова А. Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке. М., 2014. С. 67.

то большую часть в той или иной мере значимых групп. Но социальный словарь кодекса знает уже и абстрактные понятия: «люди» и «чин» («чины»). В монографии высказана гипотеза, что термин «люди» являлся наиболее общим генерализирующим понятием, означавшим принадлежность к некоему множеству людей, обладавших единым определяющим признаком (признаками). В свою очередь, понятие «чин» могло являться уточняющим по отношению к «людям», но в определенных случаях могло иметь самостоятельное значение. Соотношение этих двух понятий в применении к тому или иному индивидууму или группе задавало дифференцированность классификационных иерархий, могло варьироваться в зависимости от ситуации. В этом отношении прочитанная таким образом классификационная схема, предлагаемая Уложением 1649 г., оказывалась не единственно допустимой; задавая в качестве основного классификационного критерия наличие обязанностей человека или группы перед государем и определяя их привилегии, даруемые государем, она допускает непротиворечивое существование других классификационных критериев, которые в иных ситуациях выстраивали иные схемы и иерархии (например, местническую иерархию для «родословных людей»).

Указанные прагматические потребности в простой и понятной социальной иерархии усиливаются в XVIII в. теоретическими мотивами. Идеи «регулярности», неразрывно связанные с принципами камералистского государства, с одной стороны, подводят мировоззренческий фундамент под интуитивные действия власти, а с другой – постепенно придают новый характер ее мотивации. Ясная, стройная и простая социальная структура общества – это уже не просто потребность повседневной управленческой практики, а *идеал-цель*, одно из базовых условий правильного функционирования «хорошо организованного государства». В результате власть уже не довольствуется фиксацией существующих структур, она начинает действительно *конструировать их под некую выстроенную идеальную модель*. Особенно очевидным такое стремление становится в годы Петровских реформ, первых реформ в современном понимании⁶.

⁶ См., например: Кром М. М., Пименова Л. А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени (вместо предисловия) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. ст. / под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 7–16.

С середины XVII по начало XIX в. в России можно зафиксировать несколько сдвигов в употреблении общих категорий социальной классификации. Для Московского царства к середине XVII в. базовой общей категорией выступало понятие «люди». Конкретный человек мог занимать определенную позицию с закрепленным названием (*чин...*) или находиться в определенном ситуативном положении. Соответственно, такого человека по некоторому основанию можно был отнести к той или иной категории *людей*. Для «создания» *людей* решающим был поиск определения (*служилые, русские, родословные...*), указывавшего на главный признак объединения, который можно было положить в основание. Последнее работало, прежде всего, по принципу учета («так много людей, которые обладают определенным признаком»), а не *корпоративного* объединения («так много людей, которые в своем объединении являются единым телом»). Соответственно, допускалось существование нескольких пересекающихся социальных классификаций, каждая из которых создавалась на основании определенных признаков *людей*.

С начала XVIII в. в представлениях правящей элиты Российского государства можно зафиксировать изменение подхода к осмыслению социального. Все большее влияние начинают набирать принцип *регулярства* общей социальной классификации, а также *корпоративного* устройства для некоторых социальных групп, прежде всего – *благородного дворянства*. Одним из следствий явился отход от социального классифицирования с помощью категории «люди». Ее место как наиболее общей социальной категории занимает понятие «чин». Соответственно, начинаются предприниматься попытки создания упорядоченной – *регулярной* – иерархии из нескольких *государственных чинов/родов/состояний*. За последними могло признаваться и наличие наследственного правового статуса. Однако при этом за некоторыми чинами, прежде всего за дворянством, признавалось также право быть *корпорацией*, т. е. обладать не только правами, преимуществами и обязанностями, но и выступать как единое тело, которое могло себя явить в том числе в своих органах самоуправления. Именно для обозначения такой *корпоративности* в лексиконе некоторых представителей правящей элиты в последней трети XVIII в. начинает применяться другая общая социальная категория – «сословие», которая с начала XIX в. переходит и в нормативный язык. В то же время сама специфика социального и его описания – постоянное производство многообразных смыслов и значений – работала на размывание *корпоративной* составляющей

в значении понятия «сословие». Соответственно, последнее могло применяться к большим социальным группам не только в значении *корпорация*, но и в значении некоторой совокупности людей, обладающих наследственным правовым статусом. Все это вновь и вновь вызывало проблемы при разработке единого и однозначного языка описания социальной структуры, единообразной социальной классификации, а впоследствии привело к возникновению трудноразрешимой задачи историографического характера.

Сословная парадигма и история понятий: градусы сопряженности

Представление о том, что социальное пространство России XIX – начала XX в. структурировала сетка сословий, в исторической науке стало трюизмом. Споры, порой весьма ожесточенные, ведутся по вопросам, связанным с уточнением общего контура сословной структуры, направления ее развития⁷. Но, как бы то ни было, именно сословиям отводится ключевая роль в стратификации российского общества. И даже те исследователи, кого подозревают в отрицании сословной структуры (М. Конфино)⁸, лишь указывают на ее отличительные черты от сословной структуры обществ Западной Европы (см. разд. I, гл. 1 настоящей работы).

В историописании сложилось два основных подхода к пониманию «сословия». Первый, традиционный для исторической науки, рассматривает этот термин как социологическую категорию – выделяется ряд критериев, на основании которых социальные группы либо причисляют к сословиям, либо отказывают им в праве таковыми называться. Второй подход рассматривает «сословие» как понятие исторически изменчивое, которое на протяжении всего периода бытования

⁷ В частности, исследователи дискутируют относительно вектора развития сословной структуры. Одни утверждают, что сословная структура России достигла апогея в своем развитии в первой половине XIX в., что в пореформенный период началась ее трансформация в классовую и что этот процесс прервался окончательным упразднением сословий в ходе революции 1917 г. (См., например: *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 2003. Т. 2; *Его же.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1.) Другие доказывают, что данный вектор социального развития не был настолько выражен – когда границы одних сословий размывались, другие сословия, наоборот, консолидировались. См.: *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи: (XVIII – начало XX века). М., 2009.

⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 2. С. 78.

в языковой практике меняло свое смысловое наполнение. Этот подход получил популярность сравнительно недавно – после выхода в свет статьи Г. Фриза⁹.

Очевидно, что они противоположны друг другу: в первом – задается четкий набор признаков сословия, во втором – внимание акцентируется на изменчивости содержания этого термина. В первом подходе понятие «сословие» применяется как аналитический инструмент, во втором – является объектом исследования. В первом подходе категория «сословие» понимается как конструкция социологической теории, она неисторична, не имеет четкой привязки к определенному времени (термин «сословие» одинаково хорошо применяется для описания и древних обществ¹⁰, и современных¹¹). Второй подход предполагает, что исследователь в качестве сословий может рассматривать только те социальные группы, которые именно так называются в источниках. В известной дихотомии позитивного и нормативного знания первый подход будет относиться к нормативному: указывается «то, что должно быть», второй – к позитивному: описывается «то, что есть (было) в действительности».

Применение первого подхода приводит к разделению сословных групп на «настоящие» сословия, соответствующие всем строгим критериям исследователя, и все остальные – «квазисословия», если использовать термин Б. Н. Миронова. Применение второго подхода позволяет считать сословием практически любую социальную группу, но тогда структура общества начитает восприниматься как «аморфная», состоящая из бесконечного количества мелких социальных групп. В результате

⁹ Freeze G. The Estate (Soslovie) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. 1986. Vol. 91, № 1. P. 11–36. Русский перевод: Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период : антол. Самара, 2000. С. 121–162. Следует отметить, что подобные представления о сословиях имеют весьма давнюю традицию. В конце XIX в. М. Н. Коркунов писал: «Сословный строй является у нас остатком совершившихся в XVIII столетии попыток привить к русской жизни начала западно-европейского сословного строя. В допетровской Руси сословий в собственном смысле слова не было, да и самое слово “сословие” появляется только в XVIII веке, первоначально для обозначения коллегии, корпорации и только позднее переносится на корпоративно-организованные сословия» (Коркунов М. Н. Русское государственное право. Т. 1 : Введение и общая часть. СПб., 1909. С. 274).

¹⁰ Например: Зайков А. В. Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013.

¹¹ Например: Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

и первый, и второй подходы (по разным мотивам) ставят под сомнение сам факт существования в России сословной структуры. Есть ли «золотая середина», компромиссный вариант между этими крайностями?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к содержанию термина «сословие». Начиная со статьи Г. Фриза, исследователи собрали значительную базу данных, наглядно показывающую, что термин «сословие» был полисемантичен и применялся чрезвычайно широко (например, сословием себя называла группа юристов, занимавшаяся кодификацией законов). А самое главное, со всей очевидностью выявилось, что в законодательстве термин «сословие» занимал явно маргинальное положение по отношению к термину «состояние». В результате чего вопрос о соотношении этих понятий (почему в законах доминирует «состояние», а в историографии «сословие») стал неотъемлемой составляющей любого исследования сословной структуры российского общества.

Итак, вопрос о соотношении «состояния» и «сословия» рискует превратиться в очередную «вечную» проблему исторической науки – обилие источников и поливариативность применения этих терминов дают широкий простор для интерпретаций. Тем не менее уровень разработки данного вопроса в исторической науке в настоящий момент времени фактически предполагает два решения. Первое – эти термины являются синонимами (к этому решению склоняется Б. Н. Мионов). Второе – «состояние» представляется как «нечто более широкое», а «сословие» – как нечто «узкое и конкретное» (Г. Фриз, Н. А. Иванова и В. П. Желтова). Данный спектр решений обусловлен, прежде всего, общей исследовательской установкой дать четкое определение термину «сословие»; «состояние» же при этом выступает в роли фона, на котором должны четко проступить контуры «сословия». Попытка взглянуть на данную проблему с другой стороны, со стороны «состояния», возможно, открывает новые перспективы в ее решении, тем более что этот термин в нормотворческой практике использовался чаще.

Чтобы обрисовать сословную структуру российского общества, необходимо во всем множестве социально-правовых категорий России XIX – начала XX в. выделить те, которые могут быть названы сословиями. При решении данной задачи можно использовать два, обозначенных выше подхода – позитивный и нормативный, в их сочетании.

Позитивный подход, требующий «следования за источником», приводит нас к факту явной терминологической избыточности, присущей

российскому законодательству XIX в. Термин «сословие» использовался параллельно с терминами «звание», «состояние» и «права состояния» (именно поэтому Б. Н. Миронов считает «сословие» и «состояние» синонимами). Однако определенные различия в применении данных терминов, на наш взгляд, все же имеются.

«Звание» (или «название») – это собственно понятие, маркирующее социальную категорию, группу, наделенную набором прав и обязанностей. Наиболее часто употребляющимся в законодательстве термином является «состояние». «Состояние» – это термин, обозначающий определенный набор прав, возможностей и социальных функций, он применялся в равной степени как к отдельному индивиду, так и к различным группам лиц. «Сословие» – это термин, применимый только к социальным группам, *имеющим внутреннюю упорядоченность или систему самоорганизации* (будь это хоть род и племя – наличие родоплеменной организации дает законодателю повод применять данный термин). Таким образом, индивид мог быть представителем некоторого сословия (например, дворянин), а мог и не быть (например, дворовой человек), но всегда был носителем определенного *состояния*, т. е. термин «состояние» шире, чем термин «сословие», но не в том смысле, который имели в виду Н. А. Иванова и В. П. Желтова. «Сословие» – это группа, являющаяся носителем определенной совокупности правомочий, т. е. набора прав, запретов, социальных функций. «Состояние» – это та совокупность правомочий, правовой статус группы, который выделяет ее среди подобных. «Сословие» – носитель «состояния», а «состояние» – набор прав, обязанностей и возможностей «сословия». «Звание» – это маркер носителя или носителей определенного набора правомочий.

Второй подход к выявлению сословий – нормативный – базируется на фиксации сословий по соответствию социальной группы набору критериев. Историографическая традиция сформировала вполне четкое представление о содержании термина «сословие», которое очень хорошо было представлено Б. Н. Мироновым в виде шести признаков (см. разд. II, гл. 3 настоящей работы). Но поскольку сословие это, прежде всего, социально-правовая категория, число признаков можно сократить вдвое, исключив из перечня сословного особенности психологии и моды и соединив возможность участия в местном управлении с возможностью объединяться в корпорации (сословные организации, как правило, предполагают самоуправление). Таким образом, в качестве ключевых признаков сословия остаются: 1) набор прав и обязанностей,

2) возможность передавать и получать их по наследству, 3) наличие организации и участие в управлении. Следовательно, сословие – это упорядоченная социальная группа, у которой в совокупность правомочий (круг прав и обязанностей) входят право на передачу этого состояния по наследству и право на самоорганизацию и самоуправление. Сословие (как оно понимается в историографической традиции) является частным случаем «состояний», а потому возможны и такие варианты правовых состояний, которые будут включать либо наследуемость статуса без права на самоорганизацию, либо, наоборот, право на самоорганизацию без права на передачу правового положения по наследству.

Итак, отношения терминов «состояние», «сословие» в *законодательстве XIX в.* и «сословие» в *историографии* выстраиваются в такой иерархии. Наиболее широким по своему смысловому наполнению является термин «состояние» – это любой особый набор прав и обязанностей. Уже содержание «сословия» – в XIX в. это структурированная группа с определенным набором прав и обязанностей. Еще уже «сословие» в исторической науке – это структурированная, самоуправляемая группа, члены которой передают свои права по наследству.

Таким образом, в самом широком смысле слова (и с позитивной, и с нормативной точки зрения) сословие есть социальная группа, включающая лиц, находящихся в одинаковом правовом статусе, обладающая специфическим набором прав и обязанностей, отличающим ее от других. В этом отношении понятие «сословие» действительно становится тождественным понятию «состояние» российского законодательства XIX в. Но в этом же отношении оно может быть отождествлено, например, и с понятием «люди», бытовавшем в юридических нормах XVII в.

В более узком смысле под сословием возможно понимать группы лиц одинакового правового статуса, приобретаемого и передаваемого по наследству; еще в более узком – к этим критериям добавляется право на самоорганизацию (корпоративность) с наличием органов самоуправления и возможность участия в управлении. Нормативно российское общество на протяжении XVII–XIX вв. так и не стало полностью и исключительно сословным в узком смысле. Считать его таковым не позволяет наличие слишком большого количества социальных групп, которые даже в позднейперсидский период не стали обладателями всех признаков сословности. Наверное, оно и не могло стать таковым: узкосословное деление было идеальной моделью, недостижимой в силу сложного и динамичного состояния социальной реальности.

Собственно, сама трансформация понятия «сословие» показывает, как под влиянием многочисленных социальных практик деформировалась нормативная модель, которую, начиная с XVIII в., пыталось утвердить государство. И «государственные чины/роды» уложенных комиссий XVIII столетия, и «состояния» последующего времени демонстрировали то, что к «сословиям в узком смысле слова» и законодатель, и социальная практика относили лишь меньшую (в абсолютном и в относительном измерениях) часть общества. В то же время даже для XVII в. возможно выделение групп, которые, в той или иной степени, *de jure* или *de facto* были близки к сословиям в «узком смысле» (в первую очередь это служилые люди Европейской России, ставшие ядром российского имперского дворянства, посадские, черносозные крестьяне Русского Севера и т. п. категории, которые, если угодно, можно именовать формирующимися сословиями). Таким образом, спор о том, являлось ли российское общество сословным или не являлось таковым – вопрос научной конвенции. Если из всего набора критериев сословности делать акцент на его *юридической составляющей*, на идее правовой, нормативно закреплённой совокупности прав и обязанностей, нормативно закреплённой иерархичности, т. е. *юридически закреплённом неравенстве*, российское общество XVII–XIX вв. можно признать сословным.

Взаимопроникновение сословной и классовой иерархий

Надо ли вообще цепляться за «сословную парадигму»? Имеет ли это научный или какой-либо иной познавательный смысл? Нам представляется, что такой смысл есть.

Во-первых, он задается самой природой изучаемого общества. Упорное стремление верховной власти на протяжении всего изучаемого периода к выстраиванию юридически закреплённой социальной иерархии, от которой, по крайней мере декларативно, пришлось отказаться только в результате краха империи, показывает, что в основе своей общество оставалось аскриптивным, состоящим из лиц и групп с нормативно предписанным статусом. Для России регулятивная роль государства – одна из доминант развития, а государственные предписания, в том числе и в сфере социального конструирования, являлись не пустым звуком. Приведенные в третьем разделе кейсы демонстрируют, что, при всех вариациях жизненных ситуаций и индивидуальных и кол-

лективных социальных стратегий, общество в целом вынуждено было к этим предписаниям, как минимум, приспособливаться, учитывать их, стараться использовать на практике в своих интересах.

Во-вторых, «сословная парадигма» дает наиболее гибкий семантический вариант описания, а значит, и общего понимания происходивших социальных процессов. Гипертрофированные попытки использовать в качестве обобщающих социальные понятия, содержащиеся в разновременных исторических источниках, приводят к еще большим затруднениям в выработке более или менее адекватного научного языка. Мы уже писали, что определение, например, русского общества XVII в. как «людского» или даже «людско-чиновного» плохо воспринимается с точки зрения языковых норм и едва ли пригодно в качестве обобщающего термина, выходящего за относительно узкие рамки конкретно-исторического феномена. То же можно отнести и на счет гипотетических конструкций, которые можно было бы выстроить на понятиях «государственных родов», «званий» или «состояний». Не приводит к прояснению смысла изучаемых социальных реалий и вроде бы более продуктивный термин «чин»; его богатая смысловая палитра так и не позволила ему стать однозначно трактуемым агрегирующим социальным понятием ни в XVII, ни в XVIII в., ни в «кабинетных» построениях позднейшей историографии.

Постулируя аскриптивную основу российской социальной системы, наиболее адекватно описываемую с помощью понятия сословности (в предложенном широком понимании термина), мы, разумеется, отдаем отчет в том, что и она нуждается в целом ряде пояснений и уточнений.

В первую очередь следует подчеркнуть, что последовательные усилия власти по созданию относительно простой и при этом нормативно предписанной социальной структуры были вызваны в условиях российских реалий не столько пресловутым «деспотизмом», сколько отчаянной попыткой *структурировать неструктурируемое*. Неоднократно отмечаемое стремление к созданию «хорошо управляемого государства» – стремление, присущее любой монархии Нового времени, – всякий раз осложнялось фактором постоянно расширявшейся государственной территории, этого преимущества и этого кошмара гигантской континентальной империи. Перманентное усложнение социальной стратификации, происходившее за счет включения все новых и новых общностей, не позволяло устояться, унифицироваться конструируемой социальной структуре. Поэтому даже в пореформенный

период, когда в распоряжении власти оказались и более разветвленный и многочисленный, чем ранее, управленческий аппарат, и более совершенные технико-юридические приемы и практики, и более цельное, системное понимание перспектив развития, она была вынуждена, как и в XVII в., смиряться с необычайной пестротой и многообразием социальной реальности. Была вынуждена вновь и вновь возвращаться к «реактивным» («рефлекторным») механизмам социального структурирования, по возможности тщательно фиксируя юридический статус «социального ядра» и лишь «рамочно» определяя статус многочисленных «социальных периферий». Во-вторых, означенная аскриптивность (сословность в широком смысле слова) российского социума являлась мягкой и позволяла существовать параллельно и в сложных переплетениях с собой иным социальным иерархиям, основанным на иных стратификационных критериях. Они на практике признавались властными структурами (по умолчанию либо с теми или иными оговорками) и оказывали влияние на реальную конфигурацию общественных (межгрупповых, внутригрупповых и индивидуальных) отношений.

Прежде всего, мы имеем в виду стратификацию, основанную на экономических, рыночных критериях, определяющих место человека или группы в системе производства и потребления. В специальной литературе ее принято называть классовой, и как бы ни дискредитировало себя понятие класса, мы никуда не денемся от самих явлений, порождающих классовую иерархию. Равным образом, какой бы смысл ни вкладывали последователи различных социологических и исторических научных школ в понятие «класс», общим остается одно: классовая иерархия общества задается не юридически закрепленной иерархией привилегий и нормативным распределением, а работой ради потребления, трудом ради заработка, деятельностью ради получения дохода¹².

Исследование социальных отношений России Нового времени вполне отчетливо показывает, что классовая стратификация была им присуща. Не погружаясь в пучину давних споров о «раннем» и «позднем» генезисе капитализма в России, бывших одной из доминант советской историографии, отметим, что для периода XVIII – начала XX в. наличие классовых различий – факт¹³.

¹² Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. С. 24–35.

¹³ Их следы, разумеется, можно отыскать и раньше, но именно в этот исторический отрезок их наличие уже настолько явно, что не требует доказательств.

Что дает нам эта констатация? В первую очередь – возможность увидеть способность сосуществования сословной и классовой иерархий как взаимопроникающих социальных систем. При очевидной разнице их оснований и неизбежно возникающем напряжении в зонах их соприкосновения у них есть потенциал взаимодействия. Нарастающее усложнение форм хозяйственной жизни и преодоление локальной замкнутости экономик вынуждали власть приоткрывать социальные шлюзы и лифты, обусловленные сословной ранжированностью. Например, мириться с наличием крестьянской торговли и промыслов, ориентированных на рынок; закрывать глаза на приобретение крепостных заводоладельцами-недворянами и легализацию на заводах беглых; признавать личное управление дворян своими именьями видом службы и т. п. В то же время стремление обеспечить свою жизнь через доходные виды деятельности, не связанные со службой и тяглом, или просто полноценно воспользоваться плодами такой деятельности требовало приспособления к сословной структуре, позиционирования себя через сословные маркеры. Так, разумеется, купец или мещанин мог завести фабрику, но достигнув дворянского состояния, был способен через сословные привилегии получить более комфортные условия ведения дела. Крепостной-приказчик, входящий в самые высокие губернские присутствия, или тот же крепостной, достигший через торговые операции значительных капиталов, оставались всего лишь крепостными; закрепление их социального успеха было невозможно без перехода в свободное состояние и «натурализации» в одном из свободных сословий. Никакое богатство не могло само по себе гарантировать повышения статусных позиций вне заданной решетки сословной иерархии. Но еще раз повторим: это была решетка, а не монолитная плита; аскриптивность российской социальной структуры была относительно мягкой, позволявшей в том числе различные варианты легальной вертикальной мобильности, самый известный из которых (хотя и не единственный) – аноблирование (нобилитация). Несомненно, сети хозяйственных рыночных ассоциаций оплетали прутья сословной решетки, формируя новую социальность, порождая, как было сказано, новые зоны напряженности (хрестоматийный пример тому – пресловутый «крестьянский вопрос», проблема крепостного права, ставшая предметом широкой дискуссии уже в начале второй половины XVIII в.) и побуждая к поиску решений в рамках различных общественно-политических программ и действий (консервативно-охранительных, либеральных, революционных).

Очевидно, что экономическая подоплека социальных трансформаций становилась с течением времени все заметнее и, закрепляя новые реалии социальной стратификации, все больше входила в противоречие с существующей сословной моделью организации социума. Это общее место в самых разнообразных исследованиях по истории поздней имперской России, доказывающее, кроме прочего, постепенный переход от сословной иерархии к классовой. И против этого вроде бы трудно возразить, тем более что и наши собственные материалы, изложенные, в частности, в 6-й главе третьего раздела, подтверждают правомерность подобного, устоявшегося в историографии вывода. Интенсивное развитие капиталистических отношений «растворяло» сословные барьеры, формировало феномен человека «современного» типа, массового субъекта общества потребления. Но важно обратить внимание на другое обстоятельство, тоже, в общем-то, не новое, но ускользающее от внимания авторов, пишущих крупные обобщающие труды и, в силу исследовательского масштаба, пренебрегающих деталями. Какие социальные слои были затронуты этими процессами? Какова была глубина социальных трансформаций при 14 % городского населения даже к началу XX в. (по состоянию на 1913 г.)? Насколько классовая структурация воспринималась/осознавалась современниками и может ли вообще «классовая парадигма» быть продуктивной при описании социальной реальности России XVII–XX вв.?

В связи с этим весьма показательна история бытования и семантической эволюции понятия «класс» (в социальном смысле) и двух его базовых компонентов: «буржуазии» и «пролетариата». В первую очередь следует отметить очень позднее их появление в русском языке. Вполне ожидаемо, что старейший русский академический словарь конца 1790-х гг. в принципе не знает слов «буржуазия» и «пролетариат», а понятие «класс» в его социальном значении трактует вполне однозначно: «Степень, каковую занимает по службе, начиная от нижняго офицерскаго чина до вышняго; таковых степеней считается 14»¹⁴.

Толковый словарь Владимира Даля, вышедший в 1860-х гг., объяснял понятие «класс» в интересующем нас значении вполне в том же духе, как «отдел, раздел, отделенье, разряд, порядок, круг однородного || степень || сословие», приводя в качестве примера такое словоупотребление: «...чины в России распределены на 14 классов <...> Классное место в гражданской службе; штатное, вошедшее в роспись и замещаемое чи-

¹⁴ Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3 : От 3 до М. Стб. 590–591.

новником, место офицерского чина». Практически без изменений, почти текстуально, это толкование повторялось и в последующих, втором и третьем, изданиях словаря в 1880–1882 и в 1903–1909 гг. (под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ)¹⁵. Слово «буржуазия» в первом и втором изданиях красноречиво отсутствует, а в третьем, начала XX в., объясняется очень широко: «Мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, горожане (sic!), обыватели, торговый и ремесленный люд». Однако под влиянием времени третье издание словаря давало и уточнение: «Филистеры; все общественные сословия в противоположность рабочим или пролетариату. Буржуй, буржуа – человек не рабочего сословия или же мещанского, филистерского мировоззрения»¹⁶. Что касается «пролетариата», то Словарь Даля раскрывает содержание слова через исходное «пролетарий»: «Бобыль, бездомок или безземельный, бесприютный, захребетник». В свою очередь, «пролетариат, пролетарство» есть «*состоянье*, быт и *сословие* пролетариев; бобыльство, бездомничество, безземелье, захребетничество»¹⁷. В третьем издании, повторившем почти дословно определение предыдущего, в квадратных скобках добавлены примеры словоупотребления: «[Германский организованный пролетариат. Преступный трущобный пролетариат]»¹⁸. Примеры из Словаря Даля тем примечательней, что они дают образцы простонародного, бытового словоупотребления в полувековой динамике и, таким образом, маркируют интересующие нас социальные понятия, демонстрируют их обиходное понимание современниками.

¹⁵ Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля : в 4 ч. 1-е изд. М., 1865. Ч. 2. С. 727; Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля : в 4 т. 2-е изд., испр. и значительно умнож. по рукописи автора. СПб.; М., 1880–1882; Там же. 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. проф. А. И. Бодуэна де Куртенэ. СПб. ; М., 1903–1909.

¹⁶ Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. 3-е изд. СПб. ; М., 1903. Т. 1. Стб. 350.

¹⁷ Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. 2-е изд.. СПб. ; М., 1882. Т. 3. С. 511. Любопытна еще одна фиксация бытовой интерпретации слова «пролетарий», которая появилась, вероятно, не ранее чем в порефоменную пору. Мы находим ее в этимологическом словаре Макса Фасмера: «Пролетариат. Вероятно, через нем. Proletarien из лат. proletarius “гражданин, который служит государству только тем, что имеет детей” <...> Под влиянием этого слова возникло шутовое *пролетарий* (здесь и далее в цитате выделено в издании. – Авт.) “банкрот” из *пролететь в трубу* “разориться” (Корш, ИОРЯС 11, 1, 274)» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 2003. Т. 3. С. 375).

¹⁸ Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. 3-е изд. СПб. ; М., 1907. Т. 3. Стб. 1288.

Популярный, выдержавший несколько изданий на рубеже XIX–XX вв. «Настольный энциклопедический словарь» издательства А. Гранат и К^о в определении класса упорно придерживается традиционного его толкования: «...б) Степень, *чин* гражданской службы (см. табель о рангах)»¹⁹. Правда, объясняя значение слова «пролетариат», как бы противореча себе, словарь сообщает, что «пролетариат» – это «*класс общества, лишенный собственности и средств производства... и потому вынужденный жить наемным трудом, рискуя, за отсутствием всяких сбережений, при неблагоприятном стечении обстоятельств... попасть в разряд пауперов (см. пауперизм)*»²⁰. Вероятно, знакомство издателей с марксизмом и их леводемократические убеждения привели к новой трактовке понятия «буржуазия», которое объяснялось как «*термин, со времен Сен-Симона и французских утопистов принятый для определения класса промышленников, представляющих интересы капитала, в противоположность рабочему пролетариату, являющемуся представителем интересов труда*»²¹.

Наконец, самое полное и, вероятно, отражающее научное представление того времени объяснение интересующих нас понятий можно обнаружить в «Большой энциклопедии» начала XX в. Эти словарные статьи заслуживают пространного цитирования. Слово «класс», с характерной пометой «социол.», раскрывается так: «...*естественное деление общества по занятиям и интересам, если такая группировка не санкционируется и не фиксируется законом. <...> С уменьшением значения политического фактора и с ростом фактора экономического и его влияния, политическая форма (основа кастового и сословного делений. – Авт.) пала и современные цивилизованные общества распадаются на классы по роду занятий и по интересам, не образуя узаконенных корпораций и не фиксируя своего всегда подвижного состава. Борьба классовых интересов между собою и их столкновение с интересами целого составляет кардинальную сторону современной истории*»²². В таком же несословном, гражданском духе энциклопедия раскрывает значение слова «пролетариат»: «...В новое время под п[ролетариатом] подразумевают *граждан*, хотя и содержащих себя заработком, но ни-

¹⁹ Цит. по: Настольный энциклопедический словарь : в 8 т. 3-е изд., стереотип. М., 1897. Т. 4. С. 2169.

²⁰ Там же. 2-е изд., стереотип. М., 1896. Т. 7. С. 4112.

²¹ Там же. 4-е изд., перераб. М., 1901. Т. 2. С. 752. В этом варианте слово «буржуазия» фигурирует, скорее, как аналитическое понятие.

²² Большая энциклопедия. СПб., 1903. Т. 11. С. 38.

какого другого обеспечения не имеющих. Пролетариат – совокупность таких лиц»²³. Воздавая должное традиции, авторы энциклопедической статьи о буржуазии сначала в скобках дают калькированное толкование слова: «бюргерство, *мецанство*», а далее поясняют: «...возникла сначала в городах Франции, столько же, как противоположность дворянству и духовенству, сколько и собственно рабочему классу. Французские коммунисты и социалисты (особенно Сен-Симон, противопоставлявший буржуа рабочему) расширили это понятие, употребляя слово “буржуазия” в противоположность *peuple* (народ), как обозначение имущего класса, который односторонне и бездушно защищал только интересы капитала состоятельных средних классов против рабочих. В этом смысле понятие о буржуазии сделалось употребительным всюду у социалистов»²⁴.

Приведенные сведения показывают, что базовая «классовая» лексика появилась в русском языке очень поздно, долгое время не имела устойчивого и однозначного толкования. Даже в начале XX в. преобладало отождествление понятий «класс», «сословие» и «чин», а понимание слов «буржуазия» и «пролетариат» в качестве двух основных, противостоящих друг другу социальных общностей, определявших суть социальной стратификации, являлось достоянием «левого» спектра общественно-политического дискурса.

В связи с этим представляется, что описание российского общества Нового времени в духе классовых категорий не имеет смысла. Мы, разумеется, должны учитывать, что по крайней мере с XVIII столетия социальная стратификация в России формировалась в том числе под влиянием новых экономических явлений; это, в свою очередь, приводило к размыванию аскриптивной сословной модели его устройства, порождало в различных ситуациях сложные модели социальных интеракций. Но при этом вплоть до конца XIX в. сословная структура общества не сдавала своих позиций, а классовая лексика в большинстве случаев не становилась социально-маркирующей. Отсутствие классовой лексики в речевом обиходе при наличии самих условий для развития классовой стратификации возмещалось привычными вербальными маркерами сословности, а индивидуальные и групповые поведенческие стратегии соизмерялись с предписанными статусными ограничениями. Поэтому, с точки зрения позитивного подхода, «классовая парадигма» в качестве

²³ Большая энциклопедия. 1904. Т. 15. С. 666–667.

²⁴ Там же. 1901. Т. 4. С. 102.

описания российского общества может быть уместна разве что в рамках узкого хронологического диапазона рубежа XIX–XX вв. Нормативный подход, с помощью которого российское общество описывалось и анализировалось с «классовых позиций» едва ли не «со времен Русской Правды», в советской историографии давно показал свою несостоятельность. Можно и дальше объединять русское боярство, городских дворян и детей боярских Европейской России и, например, сибирских служилых людей, а заодно и остяко-вогульских князьцов и остзейских баронов понятием «феодалы»; считать промышленников-заводовладельцев из числа елизаветинских сановников и выходцев из купечества единым «классом крупной буржуазии», а торгующих вечноотданных или мещан-кустарей – «представителями мелкой буржуазии»; крестьян-отходников, сезонно кормящихся плотницким или строительным делом, – «пролетариями», однако это несколько не приблизит нас к пониманию социальной реальности общества, в котором сословная принадлежность оставалась главным социальным статусом, определяющим положение индивидуума или группы в социуме.

Российское общество тем не менее развивалось в общем русле с обществами остальных европейских стран. Вполне допустимо, что в течение XX в. и в России в конце концов осуществился бы переход от преимущественно аскриптивного общества юридически закрепленного неравенства к гражданскому, преимущественно дескриптивному обществу юридического равенства. Но революционные события 1917 г., за которыми в конце 1920-х гг. последовал старт плановой экономики, кардинально изменили социальную картину. Масштабы и глубину этой трансформации, судя по всему, современная наука полностью не осмыслила до сих пор. Беспрецедентная социальная ломка, приведшая к реанимации небывалой по масштабу практики аскриптивного ранжирования, вызвала к жизни архаические модели социального поведения, в частности, расцвет патрон-клиентских отношений и связанную с ними клановость. Декларирование всеобщего равенства на практике обернулось жесточайшим террором, направленным на уничтожение или изгнание из правосубъектного поля целых социальных страт («классово чуждых элементов»).

Разгром «враждебных классов» давал советским вождям возможность провозгласить конец «эксплуатации человека человеком» в СССР. И правда: какая же эксплуатация без эксплуататорских классов, если в Союзе после коллективизации осталось лишь два класса, рабочих

и крестьян-колхозников, грань между которыми, по словам И. В. Сталина, «стирается»? Классовая борьба ушла в прошлое, освободив пространство для невиданного доселе «морально-политического единства» советского народа. Но существовал и другой род неравенства, таившийся в самой структуре экономических отношений: неравенство руководителя и подчиненного, образованного и необразованного, специалиста и чернорабочего. Ведь даже советские заводы не могли обходиться без директоров, главных инженеров, начальников цехов. Эту проблему часто – вслед за вьедливым анализом Троцкого, который в эмиграции бичевал сталинский Союз как воплощение аппаратного «центризма», – считают проблемой бюрократии, однако такая постановка вопроса обедняет палитру социальной реальности. Ведь сам термин «бюрократия» приобрел в XX в. пейоративный оттенок – в таком ключе, например, его трактовал во влиятельном сочинении «Номенклатура» М. С. Восленский, с легкостью определивший бюрократию «классом-паразитом». Увы, в системе плановой экономики в когорту «паразитов», по определению М. С. Восленского, приходилось зачислять всех, едва отличающихся от рядового рабочего или колхозника, начиная с фабричных мастеров...

Большевистские лидеры осознавали проблему. Еще в 1920 г. Н. И. Бухарин (в работе «Экономика переходного периода») сетовал на то, что «людские технически трудовые отношения суть в то же время отношения социальные», и вынужден был оправдывать «милитарный» тип управления, который сменил на фабриках возникшую было после революции выборность снизу. «Принцип широкой выборности снизу... заменяется принципом тщательного подбора в связи с техническим и административным стажем, компетентностью, твердостью кандидатов. Во главе правлений заводов становятся ответственные лица – рабочие или специалисты-инженеры», – писал он²⁵.

Впрочем, затем «любимец партии» обнадеживающе добавлял: «Поскольку острота хозяйственного кризиса будет проходить и поскольку будут накапливаться все большие ресурсы человеческого материала, который может управлять и умеет управлять, постольку не будет надобности в резко выраженном милитарном типе управления. <...> По мере отмирания государственной власти и всякой принудительной нормировки человеческих отношений коммунистическое человечество

²⁵ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 147.

создаст наивысший тип «управления над вещами», где исчезнет и самая проблема коллегиальности или единоличия, ибо люди будущего будут добровольно делать то, что будут требовать сухие выкладки статистического подсчета. Управление над людьми исчезнет навсегда»²⁶.

Но простого решения здесь не нашлось – количество «человеческого материала», который «умеет управлять», росло, но «управление над людьми» никуда не исчезло. Зато к концу 1930-х гг. в речах партийных руководителей появляется, рядом с классами рабочих и крестьян, и пресловутая «прослойка» социалистической интеллигенции. Амбициозная социально-экономическая программа «построения социализма в одной стране» с опорой на внутренние ресурсы, замена рыночной экономики плановым хозяйством привели к созданию своеобразной социальной стратификации. Советское общество вполне можно, на наш взгляд, вновь охарактеризовать как аскриптивное, или, точнее, латентно-аскриптивное. За конституционными декларациями равенства трудящихся, а позже – после того, как Сталин в конце 1930-х гг. декларировал построение социализма «в основном», – и всех граждан Союза, сформировалась социальная организация, сочетавшая жесткое неравенство и принуждение, предписанные подзаконными актами, партийными и ведомственными инструкциями, с высокой социальной мобильностью. Со временем, разумеется, драматический накал, сопутствовавший становлению этой системы, ослабевал; сети неформальных общественных интеракций вновь оплетали и расшатывали решетку заданной структуры, создавая комбинированные социальные иерархии, трудно поддающиеся анализу и побуждающие искать аналогии в прошлом. В частности, в этом контексте выводы ряда современных авторов о сословной сути советского общества вроде бы не выглядят такими уж экстравагантными.

Можно ли согласиться с такой оценкой? Думается, что в определенной мере это имеет смысл, если трактовать сословие предельно широко, как феномен, присущий аскриптивной социальной стратификации; в таком случае группы колхозников, ИТР, членов творческих союзов, партийных работников могут считаться до некоторой степени аналогами «чинов» или «сословий» старого времени.

Но уникальность советского общества в том и заключалась, что маркеры социальных границ были не столько правовыми (ибо конституционно советское общество оставалось обществом декларируемо-

²⁶ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. С. 149.

го равенства, а наборы привилегий и обязанностей, как упоминалось выше, определялись подзаконными нормативами, а то и традицией), сколько экономическими (место в системе плановой экономики и связанной с ней советской торговли-распределения, беспрерывно страдавшей от острого дефицита). А поскольку – в силу своих идеологических оснований – советская плановая экономика была экономикой полной занятости и беспрерывно росла, постольку она генерировала высокую вертикальную (кадровый голод) и горизонтальную (новые стройки) мобильность, опирающуюся на систему образования. Ярким примером этого является социальная общность, сформировавшаяся вокруг научно-производственного атомного комплекса СССР. Поэтому характеристика советской социальной структуры как сословной и «кормленческой» при всей своей яркости все же не позволяет глубоко и адекватно оценить своеобразный опыт «первого в мире государства рабочих и крестьян». Вероятно, более продуктивным является исследовательское направление, которое пытается сформулировать представление о дуальной или полиморфной системе социальной стратификации советского общества (работы В. И. Ильина, В. В. Радаева, О. И. Шкаратана и др.).

Черт прячется в деталях. Разумеется, мы рассмотрели лишь малую долю из той динамичной системы социальных конфигураций, которые возникали на протяжении четырехсотлетней российской истории. Наша задача заключалась в том, чтобы продемонстрировать, каким образом в конкретные исторические моменты действия и представления социальных акторов (будь то дворянские идеологи века Просвещения, выучившиеся грамоте вечноотданные уральских заводов или работники «закрытых» советских предприятий) определяли формы и решетки и сетей, и попытаться проследить преемственность и разрывы в длительном процессе социального конструирования. Думается, приведенные нами «частности» вносят существенные коррективы в, казалось бы, всеохватные «общие принципы» сегодняшнего социологического знания. Надеемся, что накопление и осмысление нового эмпирического материала приведет к созданию новых системных представлений, которые в перспективе дадут нам очередной ответ на вечный вопрос: «Как устроено общество?»

Список сокращений

- ГАПК – Государственный архив Пермского края
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
- ГАТО – Государственный архив Тюменской области
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. СПб., 1846–1872
- НИА СПбИИ РАН – Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
- НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки [Российской] академии наук (Санкт-Петербург)
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ПРП – Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952–1961. Вып. 1–8
- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. СПб., 1830
- ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : в 129 т. СПб., 1830–1885
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории (Москва)
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 40 т. СПб., 1872–1927
- Сб РИО – Сборник Русского исторического общества : в 148 т. СПб., 1867–1916
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел : в 4 т. М., 1813–1826
- СЗ РИ – Свод законов Российской империи : в 34 т. СПб., 1857–1868

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ФИРИ РАН – Филиал Института российской истории Российской академии наук (ныне – Санкт-Петербургский институт истории РАН)

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны (Подольск)

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики (Ижевск)

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург)

Алфавитный указатель имен

А

- Абаляев Константин Васильевич (1902–1938), второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б), 495
- Абрамов В. Н.*, 101
- Абрамович К. С., статский советник, назначен прокурором Пензенской губернии в 1866 г., 437
- Абуш-Ахметов Абдурахман (1896–1942), заведующий отделом руководящих партийных органов Свердловского обкома ВКП(б) (1937–1938), 514
- Авенариус М.*, 200
- Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937), советский партийный деятель, 483
- Аврорин Евгений Николаевич (р. 1932), советский и российский физик-теоретик, 630, 633, 635
- Аврус А. И.*, 110
- Агриппа Менений Ланат (? — 493 г. до н. э.), древнеримский политический деятель, консул, 156, 157
- Агюлон М.*, 59, 62
- Адамский В. Б.*, 648
- Акишин М. О.*, 334, 335, 337, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 347, 348, 350, 351
- Аксютин Ю. В.*, 101, 103
- Александр I (1777–1825), российский император (1801–1825), 151, 153, 175, 187, 412
- Александр II (1818–1881), российский император (1855–1881), 429, 435
- Александр Македонский (356(?)–323 гг. до н. э.), 160
- Александр Ярославич Невский (1220/1221–1263), 162
- Александров Анатолий Петрович (1903–1994), советский физик, 614
- Александров Анатолий Сергеевич (1899–1979), 616
- Александров В. А.*, 323, 338
- Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь (1645–1676), 134, 361, 431
- Алиханов Абрам Исаакович (1904–1970), советский физик, 610, 611, 614
- Аллахвердян А. Г.*, 638
- Алфёров Владимир Иванович (1904–1995), конструктор, организатор производства, 644
- Альтшулер Лев Владимирович (1913–2003), советский физик, 617, 638
- Аман, ветхозаветный персонаж, гонитель евреев, 159
- Амвросий (Юшкевич) (ок. 1690–1745), архиепископ Новгородский и Великолуцкий, 162
- Аминадзе Р.*, 25
- Амосова О. С.*, 94
- Ананийчук В. Н.*, 641
- Ананьев Д. А.*, 330, 335, 341, 347, 348
- Андреев Андрей Андреевич (1895–1971), российский революционер, партийный и государственный деятель, 480, 492, 493, 516, 519

- Андреев И. Л.*, 328
Андрианов Василий Михайлович (1902–1978), советский партийный деятель, 519, 521, 522, 524, 528, 530, 537
Анисимов Е. В., 17
Анохина Л. А., 443
Анна Иоанновна (1693–1740), русская императрица (1730–1740), 176, 366
Антоний (Румовский) (1738–1786), архимандрит Новгородского Николо-Вяжищского монастыря, 164
Анцыферов Ф., депутат Уложенной комиссии, 182
Апкаримова Е. Ю., 444
Аполлон, персонаж древнегреческой мифологии, 462
Аракчеев В. А., 18, 358
Аргамаков В. А., дворянин из Великого Устюга, 360
- Б**
Бабичев, кн., поручик, 414
Бадовский Д. В., 565
Байдин В. И., 369, 370
Бакст Л., 462
Балезин Степан Афанасьевич (1904–1982), советский химик, участник организации работ по использованию атомной энергии, 610
Бальцер Г., 68
Бандурко, 544
Басин Давид Борисович, слесарь водоканалцеха Челябинского тракторного завода, 542, 543
Баранов Е. Ю., 563
Аристов Аверкий Борисович (1903–1973), советский партийный деятель, 522, 523, 525, 526, 528, 529, 530, 549, 552, 554, 555, 557, 558, 559, 560
Аристотель (384–322 гг. до н. э.), древнегреческий философ, 156
Арнаутов Н. Б., 101
Арон Р., 55, 58
Артемов Е. Т., 18, 631, 642
Арцимович Виктор Антонович (1820–1893), русский государственный деятель, участник реформ Александра II, 432
Арцимович Лев Андреевич (1909–1973), советский физик, 614
Аршинов А. Н., работник Уральского электрохимического комбината (1958–1995), 651
Афанасьев М. Н., 603
Афанасьев Ю. Н., 100
Ахиезер А. С., 109
- Баррэддж М.*, 68, 69
Бартлетт Р., 414, 415
Бахрушин С. В., 334, 335, 336
Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), государственный деятель, малороссийский дворянин, 426, 427
Бездомов Григорий Андреевич (1906–1981), председатель Челябинского областного исполнительного комитета, 550
Бейне, семья оружейных мастеров — иностранных специалистов на Урале, 416
Беккер Г., 11, 131

- Беклемишев Никита, московский дворянин середины XVII в., 324
- Белобородов Александр Андрианович (1903–1983), первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б), 546, 547, 548, 549, 550, 551, 561
- Белобородов С. А.*, 396
- Белов Иван Сергеевич (1902–?), заведующий отделом школ и науки Свердловского обкома ВКП(б), 518
- Белой Григорий Григорьевич, главный приказчик Нижнетагильской конторы во второй половине XVIII в., 379, 380, 381, 382
- Белоконева А. А.*, 649
- Белявский М. Т.*, 148
- Бенуа А.*, 462
- Березовский Д. В.*, 94
- Берелович А. Я.*, 319
- Берестов, прикрепленный охранник А. Б. Аристова, 557
- Берида Ф.*, 57
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), 526, 611, 616, 617, 622
- Берман Борис Захарович (1897–1938), третий секретарь Свердловского обкома, 494, 495, 496, 497, 499, 500, 503, 511, 515, 517
- Бернанос Ж.*, 60
- Беспалов Алексей Николаевич (1907–1992), секретарь Челябинского горкома ВКП(б), 533
- Бессмертный Ю. Л.*, 23, 24, 64
- Бессонов, сержант лейб-гвардии, 406
- Бессонов Михаил Михайлович (1901–?), заместитель председателя Совета министров СССР, 550
- Бёдекер Х. Э.*, 45, 46
- Бикбов А.*, 48, 49
- Бланкенгаген, иностранный специалист на русской службе первой половины XVIII в., 417
- Блаткова В. В.*, 94
- Блок М.*, 55, 56
- Блумер Г.*, 458
- Блюм А.*, 645
- Бобровский П. О.*, 427
- Богачев Георгий Сергеевич (1897–1938), председатель Свердловского областного совета профсоюзов, 488
- Богословский М. М.*, 140, 343
- Богуненко Н. Н.*, 643
- Богушевский Владимир Сергеевич (1895–1939), советский журналист и партийный деятель, 274
- Бодрийяр Ж.*, 463
- Бодуэн де Куртенэ И. А.*, 670
- Бойцов М. А.*, 23, 64
- Болотин Захар Самуилович (1895–1937), член ВКП(б), заместитель наркома внутренней торговли СССР, 291, 292
- Болотников Иван Исаевич (1565–1608), военный и политический деятель Смутного времени, руководитель восстания 1606–1607 гг., 361
- Болтански Л.*, 55, 59, 61
- Бондаренко В. А.*, 609
- Бондаренко Ф. В.*, 416
- Бор Нильс (1885–1962), датский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии, 24
- Борегар де, барон, вербовщик швейцарских колонистов для поселения в России, 411

- Борзов Е., депутат Уложенной комиссии, 181
- Борисов Степан Константинович (1902–?), начальник санитарной части и спецполиклиники УМВД по Челябинской области, 548, 549, 555, 556, 557, 560
- Борноволоков И. М., член наместнического правления в Тобольске, 389
- Боровицкий Иван, выборный от вечнотданых Невьянска, 376, 378
- Бородина Е. В.*, 18, 342, 343, 345
- Бородкин Л. И.*, 17, 104
- Босков А.*, 11
- Борщев Тимофей Михайлович (1901–1956), начальник управления МГБ по Свердловской области, член бюро Свердловского обкома ВКП(б), 536, 537
- Бочвар Андрей Анатольевич (1902–1984), советский физик, 614
- Боэций Аниций Манлий Торкват Северин (ок. 480–524 или 526), философ, теолог, 189, 197
- Брежнев Леонид Ильич (1906–1982), 567, 571, 577, 578, 586, 592, 602, 643
- Бродель Ф.*, 56
- Броницкий П. А., статский советник, прокурор, 429
- Брохович Б. В.*, 621
- Брюс Яков Александрович (1732–1791), генерал-аншеф, 147
- Буало Никола (1636–1711), французский поэт, теоретик классицизма, 170
- Бугров Д. В.*, 18
- Бугров К. Д.*, 18, 140, 145, 149
- Будилов В. М.*, 200
- Будон Р.*, 59
- Бург Иоганн ван ден, русский резидент в Амстердаме в начале XVIII в., 417
- Бурдина О. Н.*, 98
- Бурдьё П.*, 55, 59, 113, 609
- Бутурлин Иван Андреевич, стряпчий, автор проекта преобразования организации Земских соборов 1634 г., 135
- Буффартик П.*, 65
- Бухарин Николай Иванович (1888–1938), 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 283, 293, 674, 675

В

- Вагина П. А.*, 369
- Важинский В. М.*, 358
- Вайнштейн О. Б.*, 447, 452, 459
- Валентинов Н. В.*, 274
- Валк С. Н.*, 139
- Валухин Константин Николаевич (1901–1940), первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) (1938), член особой тройки НКВД СССР, 492, 517, 518, 519, 520
- Ванников Борис Львович (1897–1962), советский государственный деятель, 622, 629
- Васильев Дмитрий Ефимович (1902–1961), советский инженер-механик, организатор производства, 622, 634, 641
- Вебер М.*, 55, 69, 70
- Веденеев В. С., депутат Уложенной комиссии, 181

Вейерсберги, семья оружейников, иностранные специалисты на русской службе, 410
Вейсман Вячеслав Иванович (1824–1899), становой пристав, судья окружного суда, 421
Велер Г.-У., 64
Велизарий Флавий (50–565), византийский полководец, 159
Вербицкая О. М., 100
Верниковский В. А., 637
Верт Н., 466, 562
Верховский В., 540
Вершинин В. Е., 333, 334, 335
Визгин П. В., 618, 639, 650
Викулов Ф., 539
Вилков О. Н., 340
Виллер, англичанин, 253
Виноградов В. В., 150
Виртшафтер Э., 69, 79, 80, 81, 82, 83, 142
Виховайнен Т., 103
Вишневецкий А. Г., 101
Владимирский-Буданов М. Ф., 426
Водарский А. Я., 318, 320, 336, 353
Волков Дмитрий Васильевич (1727–1785), русский государственный деятель, 146, 147
Волков Л. П., 632

Г

Гавриил (Петров) (1730–1801), архиепископ Тверской, 163
Гагарин Матвей Петрович (ок. 1659–1721), кн., первый губернатор Сибирской губернии, 342
Гаевой Антон Иванович (1907–1962), первый секретарь

Волков М. Я., 96
Волков Ю. Г., 618
Володин Б., 610
Волошенко Григорий Иванович (1914–?), секретарь Челябинского обкома ВКП(б), 550
Волошин Н. П., 631, 642
Вольтер (1694–1778), настоящее имя — Франсуа Мари Аруэ, 653
Вольхин А. И., 537
Воробьев В. М., 358
Воробьев С. В., 18, 471, 473
Воропаев Михаил Гаврилович (1919–2009), первый секретарь Челябинского обкома КПСС (1970–1984), 587
Воропанов В. А., 423
Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), 491
Восленский М. С., 101, 282, 564, 565, 674
Выродов И., депутат Уложенной комиссии, 173
Высоцкий Д. А., 136
Вяземский Александр Алексеевич (1727–1793), кн., генерал-прокурор Сената, доверенное лицо Екатерины II, 373, 374, 375, 377, 378, 379, 381, 382, 386, 387
Ворошиловградского обкома КП(б) Украины, 539
Газов Леонид Петрович (1898–1987), начальник УНКВД по Кировской области, первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б), 518

- Галафеев (Голофеев) Петр Александрович, Пермский райвоенком, председатель ревизионной комиссии Свердловского обкома ВКП(б), 511
- Гамаюнов А. И.*, 330
- Гаспаров Михаил Леонович (1935–2005), академик РАН, 123
- Гатовский Лев Маркович (1903–1997), советский и российский экономист, 290, 291, 309
- Гвоздецкий В. Л.*, 531
- Гекстер Ж. Х.*, 71
- Гендерейх Иоганн Готлиб, иностранный специалист на русской службе, бергмейстер на олонецких и уральских заводах, 403, 404, 405, 406, 407, 408
- Геннин Георг Вильям де (1665/1676–1750), генерал-майор, начальник уральских горных заводов, 404, 407
- Герваш А.*, 531
- Гидденс Э.*, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36
- Гильгер Давид, немецкий специалист на русской службе, 409
- Гиндин И. Ф.*, 91
- Гинзбург К.*, 62
- Глаголева О.*, 96
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), 154, 183
- Голикова Н. Б.*, 98
- Голикова С. В.*, 369, 444
- Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737), кн., член Верховного тайного совета, русский государственный деятель, 139
- Головин Василий Федорович (1893–1937), советский государственный и партийный деятель, председатель Свердловского облисполкома (1934–1937), 475, 476, 488
- Головин Владимир Порфирьевич (1909–?), председатель Свердловского горсовета (1939–1940), председатель Свердловского горисполкома (1940–1947), 522
- Головки Л. В.*, 436
- Головков Матвей, казачий сын, судебный комиссар Краснослободского дистрикта в 1723 г., 343
- Голомбиевский А. А.*, 411
- Голосенко И. А.*, 100
- Голуб Ю. Г.*, 110
- Гольшев Александр Яковлевич (1896–1937), заведующий отделом культуры и пропаганды Уральского обкома ВКП(б), первый секретарь Пермского горкома ВКП(б), 467
- Гольбах Поль Анри (1723–1789), 149
- Гончаров Алексей Васильевич, заместитель секретаря парткома Челябинского тракторного завода, 545
- Горбунов Н. И. (1902–?), член Свердловского обкома ВКП(б), 504
- Горелик Г.*, 621
- Готье Ю. В.*, 357
- Гофман А. Б.*, 455
- Гофман И.*, 35
- Градскова Ю.*, 103
- Грачев Алексей Петрович, заведующий промышленным отделом Свердловского обкома ВКП(б), председатель Свердловского облисполкома, 494, 496, 503, 517
- Грегори П.*, 464
- Греков Б. Д.*, 353

Грелон А., 62
Гренди Э., 23, 62
Грин Н., 62
Гриффин Л., 26
Гриффитс Д., 185
Громницкий М. Ф., действительный статский советник, участник судебных преобразований Александра II, 436
Громов Григорий Петрович (1903–1973), заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), 552, 553
Громыко М. М., 345, 347, 349, 350, 351
Гронов Ю., 104

Д

Давыдов А. Ю., 103
Даль Владимир Иванович (1801–1872), русский писатель, этнограф, лексикограф, собиратель фольклора, 669, 670
Дамешек Л. М., 336
Данаев Я. (середина XVII в.), посадский человек г. Путивль, 328
Данилов А., депутат Уложенной комиссии, 350
Данилова Л. В., 91
Деев, невьянский вечноотданный, 388
Дейнека Александр Александрович (1899–1969), советский живописец, график и монументалист, 297
Демидов Акинфий Никитич (1678–1745), основатель горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири, 367, 370, 372, 373, 374, 379, 385

Губарев В. С., 633, 638
Гудков Л., 649
Гулишамбаров С. И., 457
Гумилев Николай Степанович (1886–1921), русский поэт, 123
Гурвич Ж., 55
Гуревич Александр Иосифович (1896–1937), советский партийный и государственный деятель, начальник Главного управления металлургической промышленности, 304
Гуревич А. Я., 64
Гусарова К., 452
Гуцин Н. Я., 100

Демидов Александр Григорьевич (1737–1803), действительный статский советник, заводовладелец, 379, 382, 386
Демидов Никита Акинфиевич (1724–1789), русский промышленник, владелец Нижнетагильских заводов на Урале, 379, 380, 381, 382, 384, 387
Демидов Никита Антуфьев (1656–1725), промышленник и заводовладелец, основатель династии Демидовых, 385
Демидов Петр Григорьевич (1740–1826), тайный советник, обер-директор Санкт-Петербургского коммерческого училища, внук Акинфия Демидова, 379, 382, 386
Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1786), заводовладелец, меценат и благотворитель, 376

- Демидова Н. Ф.*, 94
Демидовы, 375, 379, 384, 385, 386, 394
Демкин А. В., 98
Денисов В. В., 552, 561
Депретто Ж.-П., 70
Джери Д., 9
Джойс П., 65, 72
Диксон С., 18
Дилл Б., 26
Димитрий (Сеченов) (1709–1767),
митрополит Новгородский и Велико-
колукский (1757–1767), 145–146
Дмитриев А., 45
Дмитриев (Плоткин) Дмитрий
Матвеевич (1901–1939), начальник
УНКВД по Свердловской области,
497, 505, 513, 515
Догадов Александр Иванович (1888–
1937), советский государственный,
политический и профсоюзный
деятель, 484
Дойл У., 71
Долгов Г. Д., второй секретарь Ала-
паевского райкома в середине
1930-х гг., 469
Долгополой Н. (середина XVII в.),
драгун, 330
- Е**
Евтропий, персонаж русской церков-
ной морализаторской литературы,
образ преходящей мирской славы;
прототипом мог быть Евтропий,
фаворит византийского императора
Аркадия, 159
Ежов Николай Николаевич (1895–
1940), 491
Долгорукий Михаил Владимирович
(1667–1750), кн., сенатор, губер-
натор Сибири, член Верховного
тайного совета, 346
Долгоруков Юрий Алексеевич
(ок. 1610–1682), кн., боярин, 326
Домар А., 56, 58
Донец Михаил Яковлевич (1910–?),
секретарь парторганизации
цеха топливной аппаратуры
Челябинского Кировского завода,
541
Досс Ф., 60, 61
Достоевский Федор Михайлович
(1821–1881), 433
Дружинин М. Н., 213, 215
Дунаева Н. В., 93, 202
Дьяконов М. А., 358
Дэвид-Фокс М., 46, 74
Дэн Сяопин (1904–1997), китайский
политик и реформатор, деятель
Коммунистической партии Китая,
604
Дюверже М., 564, 565
Дюмулен П., 190
Дюркгейм Э., 35, 55
- Екатерина II Великая (1729–1796)*,
российская императрица (1762–
1796), 147, 163, 164, 165, 172, 174,
175, 176, 177, 185, 186, 187–188, 398,
400, 409, 415, 653
Елизавета Петровна (1709–1761),
российская императрица (1741–
1761), 163
Елисеева И. И., 110

Ерасов Федор Львович (1891–?),
ответственный секретарь парткол-
легии при Челябинском обкоме
ВКП(б), 558

Ермакова О. К., 18, 408

Ершов, управляющий трестом
«Кизелуголь», 466

Ж

Жарков О. Ю., 607

Жданов Андрей Александрович
(1896–1948), 486, 516

Желтова В. П., 105, 106, 107, 108, 109,
204, 222, 223, 224, 660, 662, 663

Желябужский Тимофей, московский
дворянин середины XVII в., 324

Жирнов Е., 531

Жуков Павел Александрович
(1903–1968), заведующий
промышленным отделом

З

Забабихин Евгений Иванович (1917–
1984), советский физик-ядерщик,
608, 618, 621, 622, 630, 631, 633, 635,
636, 643

Забозлаева Т. Б., 444

Завенягин Авраамий Павлович
(1901–1956), организатор промыш-
ленности, 629

Заикин Иван Васильевич (1908–
1981), председатель Челябинского
облисполкома, 549

Зайков А. В., 661

Зайончковский П. А., 428

Залесский А. Г., первый секретарь
Краснополянского райкома ВКП(б)
Свердловской области, 502

Ершова Зинаида Васильевна
(1904–1995), советский
радиохимик, 614

Ерусалимский К. Ю., 134, 136

Ефанов Василий Прокофьевич (1900–
1978), советский художник, 297

Ефремов В. А., 342

Свердловского горкома ВКП(б)
(1940–1949), 522

Жукова Т. Ю., 102

Жуковская А. В., 100

Журавлев Павел Александрович
(р. 1926), директор Сибирского
химического комбината, 619

Журавлев С. В., 102, 103, 104

Жуховицкий Александр Израилевич
(1903–1937), редактор газеты «Ураль-
ский рабочий» (1934–1937), 470

Зальцман Исаак Моисеевич (1905–
1988), советский организатор
производства и государственный
деятель, 530, 531, 532, 533, 541, 542,
544, 545, 546, 547, 548, 549, 560, 561

Замятнин Дмитрий Николаевич
(1805–1881), министр юстиции
(1862–1867), 437

Заозерская Е. И., 340

Заславская Т. Н., 609

Захаренков Александр Дмитриевич
(1921–1989), советский ученый-фи-
зик и государственный деятель, 639

Захаров А. В., 94

Захаров Александр Павлович, гене-
рал-майор, начальник Управления

- МВД Челябинской области, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560
- Захаров В. Н.*, 98
- Захарова Л.*, 104
- Захарова Мария Васильевна, заведующая отделом агитации и пропаганды парткома Челябинского Кировского завода, 541
- Захарова О. Ю.*, 444
- Зверев Арсений Мартемьянович (1886–1976), секретарь парторганизации заводоуправления Челябинского тракторного завода, 560
- Зеленый П., участник переписи населения на уральских заводах в 1730-е гг., 367
- Зельдович Яков Борисович (1914–1987), советский физик и физиохи-мик, 614, 633, 635, 637
- Земсков В. Н.*, 102
- Земцов А.*, 539
- Зернов Павел Михайлович (1905–1964), директор Конструкторского бюро № 11, заместитель министра среднего машиностроения СССР, 607, 617, 629, 641
- Зернова А.*, 167
- Зехтинг (Сехтинг) Лаврентий, пастор на русской службе, 420
- Зидер Р.*, 21, 64
- Зиновьев А. Н.*, 297
- Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936), 274, 275, 276, 277, 278, 283
- Золотарев Афанасий Дмитриевич (1900–1937), первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) г. Перми, 467
- Золотов В. А.*, 101
- Зубаров, секретарь Ворошиловско-го горкома ВКП(б) Свердловской области, 512
- Зубков В. П., действительный статский советник, обер-прокурор общего собрания московских департаментов Сената, 429
- Зубкова Е. Ю.*, 102, 103, 648
- Зябловский Евдоким Филиппович (1764–1846), русский географ, статистик, профессор и ректор Санкт-Петербургского университета, 153

И

- Иванищен Павел Николаевич (1902–?), третий секретарь Свердловского обкома ВКП(б), 522, 524
- Иванов А. Е.*, 98
- Иванов В. Н.*, 565
- Иванов И. А., первый секретарь Кагановичского райкома ВКП(б) г. Свердловска, 504
- Иванов О. И.*, 25
- Иванова Н. А.*, 105, 106, 107, 108, 109, 204, 222, 223, 224, 660, 662, 663
- Иванченко Яков Павлович (?–1938), большевик, участник Гражданской войны, управляющий трестом «Востоксталь» (1930–1937), 469, 475
- Ивкин В. И.*, 552
- Ивков В. Д., статский советник, прокурор, 429

Игнатъев Семен Денисович (1904–1983), член Президиума ЦК КПСС (1952–1953), 553, 554

Иезекииль, ветхозаветный пророк, 159, 196

Илизаров С. С., 616

Ильин В. И., 103, 676

Ильина Т. Н., 423, 428, 435

Ильютченко Н. В., 436

К

Кабаков Иван Дмитриевич (1891–1937), советский партийный и государственный деятель, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 494, 501, 502, 504, 508, 513, 515

Кабо Р. М., 339

Кабузан В. М., 227

Казаков Р. Б., 7, 8

Казаченкова Г. А., 635

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), 470, 477

Калинин Михаил Иванович (1875–1946), 274

Калинина О. Н., 101

Каллистратов Ю. К., 100

Калюжный Я. А., управляющий трестом «Востсибуголь», 481, 482

Камен Г., 66, 67

Камендровский В., 185

Каменский А. Б., 8, 17, 96, 97, 98

Канавцев Василий Филиппович, первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б), 502

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744), кн., 141, 169

Иоасаф (Заболоцкий) (1744–1788), архиепископ Тверской и Кашинский, 167

Иоффе Абрам Федорович (1880–1960), 610, 614

Ир, персонаж древнегреческой мифологии, 192, 194, 197

Исаков, 378

Истер Дж. М., 465, 485, 486, 520

Капица Петр Леонидович (1894–1984), советский физик, 614

Капустин Иван Александрович, секретарь парторганизации второго сборочного цеха Челябинского Кировского завода, 542

Каратеев Артемий, ротмистр, асессор Тобольского надворного суда в 1722–1727 гг., 344

Карваций Дмитрий, сибирский сын боярский, административный деятель Сибирской губернии в годы проведения реформ Петра I, 345

Картина С. Б., 416

Касанова Дж., 26

Кастельс М., 609

Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978), уполномоченный ГКО, председатель Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР, 610

Качков Аркадий Семенович (1895–1959), директор Уральского политехнического института, 522

Кашкин Евгений Петрович (1737–1796), генерал-аншеф,

- русский государственный деятель,
379, 380, 381, 382, 389, 390, 391
- Кащеев Н. А.*, 614
- Квашонкин А. В.*, 552
- Кедров Н.*, 101
- Кеннан Дж.*, 564
- Кеппен Петр Иванович (1793–1864),
действительный тайный советник,
академик, 199, 250, 251, 254, 255,
259, 260
- Кессених А. В.*, 639
- Кесслер Х.*, 104
- Кивельсон В.*, 132, 323
- Кикоин Исаак Константинович
(1908–1984), советский физик-экспериментатор, 614, 622
- Килина А.*, 474, 475
- Киселев, директор Свердловской
мебельной фабрики, 477, 478
- Киселев М. А.*, 18, 137, 140, 143, 145,
365
- Киселев Павел Дмитриевич (1788–
1872), первый министр государственных имуществ, 213, 215
- Китер К. А., статский советник,
прокурор Лифляндской губернии,
439
- Кларк Дж. Ч.*, 71
- Кларк Т.*, 25
- Клейн Ф. Б., статский советник, прокурор, 429
- Клеменс Э.*, 26
- Клепиков, подпрапорщик, 405, 406
- Клюев С. М. (1895–?), первый секретарь Пермского горкома ВКП(б),
502, 504
- Ключевский В. О.*, 127, 128, 130, 186,
239, 353, 357
- Кобелев Алексей Афанасьевич
(1900–1937), первый секретарь Ирбитского райкома (1936), 507
- Ковальченко И. Д.*, 91
- Кодан С. В.*, 200, 203, 222
- Козеллек Р.*, 45
- Козлов Фрол Романович (1908–1965),
советский государственный и партийный деятель, 527, 528
- Козлова Н. В.*, 98
- Козловский В. В.*, 28
- Козляков В. Н.*, 96, 319, 324, 327, 328
- Кокка Ю.*, 64
- Кокорев А.*, 444
- Колдушко А. А.*, 101, 466, 467, 471, 477,
517
- Колесникова А. Г.*, 649
- Коллинз Р.*, 28, 35, 36, 37, 38, 39
- Коллманн Н. Ш.*, 133, 137. 653
- Коллонтай Александра Михайловна
(1872–1952), 275
- Колумбов К. М., коллежский советник, прокурор Московской губернии, 429
- Колчак Александр Васильевич (1874–
1920), 470
- Колычева Е. И.*, 355, 357
- Колышев Евгений Федорович
(1909–1952), советский партийный деятель, 522
- Комаров В. Я., главный энергетик
завода «Электрохимприбор», 612
- Кондратьева Т. С.*, 102, 277
- Кондрашенков А. А.*, 369
- Кони Анатолий Федорович (1844–
1927), российский юрист, государственный и общественный деятель, 429

- Коновалов А. Б.*, 101, 573, 576, 577, 579
Константин Павлович (1779–1831), великий князь, брат императора Александра I, 187
Конфино М., 78, 79, 80, 86, 660
Копосов Н. Е., 23, 46, 57, 138
Кордонский С. Г., 645, 661, 667
Корепанов Н. С., 396, 403
Корепанова С. А., 403
Корецкий В. И., 355
Корзо М. А., 157, 158
Коркунов М. Н., 203–204, 218, 661
Кормилов Иван Алексеевич (1899–1938), заведующий отделом партийных кадров ВКП(б), второй секретарь Свердловского горкома (1937), 470, 505, 506
Корнев А. С., заместитель председателя Свердловского горсовета, 482, 483, 484
Корнев В. С., директор Свердловского промкомбината, 482, 483, 484
Корнфельд Марк Иосифович (1908–1993), советский физик, 614
Коровин Н. Р., 100
Коротких Иван, выборный от вечноотданных крестьян Невьянска, 376, 378
Коротков А. В., 491
Корф Модест Андреевич (1800–1876), правовед, историк, политик, 201
Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939), генеральный секретарь Коммунистической партии Украины, 486
Коссов Максим Федорович (1899–1937), первый секретарь Сталинского райкома ВКП(б) г. Свердловска, 480, 481, 484
Костылев Петр Николаевич (1835–1906), тайный советник, товарищ прокурора Московского окружного суда в пореформенный период, председатель Елецкого окружного суда, 431
Котошихин Григорий Карпович (? — 1667), подьячий Посольского приказа, 136
Кошелева Л. П., 648
Кошелева О. Е., 18, 96, 97
Кракауэр З., 84
Красильников С. А., 17, 100, 101, 102, 645
Красноженов Иван Федотович (1904–1980), второй секретарь Свердловского горкома ВКП(б), 534
Крез (595–546 гг. до н. э.), царь Лидии, 192, 194, 197
Крельберг Ю. М., 609
Креславский Г., 540
Криворучко А. С., 140
Крих А. А., 335
Кром М. М., 658
Кросс Э., 414, 418
Крупянская В. Ю., 443
Крылов М. П., 443
Крыштановская О., 566, 572
Крюйс Корнелиус (1655–1727), российский вице-адмирал, первый командующий Балтийским флотом, 417
Кузин Михаил Иванович (1907–1980), секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам (1948–1950), 534, 535

Кузнецов Г. А., 648
Кузнецов И. Н., 657
Кузнецов И. С., 101
Кузнецов Михаил Васильевич
(1900–1937), советский партийный
деятель, 470, 475, 478, 479, 480, 481,
482, 483, 488
Кузнецов Ф., протоколист, 405, 406
Кузюков Федор Федорович (1915–
1997), советский партийный
и государственный деятель, 587
Кукушкин Ю. С., 295

Л

Лабрусс Э., 56, 57
Лавицкая М. И., 444
Лавринович М., 96, 148
Лавров А. С., 98, 324
Лал Д., 442
Ланг, штейгер, 407
Ландау Лев Давидович (1908–1968),
611, 614
Лапотьшкин Н. М., кандидат техни-
ческих наук, доцент, 522
Лаптев Николай Васильевич (1909–
1976), советский государственный
и партийный деятель, 559
Лаптева Т. А., 95, 319, 326, 328, 329,
330
Ларин И., 291
Ларионов Н., торговый человек
суконной сотни, 360
Ларри Я., 310
Латкин В. Н., 143
Латур Б., 44
Лашин А. Г., советский партийный
деятель, 547, 550
Лебина Н. Б., 101, 104

Куломзин А. Н., 175
Култыгин В. П., 25
Купина Н. А., 294
Куприянов А. И., 99
Куприянова Н. В., 98
Курас Т. Л., 423
Курбский Андрей Михайлович
(1528–1583), кн., 134
Курчатов Игорь Васильевич (1903–
1960), 609, 610, 611, 614, 618, 619,
621, 622, 629, 630, 633, 651, 652
Левенвольд Г., депутат Уложенной
комиссии, 180
Леви Д., 62
Левин-Станкевич Б., 423
Левитский Григорий, вечноотданный
Невьянского завода, 388
Легкий Д. М., 436
Леденёв Борис Николаевич (1919–
1969), специалист в области ядер-
ного вооружения, 639
Лейбович О. Л., 101, 466, 467, 471, 477
Лейман Густав Иванович (1895–1938),
прокурор, 509
Лейпунский Александр Ильич (1903–
1972), советский физик, 614
Лекторский В. А., 638
Ленин В. И., 70, 266, 267, 273, 274, 275,
652
Леонтьева Г. А., 336, 337, 338, 339, 340
Лепти Б., 58, 60
Лескова В. П., заместитель заведую-
щего ОРПО Свердловского обкома
ВКП(б), 514

Ливий Тит (59 г. до н. э.— 17 г. н. э.), древнеримский историк, 156

Липсет С., 25

Литвак Б. Г., 98

Литвинов Борис Васильевич (1929–2010), советский и российский физик, 606, 631, 633, 640, 641, 642, 652

Литвинов В. Б., 606

Лойша В. А., 613

Локотков, заведующий отделом партийной пропаганды и агитации Свердловского обкома ВКП (б), 512

Ломинский Георгий Павлович (1918–1988), руководитель научно-исследовательских и конструкторских работ в области ядерного вооружения, 634

М

Мааке Иоганн Рудольф, саксонец, технический специалист на горных заводах Урала, 402, 419

Мадариага И. де, 85

Майков П. М., 200

Макаров Б. С., 417, 418

Макогоненко Г. П., 186

Максарев Юрий Евгеньевич (1903–1982), советский государственный деятель, 526

Малашенко Л. Н., 552, 561

Маленков Георгий Максимилианович (1901/02–1988), 520, 537, 551, 552, 553, 554, 629

Малиненко Н. Д., советский партийный работник, 547

Маловичко С. И., 7

Малышев Вячеслав Александрович (1902–1957), советский государственный деятель, 529, 629

Луазо Шарль (1566–1627), французский правовед, 656

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), 519

Лунин В. В., 613

Львов Петр Александрович, редактор партийных изданий, корреспондент газеты «Правда», начальник комитета искусств при Свердловском облисполкоме, 501, 502

Люберас, полковник, 418

Любомиров П. Г., 323

Людке А., 64

Люцидарская А. А., 334, 336, 339

Ляпин В. А., 416, 417

Мамедов А. К., 39

Мамонтов Евгений Васильевич, советский государственный и партийный деятель, 545, 546, 547

Маньков А. Г., 134

Марасанова В. М., 424

Марасинова Е. Н., 99, 173, 189, 190

Маргевич М. Н., секретарь парткома Уральского индустриального института, 482, 483

Маринов Абрам Михайлович (1908–1985), управляющий «Уралэнерго», 526

Марков П. А., старший столоничальник департамента Министерства юстиции, 424

Маркс К., 55, 70

Мартен К., 65

- Марфа Иоанновна (1560–1631), царица, мать царя Михаила Федоровича, 214
- Маслов Н. В., директор Красноярского завода плодово-ягодных вин, 561
- Матвейцев Петр Иванович (1909–1986), советский партийный деятель, инженер путей сообщения, 550
- Матущенко А. П.*, 621
- Махнев Василий Алексеевич (1904–1965), советский государственный деятель, 617, 648
- Махонин, 542
- Махотин Федор, главный приказчик Невьянской заводской конторы, 388, 389
- Медведев Иван Михайлович (1897–1967), советский государственный и партийный деятель, второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б) (1938), 518
- Медведев Сергей Павлович (1885–1937), лидер группы «рабочей оппозиции», 275
- Медушевская О. М.*, 7
- Медушевская Т. И.*, 94
- Медушевский А. Н.*, 101
- Мельников П., руководитель переписи на Колывано-Воскресенских и Томских заводах в 1735 г., 367
- Мельникова Н. В.*, 18, 613, 614, 615, 616, 625, 650
- Мендерс Христиан, бергмейстер, главный провизор, 419, 420
- Меспузе М.*, 645
- Мещанинов Иван Васильевич (1846–1918), действительный тайный советник, сенатор, 421
- Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), публицист, 424, 425
- Мещерский Н., кн., судья Тобольского надворного суда, 344
- Мизенко Николай Никитович (1900–1938), председатель Свердловского горсовета (1935–1937), 483
- Микитюк В. П.*, 416
- Микляева А. В.*, 11
- Микоян Анастас Иванович (1895–1978), 602
- Микулинский С. Р.*, 636
- Миллер А. И.*, 46
- Милов Л. В.*, 91, 365
- Минаков С. Т.*, 102
- Миненко Н. А.*, 340, 369, 444
- Миних Бурхард-Христоф (1683–1767), гр., генерал-фельдмаршал, 171
- Мирзоян Левон Исаевич (1897–1939), советский партийный и государственный деятель, 487
- Миронов Б. Н.*, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 131, 205, 223, 224, 431, 660, 661, 662, 663
- Миронов Е. В.*, 101
- Мисет, учитель, 420
- Митраков Иван Лукич (1905–1995), советский государственный деятель, 521, 522
- Митюков А. В.*, 615
- Михаил Федорович (1596–1645), первый русский царь из династии Романовых (1613–1645), 94, 95
- Михалев Н. А.*, 531, 533, 563

- Мокрицкий Ф. А., главный инженер Красноярского завода плодово-ягодных вин, 561
- Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986), 277, 286, 287, 292, 295, 296, 305, 306, 307, 491, 609, 610, 619
- Монтескье Шарль де (1689–1755), 99
- Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), адмирал, флотоводец, государственный деятель, 47
- Мордовина С. П.*, 322
- Морозов, начальник отделения чугунолитейного цеха Челябинского Кировского завода, 542
- Морозов Александр Сергеевич, секретарь Свердловского горкома ВКП(б), 498, 504, 517
- Морякова О. В.*, 424
- Мостовая И. В.*, 618
- Мохов В. П.*, 101, 517, 571, 577, 578
- Мошкова Г. Ю.*, 638
- Музруков Борис Глебович (1904–1979), директор Уралмашзавода (1939–1947), руководитель производства в сфере атомной промышленности, 607, 622
- Мулюкин А. С.*, 397, 401
- Мунье Р.*, 56–57, 88, 89, 90
- Муравьев В. А.*, 7
- Муравьев Михаил Никитич (1757–1807), 187, 188, 189
- Муравьев Николай Ерофеевич (1724–1770), 147
- Муравьев Н. В.*, 424, 431
- Муравьева И. А.*, 444
- Муратов Федор Николаевич (1904–1955), советский государственный деятель, 540
- Мурашкин Б. М.*, 633
- Муханов А., корреспондент газеты «Правда», 539
- Мухин М. Ю.*, 103
- Мхчьянц А. А., начальник термического цеха Челябинского Кировского завода, 532
- Мэйер Дж.*, 26

Н

- Навозов Федор Дмитриевич (1910–1986), второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б) (1939–1942), 521
- Назарьян Даниил Томасович, советский партийный работник, 544, 545
- Наймушин А. В.*, 416
- Нарский Н. В.*, 103
- Нащокины, псковские помещики, 327
- Негин Е. А.*, 608
- Недосекин Виктор Иванович (1908–1976), советский партийный и государственный деятель, 522, 534, 536–537
- Неклюдов Е. Г.*, 399
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878), 424
- Некрылов А. С., советский партийный деятель, 522
- Нестеров А. Г., купец гостиной сотни, 329
- Неф Э.*, 5
- Нечаева С. В.*, 101, 587
- Никитин В. И.*, 631, 635, 642

- Никитин Н. И.*, 337
Николаев Константин Кузьмич (1906–1972), советский партийный и государственный деятель, 522
Николаева М., 139
Николаева Н. И., 649
Николаи, оружейные мастера, служившие на Урале, 417
Николай I (1796–1855), российский император (1825–1855), 262, 431
Никонова В. М., 184
Нилова О. Е., 98
Ничепурнов Максим Николаевич, советский партийный работник, 545
Ниязбеков Сабир Билялович (1912–1989), советский государственный и партийный деятель, 539
- О**
Оболенская С. В., 64
Овидий (43 г. до н. э.— 17 или 18 г. н. э.), древнеримский поэт, 192
Овчинников, вечноотданный Невьянского завода, 378
Окуджава Шалва Степанович (1901–1937), советский партийный деятель, 467, 476
Олешев Алексей Васильевич (1724–1788), предводитель Вологодского дворянства, 190, 191, 192
Омельченко О. А., 145, 175
Орангузеев, начальник спецуправления Свердловского облздравотдела, 508
Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937), 299, 301, 302
Орлов А. С., 372
Новиков Владимир Николаевич (1907–2000), советский государственный деятель, 527
Новиков О. В., 625
Новикова Т. Г., 637
Новоселов В. Н., 624
Новосельский А. А., 134, 329
Новосельцев А. П., 91
Новохатко О. Н., 657
Норт Д., 442, 564
Носенков Александр Васильевич, секретарь Свердловского обкома ВКП(б), 522
Нуарель Ж., 62
Нуров Степан, вечноотданный Невьянского завода, 378
- Орлов Григорий Григорьевич* (1734–1783), 411
Орлов И. Б., 104
Оруэлл Джордж (1903–1950), 315
Осадчий Яков Павлович (1901–1977), советский хозяйственный деятель, 530
Осинский Валериан Валерианович (1887–1938), один из лидеров группы «демократического централизма», государственный деятель, 275
Осипов Григорий Михайлович (1739–1802), тобольский губернатор, 390, 391
Осокина Е. А., 104, 311
Осокины, горнозаводчики, 371, 375

П

- Павел I (1754–1801), российский император (1796–1801), 164
- Павел, св. апостол, 157
- Павленко Н. И.*, 91
- Павлов А. П.*, 94, 318
- Павлов Георгий Сергеевич (1910–1991), советский партийный деятель, 552, 553, 554, 563
- Павлов Николай Иванович (1914–1990), организатор опытно-конструкторских работ по проектированию и созданию ядерных боеприпасов, 641
- Павлов С. И., технический руководитель Мариупольского машиностроительного завода, 552, 553
- Пайнс Р.*, 69, 106
- Пален Константин Иванович (1833–1912), гр., российский государственный деятель, министр юстиции, 421, 422
- Палис Якоб, шляпный фабрикант, 413, 414
- Пальцев Леонид Николаевич, первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б) (1937), 480, 489
- Панеях В. М.*, 353, 354, 356, 359, 360, 361
- Панин Александр Павлович (1902–1979), советский партийный и государственный деятель, 522
- Панин Никита Иванович (1718–1783), 149, 175, 179
- Панкрушев А. И., советский партийный деятель, 547
- Патоличев Николай Семенович (1908–1989), советский государственный и партийный деятель, 532, 533, 540, 549
- Пашин В. П.*, 101
- Пеги Ш.*, 55
- Пегов Николай Михайлович (1905–1991), советский государственный и партийный деятель, дипломат, 560
- Пельц Д.*, 636, 638
- Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978), советский государственный и военный деятель, 611, 622
- Пергамид, 160
- Перро Ж.-К.*, 59
- Перро М.*, 63
- Перхавко В. Б.*, 98, 127
- Песков А. М.*, 100
- Пестель Павел Иванович (1793–1826), 153, 154
- Петр I Великий (1672–1725), русский царь (1682–1721), император (1721–1725), 85, 137, 138, 140, 332, 338, 339, 341, 342, 343, 345, 351, 362, 364, 365, 385, 398, 401, 430
- Петр III (1728–1762), российский император (1762), 163
- Петров В. И.*, 335
- Петров Л. М., советский партийный деятель, 547
- Печенкин А. А.*, 102
- Пикалов Ю. В.*, 101
- Пименова Л. А.*, 658
- Писарев Н. А., председатель Калужской палаты гражданского суда (с 1845 г.), 430
- Писарькова Л. Ф.*, 94, 100
- Пихоя Р. Г.*, 101, 565

- Пичугин Н. А., начальник станции Москва-Сортировочная Казанской железной дороги, 305
- Платон (Левшин) (1737–1812), митрополит Московский и Коломенский, 164, 165, 166, 167, 174, 175, 195
- Плинокос Григорий Павлович (1896–1938), советский партийный и государственный деятель, 470, 488
- Плотников П. Н., секретарь парткома Верх-Исетского завода, 512
- Пнин Иван Петрович (1773–1805), русский поэт-публицист, 47
- Побережников И. В.*, 18, 369
- Погорельцев Г.*, 468
- Подвиг П. Л.*, 644
- Покок Дж.*, 45
- Покровский Н. Н.*, 323, 338
- Полани М.*, 638
- Полетика Григорий Андреевич (1725–1784), 179
- Поликарпов Федор Поликарпович (1660–1670-е — 1731), автор «Лексикона трезычного» (1704), 150
- Полищук Н. С.*, 443
- Полунин В. В.*, 606
- Польской С. В.*, 99, 143, 183
- Полякова Н. Л.*, 25
- Полян П. М.*, 102
- Померанчук Исаак Яковлевич (1913–1966), советский физик-теоретик, 614
- Попков Иван Григорьевич (1904–1978), генерал-майор, 536
- Попов, тобольский купец, 391
- Попов Г. Г., советский партийный и государственный деятель, 524, 526, 527
- Поппе, иностранец, служил на Колывано-Воскресенских заводах, 402
- Поппе Матвей, торговый иноземец, 398
- Постников С. П.*, 100
- Постникова Т. Н.*, 609
- Постышев Павел Петрович (1887–1939), советский государственный и партийный деятель, 514
- Прасолов Семен, дьяк Тобольского надворного суда, 344
- Преображенский А. А.*, 93, 392
- Преображенский Е. А.*, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 283, 293
- Про А.*, 54, 55, 62
- Прозорова Ю. А.*, 36, 39
- Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 — после 565), византийский писатель, историк, 19
- Пушкарева Л. Н.*, 103
- Пшеницын Константин Федорович (1892–1937), советский партийный деятель, 472, 475, 479, 508
- Пыжиков А. В.*, 101
- Пызин В.*, 444
- Пыстина Л. И.*, 100, 102
- Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937), советский государственный деятель, 309
- Пятигорский И. М., начальник прокатного цеха Енакиевского металлургического завода, 304

Р

- Рабжаева М. В.*, 110
Радаев В. В., 102, 103, 609, 676
Радек Карл Бернгардович (1885–1939), 309
Радищев Александр Николаевич (1749–1802), 151, 152, 194
Радкевич Ф. А., директор Верх-Исетского завода, 530
Раев М., 69
Раздьяконова Ольга Николаевна, председатель ревизионной комиссии Свердловского горкома ВКП(б), 473
Разинков С. Л., 489, 495, 496, 502, 516, 517, 518, 519, 520, 522, 523
Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941), участник революционного движения, советский партийный и политический деятель, 279, 280, 313
Рансел Д., 83, 84, 185
Рансиэр Ж., 72
Рапорт Яков Давыдович (1898–1962), генерал-майор, советский государственный деятель, 532
Рафиенко Л. С., 348
Редди У., 70, 71, 72, 73
Редин Д. А., 18, 100, 140, 341, 342, 344, 345, 370
Резанов Иван Гаврилович (1726–1787), сенатор, русский государственный деятель, 379
Резник Ю. М., 25
Резун Д. Я., 335
Ренненкампф И.-Д., депутат Уложенной комиссии, 180
Репина Л. П., 22, 24
Реут Г. А., 623
Рибер А., 78, 86, 87
Риндер, доктор на Сибирских казенных заводах, 420
Ришелье Арман-Жан дю Плесси де (1585–1642), 139, 140
Ровоам, ветхозаветный персонаж, сын царя Соломона, 160
Родионов Николай Николаевич (1915–1999), советский партийный и государственный деятель, 587
Родосский А. С., 163
Рождественский С. В., 323
Рожкова М. К., 91
Розенберг Х., 21
Романов П. В., 101
Романов Юрий Александрович (1926–2010), советский и российский физик, 630, 643, 644
Ромодановский Григорий Григорьевич (? — 1682), кн., боярин, русский государственный и военный деятель, 326
Ростовский-Приимков Алексей Васильевич (? — 1631), кн., воевода Великого Устюга, 360
Роцин Е., 46
Руан К., 458
Рубинштейн Н. Л., 143
Руга В., 444
Румянцев А., 632
Румянцева М. Ф., 7, 8, 22, 408
Румянцева П. В., 11
Русанов М. М., первый секретарь Лысьвенского горкома ВКП(б), 514
Руссо Жан-Жак (1712–1778), 197
Руткевич М. Н., 102

Рыбакова О. С., 621

Рыков Алексей Иванович (1881–1938), 274, 275

Рыкованов Георгий Николаевич, советский и российский физик-ядерщик, 606, 625

С

Савельева И. М., 25, 26

Савиньи Фридрих Карл (1779–1861), 200

Сагалов, помощник первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова, 508

Саламатова М. С., 102

Салманов Иван Осипович, тобольский сын боярский, 343

Салтыков Федор Степанович (? — 1715), автор ряда политических и административных проектов, 138, 139

Самарин Д. И., председатель Свердловского облпотребсоюза, 500

Самойлов, секретарь Свердловского обкома ВКП(б), 469

Самойлов С., депутат Уложенной комиссии, 350

Сампф А., 70

Самуил (Миславский) (1731–1796), митрополит Киевский и Галицкий, 167

Санталин В. А., секретарь партколлегии КПК, 516

Сапронов Тимофей Владимирович (1887–1937), революционер, один из лидеров группы «демократического централизма», 275, 278

Сафонов М. М., 152

Рындзюнский П. Г., 91

Рысаков, 500

Рютин Мартемьян Никитич (1890–1937), советский политический и партийный деятель, 278

Рябев Л. Д., 605, 606

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989), советский физик-теоретик, правозащитник, 626, 633, 635, 639, 641, 648

Свердлов Яков Михайлович (1885–1919), 495

Светлов П. А., секретарь Президиума АН СССР, 610

Свириденко Ю. П., 101

Сдвижков Д., А., 46

Седашев К. Г., член бюро Свердловского обкома ВКП(б), управляющий трестом «Востокосталь», 470, 477

Седов П. В., 94, 135, 318, 327

Сезостр, царь, собирательный образ древнего восточного (египетского) царя в античной и христианской литературе, 159

Секиринский С. С., 109

Селиванова Александра Филипповна, сотрудник Свердловского горкома ВКП(б), 473

Селивачев С. И., прокурор Саратовской губернии (с 1839 г.), 429

Селин А. А., 17, 96

Семенов В., 539

Семенов Иван Павлович (1905–1972), генерал, сотрудник советских органов госбезопасности, 557, 558, 559

- Семенов Николай Николаевич (1896–1986), советский физикохимик, 614
- Семенов О. В., 334, 338, 339, 340
- Семенов Федор Кириллович (1904–1980), советский партийный и государственный деятель, 518
- Сен-Симон Анри (1760–1825), 671, 672
- Сенека Луций Анней (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), древнеримский философ, 157, 189
- Сергеев Н. В., 609
- Середкин И. А., советский партийный работник, 551
- Серов Д. О., 18, 127, 424
- Сехтинг (Зехтинг) Лаврентий, пастор, 420
- Сеченов Иван Михайлович (1829–1905), 455
- Сеян, персонаж русской церковной морализаторской литературы, образ преходящей мирской славы; прототипом мог быть Луций Элий Сеян, консул и временщик при принцепсе Тиберии, 159
- Сиволобов М., 540
- Сигел Б. Дж., 356
- Сид Дж., 66
- Силуянов Василий Григорьевич, председатель завкома Челябинского Кировского завода, 531
- Сильвестр (Кулябка) (1701 или 1704–1761), архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский, 163
- Симбаева Д. Ю., 423
- Симоненко В. А., 636
- Сиринелли Ж.-Ф., 61–62
- Ситников Георгий Семенович (1905–1970), советский партийный и государственный деятель, 522
- Скиннер К., 45
- Скрынников Р. Г., 128
- Скулкин, прокурор, 557
- Славский Ефим Павлович (1898–1991), советский государственный деятель, руководитель советской атомной промышленности, 618, 620, 622, 624, 637, 640, 641, 643
- Сластнев С., 535, 536
- Смелзер Н., 618
- Смилянская Е. Б., 17
- Смирнов Владимир Михайлович (1887–1937), революционер, политический деятель, 275
- Смирнов Ю. Н., 611
- Смирнова Т. М., 102, 103
- Смолянинов Василий, солдат выборного полка, из пашенных крестьян, 330
- Согомонов А. Ю., 655
- Соймонов Михаил Федорович (1730–1804), сенатор, русский государственный деятель, президент Берг-коллегии (1771–1781), 379
- Соколов А. К., 102, 104, 446
- Соколова Е. С., 93
- Соколовский И. Р., 334
- Солнцев-Засекин Иван Васильевич, кн., 346
- Соловьева С. А., начальник отдела рабочего снабжения комбината «Электрохимприбор», г. Лесной (1982–1995), 627

- Сосье Франсуа, иностранный фабрикант, 413
- Софья Алексеевна (1657–1704), русская царевна, регент при царях Петре и Иване (1682–1689), 324
- Сочнева Зоя Иоакимовна, советский государственный и партийный деятель, 533
- Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), гр., 46, 199, 200, 202
- Спирин Борис Константинович, заведующий административным отделом Челябинского обкома ВКП(б), 555, 558, 559
- Спиров И. А., первый секретарь Надеждинского горкома ВКП(б), 468, 469
- Спицын В. И., 611
- Срезневский И. И.*, 128
- Сталин Иосиф Виссарионович (1878/79–1953), 100, 274, 275, 278, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 292, 293, 294, 295, 297, 298, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 314, 464, 465, 466, 467, 487, 488, 489, 490, 491, 493, 494, 505, 515, 516, 517, 520, 521, 522, 523, 524, 528, 531, 537, 538, 540, 544, 548, 560, 674, 675
- Старков Б. А.*, 529
- Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1918), организатор первого русского юридического научного кружка (1859), адвокат, 436
- Сташевский Е.*, 319
- Стедман-Джонс Г.*, 73
- Стефан (Яворский) (1658–1722), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола, президент Духовной коллегии, 158, 159, 160, 162, 167, 195, 196
- Стефанович П. С.*, 136
- Столяр Абрам Яковлевич (1901–1938), советский партийный и государственный деятель, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 519
- Стояновский Николай Иванович (1821–1900), русский юрист, заместитель министра юстиции (1862–1867), 437
- Стрекаловский Максим, судья Краснослободского дистрикта, 345
- Стрекаловский Федор, тюменский иконник, 350
- Строганов Василий Андреевич (1888–1938), советский партийный деятель, 469
- Строганов П. С., дьяк, 360
- Субботин Василий, подьячий, 344
- Суворов, столяр Свердловской мебельной фабрики, парторг, 478
- Сулицкий Николай Пантелеевич (1906–1986), советский государственный и политический деятель, 504
- Сумароков Александр Петрович (1717–1777), 186
- Суркис, портной, 558, 559
- Сусанин Иван (? — 1613), 214, 240
- Сушков А. В.*, 18, 467, 472, 473, 475, 476, 477, 479, 480, 483, 484, 488, 489, 490, 495, 496, 502, 506, 516, 517, 518, 519, 520, 522, 523, 525, 527, 528, 531, 533, 548, 562, 563

Сцевола Гай Муций, легендарный древнеримский герой, 160

Т

Тамес Иван Павлович, владелец полотняных мануфактур в Москве и Ярославле в 1720-х гг., 141

Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971), советский физик-теоретик, 614

Таннер Бернгард, 401

Тард Г., 28, 40, 41, 42, 43

Татарчевская Т., 25

Татищев Василий Никитич (1686–1750), 169, 170, 171, 420

Таценко Т. Н., 330

Тевено Л., 55, 59, 61

Тектинер А., 616

Текутьев Алексей, сибирский сын боярский, административный деятель Сибирской губернии в годы проведения реформ Петра I, 345

Текутьевы, сибирские служилые люди, 347

Телешев Григорий Галактионович (1902–1978), начальник УНКВД по Харьковской области (1938), 518

Тепляков В. Н., заведующий промышленно-транспортным отделом Свердловского горкома в середине 1930-х гг., 470

Терехов В. С., 101

Тет Петр, английский механик, иностранный специалист на уральских заводах (1828–1853), 416

Тимберлейк Ч., 67, 68

Сьюэл У., 26

Сюзор Г. П., 432, 440

Тимофеев Д. В., 18, 50, 51

Тихон Задонский (Соколов) (1724–1783), епископ Воронежский и Елецкий, 166, 167

Тихонов П. Н., 139

Тихонова А. В., 412

Толбузин Федор, сибирский сын боярский, 367

Толстиков В. С., 624

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), 13

Томилин К. А., 639

Томпсон П., 44

Томпсон Э., 73

Томсинов В. А., 426, 428, 432, 435, 436

Томсинский С. М., 369

Топалов К., 62

Торке Г.-Й., 324

Троицкий С. М., 148, 345

Троцкий Лев Давидович (1879–1940), 275, 276, 278, 280, 281, 282, 309

Трубецкой Алексей Никитич (ок. 1600–1680), кн., русский политический и военный деятель, дипломат, 330

Трубникова Н. В., 55, 59

Туманский Федор Осипович (1757–1810), писатель, переводчик, издатель, 192

Турен А., 59, 618

Тюкин С., невьянский вечноотданный, 388, 389, 396

У

Уваров П. Ю., 21, 22, 24, 53, 54, 119, 655, 656

Угрюмов Дмитрий, полковник, воевода Тюмени в 1720-е гг., 342

Ульянов, секретарь парткома треста «Уралзолото», 505

Уортман Р., 423

Урсинус Я., депутат Уложенной комиссии, 182

Ус Л. Б., 100

Устинов К. М., председатель колхоза «Путь к коммунизму» Ирбитского района, 534

Ф

Фадеев Александр Александрович (1901–1956), советский писатель и общественный деятель, 558

Фасмер М., 670

Фатеев В. А., 619, 649

Февр Л., 56

Федюкин И. И., 17, 171, 173, 196

Фельдман М. А., 100

Феоктистов Лев Петрович (1928–2002), советский и российский физик-ядерщик, 630, 632, 633, 635, 639, 641, 643, 644

Феофан (Прокопович) (1681–1736), архиепископ Новгородский, вице-президент Святейшего синода, 161, 162

Феофанов А., 98

Фефилов Федор, сибирский сын боярский, административный деятель Сибирской губернии в годы реформ Петра I, 345

Филд Д., 177

Устрялов Николай Васильевич (1890–1937), русский правовед, философ и политический деятель, основоположник русского национал-большевизма, идеолог «сменовеховства», 276

Устьянцев С. В., 529, 530, 531

Ушаков Родион Тимофеевич (1662–1724), подполковник, вице-президент Тобольского надворного суда в 1722–1724 гг., 344

Ушакова С. Н., 100, 102

Филипков Павел, маркшейдер, 378

Фирсова Н., 40

Фицпатрик Ш., 69, 265, 299, 465

Флёров Георгий Николаевич (1913–1990), советский физик-ядерщик, 611, 614, 617

Флоровский А. В., 148

Фома Аквинский (1225–1274), 157

Фомичева И. А., 649

Фонвизин Денис Иванович (1745–1792), 185, 186

Фостер Д., 72, 73

Франк Д. Дж., 26

Фриз Г. Л., 46, 74, 75, 76, 77, 78, 86, 127, 137, 154, 222, 224, 234, 253, 254, 661, 662

Фуко М., 58, 59

Фукс Эдуард Яковлевич (1834–1909), российский юрист, государственный и общественный деятель, 436

Фюре Ф., 56, 58

Х

- Хагерстранд Т.*, 33
Хайду Дж., 26
Хальбвакс М., 55
Ханум Тамара Артемовна (1906–1991), советская узбекская танцовщица, певица, актриса, хореограф, 544
Харитон Юлий Борисович (1904–1996), советский физик-теоретик, физиохимик, 617, 618, 621, 622, 633, 637, 638
Харламов Александр Ермолаевич (1910–1986), второй, первый секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ, 523
Хафтон О., 72
- Хелли Р.*, 137, 353, 354, 356, 357, 358, 359, 362
Хлевнюк О. В., 101, 466, 515, 517, 518, 519, 520, 521
Хлопин Виталий Григорьевич (1890–1950), советский радиохимик, 614
Хованский Иван Андреевич (? — 1682), кн., военный и политический деятель, 326
Хорош Иосиф Львович (1895–1937), заведующий Свердловским областным финансовым отделом, 476
Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), 100, 523, 527, 567, 586, 589, 635, 642, 643
Хэмсон Л., 78

Ц

- Цехер Лев Абрамович, заведующий отделом школ и науки Свердловского обкома ВКП(б) 499, 500, 501, 517
Цинегир, 160
Цицерон Марк Туллий (106–43 гг. до н. э.), 157
- Цыганов И. С., советский государственный и партийный деятель, 533
Цырков Георгий Александрович (1921–2001), государственный деятель, ученый, 640, 641

Ч

- Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), 48
Чаянов А. В., 69
Челинцев А. Н., 69
Черемхин Н. С., первый секретарь Надеждинского горкома ВКП(б), 514
Черепнин Л. В., 148, 322, 324
Черкасова А. С., 367, 369, 371, 372, 374, 377
Черкасова О. Г., 347
Черкасский Алексей Михайлович (1680–1742), кн., сибирский губернатор, 345–346
Черкасский Михаил Яковлевич (? — 1712), князь, тобольский воевода, 343
Черная Л. А., 128
Чернев А. Д., 491
Черников С. В., 95, 96

- Чернобаев А. А.*, 491
Чернобровкин, староста, 378
Черноухов А. В., 416
Чернышев Григорий Петрович (1672–1745), гр., генерал-аншеф, русский государственный деятель, 364
Чернышев Захар Григорьевич (1722–1784), гр., генерал-фельдмаршал, русский государственный деятель, 145, 146
Чистяков О. И., 295
Чудновский Самуил Гдальевич (1889–1937), сотрудник советских спецслужб и судебных органов, 470, 471
Чуев Ф., 610
Чуйкина С. А., 102
- Ш**
- Шадт А. А.*, 102
Шанин Т., 69
Шаркова И. С., 139
Шатковская Т. В., 93
Шаттенберг С., 100
Шафиров Петр Павлович (1669–1739), бар., российский государственный деятель, 418
Шахгильдян В. П., член бюро Свердловского обкома ВКП(б), начальник Управления Свердловской железной дороги, 470, 477
Шахова А. Д., 657
Шаховской Григорий Петрович, кн., 361
Шашков А. Т., 350
Шварев Алексей Александрович, советский партийный деятель, 532
Швейковская Е. Н., 334
Шверник Николай Михайлович (1888–1970), советский партийный и государственный деятель, 464
Шевырев С. П., 427
Шекспир Уильям (1564–1616), 157
Шестаков, секунд-майор, 391
Шестаков В. А., 101
Шестаков В. М., второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б) (1948–1950), 534
Шепелев Аггей Алексеевич (? — 1688), командир выборного солдатского полка, 330
Шипулин В. А., 612
Ширле И., 46, 49, 96, 137, 147, 148
Шисслер Х., 72
Шитце Герман, прокурор Лифляндской губернии (1861–1867), 439
Шиханович Ю., 626
Шиходыров В. И., заместитель председателя Свердловского облисполкома, 500, 503
Шкаратан О. И., 102, 103, 609, 676
Шкерин В. А., 416
Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954), советский государственный и партийный деятель, 553, 554
Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937), революционер, лидер группы «рабочей оппозиции», советский государственный деятель, 275
Шмелева М. Н., 443

Шмидт С. О., 100

Шмонин А., 540

Шоню П., 54

Шопар Ж.-Н., 65

Шпальдинг Иоганн-Иоахим
(1714–1804), протестантский
богослов, 190

Шубрт И., 28

Щ

Щедрина Ю. В., 425

Щеголин Владимир Петрович, купец,
совладелец Московской суконной
мануфактуры в 1720–1730-х гг., 141,
142

Щербаков П. М., секретарь Новоля-
линского райкома ВКП(б), 469

Шуйский Василий Иванович (1552–
1612), русский царь (1606–1610),
327, 357

Шульженко Клавдия Ивановна
(1906–1984), 544

Шумаев Михаил Петрович (1924–
1995), советский физик-теоретик, 635

Шумпетер Й., 69

Шунков В. И., 340, 349

Э

Эверсман Александр-Герхарт (1759–
1837), горный администратор,
первый директор Златоустовской
оружейной фабрики, 409, 418

Элиас Н., 28, 29, 30, 60, 64

Эндрюс Ф., 636, 638

Эпаминонд, древнегреческий
полководец, 160

Щербатов Михаил Михайлович
(1733–1790), кн., 148, 149, 150

Щербина А. И., 644

Щёлкин Кирилл Иванович (1911–
1968), советский ученый,
физик-ядерщик, 616, 622, 630, 631,
633, 635, 641, 642, 643

Щёлкин Ф. К., 637, 643

Эрисман Федор Федорович (1842–
1915), врач-гигиенист, 455

Эскин Ю. М., 130

Эстеб Ж., 62

Эфрон Илья Абрамович (1847–1917),
издатель, 210

Ю

Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок.
127), римский поэт-сатирик, 170

Юревич А. В., 638

Юшков С. В., 677

Я

Якоби, врач, 455

Яковлев А. И., 355, 356

Яковлев Гавриил Саввич, заводовла-
делец, 381, 382, 389, 390

- Яковлев (Собакин) Савва Яковлевич (1712–1784), купец, заводовладелец, родоначальник династии Яковлевых, 376, 381, 382
Яковлевы, заводовладельцы, 375, 377, 379, 384, 386, 394
Яковцев И. Н., слесарь, 543
Якушина О. И., 39
Ямалетдинов С. Ф., 624, 625, 626
- Agulhon M.*, 62
Anheim E., 90
Balzer H., 68, 423
Bartlett R. P., 415
Becker G. S., 609
Bedarida F., 57
Berelowitch A., 319
Bernanos G., 60
Boltanski L., 59
Borisov V. E., 340, 347
Brown K., 623
Burrage M., 69
Bush M. L., 65
Camén H., 67
Chaunu P., 54
Chopart J.-N., 65
Clarke M., 89
Confino M., 78, 86, 90
Daumard A., 56, 58
Depretto J.-P., 70
Dolan C., 63
Dosse F., 60, 61, 62
Durand Y., 56
Estèbe J., 62
Fedyukin I., 171
Field D., 177
Fischer W., 426
Fitzpatrick Sh., 69
Foster J., 73
Freeze G., 74, 86, 661
Friedrich G., 426
Furet F., 56, 58
Green N., 62
Grenier J.-Y., 90
Grelon A., 62
Grusky D. B., 610
Hagerstrand [T.], 33
Haimson L. H., 78, 79
Hasselblatt A., 427
Joys P., 65
Kieter Konstantin von, 439
Kivelson V., 323
Labatut J. P., 56
Lepetit B., 60
Levin-Stankevich B., 423
Lilti A., 90
Lundgreen P., 426
Madariaga I., 85
Martin C., 65
Martin J.-C., 63
Mousnier R., 56, 89, 90
Nassiet M., 62
Neef E., 5
Noiriel G., 62

- Ory P.*, 62
Otto G., 427
Perez S., 63
Perrot J.-C., 59
Perrot M., 63
Pocock J. G., 45
Prost A., 54
Raeff M., 338
Ransel D. L., 84, 185
Reddy W. M., 70, 71, 72, 73
Rieber A. J., 78, 87, 88
Ripa Y., 63
Rosenberg H., 21
Schultz T., 609
Scott H. M., 85
Seed J., 66
Shanin T., 69
Siegel B. J., 356
Sirinelli J.-F., 62
Sorensen A. B., 610
Stedman-Jones G., 73
Sumpf A., 70
Thébaud F., 63
Thevenot L., 59
Tilly Ch., 426
Timberlake C. E., 68
Thompson E. P., 73
Tomilovs, 340, 347
Topalov C., 62
Weber M., 70
Wirtschaftler E. K., 69, 80, 81, 82, 83
Wortman R., 423, 431, 432

Summary

Chapter I. Understanding the Social

The first chapter describes different approaches in the historical discipline to studying the peculiarities of social stratifications. Special emphasis is placed on the sociology of A. Giddens, N. Elias, R. Collins, and G. Tarde and the «new social history». The chapter also discusses the fate of class as an explanatory concept for social studies. However, it is *soslovie* (estate), not class, that is the focus of the research, as the chapter goes on to analyse the problems of *soslovie* in the works of G. Freeze, A. Riber, M. Confino, and E. Wirtschafter.

The first tendency in these works emerges from a transformed Marxist historical analysis, in which economic relations were substituted for juridical status. The focus shifts to the state legislation that determined the social status of each particular group. The second tendency emphasizes the relation of juridical status and informal social practices, inquiring into the ordinary lives of specific communities. Meanwhile, the third tendency highlights practices of self-description, analyzing the processes of constructing social identities. All of these tendencies led towards the revision of «macrosociological» patterns, promoting instead more specific, case-oriented research, even though some authors, like B. Mironov or N. Ivanova and V. Zheltova, still propose large-scale explanatory models. An original methodological scheme for studying social stratifications is proposed in the final part of this chapter.

Chapter II. Constructing the Social

The second chapter deals with examples of social construction undertaken by Russian elites from the end of the 17th to the mid-20th centuries.

Striving to impose a structure upon society, the ruling elites were inspired by their own needs and discourses. These structural models, described with specific terms and narratives, were fixed in a number of authoritative texts. Even though historians no longer argue that these texts present «objective» social reality, these discourses still deserve the most thorough investigation.

The Muscovite state utilised a set of social classifications; concepts of *lyudi* or *chin* were used to denote large social groups. The vision of social structure was not singular, for different classifications were used in different cases. Westernization in the early 18th century replaced these connected classifications with a more or less regular vision that could be presented as a «table» in which every category had its own «cell». Such regularity was combined with an innovative understanding of the

social role of the ruling elite, which was now determined to be a united *nobility* (*dvoryanstvo*) rather than an aggregation of noble and boyar clans. In the second half of the 18th century, the state elites were trying to fit the remaining social categories of the different *chiny* into the clear and well-ordered new system. They struggled with the sheer variety of concepts, such as *chin*, *rod*, *klass*, and *sostojanie*. Simultaneously, a new concept of *soslovie* emerged to describe the nobility as a specific social group capable of self-rule, that is, a corporation. From the beginning of the 19th century, the scope of *soslovie* was broadened, and it started to serve as a generic term denoting a social group (corporation) within which members inherited their status.

Different conceptual strategies to shape the social structure were used by different elite groups. For instance, the 18th-century clergy utilised social categories in a functionalist way (similar to a classical fable of the belly and the members), while the ideologues of noble privileges emphasized *virtue* (understood primarily as the ability to follow the common good autonomously) as a socially conditioned quality. The nobility ceased to be a group of «warriors» and «judges», as it was presented in the language of sermons and panegyrics, and started to be a group of virtuous landowners. This led to tensions in the Legislative Commission of 1767, where the two conceptual strategies collided. In addition, there was a powerful discourse describing the social hierarchy as meaningless, stressing the overall equality of people as human persons subjected to the same passions and illnesses, which gave rise to egalitarian views on the social universe.

The constant attempts of the state to put the social structure in order resulted in the huge classifications of the 19th century. The conceptual jumble was as strong as ever, but now the term *soslovie* was in the spotlight; in general, the important feature of *soslovie* was the right of self-rule. The term *sostojanie* had a broader meaning than *soslovie*, since it did not include the notion of right to self-rule. Meanwhile, certain government bodies used different concepts of *sostojanie*. The «*Zakon o sostojanijah*» named 63 (78) categories of *sostojanija*, the papers of the Central Statistic Committee enumerated 68 categories of *soslovija*, the «*Ustav o podatjah*» included 35 (52) categories of *sostojanija*, the regulations of the 10th tax revision listed 125 categories of *sostojanija*, and the academic P. I. Keppen, who studied the Russian population in the 1850s, merged several hundred social categories into just 79. The regional specifics (usually neglected by researchers) made the whole picture very complicated.

The situation changed dramatically after 1917. The Soviet establishment, while trying to simplify the social structure in the creation of a non-hierarchical, socialist society, was in fact erecting a new social hierarchy based upon education. The primary impulse for this was hidden in the desire of Soviet leaders to create an industrial economy. Thus, the Communist Party was simultaneously declaring the extinction

of social classes and the rise of a hierarchy of state industry, in which people were differentiated in terms of their relationship to production. The process of production was a powerful factor generating hierarchy. The two main ways (class analysis and a «cultural» approach) in which the Bolshevik elites discussed social stratification created a specific vision of social structuration. On the one hand, it was simple and included several large categories declared to be equal (moving from class dictatorship towards the «Soviet Motherland» of 1936), but, on the other hand, it was complicated and hierarchical, based on access to hard-to-obtain goods. The core of the hierarchy was now formed by the social group officially described as «engineers», the proletariat's own *intelligentsia*; theoretically a product of the working class, it also served as an example towards which the best and most conscious workers had to strive. The cooptation of administrators of production, based upon educational qualifications, created a hierarchy among the allegedly calm and homogenous space of equal «labourers» in the classless Soviet society propagated by Stalinist ideologues.

Chapter III. Social Patterns

The third part moves from generalizations to specific historical cases.

Russian society in the 17th century was on the way to the formation of estates. The 17th-century nobility possessed a number of legal privileges and duties, noble status was inheritable, and there was even an embryonic form of corporate self-governance. Some other archaic groups like the kholops, an eroding social group that absorbed members of different strata, totally disappeared and were abolished by the beginning of the 18th century. However, regional specifics (as shown in materials from the Urals and Siberia) inhibited the whole process; the archaic forms of social organization that survived in some parts of the Russian Empire even in the 18th century at times formed something like a parallel reality, forcing the government to seek ways to describe this diversity.

At times, social identity was to be found in external pressure. The social group of the *vechnootdannye* in the Urals factories demonstrates the role of governmental efforts in promoting group identity, though in an unusual way. The *vechnootdannye* were an aggregate of individuals from various strata living in the factories and performing certain duties. This amorphous community transformed into a consolidated group due to external pressure from the factory owners, who tried to dissolve the *vechnootdannye* among the serfs. Such attempts led to litigation, in which the *vechnootdannye* successfully promoted their specific status by means of existing legislation.

Legislative and customary distinctions were definitive for yet another group, the European specialists in the Urals iron factories. These specialists believed that their status was determined by their contracts. Indeed, the Russian government treated them as a specific group, though it believed their status to be determined not by their contracts but by the specific professional tasks which they had to perform. In addition, these specialists retained a specific status by virtue of their «otherness».

Sometimes professional status alone was able to provide a group with strong sense of identity. Such was the case for the jurist corporation that emerged in the 1860s. It crystallized from the «microcorporation» of graduates from the Imperial School of Law: this process was bolstered by the judicial reform of 1860–1864. By the end of 1868, this group included 380 jurists, the seed of a future professional corporation with a specific legal status and education.

The increasing complexity of stratification was mirrored in the media of the early 20th century. Newspapers and journals promoted new ways of life, with an emphasis upon new approaches to house-keeping, fashion, and education. The complicated urban culture at times produced surprising combinations of different cultural tendencies. In many cases, these innovations did not run deep. However, the lack of regulation in the field of fashion consumption promoted individual choice, paving the way to modern society.

In the Soviet period of Russian history, party *nomenklatura* is of particular interest. While the Stalin years were turbulent for local groups of party bureaucrats (as shown in detail with the example of I. D. Kabakov, the once-powerful party leader of the Urals *oblast*), by Brezhnev's era the situation had stabilized as the Soviet leadership strove for continuity in the way the cadres were managed. In the Chelyabinsk *oblast*, for instance, by the end of Brezhnev's era (1976–1980) first secretaries of the city and district committees had a renewal rate of 13 %, second secretaries of 23 %, and third secretaries of 19,3 %. The ageing that was so disastrous at the level of Politburo did not affect the regional elites, where the average age was 40–55 years. In terms of gender, this group was predominantly male; the highest percentage of women in the party elite of the Chelyabinsk region was achieved in 1975, counting for 17,5 %. The educational level of the local party elite also changed: almost one third had a technical education, and in the 1970s some secretaries also possessed academic degrees. Yet the domination of technocrats in the party establishment hid a danger, since these industrial and agrarian leaders were often indifferent to communist ideology, treating it as a formal ritual.

While *nomenklatura* was by definition a ruling bureaucratic group, composed of males approximately 40–55 years of age and with an industrial background, which coopted members on the basis of their education and ability to organize industrial

activity, there existed different means of social stratification in Soviet society, ones based upon a common ethos. Take, for example, the «nuclear ethos» developed by the narrow circle of Soviet scientists who worked for the atomic project and which later spread over all the inhabitants of Soviet «nuclear» cities. Such an ethos presented nuclear production as a morally valuable and virtuous deed, since it kept the world away from atomic war. This commitment was widely shared by all members of the «atomic community», regardless of their hierarchical status. Members of this community considered themselves not merely as a privileged group, but as a people called upon to complete a honorable mission. This «atomic» corporation developed its own subculture, which supplemented the official hierarchy of positions and power with a hierarchy of professionalism and personal qualities, thus erasing the difference between different parts of the hierarchy.

Do we still need the estate (*soslovie*) paradigm — borrowing the term from M. Confino's famous article — to study Russian history? We provide a positive answer to that question. First, the nature of Russian society was «ascriptive», based upon the normative status of social groups. Indeed, state regulations were anything but empty in Russia. Second, the estate paradigm provides the most versatile semantic variations for the description of social processes, since the attempts to transplant original historical concepts (like «*chin*» or «*lyudi*») into modern research practices has proven unsuccessful.

However, over the centuries the Russian government not only supported a balance of interests with the elites, but also maintained a compromise with most of the influential social groups. Such a purpose was achieved through a combination of manipulation and violence. Hence, this project of social construction might be called «*reactive*». The governmental efforts to create a relatively «simple» and normatively described social structure were not caused by some kind of «despotism» but by a desperate attempt to impose a structure upon social things that could not be structured in principle. The successful emergence of the state depended upon a stable social consensus.

We might say that class and estate hierarchies were mutually dependent. The increasing complexity of economic life made the government reshape social regulations. The net of economic relations entangled the rungs of the estate (*soslovie*) structure, producing both new forms of sociality and new tensions.

An alternative model was presented by Bolshevik social thought. The Stalinist economic program, aimed at building socialism in a single country through the use

of internal resources, led to the emergence of a specific form of social stratification, which could be described as both «*ascriptive*» and «*proactive*». Behind the loud declarations of the equality of Soviet citizens in the Constitution of 1936, social organization combined harsh inequality and violence with intense social mobility. The latter factor prevents us from treating this stratification as a new version of *soslovie*: the planned economy generated mobility both vertically and horizontally, since it permanently increased industrial production across the Union and created new working places. A clear example of this is provided by the «atomic community».

Оглавление

Введение.....	5

Раздел I. Осмысление социального

Глава 1. Адаптация социологических моделей в исторических исследованиях: «исторический поворот» в социологии.....	21

1.1. Историческая социология в поисках методологических оснований теории «среднего уровня».....	27

1.2. Прочтение истории социума: проблема языка и метода интерпретации.....	44

Глава 2. «Новая социальная история»: в поисках исследовательских подходов и определения генерализирующих понятий.....	53

2.1. Реконструируя историческое прошлое: от социальных структур к сетям и индивидам.....	54

2.2. Социальные категории «класс» и «сословие» в зарубежной историографии: необходимая условность или адекватный инструмент описания исторической реальности?.....	63

2.3. Россия и Европа: проблема сопоставления социальных ландшафтов..	74

2.4. Социальная история России Нового времени: опыт отечественной историографии XX – начала XXI столетия	91

Раздел II. Конструирование социального

Глава 1. Государственная политика в сфере социального структурирования: правительственный дискурс и законодательное регулирование (XVII – начало XIX в.).....	127

1.1. «Люди» Московского царства.....	127

1.2. На пути к империи «чинов».....	137

1.3. Империя и ее «государственные чины».....	143

1.4. Пришествие «сословий».....	149

Глава 2. Социальная структура в представлениях российской элиты XVIII в.: неправительственный дискурс.....	155

2.1. Функционалистский подход: «должности», добродетели и воздаяние.....	156

2.2. Социологический подход: на пути к априорному признанию дворянской исключительности.....	168
2.3. Функция против социологии.....	179
2.4. Эгалитаристский подход: добродетель против иерархии?	189
Глава 3. Социальная структура Российской империи в XIX – начале XX в.: эволюция сословий?.....	198
3.1. Социальная структура империи в «Законах о состояниях».....	199
3.2. Социально-правовая структура в материалах административно-полицейской переписи 1858 г.....	226
3.3. Сословная структура России в «Уставе о податях».....	234
3.4. В интересах фиска: перечни состояний в уставах ревизий.....	240
3.5. «Исследование о числе жителей России» академика Кепшена.....	250
Глава 4. Социальная инженерия советской власти.....	265
4.1. Социальные страты в «Азбуке коммунизма».....	266
4.2. Неравенство, бюрократия и оппозиция в ВКП(б).....	273
4.3. Бесклассовое общество и «морально-политическое единство»	283
4.4. Производство, ИТР и культурная стратификация.....	298
4.5. ИТР-архия.....	309
Раздел III. Модели социального	
Глава 1. Служилые люди: от квазикорпораций к сословию (временная динамика и территориальный фактор).....	318
1.1. Служилые люди европейской части России XVII в.: эволюция социальной общности.....	318
1.2. Служилые люди в России XVIII в.: региональные траектории развития (урало-сибирский вариант).....	332
Глава 2. Холопы: институт, не ставший кастой.....	353
Глава 3. Борьба за юридический статус: уральские вечноотданные XVIII в.	363
3.1. Рожденные в конфликте интересов: как появились вечноотданные... ..	363
3.2. «Богатство и сила превозмогало всякое правосудие»: тяжбы 1780-х и финал 1790-х гг.....	376

Глава 4. «Чужие среди своих»: социальный статус иностранных специалистов в России XVIII – первой половины XIX в.....	397
Глава 5. Становление корпорации юристов на государственной службе Российской империи.....	421
Глава 6. Социальные маркеры в зеркале прессы начала XX в.....	442
6.1. Рационализация быта.....	446
6.2. Феномен моды.....	456
6.3. Проблемы воспитания и образования.....	459
Глава 7. Региональная партийная номенклатура от Сталина до Брежнева: социальный портрет.....	464
7.1. «Культь кадров»: региональные номенклатурные кланы довоенного периода.....	464
7.2. Парадоксы военного времени: авторитаризм vs вождизм?.....	525
7.3. Дисциплинирование региональных элит: между «чистками» и «критикой снизу».....	533
7.4. Региональная партийная номенклатура в брежневскую эпоху.....	564
Глава 8. «Атомная» общность советского ядерно-оружейного комплекса (1940–1970-е гг.).....	605
8.1. Конструирование «атомной» общности.....	605
8.2. Социальная профессионально-территориальная «атомная» общность корпоративного типа.....	617
8.3. Многомерная социальная стратификация «атомной» общности.....	622
8.4. Региональная наука в структуре «атомной» общности: самопрезентация, внутренняя структура и идентичность.....	629
8.5. «Атомная» идентичность.....	645
Решетки и сети (вместо заключения).....	653
Список сокращений.....	677
Алфавитный указатель имен.....	679
Summary.....	710

Contents

Boundaries and Markers of Social Stratification in 17th – 20th-Century Russia (Vectors of Research)

Introduction. <i>By Dmitry Redin</i>	5

Chapter I. Understanding the social

Part 1. The Adaptation of Sociological Models in Historical Studies:

A «Historical Turn» in Sociology. <i>By Dmitry Redin and Dmitry Timofeev</i>	21
1.1. Historical Sociology in the Search for a Methodology of the Theory of the «Middle Level».....	27
1.2. Reading the History of Society: the Problem of Language and the Method of Interpretation.....	44

Part 2. The «New Social History»: Searching for Approaches and Generalizing Concepts. *By Olga Ermakova, Natalya Melnikova and Dmitry Redin*.....

2.1. Reconstructing the Historical Past: from Social Structures to Networks and Individuals.....	54
2.2. Class and Soslovie in Western Historical Studies: Necessary Convention or an Adequate Tool for the Description of Historical Reality?.....	63
2.3. Russia and Europe: Comparing Social Landscapes.....	74
2.4. The Social History of Modern Russia: Russian Historiography of the 20 th and 21 st Centuries.....	91

Chapter II. Constructing the social

Part 1. State Policy in Social Structuring: Governmental Discourse and Legal Regulations (17th and 18th centuries). *By Mikhail Kiselev*.....

1.1. «Lyudi» of the Muscovite Tsardom.....	127
1.2. On the Way to the Empire of «Chiny».....	137
1.3. Empire and Its «State Ranks».....	143
1.4. The Arrival of «Soslovie».....	149

Part 2. Social Structure in the Thought of the 18th-century Russian Elite: a Non-Governmental Discourse. <i>By Konstantin Bugrov</i>.....	155
2.1. The Functionalist Principle. «Offices», Virtue, and Retribution.....	156
2.2. The Sociological Principle. Towards the Apriority of Noble Exclusiveness.....	168
2.3. Function versus Sociology.....	179
2.4. The Egalitarian Principle. Virtue versus Hierarchy?.....	189
Part 3. Social Structure of the Russian Empire in the 19th and early 20th Centuries: The Evolution of Estates? <i>By Georgy Shumkin</i>.....	198
3.1. The Social Structure of Empire in «Zakon o Sostoyaniyah».....	199
3.2. Social and Legal Structure by the Census of 1858.....	226
3.3. Estate Structure of Russia in «Ustav o Podatyah».....	234
3.4. The Fiscal Interest: Lists of Social Groups in Ustavy Revizii.....	240
3.5. Academic Keppen’s «Study of the Number of Russia’s Inhabitants».....	250
Part 4. The Social Engineering of Soviet Power. <i>By Konstantin Bugrov</i>.....	265
4.1. Social Stratification in the «ABC of Communism».....	266
4.2. Inequality, Bureaucracy, and Opposition in VKP(b).....	273
4.3. Classless Society and «Moral – Political Unity».....	283
4.4. Production, Engineering Cadres, and Cultural Stratification.....	298
4.5. The ITR-archy.....	309

Chapter III. Models of the social

Part 1. Sluzhilye Lyudi: from Quasi-Corporation to Estate (Temporal Dynamics and Territorial Factors). <i>By Vladimir Arakcheev and Elena Borodina</i>.....	318
1.1. Sluzhilye Lyudi of European Russia in the 17 th century: the Evolution of Community.....	318
1.2. Sluzhilye Lyudi in 18 th -century Russia: Regional Trajectories of Development in the Urals and Siberia.....	332
Part 2. Kholops: an Institution that did not became a Caste. <i>By Vladimir Arakcheev</i>.....	353
Part 3. The Struggle for Juridical Status: Vechnootdannye in the 18th-century Urals. <i>By Dmitry Redin</i>.....	363

3.1. Born in the Conflict of Interest: the Emergence of Vechnootdannye.....	363
3.2. «Wealth and Power Conquered Justice»: Litigations of the 1780s and 1790s.....	376
Part 4. «Strangers among Their Own Kind»: Western Specialists in the Ural Factories in the 18th and 19th centuries. By <i>Olga Ermakova</i>.....	397
Part 5. The Emergence of the Jurist Corporation in Russia's State Service. By <i>Oleg Serov</i>.....	421
Part 6. Social Markers in the Newspapers of the Early 20th Century. By <i>Olga Yakhno</i>.....	442
6.1. The Rationalization of Everyday Life.....	446
6.2. The Phenomenon of Fashion.....	456
6.3. Problems of Education.....	459
Part 7. Regional Party Nomenklatura from Stalin to Brezhnev: a Social Portrait. By <i>Andrey Sushkov and Sergey Vorobyev</i>.....	464
7.1. «The Cult of Cadres»: Local Nomenklatura Clans in the Pre-War Period.....	464
7.2. Paradoxes of War Time: Authoritarianism vs. a Cult of Leaders?.....	525
7.3. Disciplining the Regional Elites: between «Purge» and «Criticism from Below».....	533
7.4. Regional Party Nomenklatura in the Age of Brezhnev.....	564
Part 8. The «Atomic» Community of the Soviet Military Complex (1940s – 1970s). By <i>Natalya Melnikova</i>.....	605
8.1. Creating the «Atomic» Community.....	605
8.2. The «Atomic» Corporation.....	617
8.3. Varieties of Stratification within the «Atomic» Community.....	622
8.4. Regional Science in the «Atomic» Community: Self-representation, Internal Structures, and Identity.....	629
8.5. The «Atomic» Identity.....	645
Conclusion. Grids and nets. By <i>Dmitry Redin</i>.....	653
Abbreviations.....	677
Index.....	679
Summary.....	710

Рецензенты:

С. Диксон, профессор (Университетский колледж Лондона);
О. Е. Кошелева, доктор исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН, Москва);
И. В. Побережников, доктор исторических наук
(Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург)

**ГРАНИЦЫ И МАРКЕРЫ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
РОССИИ XVII–XX вв.:
векторы исследования**

Монография

Редактор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеева*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.
Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by
в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Подписано в печать 24.12.2017. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 41,85.
Уч.-изд. л. 43,0. Тираж 500 экз.